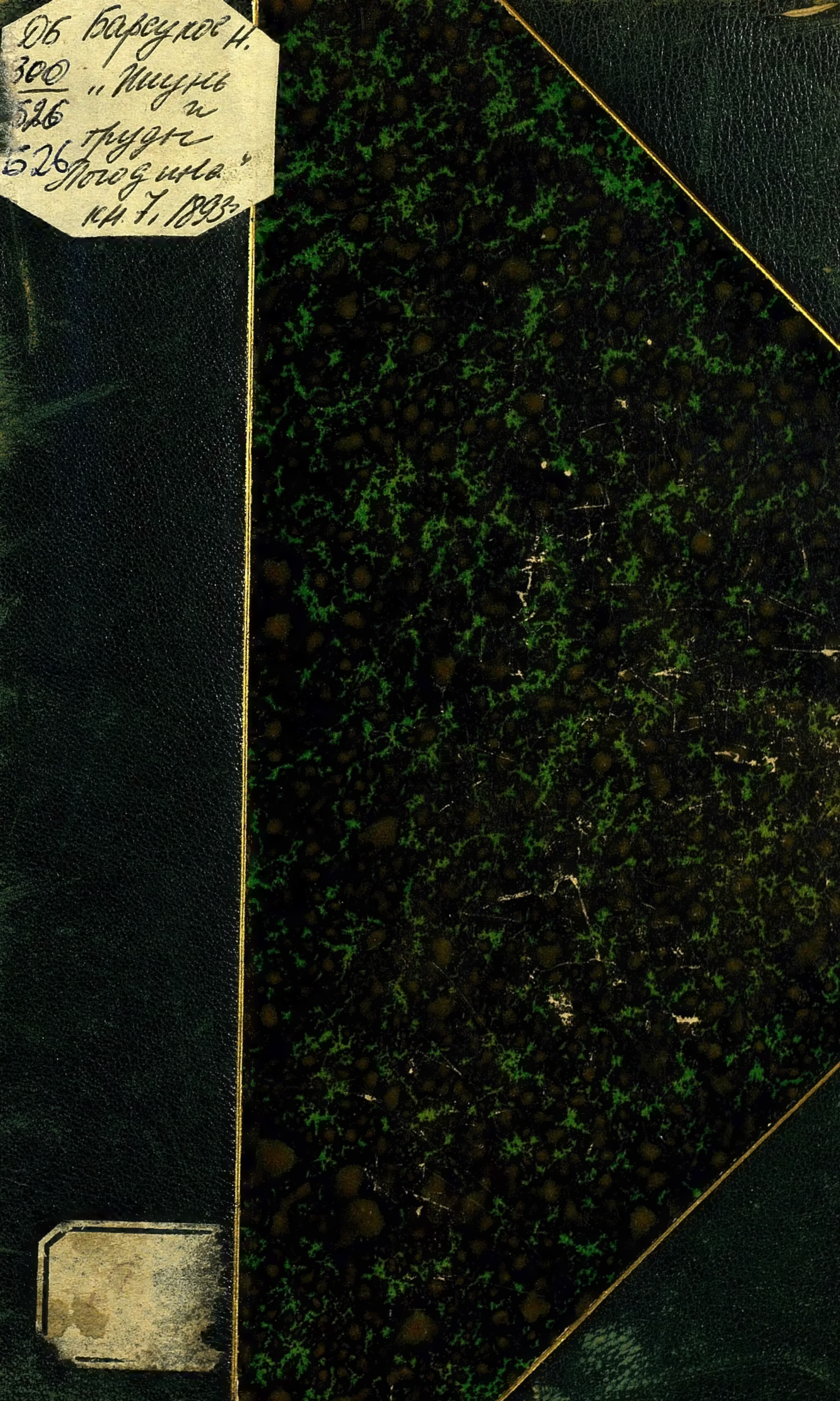
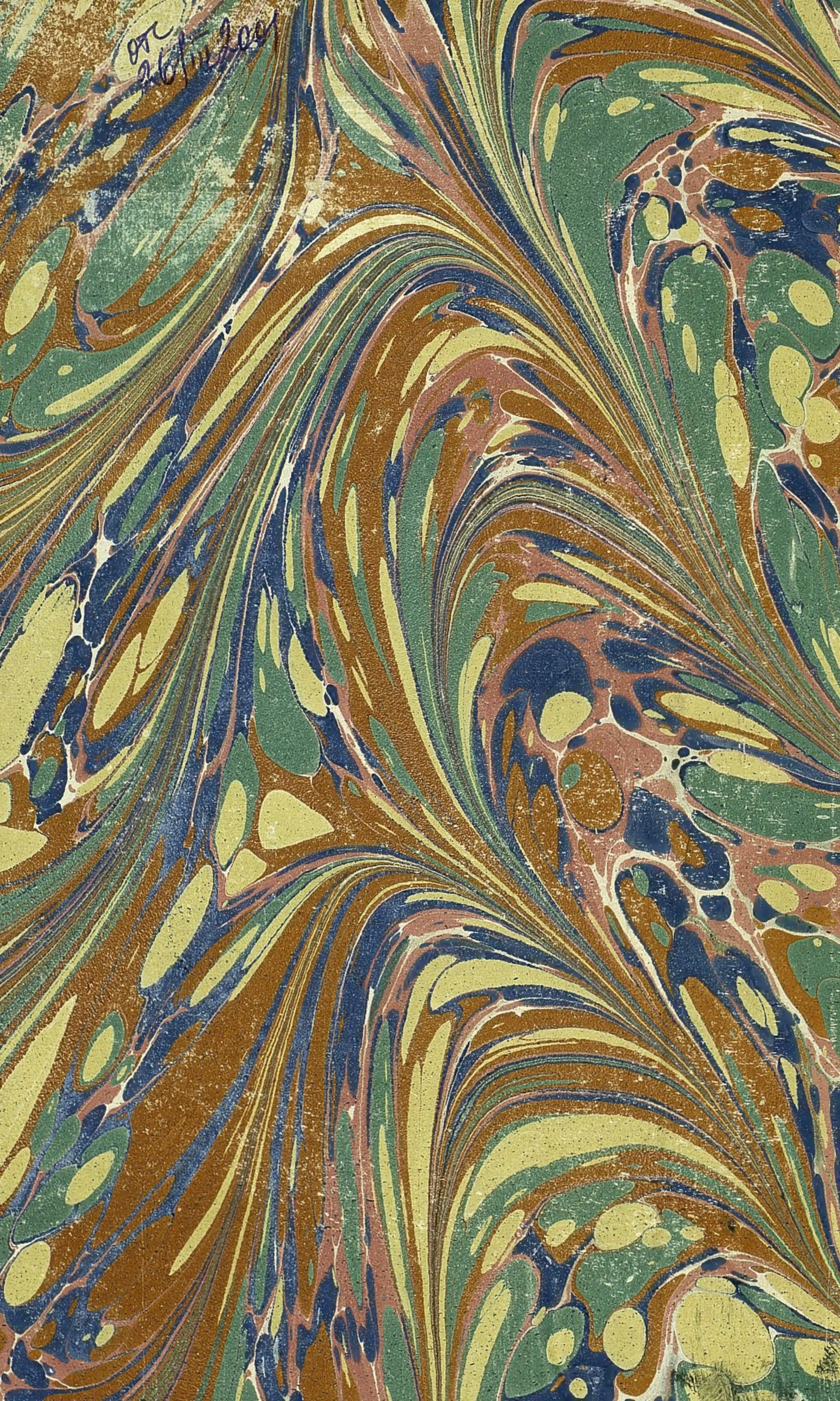

Об Барсуков Н.
300 „Жизнь
526 и
526 труды
526 Погодина"
кн. 7, 1893 г.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

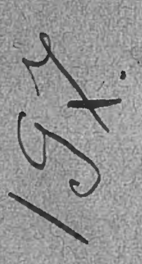
Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Кабинетъ М. П. Погодина, въ Московскомъ его домѣ
на Дѣвичьемъ полѣ. 1836-1875г.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

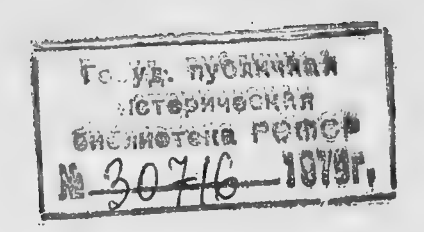
«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

2068

Седьмою книгою завершается повѣсть о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина въ теченіе перваго, важнѣйшаго періода его жизни, до оставленія имъ каѳедры Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Этотъ періодъ обнимаетъ время съ 11-го Ноября 1800 по 31-е Декабря 1844 года.

Каждая книга сего труда, благоговѣйно представляемая Государю Императору, удостоивалась Всемилостивѣйшаго воззрѣнія нашего Монарха. Это одушевляло и одушевляетъ меня къ неуклонному продолженію моего *дѣланія*, имѣющаго цѣлью напомнить Русскому Обществу о великомъ прошломъ духовной жизни отцевъ нашихъ.

Съ твердою вѣрою въ полезность предпринятаго дѣла совершался сей трудъ, и не безъ тяжкой борьбы съ разными неблагопріятными обстоятельствами. Но, съ каждою новою книгою все болѣе и болѣе проявлялось благосклонное отношеніе къ моему труду со стороны общества, крѣпнувшаго въ новомъ, спасительномъ для него направленіи. И я съ отрадою усматривалъ въ этомъ оправданіе словъ святительскихъ: *гдѣ взоръ Государя, тамъ вниманіе народа.*

Труду моему много способствовало то счастливое обстоятельство, что я имѣлъ возможность быть въ непосредственномъ общеніи съ представителями Русской Исторіи, Русскихъ Древностей, Исторіи Русской

Литературы и нераздѣльно связанной съ послѣднею, Исторіи Русскаго общежитія. Каждому Русскому должны быть дороги имена этихъ приснопамятныхъ представителей Русской мысли, Русскаго духа: Высокопреосвященные митрополиты Кіевскіе: Филоѳей и Платонъ, Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій, Намѣстникъ Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, Павелъ Михайловичъ Строевъ, Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, Павелъ Александровичъ Мухановъ, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, Владиміръ Павловичъ Титовъ, Николай Аполлоновичъ Майковъ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ, Осипъ Максимовичъ Бодянскій, Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ, Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, Николай Ивановичъ Костомаровъ, Николай Васильевичъ Калачовъ, Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, Юрій Васильевичъ Толстой, Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Де-Пуле, графъ Владиміръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Валеріанъ Николаевичъ Гордѣевъ, Сергій Евгеніевичъ Маринъ *), Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ.

---

*) Скончался 16 октября 1892 года, въ С.-Петербургѣ, и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ. Онъ былъ сынъ Александровскаго полковника Конной Гвардіи Евгенія Никифоровича Марина и родной племянникъ извѣстнаго писателя, флигель-адъютанта Александра Благословеннаго, Сергія Никифоровича Марина—друга князя Михаила Семеновича Воронцова (См. *Архивъ князя Воронцова.* Москва. 1889. Кн. XXXV). Со стороны матери, Варвары Александровны Сонцовой, Сергій Евгеніевичъ Маринъ находился въ близкомъ родствѣ съ извѣстнымъ ученымъ Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ; по мѣсту же первоначальнаго воспитанія, въ Воронежскомъ Пансіонѣ, Маринъ былъ товарищемъ Н. В. Станкевича и Н. И. Костомарова.

Съ признательностью помяну и тѣхъ, хотя и менѣе близкихъ мнѣ лицъ, но живыми свидѣтельствами коихъ мнѣ многократно приходилось пользоваться: Преосвященнаго Порфирія, Ивана Петровича Липранди, Михаила Владиміровича Юзефовича, Алексѣя Дмитріевича Галахова, Алексѣя Николаевича Савича, Павла Парѳеновича Заблоцкаго-Десятовскаго, Ѳедора Васильевича Чижова, Измаила Ивановича Срезневскаго, Виктора Ивановича Григоровича, графа Петра Александровича Валуева, Василія Васильевича Григорьева, Александра Николаевича Попова, Константина Дмитріевича Кавелина, Сергія Михайловича Соловьева, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, Александра Александровича Котляревскаго, Николая Яковлевича Данилевскаго, Нила Александровича Попова, Ѳеофана Гавриловича Лебединцова, Ивана Петровича Новосильцова.

Всѣ эти отшедшіе отъ насъ отцы и братія, при жизни своей, удостоивали меня своими бесѣдами и перепискою. Эти бесѣды и эта переписка были назидательными уроками и по Русской Исторіи, и по Русскимъ Древностямъ, и по Исторіи Русской Литературы, и по Исторіи Русскаго общежитія. Онѣ же послужили мнѣ обильнымъ, разнообразнымъ коментаріемъ при описаніи жизни и трудовъ М. П. Погодина.

Памятуя слова эпиграфа, поставленнаго во главѣ моей книги, я неуклонно слѣдовалъ правилу: *побѣду описывать какъ побѣду, а пораженіе какъ пораженіе.* Только этимъ и объясняю, что мужи науки, академики и профессора, произнесли печатно и письменно, благопріятный приговоръ о моемъ трудѣ. Этотъ приговоръ послужилъ мнѣ великимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ

для продолженія моихъ занятій. Въ этомъ случаѣ сердечный долгъ обязываетъ меня заявить глубочайшую благодарность Высокопреосвященному Саввѣ, архіепископу Тверскому и Кашинскому; академикамъ: Якову Карловичу Гроту, Константину Николаевичу Бестужеву - Рюмину, Ѳедору Ивановичу Буслаеву, Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову, Василію Григорьевичу Васильевскому, Леониду Николаевичу Майкову, Михаилу Ивановичу Сухомлинову, Николаю Саввичу Тихонравову, Игнатію Викентьевичу Ягичу; почетному члену Академіи Наукъ барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру; профессорамъ: Владиміру Степановичу Иконникову, Дмитрію Ивановичу Иловайскому, Василію Осиповичу Ключевскому, Дмитрію Александровичу Корсакову, Владиміру Ивановичу Ламанскому, Николаю Алексѣевичу Любимову, Алексѣю Степановичу Павлову, Ивану Васильевичу Помяловскому, Ивану Петровичу Хрущову, Иларіону Алексѣевичу Чистовичу, а также достопочтенному путешественнику и оріенталисту Матвѣю Авелевичу Гамазову; Герасиму Артемьевичу Эзову; археографамъ: Павлу Ивановичу Савваитову, Александру Ильичу Тимоѳееву и Василію Егоровичу Румянцову; извѣстному родослову князю Николаю Николаевичу Голицыну и секретарю Императорскаго Русскаго Историческаго Общества Георгію Ѳедоровичу Штендману.

Благосклонное отношеніе къ моей книгѣ почтенныхъ представителей науки, печати и общества еще болѣе укрѣпили меня въ той мысли, что трудъ мой, предпринятый, между прочимъ, съ цѣлью повѣдать новымъ поколѣніямъ *дни минувшіе и рѣчи ужъ замолкшія давно*, не пропалъ даромъ.

Къ настоящей *седьмой* книгѣ прилагается изобра-

женіе достопамятнаго кабинета М. П. Погодина *), въ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. «Не многимъ удавалось», — по справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, — «подобно Погодину, прожить и пережить лѣтъ сорокъ дѣятельной работы въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ, въ томъ же сообществѣ любимыхъ книгъ на полкахъ, старинныхъ бумагъ въ витринахъ, завѣтныхъ портретовъ и бюстовъ по стѣнамъ». Въ этомъ кабинетѣ «сбирались всѣ находившіеся въ Москвѣ представители Русской Литературы и Науки въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ періодовъ ихъ развитія, отъ Карамзинскаго до Пушкинскаго и Гоголевскаго включительно, и до позднѣйшихъ временъ. Смѣнялись поколѣнія и направленія: одинъ Погодинъ не мѣнялся и былъ въ постоянномъ дружескомъ общеніи съ людьми всѣхъ возрастовъ и классовъ».

Николай Барсуковъ.

6 Сентября 1892.

Село Михайловское.
Подольскаго уѣзда Московской губерніи.

---

*) За сообщеніе снимка кабинета М. П. Погодина мы обязаны признательностью князю Николаю Николаевичу Голицыну.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Стран.

Стран.

I.

„Изнемогши подъ бременемъ трудовъ, хлопотъ, безпокойствъ и умножившихся до невѣроятности отношеній“ [1]), Погодинъ, чтобы отдохнуть, освѣжиться и полѣчиться, задумалъ въ 1842 году совершить заграничное путешествіе. Объ этомъ своемъ намѣреніи онъ писалъ въ Петербургъ къ своимъ друзьямъ — людямъ близкимъ къ Уварову, и получилъ отъ нихъ весьма благопріятныя извѣстія. Еще въ февралѣ, того же 1842 года, И. Т. Спасскій писалъ Погодину: „С. С. Уварову пріятно было бы видѣть васъ здѣсь, но онъ боится, чтобы вы не разстроили вашего здоровья поѣздкою въ такую дурную дорогу. Притомъ вы попали бы сюда въ такое время, когда балы, маскарады, пикники и прочая лишили бы его возможности удѣлять вамъ большую часть своего времени“. Въ томъ же письмѣ Спасскій писалъ и слѣдующее: „Сергій Семеновичъ готовъ дать вамъ свое благословеніе на поѣздку заграницу для поправленія вашего здоровья. Въ порученіи вамъ осмотрѣть гимназіи — училища Европы, Сергій Семеновичъ не видитъ теперь крайней надобности“. Въ то же время Комовскій писалъ Погодину: „Здѣсь носится слухъ, что вы, желая для поправленія своего здоровья отправиться за-границу, намѣреваетесь оставить университетъ: правда ли это?“ [2]).

Для разсѣянія ложныхъ слуховъ и для личнаго ходатайства о заграничномъ отпускѣ, Погодинъ, въ концѣ апрѣля 1842 года, отправился въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда, онъ

представилъ Уварову слѣдующую записку: „Профессоръ Погодинъ, по непремѣнному требованію врачей, для поправленія разстроеннаго своего здоровья, проситъ позволеніе отправиться на наступающее ваканціонное время въ Маріенбадъ, дабы воспользоваться тамошними минеральными водами. Не угодно ли будетъ начальству препоручить ему по окончаніи лѣчебнаго курса, на возвратномъ пути, посѣтить Копенгагенъ, гдѣ Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ вознамѣревается именно теперь приступить къ печатанію знаменитаго своего собранія *Antiquitates Rossicae* и имѣетъ крайнюю нужду въ указаніяхъ Русскихъ ученыхъ, что особенно важно и нужно для Русской Исторіи, въ показаніяхъ Сѣверныхъ Лѣтописей, Сагъ и прочихъ документовъ, и чѣмъ сіи послѣдніе могутъ быть дополнены, подтверждены и объяснены изъ Лѣтописей Русскихъ. Копенгагенское Общество, можно сказать, имѣетъ нѣкоторое право на такое содѣйствіе и вспомоществованіе съ нашей стороны, не только потому, что трудъ его относится непосредственно къ Русской Исторіи и весьма для нея важенъ, но и потому, что Государь Императоръ и Великій Князь Цесаревичъ приняли на себя недавно съ особеннымъ благоволеніемъ званіе членовъ-основателей Общества. Профессоръ Погодинъ былъ бы, съ своей стороны, особенно счастливъ такимъ порученіемъ, потому что могъ бы при семъ случаѣ провѣрить собственныя свои изслѣдованія о Норманскомъ періодѣ“.

Уваровъ, съ своей стороны, находя полезнымъ исполнить просьбу Погодина, прежде испрошенія на это путешествіе Высочайшаго разрѣшенія, обратился къ графу С. Г. Строганову съ вопросомъ „не находитъ ли онъ препятствія къ отъѣзду профессора Погодина за-границу на два мѣсяца, сверхъ ваканціоннаго времени, съ сохраненіемъ получаемаго имъ отъ Московскаго Университета содержанія?“ На этотъ вопросъ графъ Строгановъ отвѣчалъ, что онъ не находитъ, съ своей стороны, другихъ препятствій, „кромѣ нѣкотораго нарушенія порядка при имѣющихъ быть въ нынѣшнемъ году вступи-

тельныхъ въ Университетѣ экзаменахъ, на которыхъ Погодинъ долженъ участвовать въ качествѣ экзаменатора. Впрочемъ", заключаетъ графъ Строгановъ свое письмо,—„принимая въ уваженіе ученую цѣль тѣхъ порученій, которыя вашему высокопревосходительству угодно возложить на профессора Погодина, я соглашаюсь на увольненіе его съ 22 іюня по 22 сентября сего года".

9 іюня 1842 года состоялось Высочайшее соизволеніе на увольненіе Погодина въ Германію, Данію и Англію по 22 сентября сего года.

Уладивши дѣло въ Петербургѣ, Погодинъ вернулся въ Москву и сталъ приготовляться къ путешествію.

7 іюля того же 1842 года онъ выѣхалъ изъ Москвы на Харьковъ. До Орла Погодинъ ѣхалъ по ужасной дорогѣ и одно утѣшеніе находилъ только въ чаѣ, который на станціяхъ „держится превосходный". О гостинницахъ въ губернскихъ городахъ, онъ замѣтилъ, что онѣ „помѣщаются нынѣ въ богатыхъ комнатахъ, съ зеркалами и занавѣсами; но чуть куда подалѣе, за дверь въ буфетъ, на заднюю лѣстницу, вездѣ грязи куча... Что за одежда на прислугѣ,—взглянуть отвратительно; столовое бѣлье - гадость, особенно въ Орлѣ. Нѣтъ", говоритъ онъ,—„безъ Нѣмецкихъ кельнеровъ мы не обойдемся; они нужны намъ теперь, какъ прежде Голландскія бабушки-повитухи, и должны завести порядокъ, дать образецъ, въ нашихъ гостинницахъ". Курскъ произвелъ на Погодина пріятное впечатлѣніе. Городъ очень украсился съ того времени, когда, въ 1829 году, Погодину привелось тамъ быть. За Бѣлгородомъ начинаются Малороссійскія села. „Какъ я люблю ихъ", пишетъ Погодинъ,—„съ шоколатными кровлями, что за прелесть эти бѣлыя хаты въ тѣни зеленыхъ развѣсистыхъ деревьевъ, разсыпанныя по склону горы. Видно съ перваго взгляда, что обитатель ихъ въ дружбѣ съ природою, что онъ любитъ свой домашній кровъ и не покидаетъ его безъ крайней нужды. Совсѣмъ не то въ Великой Россіи; деревца вы не увидите часто подлѣ избы, и рѣдко сидитъ дома за-

ботливый хозяинъ; онъ спѣшитъ съ промысла на промыселъ. У него изба—только ночлегъ".

Въ Харьковъ Погодинъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и тотчасъ отправился къ преосвященному Иннокентію. „Вхожу", пишетъ Погодинъ,—„въ темнотѣ на высокую лѣстницу въ Архіерейскомъ домѣ. Мѣсяцъ блестѣлъ въ окна, сквозь вѣтви тополей. Вышедшій служка сказалъ мнѣ, что Преосвященный живетъ на дачѣ, верстахъ въ пяти отъ города. Беру провожатаго и на парномъ извозчикѣ отправляюсь туда. Было уже часовъ 11". Въ это время Преосвященный прогуливался „по своему уединенному саду. Домикъ у него вдали отъ всякаго строенія, въ двѣ комнаты, вверху и внизу, за то широкое крыльцо подъ навѣсомъ". Они сѣли на дубовую лавку. „Мѣсяцъ катился передъ ними по синему небу, сверкающему звѣздами!" Между тѣмъ Погодинъ былъ очень голоденъ; но въ хозяйствѣ Его Преосвященства не нашлось ничего „кромѣ огурцовъ и нѣсколькихъ яицъ". На другой день нашъ путешественникъ всталъ рано и обошелъ садъ. „Точно—эрмитажъ Руссо въ Монморансе", замѣчаетъ онъ.

Вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ Погодинъ былъ на экзаменѣ въ Харьковской Семинаріи, возникшей изъ Харьковскаго Коллегіума. Познакомился лично съ Г. Ѳ. Квиткою; видѣлся со старымъ своимъ знакомымъ П. И. Артемовскимъ-Гулакомъ и услышалъ отъ него на вечерѣ у Иннокентія множество новыхъ Малороссійскихъ анекдотовъ, которые, по свидѣтельству Погодина, „разсказываетъ онъ мастерски". О своемъ пребываніи въ Харьковѣ Погодинъ, между прочимъ, писалъ Шевыреву: „Три дня пробылъ я съ глазу на глазъ въ Харьковѣ съ Иннокентіемъ, бесѣдовалъ въ сладость о небѣ, землѣ и Святой Руси". Преосвященный Иннокентій благословилъ Погодина крестомъ въ крестовой своей церкви. Изъ Харькова Погодинъ поѣхалъ на Кіевъ, черезъ Полтаву; но ѣхать одному по незнакомой дорогѣ показалось ему жутко, и онъ былъ радъ встрѣтиться въ казначействѣ съ однимъ канцелярскимъ служителемъ, который, переходя на службу въ Полтаву,

бралъ подорожную, и Погодинъ предложилъ взять его съ собою. Спутникъ Погодина оказался, по замѣчанію его, воспитанникомъ *Библіотеки для Чтенія*—„онъ говорилъ цѣлыми фразами изъ нея, судилъ объ литературѣ, о слогѣ, смѣялся надъ *симъ* и *онымъ*; однимъ словомъ—это былъ живой нумеръ ея. Я“, продолжаетъ Погодинъ,—„слушалъ и наблюдалъ съ большимъ удовольствіемъ, а между тѣмъ разспрашивалъ о губерніи, о присутственныхъ мѣстахъ, о городѣ, желая знать, какъ судятъ объ этихъ предметахъ снизу“.

Губернаторомъ въ Полтавѣ въ то время былъ А. Е. Аверкіевъ, съ которымъ Погодинъ познакомился еще въ 1837 году, въ Твери, и спорилъ съ нимъ о Борисѣ Годуновѣ *). Въ Полтавѣ онъ встрѣтилъ Погодина съ прежнимъ радушіемъ и предложилъ ему „всѣ средства къ свободному проѣзду по проселкамъ“, ибо Погодину хотѣлось по дорогѣ навѣстить подъ Миргородомъ мать Гоголя, не смотря на ссору съ ея сыномъ, а потомъ проѣхать на Золотоношу и Переяславль, „взглянуть на Максимовича въ его хуторѣ на берегу Днѣпра“. Проводникомъ Погодина по Полтавѣ былъ братъ Бодянскаго, занимавшій должность редактора Губернскихъ Вѣдомостей. Подъ его руководствомъ, съ горы, Погодинъ осмотрѣлъ всѣ примѣчательныя мѣста въ исторіи Полтавскаго сраженія.

Снабженный предписаніями губернатора, Погодинъ „пустился“ въ Гоголевскую Васильевку. „Какая природа вокругъ благодатная!“ восклицаетъ онъ, „какой вездѣ просторъ! Что за невинность, простота на лицахъ!“ Къ вечеру Погодинъ пріѣхалъ въ Васильевку. „На широкой полянѣ“, пишетъ онъ,—„стоитъ скромная церковь, осѣненная ветлами. Вдали отъ нея виденъ барскій домъ, въ одно жилье, какъ всѣ въ Малороссіи, длинный, выкрашенный бѣлою краскою, увѣнчанный высокими, развѣсистыми деревьями. Впереди разсыпаны хаты. Стадо возвращалось домой“.

— Дома ли барыня?—спросилъ Погодинъ пастуха.

— Гоголиха?—отвѣчалъ онъ,—*не скажу*,—т.-е. не знаю.

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1892. V, 87.

Погодинъ вышелъ изъ брички и пошелъ по зеленому двору. Дворовые высовывались кое-гдѣ изъ оконъ.

— Барыня уѣхала къ сосѣдямъ, но сейчасъ будетъ.

— А барышни дома?

— Старшая!

Погодинъ познакомился съ нею. Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Марія Ивановна Гоголь и оставила Погодина ночевать, а на другой день обѣдать. Поутру пріѣхалъ другъ и товарищъ Гоголя и, „любезный Парижскій сожитель“ Погодина—А. С. Данилевскій. Нашъ путешественникъ осмотрѣлъ весь домъ, садъ на берегу пруда, „густой съ разными затѣйливыми гротами и пещерами, извилистыми дорожками, рощицами, гумно, кладовыя, погреба съ наливками, вареньями, сырами и разными произведеніями Малороссійской природы“. За обѣдомъ одно кушанье Погодинъ запивалъ терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою.

Вмѣстѣ съ Данилевскимъ Московскій гость оставилъ гостепріимную Васильевку и направился черезъ Миргородъ въ Лубны. Въ Кибинцахъ они перемѣняли лошадей. Здѣсь долго жилъ Трощинскій, и Погодинъ „обошелъ всѣ комнаты запустѣлаго дома, гдѣ проводилъ послѣдніе годы своей жизни этотъ знаменитый человѣкъ, остальный изъ Екатерининскаго славнаго времени Онъ былъ очень гостепріименъ, и къ нему собиралось все сосѣднее дворянство. Что сталось съ его бумагами?“ спрашиваетъ Погодинъ „замѣчу еще“, продолжаетъ онъ, — „что Трощинскій выписывалъ всѣ вновь выходившіе книги и журналы Русскіе, что, какъ извѣстно, въ высшемъ кругу случается еще рѣдко“.

Ночью наши путники пріѣхали въ знаменитый Миргородъ. Здѣсь, по замѣчанію Погодина, „тѣ же широкія улицы, низменные домики, грязь по дорогѣ, и лужа на перекресткѣ, какъ во время *ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ;* Гоголь только немножко польстилъ своему отечественному городу“. Передъ „вечернями“ они пріѣхали въ Лубны и остановились у почтеннаго доктора Петрашевскаго.

„Низенькій, но обширный домъ его“, пишетъ Погодинъ, — „подъ тѣнью черешень, рябинъ и тополей, среди неизмѣримаго сада... Что за привольная жизнь въ Малороссіи! Какое изобиліе во всѣхъ естественныхъ произведеніяхъ, нужныхъ для продовольствія. А роскошь уже закралась, — и производитъ опустошенія, рождаетъ недостатокъ, притѣсненіе и насиліе“.

Послѣ обѣда, „малороссіянинъ“ Данилевскій расположился отдыхать, а „москаль“ Погодинъ „поспѣшилъ къ начальникамъ хлопотать о продолженіи съ удобствомъ своего путешествія“. Въ виду дурной дороги Погодинъ рѣшился переночевать „подъ гостепріимнымъ кровомъ“ и между тѣмъ „подговорилъ товарища“ съѣздить въ Лубенскій Мгарскій монастырь. „Какая живописная дорога“, замѣчаетъ Погодинъ, — „въ гору между двумя борами; лучи солнечные прорѣзываютъ чащу и представляютъ волшебную игру свѣта по разнымъ направленіямъ. Группа бабъ подлѣ шинка была достойна кисти Теньера. Монастырь стоитъ на крутой горѣ Мгари; видъ на Сулу и зарѣчье прелестный“. По пріѣздѣ въ монастырь, Погодинъ приложился „къ рукѣ преосвященнаго Аѳанасія“, который скончался здѣсь на возвратномъ пути изъ Москвы въ Константинополь въ 1634 г. Патріархъ почиваетъ въ креслахъ, „и видъ его сидящаго, вторые сто лѣтъ, съ наклоненною головою, очень поразителенъ“.

Въ это время въ Лубенскомъ монастырѣ пребывалъ на покоѣ слѣпецъ, бывшій Псковскій архіепископъ Меѳодій. Погодинъ счелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе преутружденному старцу. „Какъ обрадовался старецъ“, пишетъ Погодинъ, - „услышавъ, что я принадлежу къ Московскому Университету“, онъ, подобно знаменитому впослѣдствіи митрополиту Евгенію, „слушалъ тамъ лекціи въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія и помнитъ всѣхъ своихъ учителей и товарищей. *Это время,* сказалъ онъ, — *я считаю пріятнѣйшимъ въ моей жизни; аттестатъ свой и золотую медаль я берегу до сихъ поръ, какъ первыя мои драгоцѣнности*“. Съ особеннымъ почтеніемъ распрашивалъ Высокопреосвя-

щенный объ А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ, который въ его еще время славился искусствомъ въ управленіи Университетскимъ Пансіономъ. Потомъ Высокопреосвященный началъ говорить о профессорахъ: Сохацкомъ, Чеботаревѣ, Страховѣ, очень хвалилъ Шадена, въ пансіонѣ котораго воспитывался Карамзинъ". Разговоръ свой съ Высокопреосвященнымъ Погодинъ „обратилъ" на послѣдняго, „желая получить живое свѣдѣніе о впечатлѣніи, которое производилъ Карамзинъ на своихъ современниковъ и сверстниковъ". *Около него*, сказалъ Высокопреосвященный, *ходили всѣ, какъ пчелы около благоуханнаго цвѣтка*. „Старецъ", пишетъ Погодинъ,—„оживлялся больше и больше; вспомнилъ о своихъ товарищахъ: Мерзляковѣ, Подшиваловѣ, объ общихъ гуляньяхъ на Воробьевыхъ горахъ; казалось, вся прошедшая жизнь, давно позабытая, проносилась въ его воображеніи". Погодинъ „слушалъ его съ особеннымъ удовольствіемъ, и радъ былъ, что доставилъ ему случай на старости, въ болѣзни и слѣпотѣ, насладиться воспоминаніями".

Погодинъ. Какая память у вашего Высокопреосвященства. Какъ вы помните по фамиліямъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ.

Высокопреосвященный. Да, я помню ихъ по именамъ: Григорій Ивановичъ Карташевскій, Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ, Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій.

Это посѣщеніе и эта бесѣда произвели на Погодина глубокое впечатлѣніе, „и мое", пишетъ онъ,—„охладѣвающее, ожесточающееся сердце начинало биться какъ будто въ отвѣтъ Меѳодіеву. О, скажу я, не въ гнѣвъ нашимъ педагогамъ: *буква умерщвляетъ, духъ животворитъ*".

Вотъ что думалъ Погодинъ, возвращаясь домой поздно вечеромъ, смотря на небо и звѣзды: „Да, старые университетскіе питомцы любили Университетъ горячо, какъ будто свою родину, колыбель; они составляли одно семейство, и между собою, и своими наставниками. Сколько ни случалось мнѣ встрѣтить ихъ, они всѣ раздѣляютъ одни чувства. Малиновскій, напримѣръ, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ плакалъ,

смотря на Университетъ, сожженный Французами. Академическая Гимназія много содѣйствовала къ произведенію этого дружелюбія: иной сирота съ осьми лѣтъ отъ роду, попавши въ Университетъ, проживалъ тамъ лѣтъ двадцать, т.-е. лучшіе годы своей жизни. Мудрено ли, что всякій уголъ, всякая лавка, всякое лице дѣлалось ему роднымъ и любезнымъ. За университетскимъ дворомъ начиналась уже чужбина. Послѣ Французовъ безъ Гимназіи это чувство стало слабѣть, но еще немного: Университетъ по всѣмъ курсамъ и отдѣленіямъ составлялъ одно цѣлое. Я помню свое время, какъ весело мы учились и жили, какъ любили мы не только Мерзлякова съ его пламенной, открытой, доброй, чистой душою, съ его животворною рѣчью, не только Мудрова съ убѣдительнымъ словомъ опыта и готовою помощію бѣдному, Сандунова съ его неистощимымъ Русскимъ остроуміемъ, рѣшительнымъ тономъ и безпощадною бранью, но и Тимковскаго съ его угрюмымъ безмолвіемъ и неизмѣнною суровостью, и Гейма съ его кропотливою взыскательностью и безпрестанными вспышками. *Безусловное условіе всего условнаго* или *танцовальщикъ танцовалъ* Брянцева – двустраничные періоды о пожарѣ Московскомъ Черепанова *по Петровкѣ, по Покровкѣ и Крестовоздвиженкѣ*, сравненіе языка Словенскаго съ Русскимъ посредствомъ предложеній - *юная дѣва трепещетъ и молодая дѣвка дрожитъ* Гаврилова, —составляли невинное утѣшеніе нашихъ вечеринокъ. Никакая злая насмѣшка не осмѣливалась коснуться, и лицо профессора было лицомъ священнымъ...“

Между тѣмъ нашего путешественника у доктора Петрушевскаго ожидалъ „патріархальный ужинъ“, за которымъ онъ разспрашивалъ хозяина „о примѣчательныхъ здѣшнихъ людяхъ и мѣстахъ“. Не далеко отсюда Ташань, гдѣ жилъ Румянцовъ-Задунайскій, и Обуховка съ пѣснями Капниста. „Сколько любопытныхъ свѣдѣній“, замѣчаетъ Погодинъ, — „можно собрать вездѣ! А Малороссійская жизнь съ безчисленными анекдотами и побасенками! Но гдѣ же Русскіе путешественники? Мы ни на что не хотимъ смотрѣть, ничего

не хотимъ знать, и я сомнѣваюсь, былъ ли какой-нибудь Русскій городъ, кромѣ Петербурга и Москвы, предметомъ любопытства этого рода! Мы думаемъ, что если нѣтъ Луксорскаго обелиска да Тюльерійскаго дворца, такъ нѣтъ ничего. О невѣжество!"

II.

При прощаніи преосвященный Иннокентій выразилъ Погодину желаніе, чтобы онъ посѣтилъ ихъ общаго пріятеля М. А. Максимовича, уединившагося, въ концѣ 1841 года, на свою Михайлову Гору. Исполняя желаніе Преосвященнаго и удовлетворяя своей собственной потребности увидѣть друга Максимовича въ его новой резиденціи, Погодинъ „со свѣтомъ" одинъ-одинёхонекъ, распростившись съ любезнымъ Данилевскимъ, отправился изъ Миргорода въ Золотоношу. „Дорога", пишетъ Погодинъ, — „прекрасная, что за милыя, простодушныя лица встрѣчались мнѣ на станціяхъ"; но за то, какъ ни странно, по увѣренію Погодина, *ѣсть нигдѣ нечего!* У одного сторожа спросилъ онъ: „Нѣтъ ли у васъ яицъ?" И получилъ въ отвѣтъ: „*Нѣтъ, не несутся, проклятыя*". Въ „живописной" Золотоношѣ Погодинъ не нашелъ „никакихъ начальниковъ", которые уѣхали на обѣдъ къ дядѣ Максимовича, Е. Ѳ. Тимковскому. Ему Русская литература обязана *Путешествіемъ въ Китай* *). Золотоноша навѣяла на Погодина слѣдующій афоризмъ: „Малороссіянина не безпокоитъ жадность москаля; онъ счастливъ внутри своей хаты подъ черемухою. Впрочемъ и москаль не родился плутомъ, а сдѣланъ и сдѣлался" [3]).

Изъ Золотоноши Погодинъ стремился на Михайлову Гору.

Еще въ январѣ 1842 г. владѣлецъ Горы писалъ Погодину: „Восемь мѣсяцевъ я провелъ почти не бравшись за перо и

*) Въ трехъ частяхъ. С.-Пб. 1824. Прекрасно сохранившійся экземпляръ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ (очевидно подносный) имѣется въ моей библіотекѣ.

почти ничего не прочелъ, кромѣ *Патерика*, *Онѣгина* да *Москвитянина*. Что же я дѣлалъ?—спросишь ты. Все болѣе гулялъ и сбирался отдыхать; не отдохнулъ однакожъ, ибо долженъ былъ возиться надъ постройкою жилья на Горѣ. Эта прозаическая часть моей буколики почти кончена; осенью посадилъ болѣе двухъ тысячъ всякаго дерева и кустарника; такимъ образомъ, изготовилъ себѣ пріютъ и поприще для пріятной, отдохновительной жизни въ будущее лѣто. Я долженъ отдыхать вполнѣ цѣлое лѣто, т.-е. ничего не читать, не писать, гулять по красивой Горѣ моей, куря люльку, дыша чистымъ вольнымъ воздухомъ и глазѣя на обширную и ненаглядно-прекрасную окрестность... Въ настоящее зимнее время я уже мѣсяца два по прежнему заключенъ безвыходно въ стѣнахъ моего домика, хвораю понемногу, понемногу пишу письма и разбираю бумаги свои; но пока ихъ разберу, кажется, пройдетъ вся зима, а съ наступленіемъ весны распрощаюсь съ ними и запру ихъ вмѣсто себя, а самъ стану быть на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, дѣлать то, что выше сказалъ, т.-е. ничего, *нуль Океновскій*, изъ коего можетъ быть со временемъ выйдетъ и нѣчто, и все будущее мое, а будетъ то, что Богъ дастъ. Какъ ни скудна настоящая моя доля, но я благословляю ее и благодарю за нее Бога. Воля и безотчетность жизни составляетъ нынѣ высочайшее благо...“ [4]).

„Я спѣшилъ“, пишетъ Погодинъ,—„увидѣть стараго товарища и вспомнить съ нимъ про былое, про времена *Московскаго Вѣстника* и *Телеграфа, Телескопа и Атенея!* Съ какимъ удовольствіемъ воображалъ себѣ его удивленіе! Дорога, по ступицы въ песку, ведетъ на его Михайловскую Гору, гдѣ онъ поселился хворый. Лошаденки насилу вытаскивали колеса. Наконецъ пріѣхали! „Здѣсь ли живетъ Максимовичъ?“ — „Здѣсь“. —„Проводите меня къ нему“.—„Его кажется нѣтъ дома; онъ по-утру поѣхалъ въ Яготинъ!“ Меня такъ и облило холоднымъ потомъ. Не можетъ быть! „Поѣзжайте спросить“. Завернулъ на дворъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вотъ досада-то!“ Тѣмъ не менѣе Погодинъ рѣшился переночевать въ его хатѣ

„усталый и огорченный“. Вотъ какъ описалъ онъ обстановку Максимовича: „Взошелъ съ печалію въ комнату. Ну, вотъ его скромные диваны, знакомые портреты: Пушкина, Мерзлякова, Павлова. Вотъ и Кювье, котораго онъ оттягалъ у меня. Мнѣ было грустно и пріятно: изъ низенькихъ оконъ видъ на терасу съ цвѣтами, которые, однакожъ, принимаются плохо на песчаномъ грунтѣ. Внизу, далеко подъ горою, катится Днѣпръ. По уступамъ горы разсыпано село, зеленѣютъ купы высокихъ широколиственныхъ деревьевъ, возвышается церковь; за рѣкою, которая виднѣется полосами, темнѣетъ лѣсъ“.

На другой день Погодинъ посѣтилъ отца Максимовича и потолковалъ съ нимъ о Малороссіи. Старикъ больше всего хлопоталъ о томъ, чтобы „развесть табакъ на песку“ и „съ гордостью“ показывалъ Погодину нѣсколько грядъ; потомъ онъ подчивалъ своего гостя наливкою „на выборъ изъ сотни своихъ сткляночекъ“ [5]).

Погодину было очень прискорбно, что не засталъ Максимовича дома. „А бодай же тебѣ“, писалъ онъ ему, — „какъ хотѣлось мнѣ взглянуть на тебя, утѣшить тебя, поговорить о томъ, о семъ на берегу Днѣпра,—и нѣтъ тебя дома! Я готовъ былъ плакать. Еслибы ты зналъ, съ какимъ удовольствіемъ воображалъ я твое удивленіе и проч., и проч. И Иннокентій нашъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я увидѣлъ тебя. Исколесилъ два уѣзда, жарился и пекся, ругался и кланялся, досталъ предписаній дюжину, отыскалъ всѣхъ Максименковъ, Максимовичей!.. Ахъ, какъ досадно! На Горѣ сказали мнѣ, что Максимовича *нема,* но все еще надежда не оставляла меня; я думалъ, что *нема* не того, котораго мнѣ надо. Покажите мнѣ его комнату. Вхожу — нѣтъ, *нема* именно того: комната расположена по нашему. Это онъ здѣсь живетъ. Вотъ диванцы Московскіе, вотъ и наши общіе знакомые, родные: Пушкинъ, Мерзляковъ!.. Ахъ, братецъ, я опять готовъ былъ плакать. Мы вѣдь одного поколѣнія, хоть и *производимъ Русь съ разныхъ сторонъ,* и вмѣстѣ почти начинали поприще... А насъ не много! Надо же было судьбѣ лишить насъ вчера...

Такъ и быть. Погулялъ по твоему садику—мои чувствованія похожи были на *19 октября* Пушкина, полюбовался видами, ночевалъ, познакомился съ твоимъ старымъ, о которомъ не имѣлъ никакого понятія... Теперь у тебя есть время подумать, что мы *печемся о многѣмъ, едино же есть на потребу*... Взглянулъ съ грустію и на Павлова *): и онъ былъ нашего духа, хоть и мало отдѣлялся" [6]). На это трогательное письмо Максимовичъ отвѣчалъ: „Не хочу и вспоминать, какъ мнѣ больно и жалко прозѣвать такого дорогого гостя, какимъ ты былъ для Горы моей, не говорю ужъ для меня лично... И зачѣмъ нелёгкая понесла меня на ту именно пору въ Яготинъ, въ которомъ—за страшною жарою и пылью – и пріѣзда Рѣпнина дождаться не захотѣлось... Ну, да что ужъ и говорить... какая-то особенная неудача во всемъ меня провожала во все это лѣто, даже до сего дня; и самая обидная была—мое отсутствіе въ твой пріѣздъ на мою Гору .. Получивъ на дняхъ твою писульку изъ Кіева, спѣшу переслать тебѣ образокъ, забытый тобою въ моей хатѣ, какъ бы въ залогъ, что когда-нибудь еще ты побываешь подъ соломеннымъ кровомъ ея и утѣшишь своимъ появленіемъ и говоромъ отшельника, которому до того и во снѣ не снилось видѣть тебя у себя въ это лѣто... тѣмъ болѣе, что, зная о твоемъ отъѣздѣ за-границу, я воображалъ тебя въ Прагѣ какой-нибудь... Не малая и то обида, что я собрался уже непремѣнно ѣхать въ августѣ къ Иннокентію, какъ подвернулся попутчикъ, обѣщавшій меня везти въ Харьковъ и потомъ въ Москву... и надулъ, не поѣхавши и меня посадивши безъ Харькова и безъ Москвы. Вмѣстѣ съ благословеннымъ образкомъ посылаю рукавичку съ мощей преподобнаго Нестора, давно уже для тебя хранимую. Бывши въ Пещерахъ ты замѣтилъ ли, что мощи его не имѣютъ правой руки... тебѣ для свѣденія сообщаю это замѣчаніе, которое повѣрю еще на мѣстѣ. Въ воспоминаніе Горы моей посылаю тебѣ одну изъ найденныхъ на ней стрѣлокъ, называемыхъ по здѣшнему *площиками*. Можетъ быть

*) Т.-е. на портретъ Михаила Григорьевича.

это еще Половецкія. Я имѣю одну подобную изъ Керчинскихъ кургановъ золотистую и храню ее какъ примѣчаніе къ словамъ Гзака въ *Пѣсни Игоревой*, *растрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами*“ [7]).

Съ Михайловой Горы Погодинъ „пустился“ въ Переяславль и „поспѣлъ къ концу обѣдни въ соборъ“. Въ отчизнѣ Владиміра Мономаха Погодинъ не примѣтилъ ничего древняго. „Какъ это больно!“ восклицаетъ онъ. Поѣхалъ дальше, и ночью пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ остановился у ректора Университета К. А. Неволина.

Какъ ни торопился Погодинъ на воды, но онъ „счелъ за грѣхъ не остановиться“ на день въ Кіевѣ. „Скажу рѣшительно“, пишетъ Погодинъ,—„что по положенію это первый городъ въ Европѣ: такого разнообразія нѣтъ нигдѣ“. Въ Кіевѣ Погодинъ осмотрѣлъ Десятинную Церковь, вновь построенную на мѣстѣ древней Владиміровой; но ему, какъ археологу, желалось бы „лучше вмѣсто ея видѣть одинъ древній фундаментъ, очищенный во всемъ его пространствѣ“. Заѣзжалъ онъ помолиться въ Софійскій Соборъ, гдѣ помянулъ митрополита Евгенія. Познакомился съ новымъ ректоромъ Академіи архимандритомъ Димитріемъ *) и просилъ его о біографіяхъ Петра Могилы, Иннокентія Гизеля, Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича, „столько важныхъ и нужныхъ для Русской Исторіи“. Изъ Академіи Погодинъ отправился въ Печерскую Лавру, чтобы получить благословеніе высокопреосвященнаго Филарета. Владыка приказалъ проводить его по пещерамъ. Съ „несравненно живѣйшимъ чувствомъ“, чѣмъ прежде, обошелъ онъ теперь всѣ пещеры, и помолился въ тѣсной церкви св. Ѳеодосія, приложился къ мощамъ Нестора Лѣтописца,—„потому что“, объясняетъ Погодинъ,—„короче познакомился съ *Патерикомъ* и святыми его сочинителями. Нашъ *Патерикъ* есть сокровище неоцѣненное, сокровище языка, Исторіи, Психологіи, благочестія, а мы все еще думаемъ, можно ли издать его...“ Ходя по пещерамъ Погодинъ думалъ: „Сколько вѣры,

---

*) Впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

преданности Богу, твердости духа, ненависти къ міру должно было имѣть, чтобъ заключиться въ этихъ подземныхъ гробахъ, вдали отъ свѣта дневнаго,—не принимать никакой пищи и питія, кромѣ просфоры, корки чернаго хлѣба и воды, – не выходить по двадцати, по тридцати лѣтъ, изъ утробы земной, углубляться въ себѣ, сосредоточивать всѣ свои мысли на молитвѣ. Какими чудесами преисполнена жизнь этихъ святыхъ отшельниковъ, чудесами истинными и несомнѣнными, кои безпрестанно оправдываетъ и доказываетъ наука! Сколько поэзіи въ ихъ подвигахъ! И мы, несмысленные, отъ такихъ живоносныхъ источниковъ обращаемся къ Уландамъ и Гейне, переводимъ со тщаніемъ ихъ мелочи и попираемъ ногами свои бисеры. Одно основаніе Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая Европейская литература. О юноши! какъ мнѣ жаль васъ, когда я вижу васъ стремящихся за потокомъ...“

Изъ Лавры Погодинъ счелъ долгомъ заѣхать къ генералъ-губернатору Дмитрію Гавриловичу Бибикову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, ибо столько наслышался „о его Русскомъ духѣ“.

Опасаясь „шалостей въ окрестностяхъ“, Погодину не хотѣлось выѣзжать изъ Кіева ночью; но опасенія его оказались напрасны. „Ночью, лѣсомъ, въ непогоду“, свидѣтельствуетъ онъ,—„одному, ѣхать было такъ безопасно, какъ въ городѣ“.

По замѣчанію нашего путешественника, „Малороссія за Днѣпромъ имѣетъ уже другой характеръ, судя по большой дорогѣ: мѣстоположеніе хуже, селеній мало, кое гдѣ видишь грязный шинокъ, и только. Поляки и жиды оказали на ней все свое вліяніе... Замѣчательно, что Русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т.-е. Поляками, только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи“.

Проѣхавъ благополучно Новгородъ-Волынскій, Погодинъ прибылъ въ Острогъ „съ воспоминаніемъ о первой Словенской Библіи, которую напечаталъ здѣсь Константинъ Острожскій посредствомъ Московскаго печатника, Ивана Ѳедорова.

Изъ Радзивилова Погодинъ предпринялъ поѣздку въ Почаевскую Лавру". „Видъ съ террасы", пишетъ Погодинъ,—„удивительный: горизонтъ въ нѣсколько сотъ верстъ! Колокольня во время иллюминаціи должна быть видима отвсюду и представлять зрѣлище единственное. Ахъ, Боже мой! какъ мало мы знаемъ о себѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Если человѣкъ, принадлежащій къ ученому сословію, имѣлъ такое темное понятіе о Почаевской Лаврѣ, не видавъ своими глазами, что же извѣстно объ ней публикѣ?"

Когда въ 1843 году эти строки были напечатаны въ *Москвитянинѣ*, онѣ произвели впечатлѣніе и въ Острогѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо преосвященнаго Анатолія, епископа Острожскаго, (отъ 3 апрѣля 1844 г.) къ Погодину: „Здѣшніе чиновники, прочитавши въ одномъ изъ нумеровъ *Москвитянина* путевыя ваши записки о Почаевской Лаврѣ, приступили ко мнѣ съ просьбою составить хоть краткое, но обстоятельное описаніе оной. Собравши за годъ еще матеріалы для сей цѣли, въ угодность желанію сказанныхъ чиновниковъ, я привелъ историческія свидѣтельства о Почаевской Лаврѣ въ порядокъ, составилъ требуемое описаніе, препровождаю оное вашему высокоблагородію въ томъ предположеніи, что можетъ быть вамъ угодно будетъ употребить содержаніе этой рукописи для издаваемаго вами журнала".

Поздно возвратился Погодинъ изъ Лавры въ Радзивиловъ. „Евреи", пишетъ онъ, — „праздновали субботу. Мой хозяинъ сидѣлъ за столомъ, окруженный своимъ семействомъ, дѣтьми и внуками; въ торжественномъ молчаніи совершалась вечерняя трапеза, какъ будто въ воспоминаніе пасхальной Египетской".

На другой день поутру, окончивъ всѣ дѣла въ таможнѣ, „обласканный господами начальниками, благодаря *Москвитянину*", Погодинъ собрался въ дорогу. Переѣзжая Русскую границу, онъ „помолился Русскому Богу, на свою сторону, и, перекрестясь, переступилъ черту".

III.

Третье путешествіе свое въ чужіе края Погодинъ началъ со Львова. Проѣзжая Галичь, онъ замѣтилъ: „Поляки нахлынули потокомъ на Галицію въ XIV столѣтіи и разорвали ее на части. Какія палаты выстроили они на кровавыхъ трудахъ несчастныхъ Малороссіянъ, подвергнувшихся сперва двойному игу католиковъ и жидовъ, а потомъ тройному—съ придачею Австрійцевъ! Народъ начинаетъ теперь сознавать свое происхожденіе, и сердце его обращается невольно къ Сѣверу. Духовные, купцы, ремесленники, не только поселяне, говорятъ: мы—Русскіе! Да, они настоящіе Русскіе, какъ въ Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ; говорятъ тѣмъ же языкомъ, исповѣдуютъ ту же вѣру. Объ этомъ въ Европѣ не имѣютъ понятія, да и у насъ мало!"

По пріѣздѣ во Львовъ Погодинъ, чувствуя себя дурно, послалъ отыскать историка Галиціи Зубрицкаго, съ которымъ былъ знакомъ по ученой перепискѣ. Почтенный старецъ явился тотчасъ же къ нашему больному и сообщилъ ему свои историческія и прочія изслѣдованія, доставилъ снимки, подарилъ одну драгоцѣнную купчую 1421 года, на пергаментѣ, нѣсколько автографовъ, изъ своей библіотеки: Богдана Хмѣльницкаго, Палѣя, Петра Могилы, Сильвестра Коссова, Замойскаго, Жолкевскаго. Съ своей стороны Зубрицкій просилъ Погодина прислать ему нашъ *Сводъ Законовъ*. „Въ званіи адвоката Зубрицкому часто нужно справляться съ Русскими законами, по дѣламъ Галицкихъ помѣщиковъ, которые владѣютъ крестьянами и землями въ Россіи, особенно на Волыни; а здѣшнее правительство никакъ *не позволило ему читать* казеннаго экземпляра, присланнаго по повелѣнію Императора Николая I въ даръ библіотекѣ. Зубрицкій представлялъ поруки, давалъ залогъ, просилъ позволенія брать хотя по одному тому, ходить въ присутствіе и читать даже тамъ—ничто не помогло"...

По возвращеніи въ Россію Погодинъ имѣлъ случай испол-

нить желаніе Зубрицкаго и доставить для него экземпляръ *Свода Законовъ*, по полученіи котораго Зубрицкій писалъ ему: „Вы мнѣ причинили неизреченное наслажденіе, я занялся съ такимъ жаромъ чтеніемъ Законовъ, съ какимъ молодой человѣкъ читаетъ романы. I, II, III, VII, IX и X томы уже прочиталъ, а X о гражданскихъ правахъ даже три раза и списалъ для удобнѣйшаго понятія алфавитный указатель.— Сердце радуется и голова кружится. Законовѣдство было всегда моею любимою наукою. Когда-то числился между лучшими здѣшними юристами. Въ 1810 и 1811 г. занимался ревностно изученіемъ Наполеонова законодательства, а теперь нахожусь совсѣмъ въ иномъ мірѣ.—Другія начала, другія опредѣленія. —Внутренняя жизнь народа познается по его законамъ, и я удивляюсь, зачѣмъ ваши юриспруденты не познакомятъ прочіе народы съ Русскимъ столь удивительнымъ законодательствомъ.—Сравнительныя разсужденія сего рода должны быть на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ.—Я написалъ для журнала въ Оссолинской библіотекѣ издаваемаго статью о бракахъ по Русскимъ законамъ, а послѣ намѣренъ написать о правѣ наслѣдства, отъ прочихъ народовъ Европы совсѣмъ различномъ".

На другой день по пріѣздѣ во Львовъ Погодинъ вмѣстѣ съ Зубрицкимъ посѣтилъ Греческую церковь, а также и находящуюся при ней „бѣдную" библіотеку, въ которой, однакожъ „есть много матеріаловъ для Исторіи Церкви, Валахіи и Молдавіи, по древнимъ ихъ сношеніямъ съ Галичемъ". Потомъ заглянули они въ типографію, „въ коей печатаются на двухъ-трехъ станкахъ Словенскія богослужебныя книги". Зубрицкій написалъ Исторію книгопечатанія въ Галиціи. „Наши охотники", замѣчаетъ Погодинъ,—„цѣнятъ высоко Стрятинскія изданія епископа Гедеона Балабана (*Псалтирь* и *Требникъ*), оставшагося вѣрнымъ Православію послѣ Брестскаго Собора".

По наблюденію Погодина, „Львовъ украшается годъ отъ году и становится прекраснымъ Европейскимъ городомъ".

Погодинъ посѣтилъ также монастырь св. Онуфрія, въ которомъ покоится прахъ перваго нашего типографщика Ивана Ѳедорова.

Нашему путешественнику не хотѣлось оставаться въ Львовѣ и дѣлать знакомства, „чтобы не возбудить попусту подозрѣній у мнительнаго мѣстнаго правительства, которое слѣдитъ за всякимъ шагомъ путешественниковъ, особенно Русскихъ“.

Спутникомъ Погодина до Перемышля былъ директоръ Львовскаго театра Красинскій, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1835 году, и какой-то венгерецъ. Всю ночь Погодинъ проговорилъ съ Красинскимъ объ языкѣ и философіи языка, „коей онъ занимается съ особенною любовію“. Венгерецъ же служилъ для Погодина предметомъ любопытныхъ наблюденій. Онъ „съ своей рѣшительной, заносчивою рѣчью“, послужилъ для нашего наблюдателя „живымъ образомъ своего народа“. Изъ Перемышля, въ которомъ „все древнее Русское стерто“, съ Погодинымъ поѣхалъ „молодой монахъ, кровь съ молокомъ“ изъ ордена Камальдульскаго. Однимъ изъ главныхъ обѣтовъ его было молчаніе, и потому Погодинъ „не хотѣлъ приводить святаго отца въ искушеніе“. Они оба „завалились спать“. „Съ горестію“ проѣхалъ Погодинъ чрезъ богатыя Русскія солеварни въ Бохніи и Величкѣ, „коими Галичане изстари торговали съ Кіевомъ и Волынью“. Съ Кракова у Погодина явилось множество спутниковъ и между ними старый нѣмецъ, смотритель сиротскаго дома въ Бунцлау „съ молоденькою и прехорошенькою женою“, которую Погодинъ почелъ сначала его внучкой. „Мнѣ“, пишетъ онъ, — „было очень досадно на эгоиста, заѣвшаго чужой вѣкъ; но онъ показалъ вскорѣ столько доброты, любезности, кротости, а нѣмочка была такъ проста..., отвѣчала съ такою нѣжностью *отеческимъ* попеченіямъ своего супруга, что я, посмѣявшись тайкомъ съ спутникомъ, молодымъ негоціантомъ изъ Вѣны, внутренно благословилъ счастливую чету“. Но за Краковомъ случилось непріятное дорожное происшествіе: сло-

малось колесо, и коляска покатилась на бокъ; къ счастію, никто не ушибся. „Я“, повѣствуетъ Погодинъ,—„вылѣзъ первый, потомъ вытащилъ *красавицу*, а наконецъ выкарабкался и старикъ съ молодымъ человѣкомъ, который помиралъ со смѣху. Надо было видѣть, какъ несчастный началъ ухаживать за своей подругой; чего онъ ни дѣлалъ, чего ни придумывалъ, чтобъ ее успокоить!“ Наконецъ коляска была починена. Кое-какъ дотащились до станціи. Поѣхали дальше. На встрѣчу нашимъ путешественникамъ „начали попадаться толпами богомольцы, шедшіе въ монастырь на поклоненіе Страстямъ Христовымъ“. „Мужчины“, продолжаетъ повѣствовать Погодинъ,—„и женщины, старые и малые, вокругъ образовъ и хоругвій, пѣли въ одинъ голосъ псалмы и другія благочестивыя пѣсни, что мнѣ очень понравилось. Жаль, что у насъ нѣтъ такого обыкновенія. До самой глубокой ночи раздавалось въ ушахъ нашихъ умилительное пѣніе, подъ которое мы тихо и пріятно заснули, послѣ того, какъ добрый нѣмецъ истощилъ всѣ свои общія мѣста о возможности молиться Богу во всякомъ мѣстѣ, и вредѣ, происходящемъ отъ праздности“.

Съ Бѣльза, по замѣчанію Погодина, начинается „Галиція не Русская, а Польская, обитаемая чистыми Поляками. Этой намъ не надо!“ прибавляетъ Погодинъ. На третьи сутки по выѣздѣ изъ Львова пріѣхалъ Погодинъ въ Ольмюцъ, откуда на „сдаточныхъ“ отправился въ Прагу для свиданія съ Шафарикомъ. На этомъ пути Погодина очень забавлялъ одинъ венгерецъ, который, какъ пишетъ нашъ путешественникъ, „низшаго тона и сорта, чѣмъ Львовскій, хвастунъ преужасный, перебывавшій во всѣхъ знаменитыхъ городахъ Европы, Азіи и Африки, знающій всѣ науки и застрѣлившій человѣкъ двадцать на дуэляхъ. Я наблюдалъ его внимательно, и дополнялъ, уяснялъ свое понятіе о Венгерскомъ характерѣ“.

Проѣзжая по чудеснымъ мѣстамъ, Погодинъ съ горестью вспомнилъ нашего Нестора и замѣтилъ, что всѣ эти мѣста принадлежатъ „находникамъ Нѣмцамъ Лихтенштейнамъ, Мет-

терпихамъ, Кауницамъ и проч.“. Въ Поличкѣ Погодинъ получилъ для своей коллекціи новый типъ молодого богатаго Вѣнскаго дворянина съ товарищами. „Что это за тупость умственная“, пишетъ онъ,—„неповоротливость, какое-то деревянное спокойствіе! Думалъ, какъ бы изобразить однимъ словомъ ихъ состояніе: *Rhum du cerveau*—въ буквальномъ переводѣ этого слова; у нихъ, кажется, залегаетъ умъ, какъ у больныхъ насморкомъ залегаетъ носъ. Ни на что не обращали они вниманія по дорогѣ, ни на природу, ни на людей, а уткнулись носами въ свои записныя счетныя книжки, и изрѣдка, прищуриваясь глазами, обмѣнивались замѣчаніями, но съ какою тяжестію, съ какими затрудненіями! Всякому надо было подумать секундъ по десяти, прежде нежели давали они отвѣтъ на пустой вопросъ! Чтобъ сложить два и два, они употребляли по нѣскольку минутъ, и потомъ старались повѣрить себя, не ошиблись ли они. Какое различіе съ живой Словенскою кровью! А впрочемъ они были очень благоразумны, учтивы, аккуратны! Противная натура!“

Чрезъ Колинъ, Кутную гору, Чешскій бродъ пріѣхалъ Погодинъ въ „любезную“ ему Прагу. Остановился онъ у Черпаго Коня и „бѣгомъ побѣжалъ“ къ Шафарику, „и что же?“, какъ Максимовича на Михайловой Горѣ, не засталъ онъ и Шафарика. Вмѣстѣ съ Прешлемъ Шафарикъ предпринялъ путешествіе по сосѣднимъ городамъ. Тѣмъ не менѣе Погодинъ провелъ вечеръ въ его семействѣ, которое „увеличилось еще однимъ Ярославомъ“. На другой день Погодинъ вмѣстѣ съ Ганкою обѣдалъ въ гостинницѣ Черный Конь, гдѣ его наблюденію представился любопытный типъ молодого жида, „въ модномъ костюмѣ“, который, повѣствуетъ Погодинъ, „путешествуетъ, кажется, для своего удовольствія. Что за ухватка, что за тонъ! Онъ чувствуетъ себя господиномъ и думаетъ, что его кошельку все покориться обязано. Какое самодовольствіе, фанфаронство, наглость, безстыдство!“

Изъ Праги Погодинъ отправился въ Маріенбадъ. „Съ грустью“ проѣзжалъ онъ Бѣлую Гору, на коей Чешское

войско „измѣннически погибло, а малодушпый Фридрихъ Пфальцскій бѣжалъ, и Богемія подверглась иноплеменной власти“ [8]).

Въ Маріенбадѣ Погодинъ нашелъ Шафарика, съ которымъ онъ „прожилъ двѣ недѣли неразлучно“. „Двѣ недѣли незабвенныя“, писалъ Погодинъ къ Шевыреву, — „въ жизни: много передумано, переговорено, обсужено. Я подговорилъ нѣсколькихъ Русскихъ, тамъ бывшихъ, и мы вмѣстѣ дали ему обѣдъ и поднесли кубокъ, послали другой Ганкѣ“ [9]).

Во время пребыванія Погодина въ Маріенбадѣ, этотъ городъ былъ наполненъ Поляками изъ Галиціи, Царства Польскаго и отчасти Волыни и Подоліи. „Они“, пишетъ Погодинъ, — „веселились, затѣвали безпрестанно прогулки и учреждали балы, къ великому соблазну Нѣмцевъ, которые считали такія собранія неприличными для паціентовъ. Душою общества была молодая полька, вдова докторская, изъ Варшавы, около которой увивались всѣ львы, бараны, ослы и ягнята Маріенбадскіе. Другая полька, пожилая вдова, старалась поднять, кажется, всю Европу противъ Россіи и приступала съ своими жалобами ко всѣмъ — Французамъ, Англичанамъ, особенно лорду Родену, которому не давала ни на минуту покоя. Впослѣдствіи она оказалась сумасшедшей: хорошія же извѣстія получилъ отъ нея благородный лордъ для сообщенія членамъ Парламента“.

Изъ окрестностей Маріенбадскихъ Погодинъ посѣтилъ Кенигсвартъ и монастырь Тёпль.

Замокъ Кенигсвартъ, любимое лѣтнее пребываніе князя Меттерниха, находится въ двухъ часахъ ѣзды отъ Маріенбада. По замѣчанію Погодина, „видно, что здѣсь живетъ баринъ, но не расточитель, не тщеславецъ. То же должно сказать о покояхъ и ихъ убранствѣ, слишкомъ даже скромномъ. Политики и образа мыслей канцлера не узнаешь ни изъ чего, развѣ только вкусъ, потому что всѣ три жены его одна другой прекраснѣе, судя по портретамъ“. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщается кабинетъ древностей и разныхъ примѣча-

тельностей; Меттернихъ присылаетъ сюда, что получить ему случается, но, по замѣчанію Погодина, „особенной любви ни къ чему, кромѣ власти, онъ, видно, не имѣетъ“. Всего любопытнѣе въ этомъ кабинетѣ,— это „каменный высѣченный образъ, древняго Греческаго искусства, найденный въ Ломбардіи и вставленный въ стѣну надъ лѣстницей“. Погодину удалось видѣть и самого Меттерниха, когда онъ „садился въ коляску съ графомъ Флаго, Французскимъ посломъ, и съ своей женой“. Два раза проѣхалъ Меттернихъ „предъ глазами“ нашего путешественника. „Это еще свѣжій старикъ“, пишетъ Погодинъ,—„хорошій собою. Онъ былъ въ синемъ фракѣ, со звѣздою на груди. Жена моложе его по крайней мѣрѣ вдвое. Дочери, изъ коихъ одна съ кривою испорченною ногою, прогуливались пѣшкомъ съ прочими гостями. Смотря на больную, ходившую съ такимъ трудомъ, невольно приходило въ голову общее мѣсто, что почесть и слава, золото и власть не ограждаютъ насъ отъ несчастій“.

Вмѣстѣ съ Шафарикомъ Погодинъ посѣтилъ монастырь Тёпль и провелъ тамъ „пріятнѣйшій вечеръ“. Между прочими рукописями онъ увидѣлъ тамъ *Исторію Тридцатилѣтней Войны*, въ восьми фоліантахъ, сочиненную Словатою! „Тѣмъ Словатою“, пишетъ Погодинъ,—„императорскимъ совѣтникомъ, котораго Чехи выбросили изъ окошка въ Прагѣ, въ 1618 году, чѣмъ и началась славная Тридцатилѣтняя Война. Извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ Мартинцемъ, попалъ на кипы бумагъ во рву подъ Императорской Канцеляріей, чѣмъ и спасся отъ смерти. Какого свидѣтеля требовать лучше?“ Еще Погодинъ увидѣлъ тамъ рукопись Библіи на Нѣмецкомъ языкѣ, которая показалась ему древнѣе Лютерова перевода. Библіотекарь обѣщалъ снять страничку и переписать другую, чтобы Погодинъ могъ показать Гримму въ Берлинѣ, для опредѣленія времени“. Когда Погодинъ изъявилъ Шафарику свое удивленіе о Словатиной *Исторіи*, то онъ „увеличилъ еще оное“, объявивъ, что Чехи имѣютъ другое современное описаніе Тридцатилѣтней Войны, сочиненное однимъ изгнанникомъ,

Іоанномъ со Скалы, въ десяти фоліантахъ. И она лежитъ, также какъ Словатина, не напечатанная, не употребленная! „А сколько тысячъ томовъ написали Нѣмцы“, замѣчаетъ Погодинъ,—„объ этомъ происшествіи вмѣстѣ съ Реформаціей. Что же могли они написать основательнаго, не зная этихъ двухъ сочиненій современниковъ, очевидцевъ и участниковъ, одного со стороны Католической и Императорской, а другого со стороны Протестантской? Въ нелѣпой своей надменности“,—продолжаетъ онъ,—„они не подозрѣваютъ существованія такихъ документовъ, и не зная по Чешски, никогда не могутъ ими пользоваться. Чехи сами не могутъ произнести ни одного слова о Гусситствѣ или Протестантизмѣ въ Богеміи, развѣ предавая проклятію пагубное заблужденіе. Вотъ съ какой стороны Русскіе ученые могутъ принести пользу Всеобщей Исторіи: сообщивъ ей, внеся въ нее свѣдѣнія изъ Словенскихъ источниковъ: Чешскихъ, Польскихъ, Сербскихъ“. Въ монастырѣ Тёпль Погодину пришлось быть и въ другой разъ. Самъ прелатъ пригласилъ его вмѣстѣ съ Шафарикомъ и другими почетными гостями Маріенбада къ себѣ на обѣдъ. „Проходя“, пишетъ нашъ путешественникъ,—„по высокимъ пышнымъ комнатамъ, обѣдая въ великолѣпной свѣтлой залѣ, съ широкими окнами, за обильнымъ столомъ, съ вкусными и сладкими винами, видя передъ собою краснаго, дороднаго прелата и его помощника, коротко-остриженнаго, толстаго, но подобострастнаго монаха, наряднаго егеря и прочую челядь, я переносился въ Средніе вѣка, во владѣнія епископовъ, къ Гетеву Бамбергцу, и получилъ живое понятіе объ ихъ образѣ жизни“. Но думалъ ли Погодинъ, сидя за роскошной трапезой прелата, наслаждаясь его „обильнымъ“ обѣдомъ, „вкусными и сладкими винами“, что черезъ три дня онъ услышитъ о внезапной смерти гостепріимнаго хозяина и повторитъ знаменитый стихъ Державина:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Съ Шафарикомъ Погодинъ прожилъ въ Маріенбадѣ двѣ недѣли, и все время „отъ утра до вечера“ были они „не-

разлучны, говоря между собою безъ умолку“, и Погодинъ представляетъ „одно только оглавленіе“ своихъ бесѣдъ. „Почти два дни“, пишетъ онъ, — „посвящено было у насъ Исторіи Богеміи: Шафарикъ изложилъ мнѣ ее сполна, распространяясь преимущественно послѣ рѣшительныхъ отношеній Оттокара къ Рудольфу Габсбургскому, о Гуссѣ, его жизни, судѣ и смерти, объ его сочиненіяхъ, изданныхъ и рукописныхъ, объ его послѣдователяхъ, о войнѣ Гусситской, о Жижкѣ, знаменитомъ героѣ Богеміи, объ его усовершенствованіяхъ военнаго искусства, объ его дѣйствіяхъ и побѣдахъ, о торжествѣ новаго ученія и состояніи Богеміи предъ Тридцатилѣтнею Войною, о несчастномъ избраніи Фридриха Пфальцскаго, о сраженіи на Бѣлой Горѣ, о выселеніяхъ изъ Богеміи, въ коей осталось не больше семисотъ тысячъ изъ четырехъ милліоновъ, о позднемъ прибытіи Шведовъ, когда Богемія, опустошенная и разоренная, не могла воспользоваться обстоятельствами. Точно также я долженъ былъ изложить Шафарику Исторію Россіи, и сообщилъ ему главныя эпохи въ исторіи нашего образованія, о нашихъ сословіяхъ, объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ и помѣщикамъ de jure и de facto, объ историческомъ характерѣ нашего Духовенства, о движеніи Русскаго Царства, о значеніи Москвы... Потомъ разсуждали о народномъ характерѣ Словенъ и первоначальномъ положеніи ихъ между Нѣмецкими племенами, и о духѣ несогласія, который раздѣлялъ ихъ всегда и раздѣляетъ донынѣ во всѣхъ предпріятіяхъ важныхъ, политическихъ, торговыхъ, литературныхъ. Нынѣшній духъ національности, который вдругъ пробудился во всѣхъ Словенахъ, послѣ долговременнаго усыпленія, и съ удивительной силой, быстротой, какъ вихрь, въ нѣдрахъ горъ долго заключенный и внезапно нашедшій себѣ путь, разлился, — въ Русинахъ Австрійскихъ и Лужичанахъ Саксонскихъ, Малороссіянахъ Русскихъ и Силѣзцахъ Прусскихъ, Турецкихъ Болгарахъ и Венгерскихъ Словакахъ, не говоря уже о Кроатахъ или Чехахъ, Сербахъ, былъ также предметомъ продол-

жительной бесѣды. — Что изъ этого выйдетъ — никто предусмотрѣть не можетъ.

Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ" (Іоан. 3, 8).

„Въ Словенскомъ дѣлѣ", замѣчаетъ Погодинъ, — „никто никого обвинить пока не можетъ: все происходитъ само собою; явнаго беззаконнаго содѣйствія движенію нѣтъ, а есть такое, какого никто запретить не можетъ и не запрещаетъ. Нельзя же приписать филологическимъ изслѣдованіямъ Добровскаго, который былъ душою нѣмецъ, причины всеобщаго Словенскаго переворота! Шафарикъ работаетъ много, но надъ чѣмъ? Надъ временемъ, которое тысячу лѣтъ прошло, надъ отношеніями Словенъ къ Гуннамъ и Грекамъ, Готамъ и Сарматамъ, надъ отношеніемъ буквъ къ звукамъ въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія. Читать его есть трудъ, — такъ можетъ ли его изслѣдованіе имѣть дѣйствіе рѣчи Мирабо или брошюры Сіеса? Колляръ-поэтъ, но его пѣсни извѣстны только его единоплеменникамъ: прочимъ онѣ все еще недоступны. Катанчичь, Пельцель работали не менѣе Шафарика: отчего же они не производили никакого дѣйствія? Нѣтъ, причины движенія глубже, а эти люди суть только представители его, каждый въ своей области, а отнюдь не производители. *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ*".

Между прочимъ Шафарикъ разсказывалъ Погодину „о дѣйствіи статьи графа Туна въ Богеміи, о явленіяхъ на послѣднихъ выборахъ въ Кроаціи, о просьбѣ Словаковъ къ Австрійскому правительству о покровительствѣ ихъ языку противъ Мадьярскаго, на которую князь Меттернихъ отвѣчалъ, что ихъ дѣло такъ твердо и крѣпко, какъ камень; о просьбѣ Чеховъ подобнаго содержанія, принятой такъ же благосклонно. Во всѣхъ сихъ явленіяхъ", замѣчаетъ Погодинъ, — „очень много оригинальнаго, замѣчательнаго, важнаго не только въ Словенскомъ, но и въ Европейскомъ человѣческомъ отношеніи, а мы ничего объ нихъ не знаемъ и

знать не хотимъ, довольные своими ненаглядными Парижемъ и Лондономъ. О, равнодушіе!“

Погодина также очень интересовало состояніе крестьянъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Шафарикъ отдавалъ „полную справедливость попеченіямъ Австрійцевъ“ и обѣщалъ ему доставить „подробное свѣдѣніе, какъ крестьяне у нихъ достигли нынѣшней степени благосостоянія“. При этомъ разговорѣ, Погодинъ „сообщилъ Шафарику свѣдѣнія о высокости Русскаго народнаго характера, которая обнаруживается во всемъ своемъ блескѣ только въ великихъ происшестіяхъ, напримѣръ: въ войнѣ 1812 года или голодѣ 1840 года“.

Одинъ день Шафарикъ объяснялъ Погодину свою карту, представляющую нынѣшнее разселеніе Словенъ по Европѣ. „Взглянувъ на эту карту“, пишетъ Погодинъ, — „поневолѣ призадумаешься: каково пространство отъ Петербурга до Тріеста, и отъ Бауцена до Константинополя, занятое однимъ народомъ! А сколько еще изъ этого народа потеряло свою національность между Нѣмцами, Финнами, Турками, Греками!“ Погодину, впрочемъ, въ этой картѣ не понравился Шафариковъ размѣръ. „Надо бы“, пишетъ онъ, — „представить всю Европу, и тогда пропорція пространства, занятаго Словенами, и ихъ народочислія, сравнительно съ остальною Европою, была бы еще поразительнѣе! Второе замѣчаніе: страны, лишенныя въ продолженіе вѣковъ Словенской національности, должно бы означить особою ближайшею краскою; третье: Волохи и Венгерцы присвоиваютъ теперь по виду гораздо больше значенія, нежели сколько имъ слѣдуетъ; четвертое: Россія представлена хуже прочихъ странъ, разумѣется по нашей винѣ: Шафарикъ не нашелъ положительныхъ свѣдѣній, въ явныхъ и точныхъ выраженіяхъ, о нашемъ заселеніи, и потому Казанская губернія, напримѣръ, явилась у него почти иноплеменною“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ разсуждалъ съ Шафарикомъ: „о состояніи человѣчества въ наше время, о тѣхъ болѣзняхъ, кои предъ нашими глазами обнаружились въ гражданскихъ

Европейскихъ обществахъ, и не нашли онѣ еще мѣста въ политическихъ терапіяхъ, какія врачебныя средства нужны для ихъ исцѣленія. Здѣсь, разумѣется, Наполеонъ представлялся ихъ воображенію, его миссія, вина и неудача".

Политика Англіи, Франціи, Австріи и Россіи, народный характеръ Венгерцевъ, Поляковъ, положеніе Словенъ въ Австріи, Пруссіи, Турціи и Россіи, состояніе Сербіи—были также предметомъ продолжительныхъ бесѣдъ Погодина съ Шафарикомъ. Но обо всемъ этомъ, замѣчаетъ Погодинъ, „можно было говорить при купели Силоамской, подъ дубомъ Мамврійскимъ, а писать *не лѣть* и печатать *недовлѣетъ*". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ сообщаетъ, что Шафарикъ слишкомъ недоволенъ молодымъ поколѣніемъ Словенъ, находя въ нихъ больше безпокойства, мечтательности, чѣмъ расположенія къ спасительному труду и терпѣнію благодатному, больше вѣтренности, чѣмъ постоянства. Шафарикъ, продолжаетъ Погодинъ, настоятельно требуетъ, „чтобъ напечаталось у насъ болѣе памятниковъ Древней Словесности по слѣдамъ Калайдовича, напримѣръ, *Святославовъ сборникъ* *), мой *Псалтирь*; чтобъ описаны были всѣ нарѣчія нашего языка и представлены образцы рѣчи на каждомъ изъ нихъ порознь; чтобъ скорѣе изданы были пѣсни и прочіе остатки племенъ, чтобъ описаны были хоть какія-нибудь наши библіотеки".

Наконецъ, Шафарикъ разсказалъ Погодину „жизнь нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ Словенскаго міра: Катанчича, Пельцеля и Добнера. Большая часть трудовъ ихъ до сихъ поръ не издана, а нѣкоторые и совсѣмъ погибли". Изъ этихъ разсказовъ Шафарика Погодинъ сохранилъ въ своей памяти біографическія свѣдѣнія о Катанчичѣ. „Это былъ", пишетъ Погодинъ,—„одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ ученыхъ Словенскихъ. Родился онъ въ 1750 году, въ Словенской Венгріи; въ 1771 г. вступилъ въ монашескій Францисканскій орденъ миноритовъ и потомъ служилъ профессоромъ

---

*) Это требованіе Шафарика исполнено Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности въ 1880 году.

въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, до 1789 года. Въ этомъ году заключился онъ въ монастырѣ своего ордена, въ Офенѣ, и не выходилъ изъ кельи до 1822 года, занимаясь изслѣдованіями историко-географическими и философическими. Въ послѣдніе три года до своей кончины (24 мая, 1825 года) онъ выходилъ только нѣсколько шаговъ, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Во все это время трудился онъ безъ усталости".

И въ этотъ разъ Маріенбадъ произвелъ на Погодина благодатное впечатлѣніе. „Давно", писалъ онъ, – „я не имѣлъ въ жизни мѣсяца столь пріятно проведеннаго. Воды и ванны произвели на меня благодѣтельное дѣйствіе. Гуляя по сосновому лѣсу, рано поутру, и упиваяся благовонными испареніями, среди тишины, ничѣмъ невозмущаемой, я радовался душой и тѣломъ, и не зналъ, какъ благодарить Бога за свою судьбу. Даже досадно было иногда, что такое счастливое расположеніе болѣе или менѣе зависѣло отъ причины физической—минеральныхъ водъ" [10]).

„Хорошо вы дѣлаете", писалъ Погодину протоіерей Сабининъ изъ Веймара въ Маріенбадъ, — „что пьете воду, что купаетесь въ ваннахъ и ходите по лѣсу съ утра до вечера! Природа съ тѣмъ, кажется, произвела на свѣтъ человѣка, чтобъ онъ пилъ воду, купался и бродилъ по свѣту; сидѣть съ утра до вечера, какъ то мы дѣлаемъ, право, противуестественно. Я самъ только-что съ водъ, только-что изъ ваннъ, только-что изъ едема — изъ лѣсу. И еслибы не должность отозвала меня назадъ, то бы я полѣнился еще долѣе. Dolce far niente въ самомъ дѣлѣ сладко. Послѣ питья и купанья просимъ покорно пожаловать къ намъ въ Веймаръ. Для меня будетъ очень пріятно познакомиться съ вами лично и засвидѣтельствовать вамъ взаимное глубочайшее почтеніе. Впрочемъ не спѣшите, — пейте воду долѣе, купайтесь и гуляйте болѣе. Чѣмъ болѣе будете пить воды и гулять, тѣмъ на должайшее время освободитесь отъ своихъ недуговъ".

IV.

17 августа 1842 года Погодинъ выѣхалъ изъ Маріенбада въ Копенгагенъ. Еще до выѣзда изъ Маріенбада Погодинъ обратился къ протоіерею Сабинину съ запросами какъ объ Обществѣ Сѣверныхъ Антикваріевъ, такъ и о пути въ Копенгагенъ. Отецъ протоіерей не замедлилъ отвѣтомъ. „Вы спрашиваете меня“, писалъ онъ Погодину,—„стоитъ ли труда, проѣхать въ Копенгагенъ, чтобъ посмотрѣть тамъ *Antiquitates Rossicae.* Думаю, что стоитъ труда. Не думаю, чтобъ вамъ показали матеріалы, готовые къ изданію, по скрытности, свойственной заграничнымъ ученымъ, надѣюсь впрочемъ, что вы увидите тамъ планъ, по которому они будутъ изданы въ свѣтъ. Что множество вопросовъ, касающихся до нихъ, будетъ предложено вамъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Прислать въ Веймаръ приготовленное Общество ни за что не согласится. Во всякомъ случаѣ знакомство съ Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ будетъ для васъ интересно и полезно. Еще болѣе будетъ пользы для самого Общества, если оно познакомится съ вами и найдетъ въ васъ непосредственнаго корреспондента изъ Россіи. Оно часто обращается ко мнѣ съ вопросами; но я, къ сожалѣнію, находясь внѣ Россіи, не могу часто отвѣчать ему положительно, по недостатку источниковъ. Опасеніе ваше на счетъ путешествія по морю напрасно. Морской воздухъ — лѣкарство. Онъ не только не сдѣлаетъ вамъ вреда, но укрѣпитъ болѣе ваше здоровье“ [11]).

Путь свой изъ Маріенбада Погодинъ избралъ на Тёплицъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и Веймаръ, а оттуда чрезъ Галле въ Берлинъ и Штральзундъ.

Въ Карлсбадѣ къ Погодину подсѣлъ графъ М. А. Грабовскій, ѣхавшій въ Дрезденъ и разговорился съ нимъ о Польскихъ имѣніяхъ въ Малороссіи. Проѣзжая Бухау, Погодинъ вспомнилъ о князѣ Буховскомъ (prinz von Buchau), бывшемъ у насъ посланникомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ Кульмѣ одинъ изъ спутниковъ сказалъ Погодину: *Вотъ здѣсь*

Русскіе были разбиты; но пришли Пруссаки и Австрійцы, и подали имъ помощь. На что Погодинъ иронически отвѣтилъ ему: „Какою благодарностью мы вамъ обязаны". Въ Дрезденѣ Погодинъ познакомился съ библіотекаремъ Дрезденской Королевской Библіотеки Клеммомъ, который показывалъ ему и объяснялъ свое примѣчательное собраніе Нѣмецкихъ древностей.

Въ Лейпцигѣ Погодинъ встрѣтился съ А. А. Куникомъ и услышалъ отъ него много любопытнаго „о состояніи Пруссіи и о направленіи молодого поколѣнія". Здѣсь же окружили его Сербскіе студенты и прочіе Словенскіе, и Погодинъ „порадовался на ихъ юношеское одушевленіе. Великое готовится".

Изъ Лейпцига Погодинъ отправился въ Веймаръ и тамъ „прекрасное утро" провелъ въ семействѣ нашего протоіерея Стефана Сабинина, котораго доселѣ зналъ только по письмамъ. „Многіе у насъ", пишетъ Погодинъ, – „упрекаютъ Духовенство въ пошломъ образѣ жизни, странныхъ привычкахъ, неочищенномъ вкусѣ, умственной бездѣйственности. Пожалуйте въ домъ отца Сабинина. Вотъ какъ засталъ я семейство: жена съ старшею дочерью писали картину масляными красками, которая съ честію могла бы занять мѣсто въ академическомъ классѣ; другая твердила урокъ на фортепіано, какую-то сонату Моцарта, сыновья сидѣли за Латинскими авторами, а отецъ читалъ католическій журналъ. Столько образованности, любознательности, вкуса, нашелъ я во всемъ семействѣ, сколько разумѣется мудрено найти у какого нибудь Русскаго князя или графа, гдѣ воспитаніе возложено на Нѣмецкаго гувернера, Французскую мамзель и Англійскую няньку, и дѣти живутъ отъ родителей черезъ два этажа и пятнадцать комнатъ и видятся въ урочные часы. Слѣдовательно причина вышеупомянутыхъ недостатковъ нашего Духовенства заключается внѣ, а не внутри, въ бѣдности, а не въ закоснѣлости. Будутъ средства, и образъ мыслей, дѣйствій, жизни измѣнится, что касается до этихъ отношеній".

Веймаръ, Нѣмецкіе Аѳины, описанный Карамзинымъ,

тѣсно соединенный съ воспоминаніями о Гердерѣ, Шиллерѣ, Гете, Виландѣ, былъ для Погодина очень любопытенъ. Взявъ въ проводники старшаго сына протоіерея Сабинина, Погодинъ отправился осматривать городъ и „поклониться останкамъ друзей человѣчества“. „Вотъ скромный домикъ Шиллера“, пишетъ онъ, — „на углу въ три окошка, и вотъ на чердакѣ одно окошко, гдѣ любилъ онъ сидѣть и писать. Гердеръ жилъ въ казенномъ домѣ противъ церкви, какъ начальникъ консисторіи, и погребенъ подъ оною. Домъ Виланда, въ два этажа, недалеко отъ театра съ садомъ. Домъ Гете гораздо обширнѣе, вверху находились его гостиныя комнаты, внизу сзади кабинетъ и спальня, гдѣ онъ скончался, и комнаты съ его собраніями“.

Проводникъ указалъ Погодину аллею, въ коей любилъ гулять Шиллеръ, скамейку, гдѣ обыкновенно сиживалъ Гете, смотря на захожденіе солнца. За рѣчкою есть еще его домикъ, гдѣ онъ живалъ и работалъ лѣтомъ. „Недавно“, пишетъ Погодинъ, — „останки Шиллера и Гете поставлены въ склепѣ подъ часовнею, вмѣстѣ съ членами герцогской фамиліи, что Нѣмцы считаютъ великою почестію для безсмертныхъ поэтовъ“.

У отца Стефана Погодина ожидалъ „Русскій радушный обѣдъ“, и онъ „до спектакля“ провелъ время въ разговорахъ объ ученыхъ Копенгагена, гдѣ отецъ протоіерей прожилъ десять лѣтъ, и потомъ объ отношеніяхъ Русской Церкви къ католичеству.

„Какое бѣдное владѣніе Веймарское“, замѣчаетъ Погодинъ, — „но одно умное герцогское семейство, и Веймаръ безсмертенъ во вѣки вѣковъ!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ: „Августъ II былъ государь во многихъ отношеніяхъ недостойный, но его собранія, составляющія первое украшеніе Дрездена, искупаютъ множество проступковъ предъ судомъ его подданныхъ. Точно тоже можно сказать теперь о Людовикѣ Баварскомъ, который возводитъ Мюнхенъ на высокую степень славы“.

22 Августа 1842 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Веймара. Въ Галле онъ зашелъ къ историку Лео, на котораго, замѣчаетъ Погодинъ, „все еще жестоко нападаетъ демократическая партія". Лео сообщилъ онъ объ Исторіи Тридцатилѣтней Войны, писанной Словатою и Скалою, но Лео, какъ примѣтилъ Погодинъ, „очень не желалъ ни удивиться, ни обрадоваться по своей Нѣмецкой гордости!"

Во время переѣзда до Берлина одинъ изъ спутниковъ Погодина разсказывалъ другому о воспитаніи сына, котораго везъ съ собою. „Я" говорилъ онъ,—„назначилъ его быть экономомъ: послѣ курса въ реальной школѣ, онъ занимался подъ моимъ руководствомъ на моей фермѣ; теперь везу его къ NN, живущему въ странѣ безплодной и требующей особеннаго попеченія: пусть посмотритъ онъ тамъ года два, какъ надо браться за дѣло въ подобныхъ обстоятельствахъ. Потомъ поживетъ онъ года два въ Голландіи, и тогда пусть принимается за свое хозяйство. Я отдѣлю его". По поводу слышаннаго, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ какъ пріуготовляются помѣщики и хозяева. А у насъ былъ ли одинъ отецъ, который бы посвящалъ своего сына такого роду жизни? Кто у насъ учится быть помѣщикомъ? Отъ того и въ закладѣ всѣ имѣнія! Мы все думаемъ еще только о службѣ съ эполетами или съ высокоблагородіемъ, какъ будто бы благодѣтельное управленіе своими крестьянами не есть служба! Наружный блескъ цивилизаціи мы достали себѣ, но много грубаго и дикаго скрывается подъ этой шлифовкой".

Въ столицѣ Пруссіи Погодинъ пробылъ не долго. „Берлинъ", писалъ онъ Шевыреву,—„не знаю почему, мнѣ противенъ, и я позабылъ даже посѣтить Гриммовъ. Ни о Гегелѣ, ни о Штраусѣ здѣсь уже и не говорятъ. Оба устарѣли! Бауеръ, Оттонъ, Фейербахъ перещеголяли Штрауса; а Гегеля роль кончилась съ его небытіемъ. Прусскіе и прочіе Нѣмцы бредятъ теперь о бытіи конституціонномъ и отвергаютъ на практикѣ то, что принимали съ такимъ остервененіемъ въ

теоріи. Есть затѣи и здѣсь не только со стороны народа, но и правительства. Богъ знаетъ что будетъ“.

Изъ Берлина Погодинъ поѣхалъ на Штральзундъ и оттуда поплылъ въ Копенгагенъ.

V.

26 августа 1842 года, послѣ обѣда, Погодинъ приплылъ въ Копенгагенъ и въ тотъ же вечеръ познакомился съ знаменитымъ знатокомъ Сѣверныхъ Древностей Финномъ Магнусеномъ и съ дѣятельнымъ секретаремъ Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ Рафномъ, которые приняли его „съ распростертыми объятіями“, и съ слѣдующаго утра, подъ ихъ руководствомъ, онъ началъ знакомиться съ Копенгагенскими достопримѣчательностями.

Первое мѣсто занимаетъ Библіотека, помѣщенная въ круглой башнѣ. Дорога идетъ внутри около столба, какъ на колокольняхъ, витою горою. Петръ I въѣхалъ по ней верхомъ. „Двѣ тысячи харатейныхъ рукописей“, пишетъ Погодинъ, — „представились моимъ удивленнымъ взорамъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ... Вотъ драгоцѣнности, вотъ сокровища! Я не имѣлъ понятія, чтобы ихъ было столько! Здѣсь источники образованія языка, поэзіи, миѳологіи, исторіи, права, — не только для Сѣвера, для Скандинавіи, но и для Германіи. Вотъ собственныя, чистыя проявленія Нѣмецкаго духа, безъ вліянія Грековъ и Римлянъ. А они, безтолковые, пренебрегаютъ ими, въ глупой гордости ищутъ и сочиняютъ себѣ, составляютъ національныя древности внутри Германіи изъ бѣдныхъ, крохотныхъ остатковъ, обижаются своимъ происхожденіемъ изъ Скандинавіи, не хотятъ быть одолженными Датчанамъ или Норвежцамъ! Вотъ до какой степени простираются ихъ щепетильная чопорность и церемоніальность, хоть и гордятся они своимъ безпристрастіемъ и космополитизмомъ! Это доходитъ почти до смѣшнаго. Что состав-

ляетъ именно славу Нѣмцевъ, что принадлежитъ имъ безспорно, отъ того они отказываются или какъ будто не дорожатъ, а присвоиваютъ себѣ чужое, наше, Словенское! Въ Германіи, поселясь между Словенами, Нѣмцы подверглись ихъ вліянію, а въ Скандинавіи сохранились въ національной чистотѣ. Изъ Нѣмецкихъ писателей на перечетъ немногіе занимаются Скандинавскими древностями, да и тѣ почти всѣ какъ предметомъ постороннимъ, безъ прямой непосредственной связи съ Нѣмецкими. Я изъявилъ свое удивленіе моимъ ученымъ путеводителямъ, почему такъ мало свѣдѣній ходятъ въ общемъ оборотѣ объ ихъ богатствѣ, и они отвѣчали въ одинъ голосъ, что „это происходитъ отъ незнанія Нѣмцами древняго Исландскаго языка. Притомъ Нѣмцы не могутъ никакъ освободиться отъ своихъ національныхъ предразсудковъ, чему доказательствомъ служитъ даже послѣднее сочиненіе Дальмана объ *Исторіи Даніи*“.—„Почему же Шведскіе писатели, напримѣръ Гейеръ, въ историческихъ сочиненіяхъ своихъ подаютъ такое недостаточное понятіе о вашихъ источникахъ, судя по тому, что я здѣсь вижу? И въ Швеціи древній Исландскій языкъ не такъ извѣстенъ!.. Намъ, намъ, Русскимъ, предстоитъ славный жребій обогатить науку Исторіи новыми видами, новыми мыслями; мы можемъ имѣть только это безпристрастіе, эту терпимость, это удобство пользоваться всѣми источниками. Скандинавскіе, Словенскіе, Восточные памятники принадлежатъ намъ исключительно. И мало ли есть еще сторонъ въ Исторіи, съ коихъ можемъ мы смотрѣть прямо. Католики не могутъ говорить хладнокровно о Протестантахъ, а Протестанты о Католикахъ, Французы объ Англичанахъ, а Англичане о Французахъ, демократы объ аристократахъ, а аристократы о демократахъ, Нѣмцы о Словенахъ, а Словене о Нѣмцахъ. У нихъ у всѣхъ есть свои колеи, свой наслѣдственный взглядъ на вещи, свои предубѣжденія,— а мы свободны! Какая блестящая будущность для Русской науки! Трудиться, работать, жить своимъ умомъ, съ сознаніемъ своего достоинства,—и сбросить, впрочемъ съ благодар-

ностью, вредное уже иго чуждаго образованія... Но“, продолжаетъ Погодинъ,— „долго еще дожидаться намъ этого времени! Наши ученые или лучше полуученые, слѣпые, скудные ученики Нѣмцевъ, все еще хнычутъ съ капралами Петра I подъ Нарвою: да гдѣ намъ драться со Шведами, гдѣ намъ тягаться съ Шлиппенбахомъ и Рейншильдомъ, кто можетъ одолѣть Карла XII? О, жалкіе друзья мои! Видно вѣкъ вамъ сидѣть подъ Нарвою или въ Дерптѣ, склонять mensa и спрягать amo! Сидите, Богъ съ вами, но не держите по крайней мѣрѣ за полу тѣхъ, которые бѣгутъ подъ Полтаву; не бросайте на нихъ изъ-за угловъ каменьями или грязью, не имѣйте зла объ нихъ, они можетъ быть и падутъ отъ Шведской пули, но по крайней мѣрѣ помогутъ своимъ преемникамъ возгласить на костяхъ вражіихъ: *Тебя Бога хвалимъ!*“

Цѣлое утро Погодинъ провелъ въ Музеѣ, въ которомъ хранится драгоцѣнное собраніе, принадлежащее Обществу Сѣверныхъ Антикваріевъ, вещей, бывшихъ въ употребленіи у народа въ глубокой древности. Здѣсь Рафнъ прочелъ ему цѣлую лекцію объ употребленіи всѣхъ сихъ вещей, мѣстъ нахожденія, полагаемой древности, рѣдкости и проч. Кромѣ вещей, принадлежащихъ къ языческому періоду, Погодинъ обратилъ также вниманіе на другое собраніе, въ которомъ хранятся вещи христіанскія: алтари, распятія, хоругви, ковчежцы для мощей, церковные сосуды, священническія облаченія и проч.

Вмѣстѣ съ Рафномъ Погодинъ совершилъ загородную поѣздку и посѣтилъ каменную гробницу Норманновъ, находящуюся близъ Роскильда, верстахъ въ двадцати-пяти отъ Копенгагена; „съ благоговѣніемъ“ ходилъ Погодинъ „въ этой священной пещерѣ“. „Нигдѣ“, говоритъ онъ,— „древность не дѣйствовала на меня такъ сильно. На меня какъ будто пахнуло изъ-за двухъ тысячъ лѣтъ, и я—подъ этимъ вѣковымъ естественнымъ сводомъ, памятникомъ древняго Норманства, думалъ о нашихъ Рюрикахъ, Олегахъ и Игоряхъ“.

Погодину хотѣлось также взглянуть во внутренность избы

Датскаго крестьянина. „Нашъ, увы!“, замѣчаетъ онъ,—„живетъ не такъ. Очень обрадовался черному хлѣбу!“ Въ Роскильдѣ Погодинъ посѣтилъ соборъ и великолѣпную усыпальницу Датскихъ королей, „съ коими не сравнятся никакія въ Европѣ“.

Одно утро Погодинъ посвятилъ бесѣдѣ съ Копенгагенскими учеными о памятникахъ древней Норманнской Литературы, въ отношеніи къ Русской Исторіи и написалъ для нихъ краткую записку, „о чемъ особенно намъ нужно получить отъ нихъ свѣдѣніе: 1) О древности, характерѣ и подлинности *сагъ* вообще, и въ особенности тѣхъ, кои относятся къ Русской Исторіи; когда онѣ сочинены, собраны, въ скольких и какихъ спискахъ находятся. 2) Собрать всѣ мѣста, гдѣ встрѣчаются имена Austerwig, Hardarike, Ostrogard, Holmgard, Gricia въ смыслѣ Россіи. 3) Извѣстія о путешествіи Норманновъ въ Біармію, Грецію и Россію. 4) Объ Альдейгаборгѣ и прочихъ колоніяхъ Норманнскихъ. 5) Разсужденіе о древнихъ Норманнскихъ законахъ, происхожденіи и собраніи ихъ сравнительно съ *Русскою Правдою* и Договорами Олега и Игоря; обстоятельное описаніе списковъ. 6) О чиноначаліи въ войскѣ, правѣ наслѣдства и преемства въ княжескихъ родахъ. 7) О торговлѣ Норманновъ съ Словенами, Греками, Новогородцами, Біарміей. 8) Комментарій къ Арабскимъ извѣстіямъ X вѣка о Русскихъ купцахъ, проѣзжавшихъ въ Итиль къ Козарамъ. 9) О языческомъ богослуженіи Норманновъ и ихъ вѣрованіяхъ. 10) О сношеніяхъ Норманновъ съ Готскими поселеніями на Черномъ морѣ. 11) Географическія свѣдѣнія Норманновъ о берегахъ Балтійскаго моря и о нынѣшней Россіи. 12) Первыя извѣстія о принятіи христіанской вѣры въ Греціи и дома. 13) Параллельныя мѣста къ извѣстіямъ Русскихъ Лѣтописей о происшествіяхъ 859—1200 г. 14) Позднѣйшія извѣстія о путешествіяхъ Норманновъ въ нашу сторону“.

Къ числу достопримѣчательностей Копенгагена Погодинъ причисляетъ и самого Финна-Магнусена, который, по замѣчанію нашего путешественника, „такая же Скандинавская би-

бліотека, какъ Шафарикъ — Словенская". Сердечное воспоминаніе сохранилъ Погодинъ объ этомъ почтенномъ мужѣ. Финнъ-Магнусенъ, пишетъ онъ, „уроженецъ Исландіи, нынѣ первоклассный Европейскій ученый, начальникъ Секретнаго Архива Даніи, президентъ общества Исландскаго, и первый, дѣятельнѣйшій членъ Копенгагенскаго. Ему уже гораздо за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ еще крѣпокъ и свѣжъ. Вотъ кому Сѣверная Исторія преимущественно обязана своими послѣдними успѣхами; ни одного года не проходитъ, чтобъ онъ не издалъ чего-нибудь для ея объясненія и распространенія. Миѳологію, Поэзію, Исторію воздѣлывалъ онъ равно. Это живая Норманнская Энциклопедія, и что Шафарикъ значитъ для Словенщины, то Магнусенъ для міра Скандинавскаго, еще обширнѣе, богаче, потому что предѣлы сѣверные тѣснѣе, чѣмъ Словенскіе. Въ первые три дня моего пребыванія Магнусенъ проводилъ со мною только время обѣда и ужина, потому что отходила почта въ Исландію (а эта почта плаваетъ на корабляхъ только два раза въ годъ), и ему надо было приготовить до пятидесяти писемъ и рѣшеній на вопросы, какъ президенту оттуда предложенные. Но въ остальное время онъ былъ безпрестанно со мною, равно какъ и Рафнъ, и я не зналъ, какъ благодарить сихъ достопочтенныхъ друзей науки за ихъ любезную готовность удовлетворять мое любопытство". Съ большимъ сочувствіемъ Погодинъ отзывается и о Рафнѣ, дѣятельности котораго Копенгагенское Общество обязано большею частію своихъ успѣховъ. „Въ его домѣ цѣлая канцелярія, и корреспонденціи его мудрено подражать". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ оплакиваетъ преждевременную кончину Датскаго ученаго Раска, „человѣка", по замѣчанію Погодина, „геніальнаго, который могъ бы для Сравнительной Филологіи быть тѣмъ, что Риттеръ для Географіи: онъ зналъ хорошо по Русски, живъ долго въ Петербургѣ, путешествовалъ въ Индію, и скончался въ цвѣтѣ лѣтъ". Рафнъ познакомилъ Погодина съ ученымъ артиллеристомъ Кепперомъ, который былъ въ Москвѣ въ 1838 году и заѣзжалъ къ Погодину въ то время,

когда онъ садился въ коляску, чтобы ѣхать въ Воронежъ. Погодинъ былъ очень тронутъ, увидя въ домѣ Кеппера виды нашего Кремля. Имѣя свой собственный богатый кабинетъ азіатскихъ вещей, Кепперъ служилъ начальникомъ зам̀ка Розенборга, въ коемъ хранятся государственныя достопамятности. Само собою разумѣется, Погодинъ, пользуясь знакомствомъ съ Кепперомъ, обозрѣлъ эти достопамятности, и вотъ что писалъ онъ по этому поводу: „Расположеніе по царствованіямъ можно бы перенять у насъ для Оружейной Палаты или для будущаго музея, о которомъ такъ давн̀о я брежу. Одна комната посвящена Фридриху II, коего всѣ вещи въ ней и хранятся, другая Христіану IV, третья Фридриху III. Съ любопытствомъ разсматривалъ я портреты его семейства, изъ коего дочери судьба предоставила сдѣлаться прародительницей королей Шведскихъ и Саксонскихъ и императоровъ Русскихъ. Во множествѣ вещей примѣчательныхъ по древности обратили мы вниманіе на мечъ Густава-Адольфа, шпагу Карла XII, календарь Христіана IV съ означеніемъ счастливыхъ и несчастныхъ дней, стаканъ Фридриха II въ четыре бутылки, который выпивалъ, кажется, графъ Нассау и проч.“

Вообще, пребываніе Погодина въ Копенгагенѣ въ средѣ тамошнихъ ученыхъ произвело на него самое свѣтлое впечатлѣніе. „Мудрено дать отчетъ“, пишетъ онъ,—„о добродушіи и искренности Датскихъ ученыхъ. Нѣмцы очень учтивы, Французы очень любезны, а Датчане готовы какъ будто отдать вамъ себя. Кратковременное пребываніе мое въ Копенгагенѣ останется для меня памятнымъ навсегда“.

Въ соборной церкви Копенгагена приковали къ себѣ благоговѣйное вниманіе Погодина колоссальная статуя Спасителя и двѣнадцати Апостоловъ, твореніе знаменитаго Торвальдсена. „Если скромному любителю позволено“, пишетъ Погодинъ,— „произнести здѣсь свое слово, не во услышаніе, а тихо, то вотъ мое мнѣніе: фигуры отдѣльно взятыя—превосходны. Геній художника выразился вполнѣ. Что за характеры, что за положенія, моменты, какое смиреніе на лицѣ Симона Зилота, сло-

жившаго руки! Какое благоговѣніе въ чертахъ Іуды, Ѳадея! Андрей, опираясь на крестъ, готовъ съ любовію подвергнуться казни. Іаковъ, братъ Іоанновъ, съ странническимъ посохомъ, спѣшитъ проповѣдывать, исполненный ревностію. Іоаннъ слышитъ, кажется, гласъ Божій. Павелъ съ подъятымъ перстомъ произноситъ слово со властію, повелѣваетъ вѣрить, держа въ одной рукѣ мечъ. У Матвѣя на колѣняхъ скрижаль, онъ пишетъ, проникнутый до глубины души, пораженный, удивленный и вмѣстѣ смиренный. Филиппъ принимаетъ крестъ съ благословеніемъ. Простота и кротость младенчески сіяютъ въ чертахъ Іакова. Ѳома думаетъ, приложивъ указательный палецъ къ устамъ, но уже убѣжденный, уже держащій орудіе смерти, коимъ онъ готовъ запечатлѣть новую свою вѣру. Варѳоломею не дано, кажется, особаго значенія, его статуя и статуя Петра показались мнѣ ниже всѣхъ. Но признаться ли искренно: Изъ всѣхъ фигуръ наименѣе остался я довольнымъ фигурою Спасителя“.

По своему обычаю, Погодинъ бросилъ высшій взглядъ на Копенгагенъ съ высоты колокольни; хотя она и выше Ивана Великаго, тѣмъ не менѣе, Погодинъ „имѣлъ храбрость“ дойти по витой лѣстницѣ до креста „съ дрожью въ пяткахъ“. „Особенное чувство имѣешь“, замѣчаетъ онъ,—„въ этомъ воздушномъ пространствѣ, между небомъ и землею, лѣпясь къ стѣнѣ, пробираясь шагъ за шагомъ къ верху“.

Предъ отъѣздомъ изъ Копенгагена погода сдѣлалась ужасная: „вѣтеръ бушевалъ, съ особенною силою, и ни одинъ пароходъ не явился въ *назначенное* время; слухи ходили о разныхъ несчастіяхъ на морѣ“. Погодину стало жутко, и онъ рѣшился ѣхать обратно сухимъ путемъ, кромѣ переѣздовъ чрезъ Бельты. Финнъ-Магнусенъ и Рафнъ проводили его до дилижанса, и Погодинъ отправился въ путь, замѣтивъ о Даніи, что въ ней вообще „нѣтъ уродливыхъ богатствъ“. Проѣхалъ Зеландію, Фіонію, Шлезвигъ и Голштейнъ до Гамбурга.

VI.

Не останавливаясь въ Гамбургѣ, Погодинъ отправился въ Геттингенъ, „Мекку его студенчества".

„Геттингенскій Университетъ", пишетъ онъ, — „въ наше время славился больше, чѣмъ нынѣ Берлинскій. Возбужденные предисловіемъ Шлецера къ *Нестору*, славою Гейне, мы представляли его себѣ какъ будто на облакахъ. Имена всѣхъ профессоровъ и ихъ труды были извѣстны намъ столько же, какъ собственные свои. Исторію Геттингенскаго Университета мы знали наизусть, начиная съ попечителя Мюнхгаузена, котораго любили мы столько же, какъ своего Муравьева, умершаго впрочемъ лѣтъ за двадцать-пять до нашего вступленія въ университетъ". Спутникомъ Погодина изъ Гамбурга былъ профессоръ исторіи Клементъ изъ Кильскаго университета. У него сталъ Погодинъ разспрашивать о Вагріи, откуда нѣкоторые у насъ хотѣли выводить Варяговъ. „Онъ знаетъ всю нынѣшнюю Голштинію, какъ пять пальцевъ"; и Клементъ рѣшительно отвѣчалъ Погодину, „что нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какъ въ Гельмольдѣ и его преемникахъ, такъ и во всѣхъ оставшихся памятникахъ, ни о путешествіяхъ въ Россію и Грецію, ни о службѣ, ни о походахъ, ни о знакомствѣ и сношеніяхъ. Погодинъ просилъ его обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе и доставить записку въ наше Историческое Общество".

Рано поутру Погодинъ пріѣхалъ въ Ганноверъ. За кофе онъ „выслушалъ презанимательный разговоръ нѣсколькихъ почтенныхъ бюргеровъ о возможномъ могуществѣ Германіи. О еслибы мы соединились, воскликнулъ старшій, ударивъ кулакомъ о столъ, такъ что вспрыгнули чашки, весь свѣтъ долженъ бы пасть предъ нами на колѣна. И онъ началъ доказывать слабость Англіи, Франціи и Россіи!"

Пользуясь четырехъ-часовою остановкою, Погодинъ съ своими спутниками отправился „поклониться памятнику Лейбница, безспорно одного изъ первыхъ сыновъ Германіи, ко-

торому однакожъ нынѣ приписываютъ Словенское происхожденіе".

Въ Ганноверѣ возвышается также монументъ въ память Ватерлосской побѣды, которую, замѣчаетъ Погодинъ „не понимаю уже, по какому праву присвоиваютъ себѣ добрые Ганноверцы, развѣ потому, что герцогъ Кумберландскій командовалъ тамъ какимъ-то кавалерійскимъ полкомъ". Близъ памятника учились Ганноверскіе воины. Смотря на нихъ, Погодинъ воскликнулъ: „О несчастные! Что у нихъ за офицеры, что за капралы? Какъ передаются приказанія! Какая неповоротливость въ движеніяхъ. Какіе отдыхи! Я повелъ глазами отъ Ватерлосскаго монумента къ эволюціямъ, и отъ эволюцій къ бюсту Лейбница. Философу стыдно, казалось, было смотрѣть на кукольную игру своихъ соотечественниковъ!" Не довольствуясь однимъ только памятникомъ Лейбница, Погодинъ отправился отыскивать и домъ его. „И что же? Насилу нашли. Человѣкъ пять изъ встрѣчныхъ не могли намъ указать его. Одинъ, порядочно одѣтый, спросилъ: а что господинъ Лейбницъ — купецъ или чиновникъ? Другой спросилъ насъ, подъ которымъ нумеромъ. Домъ находится на Schmiedestrasse auf der Ekke mit der Kaiserstrasse. Онъ очень высокъ, въ восемь этажей, украшенъ разными лѣпными изображеніями изъ священной исторіи, преимущественно Страстей Господнихъ. Внизу надпись: *Posteritati, Anno 1652.* Наружная сторона сохранена во всей цѣлости"...

Прогуливаясь по Ганноверу, Погодинъ думалъ о исторической картинѣ Германіи, съ государствами отъ нея происшедшими—Англіей, Голландіей, Швеціей, Даніей, и съ династіями, живыми и разсѣянными въ Италіи, Австріи, Россіи, представлялъ себѣ, какъ выразилась ея внѣшняя жизнь по всѣмъ симъ краямъ, и какъ дома развился человѣкъ умственный. „Это", прибавляетъ онъ,—„было бы очень занимательно. Отрасль ея, привившись къ инороднымъ дикимъ и не дикимъ деревьямъ, Кельтическимъ и Словенскимъ, получила совсѣмъ иную силу и характеръ, между тѣмъ какъ собственный стволъ лишился

совершенно способности къ внѣшней дѣятельности и ограничился дѣйствіями ума. Имъ только и должны гордиться Нѣмцы, говоря о Германіи собственно такъ-называемой, а они восклицаютъ о политической важности". Очевидно, Погодинъ не придавалъ значенія тогдашнимъ мечтамъ Нѣмцевъ о единствѣ Германіи и о развитіи ея политической силы, съ которымъ придется считаться другимъ народамъ.

Въ глухую полночь пріѣхалъ Погодинъ въ Геттингенъ. На другой день, рано утромъ, онъ отправился на кладбище и тамъ прежде всего сталъ отыскивать могилу Шлецера. „И мы", пишетъ онъ,—„принялись разбирать надписи: Вотъ здѣсь лежитъ Бутерекъ, здѣсь Тибо. Вотъ могила Герена (котораго я очень уважаю за его ясность, простоту, дѣятельность, ученость, здравый смыслъ). Надпись на камнѣ изъ Посланія Апостола Павла къ Коринѳянамъ: *сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6). На другой сторонѣ: A. H. L. Геренъ, родился 25 октября 1760 года, скончался 6 мая 1842. Я положилъ поклонъ предъ памятникомъ достопочтеннаго мужа. А вотъ Гейне, отъ котораго Кубаревъ сходилъ съ ума во время оно, какъ я отъ Шлецера. Родился 26 апрѣля 1729, скончался 14 іюля 1812. Съ трепещущимъ сердцемъ переходилъ я отъ камня къ камню, встрѣчая безпрестанно знакомыхъ покойниковъ: Лихтенбергъ, Кестнеръ, Блуменбахъ, Шлецеровъ камень не попадался. Я послалъ педеля за могильщикомъ и остался одинъ, продолжая свои меланхолическіе визиты. Солнце сіяло во всемъ блескѣ на ясномъ голубомъ небѣ; въ воздухѣ разлита была животворная свѣжесть. Я думалъ о трудахъ достопочтенныхъ профессоровъ въ этомъ мирномъ углу Германіи: чѣмъ наполняли они жизнь свою, на что задавались, чѣмъ заключили свое странствіе, и что отъ нихъ осталось. Думалъ объ ученой жизни; мнѣ казалось, что тѣни Гереновъ, Гейне, Шлецеровъ летаютъ надо мною и улыбаются мнѣ съ сожалѣніемъ. Ахъ еслибъ вы вымолвили слово! Смутно, но сладко было у меня на душѣ. Наконецъ, пришелъ могильщикъ, вновь опредѣлившійся, онъ не былъ

счастливѣе насъ, не нашелъ памятника, и я долженъ былъ поклониться Шлецеру въ общемъ поклонѣ всему кладбищу. „Покажите же мнѣ по крайней мѣрѣ домъ его. Чей онъ теперь?“ „Шлецеровъ домъ купленъ былъ Гереномъ“. „Какъ, Геренъ жилъ въ Шлецеровомъ домѣ?“ „Такъ точно“. „Кто живетъ теперь тамъ?“ „Вдова Геренова“. „Вдова Герена, дочь Гейне! Ведите скорѣе меня къ ней“. Мы оставили кладбище, и чрезъ нѣсколько улицъ подошли къ порядочному дому въ два этажа, подлѣ библіотека и университетъ. Госпожа Геренъ, осьмидесятилѣтняя старушка, еще не вставала. Она занимаетъ комнаты въ нижнемъ этажѣ, я просилъ позволенія осмотрѣть верхніе, служанка повела насъ вверхъ по лѣстницѣ, и я увидѣлъ передъ собою кабинеты и Шлецера и Герена. Не могу никакъ описать, какое впечатлѣніе произвели на меня эти опустѣлые покои двухъ тружениковъ науки, изъ которыхъ каждый работалъ лѣтъ по пятидесяти на избранномъ имъ поприщѣ — Исторіи. По стѣнамъ стояли порожнія полки; на другихъ лежало по нѣскольку книгъ какъ попало, большая часть валялась по полу, покрытая пылью и паутиною. На окнахъ стояли двѣ чернилицы съ засохшими чернилами. Вотъ скромный деревянный столъ, ветхое кресло Машинально поднялъ нѣсколько книгъ и развернулъ страницы. Вотъ спальня Геренова. Кабинетъ Шлецера, окнами въ садъ съ старыми развѣсистыми деревьями. Вотъ здѣсь, можетъ быть, стоялъ его пюпитръ, на которомъ лежала никогда не закрывавшаяся лѣтопись Несторова... Библіотеку Герена купила Гимназія, и теперь осталась какая-то смѣсь, не вошедшая въ каталогъ. Педель разсказывалъ мнѣ между тѣмъ о послѣднихъ годахъ жизни Гереновой: онъ сдѣлался совершеннымъ младенцемъ и не понималъ почти ничего, но оставался совершенно вѣрнымъ прежнему образу жизни, какъ ее велъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ: вставалъ рано поутру, приходилъ въ свой кабинетъ, садился въ свое кресло, бралъ книгу, начиналъ читать, принимался за перо, начиналъ писать, диктовалъ, слушалъ, — но ясно было, что онъ

не понималъ ничего изъ своихъ дѣйствій. Какъ это трогательно! Нѣсколько разъ переходилъ я унылый изъ комнаты въ комнату".

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, „полнымъ безотчетнаго чувства", оставилъ Погодинъ домъ, и зашелъ къ библіотекарю, профессору Шауману, съ которымъ повелъ онъ бесѣду „о древней Исторіи Нѣмецкой, коей Шауманъ занимается". Пользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ сообщилъ ему свою гипотезу „о заселеніи Германіи чрезъ Уралъ и Скандинавскій полуостровъ къ берегамъ Нѣмецкаго моря". Со своей стороны Шауманъ сообщилъ Погодину свой результатъ „о необходимости принять въ Германіи два племени". Разговоръ остановился на самомъ занимательномъ мѣстѣ, ибо Погодинъ торопился въ библіотеку. Ему хотѣлось „хоть обѣжать ее, по слѣдамъ Шлецеровымъ, какъ онъ собиралъ свой комментарій къ Нестору".

Геттингенская Библіотека, пишетъ Погодинъ, „знаменитѣйшая въ Германіи. Между шкафами стоятъ бюсты профессоровъ и ученыхъ Нѣмецкихъ.—Вотъ и портретъ Мюнхгаузена, покровителя ученыхъ, умнаго, благодѣтельнаго, горячаго! О какъ низко я поклонился ему, хоть и чужому! Если бы побольше было людей, ему подобныхъ! Онъ самъ ничего не дѣлалъ, не думалъ дѣлать, а сколько чрезъ него дѣлалось, и за все чужое дѣло ему слава".

VII.

Изъ Геттингена, чрезъ Минденъ, Кассель и Франкфуртъ, Погодинъ отправился въ Дюссельдорфъ. Дорогою онъ „думалъ о двухъ племенахъ", на которыхъ остановился его разговоръ съ Шауманомъ въ Геттингенѣ: „не произошло ль отъ одного—дворянство и городовое сословіе, а отъ другого крестьяне". „Нѣмецъ — гессенецъ," замѣчаетъ—Погодинъ, „совершенно отличается по виду и типу отъ прочихъ". Такое

же отличіе замѣчалъ онъ, проѣзжая Ганноверское королевство. Погодинъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что „всѣ древнія племена Нѣмецкія ведутся донынѣ подъ новыми именами“. Изъ Майнца въ Дюссельдорфъ Погодинъ поплылъ по Рейну. „На пароходѣ“, пишетъ онъ, — „встрѣтился землякъ, регентъ пѣвчихъ, ѣхавшій ко двору великой княгини Анны Павловны, который вечеромъ потѣшалъ насъ Русскими пѣснями и разговорами съ Нѣмцами; въ его лексиконѣ было для нихъ только четыре слова. Надо было видѣть, какъ онъ пользовался этими словами! Какъ ихъ обертывалъ и дополнялъ тѣлодвиженіями! О, Русскій народецъ! Какимъ умомъ одарилъ тебя Богъ!“

По пріѣздѣ въ Дюссельдорфъ Погодинъ прежде всего отправился на почту, гдѣ его ожидала „дюжина писемъ, одно другого интереснѣе“; но между ними было „только одно Московское“ отъ графа С. Г. Строганова. Письмо это заключало въ себѣ отвѣтъ на письмо Погодина изъ Маріенбада (отъ 6 августа), въ которомъ онъ просилъ о продолженіи ему срока отпуска для оффиціальной поѣздки въ Копенгагенъ. На это письмо графъ Строгановъ отвѣчалъ: „Имѣю честь увѣдомить, что какъ предположеніе о порученіи вамъ посѣтить Копенгагенъ, гдѣ Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ имѣетъ намѣреніе приступить къ печатанію своего собранія *Antiquitates Rossicae*, было сдѣлано отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, то о предположенной вами поѣздкѣ въ Копенгагенъ гораздо лучше будетъ обратиться къ его высокопревосходительству, а я съ своей стороны не могу дать подобнаго порученія да и согласія моего на эту отсрочку, потому что она будетъ вредна для Университета, гдѣ васъ ожидаютъ два курса студентовъ. Передъ отъѣздомъ вашимъ, предвидя невозможность исполнить прежнее предположеніе ѣхать въ Копенгагенъ, вы говорили, что будете довольствоваться свиданіемъ въ Веймарѣ съ протоіереемъ Сабининымъ. Какъ же вы это забыли, милостивый государь? Что же касается до страннаго недоразумѣнія, которому приписываете позднее доставленіе

вамъ заграничнаго отпуска, долгомъ считаю отвѣтствовать, что 9-го іюня послѣдовало Высочайшее соизволеніе на отъѣздъ вашъ, 12-го подписано сообщеніе г. Министра и 20-го передано оно отъ меня Правленію Университета, отъ котораго вы получили его только 15 іюля, потому что забыли просить объ увольненіи своемъ ближайшее свое начальство. Я полагаю, что приличнѣе было бы вамъ, милостивый государь, возвратиться въ срокъ къ должности своей и отложить поѣздку вашу въ Копенгагенъ до другого болѣе благопріятнаго времени". Письмо это не могло не смутить Погодина. Тѣмъ не менѣе, прочитавъ его, онъ отправился гулять по высокимъ Дюссельдорфскимъ аллеямъ „и пустилъ", пишетъ онъ, — „на вѣтеръ налетѣвшую тоску, которая по предмету своему не стоитъ моего вниманія". Вслѣдъ за нимъ онъ получилъ успокоительное письмо отъ своей жены, которая знала, что онъ побывалъ уже въ Копенгагенѣ. „Письмо графа Строганова", пишетъ она,—„чтобы ты не ѣздилъ въ Копенгагенъ, не смотря на всю нелюбезность его, я рада была этому письму, опасаясь за тебя морского путешествія; но, слава Богу, эту опасность уже преодолѣлъ ты, теперь остается во мнѣ страхъ за Дунайскій пароходъ. Будемъ молиться. Въ противоположность вышеприведенному письму (т.-е. письму графа Строганова) прилагаю копію письма Уварова къ тебѣ отъ 23 сентября: „...Вы не должны безпокоиться на счетъ срока вашего возвращенія, имѣя порученіе быть въ Копенгагенѣ... Часть лѣта провелъ я съ семействомъ въ Порѣчьѣ, однакоже, не болѣе двухъ недѣль, ибо былъ вызванъ сюда пріѣздомъ Государя; съ тѣхъ поръ нахожусь здѣсь — частью по дѣламъ, частью отъ того, что жена имѣла несчастіе переломить себѣ маленькую кость правой ноги; но, благодаря Богу, это приключеніе не имѣетъ никакой важности и, по увѣренію Иноземцова и Спасскаго, не будетъ имѣть никакого послѣдствія; такъ что я собираюсь завтра выѣхать въ Петербургъ. Будьте здоровы и возвращайтесь съ обновленными силами во свояси. Весь вашъ". Ну, не мило ли это письмо; на сердцѣ

дѣлается теплѣе... Степанъ Петровичъ Шевыревъ измучился, жаль смотрѣть на него. Надеждинъ проѣзжалъ черезъ Москву. Я видѣлась съ нимъ у Аксакова. Онъ очень перемѣнился, былъ сильно боленъ въ Кіевѣ, пролежалъ двадцать три дня и теперь еще слабъ. Онъ сказалъ мнѣ, что образокъ твой нашелся у Максимовича, который передалъ его Неволину. Ахъ, скоро ли дождусь тебя! Какъ мнѣ скучно!"

Въ это время въ Дюссельдорфѣ проживалъ Жуковскій. Само собою разумѣется, Погодинъ счелъ долгомъ посѣтить его. Вотъ разсказъ нашего путешественника объ этомъ посѣщеніи. Домъ, въ которомъ живетъ Жуковскій, „помѣщается за городскимъ гуляньемъ, въ одно жилье съ вышкою, подъ сѣнью густыхъ высокихъ деревьевъ, въ большомъ саду, къ которому прилегаетъ Гораціевъ огородъ. Описать его покои — выйдетъ ода .. Древній и новый міръ, язычество и христіанство, классицизмъ и романтизмъ являются на стѣнахъ его въ прекрасныхъ картинахъ: здѣсь сцены изъ Гомера, тамъ жизнь Іоанны Даркъ; впереди Дрезденская и Корреджіева Мадонна, молитва на лодкѣ бѣднаго семейства, Рафаэль и Дантъ, Сократъ и Платонъ. Въ Помпеѣ археологи называютъ одинъ домъ домомъ поэта по какимъ-то неяснымъ примѣтамъ, но домъ Жуковскаго съ перваго взгляда никому нельзя назвать иначе".

Весь день Погодинъ провелъ съ Жуковскимъ и „донесъ ему о состояніи Русской литературы — о *Мертвыхъ душахъ* Гоголя и мнѣніяхъ, произведенныхъ ими, о сочиненіяхъ преосвященнаго Иннокентія, о трудахъ Павскаго и Востокова, о геніальномъ твореніи Посошкова и изданіяхъ Археографической Коммиссіи, наконецъ, о нелѣпомъ направленіи нѣкоторыхъ непризванныхъ писакъ, которые смѣлою рукою дерзаютъ метать плевела на нашу чистую ниву". Съ своей стороны Жуковскій прочелъ Погодину двѣ пѣсни Гомеровой *Одиссеи* въ своемъ переводѣ и объяснилъ ему правила, коихъ при переводѣ держится; потомъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ Рюкертовой поэмы *Наль и Дамаянти*, коею онъ перенесетъ

насъ въ Индію, „такимъ образомъ“, замѣчаетъ Погодинъ,—„дополнитъ міръ поэзіи, открытый имъ для своихъ соотечественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда не водилъ онъ насъ, чего намъ не показалъ? Древность въ *Одиссеи*, въ отрывкахъ изъ *Иліады*, *Энеиды*, *въ Превращеніяхъ* Овидія; Средніе Вѣка въ *Орлеанской Дѣвѣ*, балладахъ Шиллера, романсахъ о Сидѣ. Германія, Англія, Испанія стали намъ равно знакомы. Сколько есть еще у него плановъ для новыхъ произведеній. Кто не пожелаетъ усердно, горячо, чтобъ онъ успѣлъ ихъ кончить всѣ на славу Русской Словесности, чтобъ задумалъ еще новые... А я“, продолжаетъ Погодинъ, — „съ своей стороны опять приставалъ къ нему, чтобъ онъ взялся за *Патерикъ*, воспѣлъ основаніе Печерской церкви, для котораго Несторъ и Симонъ представляютъ ему такія живыя краски, такое богатое, полное расположеніе!“

На другой день Погодинъ поѣхалъ въ Ахенъ черезъ Кельнъ, откуда идетъ желѣзная дорога. Въ Кельнѣ онъ прошелся по собору и „поглазѣлъ на ярмарку, гдѣ балаганные ораторы разсказываютъ исторіи не лучше нашихъ“. Въ Ахенъ Погодинъ пріѣхалъ за-свѣтло и осмотрѣлъ соборъ съ надгробною плитою Карлу Великому, послушалъ двухъ проповѣдниковъ, которые, замѣчаетъ онъ, „кричали съ своихъ каѳедръ безъ милосердія, хотя и о милосердіи, безъ чувства, хотя и о чувствѣ“. Раннимъ утромъ Погодинъ прибылъ въ Литтихъ, городъ „очень милый, съ древними церквами“; но окрестности его, „покрытыя плавильными печами, желѣзными заводами, высокими трубами“, показались Погодину еще интереснѣе. „Вездѣ пышетъ огонь“, замѣчаетъ онъ, — „сыплются искры, вьется дымъ и разносится смрадъ“. Когда попадались Погодину покрытыя сажею лица работниковъ, то онъ разспрашивалъ объ ихъ состояніи. „Не понимаю“, пишетъ онъ,—„какъ писатели, путешествуя, не умѣютъ выбирать подробностей о своихъ предметахъ. Сколько любопытнаго можно бы сообщать о жизни работниковъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, славящихся своей цивилизаціей! Какъ

занимательно могло бы быть сравненіе ихъ съ Россіей во многихъ отношеніяхъ".

Изъ Литтиха Погодинъ отправился въ Брюссель чрезъ Антверпенъ, гдѣ приковали его вниманіе безсмертныя произведенія Рубенса. Увидя въ академическомъ саду „по стѣнамъ вставленныя доски въ память прежнихъ знаменитыхъ художниковъ", Погодинъ справедливо замѣчаетъ: „Какъ я люблю эти торжественныя общественныя изъявленія уваженія и благодарности. Они производятъ животворныя впечатлѣнія на молодыхъ людей, и кто знаетъ, въ какой степени одна такая минута связывается со всею ихъ дѣятельностью, что̀ производитъ въ продолженіи всей ихъ жизни. Надо выдумывать предлоги къ произведенію такихъ впечатлѣній, а у насъ ни въ одномъ университетѣ нѣтъ никакихъ портретовъ. Напрасно молодой, любознательный юноша пожелаетъ увидѣть Поповскаго, Барсова, Шадена, Тимковскаго, Сохацкаго, Страхова—первыхъ основателей или прославителей университета. Гдѣ они? Впрочемъ, что я говорю! Утѣшимся: никто не желаетъ, ибо никто не знаетъ, да и сказать некому! Это лишнее. Довольно съ насъ новенькихъ нѣмецкихъ тетрадокъ!"

VIII.

Изъ Антверпена по желѣзной дорогѣ Погодинъ отправился въ Брюссель. Здѣсь ему хотѣлось повидать Лелевеля. Характеръ этого замѣчательнаго человѣка былъ предметомъ давнихъ размышленій Погодина. Его занималъ „психологическій процессъ"—какъ изъ Лелевеля „отшельника, проведшаго большую половину жизни въ подземельѣ надъ самыми утомительными изысканіями, могъ образоваться такой бурный политическій характеръ". Къ тому же Погодину желалось состязаться съ нимъ „о Польской Исторіи, въ которой", пишетъ онъ,—„для меня слишкомъ ясно отражается невозмож-

ность политической самостоятельности и неизбѣжность такого или подобнаго окончанія“. Наконецъ, занимаясь изслѣдованіемъ о происхожденіи поземельной собственности въ Россіи, я желалъ узнать его мнѣніе объ этомъ предметѣ въ древней Польшѣ. Въ первое мое путешествіе я не осмѣливался посѣтить Лелевеля, опасаясь, чтобы мое посѣщеніе не было растолковано въ дурную сторону. Но нынѣ я рѣшился: служа слишкомъ двадцать лѣтъ профессоромъ, издавая нѣсколько журналовъ, напечатавъ столько сочиненій, въ коихъ ясно выражены всѣ мои мысли, и гражданскія, и человѣческія, я смѣю считать себя въ правѣ на довѣренность своего Правительства, и могу не останавливаться никакими побочными соображеніями“. Успокоившись такими разсужденіями, Погодинъ зашелъ въ книжную лавку узнать, гдѣ живетъ Лелевель, но не могъ добиться толку въ трехъ; велѣли наконецъ спросить въ *Café des beaux arts*, куда, де, онъ ходитъ проводить всякій вечеръ. Отыскавъ эту кофейную, Погодинъ получилъ въ отвѣтъ, что уже *полгода, какъ они перестали ходить туда*. Одинъ мальчикъ выручилъ Погодина и сообщилъ адресъ Лелевеля.

На другой же день, Погодинъ отправился къ Лелевелю, и вотъ въ какой обстановкѣ нашелъ онъ знаменитаго историка: „Его estaminet“, пишетъ Погодинъ, — „находится въ глухой улицѣ: внизу, въ комнатѣ не слишкомъ чистой продаются съѣстные припасы и угощаются гости. Я спросилъ хозяйку, стоявшую за ставкою, дома ли г. Лелевель. Пожалуйте—въ этотъ корридоръ, потомъ вверхъ по лѣстницѣ, и направо вы увидите его комнату. Я пробрался кое-какъ въ темнотѣ и позвонилъ въ низенькую дверь. „Кто тамъ?“ раздался сердитый голосъ. Я постучался во второй разъ. „Entrez“. Дверь была не заперта. Мнѣ представился худощавый человѣкъ, низкаго роста, нѣсколько согбенный, съ длинными темнорусыми волосами, съ небольшою просѣдью, въ темно зеленой толстой курткѣ; онъ сидѣлъ за столомъ, держа въ одной рукѣ монету, а въ другой увеличительное стекло. Оборотившись головою

къ двери и смотря на меня прищуренными глазами, онъ спросилъ меня, чего мнѣ надо.

Погодинъ. Я профессоръ Московскаго Университета Погодинъ, который имѣлъ случай спорить съ вами въ 1825 году о мѣстопребываніи Рюрика...

Лелевель. Когда... Онъ не далъ мнѣ договорить и бросился обнимать меня.—Какъ вы осмѣлились придти ко мнѣ?

Погодинъ. Я отвѣчалъ, что не вижу здѣсь никакой смѣлости: человѣкъ ученый, чуждый политики, я пришелъ къ вамъ узнать ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ вопросахъ Древней Исторіи, коей вы занимались много.

Онъ выразилъ свою радость, и разговоръ нашъ начался очень пріятно. Признаюсь, я не имѣлъ духа начать съ нимъ говорить объ Исторіи въ отношеніи къ политикѣ, и тотчасъ спросилъ его мнѣніе о происхожденіи частнаго владѣнія въ Польшѣ. Онъ не былъ въ состояніи отвѣчать мнѣ положительно на этотъ вопросъ, какъ Шафарикъ о Богеміи и Копенгагенскіе ученые о Скандинавіи, а предложилъ нѣсколько общихъ догадокъ; самое любопытное изъ сказаннаго имъ было то, чтобъ я, если случится мнѣ проѣзжать Волынь, обратилъ вниманіе на Овручь, гдѣ, по его замѣчанію, въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ сохранилось много древняго, первоначальнаго, хотя онъ и не могъ сказать, что именно, потому что имѣлъ случай замѣтить это слишкомъ давно.

Польская Исторія его готова семь лѣтъ, но онъ не находитъ издателя напечатать ее.

Погодинъ. Я слышалъ, что вы пишете Русскую Исторію.

Лелевель. О нѣтъ, я не имѣю никакихъ средствъ, у меня нѣтъ даже книгъ для справокъ: здѣсь нельзя найдти полнаго Карамзина, и я не знаю, что у васъ выходитъ.

Я посовѣтовалъ ему обратиться съ просьбою къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія или Попечителю Московскаго Университета, отъ котораго онъ получилъ нумизматическія изданія“.

Просидѣвъ у него часа полтора, Погодинъ „простился съ

горестнымъ чувствомъ: зачѣмъ оторвался отъ науки этотъ человѣкъ, который могъ сдѣлать для нея столько; какъ могъ онъ вмѣсто того, чтобъ открывать глаза своимъ соотечественникамъ, содѣйствовать ихъ ослѣпленію. Бѣдная мудрость человѣческая!"

„Комнатка у него", пишетъ Погодинъ,—„широкая, но низкая, съ двумя или тремя малыми окошками; у одного изъ нихъ стоитъ его работный столъ, а по стѣнѣ стоятъ полки съ книгами; въ другомъ углу за ширмами кровать, еще тричетыре стула".

О своемъ посѣщеніи Лелевеля Погодинъ весьма лаконически писалъ въ Москву къ Шевыреву: „Да, я былъ... въ Брюсселѣ, но скажу послѣ у кого".

Между тѣмъ Дюссельдорфское „жестокое письмо", т.-е. письмо графа С. Г. Строганова „требовало" Погодина въ Москву, а потому онъ отложилъ свою поѣздку въ Руанъ, и оттуда въ Байё и „скрѣпя сердце" рѣшился удовольствоваться Парижемъ, откуда „предпринять немедля обратный путь" въ Отечество.

Въ Парижѣ Погодинъ провелъ пять сутокъ. Прежде всего онъ посѣтилъ здѣсь гробницу Наполеона. „Она", пишетъ онъ,—„поставлена въ одномъ придѣлѣ за алтаремъ церкви Инвалидовъ. Вслѣдъ за толпою черезъ дворъ и нѣсколько коридоровъ мы дошли до нея. Сердце сжималось у меня, по мѣрѣ того какъ я приближался къ останкамъ великаго мужа. У самаго входа на часахъ стояли съ значками въ рукахъ два изувѣченные воина. Народъ впускался по очереди къ рѣшеткѣ, отдѣляющей придѣлъ отъ средней залы. Наконецъ подходимъ и мы. Въ срединѣ на катафалкѣ стоялъ гробъ подъ бархатнымъ покровомъ. Въ придѣлѣ царствовалъ глубокій мракъ. По завѣшаннымъ бархатомъ стѣнамъ виднѣлись имена сраженій, одноглавые орлы и начальныя буквы его имени (N)... Неужели здѣсь лежитъ онъ? А все-таки", замѣчаетъ Погодинъ, — „лучше бъ было оставаться ему на островѣ Св. Елены".

Узнавъ, что Шатобріанъ въ городѣ, Погодинъ рѣшился посѣтить его. „Меня“, пишетъ онъ, пугали,—„что онъ не приметъ, что надо по крайней мѣрѣ написать къ нему предварительно письмо, и тому подобное; но времени у меня было слишкомъ мало, и я рѣшился поѣхать къ нему просто. Замѣтить надо, что я съ большими затрудненіями нашелъ его адресъ уже въ календарѣ между членами Института. Отдаю свою карточку камердинеру, который чрезъ минуту возвратился, приглашая меня войдти чрезъ залу въ кабинетъ. Меня встрѣчаетъ старичекъ низкаго роста, съ разсѣвающимися волосами, широкій въ плечахъ, плотный собою“. Погодинъ обратился къ нему съ такими словами: „Вашимъ сочиненіямъ я обязанъ многими прекрасными минутами въ моей молодости: они были для меня обильными источниками всего добраго и прекраснаго, — и я почелъ священнымъ долгомъ, пріѣхавъ теперь въ Парижъ, засвидѣтельствовать вамъ искреннюю свою благодарность и почтеніе“. „Въ самомъ дѣлѣ“, пишетъ онъ,— „на девятнадцатомъ, на двадцатомъ году я былъ очарованъ Шатобріановымъ краснорѣчіемъ вмѣстѣ съ госпожею Сталь, читалъ его и перечитывалъ, перевелъ *Рене*, два тома *Génie du Christianisme.* Старецъ, услышавъ мое привѣтствіе, былъ, кажется, очень доволенъ, посадилъ меня подлѣ себя у камина, въ коемъ поправлялъ уголья, и началъ разспрашивать о Русской Литературѣ, Государѣ, съ которымъ онъ встрѣчался въ Берлинѣ, о просвѣщеніи. Между тѣмъ секретарь его, сидя за письменнымъ столомъ, дожидался, кажется, его диктанта, и я не хотѣлъ мѣшать ему въ его занятіяхъ, откланялся, довольный тѣмъ, что видѣлъ примѣчательнаго человѣка и своей благодарностью доставилъ удовольствіе писателю, который былъ мнѣ полезенъ“.

По вечерамъ Погодинъ посѣщалъ театръ. Смотрѣлъ на мамзель Рашель въ Гарміонѣ и замѣтилъ, что въ три года, съ тѣхъ поръ какъ онъ не видалъ ее, „талантъ ея развился: она полнѣетъ (въ художественномъ смыслѣ), овладѣваетъ крѣпче своими ролями. Многими мѣстами я увлекался и за-

бывался". Особенное удовольствіе доставила Погодину опера Гретри *Ричардъ Львиное Сердце*, которую видѣлъ здѣсь и Карамзинъ. „Я", пишетъ Погодинъ,—„опрометью побѣжалъ въ театръ и не могъ дождаться, какъ Блондель запоетъ: *o Richard, o mon roi*, такъ живо изображенное въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*".

По желѣзной дорогѣ Погодинъ ѣздилъ въ Версаль и тамъ въ спальнѣ Людовика XIV смотрѣлъ на двѣ Мадонны, „удивительную Рафаелеву и прекрасную Доминикинову".

Одно утро провелъ онъ „въ Луврскихъ музеяхъ и погулялъ по Тюльерійскому саду". Одно „прекрасное утро" провелъ онъ въ Русской церкви, гдѣ увидѣлъ „съ большимъ удовольствіемъ много Русскихъ" и въ числѣ ихъ ученика своего С. М. Соловьева и товарища профессора Варвинскаго.

Въ Jardin des plantes Погодинъ угощалъ булками медвѣдей. Сосѣди его очень удивлялись такому особенному расположенію. „Это наши земляки", сказалъ онъ, *мы Русскіе*, и Французы расхохотались, очень довольные его „безпристрастіемъ".

Съ высоты Пантеона Погодинъ любовался видомъ Парижа и, осматривая церковь Св. Женевьевы, древней покровительницы Парижа, онъ нечаянно примѣтилъ тамъ гробницы Буало и Паскаля.

Выѣзжая изъ Парижа, Погодинъ выразилъ удовольствіе, что „наконецъ началось" его возвращеніе въ Отечество.

IX.

Черезъ Страссбургъ и Донаувертъ Погодинъ отправился въ Мюнхенъ. „Съ Нанси", замѣчаетъ нашъ путешественникъ,—„даже ранѣе показываются Нѣмецкія вывѣски вмѣсто Французскихъ, а послѣ Нанси до Страссбурга ихъ едвали не больше, чѣмъ Французскихъ". Раннимъ утромъ пріѣхалъ Погодинъ въ такъ-называемыя нынѣ *Нѣмецкія Аѳины*. По за-

мѣчанію Погодина „Мюнхенъ ростетъ не по днямъ, не по годамъ: сколько выстроилось здѣсь вновь послѣ 1839, сколько отдѣлано, сколько начато. Откуда беретъ деньги король! Подумаешь, что онъ владѣетъ золотыми горами. И всѣ постройки его имѣютъ цѣль ученую и художественную! Здѣсь видите вы храмъ Византійскій съ Греческою живописью по стѣнамъ, тамъ Готическій съ картинами Среднихъ вѣковъ на стеклѣ, тамъ древняя базилика, мѣсто древняго судилища и перваго богослуженія. Цѣлая Людвигова улица состоитъ изъ новыхъ зданій, одно другого великолѣпнѣе и огромнѣе: Публичная библіотека, Университетъ, Семинарія, женскій Институтъ, училище для слѣпыхъ, базаръ, дворецъ Питти, большой дворецъ, Лудвигова церковь! А картинная галлерея или Пинакотека, а Музей Древностей, а новый дворецъ, а театръ, а почта?“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ спрашиваетъ: „чего же недостаетъ въ Мюнхенѣ?“ И отвѣчаетъ: „народу“. „Вы идете по Людвиговой улицѣ, первѣйшей въ Европѣ, между огромными зданіями, и гдѣ-гдѣ увидите человѣка или двухъ, гдѣ-гдѣ проѣдетъ колясочка парой! Городъ какъ будто оставленъ жителями! Всѣ зданія теряютъ отъ того очень много. Они стоятъ какъ будто мертвыя, но люди оживили бы ихъ!“

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ удалось Погодину осмотрѣть Музей, не смотря на то, что пришелъ туда къ самому концу обозрѣнія. „Передъ нами“, пишетъ онъ,—„шло нѣсколько посѣтителей и разговаривали между собою, останавливаясь передъ статуями. Услышанное обратило на себя мое вниманіе: они говорили между собою какъ знатоки; я послѣдовалъ за ними, довольный случаемъ учиться. На половинѣ обозрѣнія, часы пробили 12, и служители подошли намъ сказать, что Музей въ этотъ часъ закрывается. „Почему же эти господа остаются?“ спросили мы. Этимъ показываетъ самъ директоръ. „Какъ его имя?“ Господинъ тайный совѣтникъ Кленце. Я тотчасъ подошелъ къ нему и сказалъ:—„Позвольте намъ, какъ Русскимъ, засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и принести благодарность за удѣленіе своего таланта нашему

Отечеству!“ Онъ отвѣчалъ мнѣ очень учтиво, представилъ своимъ спутникамъ, и мы продолжали вмѣстѣ обозрѣніе. Кто же были спутники? Парижскій профессоръ Древностей Рауль-Рашетъ, Мюнхенскій профессоръ Тиршъ, знаменитый эллинистъ и Аѳинскій профессоръ Схинасъ. Какова счастливая встрѣча! Я выслушалъ цѣлую лекцію Археологіи. Рауль-Рашетъ показалъ прекрасныя свѣдѣнія въ Древностяхъ и доставилъ гораздо больше удовольствія, чѣмъ своей лекціей въ Парижѣ въ 1839. Тиршъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ, но мнѣ хотѣлось непремѣнно съѣздить въ Дахау, и я изъявилъ ему сожалѣніе, что не могу воспользоваться его благосклоннымъ предложеніемъ“.

Вечеромъ изъ Мюнхена Погодинъ отправился въ деревушку Дахау, чтобы взглянуть на „мѣста подвиговъ“ Шевырева, который здѣсь работалъ цѣлые полгода, приводя въ порядокъ библіотеку Моля, выбирая важнѣйшія книги для Московскаго Университета и составляя каталоги.

„Много надо“, пишетъ Погодинъ, — „любви къ наукѣ, много самоотверженія, чтобъ посвятить себя такой египетской механической работѣ,—признаюсь я не выдержалъ бы ея ни за что на свѣтѣ. Я не имѣлъ времени навѣстить его въ уединеніи, въ 1839 году, и за это-то послѣ получилъ мимоходомъ упрекъ,—теперь я хотѣлъ заплатить свой долгъ, хоть заднимъ числомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе, какъ получить доброе одобрительное слово отъ строгаго товарища, увидѣть искреннее участіе своего собрата. Кто знаетъ наши труды въ ихъ подробностяхъ и механизмѣ, кто можетъ понять ихъ тягости, оцѣнить успѣхи, если мы сами не будемъ отдавать другъ другу справедливости. Но, увы, это не русское свойство. Никто съ такимъ удовольствіемъ не отыскиваетъ всякихъ пятнышекъ, никто съ такимъ наслажденіемъ не выставитъ ихъ на позорище, какъ свой братъ ученый или авторъ. Жалкія радости!“.

Изъ Дахау Погодинъ писалъ Шевыреву (отъ 24 октября 1842 года): „Да, я въ Дахау, любезный Степанъ Петровичъ,

и на томъ столѣ, за которымъ ты работалъ полгода, кладу твой упрекъ, незаслуженный мною! *У меня былъ графъ Строгановъ, а ты не хотѣлъ быть.* Знаешь ли, какъ меня огорчили эти слова твои, написанныя въ 1839 году? Развѣ я не хотѣлъ быть? Я не могъ быть. Графъ Строгановъ былъ, да и позабылъ, что былъ, и не увидалъ ничего, и не понялъ труда твоего, и не оцѣнилъ и даже простого спасиба не сказалъ, а совѣтовалъ сжечь выбранныя книги!! Не сравнивай же меня съ нимъ!—Теперь я сбросилъ съ себя даже и тѣнь невниманія! Я былъ въ Дахау, видѣлъ комнату, гдѣ спалъ ты, залу, гдѣ работалъ, садъ, гдѣ ты гулялъ".

По дорогѣ въ Вѣну, близъ Регенсбурга, Погодинъ посѣтилъ знаменитую Валгаллу. „Прекрасный Греческій храмъ", пишетъ онъ—„съ величественною лѣстницею, возвышается на вершинѣ горы, на самомъ берегу Дуная. Мысль воздвигнуть такой памятникъ знаменитымъ сынамъ отечества, есть мысль истинно царственная, коею король Баварскій снискалъ себѣ достойную славу между всѣми государями Европы. Избраніе мѣста близъ Регенсбурга, древней столицы Германіи, на берегу славной Европейской рѣки, въ странѣ дикой, среди лѣсовъ, съ миѳологическимъ именемъ, исполнено поэзіи, достойно всякой похвалы. Зданіе само по себѣ прекрасно, но цѣль не достигнута: вамъ отворяютъ главныя двери храма, вы входите въ огромную прекрасную залу, совершенно пустую въ срединѣ. Вы недоумѣваете, что это такое. Бюсты великихъ людей, стоящіе по стѣнамъ, представляются вамъ какимъ то случайнымъ украшеніемъ, а не главнымъ предметомъ храма. Внутренняя пустота рѣшительно губитъ все. Что жъ тутъ будетъ? вертится вопросъ въ головѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ какого-то страннаго чувства, пройдясь въ залѣ по богатому мраморному мозаическому полу, подошелъ я къ стѣнамъ и началъ разсматривать изображенія великихъ людей. Къ удивленію моему я встрѣтилъ между истинно великими людьми нѣсколько такихъ, которыхъ никакъ не ожидаешь найти въ національномъ пантеонѣ, и на-

оборотъ, напрасно я искалъ другихъ, стяжавшихъ себѣ достойную славу въ лѣтописяхъ человѣчества. Нѣтъ! это храмъ, воздвигнутый королемъ Баварскимъ Лудвигомъ въ честь тѣхъ людей, которыхъ онъ по личному своему убѣжденію считаетъ достойными памятниковъ, но отнюдь не храмъ Германскій. Въ общемъ дѣлѣ одинъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не смѣетъ рѣшать за всѣхъ. Право занять мѣсто въ Пантеонѣ должно быть дано на торжественномъ совѣтѣ избранныхъ современниковъ,—и какое приличное мѣсто для такого совѣщанія былъ бы старый Регенсбургъ! Государи, правители, воины, ученые, художники, по большинству голосовъ должны бы выдавать passeports. Не странно ли не видать здѣсь Лютера съ Меланхтономъ и прочими своими сподвижниками, который есть представитель Германіи и всего духа и характера, или котораго вся сѣверная Германія чтитъ доселѣ какъ великаго мужа и перваго своего благотворителя. Или это храмъ католической Германіи? Такъ не называйте его общимъ, такъ изгоните всѣхъ лютеранъ: и Фридриха, и Шиллера, и Гердера, и Канта, и Фихте. Кто же останется? Тогда останутся только надписи безъ собственныхъ именъ. Вотъ сколько противорѣчій! Лютеръ могъ стоять здѣсь, даже какъ образователь нынѣшняго языка, какъ переводчикъ Библіи! Меланхтонъ, какъ ученый. Стоитъ же здѣсь Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Францъ фонъ Гуттенъ. Притомъ въ миѳологической Валгаллѣ есть мѣсто и язычникамъ, не только грѣшникамъ. Съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ я прекрасные бюсты, какъ вдругъ встрѣчаю, какъ бы вы думали, кого? императрицу Екатерину II. Помилуйте, господа, какъ вы смѣли взять ее у насъ, сказалъ я своимъ спутникамъ. Она была дочерью Германіи въ Ангальтъ-Цербстѣ, но на престолѣ Россіи она сдѣлалась совершенною россіянкою. Не угодно ли вамъ передать королю слѣдующій анекдотъ, о которомъ онъ вѣрно не знаетъ: Екатерина II занемогла, кажется, послѣ прививанія оспы. Дворъ былъ въ большомъ смущеніи. Ей пустили кровь. Вдругъ она выходитъ къ собрав-

шимся сановникамъ и говоритъ имъ съ улыбкою: не безпокойтесь, господа. Я велѣла выпустить изъ себя послѣдній остатокъ Нѣмецкой крови! Изъ Русскихъ Нѣмцевъ здѣсь есть бюсты Миниха, Барклая-де-Толли, Дибича. Король написалъ самъ краткія біографіи, въ Миллеровомъ стилѣ".

Спутникомъ Погодина изъ Регенсбурга до Вѣны былъ потомокъ знаменитаго Іонаѳана Свифта, женатый на Вѣнской дворянкѣ, онъ ѣхалъ также въ Вѣну. Онъ разсказалъ Погодину всю исторію своего предка, „какъ будто она происходила только вчера". Когда случилось ему похвастаться Погодину „своею охотою", то послѣдній сталъ разсказывать ему о нашихъ степныхъ и лѣсныхъ охотахъ, и тотъ, по замѣчанію Погодина, „просто развѣсилъ уши и обѣщался непремѣнно пріѣхать въ Россію".

Въ Отечество Погодинъ возвратился чрезъ Вѣну и Львовъ [12]). Къ сожалѣнію, объ этой части его путешествія не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что по пути изъ Кіева онъ опять заѣзжалъ на Михайлову Гору и опять не засталъ владѣльца дома. „Ну, вотъ", писалъ Погодинъ Максимовичу (30 октября 1842),—„я опять здѣсь, а тебя нѣтъ! Нехай тоби [13])". Само собою разумѣется, что это очень огорчило Максимовича, и онъ съ грустью писалъ ему, когда тотъ уже былъ въ Москвѣ: „Какъ жалко и больно мнѣ даже до сего дня, что я прозѣвалъ тебя". Въ то же время Максимовичъ написалъ къ Погодину слѣдующія замѣчательныя строки: „Чудный годъ (1843) у насъ: съ 1-го января началось весьма теплымъ дождемъ, и въ началѣ февраля налетѣли уже птицы — и чайки, и утки, и гуси; а подъѣзжая къ Горѣ третьяго дня я видѣлъ уже шесть журавлей на нивѣ. Народъ уже принялся за оранку и сѣвку; я для опыта и въ память этой январьской весны еще 24-го января посѣялъ и ячменя, и овса, и озимого жита; жито и ячмень уже всходятъ. А какая дешевизна настаетъ на эти продукты: жито въ Золотоношѣ было уже по двадцати, а ячмень по двадцати-пяти коп. за пудъ; овесъ по тридцати-пяти коп., одна горѣлка продается по

пятисотъ-шестидесяти коп. за ведро въ доходъ жидамъ и панамъ-винокурамъ и въ раззореніе бѣдняжкамъ казакамъ и крестьянамъ, которымъ нельзя безъ горѣлки отбывать ни крестинъ, ни похоронъ, ни веселья—трехъ важнѣйшихъ событій жизни, а чтобъ добыть ведро горѣлки надо сбыть по настоящему болѣе двадцати-пяти пудъ жита, стоющихъ много поту и труда несчастливому оратаю. Впрочемъ, находятъ средства и за меньшее количество добывать aquam vitae, безъ которой, и по выраженію Равноапостольнаго, Русь не можетъ быти. Проѣзжая Украйну, ты замѣтилъ вѣрно *несчастливую* физіономію на Малороссіянахъ, рѣзко отличающуюся отъ *довольной* рожи великороссіянина, и при всей тогдашней дешевизнѣ горѣлки здѣсь вѣрно не видалъ столько отъ нея валяющагося народа, какъ у васъ на Святой Руси Московской, гдѣ и дороже, и слабѣе этотъ нектаръ народный, безъ котораго—что бъ за жизнь была ему? Нравственный упадокъ моихъ земляковъ наводитъ скорбь на душу мою; но онъ ей Богу не отъ горѣлки".

Вмѣсто 22 сентября Погодинъ явился въ Московскій Университетъ только 10 ноября 1842 года и объяснилъ Ректору, что просрочилъ данный ему отпускъ, по случаю исполненія порученій, данныхъ ему г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и о чемъ Университетъ получитъ оффиціальное свѣдѣніе. Вслѣдствіе этого объясненія Д. П. Голохвастовъ обратился въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія съ просьбою увѣдомить его „дѣйствительно ли профессоръ Погодинъ сдѣлалъ просрочку отпуска, по случаю исполненія данныхъ ему Министромъ порученій, и какъ эту просрочку означить въ формулярномъ о службѣ сего профессора спискѣ". Сначала Департаментъ отвѣтилъ начальству Московскаго Учебнаго Округа, что Погодину „отъ Министра не было сдѣлано никакого другого порученія, кромѣ того, о коемъ ему уже извѣстно... По сему, если отъ г. Погодина не представлено законныхъ причинъ неявки его изъ отпуска въ срокъ, то все время, проведенное имъ сверхъ онаго въ этомъ отпускѣ, слѣдуетъ, по мнѣнію Департамента, считать, по силѣ законовъ, просрочкою".

Но вскорѣ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ графа Строганова, что *просрочка* Погодина „произошла дѣйствительно отъ исполненія возложеннаго на него Министромъ порученія войти въ сношенія съ Копенгагенскимъ Обществомъ Изыскателей Древности“.

По возвращеніи въ Москву Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ матери Гоголя: „Отъ всей души моей поздравляю васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ въ домъ вашъ. Надѣюсь, что здоровье ваше поправилось, и чѣмъ дальше будетъ лучше, какъ обыкновенно бываетъ послѣ водъ: воображаю себѣ, съ какою радостью встрѣтило васъ милое семейство ваше, и какъ онѣ теперь счастливы, что опять съ вами; съ этимъ счастьемъ ничто не можетъ сравниться, когда благословенное Богомъ семейство вмѣстѣ. О! какъ тяжела разлука съ милыми сердцу. Вы вѣрно видѣли въ Гастейнѣ моего сына! Онъ долго тамъ прожилъ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ каково тогда было здоровье его и употреблялъ ли онъ воды, ко мнѣ онъ объ этомъ не писалъ; когда же занятія ваши не позволятъ написать ко мнѣ, то попросите отъ меня Елизавету Васильевну утѣшить хотя нѣсколькими строчками. Какъ мнѣ жаль, что полынная водка, удостоившаяся вамъ понравиться, не досталась вамъ, какъ бы я рада была надѣлать ее побольше и когда бы можно доставить къ вамъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ вы одолжили меня *Москвитяниномъ*, съ какимъ удовольствіемъ, управясь съ моими дѣлами, принимаюсь за книгу и всегда въ душѣ благодарю васъ. Когда-то я буду въ состояніи выписывать этотъ прекраснѣйшій журналъ на свои деньги [14])“.

X.

Во время своего путешествія въ 1842 году, пребывая въ Словенскихъ земляхъ, Погодинъ старался „ознакомиться ближе съ полититическими отношеніями“ и „плоды своихъ

наблюденій“ онъ счелъ своимъ долгомъ представить во *Второмъ донесеніи Министру Народнаго Просвѣщенія о путешествіи 1842 года, преимущественно въ отношеніи къ Словенамъ.*

Съ 1839 года, не смотря на краткость времени, Погодинъ примѣтилъ много перемѣнъ въ Словенскихъ земляхъ Австрійской монархіи. „*Въ Богеміи*“, пишетъ онъ, — „національность усилилась значительно не только въ среднемъ сословіи, но и въ высшемъ... Въ первыхъ дворянскихъ домахъ, которые давно уже онѣмечились и говорили только по Нѣмецки, какъ у насъ говорятъ по Французски, дѣти нынѣ учатся по Чешски... Въ духовенствѣ число патріотовъ также постепенно увеличивается... Начался національный театръ въ Прагѣ, который посѣщается болѣе Нѣмецкаго... Испрашивается настоятельно право преподаванія въ низшихъ училищахъ на Чешскомъ языкѣ, и едва ли не скоро получится въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ и судопроизводство національное. Между тѣмъ Австрійское правительство, видя такое стремленіе во всѣхъ сословіяхъ и не надѣясь остановить его, поощряетъ Нѣмецкихъ газетчиковъ ругать Чеховъ, насмѣхаться надъ ихъ литературою и литераторами“. Вмѣстѣ съ „національнымъ движеніемъ“ Погодинъ примѣтилъ въ Богеміи и „движеніе антипапское“. Австрійцы видятъ и это и стараются всѣми силами отвратить все, что можетъ хоть издали напомнить Греческое Исповѣданіе... *Моравія* слѣдуетъ примѣру Богеміи, „но“, говоритъ Погодинъ, — „вліяніе и сосѣдство Вѣны ощутительнѣе“. Переходя затѣмъ въ Венгрію, Погодинъ замѣчаетъ: „Словаки стонутъ подъ игомъ Венгерцевъ еще болѣе, нежели отъ Австрійцевъ. Австрійцы хотѣли прежде ихъ онѣмечивать тихо, систематически, а Венгерцы нападаютъ теперь прямо, безъ околичностей, по азіатски, и зная, что Словаки составляютъ лучшую и умнѣйшую часть народа, хотятъ ихъ омадьярить во что бы то ни стало... Австрійское Правительство находится въ нерѣшимости, что ему дѣлать. Взять сторону Венгерцевъ оно боится, чтобы не усилить ихъ слиш-

комъ Словаками... Взять сторону Словаковъ оно боится еще болѣе, чтобъ не доставить вообще Словенамъ сильной подмоги... Онѣмечивать же ихъ оно не можетъ, по закону Венгерской конституціи". Между тѣмъ, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „Словаки очень бѣдны и съ величайшимъ трудомъ могутъ содержать на свой счетъ училища и библіотеки... Между ними особенно господствуетъ идея панславизма".

Австрійскіе Сербы, то-есть Кроаты, Далматы, Словенцы занимающіе южную и юго-западную часть Венгріи и отчасти Австрійской монархіи, „имѣютъ болѣе средствъ, и Словенство тамъ во всей силѣ... Австрійцы слишкомъ боятся за эту часть своихъ владѣній, съ коей соединена военная граница... Часть Иллирійцевъ исповѣдуютъ вѣру Греческую, другая — Римскую. Исповѣдниковъ Греческой Церкви принуждаютъ насильственно присоединяться къ Уніи... Глаголическая Словенская письменность въ Далмаціи почти совершенно уничтожена и введены Латинскія буквы". Противники Копитара говорили Погодину, что онъ „въ Римѣ занимается обширнымъ планомъ, какъ обратить все Словенское народонаселеніе Австріи къ католичеству".

Мрачными красками рисуетъ Погодинъ положеніе *Галиціи*. „Обстоятельства", пишетъ онъ, — „въ нашей несчастной Галиціи еще тяжеле. Словаки и Иллиры находятъ еще какое-нибудь спасеніе подъ покровомъ Венгерской конституціи, а Русины въ Галиціи беззащитны и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для Австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ Словенъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку, Исторіи... *Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ*, говорятъ Русины всякому Русскому путешественнику. Одинъ старецъ сказалъ Погодину: *Хоть бы вы промѣняли насъ на Польшу...*" Вмѣстѣ съ тѣмъ Русины совѣтовали нашему путешественнику „выводить Польскій духъ изъ губерній Волынской, Подольской и проч., скупая имѣнія отъ Польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на Кіевскихъ контрактахъ, возвышать и освѣщать Кіевъ пребы-

ваніемъ Царской Фамиліи, привлекая туда Русскихъ капиталистовъ... Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ..."

Погодину удалось узнать о *замыслахъ Австрійцевъ на Малороссію* и объ этомъ онъ сообщаетъ Уварову слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Недавно получили они", пишетъ Погодинъ,—„темное понятіе о томъ, что Русское народонаселеніе Галиціи, вмѣстѣ со всею Малороссіей отличается отъ жителей Москвы... и Австрійское правительство бросилось съ жадностію на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертаціи, надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность Галичанъ къ Россіи. Виды Австрійскаго правительства простираются слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россіи и привлекать Малороссіянъ къ себѣ, — не говорю уже о Польскихъ помѣщикахъ, наводняющихъ Малороссію. Съ этою цѣлью оно хочетъ устроить центръ Малороссійской литературы у себя и препоручить съ значительными выгодами издавать по своимъ видамъ журналъ на Малороссійскомъ языкѣ въ Вѣнѣ Латинскими буквами".

Обращаясь же къ Полякамъ, Погодинъ пишетъ: „Поляковъ Австрійцы также боятся, хотя съ другой стороны—какъ революціонеровъ, и въ послѣднее время открытъ былъ значительный заговоръ, по которому схвачено столько лицъ, что въ тюрьмахъ недоставало мѣста, и наняты частные дома. Вѣроятно существуетъ какой-нибудь заговоръ, тайное общество въ Познани, которое, если не дѣйствуетъ прямо теперь, то приготовляетъ обстоятельства для будущаго времени, имѣя отрасли во Франціи и Германіи".

Изложивъ это, Погодинъ замѣчаетъ: „Вотъ въ какомъ затруднительномъ положеніи находится Австрія, и Словенскіе политики еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, утверждаютъ теперь, что она слабѣетъ часъ отъ часу, и едвали больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться

на части. Въ Наполеоново время этого не случилось потому, что Словенское племя далеко было отъ настоящей зрѣлости и сознанія. Имя и авторитетъ Меттерниха удерживаетъ панически общее стремленіе, но смерть его явитъ многое народу. Въ политикѣ ея къ прежнимъ правиламъ: 1) о содержаніи in statu quo въ Европѣ, ибо всякая война можетъ вызвать происшествія для нея опасныя; 2) объ угнетеніи Словенскаго направленія, которое называетъ оно Русскимъ, и 3) къ тѣсной дружбѣ съ Англіей присоединяется сближеніе съ Германіей, сближеніе, которое показываетъ, что Австрійцы видятъ теперь яснѣе надъ собою Словенскую тучу. Австрія хочетъ найдти подкрѣпленіе себѣ въ Германіи въ случаѣ нужды: посему приготовляетъ общее мнѣніе и множество статей помѣщаетъ во всѣхъ Германскихъ газетахъ, въ коихъ доказываетъ, что интересы Австріи тѣсно связаны съ интересами Германіи, и суть одни и тѣ же; что владѣніе нижнимъ Дунаемъ есть жизненный вопросъ для Германіи, которая погибнетъ, если тамъ возобладаютъ Русскіе, и что Словене вмѣстѣ съ Россіею также опасны всей Германіи вообще, какъ и Австріи въ особенности. Нѣмцы, наоборотъ, въ чаду своей кабинетной и школьной гордости, отвѣчаютъ, что Австрійцы должны прежде всего развивать у себя Нѣмецкое начало, сообразно съ требованіемъ времени, которое и даетъ имъ первое оружіе для предстоящей борьбы“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ сообщаетъ Уварову, что Австрія „старается всѣми силами питать ненависть Поляковъ противъ насъ и Галиціи, и при всякомъ случаѣ изображаетъ ужасными красками управленіе въ Царствѣ Польскомъ, а Русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ въ Волыни, Подоліи и проч. Для распространенія слуховъ есть, кажется, особенные чиновники“.

XI.

Разсмотрѣвъ Словенское движеніе въ Австрійской монархіи, Погодинъ переходитъ къ разсмотрѣнію подобнаго явленія въ Прусскихъ владѣніяхъ.

Говоря объ отношеніи Пруссіи къ Россіи, Погодинъ замѣчаетъ: „Въ Пруссіи надо различать королевскую фамилію, правительство и народъ. Народъ пышетъ злобою противъ насъ, въ чемъ я самъ удостовѣрился, и говорю не по однимъ слухамъ. Не вопли Восточной и Западной Пруссіи тому причиною. Нѣтъ, злоба имѣетъ источникъ глубже: въ Пруссіи духъ мнимой свободы распространился по смерти короля до невѣроятности, и нынѣшній король многими своими неумѣстными рѣчами, поступками и фразами далъ къ тому поводъ, такъ что теперь принужденъ прибѣгать къ противорѣчіямъ и теряетъ свою популярность. Пруссаки считаютъ Русское Правительство главнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ плановъ и опорою короля въ случаѣ нужды. Вотъ почему они ненавидятъ Россію; офицеры, молодежь, студенты бредятъ о войнѣ съ Россіей и сочиняютъ уже стратегическіе планы; въ газетахъ провозглашаютъ безпрестанно вредъ отъ союза съ Россіей, печатаютъ каррикатуры и проч.". Въ то же время и Прусское правительство „раздѣляетъ ненависть съ народомъ". Въ самомъ учрежденіи Словенскихъ каѳедръ въ Бреславлѣ и Берлинѣ Погодинъ видитъ отнюдь не „пользу науки, а противодѣйствіе Россіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ признаетъ, что Пруссаки имѣютъ вредное вліяніе и на Польшу. Предоставляя столько свободы жителямъ Познани, Прусское правительство „раздражаетъ болѣе всѣхъ нашихъ Поляковъ противъ насъ, питаетъ ихъ ненависть и вмѣстѣ надежду на перемѣну судьбы".

Состояніе Пруссіи Погодинъ изображаетъ Уварову въ такихъ чертахъ: „Удивительное явленіе представляетъ она въ наше время? Чего недостаетъ ей? Правосудіе, средства для просвѣщенія, личная свобода, свобода книгопечатанія слиш-

комъ обширная, а она, недовольная, возмущается и не видитъ мѣста успокоенія! Я думалъ прежде, что такъ-называемый *духъ времени* не существуетъ, и что это есть выраженіе, придуманное учеными и поэтами. Въ нынѣшнее мое путешествіе, какъ оно ни было кратковременно, я убѣдился совершенно, что *духъ времени* есть, и что съ нимъ бороться трудно. Столько новыхъ неизвѣстныхъ прежде отношеній появилось теперь въ Европѣ, что дипломаты и политики вскорѣ должны придти въ тупикъ на старыхъ дорогахъ и обветшалыхъ колеяхъ. Легко сражаться противъ враговъ явныхъ и знакомыхъ, а теперь выходятъ на поприще и незнакомые, и невидимые. Узы, религіозныя, династическія, узы преданія ослабли въ Пруссіи. Печать становится болѣе дерзкою день отъ дня, министры и правительства подвергаются оскорбленіямъ. Самое университетское ученіе приняло другое направленіе: молодое поколѣніе, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало ихъ по своему, пустилось зря въ политику и измѣняетъ самую жизнь. Вотъ почему я думаю, что учрежденіе каѳедры Философіи въ Московскомъ университетѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ необходимо и послужитъ громовымъ отводомъ, если она достанется благонамѣренному и дѣльному человѣку. Студенты, занимаясь теперь Философіей безъ руководства, бросаясь также на результаты и не прилагая спасительнаго труда, могутъ избаловаться и развратиться умственно и нравственно. Конечно, это будетъ на короткое время, ибо разсудокъ Русскій крѣпче Нѣмецкаго; но зачѣмъ рисковать, зачѣмъ допускать развратъ и на короткое время? Огнемъ не шутятъ, а въ наше время есть много огней разрушительнѣе ружейнаго и пушечнаго".

Не менѣе Пруссіи ненавидитъ насъ и Германія. Лейпцигскія, Дрезденскія и Рейнскія газеты наполнены, по замѣчанію Погодина, воплями противъ Россіи. Въ нихъ безпрестанно толкуютъ „о страсти нашей къ завоеваніямъ, объ отвращеніи нашемъ отъ всякаго образованія, о безнравственности нашего низшаго духовенства, о крестьянскомъ рабствѣ,

о жестокости съ солдатами и крѣпостными людьми. *Надо* привлекать *Словенъ либеральными учрежденіями*, совѣтуютъ они тѣмъ правительствамъ, во владѣніи коихъ Словене находятся“.

Состояніе Германіи внушало Погодину мысль, что она наканунѣ великихъ перемѣнъ, и что мысль „о какомъ-нибудь единствѣ Германіи, республиканскомъ или Прусскомъ, является безпрестанно въ газетахъ“.

Накопленіе „столько горючаго и новаго вещества“ въ Европѣ не повергаетъ Погодина въ отчаяніе за Россію. Напротивъ того, онъ видитъ въ этомъ „благопріятныя для нея обстоятельства“, и что ей „предстоитъ открытое поле дѣйствовать на югѣ и востокѣ между Словенами,—*лишь только не принимай она*, говорятъ Словенскіе политики, къ намъ приверженные, *непосредственнаго участія въ прочихъ Западныхъ дѣлахъ Европейскихъ, и не трать своей силы на чужія дѣла.*

Словенскіе политики и писатели внушили Погодину мысль о томъ, что намъ Франція „союзница естественная, вѣрная, полезная“, и что въ союзѣ съ нею „Россія можетъ управлять Европою и дѣлать, что ей угодно“. Путешествуя по Франціи, Погодинъ убѣдился въ справедливости этой мысли. Но императоръ Николай I питалъ „отвращеніе къ тогдашней династіи, правившей во Франціи и „еще болѣе къ Французскому духу“. „Этотъ союзъ“, замѣчаютъ Словенскіе политики, „могъ состояться еще при императорахъ Наполеонѣ и Александрѣ, но одинъ былъ черезъ мѣру благороденъ и безпристрастенъ, а другой слишкомъ властолюбивъ и своенравенъ“. Объ этомъ Погодинъ довелъ до свѣдѣнія Уварова. Но тотъ же Погодинъ въ своемъ *Отчетѣ* не утаилъ и слѣдующее: Французы съ Англичанами замыслили обширные планы *поставить противъ Россіи новую Польшу*. Французы и Англичане „начали посылать агентовъ, которые должны были заниматься Словенскими странами и изслѣдовать причину и цѣль движенія. Болгарія, Сербія, Македонія, Молдавія, Валахія всякій годъ имѣли у себя путешественниковъ, которые видѣли общую приверженность Словенъ къ Россіи и

поняли, какая опасность грозитъ Европѣ, если Русскій колоссъ, и безъ того могущественный и страшный, присоединитъ къ себѣ еще тридцать милліоновъ Словенъ, алчущихъ и жаждущихъ соединенія. Естественно представились задачи, какъ прекратить зло, а остаться въ прежнемъ положеніи Словенамъ нельзя, то-есть Австрія перемѣнить свою систему и удовлетворить ихъ не можетъ, ибо съ перемѣною системы перестала бы она быть Австріей. Турція еще менѣе. Что же дѣлать? Удовлетворить Словенъ независимо отъ Австріи, Турціи и Россіи, образовать изъ Словенъ новое государство, которое стояло бы даже *противъ Россіи, какъ другая Польша*. Гдѣ же средоточіе этого государства? На юговостокѣ, во владѣніяхъ Турецкихъ. Политическіе агенты начали уже дѣйствовать изподволь, устрашать Словенъ Россіей, и распространять мысль о самобытности и независимости, которая нашла уже многихъ приверженцевъ между всѣми Словенами. Съ этою цѣлью много Сербовъ и даже Болгаръ воспитывается въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Къ счастію, что ни Англичане, ни Французы, точно какъ и Австрійцы, никакъ не могутъ выучиться по Словенски, и потому никакъ не могутъ дѣйствовать вполнѣ. Англичане и Французы думаютъ также о независимости Богеміи или Венгріи, какъ новой Польши для Россіи, можетъ быть и въ соединеніи съ старою. Этотъ планъ найдетъ, разумѣется, прежде всего сильное сопротивленіе Австріи. Нѣмецкія газеты толкуютъ о необходимости покровительствовать Словенамъ и привлекать къ себѣ *Либеральными* учрежденіями въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они находятся, то-есть Австріи и Пруссіи, чтобъ не допускать до сближенія съ Россіей".

Въ заключеніи своего *Отчета* Погодинъ представляетъ Уварову *Мнѣнія Словенъ, приверженныхъ къ Россіи:* „Если Англичане и Пруссаки могутъ учредить протестантское епископство въ Іерусалимѣ, если Папа посылаетъ миссіонеровъ предъ лицомъ всей Европы, если Католики дѣйствуютъ явно въ Греціи; то кто же можетъ запретить Россіи дѣйствовать

въ пользу своей родственной церкви въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ, гдѣ она находится на крайней степени уничиженія и страданія, гдѣ священникъ на престолѣ подлѣ чаши съ кровію Господней кладетъ пару пистолетовъ? Не послушаются ли Греки, угнетающіе Словенскій языкъ въ Богослуженіи, болѣе, чѣмъ Австрійцы и Турки, одного слова Россіи? А Россія не произноситъ этого слова, говорятъ Словене и слѣдовательно не думаетъ о нихъ, а еще менѣе о насъ, которые стоимъ дальше и различнѣе по языку и исповѣданію. Какъ же намъ надѣяться на нее, и не лучше ли ждать спасенія отъ Запада, чѣмъ отъ Востока? Столько же необходимо, говорятъ приверженцы наши, и покровительство Польской литературѣ. Наши враги стараются внушить теперь Словенамъ, дорожащимъ болѣе всего своею національностію вслѣдствіе притѣсненія Австріи и Турціи, что они не могутъ надѣяться лучшей участи отъ Россіи, судя потому, какъ она мало заботится о національности. Повторяю мысль мою при Отчетѣ 1839 года: *національности никакой уничтожить нельзя*; напротивъ сила сія увеличивается по мѣрѣ покушеній противъ оной, и они, кромѣ вреда, ничего принести не могутъ".

Представляя Уварову свои замѣчанія о Словенахъ, Погодинъ счелъ долгомъ заявить, что главнымъ источникомъ оныхъ были „бесѣды его съ Словенскими корифеями, и потомъ разспросы знающихъ людей, коихъ случилось ему встрѣтить на водахъ, мимоѣздомъ, въ гостинницахъ, за общими столами, въ газетахъ".

Но этотъ отчетъ Погодина не имѣлъ успѣха Отчета 1839 года и, по позднѣйшему показанію нашего путешественника, „остался въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по слишкомъ рѣзкому несогласію съ тогдашнимъ общимъ мнѣніемъ" [15]).

XII.

Возратившись въ концѣ 1842 года въ Москву, Погодинъ сдѣлалъ въ *Москвитянинѣ* слѣдующее заявленіе: „Редакторъ *Москвитянина*, возвратясь изъ чужихъ краевъ, послѣ новой болѣзни, вступилъ въ управленіе редакціею только съ этой Декабрьской книги. Онъ очень благодаренъ друзьямъ своимъ, принимавшимъ участіе въ изданіи въ продолженіе его отсутствія; но долженъ присовокупить, что нѣкоторыхъ статей по своимъ причинамъ онъ не согласился бы помѣстить, по крайней мѣрѣ безъ исключеній".

Первый нумеръ *Москвитянина* 1843 года начинается *Словомъ* митрополита Филарета, произнесеннымъ *по освященіи храма явленія Божіей Матери преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ*. Знаменитое *Слово* это напечатано Погодинымъ въ *Москвитянинѣ* по совѣту А. В. Горскаго. Въ этомъ *Словѣ* особенно поражаетъ слѣдующее мѣсто: „Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба... Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія,.... въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней..., черезъ который однажды переступали стопы Царицы Небесной.... Посмотрѣлъ бы я, какъ..... преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ преподобнаго

Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія".

Печатая это *Слово*, Погодинъ возстановилъ старинный прекрасный обычай, о чемъ онъ и заявилъ въ слѣдующемъ примѣчаніи: „Русскіе журналы всегда украшались цвѣтами духовнаго краснорѣчія, издревле знаменитаго въ Россіи. Имена Платона, Анастасія, Амвросія, Михаила, Филарета встрѣчались часто въ *Вѣстникѣ Европы*, *Сынѣ Отечества*, и пр., во всеобщее назиданіе и услажденіе. Съ нѣкотораго только времени, къ сожалѣнію, вышло сіе изъ обычая. Мы почитаемъ себя счастливыми, что можемъ украсить начало нашего изданія въ 1843 году произведеніемъ знаменитѣйшаго Русскаго и Европейскаго Духовнаго Витіи".

Съ каждымъ годомъ направленіе *Москвитянина* все болѣе и болѣе выяснялось, и, вступая въ третій годъ своего существованія, издатель его съ чистою совѣстію могъ сказать во всеуслышаніе: „Благоговѣніе предъ Русской Исторіей до Петра I, при всемъ удивленіи къ его лицу, возданіе должной чести Москвѣ, осужденіе безусловнаго поклоненія Западу, при должномъ уваженіи къ его историческому значенію, сознаніе національнаго достоинства, увѣренность въ великомъ предназначеніи Русскаго народа, не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ человѣческомъ, увѣренность въ величайшихъ дарахъ духовныхъ, коими надѣленъ Русскій человѣкъ для подвиговъ на поприщѣ наукъ и литературы, призываніе молодого поколѣнія къ трудамъ, и преимущественно къ разработкѣ историческихъ и филологическихъ памятниковъ, ободреніе молодыхъ талантовъ и содѣйствіе ихъ дѣятельности, свобода литературныхъ мнѣній, уваженіе къ преданіямъ Русской Словесности и ея основателямъ, начиная отъ Ломоно-

сова до Пушкина, сочувствіе къ племенамъ Словенскимъ, ихъ исторіи, литературѣ и судьбѣ, непримиримая, открытая вражда къ противоположному направленію, вражда не чрезъ безплодную полемику, къ коей *Москвитянинъ* показалъ свое презрѣніе, а чрезъ распространеніе правилъ и мыслей противоположныхъ,—вотъ въ краткихъ словахъ программа *Москвитянина*. Такъ онъ начатъ, такъ продолжается три года, такъ и будетъ издаваться въ слѣдующемъ“ [16]).

Къ этому направленію *Москвитянина* весьма сочувственно отнеслась извѣстная писательница наша, графиня Евдокія Петровна Ростопчина. Познакомившись съ Погодинымъ, графиня писала ему (отъ 17 сентября 1843 года): „Вчера на канунѣ отъѣзда моего изъ Москвы навсегда останется однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моихъ: сблизившись съ вами, я получила новое и ясное понятіе о прекрасномъ развитіи мысли и дѣятельности въ многолюдномъ и многодумающемъ кругѣ людей замѣчательныхъ, благонамѣренныхъ, истинно полезныхъ, отъ которыхъ нужно ожидать добра, свѣта и славы нашему *родному слову* (выраженье Степана Петровича, которое принимаю съ восхищеніемъ, находя, что оно высказываетъ много завѣтнаго и прекраснаго въ одномъ сильномъ и вѣрномъ словѣ!); вы познакомили меня съ невѣдомымъ мнѣ уголкомъ среди обширныхъ пустырей, и въ этомъ-то уголкѣ блеститъ свѣтлый лучъ поэзіи и науки, теплится чистый огонь любви къ высокому и прекрасному; впредь ваше имя, ваше воспоминанье будутъ мнѣ звучать чѣмъ-то роднымъ, сочувственнымъ,—и мой доброжелательный взоръ будетъ издали слѣдовать за вами на вашемъ поприщѣ труда, заслугъ и блестящихъ успѣховъ!—Могу ли надѣяться, что и вы воздадите мнѣ *тѣмъ же*, и что какъ *старшій* вы благословите на путь и счастье идущаго за вами по стезѣ духовнаго міра?“

Между тѣмъ вѣяніе времени было иное, и *Москвитянинъ* оказывался плывущимъ противъ теченія: „Читаю книги“, писалъ Бецкій Погодину,—„и удивляюсь. Посмотрите, какія вещи пропускаетъ цензура, особенно съ Запада. Думали, что за-

мазали сосудъ, а ядъ все сосется въ скважины. Вздоровъ не пропускаютъ, а философскія сочиненія пропускаютъ такія, отъ которыхъ волоса дыбомъ становятся. Хотятъ отнять у насъ такія убѣжденія, безъ которыхъ человѣкъ жалокъ, какъ ребенокъ, отнятый отъ груди матери.—Жаль, что я не съ вами, а то написалъ бы вамъ свое мнѣніе объ *Отечественныхъ Запискахъ*. Тутъ нуженъ хладнокровный бичъ, вступившійся за честь и цѣлость Русскаго Юношества. Не повѣрите, какое вліяніе имѣютъ онѣ на молодежь. Это вліяніе серьезнѣе, нежели думаютъ".

Одинъ *худоученый сельскій житель* (какъ онъ самъ назвалъ себя) въ письмѣ своемъ къ Погодину простодушно дѣлаетъ такой отзывъ о *Москвитянинѣ*: „Вашъ журналъ ужасаетъ меня о будущности Россіи, ужели съ нею будетъ то же, что сдѣлали Нѣмцы съ прочими братьями нашими Словенами, то-есть, всѣхъ онѣмечили; что тогда будетъ съ Россіею? Если случится подобное происшествіе, какъ случилось во времена междуцарствія — положимъ, могутъ быть Минины, Палицыны, но не могутъ тогда быть Пожарскіе, которые бы могли защищать Отечество, а будутъ разноплеменные пришельцы и наемныя бродяги, а наемники нѣсть пастыри, какъ сказалъ Спаситель. Тогда-то возстанутъ отецъ на сына, сынъ на отца, и будетъ велія скорбь.... А я изъ вашего *Москвитянина* выбралъ все касающееся до Отечества и братьевъ нашихъ Словенъ, а прочее, печатанное вами для нашихъ вѣтроумовъ поклонниковъ Запада, все, по ихнему изящное, бросилъ... Вамъ посылаю двѣ монеты: одна Новгородская, а другая Псковская" [17]).

Въ то время, когда *Москвитянинъ* едва-едва сводилъ концы съ концами, и Шевыревъ удивлялся, какъ онъ еще существуетъ, супостатъ его, органъ Западниковъ, *Отечественныя Записки* въ матеріальномъ отношеніи былъ въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Плетневъ въ письмѣ своемъ князю П. А. Вяземскому (отъ 10 мая 1843 года) свидѣтельствуетъ: „У Краевскаго три тысячи подписчиковъ, что даетъ

ему въ годъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Если онъ и оставляетъ семьдесятъ пять тысячъ рублей на уплату прежнихъ долговъ, то изъ другихъ семидесяти пяти тысячъ безгрѣшно можетъ поплатиться съ своими сотрудниками. Онъ обязанъ этимъ счастьемъ В. А. Жуковскому“ [18]). Сохранилось любопытное письмо Погодина къ графу С. Г. Строганову (отъ 9 февраля 1843 года), въ которомъ читаемъ: „Журналъ мой, удостоенный Высочайшаго благоволенія, рекомендованный г. Министромъ всѣмъ Попечителямъ, издаваемый мною вмѣстѣ съ профессоромъ Шевыревымъ съ особливою цѣлью распространять здравыя понятія объ Русской Исторіи, о Словесности, въ противоположность нелѣпымъ мнѣніямъ Петербургскихъ журналовъ, наиболѣе читаемыхъ, заслужившій въ этомъ отношеніи одобреніе всѣхъ Русскихъ корифеевъ, запрещается только въ Московскомъ округѣ, гдѣ издатели служатъ...“

Направленіе *Москвитянина* возбуждало ненависть *Отечественныхъ Записокъ*. Осмѣявъ Шевырева въ *Педантѣ*, *Отечественныя Записки* не остались въ долгу и у Погодина. Бѣлинскій, въ своемъ обозрѣніи Русской литературы за 1842 годъ, замѣтилъ, что дорожныя записки Погодина „всѣмъ доставили столько разнообразнаго удовольствія красотою слога, энергической краткостью выраженія и не бывалой еще въ подлунномъ мірѣ оригинальностью мыслей“. Другъ же Бѣлинскаго Герценъ въ тѣхъ же *Отечественныхъ Запискахъ* напечаталъ нижеслѣдующую пародію на это произведеніе Погодина: „Одинъ неизвѣстный литераторъ, впрочемъ, очень почтенный человѣкъ, г. Вёдринъ, объѣхавшій съ большой пользой многія страны, намѣренъ издать въ весьма непродолжительномъ времени свои *Путевыя Записки* какъ для покрытія издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ, такъ отчасти для пользы и удовольствія читателей. Спѣшимъ познакомить публику съ этими *Записками* небольшимъ отрывкомъ, въ которомъ живо описываетъ г. Вёдринъ выѣздъ изъ Москвы. Къ путешествію присовокупляется особо напечатанная на веленевой бумагѣ расходная книжка, въ которой можно будетъ

ясно видѣть и всю воздержанность почтеннаго Вёдрина, и все пренебреженіе его къ благамъ міра сего. Но вотъ отрывокъ. Отдаемъ его на судъ читателей.

„28. Клопы не дали спать всю ночь. Скверное насѣкомое!.. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и въ Рогожскую искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извощики! Борода, кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена брошюру о курганахъ. Товарищъ попался, купецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на о. Потолковали — сладили — черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ—даль страшная—хотѣлъ взять извощика, очень стали дороги... взять не хотѣлъ. Идучи проголодался и перехватилъ. Нельзя не отдать справедливости цивилизаціи, когда дѣло идетъ о удобствахъ — кабы не вредъ нравамъ!.. Вотъ я бѣгу домой, верстъ пять — проголодался, въ животѣ ворчитъ: а цивилизація тутъ — такъ аппетитно бросила въ открытыя лавки печенку; вынулъ грошъ; отляпали кусокъ въ двѣ ладони, соль даромъ, — разумѣется, у нихъ свой разсчетъ... Встрѣтился мальчишка обтерханный, продаетъ голенища, стянулъ гдѣ-нибудь; посмотрѣлъ, нѣмецкая работа, поторговалъ-было—дорого проситъ — мимо!

„Выѣхали въ 11 часовъ.

„На заставѣ солдатъ съ медалью и съ усами. Люблю медаль и усы у воина; молодецъ!.. Ѣдемъ. Товарищъ мой человѣкъ тихой, занимаетъ три четверти повозки, платитъ половину. Онъ дома поѣлъ пирога съ лукомъ. Странно: запахъ сивухи—ничего, лука—даже хорошъ, а эти два запаха вмѣстѣ — препротивные. Пусть объясняютъ химики — не наше дѣло.

„Мѣста болѣе плоски, нежели гористы; справа виднѣется рѣка... Чудный видъ! Что передъ нимъ хваленая Италія! Деревни и села, притомъ все Русскія деревни и села... Мужички работаютъ такъ усердно. Люблю земледѣльческіе классы: не они намъ, мы имъ должны завидовать; въ простотѣ душевной они работаютъ, не зная бурь и тревогъ, напихан-

ныхъ въ нашу душу, — ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки.

„Село — церковь довольно большая, Византійской архитектуры.

„Станція. Ѣхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзными украшеніями. У воротъ хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано корыстолюбіе; не пойду: слупитъ чортъ знаетъ что! Остался въ повозкѣ. Пока лошадей — наблюдалъ нравы. На улицѣ мужикъ тузитъ какую-то бабу, вѣроятно, жену, это развеселило меня, хохоталъ; нищіе помѣшали досмотрѣть. Отвратительная привычка у нищихъ просить у проѣзжаго... Надоѣли — притворился соннымъ; помѣшали и тутъ: ямщикъ разбудилъ, требуя на водку — еще скверный обычай! Что у нихъ за служеніе мамону! Далъ три копѣйки серебромъ... Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. Скучно. Поскакали. До второй станціи ничего особеннаго. Купецъ вылѣзалъ изъ повозки, такъ, не надолго; это было къ сумеркамъ, я дрожалъ, сидя одинъ съ ямщикомъ; я родился не воиномъ—признаюсь. Пріѣхали, вышелъ на постоялый дворъ, закатилъ сивухи съ перцемъ — славно огорчило! а всего стоитъ семнадцать копѣекъ съ половиною ассигнаціями? Сапоги долой, все долой—растянулся.

„29. Чѣмъ свѣтъ разбудилъ товарищъ и предложилъ выпить чаю... Я не отказался...“ [19]).

Впослѣдствіи, живя на чужбинѣ, Герценъ съ любовью вспоминалъ о своемъ московскомъ житьѣ. „Шероховатый слогъ Погодина“, писалъ онъ, — „грубая манера бросать корноухіе, обгрызанныя отмѣтки, вдохновили меня, и я написалъ въ подражаніе ему небольшой отрывокъ изъ *Путевыхъ Записокъ Вѣдрина*“. „Строгановъ“, свидѣтельствуетъ Герценъ, — „читая ихъ, сказалъ: „А вѣдь Погодинъ вѣрно думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ“ [20]).

Когда пародія Герцена появилась въ *Отечественныхъ Запискахъ*, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Читали ли вы въ *Отечественныхъ Запискахъ* что-то о путешествіи *Вѣдрина*?

Понимаете?“ [21]). Но Герценъ не ограничился одною выходкою противъ Погодина. Его перу принадлежитъ также, напечатанная въ *Отечественныхъ Запискахъ*, статья: *Москвитянинъ о Коперникѣ*“ [22]).

Въ 1843 году минуло триста лѣтъ со дня кончины Коперника. Между Нѣмцами и Поляками возникъ споръ: Баварцамъ вздумалось сдѣлать Коперника швабомъ и по поводу трехсотлѣняго юбилея знаменитаго астронома, они провозгласили его сыномъ Германіи и помѣстили въ свою Валгалу. Это побудило Польскихъ ученыхъ вступиться „за правду“. По этому поводу въ сентябрьской книжкѣ *Москвитянина* 1843 года Сергѣй Петровичъ Побѣдоносцевъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Николай Коперникъ (Голосъ за Правду)*, въ которой излагаетъ содержаніе брошюры Крыжановскаго и статьи Рихтера. Къ сожалѣнію, въ статью С. П. Побѣдоносцева вкрались, столь обычныя въ *Москвитянинѣ*, корректурныя погрѣшности. „Въ Краковѣ“, читаемъ мы въ этой статьѣ,— „*Коперникъ духовно сочетался съ великими міровыми именами Галилея, Кеплера и Ньютона, по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собою*“. Къ этимъ строкамъ и придрался Герценъ. „Холодные люди“, замѣчаетъ онъ,— „засмѣются, холодные люди скажутъ, что это изъ рукъ вонъ, и присовокупятъ, что Коперникъ умеръ въ 1543 году, Галилей въ 1642, Кеплеръ въ 1630, а Ньютонъ въ 1727. А у насъ слезы навернулись на глазахъ отъ этихъ строкъ; какъ чисто сохранился *Голосъ за Правду*, ультра-словенскій, отъ грѣховной науки Запада, отъ нечестивой Исторіи его! Онъ даже о ней понятія не имѣетъ“. Нужно замѣтить, однако, что Герценъ, когда писалъ эти строки, уже зналъ, что досадный корректурный промахъ уже исправленъ въ самомъ *Москвитянинѣ*; поэтому въ выноскѣ его статьи была сдѣлана слѣдующая оговорка: „Хотя въ 10-мъ N-рѣ *Москвитянина* и сдѣлана оговорка „что въ статьѣ о Коперникѣ Регенсбургъ переставленъ съ Дуная на Рейнъ, а Коперникъ посланъ по слѣдамъ Галилея, Кеплера и Ньютона, между тѣмъ какъ онъ

имъ предшествовалъ и, въ одномъ мѣстѣ, астроному Марія Наваррѣ сообщенъ женскій родъ, *благодаря излишнему усердію г. корректора*", — но такая остроумная поправка показалась такъ забавною моему корректору, что я никакъ не могъ отказать ему въ просьбѣ — непремѣнно напечатать эту статью" [23]). Но оговорка эта явилась въ *Отечественныхъ Запискахъ* за подписью *редактора*, то-есть, А. А. Краевскаго.

Между тѣмъ самъ С. П. Побѣдоносцевъ, думая, что авторъ статьи *Отечественныхъ Записокъ* есть Бѣлинскій, писалъ Погодину: „Въ послѣдней книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* Бѣлинскій помѣстилъ на меня страшную филиппику по поводу статьи о Коперникѣ. Ошибка, происшедшая единственно отъ моей разсѣянности, которую по несчастію и у васъ въ редакціи не замѣтили, возбудила въ немъ истинно комическое негодованіе и заставила его острить и каламбурить, какъ сапожника. Причина всего этого мнѣ хорошо извѣстна, и потому-то на слѣдствіе ея я почелъ за лучшее не обращать никакого вниманія" [24]).

Когда Герценъ жилъ въ Москвѣ и писалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, Погодинъ, по собственному его свидѣтельству, „считалъ его одною изъ тѣхъ жалкихъ посредственностей, которыя выростаютъ у насъ ежегодно по журналамъ, какъ грибы послѣ дождя, съ охотой смертною и участью горькою... Но когда", продолжаетъ Погодинъ, — „черезъ нѣсколько лѣтъ, я познакомился съ его сочиненіями за границею, я увидѣлъ, что онъ выросъ до высоты, для всѣхъ его товарищей недосягаемой, явилъ силу слова, до него неизвѣстную, сообщилъ наблюденія, мысли, какихъ никому въ голову не приходило, образовалъ свой родъ сочиненія, занялъ высокое мѣсто въ Европейской Литературѣ силою таланта необыкновеннаго. Между тѣмъ онъ шелъ по пути, *иже вводяй въ пагубу*; онъ судилъ объ основахъ общества легкомысленно, относился къ религіи болѣе, чѣмъ легкомысленно, дерзко шутилъ съ огнемъ и, не ограничиваясь собою, пытался распространять свой образъ мыслей, старался о пропагандѣ. Мнѣ жаль было, что такой

необыкновенный талантъ въ одномъ отношеніи пропадаетъ для Отечества, а въ другомъ приноситъ вредъ вмѣсто пользы" [25]).

XIII.

Въ 1843 году вышло въ Москвѣ первое изданіе знаменитой *Хрестоматіи* А. Д. Галахова, въ которой составитель впервые далъ мѣсто образцамъ прозы и поэзіи, написаннымъ литературнымъ языкомъ новаго времени, то-есть, обнимающимъ эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что выступившіе таланты Кольцова, Майкова, Фета и другихъ. Это нововведеніе, по свидѣтельству А. Д. Галахова, не могло быть одобрено ни графомъ С. Г. Строгановымъ, ни С. П. Шевыревымъ. „Оба они стояли за историческое начало въ преподаваніи научныхъ предметовъ. Были и другія причины", продолжаетъ Галаховъ,—„обратившія вниманіе Шевырева на мою книгу". Главною изъ этихъ причинъ служила рознь между журналами. Шевыреву было извѣстно, что Галаховъ былъ постояннымъ сотрудникомъ *Отечественныхъ Записокъ*. Такимъ образомъ между Галаховымъ и Шевыревымъ завязалась полемика, которою заинтересовалось Московское общество [26]).

Шевыревъ въ *Москвитянинѣ*, между прочимъ, прямо заявилъ: „*Русская Хрестоматія*, духомъ мнѣній своихъ нарушающая всякую живую связь между поколѣніями, образующимися теперь, и тѣми, которыя предшествовали намъ, и объявляющая поклоненіе одной ограниченной современности, не можетъ принести живой пользы ученію. Она вноситъ разрывъ между прошедшимъ и настоящимъ Отечественной Литературы... Она можетъ образовать журнальныхъ стилистовъ въ прозѣ, и звонкихъ, но дряблыхъ стиходѣловъ, а не поэтовъ, не мыслящихъ писателей, потому что, отрѣшая отъ себя все прежнее, уничтожаетъ питательный сокъ языка и словесности народной". Шевыревъ упрекнулъ также Галахова за то, что онъ изъ произведеній Лермонтова не помѣстилъ въ своей

Хрестоматіи одного изъ лучшихъ его стихотвореній *Споръ*, напечатанный въ *Москвитянинѣ* 1841 и доставленный туда, какъ мы знаемъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ. Шевыревъ также укоряетъ Галахова за то, что онъ Кольцова предпочитаетъ Хомякову и Языкову; что онъ Струговщикова предпочитаетъ И. И. Дмитріеву и ставитъ *Границы Человѣчества* выше *Размышленія по случаю грома*, „какъ будто для того, чтобы показать, что старая знаменитость должна уступить новой знаменитости г. Струговщикова; а между тѣмъ піеса И. И. Дмитріева гораздо болѣе имѣетъ художественнаго достоинства, нежели піеса г. Струговщикова, которую можно назвать слабымъ подражаніемъ, а не переводомъ. Видно, что издатель *Хрестоматіи* не потрудился даже сравнить ее съ подлинникомъ. Дмитріевъ далъ піесѣ другое значеніе, уклонясь отъ пантеистической мысли Гете, но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ выраженія онъ ближе къ подлиннику, нежели молодой переводчикъ. Сличите эти четыре стиха

Всесильный! Съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И исчезаю предъ Тобой.

Съ слѣдующими:

Я въ ужасѣ вѣщемъ
Съ покорностью дѣтской
Цѣлую трикраты
Послѣднюю складку
Одежды Твоей!

...У Гете *Saum* край, а совсѣмъ не *складка*. Дмитріевъ, зная Русское чувство покорности при голосѣ грома небеснаго, воспользовался только намекомъ піесы Гете и претворилъ ее въ свое народное сознаніе, согласное съ нашимъ народнымъ духомъ“ [27]).

Галаховъ отвѣчалъ Шевыреву двумя обширными статьями, напечатанными въ *Отечественныхъ Запискахъ* [28]). „Сознаюсь откровенно“, писалъ впослѣдствіи Галаховъ, — „что я, какъ слабѣйшій, желая насколько возможно уравнять шансы успѣха,

дозволялъ себѣ въ защитѣ прибѣгать къ различнымъ средствамъ, между прочимъ къ ироніи и насмѣшкѣ, которыя нравятся читателямъ. Если недоставало у меня пороха, я бросалъ въ противника пескомъ и пылью, чтобы хоть нѣсколько отуманить его". По поводу этой полемики А. П. Елагина писала къ А. Н. Попову: „Литература наша отличается перебранкою Шевырева съ Галаховымъ за *Хрестоматію*, и чуть ли это не единственное явленіе". Московскіе профессоры западнаго направленія и не малое число студентовъ стояли на сторонѣ Галахова [29]).

Этою полемикою воспользовался и Бѣлинскій, чтобы задѣть Шевырева, Хомякова и Языкова, и написалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* запальчивую статью, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ Москвитянину*. Здѣсь мы между прочимъ читаемъ: „Г. Шевыревъ видитъ какихъ-то необыкновенныхъ поэтовъ въ гг. Языковѣ, Бенедиктовѣ и Хомяковѣ, особенно въ послѣднемъ; наше мнѣніе о сихъ господахъ діаметрально противоположно его мнѣнію: мы не видимъ въ нихъ никакихъ поэтовъ, особенно въ послѣднемъ... Въ числѣ важныхъ обвиненій на Галахова Шевыревъ приводитъ его предпочтеніе Кольцова „передъ лучшими нашими лириками, современными Языковымъ и Хомяковымъ". Это несправедливо: гг. Языковъ и Хомяковъ давно уже не лучшіе и не современные лирики; оба они пишутъ теперь мало и рѣдко, и оба пишутъ, какъ писали назадъ тому около двадцати лѣтъ. Кольцовъ, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо выше ихъ уже потому только, что онъ былъ истинный поэтъ по призванію, между тѣмъ, какъ они только звучные версификаторы, особенно послѣдній". Бѣлинскій выражаетъ даже неудовольствіе Галахову за то, что онъ помѣстилъ въ своей *Хрестоматіи* произведенія Языкова и Хомякова, „особенно послѣдняго". „Зачѣмъ пріучать мальчиковъ къ фразерству и пустотѣ мыслей въ гладкихъ стихахъ?" На замѣчаніе же Шевырева, что „въ Кольцовѣ замѣчательна была наклонность къ философско-религіозной думѣ, которая таится въ простонародіи Русскомъ" *Не-*

правда, возражаетъ Бѣлинскій, „гдѣ доказательства этого элемента въ нашемъ простонародіи? Ужь не въ народной ли Русской поэзіи, гдѣ его нѣтъ ни слѣда, ни признака? Кольцовъ потому и имѣлъ наклонность къ философско-религіозной думѣ, что самобытнымъ стремленіемъ своей мощной натуры совершенно оторвался отъ всякой нравственной связи съ простонародіемъ, среди котораго взросъ... Пропускаемъ безъ вниманія“, продолжаетъ Бѣлинскій, — „бранчивыя выраженія г. Шевырева, излившіяся изъ досады, что Кольцовъ выбиралъ себѣ знакомство не по рекомендаціи г. Шевырева и держался не его литературной партіи“ [30]).

Извѣстно, что Кольцовъ черезъ своего земляка Станкевича сблизился съ его кружкомъ и въ особенности съ Бѣлинскимъ, и это сближеніе ввело въ душу Кольцова раздвоеніе, разладъ съ самимъ собою, и въ немъ, по счастливому выраженію М. Ѳ. Де-Пуле, „кабинетный литераторъ, поэтъ стихотворецъ, вступаютъ въ борьбу съ прасоломъ, съ торговцемъ, съ слагателемъ прекрасныхъ пѣсенъ, навѣянныхъ полемъ и степью“. Въ Воронежѣ Кольцовъ сдѣлался проповѣдникомъ *крайнихъ идей Бѣлинскаго*, „идей“, которыя, по замѣчанію Де-Пуле „въ устахъ Кольцова переходили въ тупое, чтобы не сказать дикое, отрицаніе всѣхъ основъ Русской жизни“ [31]).

Въ числѣ образцовыхъ сочиненій Галаховъ въ своей *Хрестоматіи* напечаталъ *Похвальное Слово Петру Великому*, написанное Никитенкою. Шевыревъ, готовясь разбирать это произведеніе, писалъ Погодину (21 іюня 1843 года изъ села Вяземъ): „Мнѣ хочется проучить *этого дурака* за то, что, цензируя *Отечественныя Записки*, позволяетъ въ нихъ всякую противъ насъ мерзость и какъ будто заодно съ ними“. Но сдержанный въ своемъ порывѣ вѣроятно Погодинымъ, Шевыревъ сдѣлалъ объ этомъ произведеніи Никитенки довольно умѣренный отзывъ, замѣтивъ, что „мысли его не всѣ могутъ быть допущены въ гимназическій учебникъ. Вотъ напримѣръ, что сказано въ *Похвальномъ Словѣ* о Петрѣ, какъ творцѣ добра частнаго: „Но еслибы и самый утонченный,

разсчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что каждый изъ насъ почерпнулъ на свою долю въ новомъ порядкѣ вещей? Мы отвѣчали бы: *честь существовать по человѣчески*". По поводу этихъ строкъ Шевыревъ спрашиваетъ оратора: „Неужели же Русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать *по человѣчески?* Что подумаютъ ученики гимназіи о всей древней жизни Русскаго народа, приготовившей самую возможность Петрова преобразованія, той жизни, которая одна только могла дать почву, прочность, силу этому преобразованію.... Что подумаютъ ученики гимназіи о всей до-Петровой Россіи, если повѣрятъ на слово новому панегиристу?... Это и неприлично, и безнравственно въ смыслѣ религіозномъ и патріотическомъ, и исторически ложно!" [32]) За Никитенко Шевыреву отвѣчалъ Бѣлинскій. „Если человѣческое существованіе народа", писалъ онъ,—„заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго,—смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы г. Шевыреву". Поставленный Шевыревымъ въ своей критикѣ вопросъ Бѣлинскій обозвалъ „выходкой противъ *Похвальнаго Слова Петру Великому* почтеннаго профессора А. В. Никитенки, этого", по отзыву Бѣлинскаго, „образцоваго произведенія, полнаго здравыхъ мыслей, краснорѣчія и отличающагося изящнымъ языкомъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, по установившемуся обычаю, Бѣлинскій кидаетъ въ бѣднаго Шевырева, этого мужественнаго проповѣдника Православнаго Русскаго ученія, и такой недвусмысленный намекъ: „Грустное зрѣлище", говоритъ онъ въ заключеніи,— „представляетъ собою литература и критика, гдѣ считающіе себя представителями науки и просвѣщенія... на важные вопросы набрасываютъ тѣнь подозрительныхъ и двусмысленныхъ намековъ, готовые каждаго, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣній, выставить какимъ-то противосмысленнымъ общему порядку явленіемъ..." [33]).

Между тѣмъ Погодинъ, слыша различные отзывы о кри-

тикѣ и антикритикѣ, по свидѣтельству Галахова, „задумалъ прибѣгнуть къ третейскому суду. Выборъ его палъ на Д. Л. Крюкова, молодого, чрезвычайно даровитаго и многоученаго. Онъ предложилъ ему взглянуть на полемику нашу безпристрастно, какъ подобаетъ человѣку, лично не заинтересованному въ дѣлѣ и чуждому наклонности къ той или другой журнальной партіи. Предложеніе было принято, но не исполнено... Я узналъ это отъ самого Крюкова, встрѣтивъ его у Армфельда. Вотъ слова его: „Погодинъ просилъ меня взглянуть на вашу полемику съ чисто научной точки зрѣнія и дать о ней отзывъ. Я было и обѣщалъ ему, но чѣмъ больше вникалъ въ сущность спора, тѣмъ больше и больше переходилъ на вашу сторону, почему и отказался“. Слышалъ я потомъ, что кромѣ этой причины отказа была и другая: Грановскій, не жаловавшій Шевырева отклонилъ своего товарища вступиться за *Москвитянинъ*, его редактора Погодина и главнаго критика Шевырева“ [34]).

XIV.

Въ 1842 году переселился въ Москву изъ своей Новгородской ссылки Александръ Ивановичъ Герценъ. Этотъ ссыльный, за такъ-называемыя политическія преступленія, за годъ съ небольшимъ писалъ изъ Петербурга къ своему родственнику, помощнику Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Д. П. Голохвастову: „Постоянной мечтой моей, idée fixe, получить малѣйшее мѣсто помощника, товарища библіотекаря, или не знаю чего въ свитѣ Цесаревича, которое я не промѣнялъ бы на лучше мѣсто въ министерствѣ. Въ этомъ моя служебная вѣра, инстинктъ, внутреннѣйшее убѣжденіе. К. И. Арсеньевъ со мною несказанно хорошъ; у него бываю, но молчу: пусть онъ узнаетъ меня. Буду молчать и съ В. А. Жуковскимъ до поры. Но цѣли этой не выпущу изъ вида. Меня свитѣ указало Провидѣніе“. Партія Московскихъ За-

падниковъ дѣлала въ немъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе. „Живой, умный“, пишетъ А. В. Станкевичъ,—„разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ для Грановскаго и друзей его. Тѣсный кружокъ друзей собирался часто вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ много читалъ. Всякое значительное явленіе, къ какой бы области знанія, искусства, литературы ни принадлежала оно, было извѣстно одному изъ нихъ. Прочтенное и узнанное въ спорахъ и бесѣдахъ дѣлалось общимъ достояніемъ друзей. Рядомъ съ веселой бесѣдой, шутками и остротами друзья обмѣнивались мнѣніями, мыслями, новостями. Въ частыхъ бесѣдахъ обобщались ихъ понятія и мнѣнія. Въ этомъ кружкѣ образованныхъ и одушевленныхъ живыми интересами людей нерѣдко появлялись замѣчательнѣйшіе и даровитѣйшіе изъ нашихъ литераторовъ и артистовъ. Частымъ гостемъ бывалъ въ немъ М. С. Щепкинъ, находившій здѣсь пищу своимъ артистическимъ интересамъ и своему обширному уму. Друзья не довольствовались наслажденіемъ мыслію и знаніемъ. Они были дѣятельны. Иной изъ нихъ издавалъ газету, другой переводы, третій писалъ статьи для журнала. Дѣятельность Грановскаго была посвящена Университету [35])“.

„Новый 1843 годъ“, повѣствуетъ Герценъ,—„встрѣтили мы подъ счастливымъ созвѣздіемъ. Десять лѣтъ я не встрѣчалъ новый годъ въ Москвѣ. Шумно и весело, съ пѣнящимися бокалами и искренними объятіями друзей перешли мы въ него. И было чрезвычайно весело, что̀ рѣдко посѣщаетъ насъ; на минуту скорбное отлетѣло, мы были довольны, что вмѣстѣ послѣ долгихъ скорбныхъ лѣтъ. Огарева не доставало; но онъ былъ съ нами въ воспоминаніи и въ портретѣ“. Герценъ просто любовался своимъ кружкомъ. „Вчера такъ тихо, мирно сидѣли мы у Грановскаго“, пишетъ онъ,—„мы (то-есть, чета Герценыхъ), они (то-есть, чета Грановскихъ), Кетчеръ, Бот-

кинъ, *какая благородная кучка людей*, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго" [36]).

Московскіе друзья не забывали и своихъ Петербургскихъ друзей и главнаго изъ нихъ Бѣлинскаго. Боткинъ и Герценъ помогли ему побывать въ Москвѣ лѣтомъ 1843 года. „Спасибо вамъ, добрые друзья мои", писалъ онъ имъ, — „вы сдѣлали по истинѣ доброе дѣло, одолживъ меня... Мнѣ нужно воздуха, свободы, отдыха, и я буду все имѣть. Я теперь почти счастливъ... Иду по улицѣ—и каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, такъ и хочется сказать: *а я ѣду въ Москву*!"

Въ началѣ іюня Бѣлинскій выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ онъ остановился у Боткина на Моросейкѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ цѣлый кругъ друзей—Западниковъ, и радостно было ихъ свиданіе. Лѣтніе мѣсяцы 1843 года Герценъ проводилъ съ семействомъ въ подмосковной отца своего Васильевскомъ *). Бѣлинскій вмѣстѣ съ Грановскимъ и Боткинымъ посѣтили своего друга въ его сельскомъ уединеніи [37]). Къ сожалѣнію, любовная „исторія Боткина", по свидѣтельству Герцена, „отравила почти все время, она поселила неловкость между ними и покрыла чѣмъ-то тяжелымъ все время" [38]). Еще изъ Петербурга Бѣлинскій написалъ Боткину довольно длинное разсужденіе *о любви романтической и о любви дѣйствительной и ихъ коренномъ различіи*. Какъ бы то ни было, Боткинъ въ это время былъ женихомъ; вскорѣ сдѣлался женихомъ и Бѣлинскій. Ихъ обоихъ плѣняло извѣстное стихотвореніе Лермонтова *Договоръ*:

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ.
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои...
Въ толпѣ другъ-друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь... [39]).

---

*) Село Московской губерніи, Рузскаго уѣзда, въ настоящее время принадлежитъ князю Александру Григорьевичу Щербатову.

„Я зналъ“, писалъ Боткинъ Бѣлинскому,—„что тебѣ понравится *Договоръ*. Въ меня онъ особенно вошелъ, потому что въ этомъ стихотвореніи жизнь разоблачена отъ патріархальности, мистики и авторитетовъ“. Надо замѣтить, что въ это время въ кружкѣ Западниковъ особеннымъ почетомъ пользовалась извѣстная разрушительница христіанскаго брака Жоржъ-Зандъ, и Бѣлинскій не могъ говорить безъ восторга объ этой писательницѣ, и романы ея одинъ за другимъ стали появляться въ *Отечественныхъ Запискахъ* того времени. Бѣлинскій съ увлеченіемъ называлъ эту Французскую писательницу *звѣздою спасенія и пророчицею великаго будущаго*. „Мы счастливы“, писалъ онъ И. И. Панаеву,—„очи наши узрѣли спасеніе наше, и мы отпущены съ миромъ владыкою. Мы дождались пророковъ нашихъ и узнали ихъ, мы дождались знаменій и поняли, и уразумѣли ихъ“.

Когда явился отдѣльною книжкою переводъ романа Шведской писательницы Фредерики Бремеръ, подъ заглавіемъ: *Семейство или домашнія радости и огорченія*, печатавшійся въ *Современникѣ*, то Бѣлинскій въ своей рецензіи, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ*, осмѣялъ этотъ романъ и отнесся „враждебно къ направленію *Семейства*“. По поводу этой рецензіи Я. К. Гротъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* статью: *О романѣ Семейство*, сочиненіе Фредерики Бремеръ. Еще до появленія въ свѣтъ этой статьи, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину:—„Статья Грота очень хороша, но и я полагаю, что она въ достоинствѣ своемъ ничего не потеряетъ, если выкинуть или ослабить выраженія прямо относительныя до *Отечественныхъ Записокъ* и которыя отмѣтилъ карандашемъ. Впрочемъ, я показывалъ статью Плетневу, и онъ полагаетъ, что выкидывать нечего“. Въ этой статьѣ своей Гротъ, между прочимъ писалъ:—„Всякій, кто сколько-нибудь наблюдаетъ ходъ идей въ Западной Европѣ, знаетъ, какія ложныя понятія распространяются тамъ иногда людьми безнравственными о назначеніи женщины, о бракѣ и семействѣ. Кто не слышалъ о сектѣ Сенсимонистовъ, о госпожѣ Жоржъ-Зандъ

и т. п.? Такія вредныя мнѣнія находили отголосокъ во многихъ странахъ. Даже и въ богобоязненной Швеціи, гдѣ семейная жизнь пустила столь глубокіе корни, одинъ извѣстный писатель, Альмквистъ, заразился грубымъ заблужденіемъ, будто неразрывный и религіею освященный бракъ есть установленіе лишнее и только препятствуетъ истинному счастію людей. Въ подтвержденіе этой лжи онъ написалъ романъ: *Можно*. Но такой романъ не могъ пріобрѣсти большого вліянія въ Швеціи, потому что тамъ подобныя сочиненія встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе въ самыхъ нравахъ общества. Къ тому же Альмквистъ, который долгое время былъ кумиромъ толпы, наконецъ вслѣдствіе своего легкомысленнаго поведенія сверженъ былъ въ грязь съ высоты мнимаго величія. Вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ разрушительнаго направленія книги Альмквиста служили романы Шведской писательницы Фредерики Бремеръ. Чтобы справедливо оцѣнить ихъ, довольно сказать, что у всѣхъ націй, у которыхъ еще не поколебались священныя опоры зданія общественнаго, романы госпожи Бремеръ усердно переводятся и съ жадностью читаются“. Въ заключеніе своей статьи Я. К. Гротъ сказалъ: „Многіе могутъ найти, что рецензія *Отечественныхъ Записокъ* не заслуживала столь подробнаго опроверженія. Съ этимъ мы сами согласны. Но мы хотѣли воспользоваться ею, чтобы обратить вниманіе публики на замѣчательный образчикъ того направленія, которое да мимо идетъ нашей современной Литературы“ [40]).

И вотъ, въ качествѣ жениха, во вкусѣ Жоржъ-Зандъ, является въ Васильевское В. П. Боткинъ и производитъ на Герцена удручающее впечатлѣніе и „отравляетъ все время“. „Конечно“, замѣчаетъ Герценъ, — „Боткинъ не правъ, какъ смѣшно слабый характеръ, какъ человѣкъ, пріучившійся рефлексировать тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать, наконецъ, не правъ... какъ человѣкъ, ставящій эгоистически выше всего какое-то себѣпотворство, обоготворяющій маленькія удобства и боящійся поднести чашу жизни къ устамъ, потому что тяжело держать ее... Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что

слабость Боткина испугалась въ самомъ дѣлѣ страшнаго. Онъ содрогнулся отъ слова *бракъ;* истинная любовь не содрогнулась бы, но все же бракъ страшенъ... Контрактованіе себя, кабала, цѣпь... Бракъ не есть истинный результатъ любви, а Христіанскій результатъ ея, онъ обрушиваетъ страшную отвѣтственность—воспитаніе дѣтей, семейную жизнь и проч. Между свободнымъ счастьемъ человѣка и его осуществленіемъ всегда путы и препятствія прежняго религіознаго воззрѣнія. Въ будущую эпоху нѣтъ брака, жена освободится отъ рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что какъ животное называется именемъ хозяина. Свободное отношеніе половъ, публичное воспитаніе и организація собственности... Развѣ голосъ Жоржъ-Зандъ не заявлялъ мнѣнія женщины?.. Христіанскіе призраки мѣшаютъ; они были необходимы въ свое время—теперь ихъ не нужно". Своею любовною исторіею Боткинъ произвелъ особенно тяжелое впечатлѣніе на больную жену Герцена. „Глубоко-грустные стоны", свидѣтельствуетъ ея мужъ, — „издаются и теперь еще по временамъ изъ болѣзненной души Наташи. Ей судьба привила духъ страданій. *Исторія* Боткина опять потрясла ее" [41]).

Впрочемъ, *исторія* Боткина тотчасъ пришла къ концу. Онъ женился и уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ за границу. Но вскорѣ послѣ женитьбы разошелся съ своею женою [42]).

Про другого своего гостя въ Васильевскомъ Герценъ писалъ: „Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ, вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный, съ одной стороны, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусъ, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь и недовольный видъ и даже ругательства" [43]).

Живя лѣтомъ въ Москвѣ, Бѣлинскій познакомился съ классной дамой Московскаго Александровскаго Института, Маріей Васильевной Орловой, и женился на ней. По свидѣтельству А. Д. Галахова, особа эта „интересовалась современной литературой", и онъ „снабжалъ ее *Отечественными Записками*, *Современникомъ* и другими книжными ново-

стями[44]). Когда о женитьбѣ Бѣлинскаго узналъ Герценъ, то записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Бѣлинскій женился. Кажется, въ мірѣ нѣтъ человѣка менѣе способнаго къ семейной жизни, не смотря на то, что въ груди его гигантская способность любви и даже самоотверженія“.

24 октября 1843 года Московскіе Западники проводили своего друга Николая Христофоровича Кетчера въ Петербургъ на службу. „Ему“, замѣчаетъ Герценъ,—„болѣе, нежели кому-либо, нужны друзья и симпатическій кругъ, онъ только въ немъ и живетъ; въ Петербургѣ у него нѣтъ ни друзей, ни близкихъ. Но для его развитія Петербургская жизнь для него важная фаза. Москва располагаетъ къ квіетическому и мечтательному взгляду, онъ въ Москвѣ начиналъ принимать свой pli и состарился бы въ немъ; тамъ взойдутъ новые элементы въ жизнь“. Получивши отъ Кетчера письмо уже изъ Петербурга, Герценъ писалъ: „Кетчерово письмо проникнуто любовью и нѣжностью. Какъ въ немъ странно спаялись его демократическая угловатость, грубость внѣшняя съ дѣтской нѣжностью и свѣжестью души. Онъ долго въ Петербургѣ не проживетъ“ [45]).

„Въ концѣ 1841 года“, пишетъ А. Н. Пыпинъ, — „въ Берлинѣ произошло цѣлое событіе въ области Философіи, и ожидалась новая эпоха со вступленіемъ въ университетъ Шеллинга, нѣкогда друга и товарища, а потомъ врага Гегеля и крайняго противника его системы. Приглашеніе Шеллинга изъ Мюнхена послѣдовало не безъ особенныхъ соображеній. Шеллингъ былъ вызванъ Прусскимъ министерствомъ не просто, какъ знаменитый философъ, но именно, какъ противникъ Гегеля. Дѣло въ томъ, что министерство начинало иначе смотрѣть на философію Гегеля, которая была нѣкогда настоящей государственной, оффиціальной философіей Пруссіи, считалась наилучшей школой и системой для благонамѣренаго гражданина и для чиновника, но теперь она внушала большое недовѣріе вслѣдствіе того либеральнаго поворота, какой получила она въ толкованіяхъ лѣвой или молодой стороны геге-

ліанства. Вызывая Шеллинга на каѳедру, въ Берлинѣ надѣялись, что онъ будетъ противодѣйствовать или даже остановитъ распространеніе гегеліанскаго радикализма и будетъ основателемъ Христіанской Философіи..." Шеллингъ явился въ Берлинъ съ Философіею Откровенія. Онъ не отдавалъ въ печать своей системы, но слушатели разнесли и даже напечатали содержаніе его лекцій; молодые гегеліанцы встрѣтили его философію враждебно, какъ отступленіе назадъ, реакцію. Это не помѣшало Шеллингу имѣть ревностныхъ послѣдователей съ другой стороны: въ числѣ восторженныхъ его поклонниковъ сталъ юный Катковъ [46]).

Окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1838 году, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ черезъ три года, а именно въ 1841 году, отправился для довершенія своего образованія въ Берлинъ, именно въ то самое время, когда Шеллингъ занялъ каѳедру Философіи въ Берлинскомъ Университетѣ, и, по собственному признанію самого Каткова, „своимъ развитіемъ обязанъ преимущественно знаменитому Шеллингу" [47]).

По свидѣтельству А. Н. Пыпина, „Боткинъ и Бѣлинскій уже вскорѣ увидѣли, что новая философія Шеллинга вовсе не такова, чтобы они могли ей сочувствовать", и Боткинъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* „высказался о роли, принятой Шеллингомъ, съ явнымъ сочувствіемъ къ лѣвому или молодому гегеліанству" [48]). „Я имѣю", писалъ Бѣлинскій, — „особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему, мирясь *съ Рассейскою дѣйствительностью*, хваля Загоскина и подобныя гнусности, и ненавидя Шиллера".

Повидимому и Грановскій не питалъ сочувствія къ новому ученію Шеллинга, ибо писалъ Бѣлинскому: „Что ты, мой милый Виссаріонъ? Какъ живешь? Что читаешь? Смотри, братъ, не поддайся Берлинской философіи, которую собирается привезти къ намъ Катковъ... Почти во всемъ я съ тобою согласенъ. До смерти хочется, чтобы ты поболѣе читалъ: это бы освѣжало тебя. Читай Французскихъ Историковъ и достань себѣ *Enciclopédie Nouvelle;* она познакомитъ

тебя съ Пьеръ Леру. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей въ Европѣ. Читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать".

Самъ же Катковъ писалъ изъ Берлина, что онъ всецѣло принадлежитъ къ философской школѣ Шеллинга, которая, по его словамъ, „глубже всего, что есть на свѣтѣ". *Бѣдный Гегель!* восклицаетъ по этому поводу Бѣлинскій.

Между тѣмъ, когда Катковъ „увлекался въ Берлинѣ Философіей Откровенія", другой „философскій авторитетъ" Московскаго кружка Михаилъ Бакунинъ, напротивъ, сошелся съ молодыми гегеліанцами. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Бѣлинскій писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей: „До меня дошли хорошіе слухи о Бакунинѣ, и я написалъ ему письмо... Я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ измовъ; но это было только отрицаніе, и ничто новое не замѣнило разрушеннаго стараго, а я не могу жить безъ вѣрованій, жаркихъ и фанатическихъ, какъ рыба не можетъ жить безъ воды, дерево рости безъ дождя... И странно: мы, я и Бакунинъ, искали Бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ Арнольдомъ Руге, и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга...".

Въ началѣ 1843 года Катковъ вернулся въ Петербургъ, и его встрѣча съ Бѣлинскимъ была *непріязненная*. „Разногласіе мнѣній", повѣствуетъ А. Н. Пыпинъ, — „столкновеніе характеровъ обнаружились съ перваго свиданія. Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ о прежнемъ другѣ крайне враждебно..." [49]).

Въ противоположность Бѣлинскому Катковъ очень сошелся съ ближайшимъ другомъ Герцена, Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, который писалъ своимъ друзьямъ: „Каткова я очень люблю: кромѣ дѣтскаго самолюбія, это душа славная, поэтическая, мнѣ случается проводить съ нимъ блаженныя минуты" [50]).

Въ Петербургѣ Катковъ намѣревался вступить на поприще гражданской службы; но счастливая встрѣча съ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа графомъ С. Г. Строгановымъ, „измѣнили его предположеніе, и онъ переселился въ родную ему Москву, гдѣ онъ погрузился въ изученіе элементовъ и формъ Словено-Русскаго языка“ [51]).

Въ Москвѣ Катковъ поселился на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Хомякова и вошелъ въ дружелюбныя сношенія съ старшимъ поколѣніемъ Словенофиловъ и дѣлился съ ними своими изысканіями, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его записочка къ А. Н. Попову: „Дайте мнѣ знать, любезный Александръ Николаевичъ, можно ли сегодня вечеромъ произвести чтеніе моей тетради. Я могъ бы пріѣхать къ Хомякову въ восьмомъ часу вечера. Сверхъ того, я буду просить васъ сообщить о томъ Буслаеву. Было бы очень хорошо, еслибы Петръ Васильевичъ Кирѣевскій былъ въ числѣ слушателей“. Не смотря на это, вотъ какъ Катковъ характеризуетъ умственное настроеніе Москвы и Петербурга, которое онъ засталъ по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ: „Съ интересами, которые теперь, сколько я могъ замѣтить, господствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, я нахожу въ себѣ мало сочувствія. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомеръ, да Жоржъ-Зандъ. Здѣсь теперь я совсѣмъ безпріютенъ, не къ кому преклониться, не съ кѣмъ быть откровеннымъ; но я, впрочемъ, не больно и горюю объ этомъ. Хорошо имѣть кружокъ единомысленный, съ одною, одинаково понимаемою, цѣлью; но хорошъ также и уединенный трудъ и болѣе искренняя бесѣда съ самимъ собою. Я здѣсь молчу и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ, какъ собака на живодернѣ; тамъ, что Философія цвѣтетъ теперь въ Россіи; здѣсь, что Философія— *морска сука*, что она есть не болѣе, какъ выраженіе Нѣмецкаго филистерства. Но надъ всѣмъ царитъ въ непоколебимой высотѣ Гоголь“ [52]).

Слава объ учености молодого Каткова достигла и до

Кіева, откуда М. А. Максимовичъ (18 сентября 1843 года), *не помня зла*, писалъ Погодину: „Чтобы на мою катедру какого-нибудь—да славнаго молодца! Говорятъ, у васъ Катковъ таковъ молодецъ: пусть бы скорѣй кончалъ магистерство свое, да и къ намъ. Да и Словенская катедра *тща* остается: ужъ какъ бы на цвѣты не морозы, право, кажется, я самъ бы пустился постранствовать да поучиться соплеменнымъ *говорамъ и рѣчамъ*..." [53]).

XV.

Въ августѣ 1843 года вернулся въ Москву Николай Михайловичъ Языковъ. Пять лѣтъ провелъ онъ въ чужихъ краяхъ „подъ ферулою медицины" и неисцѣленнымъ возвратился въ Москву. Здѣсь онъ поручилъ себя наблюденію своего стараго товарища Иноземцова. Въ одной элегіи Языкова, относящейся къ этому времени, мы читаемъ:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птичка въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ [54]).

„Языковъ здѣсь", писалъ Погодинъ Максимовичу,—„но такъ хилъ, что жаль смотрѣть" [55]).

Тѣсная дружба соединяла Языкова съ Гоголемъ, который напутствовалъ его слѣдующими наставленіями, какъ устроить свою жизнь въ Москвѣ. „Дай мнѣ слово", писалъ онъ ему,—„говѣть, пріѣхавши въ Москву, при первомъ случаѣ, если въ Великій постъ, то на первой недѣлѣ. Въ продолженіе говѣнія займись чтеніемъ церковныхъ книгъ. Это чтеніе покажется тебѣ трудно и утомительно; примись за него съ карандашомъ, читай скоро и бѣгло и останавливайся только тамъ, гдѣ по-

разитъ тебя величавое... слово!.. записывай и отмѣчай ихъ себѣ въ матеріалъ. Клянусь, это будетъ дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется тамъ неслыханныхъ міромъ звуковъ и, можетъ быть, тронетъ тѣ струны, для которыхъ она дана тебѣ Богомъ. Сдѣлай также слѣдующее заведеніе: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всенощную... Богъ тебѣ скажетъ самъ все, что тебѣ нужно. Онъ водрузитъ въ твою душу ту чудную эпоху жизни, когда и разумъ старости, и свѣжесть юности, и сила мужества, и младенчество младенца соединятся вмѣстѣ, и всѣ возрасты жизни вкушаетъ въ себѣ разомъ человѣкъ. Прощай! Богъ да благословитъ тебя". Гоголь очень интересовался: какъ Языковъ доѣхалъ до Москвы, „какое почувствовалъ чувство при встрѣчѣ съ Русью и при въѣздѣ въ Москву, какъ и кого нашелъ онъ въ Москвѣ, какъ и гдѣ пристроился". Получивъ отъ своего друга отвѣты на вопросы, Гоголь писалъ ему: „Письмо твое меня обрадовало. Ты въ Москвѣ. Переѣздъ и скука скитанья кончены—слава Богу! Не засиживайся только въ комнатѣ, дѣлай побольше движенія. Когда начнутся ясные зимніе дни съ небольшимъ морозцемъ, пользуйся ими и выходи на воздухъ". Въ томъ же письмѣ Гоголь благодаритъ Языкова „за желаніе надѣлить" его книгами. „Такъ какъ ты хочешь", пишетъ онъ ему,—„насытить мою жажду, а жажда моя къ чтенію никогда не была такъ велика, какъ теперь, то вотъ тебѣ на видъ тѣ книги, которыхъ я желалъ: 1) *Розыскъ* Димитрія Ростовскаго, 2) *Трубы Словесъ* и *Мечъ Духовный* Лазаря Барановича, 3) Проповѣди Стефана Яворскаго. Да хотѣлось бы имѣть Русскія Лѣтописи, изданныя Археографическою Коммиссіею, да *Христіанское Чтеніе* за 1842 годъ... Между прочимъ совѣтую тебѣ пересмотрѣть эти книги. Я никогда не думалъ, чтобы наше *Христіанское Чтеніе* было такъ интересно. Тамъ не только прекрасные переводы всѣхъ почти Отцевъ церкви; но есть много оригинальныхъ статей, неизвѣстно кому принадлежащихъ, очень замѣчательныхъ" [56]).

Духовными и кровными узами былъ связанъ Языковъ съ

Словенофилами. Въ то время, когда онъ водворился въ Москвѣ, Словенофильскій кружокъ, по свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, „распадался на два оттѣнка: съ одной стороны—Хомяковъ и Кирѣевскіе, съ другой—Самаринъ и Аксаковъ, и что сліяніе въ то время еще не только не произошло, а напротивъ, различіе во взглядахъ еще рѣзче обозначалось, чѣмъ въ 1840 и 1841 годахъ“.

Весною 1843 года Самаринъ дописалъ свою диссертацію о *Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ*. „Закончивъ свой трехлѣтній трудъ“, повѣствуетъ Д. Ѳ. Самаринъ,—„Ю. Ѳ. Самаринъ не могъ, конечно, не усмотрѣть, что въ немъ опредѣлено было Православіе только съ отрицательной стороны, только въ отношеніи къ католичеству и протестантству, положительная же сторона Православія осталась почти не выясненною. Очевидно, что на этомъ не могла остановиться работа его мысли. Сверхъ того, припомнимъ, что Гегелева философія еще только коснулась его. Неудивительно потому, что когда онъ принялся за основательное изученіе ея съ цѣлію оправдать ею Православіе,—неудивительно, что въ результатѣ его изученія могъ оказаться не тотъ выводъ, котораго онъ ожидалъ, а это должно было повести къ томительному раздвоенію, къ тяжелой внутренней борьбѣ“. За Гегеля Ю. Ѳ. Самаринъ засѣлъ лѣтомъ 1843 г. [57]); а въ сентябрѣ того же года онъ писалъ Хомякову: „При многихъ намъ общихъ убѣжденіяхъ, насъ раздѣляетъ, какъ кажется, одинъ вопросъ... Я разумѣю вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи... Хочу... разсказать вамъ, какъ мои занятія меня привели къ нему, и какъ тѣсно, по моему мнѣнію, онъ связанъ съ судьбою нашей Церкви. Безъ малаго три года я занимался почти исключительно изученіемъ Православія. Изучивъ вполнѣ одинъ моментъ изъ Исторіи нашей Церкви, проявленіе въ немъ католическаго и протестантскаго начала, я могъ, такъ мнѣ кажется, понять отношеніе ея къ двумъ вѣроисповѣданіямъ Запада... Существенная разница между католичествомъ и протестантствомъ и нашею Церковью за-

ключается въ томъ, что католичество, изъявивъ притязаніе на исключительность, есть вмѣстѣ наука и государство; протестантство, признавъ полную свободу науки и государства, отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ церковь и религію вообще; наша Церковь не есть наука и не есть государство; она сознаетъ себя только какъ церковь. Не говорю какъ моментъ, потому что этого слова вы не допустите, а съ тѣмъ, что сказано до сихъ поръ, вы, кажется, согласны. Но наука и государство должны быть; слѣдовательно, если церковь не признаетъ ихъ въ своей сферѣ, значитъ, онѣ существуютъ внѣ ея какъ отдѣльныя сферы, и власть церкви на нихъ простираться не должна. Поэтому, если дѣйствительно наука и государство имѣютъ въ себѣ эту силу, существуютъ независимо какъ отдѣльныя сферы, то Церковь Православная истинна, и воздержаніе ея, то, что она не изъявляетъ притязаніе на то, что ей недоступно, ручается за ея истину. Если же нѣтъ— выводъ будетъ противоположный. Отстранивъ вопросъ о государствѣ, о католицизмѣ у насъ нѣтъ спора, я полагаю слѣдующій вопросъ: философія существуетъ какъ отдѣльная отъ церкви сфера, подчиненная ей, или, наоборотъ, подчиняетъ ее себѣ? Я думаю, что если наука существуетъ, какъ отдѣльная отъ искусства и религіи сфера духа, то она должна быть сферою высшею...“

Какъ же отнесся Хомяковъ, спрашиваетъ Д. Ѳ. Самаринъ, къ воззрѣнію, къ которому пришелъ его братъ въ 1843 году? „Очевидно“, замѣчаетъ онъ,—„Хомяковъ не могъ сочувствовать этому взгляду. Онъ одинъ устоялъ отъ увлеченія философіею Гегеля и могъ сразу отнестись къ ней критически“. Въ отвѣтѣ своемъ на письмо Самарина Хомяковъ, между прочимъ, писалъ изъ своего Богучарова (15 октября 1843 г.): „Содержаніе вашего письма было для меня не неожиданно. Вы, можетъ быть, вспомните нашъ разговоръ съ вами и Аксаковымъ, когда я вамъ обоимъ обѣщалъ внутреннюю борьбу и даже пророчилъ, что она начнется у васъ прежде чѣмъ у него. Въ его природѣ болѣе мечтательности

и, не въ гнѣвъ ему будь сказано, женственности или художественности, охотно уклонявшейся отъ требованій логики. Вы за дѣло принялись мужественно, сознавшись въ своемъ внутреннемъ раздвоеніи. Я этого ожидалъ, но, признаюсь, не такъ скоро" [58]).

Но письмо Хомякова не разрѣшило сомнѣній Самарина и въ то же время не дало *покоя душамъ смятеннымъ, крѣпости волямъ утомленнымъ, пищи алчущимъ сердцамъ* [59]).

Желая освѣжиться послѣ своихъ глубокомысленныхъ занятій по рѣшенію вопроса объ отношеніи религіи къ философіи, Ю. Ѳ. Самаринъ, въ концѣ 1843 года, предпринялъ дальнее путешествіе въ Заволжское село отца своего Васильевское... Въ концѣ ноября онъ выѣхалъ изъ Москвы. По пути заѣзжалъ къ теткѣ своей А. В. Валуевой, жившей въ Бѣлбашской пустыни Костромской епархіи. По пріѣздѣ въ Васильевское Ю. Ѳ. Самаринъ написалъ своему отцу письмо, въ которомъ описываетъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ своего путешествія между Симбирскомъ и Сызранью, характеризующій отношенія дворянства къ крестьянству. „Ѣхали мы", пишетъ Самаринъ,— „ночью, было около 2 часовъ утра, и начала подниматься (декабрьская) мятель; мы ѣхали проселкомъ, кругомъ была голая степь, я дремалъ. Вдругъ слышу стонъ и крикъ: *добрый человѣкъ спаси, не дай погибнуть.* Я велѣлъ остановиться: мы выскочили изъ кибитки и видимъ, въ сторонѣ отъ дороги лежитъ мужикъ до половины въ снѣгу... Ночь была прехолодная. Мы должны были поднять его и на рукахъ нести до кибитки... Замѣтили, что онъ пьянъ: воетъ и молится... Долго мы съ нимъ ломались въ кибиткѣ; наконецъ довезли до города... Оказалось..., что онъ съ товарищами ѣздилъ покупать коровъ въ Сызрань. Тамъ они подпили... На возвратномъ пути лошади ихъ сбили..., товарищи нашего мужика сперва было повели его подъ руку, а потомъ бросили какъ рогожу въ степи, въ снѣгъ, ночью и въ восьмнадцать градусовъ морозу... Къ этому я вспомнилъ, что когда мы ѣхали ночью и услыхали крики и увидѣли этого

человѣка въ снѣгу, мой извощикъ промчался мимо и не подумалъ остановиться". *Вотъ что ужасно*, замѣчаетъ въ томъ же письмѣ Самаринъ и спрашиваетъ: *почему это такъ?* По пріѣздѣ въ Васильевское, Самаринъ „въ первый разъ" почувствовалъ себя *бариномъ* и *помѣщикомъ*. „Ощущеніе", замѣчаетъ онъ, — „не чуждое своего рода пріятности". Управляющимъ этого Васильевскаго былъ Петръ Яковлевичъ Воронковъ, изъ дворовыхъ Самарина, и управлялъ имѣніемъ около сорока лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память во всемъ Заволжскомъ краѣ своею честностью, справедливостью и попеченіемъ о благосостояніи крестьянъ. Для юнаго магистранта и совопросника вѣка сего Воронковъ былъ „учителемъ", и онъ разсказывалъ „ему все обстоятельно, въ порядкѣ и съ снисхожденіемъ" къ его „невѣжеству". Вмѣстѣ съ Воронковымъ встрѣтилъ Ю. Ѳ. Самарина и Титъ Аѳанасьевичъ Макаровъ, воспитанникъ Московскаго Университета, который былъ около сорока лѣтъ лѣкаремъ въ Васильевскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣкаремъ во всей Заволжской степи и умеръ тамъ въ началѣ 70-хъ годовъ, оставивъ по себѣ тоже добрую память въ мѣстномъ народонаселеніи.

Пребывая въ Васильевскомъ, Самаринъ заглянулъ и въ семейный архивъ и нашелъ, какъ пишетъ онъ своему отцу, „двѣ бумаги по разнымъ отношеніямъ интересныя. Первая: просьба, поданная дѣдомъ въ Дворянское Депутатское Собраніе о включеніи въ гербовникъ рода Самариныхъ съ приложеніемъ вѣрныхъ копій съ двухъ грамотъ, изъ которыхъ одна пожалована Ѳедору Васильевичу Самарину царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а другая сыну его Алексѣемъ Михайловичемъ". Тутъ же Самаринъ нашелъ и просьбу своего отца о принятіи его въ службу въ артиллерію, въ которой онъ говоритъ, — что „Французскому языку обученъ вполнѣ, Нѣмецкому отчасти, Фортификаціи также, и намѣренъ на службѣ продолжать учиться" [60]).

Въ деревнѣ Самаринъ наслаждался степною природою и зимнею охотою. „Охота съ гончими", писалъ онъ, — „въ

результатѣ три русака; охота съ ружьемъ – въ результатѣ шесть куропатокъ; рыбная ловля неводомъ — въ результатѣ пятнадцать щукъ и цѣлый боченокъ раковъ. Намъ благопріятствовала чудная погода: ясное небо и яркое солнце... ...Нагорная сторона казалась издали цѣпью ледниковъ. Странно, что пейзажисты вообще не понимаютъ красоты и живописности зимы... Не сомнѣваюсь, что искусству предстоитъ великая будущность въ Россіи".

Новый 1844-й годъ Самаринъ встрѣтилъ въ Казани; тамъ онъ пробылъ нѣсколько дней у своего двоюроднаго брата, князя Д. А. Оболенскаго, „познакомился со многими лицами Казанскаго общества, выѣзжалъ въ свѣтъ, рисовалъ портреты, снималъ виды и, повидимому, былъ веселъ". А между тѣмъ, по свидѣтельству его брата Д. Ѳ. Самарина, „тяжелая дума, какъ камень, давила его душу; процессъ внутренней борьбы совершался среди внѣшняго веселья и не давалъ ему минуты нравственнаго покоя" [61]).

Съ тревожнымъ духомъ писалъ онъ на канунѣ новаго года къ своему другу: „Послушай, Аксаковъ! Ты давно на меня сердишься за то, что съ недавняго времени я чаще сталъ не соглашаться съ тобою и спорить... Я спорю съ тобою потому, что давно веду тяжелый, мучительный споръ съ самимъ собою. Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе. Мнѣ невыносимо тяжело и грустно... Много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. *Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни: Провидѣніе*, и послѣ этого можетъ ли быть легко и спокойно на сердцѣ?... Не сердись, не досадуй на меня и не осуждай. Болѣе нежели когда-нибудь мнѣ нужно твое сочувствіе, полное, довѣрчивое... Передай отъ меня дружеское привѣтствіе и поздравленіе съ новымъ годомъ твоему батюшкѣ, И. С. Аксакову, Павлову, Хомякову, Языковымъ, Свербееву, Кирѣевскому, Грановскому, Герцену и всѣмъ нашимъ" [62]).

Въ это время и самому Хомякову хотѣлось освѣжиться и съѣздить въ чужіе края. „Думалъ я нынѣйшній годъ",—

писалъ онъ А. В. Веневитинову, — „побывать за границею, подышать воздухомъ многодвижущейся Европы (хотя и увѣряю всѣхъ въ качествѣ руссофила, что этотъ воздухъ есть не что иное какъ сквозной вѣтеръ), однако же судьба распорядилась мною иначе. Я опять засѣлъ дома, и опять ѣду въ деревню, по лѣтнему обычаю. А досадно. Какое-то нетерпѣніе меня беретъ, какая-то тоска по художеству, по южной природѣ, по красотѣ матеріальнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ какъ стихи перестали писаться, пробудилась большая жажда внѣшней поэзіи. Главное же то, что мнѣ хотѣлось бы женѣ показать то, что всѣ порядочные люди видятъ хоть разъ въ жизни“ [63]).

Достойно примѣчанія, что въ это же самое время (21 іюля 1843 года) изъ той же Европы, которая такъ тянула къ себѣ Хомякова, Н. П. Огаревъ писалъ Герцену въ Москву: „Тебѣ хочется видѣть Европу, отдохнуть въ Италіи и подышать Италіей. Я — странникъ — скиѳъ — скучаю Европой, вижу въ моей Скиѳіи гораздо болѣе жизненныхъ началъ, люблю людей моей Скиѳіи и ея природу. Все это не шутка, а въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ лучше дышется дома, и я съ радостью взгляну, послѣ роскошной Италіи, на наши печальныя поляны, и мнѣ на душѣ будетъ поэтичнѣе и свѣтлѣе. Съ нетерпѣніемъ жду минуты моего возврата... Кто изъ васъ будетъ симпатизировать со мной въ стремленіи домой изъ сихъ прекрасныхъ странъ, въ которыхъ я нисколько не ожилъ духомъ? О, авось-ли кто-нибудь! Вчера... погода была похожа на осень. Отчего мнѣ лучше стало на душѣ? Слеза навернулась, такъ пахнуло родиной, такъ сильно захотѣлось домой, что и пересказать трудно. Дайте руки ваши, мои милые“ [64]).

XVI.

Въ это время въ Москвѣ продолжали вестись нескончаемые словесные споры. Спорили Словенофилы между собою, спорили они и съ Западниками. „Жизнь“, писалъ Хомяковъ Вене-

витинову, — „идетъ или плетется потихоньку; плетутся потихоньку занятія, бесѣды, и только одни споры идутъ шибкою рысью“ [65]).

Въ Москвѣ Герцена поразило существованіе „множества партій самыхъ непонятныхъ. Партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости... Князь Гагаринъ считаетъ Чаадаева отсталымъ. Партія православныхъ, Кирѣевскій en tête, а потомъ и Шевыревъ — диллетанты религіи, и Словенофилы и Русофилы, и Аксаковъ полу-гегеліанецъ и полу-православный“.

Поселившись въ Москвѣ, Герценъ сблизился съ нѣкоторыми изъ Словенофиловъ, хотя въ нихъ онъ встрѣтилъ крайнее противорѣчіе своему собственному взгляду... Онъ любилъ встрѣчаться и спорить съ братьями Кирѣевскими, съ Хомяковымъ, Самаринымъ, К. С. Аксаковымъ о тѣхъ существенныхъ вопросахъ, гдѣ Словенофилы радикально расходились съ Западниками. Все это были, какъ говорили они, nos ennemis les amis, или на оборотъ. Дружескія встрѣчи всегда были вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ диспутомъ...“

Въ своемъ *Дневникѣ* Герценъ оставилъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о своихъ словопреніяхъ съ Словенофилами; такъ въ немъ мы читаемъ: „Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегеліанизмомъ, но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ жить какъ-то вмѣстѣ... Другіе, какъ Кирѣевскій, отвергаютъ все Западное; не хотятъ даже знать, боятся знать, то-есть боятся углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зародышей скептицизма. Споры между католиками и православными пресмѣшные — такъ и переносишься въ блаженной памяти Средніе вѣка“. Хотя Герценъ какъ бы съ сожалѣніемъ говоритъ, что на это „расточается большая дѣятельность — хоть плода ждать нельзя“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что „самая дѣятельность эта утѣшительна, безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои интересы въ сферу вопросовъ религіозныхъ — хороша. Привычка соби-

раться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi поставляетъ въ люди насъ... И такъ, спасибо и на томъ".

Изъ Словенофиловъ Герценъ болѣе всѣхъ уважалъ братьевъ Кирѣевскихъ. „Что за прекрасная, сильная личность Ивана Кирѣевскаго", пишетъ онъ, — „сколько погибло въ немъ и притомъ развитого. Онъ сломился такъ, какъ можетъ сломиться дубъ. Жаль его, ужасно жаль. Онъ чахнетъ, борьба въ немъ продолжается глухо и подрываетъ его. Онъ одинъ искупаетъ всю партію Словенофиловъ". Герценъ передаетъ намъ и содержаніе бесѣдъ своихъ съ нимъ. „Длинный разговоръ о Философіи съ Иваномъ Кирѣевскимъ", пишетъ онъ, — „глубокая, сильная, энергичная до фанатизма личность. Наука, по его мнѣнію, чистый формализмъ, самое мышленіе — способность формальная, оттого огромная сторона истины является въ наукѣ только формально и слѣдовательно абстрактно, не истинно или бѣдно истинно. Философія не можетъ рѣшить свою задачу, не достигнетъ примиренія истины, потому что ея путь недостаточенъ. Слово есть также формальное выраженіе, не исчерпывающее то, что хочешь сказать, а передающее односторонно... Кирѣевскій хочетъ спасенія стараго во имя несостоятельности науки" [66]). Съ братомъ его, Петромъ Васильевичемъ, Герценъ тоже обмѣнивался мыслями. Въ это время Гоголь писалъ изъ Баденъ-Бадена къ Языкову: „Изъ Москвы я имѣю только извѣстіе, что П. В. Кирѣевскій сшилъ себѣ кафтанъ стрѣльца по рисункамъ, которыми очень доволенъ, и ходитъ въ немъ вездѣ" [67]). Съ своей стороны Герценъ по поводу бесѣдъ своихъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ писалъ: „Ихъ воззрѣніе странно до поразительности, оно, безъ сомнѣнія, не изъято поэзіи, хотя односторонность очевидна. Религіозное воззрѣніе имѣетъ необходимо долю ложную, но ихъ воззрѣніе есть еще частно религіозное, именно Греко-Россійское Христіанство: они отвергаютъ все Западное Христіанство; Исторія, какъ движеніе человѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію, для нихъ не существуетъ; ихъ взглядъ на Исторію прибли-

жается къ взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся жизнь человѣчества — болѣзненное, анормальное явленіе... Они принимаютъ Греко-Восточную церковь за единую дверь къ благодати, остальное все нечестиво, сбилось съ дороги и проч. И съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ, что и Греческая Церковь подавлена... Дѣятельность и стремительное движеніе Европейское — они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ квіэтическое спокойствіе какой-то созерцательной жизни на Индійскій манеръ... Въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ, недостаетъ любви. Они на Западъ смотрятъ съ ненавистью... Оттого, что Руси общечеловѣческое начало начали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ... Петръ Кирѣевскій выражаетъ собою, въ числѣ самыхъ отчаянныхъ Словенофиловъ, ультрасловениста; разумѣется, при всемъ уродливомъ взглядѣ, онъ человѣкъ талантливый, восторженный и благородный, онъ можетъ, во многомъ долженъ будетъ уступить брату — но далеко оставляетъ за собою многихъ одномышленниковъ. Кирѣевскіе послѣдовательнѣе Аксакова и Самарина; тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе Словено-Византійское, они по Гегелю доходятъ до Православія и по западной наукѣ до отверженія Западной Исторіи; они принимаютъ прогрессъ, смотрятъ нашими глазами на будущность человѣчества, оттого у нихъ потеряна необходимая консеквентность. Петръ Кирѣевскій обращенъ на одно прошедшее Руси, онъ смотритъ на будущее безъ вѣры...“

Передъ своимъ отъѣздомъ въ деревню Ю. Ѳ. Самаринъ имѣлъ длинный и „презанимательный разговоръ“ съ Герценомъ. Юный философъ сознавался Герцену, что онъ „ясно не можетъ развить логически свою мысль о имманентномъ сосуществованіи религіи съ наукой, что das Aufheben наукой оставляетъ церковь во всей ея дѣйствительности. Онъ согласенъ, что расторжимость человѣка, который мышленіемъ раз-

рушаетъ то, что принимаетъ фантазіей и сердцемъ, съ другой стороны, усыпляя мышленіе, снова даетъ мѣсто представленію, непримирима. Но они требуютъ это, хотятъ и проч. Требованіе это вмѣстѣ съ Словенизмомъ дѣлается религіей. Они говорятъ, что плодъ Европейской жизни созрѣетъ въ Словенскомъ мірѣ, что Европа, достигнувъ науки, негаціи существующаго, наконецъ, провидѣнія будущаго въ вопросахъ соціализма и коммунизма, совершила свое, и что Словенскій міръ почва симпатическаго, органическаго развитія будущаго. Это мысль не только ихъ, но и Западныхъ Словенъ, напримѣръ, Мицкевича; но у нашихъ важное различіе. У нихъ Словенизмъ не раздѣленъ съ Греческою религіей. Церковь одна — это наша церковь; они ждутъ, что католицизмъ и протестантизмъ равно признаютъ истинность ея и это самая отчаянная гипотеза изъ всѣхъ. Такое созерцаніе будущаго, безъ сомнѣнія, — религія, и можетъ дойти до фанатизма".

Съ своей стороны Герценъ читалъ свои произведенія Словенофиламъ и находилъ ихъ одобреніе. „На-дняхъ", писалъ онъ, — „читалъ я Кирѣевскому и Хомякову *о Будизмѣ въ Наукѣ* — большой эффектъ и рукоплесканія... Прежде я болѣе бы вкусилъ эти рукоплесканія, упился бы ими отъ души; теперь для меня существуетъ одно упоеніе — via humida, то-есть, виномъ".

Но не смотря на эти дружескія собесѣдованія и чтенія, Герценъ въ то же время писалъ: „Словенобѣснующіеся не понимаютъ Исторіи, не понимаютъ Европейскаго развитія — это помѣшательство. Словене въ будущемъ, вѣроятно, призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ съ своимъ стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣческаго?" [68]).

XVII.

Мирное общеніе Московскихъ Западниковъ съ Словенофилами было не по душѣ Бѣлинскому. Онъ не признавалъ

мирныхъ отношеній къ людямъ, которые были врагами его взгляда. Мнѣнія его противниковъ были ему такъ враждебны, что онъ не считалъ возможнымъ никакое примиреніе. Сближеніе Герцена съ Словенофилами показалось Бѣлинскому „если не шагомъ назадъ, то фальшивымъ шагомъ", одно время онъ чуть не считалъ своего друга готовымъ перейти въ Словенофильство. Наконецъ, Бѣлинскій просто не вѣрилъ въ примиреніе столь противорѣчащихъ мнѣній. „Скажи Герцену", писалъ Бѣлинскій Боткину, — „что письмо его ко мнѣ меня опечалило — отъ него попахиваетъ умѣренностію и благоразуміемъ житейскимъ, то-есть, началомъ паденія и гніенія... Онъ толкуетъ, что Хомяковъ удивительный человѣкъ, что онъ, правда, лежитъ по уши въ грязи, но—видишь ты—и страдаетъ отъ этого. А въ чемъ выражается это страданіе? Въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ pro и contra. Я знаю, что Хомяковъ—человѣкъ неглупый, много читалъ и вообще образованъ, но онъ не надулъ бы меня своею діалектикою..."

Бѣлинскій справедливо не раздѣлялъ Словенофильства отъ *Москвитянина*, къ которому онъ питалъ неизмѣнную вражду, и на него произвелъ непріятное впечатлѣніе слухъ, что Грановскій согласился дать свою статью въ этотъ журналъ. „Слышалъ я", писалъ Бѣлинскій, — „что Грановскій далъ въ *Москвитянинъ* статью. Можетъ быть, онъ и хорошо сдѣлалъ, только я этого не понимаю; впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей, и у насъ въ Петербургѣ многіе литераторы не гнушаются печататься въ *Пчелѣ* и *Маякѣ:* почему же Московскимъ гнушаться печататься въ *Москвитянинѣ*: вѣдь *Москвитянинъ* не многимъ чѣмъ хуже *Пчелы* и *Маяка*". Грановскій дѣйствительно напечаталъ въ *Москвитянинѣ* 1843 года статью *О началѣ Прусскаго государства*, и Бѣлинскій долго не забылъ этого случая, который „казался ему непростительной неразборчивостью, холодностью къ дѣлу своей стороны" [69]).

Самъ же Погодинъ, живя на своемъ отдаленномъ и въ то время пустынномъ Дѣвичьемъ полѣ и погруженный въ свои изслѣдованія о древнѣйшемъ періодѣ Русской Исторіи,

а также озабоченный расширеніемъ своего Древлехранилища, рѣдко посѣщалъ Московскихъ совопросниковъ вѣка сего. Не смотря на охлажденіе, онъ однако не прерывалъ сношеній съ домомъ Аксаковыхъ и принималъ участіе въ ихъ возлюбленномъ первенцѣ Константинѣ. Погодинъ старался пристроить его на каѳедру Русской Исторіи въ Кіевскомъ Университетѣ. „Не хочетъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„желаетъ сказать первое молодое слово въ Москвѣ и несетъ объ ней дичь“ [70]). Вообще нижеслѣдующія записи *Дневника* Погодина показываютъ отношенія его въ данное время какъ къ Аксаковымъ, такъ и къ Словенофиламъ старшаго поколѣнія:

Подъ 14 мая: Къ Хомякову. Умный разговоръ. Какъ жаль, что онъ тратитъ свою силу на болтовню. *21 мая:* Къ Аксаковымъ. Говорилъ съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ о Русской Исторіи. *Слабы.* О состояніи Россіи. Видны раны, да не знаемъ, гдѣ взять лѣкарство. Ужинать и запоздалъ. Хомяковъ началъ говорить о *Москвитянинѣ*, но очень темно. *Я не понимаю тебя*, отвѣчалъ я, *вѣрно я не допилъ!*

— *23 ноября.*—Вечеръ у Аксаковыхъ. Я услышалъ горестное извѣстіе. Да, семейство идетъ къ гибели, развѣ онъ отыграется. Ольга Семеновна винитъ болѣе всего Павлова, который обобралъ у нихъ деньги. Плакали и наши денежки.

— *2 декабря.*—Заѣзжалъ къ Аксаковымъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ показался посвѣжѣе. Дочь все еще лѣчатъ какъ принцессу.

Не смотря на свои стѣсненныя обстоятельства, въ концѣ 1843 года, С. Т. Аксаковъ пріобрѣлъ сельцо Абрамцево, „прелестный уголокъ на берегахъ рѣчки Вори, близъ Хотьковскаго монастыря и не очень далеко отъ Троицкой лавры. Это имѣніе соединяло въ себѣ все, что могло удовлетворить требованіямъ С. Т. Аксакова: прелестное мѣстоположеніе, удобный старинный домъ, среди прекраснаго парка, громадный прудъ подъ мельницею съ богатой ловлею рыбъ, хорошее купанье въ рѣкѣ Вори, обширные лѣса, изобилующіе грибами, сборъ которыхъ производился С. Т. Аксаковымъ и семействомъ

его съ артистическими пріемами. О количествѣ найденныхъ грибовъ велся дневникъ, всѣ замѣчательные экземпляры были срисованы и сохранены" [71]).

Поселившись въ Москвѣ, Н. М. Языковъ, не смотря на свою болѣзненность, зажилъ въ ней хлѣбосольнымъ стариннымъ русскимъ бариномъ. Къ Погодину и Шевыреву онъ сохранялъ неизмѣнную дружбу. „Вечеръ у Языкова", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Свербеевъ, Петръ Кирѣевскій толковали о безсудности и отсутствіи всякой управы, въ чемъ виновато правительство, въ чемъ виноватъ народъ. Иванъ Гагаринъ перешелъ, говорятъ, въ католичество, объясняютъ тѣмъ, что людямъ съ сильными страстями дѣлать нечего. Замѣчательно слово графа А. П. Толстаго: живя въ Парижѣ, сбираешься сказать то и другое, сдѣлать также, подъѣдешь къ границѣ, жаръ простываетъ, проѣдешь дальше, чувствуешь совсѣмъ ужъ не то, а ввалишься въ Петербургъ, вступишь во Дворецъ, такъ и почувствуешь такое подлое трясеніе подъ жилками, что изъ рукъ вонъ. Забавно выраженіе plutocratie, въ русскомъ переводѣ: плутократія".

Мы уже имѣли случай замѣтить, что главнымъ труженикомъ въ *Москвитянинѣ* былъ Шевыревъ. Это онъ и самъ сознавалъ. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ его къ Погодину (отъ 14 октября 1843 года): „Ты знаешь, что всякая статья моя, хоть она и статеечка, стòитъ мнѣ труда: я не могу писать о книгѣ, не прочитавши всей книги. Не по лѣности не явился въ двухъ нумерахъ, а потому что работалъ надъ дѣломъ капитальнымъ. Но не забудьте о томъ, Михаилъ Петровичъ, что въ 1841 году, вѣдь я далъ сорокъ листовъ печатныхъ, въ 1842 году кромѣ капитальнѣйшихъ статей, издалъ самъ нумеровъ пять въ вашемъ отсутствіи. Можно было полѣниться немножко въ 1843 году, то-есть, полѣниться для *Москвитянина*, трудясь для другого бòльшаго дѣла".

Съ своей стороны замѣтимъ, что всѣ вражескія нападенія Западниковъ на *Москвитянина* отражалъ исключительно только

одинъ Шевыревъ. Погодинъ въ нѣкоторомъ отношеніи велъ уклончивую политику и во многомъ не одобрялъ дѣйствія своего товарища. Такъ, подъ 21-мъ ноября 1843 года, мы находимъ слѣдующую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Шевыревъ имѣетъ глупость сердиться, что его называютъ редакторомъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и какъ будто хочетъ выгородиться, 100% брани онъ получаетъ, но находитъ тягость въ лишнихъ пяти, которые достаются ему будто на долю несправедливо. Удивительная слабость и мелочность".

Эта запись въ *Дневникѣ* Погодина ближайшимъ образомъ объясняется слѣдующими строками изъ письма Шевырева къ Погодину, вызванными возраженіемъ Погодина противъ статьи о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, которую Шевыревъ приготовилъ для *Москвитянина*: „Я не понимаю рѣшительно до сихъ поръ, за что ты такъ остервенился противъ этого мѣста, которое *Москвитянину* нисколько не обидно... Соглашаешься оставить все вступленіе, гдѣ говорится о снѣ Московской литературы, а не хочешь словъ о *Москвитянинѣ*, его выговаривающихъ... Тогда хуже: скажутъ, что и онъ спитъ. Ты часто не досказываешь всего себя въ своихъ мысляхъ. На этотъ разъ я доскажу за тебя, что̀ ты думаешь. Тебѣ непріятны слова: *я совѣтовалъ бы его редактору*. Но я рѣшился, наконецъ, быть искреннимъ — и сказать тебѣ то, что̀ думаю, прямо. Мнѣ скучно стало, наконецъ, играть эту фальшивую роль, которую ты заставляешь играть меня. У тебя до сихъ поръ недостало деликатности. выговорить меня противъ всѣхъ тѣхъ нападковъ, которые на меня дѣлаютъ *Отечественныя Записки* и пр. Ты самъ о Коперникѣ отговорился такъ, что вѣдь могли свернуть и на меня. Прославленъ я вторымъ редакторомъ ни за что, ни про что. Я этого рѣшительно не хочу. Такъ какъ ты самъ этого не оговариваешь, я считаю за нужное сдѣлать это отъ себя. И не смотря на убѣжденіе Мельгунова, который меня склонялъ къ тому, чтобъ это мѣсто было вычеркнуто, — я желаю, чтобы оно осталось... Ты мнѣ рѣдко даешь совѣты, говоришь ты; ни чьими совѣ-

тами я не пренебрегаю, тѣмъ менѣе твоими, но я желалъ бы, чтобъ они были направлены всегда въ мою пользу, что̀, признаюсь я, бываетъ рѣдко. Ты меня не удерживалъ тамъ, гдѣ надо было удерживать. Ну, ужъ объ упрямствѣ—конечно, я тебѣ долженъ отдать пальму первенства... Ты все любишь за меня становиться. Я рѣшительно не хочу этой роли. Послѣ жертвъ, которыя я принесъ *Москвитянину*, имѣю же я право по крайней мѣрѣ не отвѣчать за всѣ его промахи и недостатки. Въ чужомъ пиру похмѣлье мнѣ надоѣло. Я не могу работать для *Москвитянина* при этой мысли—и очень радъ бы былъ, еслибъ онъ прекратился хоть *завтра*. Однимъ словомъ, Сандрильоной *Москвитянина* быть не хочу".

Въ то же время Погодинъ не жегъ своихъ кораблей съ Западниками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника* по поводу посѣщенія Мельгунова, который хотя и былъ старымъ пріятелемъ его, но больше склонялся къ воззрѣніямъ Западниковъ: „Занимательный разговоръ о Россіи и Русской Исторіи. Не мѣшаетъ иногда принимать къ свѣдѣнію чужіе взгляды" [72]).

XVIII.

Къ вящшему торжеству Западническихъ воззрѣній, 23 ноября 1843 года, Т. Н. Грановскій открылъ свой публичный курсъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Мы уже знаемъ, что въ печати противъ Православно-Русскаго ученія, исповѣдуемаго Погодинымъ и Шевыревымъ, прежде и энергичнѣе другихъ выступилъ Бѣлинскій на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ*. Въ своемъ публичномъ курсѣ Грановскій, въ свою очередь, желалъ высказаться открыто, по поводу вопросовъ, обсуждавшихся доселѣ въ личныхъ преніяхъ между сторонниками такъ-называемыхъ Западничества и Словенофильства. Грановскій чувствовалъ, что его настоящее призваніе—дѣйствовать живымъ словомъ; поэтому онъ и открылъ въ стѣнахъ

университета публичный курсъ. Готовясь къ его чтенію, онъ писалъ въ Петербургъ къ другу своему Кетчеру: „Я начну 23 ноября, во вторникъ, въ половинѣ третьяго. Выпей стаканъ вина за успѣхъ. Присутствіе дамъ можетъ меня нѣсколько сконфузить, и первая лекція можетъ быть плоха, а это сдѣлаетъ дурное впечатлѣніе. Впрочемъ, я надѣюсь не ударить лицомъ въ грязь и высказать моимъ слушателямъ en masse такія вещи, которыя я не рѣшился бы сказать каждому поодиночкѣ. Вообще хочу полемизировать, ругаться и оскорблять. Елагина сказала мнѣ недавно, что у меня много враговъ. Не знаю, откуда они взялись; лично я едва ли кого оскорбилъ, слѣдовательно, источникъ вражды—въ противоположности мнѣній. Постараюсь заслужить и оправдать вражду моихъ враговъ" [73]). Грановскій имѣлъ полный успѣхъ. „Какой благородный, прекрасный языкъ", записываетъ Герценъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи, въ самомъ дѣлѣ, событіе, какъ говоритъ Чаадаевъ... И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ". Послѣдующія лекціи Грановскаго произвели на Герцена то же впечатлѣніе. „Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна", пишетъ онъ, — „какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты, въ которыхъ его рѣчь подымалась до вдохновенія. Рѣчь шла о Философіи-Исторіи; есть нѣкоторыя неясности, отъ которыхъ люди отдѣлываются словами... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена". О лекціи 1-го декабря Герценъ писалъ: „Вчера Грановскаго встрѣтили страшными рукоплесканіями, онъ не ждалъ и смѣшался. Долго не могъ прійти въ себя. Лекціи его дѣлаютъ фуроръ".

Не на однихъ Западниковъ подѣйствовали лекціи Грановскаго. Вотъ что писалъ о нихъ Хомяковъ А. В. Веневитинову: „Лучшимъ проявленіемъ жизни Московской были лекціи Грановскаго. Такихъ лекцій, конечно, у насъ не было со вре-

менъ самого Калиты, основателя первопрестольнаго града, и безспорно мало во всей Европѣ. Впрочемъ, я его хвалю съ тѣмъ большимъ безпристрастіемъ, что онъ принадлежитъ къ мнѣнію, которое во многомъ, если не во всемъ, противоположно моему. Мурмолка (вѣроятно ты знаешь, что это такое) не мѣшала намъ, мурмолконосцамъ, хлопать съ величайшимъ усердіемъ краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго. Даже П. В. Кирѣевскій, прославившійся, какъ онъ самъ говоритъ, не изданіемъ Русскихъ пѣсенъ и прозвищемъ *великаго печальника Земли Русской*, даже и онъ хлопалъ не менѣе другихъ. Ты видишь, что крайности мысли не мѣшаютъ какому-то добродушному Русскому единству. Все это безстрастно. Не то что у васъ въ Питерѣ, гдѣ мысль, если когда проявится, гнѣвлива, какъ практическій интересъ". Въ другомъ своемъ письмѣ къ А. В. Веневитинову Хомяковъ писалъ: „Одно только явленіе истинно оживило нынѣшнюю Московскую зиму: лекціи Грановскаго объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Профессоръ и чтеніе достойны лучшаго Европейскаго университета, и, къ крайнему моему удивленію, публика оказалась достойною профессора. Я не ожидалъ ни такого успѣха, ни такого глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума. Ты видишь, что я не пристрастенъ къ Москвѣ. Вотъ жизнь Московская моя еще немного сложнѣе. Осенью охотился на славу; да ты вѣдь этого не понимаешь, а то бы я тебѣ описалъ, каковъ у меня Драконъ полевой. Зимою ѣзжу на вечернія бесѣды, а дома дѣлаю розысканія о предметахъ, современныхъ Семирамидѣ, Ликійскихъ надписяхъ и Кирѣ. Есть, однакоже, надежда, что на будущій годъ дойду до Рождества Христова, и все это — охота, бесѣды и копанье въ древности замыкаются въ тихой домашней жизни, которой счастье ты уже знаешь".

Даже И. В. Кирѣевскій, котораго не было въ Москвѣ во время чтеній Грановскаго, сдѣлалъ отзывъ о нихъ послѣ того, какъ познакомился съ ними со словъ своей тетки, А. П. Зонтагъ. „Въ прошедшую зиму", писалъ онъ въ Бѣлевъ

А. П. Зонтагъ, — „когда я жилъ въ деревнѣ, почти совершенно отдаленный отъ всего окружающаго міра, я помню, какое впечатлѣніе сдѣлали на меня ваши живые разсказы о блестящихъ лекціяхъ Грановскаго, о томъ сильномъ дѣйствіи, которое производило на отборный кругъ слушателей его краснорѣчіе, исполненное души и вкуса, яркихъ мыслей, живыхъ описаній, говорящихъ картинъ и увлекательныхъ сердечныхъ сочувствій ко всему, что являлось или таилось прекраснаго, благороднаго и великодушнаго въ прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участіе, возбужденное его чтеніями, казалось мнѣ утѣшительнымъ признакомъ, что у насъ въ Москвѣ живы еще интересы литературные, и что они не выражались до сихъ поръ единственно потому, что не представлялось достойнаго случая“ [74]). Словенофилы и младшаго поколѣнія вполнѣ сочувственно отнеслись къ Грановскому. Вотъ что писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, на канунѣ новаго 1844 года, изъ Казани К. С. Аксакову: „Радуюсь успѣху Грановскаго и досадую на оплошность Погодина и Шевырева. Все, что ты говоришь по случаю рукоплесканій, я принимаю безусловно и вполнѣ сочувствую; не знаю, почему ты думалъ, что я буду противъ этого спорить“ [75]).

Иное впечатлѣніе произвели лекціи Грановскаго на Погодина и Шевырева. Вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* перваго:

Подъ 23 ноября 1843. Былъ на лекціи у Грановскаго. Такая посредственность, что изъ рукъ вонъ. Это не профессоръ, а Нѣмецкій студентъ, который начитался Французскихъ газетъ. Сколько пропусковъ, какія противорѣчія. Россіи какъ будто въ Исторіи не бывало. Ай, ай, ай! А я считалъ его еще талантливѣе другихъ. Онъ читалъ точно Псалтырь по Западѣ. И я, слушая его, думалъ объ отпорѣ. Надо начать лекціи съ того, съ чего онъ остановится и указать Русскую точку Всеобщей Исторіи.

— *24.* – Думалъ о лекціяхъ антизападныхъ.

— *27.*—Въ Университетъ. Слушалъ лекціи Крюкова.

Много педантизма и мелочей. На лекціи у Грановскаго. Очень незрѣло.

— *2 декабря.*—Шевыревъ разсказывалъ о третьей лекціи Грановскаго. Христіанство въ сторонѣ.

Мнѣнія свои Погодинъ и Шевыревъ не скрывали, и когда они огласились въ Московскихъ гостиныхъ, то Герценъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Неблагородство Словенофиловъ *Москвитянина* велико; они добровольные помощники жандармовъ. Они негодуютъ на Грановскаго за то, что онъ не читаетъ о Руси, читая о Среднихъ Вѣкахъ въ Европѣ, не толкуетъ о Православіи; негодуютъ, что онъ стоитъ со стороны западной науки, когда восточной вовсе нѣтъ, и что будто бы мало говоритъ о Христіанствѣ вообще. Все это было бы ихъ дѣло; но они кричатъ объ этомъ, такъ что и Филаретъ началъ толковать, хотятъ печатать въ *Москвитянинѣ,* что онъ читаетъ по Гегелю и проч. Публика, дамы за него“. Съ своей стороны и Грановскій, по свидѣтельству Герцена, вынужденъ былъ „публично, съ каѳедры, оправдываться въ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Погодинымъ и Шевыревымъ“. Окончивъ чтеніе, Грановскій сказалъ: „Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его Исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ пòтомъ выработалъ свою Исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу Исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія; да, я ихъ имѣю, и только во имя ихъ явился на этой каѳедрѣ: разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моею цѣлью“. Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo! были отвѣтомъ на его оправданіе... Глядя на это, Герценъ сознавался, что у него „сердце билось и кровь стучала въ голову“...

Свое впечатлѣніе о лекціяхъ Грановскаго Герценъ выразилъ и въ печати. Написавъ статью, онъ повезъ ее къ графу С. Г. Строганову. Графъ согласился на напечатаніе, но съ тѣмъ, чтобы „имя Гегеля не было произнесено“. При этомъ Герценъ имѣлъ длинный разговоръ съ графомъ Строгановымъ объ *Отечественныхъ Запискахъ*, Бѣлинскомъ, Боткинѣ. „Строгановъ“, замѣчаетъ Герценъ, — „знаетъ множество подробностей... Предостереженіе, совѣты. Въ Графѣ бездна рыцарски благороднаго“. Статью свою Герценъ напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ формѣ письма въ Петербургъ. По напечатаніи Коршъ отправилъ пумеръ къ Грановскому, который, по свидѣтельству Герцена, „былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу все прочесть... Статья сдѣлала эффектъ, всѣ довольны, *Словенофилы* и яростные тоже довольны“.

„Новаго въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ“, писалъ Герценъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, — „немного. Предвижу вашу улыбку при этомъ словѣ. Въ Москвѣ лѣнятся, въ Москвѣ отдыхаютъ передъ трудомъ. Такъ и нѣтъ. Правда, въ Москвѣ говорятъ больше, нежели пишутъ, думаютъ больше, нежели работаютъ, въ Москвѣ иногда лучше любятъ ничего не дѣлать, нежели *дѣлать ничего*. Правда и то, что иной разъ сквозь видимую апатію прорывается вдругъ какое-нибудь явленіе прекрасное... трудъ разумный... не механическій продуктъ фабрично-искусственной дѣятельности, а дѣяніе поэтическое и свободное. Къ такимъ явленіямъ отношу я публичный курсъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ г. Грановскаго... Въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивилизаціи къ нашему историческому развитію занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего Университета на каѳедрѣ, чтобы передать живымъ словомъ Исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра Германо-Католическаго, котораго самобытно развивающаяся Россія не имѣла... Грановскій выходитъ передъ Московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ Среднихъ Вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда

событій, въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества... Онъ въ правѣ требовать, чтобъ, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества—выслушали по крайней мѣрѣ симпатическій разсказъ о ней... Въ наше время глубокое уваженіе къ народности не изъято характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на Европейское, какъ на чужое, почти какъ враждебное... Неправда такого воззрѣнія очевидна... Мы должны уважить и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ — брата, въ расторженіи — миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный, потомъ и кровью, Западомъ... И какою блестящею аудиторіей окружила Москва человѣка, обѣщавшаго ей передать величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и зáмка - этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Да, Московское общество самымъ лестнымъ образомъ оцѣнило приглашеніе доцента; благороднѣйшіе представители этого общества, мы говоримъ о дамахъ образованнѣйшаго круга, сѣли на скамьяхъ студентовъ и слушали... И послѣ этого говорить, что всеобщіе интересы не имѣютъ глубокихъ корней въ публикѣ: она съ необыкновеннымъ тактомъ оцѣнила всю современность живой, всенародной рѣчи объ Исторіи. Въ наше время Исторія поглотила вниманіе всего человѣчества, и тѣмъ сильнѣе развивается жадное пытаніе прошедшаго, чѣмъ яснѣе видятъ, что былое пророчествуетъ, что устремляя взглядъ назадъ - мы, какъ Янусъ, смотримъ впередъ. Духъ, понимая свое достоинство, хочетъ оправдать свою біографію, освѣтить ее восходящимъ солнцемъ мысли, освободить отъ могильнаго тлѣна безсмертную душу прошедшаго, какъ то наслѣдіе его, которое не точится молью. Исторія, если не страшный судъ человѣчества,—то страшное оправданіе, всѣхъ—скорбящее прощеніе. Исторія — чистилище, въ которомъ мало по малу вре-

менное и случайное воскресаетъ вѣчнымъ и необходимымъ, тѣло смертное преображается въ тѣло безсмертное“ [76]).

XIX.

Въ это время однимъ изъ центровъ Московскаго общества былъ домъ гражданскаго губернатора Ивана Григорьевича Сенявина. Супруга его Александра Васильевна отличалась красотою и любознательностью. Въ ея гостиной можно было видѣть и Западниковъ, и Словенофиловъ, и Погодина, и Шевырева. Будучи озабочена воспитаніемъ своихъ дѣтей, Александра Васильевна имѣла сношенія съ Погодинымъ, такъ-сказать, по дѣламъ педагогическимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника* (подъ 11 мая 1843): „Съ Сенявиной и второпяхъ вызвался взять ея сына на два мѣсяца до ея возвращенія“. Въ воспитатели молодыхъ Сенявиныхъ Погодинъ рекомендовалъ одного изъ своихъ сотрудниковъ, Студитскаго, о которомъ и упоминается въ слѣдующей записи *Дневника* (подъ 23 мая 1843): „Къ Сенявиной: о ея сынѣ и Студитскомъ, который не показался чистоплотнымъ, хоть я велѣлъ ему на канунѣ вымыться и вычесаться“. Не смотря на пренебреженіе къ своей внѣшности, почтенный Студитскій всей душей былъ преданъ Погодину: „Изъ всѣхъ людей“, писалъ онъ ему — „съ которыми я состою въ сношеніяхъ - по совѣсти вы одни поддерживаете во мнѣ любовь къ людямъ“.

Съ своей стороны Шевыревъ охотно посѣщалъ гостиную Сенявиныхъ, и объ одномъ изъ такихъ посѣщеній вотъ что писалъ онъ Погодину: „Вчера я не былъ у тебя, потому что былъ званъ къ Сенявинымъ—и провелъ тамъ очень пріятный вечеръ. Но, признаюсь тебѣ: прошедшее воскресенье твое меня не очень заманило къ тебѣ. Только трата времени. Хорошаго было одно: чтеніе Бѣляева, но мы могли имъ заняться только на четверть часа. Ей-Богу пора намъ дорожить временемъ. Вчера я узналъ много любопытнаго отъ Сенявиной. Послѣд-

нія три книжки *Москвитянина* скучны, по мнѣнію всеобщему; нечего читать, такъ говорятъ дамы. Къ нимъ пристаетъ и Строгановъ. Онъ распространяетъ въ обществахъ толки, что *Москвитянинъ* скученъ. А ученые де Московскаго Университета и литераторы потому въ *Москвитянинѣ* ничего не печатаютъ, что плата очень скудна, что ты ничего не платишь. Вотъ что ими было сказано Сенявиной, но я тебѣ говорю это на ухо. Выслушавъ обвиненіе, я его отпарировалъ торжественно и блистательно: попался мнѣ подъ руку Павловъ—и ужъ ему досталось. Мнѣ пришла мысль—пародировать *Спящую Царевну* Жуковскаго на Московскую литературу. Говорили много о лекціяхъ Грановскаго, вслѣдствіе всего этого разговора у меня въ головѣ составилась статья, которую необходимо надобно напечатать въ двѣнадцатомъ нумерѣ. Я думалъ сначала, что ненадобно ничего говорить, но теперь вижу, что должно. Самъ Строгановъ ждетъ этой статьи, какъ я слышалъ".

Не смотря на то, что статья Шевырева о Грановскомъ была написана въ очень приличныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, Погодину не хотѣлось ее печатать въ *Москвитянинѣ*, и Шевыреву пришлось чуть не разсориться съ своимъ пріятелемъ. „Получилъ", пишетъ Погодинъ,—„письмо отъ Шевырева, которое совершенно разстроило. Онъ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ, и говоритъ безъ памяти" [77]). Съ своей стороны Грановскій писалъ Кетчеру: „Шевыревъ уже отпустилъ нѣсколько ядовитыхъ фразъ на счетъ моего направленія и пристрастія къ извѣстнымъ идеямъ; написалъ статью въ *Москвитянинъ*...; но знаю, что эту статью значительно укоротилъ Погодинъ". Изъ одного письма Шевырева къ Погодину видно, однако, что послѣдній требовалъ отъ своего пріятеля, „чтобы онъ бранилъ Грановскаго и трактовалъ его свысока, какъ молодого человѣка"; Шевыревъ же не соглашался на это и говорилъ Погодину: „Пиши самъ какъ хочешь и давай тонъ покровительства, а я пишу какъ знаю". Какъ бы то ни было,

статья Шевырева, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, была напечатана въ *Москвитянинѣ*.

„Московская литература", писалъ онъ — „за немногими исключеніями, похожа на *Спящую Царевну* Жуковскаго... Наши ученые, углубившись въ свои невидимые труды и лекціи, спятъ для литературы; юноши новаго поколѣнія до двадцати-семи и тридцати лѣтъ обрекаютъ себя на Пиѳагорійское письменное молчаніе, начинаютъ думать собраться написать что-то... забывая, что воля между тѣмъ слабѣетъ; наши литераторы..., о! наши литераторы спятъ въ самыхъ живописныхъ положеніяхъ... Но кто же почти одинъ представитель еще не совсѣмъ заснувшей стороны Московской литературы? Все-таки *Москвитянинъ*. Безсмѣннымъ, единственнымъ сторожемъ, ходитъ онъ по этому сонному царству, и я совѣтовалъ бы его редактору давно уже поставить эпиграфомъ:

Полночь било, въ добрый часъ!
Спите—я не сплю за васъ...

Но тѣ совершенно ошибутся, которые подумаютъ, что вся умственная дѣятельность Москвы выражается въ одной литературѣ: центръ ея не тамъ, а въ стѣнахъ Университета... Тамъ ежедневно растетъ и развивается наука, въ этомъ чудномъ, непрерывномъ сообщеніи между тружениками и юношествомъ, въ которомъ зрѣетъ будущая Россія... Университетъ открылъ двери всему просвѣщенному Московскому обществу и приглашаетъ его къ своей богатой наукѣ"... и „открытіе курса Исторіи Среднихъ Вѣковъ принадлежитъ къ числу самыхъ утѣшительныхъ явленій Московской учено-общественной жизни. Г. Грановскій, открывшій его съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, обращается уже къ интересамъ не матеріальнымъ, но духовнымъ, обращается къ мысли и чувству. Живой даръ слова даетъ ему возможность совершить съ успѣхомъ его благородное предпріятіе. Рѣчь его выдержана мыслію и проникнута искреннимъ убѣжденіемъ... Ученый — жрецъ... истины: не духъ времени, не мода нѣкоторыхъ мнѣній, не потворство извѣстной

партіи должны увлекать его. Нѣтъ, онъ выше всего этого... Москва поняла Грановскаго и встрѣтила какъ нельзя радушнѣе... Все избранное наше общество покорнымъ и строгимъ вниманіемъ окружило его каѳедру. Дамы, наши Московскія дамы, первыя показали примѣръ и, скажемъ искренно, превзошли мужчинъ... Мы искренно рады тому прекрасному зрѣлищу, которое Московскій Университетъ представляетъ у насъ по вторникамъ и субботамъ. Мы уже сказали, что совершенно увѣрены въ полнотѣ убѣжденій, которыя ученый приноситъ на каѳедру; но не можемъ сказать того же относительно многосторонности и безпристрастія, какихъ мы въ правѣ были ожидать отъ Русскаго ученаго... Въ первыхъ двухъ лекціяхъ доцентъ изложилъ исторію своей науки и прошелъ въ общемъ обозрѣніи почти всѣ школы историческія. Много сообщилъ онъ любопытнаго, но главнымъ результатомъ было то, что почти всѣ школы, всѣ воззрѣнія, всѣ великіе труды, всѣ славныя имена науки были принесены въ жертву одному имени, одной системѣ односторонней, скажемъ даже одной книгѣ, то-есть, Гегелю... Справедливо замѣтили г. Грановскому, что его положеніе, какъ Русскаго, есть самое объективное въ Исторіи Запада. Но первымъ же своимъ объявленіемъ въ пользу одной системы... онъ сталъ въ ряды Западныхъ мыслителей, тамъ приковалъ себя къ одному чужому знамени... Широко, многосторонне, безпристрастно, должна быть поставлена наука у насъ въ Отечествѣ, особенно же Исторія. Четвероликимъ Свѣтовидомъ пусть станетъ она среди нашей Россіи, гдѣ пьедесталъ ей чудный, отверзтый на всѣ концы міра. Тогда только удостоится она, можетъ быть, полнаго лицезрѣнія истины, когда съ чувствомъ уваженія изучитъ каждую систему, каждое воззрѣніе, ни одну не обойдетъ вниманіемъ, тѣмъ менѣе оскорбитъ или уничтожитъ, во всякой постарается замѣтить что-нибудь полезное, со всякой соберетъ дань частной истины, всякому имени укажетъ почетное мѣсто,—и кончивъ этотъ великій трудъ добросовѣстнаго ученія, погрузится въ себя и произнесетъ свое рѣшительное слово. Такъ во-

ображаемъ мы себѣ развитіе науки въ нашемъ Отечествѣ. Избави ее Боже, если прикуетъ она себя къ одному послѣднему результату какого-нибудь односторонняго Западнаго развитія; избави ее Боже, если она сдѣлается какимъ-то безпрерывно-измѣнчивымъ эхомъ послѣднихъ тамошнихъ книжекъ и откажется отъ своей питательной работы въ пользу чужого плода, ею здѣсь незаслуженнаго. Нѣтъ, пройди она прежде безпристрастною мыслію весь тотъ великій трудъ, весь тотъ вѣковой процессъ, который тамъ совершился... Но если она слѣпо прикуетъ себя къ одностороннему результату какой-либо чужой системы,—то сбудется надъ нею умное слово ученаго, который самъ же сказалъ: *даромъ досталось намъ образованіе Запада; мы не заслужили его своимъ потомъ и своею работою.* И самый Западъ насъ отвергнетъ, если мы ему ничего не представимъ, кромѣ слабаго эха какого-нибудь одного изъ его многочисленныхъ мнѣній". Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ выражаетъ увѣренность, что Грановскій, когда „вступитъ прямо въ область своей науки", отдастъ справедливость тѣмъ учителямъ Запада, которыхъ онъ „въ порывѣ страстнаго молодого увлеченія принесъ въ жертву Гегелю".

Все это было сказано Шевыревымъ про первыя два чтенія Грановскаго; но когда онъ прослушалъ остальныя, то писалъ: „Предчувствіе наше совершенно сбылось и оправдалось на третьемъ чтеніи Грановскаго, которымъ онъ, по нашему мнѣнію, превзошелъ два первыя. Здѣсь, въ живой, энергической картинѣ Рима имперіи, онъ показалъ остроумное изученіе тѣхъ учителей, которымъ досталось на второмъ и первомъ чтеніи въ угоду Гегеля. Кто, если не люди буквы, сообщили ему то множество живыхъ, замысловатыхъ фактовъ, которые онъ группировалъ такъ прекрасно и значительно? Безъ трудовъ Савиньи, Эйхгорна, даже Лео возможнали-бъ была эта лекція?.. Порадуемся... тому пріятному явленію, которое ново для нашего общества. Какимъ прекраснымъ языкомъ предлагается ему наука! Въ какихъ легкихъ, свободныхъ и доступныхъ формахъ она предстаетъ нашимъ дамамъ!" Шевыревъ

только удивляется, почему Грановскій „отклонилъ отъ себя изображенія борьбы Христіанства съ язычествомъ и Исторію образованія Церкви? Мы, замѣчаетъ Шевыревъ, „боимся, чтобы это не обезглавило Исторію Среднихъ Вѣковъ“. Въ заключеніи Шевыревъ изъявляетъ надежду, что эти „слова его не покажутся оскорбительны тому, котораго „дарованію и прекрасному изложенію“ онъ отдаетъ полную справедливость“ [78]).

Когда эта прекрасная статья была напечатана, почтенный Шевыревъ, по поводу своихъ недавнихъ пререканій съ Погодинымъ, писалъ ему: „Сдѣлай милость, забудемъ все это. Ну стоитъ ли изъ этого нарушать миръ души и занятій? Если я чѣмъ-нибудь тебя огорчилъ,—извини меня. Мы можемъ браниться, а не ссориться. Вѣдь сойдись вмѣстѣ, мы все бы рѣшили спокойно и хладнокровно. Ты поторопился исправленіемъ—я погорячился“.

XX.

Когда Грановскій кончилъ свой публичный курсъ—Герценъ написалъ вторую статью объ этихъ его чтеніяхъ; но графъ С. Г. Строгановъ „отказалъ“ помѣстить ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* Герценъ покорился этому рѣшенію и замѣтилъ: „можетъ, онъ и правъ: боязнь крика, поповъ, доносовъ, справедливъ“ [79]).

Не смотря на весьма нелестное мнѣніе Герцена, о *Москвитянинѣ,* котораго за его „негодованіе на Грановскаго“ онъ обозвалъ „добровольнымъ помощникомъ жандармовъ“, тотъ же Герценъ рѣшился напечатать свою вторую статью о лекціяхъ Грановскаго въ этомъ журналѣ къ не малому, конечно, соблазну своихъ друзей западниковъ. Воспроизводимъ цѣликомъ эту статью: „Публичныя чтенія Грановскаго кончились: въ ушахъ моихъ еще раздается дрожащій отъ внутренняго волненія, глубоко потрясенный отъ сильнаго чувства,

голосъ, которымъ онъ благодарилъ слушателей, и дружный, громкій, продолжительный отвѣтъ, которымъ аудиторія прогремѣла ему свою благодарность.—„Благодарю еще разъ, благодарю тѣхъ, которые, сочувствуя мнѣ, раздѣляли добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противуположность!" Этими прекрасными словами заключилъ Грановскій свой курсъ. Вы помните, что, послѣ перваго чтенія, я рѣшился назвать событіемъ замѣчательнымъ этотъ курсъ,—теперь я имѣю нѣкоторое право сказать, что не ошибся. Участіе къ чтеніямъ Грановскаго безпрерывно возрастало, его каѳедра была постоянно окружена тройнымъ вѣнкомъ дамъ, и замѣтьте, доцентъ читалъ свой предметъ со всею важностью науки, не разсыпая ненужныхъ цвѣтовъ, не жертвуя глубиною для *пріятной легкости.* Мнѣ кажется, ничѣмъ не могъ онъ болѣе выразить своего уваженія и благодарности слушательницамъ, посѣщавшимъ его чтенія,—и онѣ были ему признательны. Слава Богу, проходитъ время того оскорбительнаго вниманія къ женщинѣ, когда для нея, рядомъ съ дѣльнымъ изложеніемъ науки, излагали предметъ намѣренно-искаженнымъ образомъ, считая одинъ мужеской умъ способнымъ къ глубокомыслію.

Московское общество узнало, сидя на университетскихъ скамьяхъ, новое увлекательное и сильно-занимающее наслажденіе; преподавателямъ открылась очевидная возможность новаго дѣйствованія; и указанъ путь, по которому достигается сочувствіе. Я увѣренъ, что съ легкой руки Грановскаго начнутся въ нашемъ Университетѣ публичныя чтенія о предметахъ, равно исполненныхъ общаго интереса—новое сближеніе города съ Университетомъ. У насъ не можетъ быть науки, разъединенной съ жизнію: это противно нашему характеру; потому всякое сближеніе Университета съ обществомъ имѣетъ значеніе и важно для обоихъ. Преподаваніе, для пріобрѣтенія сочувствія, должно очиститься отъ школьнаго формализма,

оно должно изъ холодной замкнутости сухихъ односторонностей выйти въ жизнь дѣйствительности, взволноваться ея вопросами, устремиться къ ея стремленіямъ. Общество должно забыть суету ежедневности и подняться въ среду общихъ интересовъ для того, чтобъ слушать преподаваніе. Оно готово это сдѣлать. Тактъ общества вѣренъ: все живое и сочувствующее ему находитъ въ немъ неминуемое признаніе—курсъ Грановскаго лучшее доказательство. У насъ публичныя чтенія въ такомъ родѣ—новость. Весьма можетъ быть, что часть публики сначала явилась полушутя, ради новости; но послѣ первыхъ трехъ, четырехъ чтеній аудиторія была совершенно симпатично настроена, вниманіе дѣятельное, напряженное видѣлось на всѣхъ лицахъ; это сочувствіе сильно отразилось на преподаваніи. Между слушателями и преподавателемъ (если въ самомъ дѣлѣ одни слушаютъ, а другой преподаетъ) образуется необходимо магнитическая связь, съ обѣихъ сторонъ дѣятельная; сначала они будто чужіе другъ другу, но мало-по-малу между ними устанавливается уровень и когда онъ приходитъ въ сознаніе обоихъ, тогда взаимнодѣйствіе растетъ быстро, слова увлекаютъ слушателей, и аудиторія, сростающаяся въ одно нравственное лицо, увлекаетъ говорящаго. Скажу прямо, и знаю, что Грановскій не обидится этимъ: онъ видимо развивался читая, онъ росъ, крѣпнулъ на каѳедрѣ. Слушатели не отстали отъ него: аудиторія и доцентъ разстались друзьями, глубоко-тронутые, глубоко-уважающіе другъ друга, они разстались со слезами на глазахъ.

Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ,—но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе

жизни человѣчества—далека была отъ его наукообразнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ. Мнѣ кажется, что именно этотъ характеръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе общества къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовію родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть, сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т.-е. вѣчной цѣли—великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Гораціо, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ, возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Гораціо и мысли нѣтъ воскресить Принца, смерть Гамлета для него событіе, онъ самъ сквозь слезы указываетъ на юнаго Фортинбраса, которому завѣщена кровавая порфира, но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему; - такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ Среднимъ Вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающаго назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному верхъ побѣды. Неподвижныя тѣни, забытыя отшедшимъ міромъ на почвѣ новаго, всего менѣе могутъ устоять противъ теплаго дыханія любви; онѣ распускаются въ свѣтлую влагу, отдавая себя на утоленіе жажды новыхъ поколѣній. Но эта любовь не легко достигается. Русскій историкъ стоитъ на почвѣ, которая ему чрезвычайно облегчаетъ объективное симпатическое воззрѣніе на Западную Исторію. Незакупленная мысль наша можетъ, освѣщая средневѣковыя событія, сохранить высокій характеръ кротости и милосердія, явиться примиряющею и вселюбящей: мы были чужды феодальной жизни Европы, мы ни наслѣдій не стяжали отъ этого времени, ни родовыхъ болѣзней. Мы цаловальники, взятые изъ другого края, у которыхъ не можетъ быть личностей ни противъ кого, ни за кого. Не такъ для германца: онъ въ борьбѣ съ своимъ воспоминаніемъ, онъ чувствуетъ родственную любовь

и родственную ненависть къ нему, онъ или падетъ подъ бременемъ богатаго наслѣдія, или долженъ отречься отъ отца съ матерью. Былое Европы для него еще живо: онъ, выходя на арену, не можетъ сохранить спокойствіе судьи; вмѣсто благотворной теплоты, въ душѣ его является пристрастіе или пожирающій пламень критики—безпощадный и неотступный. Ошибаться ненадобно: этотъ гнѣвъ, эта критика,—тоже любовь, но любовь, доведенная до крайности, ревнивая, карающая, оскорбленная. Страстная односторонность въ Исторіи Запада простительна западному человѣку, и была бы странна въ русскомъ. Откуда взять увлеченному въ омутъ событій, въ самомъ круговоротѣ ихъ, ровное и мудрое безпристрастіе зрителя; не будетъ ли это ниже или выше достоинства человѣческаго, не надобно ли для этого сдѣлаться Талейраномъ или Гёте.—Sine ira et studio! Неужели вы вѣрите, что Тацитъ писалъ sine ira?—Повторяю сказанное въ первомъ письмѣ: нѣтъ положенія объективнѣе относительно прошедшаго Европы, какъ положеніе русскаго. Конечно, чтобъ воспользоваться имъ, недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть общечеловѣческаго развитія, надобно именно не быть исключительно русскимъ, то-есть, понимать себя не противуположнымъ Западной Европѣ, а братственнымъ. Понятіе братства не поглощаетъ самобытности братій, но и самобытность ихъ, какъ лицъ, не противуполагаетъ ихъ другъ другу врагами, что уничтожило бы братство. Отталкивающее противуположеніе себя чему-нибудь не можетъ достигнуть объяснительной точки; вражда въ основѣ своей субъективна; быть въ противуположности значитъ отказаться отъ пониманья противуположнаго, потому что пониманье есть именно снятіе противуположности. Доколѣ мысль ревниво отталкиваетъ противуположное, она ограничена имъ, какъ чуждымъ, и это чуждое дѣлается камнемъ преткновенія, брошеннымъ на всѣхъ путяхъ ея. Въ *Уложеніи* сказано: „А будетъ который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ, и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судьѣ не судить“. Намъ чрезвычайно легко достигнуть этой

юридической состоятельности: стоитъ хотѣть и умѣть воспользоваться нашимъ положеніемъ. Прошедшее Европы не тревожитъ насъ ни какъ утрата, ни какъ угрызеніе совѣсти: оно имѣетъ для насъ иной великій интересъ.

Грановскій, не смотря на упреки, дѣланные ему вначалѣ курса, прекрасно понялъ, каковъ долженъ быть Русскій языкъ о Западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того взята была имъ въ руки запыленная хартія Среднихъ Вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвеститура, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю полноту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ Исторіи; событія, не сгнетаемыя никакой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно ожившими. Мнѣ случалось много разъ слышать нелѣпые вопросы, почему онъ не высказывается яснѣе, что онъ хочетъ доказать, какая цѣль его? Онъ и любитъ феодализмъ, и радъ его паденію—и пр. Всѣ эти вопросы впрочемъ послѣдовательнѣе, нежели думаютъ: все живое чрезвычайно трудно-уловимо, именно потому, что въ немъ скипѣлось безчисленное множество элементовъ и сторонъ въ одинъ движущійся процессъ; живое приводится въ сознаніе только спекуляціей или созерцаніемъ, а благоразумная разсудочность видитъ въ немъ одинъ безпорядокъ, жизнь ускользаетъ отъ ея грубыхъ рукъ. Многосторонность живого наводитъ страхъ и уныніе на одностороннихъ людей, они требуютъ du positif! Такъ полипы, лишенные собственнаго движенія, липнутъ всю жизнь на одной сторонѣ камня и гложутъ мохъ, его покрывающій. Этимъ *безпозвоночнымъ* умамъ легче было бы въ десять разъ понять Исторію, подтасованную съ какой бы то ни было точки зрѣнія; но Грановскій слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность и не воспользоваться прекраснымъ положе-

ніемъ. Исторія очень легко дѣлается орудіемъ партіи. Событія былыя нѣмы и темны, люди настоящаго освѣщаютъ ихъ какъ хотятъ; прошедшее, чтобъ получить гласность, переходитъ чрезъ гортань настоящаго поколѣнія, и оно часто хочетъ быть не просто органомъ чужой рѣчи, а суфлеромъ; оно заставляетъ прошедшее лжесвидѣтельствовать въ пользу своихъ интересовъ. Такое вызываніе прошедшаго изъ могилы унизительно. Но есть возможность извинить эти чернокнижныя попытки при извѣстныхъ обстоятельствахъ: феодализмъ, папская власть, аристократія, среднее состояніе и проч. не просто предметы изученія и науки для Запада, а знамена партій, вопросы на жизнь и смерть. Умершій порядокъ дѣлъ имѣетъ въ Европѣ своихъ повѣренныхъ, продолжающихъ тяжбу; но къ этой тяжбѣ мы менѣе, гораздо менѣе прикосновенны, нежели даже Сѣверо-Американскіе Штаты. Это не наши споры и не наша вражда: мы вступаемъ въ общеніе съ Европой не во имя ея частныхъ и прошедшихъ интересовъ, а во имя великой общечеловѣческой среды, къ которой стремится она и мы; наше сочувствіе есть собственно предчувствіе грядущаго, которое равно распуститъ въ себѣ все исключительное, Романо-Германское ли или Словенское оно.

Грановскій миновалъ другой подводный камень, опаснѣйшій, нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія. Знакомый съ писаніями великихъ Германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе Философіи-Исторіи во второмъ чтеніи, но не подчинилъ живого развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ: Грановскій смотритъ на современное состояніе жизни, какъ на великій историческій моментъ, котораго не знать, котораго миновать безнаказанно нельзя, такъ какъ нельзя и остаться въ немъ на-вѣки не окоченѣвши. Чтобъ очевидно указать глубокій историческій смыслъ нашего доцента, достаточно сказать, что, принимая Исторію за правильно-развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ.

Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенной мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разгулъ жизни. Величайшіе мыслители Германіи не миновали соблазна насильственнаго построенія Исторіи, основаннаго на недостаточныхъ документахъ и одностороннихъ теоріяхъ—это понятно: сторона спекулятивнаго мышленія была ближе ихъ душѣ, нежели живое историческое воззрѣніе. Ихъ теоретическая и тягостная необходимость явилась доведенною до нелѣпости въ сочиненіяхъ нѣкогда очень извѣстнаго Кузеня. Въ Кузенѣ я вижу Немезиду, мстящую Нѣмцамъ за ихъ любовь къ отвлеченности, къ сухому формализму. Нѣмцы должны были сами расхохотаться, читая, куда они завели добраго и безхитростнаго галла, ввѣрившагося имъ. Онъ такимъ внѣшнимъ образомъ понялъ необходимость, что чуть не выводилъ изъ общей формулы развитія человѣчества кривую шею Александра Македонскаго. Это была реакція Вольтеровскому воззрѣнію, которое, наоборотъ, приводило судьбы міра въ зависимость отъ очертанія носа у Клеопатры“ [80]).

XXI.

Словенофилы старшато поколѣнія, а съ ними Погодинъ и Шевыревъ хранили въ сердцахъ своихъ благоговѣйную память къ покойному основателю *Московскаго Вѣстника* Д. В. Веневитинову. Всю любовь свою къ нему они перенесли на его младшаго брата А. В. Веневитинова и принимали въ немъ, какъ и онъ въ нихъ, живѣйшее участіе.

Въ 1843 году, Алексѣй Владиміровичъ вступилъ въ бракъ съ графинею Аполлинаріею Михаиловною Віельгорскою. Это событіе радостно привѣтствовали старые сотрудники *Московскаго Вѣстника* и написали Веневитинову нижеслѣдующее *соборное посланіе*, отъ 10 января 1843 года.

„Любезный другъ Алексѣй Владиміровичъ. При первомъ слу-

чаѣ обнимаю тебя заочно, и поздравляю отъ всего сердца съ сопричисленіемъ къ лику женатыхъ. Эти строки вручитъ тебѣ грекъ Вретосъ. Онъ ѣдетъ изъ Константинополя въ Петербургъ затѣмъ, чтобъ исходотайствовать у Государыни Императрицы покровительства пансіону, заведенному его женой для дѣвицъ Греческаго исповѣданія. Католики и протестанты дѣйствуютъ дѣятельно въ пользу своихъ религій, — на каждомъ шагу умѣютъ строить разныя козни противъ такого дѣла, а потому, если пансіонъ будетъ находиться подъ покровительствомъ Государыни, то это будетъ единственная защита противъ непріятелей. Онъ разскажетъ тебѣ обо всемъ подробно на словахъ. Сдѣлай одолженіе, прими къ сердцу это дѣло и заинтересуй графа Михаила Юрьевича, который, я увѣренъ, не приметъ холодно такой доброй цѣли, а если не приметъ холодно, то можетъ сдѣлать много въ пользу г. Вретоса. Мое письмо дѣлается *соборнымъ посланіемъ*, ибо друзья твои, обѣдающіе теперь у меня, хотятъ приложить здѣсь руки. Жена тебѣ кланяется. Какъ давно я не имѣлъ отъ тебя никакихъ извѣстій, но надѣюсь, что эти прерванныя отношенія не вредятъ мнѣ въ твоей памяти. Твой. Н. Павловъ“.

„И я тебя милый другъ, поздравляю съ двойнымъ счастіемъ жизни твоей. Дай Богъ, чтобъ оно было прочно. Надѣюсь, что ты именовалъ по крайней мѣрѣ насъ всѣхъ супругѣ твоей. Прошу тебя за Т. А. Вретоса. Помоги ему въ его добромъ дѣлѣ, для нашего Православія. Всѣ разнообразныя секты запада, Лазаристы, Методисты, Dames du Sacré Coeur, хотятъ наперерывъ завладѣть воспитаніемъ нашихъ единовѣрокъ. Жена Вретоса, первая основала въ Византіи пансіонъ православный для дѣвицъ. Женщины же играютъ такую важную роль въ воспитаніи, особливо въ отношеніи религіозномъ. Ты все нашъ и понимаешь насъ. Обнимаю тебя. Объяви мое душевное почтеніе графу Михаилу Юрьевичу, Твой С. Шевыревъ“.

„Пишемъ *соборне*, любезный другъ Веневитиновъ, и потому пишу коротко. Не могу, однако, не пожаловаться (между нами)

на своего станового пристава, который притѣсняетъ моего управляющаго и недавно собралъ ни за что, ни про что восемьсотъ пятьдесятъ рублей. Назвалъ бы его, да боюсь, пришлете другого еще хуже. Боишся раскопать... Извини, что пишу о такой дряни. Отъ ней къ порядочному нѣтъ другого перехода, кромѣ salto mortale, и потому, отчаянно перепрыгнувъ черезъ помойную яму нашей земской полиціи, протягиваю тебѣ руку и дружески жму ее. Твой Мельгуновъ“.

„Смотри же, другъ Алексѣй, хлопочи за грека. Не то ты не москвичъ, ты отступникъ и пр. и пр. Пожалуйста постарайся. Право, мы слишкомъ и слишкомъ равнодушны. Виноватъ, душа моя, что твою жену назвалъ не ея собственнымъ именемъ, но, право, просмотрѣвъ твое письмо, писанное на весьма некрѣпкой бумагѣ, я видѣлъ, что трудно разобрать правописаніе. Извини меня передъ собою и передъ нею. Жена меня уже и такъ довольно бранила. А вотъ еще просьба. Баронъ Врангель нѣкогда былъ начальникомъ колоніи Американской Компаніи. Теперь директоръ ея. Знаешь ли? Скажи ему, что Алеуты умираютъ съ голода и что ихъ по нѣмецки хотятъ кормить хлѣбомъ, который тамъ рости не хочетъ. Одно средство: перевести туда или лапландскаго оленя, что выгодно, но дорого, или американскаго, что очень легко. Наведи его на эту мысль и проси его сдѣлать опытъ. Тысячи людей и десятки поколѣній будутъ васъ благодарить. Если ты незнакомъ съ Врангелемъ, отъищи его и скажи эту просьбу. Онъ человѣкъ славный и доброподатливый. Прощай! Вотъ тебѣ истинно Московскія просьбы объ Константинополѣ и островахъ Алеутскихъ, обо всемъ далекомъ. Позволь ручки поцѣловать у Аполлинаріи Михаиловны и тебя крѣпко обнять. А. Хомяковъ“.

„Поклонись Сологубу и не кланяйся Одоевскому, доведя это до его свѣдѣнія, и скажи ему, что достанется ему въ *Исторіи Русской литературы, которую пишу*“ *).

„Наши друзья заняли столько бумаги своими Алеутами,

*) Приписка Шевырева.

Греками и прочими дѣлами, что мнѣ негдѣ ужъ объясниться съ тобою и просить тебя о содѣйствіи Русскому языку въ Цареградскомъ пансіонѣ, а скажу тебѣ только, здравствуй и прощай. М. Погодинъ".

Еще прежде, какъ только узналъ Хомяковъ, что Веневитиновъ сдѣлался женихомъ, то писалъ ему: „Отъ души поздравляю тебя, любезный другъ. Сбылось мое давнишнее желаніе: ты избралъ надежнѣйшій путь къ счастію. На святой Руси нуженъ свой домъ, своя семья для жизни: нужно внутреннее успокоеніе для того, чтобы внѣшняя дѣятельность была спокойна и плодотворна, чтобы унялась лихорадочная нетерпѣливость, и чтобы всякое доброе стремленіе соединилось съ постоянствомъ и послѣдовательностью, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ. Невѣсты твоей я не знаю, но увѣренъ въ твоемъ будущемъ счастіи потому, что ты не могъ дурно выбрать и потому, что ото всѣхъ слышны единогласныя ей похвалы. Эгоизмъ нашъ немножко было возропталъ на то, что она не изъ Москвы родомъ, что она отнимаетъ тебя у насъ, но говорятъ, что, воспитанная въ Петербургѣ, она Петербургу не принадлежитъ, слѣдовательно, есть надежда, что она можетъ полюбить нашу Москву и насъ Москвичей. Твое дѣло стараться, объ исполненіи этой надежды. Впрочемъ, нечего объ этомъ и говорить. Тебя здѣсь такъ любятъ, что твоя невѣста не можетъ насъ не полюбить. По правдѣ сказать, ты не можешь вообразить какъ я радъ, что ты, наконецъ, выбралъ невѣсту, что ты выбралъ такъ хорошо (въ этомъ всѣ согласны), что ты вступаешь въ такое милое родство (наша московская привычка считать родню) и что тебѣ впереди такъ много счастія, котораго ты и невоображаешь. Повѣрь мнѣ, холостой человѣкъ никакъ не можетъ понять жизни счастливо женатаго. Это ты со временемъ признаешь. Зачѣмъ не дожила твоя матушка до этого времени? Какое бы ей было утѣшенье? Мнѣ за тебя грустно объ этомъ подумать. Жена моя поздравляетъ тебя: она чуть-чуть не собрала меня ѣхать въ Питеръ на твою свадьбу, да дѣла никакъ не позволяютъ. Матушка также

поздравляетъ и за тебя радуется. Твои старые друзья пили за твое здоровье и радовались, что ты послѣдовалъ ихъ доброму примѣру. Меня такъ и позываетъ къ тебѣ, на тебя взглянуть и порадоваться,—да нельзя". Вмѣстѣ съ тѣмъ Хомяковъ переманивалъ Веневитинова въ Москву. „Мнѣ какъ-то сдается",—писалъ онъ,—„что тебѣ еще бы было лучше здѣсь, но впрочемъ отъ хорошаго лучшаго искать нечего, и наше московское убѣжденіе, что нигдѣ не можетъ быть лучше какъ въ Москвѣ, есть, можетъ быть, не что иное какъ оптическій обманъ отъ пристрастія къ родному гнѣзду. Гдѣ бы ты ни былъ, ты уже положилъ твердое основаніе истинному счастію, счастіе семейное".

На *Соборное посланіе* не послѣдовало отвѣта, и Хомяковъ съ упрекомъ писалъ своему другу: „Послѣднее извѣстіе обо мнѣ ты получилъ ли или нѣтъ, не знаю. Оно заключалось въ *соборномъ посланіи* къ тебѣ изъ дома Павлова, и въ немъ была моя къ тебѣ просьба о томъ, чтобы ты попросилъ барона Врангеля попробовать аклиматизировать оленя американскаго или сибирскаго на Алеутскихъ островахъ для обезпеченія жителей, новыхъ христіанъ, отъ голода. Мысль была богатая и истинно-московская, обезпечить Алеутовъ мясомъ, тогда какъ недавній опытъ доказалъ, что мы сами не обезпечены хлѣбомъ. Съ тѣхъ поръ я отъ тебя слуха не имѣлъ и не знаю, дошло ли *соборное посланіе*".

Въ томъ же письмѣ Хомяковъ выражаетъ желаніе, чтобы графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій, женатый на сестрѣ А. В. Веневитинова, Софіи Владиміровны, переѣхалъ на жительство въ Москву. „Мы бы съ нимъ",—писалъ Хомяковъ, „зарылись въ Кельтахъ, и тому подобныхъ" [81]).

Въ эту благополучную годину жизни А. В. Веневитинова, старые сотрудники *Московскаго Вѣстника*, съ разныхъ концовъ Вселенной съѣхались въ Москву. „Титовъ пріѣхалъ",—писалъ Шевыревъ Погодину,—„и остановился въ Коммерческомъ Банкѣ у брата своего. Сегодня будетъ у Кирѣевскаго вечеромъ. Я тоже, Титовъ желаетъ прочесть здѣсь *Москви-*

тянина, и я ему обѣщалъ экземпляръ за два года".—„Не пріѣдете ли вы", писала А. П. Елагина Погодину,—„сегодня провести часа два вечеромъ съ Тютчевымъ" [82]).

Своимъ старымъ друзьямъ-товарищамъ Шевыревъ даетъ обѣдъ и зоветъ на оный Погодина. „Въ воскресенье, любезный другъ, пріѣзжай ко мнѣ обѣдать, будетъ Титовъ. Будутъ Хомяковъ, Павловъ, Кирѣевскій. Кого бы позвать еще, чтобы вспомнить старину".

XXII.

Въ противоположность *Отечественнымъ Запискамъ*, *Москвитянинъ* весьма сочувственно относился къ Малороссійской Литературѣ. Подъ его сѣнію въ 1843 году процвѣлъ *Молодикъ*. Питомецъ Погодина, И. Е. Бецкій, проживая въ Харьковѣ, задумалъ издавать при участіи Г. Ѳ. Квитки, князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Костомарова, Т. Г. Шевченко и другихъ украинскій сборникъ подъ заглавіемъ *Молодикъ*. Заявляя объ этомъ предпріятіи Бецкаго, *Библіотека для Чтенія* замѣтила: Судя по заглавію, „позволительно полагать, что статьи будутъ писаны на Малороссійскомъ языкѣ" [83]). Еще за долго до выхода *Молодика*, Каразинъ выражаетъ несочувствіе его заглавію и писалъ Погодину: „Бецкій исполненъ къ вамъ привязанности и почтенія. Предложеніе его о Харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно, вотъ и я уже успѣлъ раздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки, противъ моего совѣта. Это имя, заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которыми, вѣрьте, меньше всѣхъ дорожатъ наши Харьковцы (съ гордостію давно причисляющіе себя къ старой Россіи) многихъ останавливаетъ". В. Д. Корнильевъ, человѣкъ близкій къ дому Трубецкихъ съ негодованіемъ отнесся къ предпріятію Бецкаго, который писалъ Погодину: „Въ тотъ самый день какъ отговѣлъ, я получилъ отъ

В. Д. Корнильева письмо, которое, ей-ей, не знаю чему и приписывать. Вотъ его собственныя слова: „Изданіе альманаха превратилось, какъ я вижу, въ спекуляцію, ты началъ *отовсюду* сбирать деньги и отнесся о подпискѣ ко мнѣ и къ Софьѣ Ивановнѣ Всеволожской. Изъ прекрасной цѣли вышла денежная спекуляція — набралъ чужихъ статей, чтобъ собрать деньги за чужой умъ, не ожидалъ я этого“ и пр.

За-то съ полнымъ сочувствіемъ къ предпріятію Бецкаго отнесся, проживавшій въ то время въ Харьковѣ, маститый писатель нашъ князь А. А. Шаховской. „Старикъ Шаховской“,—писалъ Бецкій Погодину,—„меня очень полюбилъ, съ нимъ проводилъ я почти всѣ вечера зимніе. Я удивился, что вы однажды, помнится, на Дѣвичьемъ полѣ, не хотѣли его принять, какъ *скучнаго* человѣка. За что вы его не любите? А онъ васъ такъ уважаетъ. Или, можетъ, по прежнимъ обстоятельствамъ. Зная вашъ характеръ, предполагаю, что вамъ, можетъ, не нравилось, что его держали въ *ежевыхъ* рукавицахъ и т. п. По моему, такъ это удивительный старикъ. Уменъ необыкновенно. Вотъ кто знаетъ времена Екатерины, вотъ кому писать Исторію Державинской Литературы! Вотъ русскій въ душѣ, вотъ не *подлая* преданность Русскому Престолу и матери Россіи. Вотъ знатокъ Русскаго языка... Однажды сказалъ онъ И. И. Дмитріеву, что онъ въ подражаніе тогдашнимъ чувствительнымъ путешествіямъ, хочетъ написать чувствительное путешествіе изъ чемодана въ бюро. „Вѣрно кромѣ клопа никого не встрѣтимъ“, — отвѣчалъ ему Дмитріевъ. И сколько еще энергіи въ этомъ почтенномъ старикѣ!! Ему не отдали справедливости: смотрите какимъ языкомъ написаны его первые пьесы, и когда они написаны. Знаете ли вы, что Карамзинъ самъ говорилъ, что своими *Письмами* ввелъ *развратъ* въ Русскій языкъ, который и хотѣлъ искоренить шестымъ томомъ *Исторіи Россійскаго Государства*“.

Бецкому принадлежитъ честь открытія замѣчательнаго литературнаго дарованія въ Н. Ѳ. Щербинѣ, произведенія котораго впервыя появились въ *Молодикѣ*. „Щербина“,—

писалъ Бецкій Погодину, — „еще мальчикъ, но обѣщаетъ необыкновенно много... Жаль, что онъ ровно ничему не учился, и знакомство его въ Харьковѣ, что-то въ родѣ сапожниковъ. Впрочемъ истинное дарованіе возьметъ свое; покрой его землею,—оно стряхнетъ его и явится на свѣтъ. Какъ много далъ бы я, чтобъ имѣть вліяніе на эту молодежь... А то читаетъ *Отечественныя Записки*, чуть ли уже не мѣтитъ въ атеисты“ [84]).

По свидѣтельству самого Бецкаго, В. Н. Каразинъ и Г. Ѳ. Квитка „первые подали ему руку помощи и благословили его предпріятіе“. Но не долго довелось издателю *Молодика* пользоваться ихъ благодѣтельнымъ покровительствомъ. Въ 1842 году сошелъ въ могилу Каразинъ, а за нимъ, въ 1843 — послѣдовалъ Квитка. Молодой профессоръ Словенскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ Университетѣ И. И. Срезневскій въ письмѣ своемъ къ Погодину краснорѣчиво описалъ кончину Квитки: „Печальнымъ извѣстіемъ приходится мнѣ начать къ вамъ это письмо. Прошлаго 8-го августа 1843 года *скончался Григорій Ѳедоровичъ Квитка*. Давно ли вы извѣщали о смерти Каразина; а вотъ и новая потеря, которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойнаго, его искреннюю любовь къ Отечеству, его вѣрноподданническую примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги въ пользу нашего края, его заслуги въ литературѣ.

Г. Ѳ. Квитка родился 1779, и умеръ шестидесяти четырехъ лѣтъ. Въ молодости служилъ онъ въ военной службѣ... Позже — двадцать три года по выборамъ дворянства: одиннадцать лѣтъ сряду предводителемъ дворянства Харьковскаго уѣзда, десять лѣтъ совѣстнымъ судьею и послѣднее время предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда.

Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, процвѣтающій теперь подъ материнскимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, ему обязанъ своимъ началомъ. Въ 1812 году стараніемъ его составилось общество благотворенія; для распоряженія суммами, съ Высочайшаго утвержденія, назначенъ

былъ совѣтъ, который и положилъ открыть въ Харьковѣ, на счетъ добровольныхъ приношеній—Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ, полагая по двѣ воспитанницы на каждый изъ десяти уѣздовъ, составляющихъ тогда Харьковскую губернію. Актъ объ открытіи Института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27 іюля 1812. Назначено было открыть Институтъ 10 сентября, и на Г. Ѳ. Квитку, бывшаго однимъ изъ главныхъ членовъ совѣта, возложены были всѣ распоряженія. Несмотря на то, что непріятель занялъ Москву, что многіе въ Россіи были въ тревогѣ, дѣла по Институту не останавливались, и 10 сентября, какъ было положено, онъ открытъ. Г. Ѳ. Квиткѣ поручили главное управленіе имъ. Достигнувъ до нѣкоторой степени своей цѣли, онъ не смутился бѣдности средствъ для поддержанія заведенія, поощрялъ онъ, кого могъ, къ благотворенію умолялъ всѣхъ, и самъ отъ себя принесъ въ жертву Институту почти все свое состояніе. Оставалось желать одного — благодатной милости царской,—и это было достигнуто. Институтъ обязанъ Г. Ѳ. Квиткѣ и тѣмъ, что въ Бозѣ почившая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна приняла его въ 1818 году подъ свое высокое покровительство. Вспомните Каразина и нашъ Университетъ.

Незабвенно также и усердное участіе Г. Ѳ. Квитки въ дѣлахъ кадетскаго корпуса, который предположено было основать въ Харьковѣ, и который потомъ переведенъ былъ въ Полтаву; равнымъ образомъ и въ заведеніи Харьковской публичной библіотеки.

Вспоминать ли о литературныхъ трудахъ *Квитки-Основьяненка*. Кто ихъ не знаетъ! Не всякому, впрочемъ, быть можетъ, извѣстно, что онъ началъ заниматься литературой еще въ 1816 году, какъ одинъ изъ соиздателей *Украинскаго Вѣстника*, бывшаго когда-то однимъ изъ лучшихъ Русскихъ повременныхъ изданій. Еще скажу, что худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ

общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ, простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовью къ книгѣ—душевное сознаніе. Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его — наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читаемъ эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано и которому, однако, нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ Вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и на долго останется *первымъ народнымъ писателемъ* въ Украйнѣ.

9 августа былъ выносъ тѣла покойнаго въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого потерялъ онъ, что онъ зналъ покойнаго, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избраннѣйшихъ людей края: всѣ сословія, отъ высшаго до самаго простого, тысячами сошлись поклониться праху своего любимца; площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойный, до вратъ храма была полна народомъ, и слезы видны были на глазахъ многихъ. Предсѣдатели и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ; чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его.

Сегодня, 10 августа, литургію совершалъ преосвященный Иннокентій, въ присутствіи генералъ-губернатора князя Долгорукаго, гражданскаго губернатора Муханова и пр. Несравненный пастырь нашъ, передъ отпѣваніемъ, произнесъ слово, краснорѣчиво поучившее слушателей въ истинахъ вѣры о

смерти и жизни посмертной, и напомнившее имъ о примѣрной жизни покойнаго. Въ половинѣ второго по полудни началось погребальное шествіе по Екатеринославской улицѣ на Холодно-Горское кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. Многочисленное духовенство, дворянство, купечество и другіе граждане провожали тѣло къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія. На эту печальную процессію стеклись не только горожане со всѣхъ концовъ города, но и селяне изъ ближайшихъ селеній.

Миръ праху благороднаго ревнителя пользъ Отечества, долгою добродѣтельною жизнію своей показавшаго примѣръ жизни всѣмъ, сколько знавшимъ его лично, столько же и тѣмъ, которые чтили его по голосу народа".

XXIII.

Оплакавши кончину Г. Ѳ. Квитки, *Москвитянинъ* привѣтствовалъ вступленіе на поприще Малороссійской литературы молодого писателя, Пантелеймона Александровича Кулѣша, прославившагося впослѣдствіи, какъ глава Украйнофильской партіи. Его романъ *Михаилъ Чернышенко или Малороссія восемъдесятъ лѣтъ назадъ* обратилъ на себя вниманіе Шевырева. „Посылаю тебѣ", писалъ онъ Погодину, — „разборъ *Михаила Чернышенко*, которымъ я очень доволенъ. Хорошо бы Кулѣша завербовать въ повѣствователи".

Въ своемъ разборѣ этого романа, Шевыревъ, между прочимъ, писалъ: „Малороссія съ нѣкоторыхъ поръ даритъ Великороссію такими достойными талантами въ литературѣ что неблагодарно бы было со стороны послѣдней не воздать должнаго сестрѣ своей, старшей по времени, младшей по имени. Гоголь и Основьяненко — дѣти Малой Россіи. При всемъ личномъ разнообразіи писателей, рожденныхъ въ этой странѣ, есть у нихъ у всѣхъ что-то общее, свое, Малороссійское, наслѣдство родины. Всѣ они, во-первыхъ: колористы въ словѣ

такъ, какъ и земляки ихъ живописцы; всѣ пишутъ въ прозѣ, а не берутся за Русскій стихъ; всѣ владѣютъ юморомъ въ духѣ своего племени; всѣ умѣютъ дружить устную молвь съ языкомъ рѣчи изящной; всѣ любятъ слово естественное, простодушное, прямо льющееся съ пера; всѣ отличаются особеннымъ мастерствомъ въ изображеніи характеровъ; всѣ любятъ свое искусство и менѣе, чѣмъ Великоруссы, отвлекаются отъ него приманками общественной жизни. Гоголь въ этихъ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ есть первый художникъ Русскій нашего времени, которому едва ли равный найдется въ современномъ Западѣ". Послѣ этого введенія Шевыревъ, обращаясь къ автору *Михайло Чернышенко*, говоритъ: „Г. Кулѣшъ первымъ своимъ опытомъ не измѣняетъ тому высокому мнѣнію, которое мы уже имѣемъ о его соплеменникахъ, и обѣщаетъ много прекрасныхъ надеждъ въ будущемъ своемъ развитіи. Первая мысль, выдающаяся такъ сильно изъ всего произведенія г. Кулѣша, есть мысль о древней, отжившей свое историческое время Малороссіи. Любовью къ ней проникнутъ весь духъ новаго писателя; память его погружена вся въ преданія родины... Словомъ, г. Кулѣшъ обнаруживаетъ направленіе чисто историческое школы Вальтеръ Скотта..." Въ заключеніе Шевыревъ обращается къ автору съ слѣдующимъ совѣтомъ: „Г. Кулѣшъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ выдерживать будущія произведенія свои до тѣхъ поръ, пока они совершенно удовлетворятъ его авторской совѣсти... Торопливость могла бы переродиться въ порокъ вредный и испортитъ дѣло художественное... Мы говоримъ это изъ уваженія къ его дарованію, которое привѣтствуемъ въ Литературѣ Русской..." [85]).

Вслѣдствіе сего Погодинъ вступилъ въ литературныя сношенія съ Кулѣшомъ. Сохранившіяся въ Погодинскомъ Архивѣ письма къ нему Кулѣша весьма живо его характеризуютъ.

Переписка началась съ 2 марта 1843 года. „Письмо ваше", писалъ изъ Кіева Кулѣшъ Погодину, — „весьма меня обрадовало, ибо я до сихъ поръ не зналъ, какъ думать о

своемъ романѣ, хотя нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ и хвалили его, однакожъ я ихъ похваламъ не совсѣмъ довѣрялъ. Я теперь не занимаюсь ничѣмъ, а сижу у моря да жду погоды. Надобно вамъ знать, что я имѣю всѣ атрибуты великаго поэта, то-есть, 1) денегъ ни гроша, 2) порядочные долги, 3) должность самую ничтожную. Меня, не знаю почему, держатъ въ черномъ тѣлѣ тѣ самые люди, которые мнѣ же трубятъ въ уши о моихъ способностяхъ; 4) мнѣ тяжелы и ступеньки чужого крыльца... я не могу ни за что взяться и чаю денегъ, аки воды живыя, чтобъ отбиться отъ кредиторовъ да обзавестись удобнымъ жилищемъ и необходимыми для меня книгами. Одно утѣшаетъ меня иногда въ моей низкой и горестной долѣ: это—переписка съ Малороссійскими панами по поводу *Исторія Малороссійскихъ фамилій*, о составленіи которой объявленіе напечатано въ вашемъ журналѣ. Вѣрьте, иногда я получаю изъ блаженной Малороссіи такія письма, что смѣюсь даже во снѣ". Затѣмъ Кулѣшъ сообщаетъ Погодину о своихъ замышленіяхъ: „*Замышляю* я такъ много, что иногда боюсь, не слишкомъ ли я самонадѣянъ? Во-первыхъ я хочу издать (съ помощью нѣкоторыхъ особъ) всѣ Малороссійскія лѣтописи съ возможно полными комментаріями; во-вторыхъ, издать Малороссійскія пѣсни, которыхъ много собрано лично мною въ народѣ; въ-третьихъ, издать народныя преданія, легенды, миѳологію, пословицы и всякую мелочь; въ-четвертыхъ издать Исторію Малороссійскихъ фамилій, какъ огромный сборникъ матеріаловъ для Исторіи; и наконецъ, въ-пятыхъ, написать, на основаніи всего этого, *Исторію Малороссіи*, если почувствую, что буду къ тому годенъ. Молю Васъ осчастливить меня присланіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, о которыхъ вы изволили писать. Я продержу ихъ у себя такой срокъ, какой вы сами назначите. Но пока не получу, не буду спать спокойно". Въ заключеніе Кулѣшъ изъявляетъ желаніе „облетѣть Святую Русь и всю нашу „Словенскую родину": „Воспитывался я въ Кіевскомъ университетѣ, на Святой же Руси до сихъ поръ не сподобился еще бывать, и потому

я почти брежу вашею Московіею, изучая Русскую старину. Вѣрую, что судьба не до конца будетъ меня преслѣдовать, и я облетаю современемъ тѣ страны, по которымъ тоскуетъ душа моя, и нагляжусь и на Русь безпредѣльную, и на всю Словенскую нашу родню". Въ другомъ своемъ письмѣ Кулѣшъ проситъ Погодина напечатать въ *Москвитянинѣ* его критическую статью противъ Сенковскаго. „Объ этомъ", пишетъ Кулѣшъ, — „вмѣстѣ со мною проситъ васъ и мой добрый благодѣтель, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичъ, который сожалѣетъ, что случай не позволилъ ему имѣть удовольствіе познакомиться съ вами во время проѣзда вашего черезъ Кіевъ. Въ рецензіи моего романа Сенковскій еще безсовѣстнѣе уродуетъ Исторію Малороссіи и безъ церемоніи дѣлаетъ насъ Поляками, чѣмъ мы ни въ какомъ случаѣ быть не желаемъ, и молчать на его выходки значило бы соглашаться съ его сужденіями". Но эта просьба Кулѣша, кажется, не была исполнена Погодинымъ, что не остановила его сообщать Погодину о своихъ литературныхъ планахъ и требованіяхъ. „Уже съ годъ" писалъ онъ, — „сидитъ у меня въ головѣ романъ, почти совсѣмъ готовый, но я не хочу писать его, во-первыхъ, потому, что въ Кіевѣ большой книги печатать не стоитъ, а во-вторыхъ, потому, что хотѣлось бы глубже изучить историческую эпоху, а матеріаловъ для изученія нѣтъ. Еслибъ кто купилъ его на наличныя деньги, то я, пожалуй, написалъ бы. Но для этого нужно имѣть великій авторитетъ. Пожалуй, купите вы; я напишу для вашего журнала, если ему нужно порядочное литературное произведеніе, ибо, судя по тѣмъ статьямъ, какія до сихъ поръ въ немъ помѣщались, онъ, кажется, не слишкомъ объ этомъ хлопочетъ, а этого-то и недостаетъ ему для ходкости. Извините мою прямоту: мы ужъ списываемся не для комплиментовъ. Его называютъ у насъ историческимъ сборникомъ. Однѣ рецензіи Шевырева сильно его поддерживаютъ. Имя моего романа: *Сотникъ Шрамко и его сыновья*, картина того чуднаго и загадочнаго времени, которое наступило по смерти

Богдана Хмельницкаго. На сценѣ будутъ дѣйствовать Брюховецкій и Самко. Пришлите Бога ради хоть теперь своихъ матеріаловъ. Этимъ романомъ, кажется, я нѣчто сдѣлаю для Исторіи Малороссіи. Если вы въ самомъ дѣлѣ захотѣли бы его пріобрѣсть, то вотъ условія: 1) отъ печатнаго листа по пятидесяти рублей серебромъ; 2) никакихъ перемѣнъ и пропусковъ не дѣлать: за все отвѣчаетъ мое имя, о которомъ я долженъ заботиться больше, чѣмъ кто-либо; 3) деньги за десять листовъ выслать впередъ, и съ того только времени начнется изложеніе его на бумагѣ; 4) право отдѣльнаго изданія остается за мною“.

Заявивъ это предложеніе, Кулѣшъ сообщаетъ Погодину о результатахъ своего путешествія по Малороссіи: „Совершилъ я лѣтомъ двухмѣсячное путешествіе по Малороссіи и извлекъ великіе результаты, между прочимъ записалъ изъ устъ народа множество превосходныхъ преданій (въ особенности о гайдамакахъ) съ такою точностію, что они вполнѣ могутъ назваться отрывками изустной народной литературы. Удивительныя вещи! что за красота слова! что за дивный полетъ фантазіи! Приготовилъ къ печати томикъ въ двѣсти страницъ, in-8, подъ заглавіемъ: *Малороссійскія преданія, легенды, повѣрья и разныя замѣтки, касающіяся мѣстныхъ примѣчательностей народнаго быта и т. п. (Матеріалы для изучающихъ народную исторію и поэзію)*. Пусть кто-нибудь у васъ на Москвѣ купитъ. Я уступлю ее за пятьсотъ р. асс. наличными, впередъ высланными деньгами. Эта книжка сильно пойдетъ. Передъ нею *Разсказы Коржа*—блѣдная копія передъ оригиналомъ. Она болѣе сдѣлаетъ для Исторіи нашего края, чѣмъ четыре тома *Исторіи* Маркевича, и болѣе дастъ свѣтлыхъ мыслей о поэзіи, чѣмъ иная глубокоученая теорія. Мнѣ жъ она доставитъ болѣе извѣстности, чѣмъ самый удачный романъ, какой я могу написать“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулѣшъ похваляется слѣдующимъ своимъ подвигомъ: „Давно лежала у меня на душѣ мысль, нельзя ли соединить въ одно цѣлое Малороссійскія наши думы новыми

рапсодіями, какъ сдѣлалъ, говорятъ, когда-то съ Греческими думами Гомеръ. Долго я готовился къ этому дѣлу, изучалъ то, другое, десятое, наконецъ исполнился духа премудрости, сѣлъ и въ пять дней поэма готова. Написавши пять-шесть новыхъ думъ да нѣсколько отрывковъ, я спаялъ ими народныя пѣснопѣнія до Богдана Хмельницкаго, и изъ этого составился отдѣльный эпосъ, ему же имя *Украйна.* Когда я прочиталъ ее извѣстному М. Грабовскому, онъ уговорилъ меня печатать какъ можно скорѣе, съ тѣмъ, что онъ съ моего изданія перечатаетъ немедленно другое изданіе Польскими буквами въ Вильнѣ, и увѣряетъ, что это будетъ подарокъ для всего Словенскаго міра“ [86]).

Въ бытность свою въ Прагѣ, въ 1839 году, Погодинъ встрѣтился тамъ съ богатымъ Малороссійскимъ помѣщикомъ и товарищемъ Гоголя, Платономъ Яковлевичемъ Лукашевичемъ, который, по замѣчанію Погодина, былъ „почти помѣшанъ на любви къ Малороссіи“, онъ „горько скорбѣлъ о состояніи козаковъ, которые лишаются теперь какихъ-то правъ своихъ“; но Погодину было любопытнѣе всего выслушать отъ Лукашевича „оригинальныя мысли о происхожденіи козаковъ отъ дѣтей боярскихъ древняго времени“ [87]). Пражское знакомство съ Лукашевичемъ Погодинъ не прерывалъ и по возвращеніи въ Россію. 13 октября 1843 года Лукашевичъ писалъ ему изъ своей Березани: „Въ 1839 году, въ Прагѣ, я имѣлъ честь съ вами познакомиться; въ то время, вѣроятно можете припомнить, я обѣщалъ прислать къ вамъ въ Парижъ историческое изслѣдованіе, касающееся Исторіи Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра, тогда же вручилъ вамъ небольшое изслѣдованіе о разобраніи надписи на камнѣ, отысканномъ Ѳ. Н. Глинкою въ Тверской губерніи. Не знаю, какъ вы нашли этотъ разборъ, но вѣроятнѣе всего, въ хлопотахъ, которыми вы были окружены въ Прагѣ, его затеряли или оставили безъ замѣчанія. Возвратясь домой за хозяйственными и тяжебными (неминуемыми въ Малороссіи) обстоятельствами, я болѣе четырехъ лѣтъ не беру пера въ руки. Въ этомъ годѣ добрый мой товарищъ (по классамъ)

А. С. Данилевскій, посѣтивъ меня, привезъ мнѣ пріятную вѣсть, что вы меня не забыли и, будучи въ Малороссіи, вспомнили за меня и за мое обѣщаніе. Хотя я додерживаю всегда свое слово, но объявилъ Александру Семеновичу, что рѣшительно забросилъ и Филологію, и Исторію, и все, чѣмъ занимался; что мои бумаги вездѣ растеряны такъ же, какъ и книги, которыя находятся въ Петербургѣ и въ Прагѣ, что изъ послѣдняго мѣста я никоимъ образомъ ихъ не могу достать, поелику долженъ на таможнѣ чрезъ повѣреннаго отправить въ Петербургъ въ цензуру, гдѣ, какъ сказывали мои земляки, большею частію пропадаютъ. Почему бы особенно для Словенскихъ Западныхъ сочиненій не имѣть цензуры въ Кіевѣ. Чрезъ это мы отдѣлены въ провинціи Китайскою стѣною отъ своихъ братьевъ Словенъ. Поэтому и филологическими работами я занимаюсь съ памяти, а не рѣдко такъ и самою Исторіею. Всѣ эти представленія не подѣйствовали на неумолимаго товарища. Итакъ, пробудивъ меня отъ бездѣйствія, принужденнымъ нахожусь приняться за старыхъ знакомцевъ. Что же вамъ для прекраснаго вашего журнала выслать? Рѣшилъ, что первое выймется и посылаю: *Предисторическій Словенскій міръ* — это родъ вступленія между моими филологическими и историческими изслѣдованіями. Вашъ журналъ уважаю потому, что въ немъ нѣтъ передѣлываній статей сочинителей, а также непріятныхъ для нихъ замѣчаній и вопросительныхъ знаковъ со стороны редактора“ [88]).

Желаніе Лукашевича Погодинъ немедленно же исполнилъ и въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина* 1843 года была напечатана его статья подъ заглавіемъ *Предисторическій Словенскій міръ* [89]).

Прочитавъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*: *Голосъ изъ провинціи о Мертвыхъ Душахъ*, Погодинъ заинтересовался авторомъ этой статьи. Узнавъ, что она принадлежитъ Михаилу Дмитріевичу Мизко, жителю Екатеринославля, онъ обратился къ нему письменно съ просьбою сообщить „касающіяся до

него подробности“. Исполняя желаніе Погодина, Мизко написалъ ему автобіографическое письмо, въ которомъ читаемъ: „Отецъ мой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Тимоѳеичъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ помѣщиковъ и старожиловъ здѣшней губерніи, имѣющій ученую степень доктора Изящныхъ Наукъ и нѣкогда въ продолженіи тридцати лѣтъ управлявшій учебною частію здѣшняго края; но около десяти лѣтъ уже какъ онъ, потерявъ зрѣніе, страдаетъ жестокими неисцѣлимыми недугами. Я учился сначала къ здѣшней Гимназіи, потомъ же въ теченіе трехъ лѣтъ, подъ руководствомъ отца, приготовившись дома, въ 1838 году выдержалъ въ Харьковскомъ Университетѣ по 1-му отдѣленію философскаго факультета экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента. Теперь же я служу въ здѣшней Уголовной Палатѣ, досужное же отъ службы и заботъ по хозяйству время я посвящаю литературнымъ занятіямъ, искренне преданный наукѣ, искусству и родному слову. Какъ литературное мое profession de foi, позвольте рекомендовать вамъ статью мою *Голосъ изъ Провинціи о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души*. Вы увидите, что это плодъ задушевныхъ убѣжденій и горячаго увлеченія предметомъ. Впрочемъ, смѣю васъ увѣрить, что я совершенно внѣ духа партій, возмущающаго теперь современную нашу литературу, и свободенъ въ моихъ литературныхъ понятіяхъ на столько, что обертка журнала для меня не значитъ ничего: это я считалъ долгомъ объяснить вамъ, ибо дорожу вашимъ мнѣніемъ обо мнѣ. Наконецъ, впредь, пока буду имѣть случай служить вашему *Москвитянину* чѣмъ-нибудь болѣе серьёзнымъ, не желая и на этотъ разъ явиться къ вамъ съ пустыми руками, покорно прошу принять отъ меня посылаемую при семъ статейку мою о книгѣ: *Очеркъ теоріи изящной словесности* Чистякова, на которую, сколько помню, критика наша въ этомъ году не обратила вниманія, кромѣ довольно неблаговиднаго отзыва въ Литературной лѣтописи *Библіотеки для Чтенія*; между тѣмъ, какъ

это сочиненьице стòитъ быть извѣстно публикѣ по многимъ причинамъ, которыя я и старался выставить".

Въ заключеніе своего письма Мизко сообщаетъ Погодину нижеслѣдующую надпись, относящуюся къ Преображенскому собору въ Екатеринославлѣ: „Въ память благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины II-й положенный здѣсь въ 1787 году собственною своею Монаршею Десницею, первый камень въ основаніе Соборнаго сего храма, совершившагося щедротами Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I. Колонна изъ древняго Таврическаго Херсона, откуда проистекъ на Россію Свѣтъ Христовъ, 1835 года мѣсяца мая 9". Письмо свое Мизко кончаетъ такими словами: „Немного уже остается у насъ лицъ прошедшаго столѣтія, въ устахъ которыхъ живетъ преданіе о лучшей участи, назначавшейся для Екатеринослава; а Соборъ краснорѣчиво безъ словъ будетъ свидѣтельствовать о ней еще многимъ поколѣніямъ!" [90]).

XXIV.

Мы уже знаемъ, что Гоголь оставилъ Москву въ 1842 году съ самымъ непріятнымъ чувствомъ противъ Погодина, и это чувство было обоюдное. Но Погодинъ по своей добротѣ, по своему, наконецъ, патріотизму, не могъ долго питать подобныхъ чувствъ къ Гоголю, въ которомъ онъ видѣлъ славу отечества. Къ тому же онъ увидѣлъ какой-то сонъ, заставившій его прервать молчаніе и написать въ сентябрѣ 1843 года самое задушевное письмо къ Гоголю, находившемуся въ то время, кажется, въ Дюссельдорфѣ. Въ этомъ письмѣ Погодинъ высказался весь. „Наконецъ", писалъ онъ, — „я нашелъ въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобой, написать къ тебѣ письмо: раны души моей зажили или, по крайней мѣрѣ, затянулись... Ну что? каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ Маріенбадскую воду, а теперь на про-

стой. Но зимой было тяжело: часто показывалась кровь изъ горла и голова была безпрестанно тяжела. Не случилось ли съ тобой чего-нибудь особеннаго въ душѣ—такъ около 3-го сентября? Ты знаешь, что я немного по Глинкиной части, и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3-го числа я какъ будто примирился съ тобой, а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ треволненія. Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ; все, что̀ узнавалъ я послѣ, прибавило мнѣ еще болѣе муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ, высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ. Посѣтивъ твою мать въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала слишкомъ глубоко. Наконецъ, я сталъ позабывать тебя, успокоился, и теперь какъ рукой сняло: я готовъ опять и ругать, и любить тебя".

Это письмо Погодинъ прислалъ къ С. Т. Аксакову съ просьбою переслать его къ Гоголю. Просьба была исполнена. Гоголь возвратилъ Аксакову это письмо и приложилъ къ нему отъ себя длиннѣйшій отвѣтъ; но Аксаковъ этого отвѣта не отдалъ Погодину, и въ своемъ письмѣ Гоголю весьма мѣтко охарактеризовалъ это длиннѣйшее письмо: „Я получилъ письмо ваше съ приложеніемъ письма Погодину. По порученію вашему, мы съ Шевыревымъ прочли его одинъ разъ вмѣстѣ, да предварительно каждый изъ насъ прочелъ его по нѣскольку разъ. На общемъ совѣтѣ мы положили: не отдавать письма Погодину до полученія отъ васъ отвѣта. Причины тому слѣдующія: 1) Погодинъ нездоровъ и особенно разстроенъ о чемъ-то духовно. 2) Намъ кажется, что это письмо не успокоитъ его, а раздражитъ, слѣдственно не достигнетъ цѣли, которую вы, безъ сомнѣнія, имѣете: внесть тишину и спокойствіе въ его душу. 3) Письмо ваше слишкомъ жестко его поразитъ въ настоящее больное мѣсто; а сами вы обвиняете себя въ общихъ выраженіяхъ, идущихъ къ каждому человѣку: такія обвиненія нисколько не облегчаютъ вины Пого-

дина ни въ его собственныхъ глазахъ, ни въ нашихъ. Это тяжело. Разумѣется, послѣ письма Погодина вы имѣете полное право отвѣчать ему такимъ же письмомъ; но здѣсь дѣло идетъ не о томъ, кто правъ... Вы отгадали и должны были отгадать мои отношенія съ Погодинымъ. По моей, еще не остывшей, горячности и живости, я много разъ на него сердился. Къ несчастію, будучи слабымъ христіаниномъ, я не могъ путемъ кротости и смиренія и любви немедленно обезоруживать свой гнѣвъ, который вы справедливо браните; но время, разсудокъ и доброе сердце успокоивали меня и заставляли одуматься. Извѣстная истина, всегда много исповѣдуемая, что надобно понимать человѣка каковъ онъ есть и не требовать отъ натуры его, разумѣется, если въ ней много добраго, чего въ ней нѣтъ, вступала въ свои права и усмиряла волненіе души моей; но скажу по совѣсти: между нами не можетъ быть истинной дружбы. Можно найдти причину его дѣйствій, извинить, оправдать ихъ; можно уважать, даже любить этого человѣка; но дружба требуетъ непремѣнно одинаковости вѣрованій въ нѣкоторые предметы, одинаковости мнѣній о человѣческомъ достоинствѣ. Не желая ничего скрыть въ глубинѣ сердца, я скажу вамъ, что не признаю искренней дружбы и между вами. Этимъ объясняется все. Нѣтъ и не можетъ быть между вами полной вѣры, безъ которой нѣтъ истинной дружбы. Притомъ же у васъ есть въ характерѣ—не то что неискренность, не то что неоткровенность, а какое-то недоговариваніе такихъ вещей, которыя необходимо должны быть извѣстны друзьямъ и о которыхъ они нерѣдко узнаютъ стороною. Это ваша особенность, но ею оскорбляются, и сомнѣніе сейчасъ возникаетъ!.. Скажите, ради Бога, можетъ ли вполнѣ понять васъ человѣкъ, который, по собственнымъ словамъ вашимъ, „живетъ съ вами въ разныхъ мірахъ?“ Этою послѣднею мыслію я всегда объяснялъ Погодину то, чего онъ безпрестанно въ васъ не понималъ; наконецъ, онъ пересталъ и говорить со мною. Вѣроятно, и я не понимаю васъ вполнѣ; но я, по крайней мѣрѣ, понимаю, что нельзя высокую, творческую натуру художника мѣ-

рить аршиномъ нашихъ полицейскихъ общественныхъ уставовъ, житейскихъ разсчетовъ и мелочныхъ требованій самолюбія. Мы оба съ Погодинымъ не дурные люди: но я считаю то святотатствомъ, что Погодинъ считаетъ дѣломъ не только дозволеннымъ, но даже должнымъ". На это письмо Гоголь отвѣчалъ Аксакову: „Все, что ни разсудили вы на счетъ письма моего къ Погодину, я нахожу совершенно благоразумнымъ и справедливымъ, также какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ оному относящемуся". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь будучи обезпокоенъ тревожнымъ и неспокойнымъ расположеніемъ духа своихъ друзей, то-есть, Аксакова, Шевырева и Погодина, „благословясь, рѣшился послать имъ одно средство противъ душевныхъ тревогъ, въ видѣ подарка на новый годъ". Аксаковъ подумалъ, что *въ видѣ подарка* Гоголь шлетъ имъ второй томъ *Мертвыхъ Душъ* и на другой же день по полученіи письма Аксаковъ поскакалъ къ Шевыреву, который съ „первыхъ же словъ" разбилъ Аксакова „громкимъ смѣхомъ", показавъ ему письмо Гоголя, въ которомъ прочелъ: „Купи немедленно во французской лавкѣ четыре миніатюрные экземплярика *Подражанія Христу* Ѳомы Кемпійскаго: для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова... Мнѣ хочется, чтобъ это было какъ бы въ видѣ *подарка* вамъ на новый годъ, исшедшаго изъ собственныхъ рукъ моихъ". Аксаковъ „былъ огорченъ до глубины души, даже разсерженъ" и написалъ Гоголю „горячее письмо", въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Мнѣ пятьдесятъ три года. Я тогда читалъ Ѳому Кемпійскаго, когда вы еще не родились... И вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за чтеніе Ѳомы Кемпійскаго, нисколько не знавъ моихъ убѣжденій, да какъ еще? въ узаконенное время, послѣ кофею и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на урокѣ. ...И смѣшно, и досадно..."

„Все это ваше волненіе", отвѣчалъ ему Гоголь, — „и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго чорта, котораго называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ,

а знаю, что онъ ходитъ во фракѣ изъ *гнилья*, и что на его гордость стоитъ наплевать, вотъ и все" [91]).

Вскорѣ послѣ этой переписки Погодинъ причинилъ Гоголю новую непріятность. Онъ имѣлъ неосторожность, безъ разрѣшенія, приложить портретъ Гоголя въ халатѣ, къ ноябрьской книжкѣ *Москвитянина* 1843. Вслѣдъ за Погодинымъ и Бецкій въ своемъ *Молодикѣ* на 1844 годъ тоже приложилъ портретъ Гоголя, развалившимся на креслѣ, улыбающимся съ подписью (факсимиле): *Я бы давно уже былъ на дорогѣ въ Римъ. Гоголь.* Когда Гоголю попалась въ руки эта книжка *Молодика*, онъ, не зная ничего о своемъ портретѣ, напечатанномъ въ *Москвитянинѣ*, съ негодованіемъ писалъ Языкову: „Скажи Шевыреву, чтобы онъ объявилъ въ *Москвитянинѣ*, что мнѣ крайне было непріятно узнать, что безъ моего спросу и позволенія, въ какомъ-то Харьковскомъ повременномъ изданіи приложили мой портретъ; чтобы онъ объявилъ, что подобнымъ мошенничествомъ не занимались прежде книгопродавцы, какимъ нынѣ занимаются литераторы... Ежели бы пришлось мнѣ позволить гравировку портрета, то, вѣроятно, это бы сдѣлано было только для *Москвитянина*... Попроси также Погодина, чтобы онъ написалъ письмо къ Бецкому въ Харьковъ — онъ его, кажется, знаетъ".

Между тѣмъ портретъ Гоголя, изданный Бецкимъ, былъ поднятъ на смѣхъ *Сѣверною Пчелою*: „Почитатели *Мертвыхъ Душъ*", было тамъ сказано, — „полюбуются на портретъ Гоголя, и изумятся сходству Украинскаго Гомера съ Бальзакомъ, вслѣдствіе чего г. Гоголь и представленъ фантастически à la Бальзакъ, въ прическѣ à la mougik, съ эспаньолкою и усами" [92]).

Въ это время Бецкій путешествовалъ по Европѣ; прибывъ во Франкфуртъ онъ явился къ Гоголю съ повинною и при этомъ сообщилъ ему, что его портретъ еще прежде былъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ*: „Каковъ между прочимъ Погодинъ", писалъ Гоголь Языкову, — „и какую штуку онъ со мной съигралъ вновь! Я воскипѣлъ негодованіемъ на Бецкаго за помѣщеніе моего портрета, и надобенъ же такой случай:

вдругъ самъ Бецкій является изъ Харькова во Франкфуртъ для принятія отъ меня личнаго распеканія. Отъ него я узнаю, что Погодинъ изволилъ еще въ прошломъ году приложить мой портретъ въ *Москвитянинѣ* самоуправно, безъ всякихъ оговорокъ, точно какъ будто свой собственный, между тѣмъ какъ изъ подобныхъ исторій у насъ были съ нимъ серьезныя схватки... И никто изъ моихъ пріятелей меня не увѣдомилъ!.. Скажу тебѣ откровенно, что большаго оскорбленія мнѣ нельзя было придумать. Еслибы Булгаринъ, Сенковскій и Полевой, совокупившись вмѣстѣ, написали на меня самую злѣйшую критику, еслибы самъ Погодинъ соединился съ ними и написалъ бы вмѣстѣ все, что способствуетъ къ моему униженію, это было бы совершенно ничто въ сравненіи съ симъ...“ [93]) Шевыревъ приписалъ это негодованіе Гоголя своего рода „излишнему кокетству“ его, „какой-то кропотливой мелочи относительно всякаго рода появленія его въ свѣтъ“. Но Гоголь оправдывался и писалъ ему: „Другъ, не осуждай меня за это. Негодованіе истекаетъ не изъ того источника, которому ты приписываешь“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь писалъ ему же: „Не скрою даже и того, что помѣщеніе моего портрета именно въ такомъ видѣ, то-есть, налитографированнаго съ того портрета, который данъ мною Погодину, увеличило еще болѣе непріятность: тамъ я изображенъ, какъ былъ въ своей берлогѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ... Разсуди самъ, полезно ли выставить меня въ свѣтъ неряхой, въ халатѣ, съ длинными взъерошенными волосами и усами? Развѣ ты самъ не знаешь, какое всему этому даютъ значеніе? Не для себя мнѣ прискорбно, что выставили меня забулдыгой. Но, другъ мой, вѣдь я зналъ, что меня будутъ выдирать изъ журналовъ. Повѣрь мнѣ, молодежь глупа. У многихъ изъ нихъ бываютъ чистыя стремленія, но у нихъ всегда бываетъ потребность создать себѣ какихъ-нибудь идоловъ. Если въ эти идолы попадетъ человѣкъ, имѣющій точно достоинства, это бываетъ для нихъ еще хуже: достоинствъ самихъ они не узнаютъ и не оцѣнятъ какъ слѣдуетъ, подражать имъ не будутъ, а на не-

достатки и пороки прежде всего бросятся: имъ же подражать такъ легко! Повѣрь, что прежде всего будутъ подражать мнѣ въ пустыхъ и глупыхъ вещахъ. Другъ мой, ты профессоръ, тебѣ бы слѣдовало это прежде всего смекнуть“ [94]).

XXV.

Вліяніе Западниковъ сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ Университетѣ предъ исходомъ университетской дѣятельности Погодина. Вліяніе это по принципу было враждебно Погодину и Шевыреву. Въ *Дневникѣ* перваго мы находимъ слѣдующія замѣчательныя записи:

Подъ 5 мая 1843 года. Слушалъ разсказы о грабительствахъ молодыхъ профессоровъ, которыхъ махіавелическія козни, противъ меня въ особенности, мнѣ кажутся ясными. Я слушалъ не безъ удовольствія, что онѣ раскрываются. Это нехорошо; но не должно жъ молча оставлять университетъ и ученіе въ жертву такимъ негодяямъ. Я удивляюсь, что я позволялъ дѣлать съ собою Крылову. Эти подлецы всячески старались оттереть меня, чтобъ на свободѣ дѣлать что угодно. Но истина возьметъ свое.

— *25 ноября.*—Съ Давыдовымъ и Шевыревымъ о перспективѣ Московскаго Университета, когда онъ останется при однихъ профессорахъ молодого поколѣнія.

Напоръ Западниковъ въ Университетѣ испытывалъ на себѣ и Шевыревъ. Сохранилось письмо его къ Погодину (отъ 22 октября 1843 года) слѣдующаго содержанія, вызванное, впрочемъ, неизвѣстными намъ причинами: „Ты мнѣ совѣтуешь ждать. Послѣ тѣхъ угрозъ, какія были мнѣ сдѣланы, я ждать не могу и на всякій случай долженъ приготовить оборону. Сегодня я пишу графу Протасову, а жена пишетъ къ княгинѣ Долгоруковой подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Угрозы были сдѣланы отъ обоихъ: онѣ могутъ

исполниться. Я стою подъ ними и не могу быть спокоенъ; ты понялъ дѣло, какъ мнѣ кажется, легче, нежели слѣдуетъ понять. Можетъ быть, дѣйствія противъ меня уже начаты... Отъ нихъ послѣ угрозъ я всего ожидаю. Уповаю всего болѣе на милость Божію. Ты не предполагаешь съ ихъ стороны возможности такого гадкаго поступка въ отношеніи ко мнѣ; но ужъ послѣ двухчасовой пытки надо мною, они все могутъ сдѣлать".

Погодинъ былъ правъ, воздерживая Шевырева отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* его:

Подъ 24 октября 1843 года. Шевыревъ сказалъ, что дѣло его все кончено, и что Строгановъ осыпалъ его ласками. Вотъ тебѣ разъ! Что за странный человѣкъ этотъ Строгановъ! Не говорилъ ли я, вотъ и правда, что не надо писать въ Петербургъ. Долго не могъ уснуть взволнованный". Когда Погодинъ заснулъ, то ему въ эту ночь приснился странный сонъ: будто онъ сидѣлъ между Пушкинымъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который вырвалъ у него изъ рукъ какую-то поэму Пушкина и отдалъ переписать Григорьеву.

На другой день, то-есть, 25 октября 1843, Погодинъ опять поѣхалъ къ Шевыреву, чтобы узнать у него подробности объ окончаніи дѣла. „Шевыревъ разслабъ", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„Строгановъ поступилъ, кажется, очень гуманно. Удивительный человѣкъ! Можетъ быть, онъ даже лучше, нежели онъ кажется. Можетъ быть, онъ даже скрѣпя сердце приноситъ жертвы своей системѣ, которая мнѣ такъ противна. Въ отношеніи ко мнѣ вѣрно дѣйствуютъ враги, которые успѣли взнести какую-нибудь важную клевету. Шевыревъ, по его вызову, поѣдетъ къ нему еще объясняться. Строгановъ безъ меня ничего не можетъ сдѣлать фундаментальнаго въ системѣ ученаго правленія, а я радъ передъ отставкою передать свои мысли, плодъ двадцати-лѣтняго опыта кому угодно". Что этотъ двадцати-лѣтній опытъ Погодина былъ не безплоденъ, можетъ свидѣтельствовать ниже-

слѣдующее письмо къ нему П. И. Мельникова изъ Нижняго Новгорода: „Всѣ лучшіе ученики нашей Гимназіи измѣняютъ Казанскому Университету. Говорятъ, будто удобство сообщенія Нижняго съ Москвою было причиною этого, но едва ли это справедливо. Имена ваше и г. профессора Шевырева — вотъ магнитъ, который привлекаетъ нашихъ учениковъ въ Московскій Университетъ. Въ числѣ привлекаемыхъ находится и податель письма моего, г. Журавлевъ. Онъ кончилъ курсъ въ здѣшней Гимназіи хорошо и желаетъ поступить въ вашъ Университетъ по отдѣленію общей Словесности. Какъ одного изъ лучшихъ учениковъ моихъ, какъ воспитывавшагося въ домѣ моемъ, позвольте мнѣ представить и вамъ этого молодого человѣка и просить васъ о томъ, чтобы вы были ему полезны. Онъ очень любитъ Исторію, и я надѣюсь, что онъ будетъ достойнымъ ученикомъ вашимъ. Вообще объ ученикахъ Нижегородской Гимназіи, поступающихъ нынѣ въ Московскій Университетъ, рѣшаюсь я быть предъ вами ходатаемъ“ [95]).

Письмомъ этимъ Погодинъ не укоснилъ подѣлиться съ Шевыревымъ, и тотъ, возвращая письмо Мельникова, писалъ Погодину изъ Вяземъ *) (отъ 19 іюля 1843 года): „Возвращаю тебѣ письмо Мельникова. Намъ только пріятное говорятъ люди Европейскіе, какъ Тютчевъ, да наши добрые соотечественники со всѣхъ концовъ Россіи, а отъ своихъ путнаго не дождешься. Такъ и должно. Тютчевъ не могъ иначе выразиться на счетъ твоего отчета **). Ты человѣкъ практическій столько же, сколько и ученый“.

Дурныя отношенія, существовавшія между графомъ Строгановымъ и Уваровымъ, много способствовали неловкому положенію Погодина и Шевырева, преданныхъ Уварову. Въ это время между Попечителемъ Московскимъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія возникло препирательство, поводомъ котораго былъ Ѳ. И. Буслаевъ.

---

*) Село Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи. Въ настоящее время принадлежитъ Свѣтлѣйшему Князю Дмитрію Борисовичу Голицыну.

**) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. V, 330—345.

Въ 1841 году, возвратившись изъ чужихъ краевъ въ Москву, Буслаевъ продолжалъ свою учительскую службу въ третьей реальной Гимназіи, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ учителемъ Русскаго языка и Словесности [96]). Между тѣмъ въ томъ же 1841 году, 12 сентября, графъ С. Г. Строгановъ сообщилъ Уварову, что Шевыревъ, предлагая студентамъ правила Русскаго языка и Словесности, требуетъ отъ нихъ практическихъ упражненій на заданныя темы, и что онъ „при всемъ усердіи своемъ и готовности къ труду, не можетъ, однакоже, успѣть разсмотрѣть въ подробности и съ критическими замѣчаніями, подаваемыя ему студентами письменныя упражненія"; а потому онъ счелъ необходимымъ въ помощь себѣ по разсмотрѣнію этихъ упражненій „со вниманіемъ и критикою" пригласить Буслаева. Вполнѣ сочувствуя этимъ трудамъ Шевырева, графъ Строгановъ сталъ ходатайствовать предъ Министромъ о вознагражденіи помощника Шевырева Буслаева. На это представленіе Уваровъ замѣтилъ графу Строганову, что въ Московскомъ Университетѣ Русскую Словесность преподаютъ два профессора, то-есть, Шевыревъ и И. И. Давыдовъ, и находилъ полезнымъ „поставить имъ въ обязанность самимъ", а не постороннимъ лицамъ, „просматривать письменные труды студентовъ". Къ сему Уваровъ „неизлишнимъ счелъ присовокупить, что учащіеся, видя, что упражненія ихъ разбираются посторонними лицами, а не самими профессорами, будутъ, конечно, прилагать менѣе старанія къ надлежащей обработкѣ оныхъ. Сверхъ того, допущеніе помянутой мѣры можетъ подать поводъ и другимъ преподавателямъ домогаться подобнаго снисхожденія къ ослабленію собственной ихъ дѣятельности и къ увеличенію расходовъ Университета..." Противъ этого графъ Строгановъ съ жаромъ возражалъ: 1) „Профессоръ Шевыревъ на первомъ курсѣ имѣетъ слушателей до двухсотъ пятидесяти человѣкъ. Каждый изъ нихъ въ теченіе академическаго года обязанъ представить отъ четырехъ до шести письменныхъ упражненій, всего—болѣе одной тысячи. Физически невозможно, чтобы одно

лицо просмотрѣло и разобрало такое множество упражненій. Слѣдовательно, совершенно необходима въ этомъ дѣлѣ помощь другихъ ученыхъ". Затѣмъ графъ Строгановъ съ полнымъ, дѣлающимъ ему честь, безпристрастіемъ такъ отзывается о Шевыревѣ, который вмѣстѣ съ Погодинымъ, какъ извѣстно, далеко не пользовался его личнымъ расположеніемъ: „Профессоръ Шевыревъ", писалъ графъ Строгановъ Уварову,— „извѣстный ученостью, трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ученой службы своей, составилъ о себѣ столь хорошее понятіе, что уже никакія толкованія не могутъ ослабить выгоднаго о немъ мнѣнія, а настоящій случай болѣе послужитъ ему въ пользу, нежели во вредъ, потому что имѣетъ цѣлью пользу студентовъ". Въ заключеніе графъ Строгановъ утверждаетъ: „Я нахожу совершенно необходимымъ пригласить въ помощь къ Шевыреву учителей Московскихъ Гимназій первой Преображенскаго и третьей Буслаева, для чтенія письменныхъ упражненій студентовъ и разбора оныхъ, съ вознагражденіемъ за таковой посторонній трудъ". Въ концѣ концовъ, 14 ноября 1841 года, Уваровъ писалъ графу Строганову: „По уваженію изъясненныхъ въ представленіи вашего сіятельства причинъ, я утверждаю сдѣланное вами, милостивый государь, распоряженіе".

Подвизаясь въ Московскомъ Университетѣ, какъ профессоръ, Погодинъ постоянно поддерживалъ дружелюбныя сношенія съ знаменитыми Троицкими учеными. Онъ былъ живымъ звеномъ, соединяющимъ, къ обоюдной пользѣ, Московскій Университетъ съ Московскою Духовной Академіей, процвѣтавшей, подъ сѣнію преподобнаго Сергія и при мудромъ руководствѣ митрополита Филарета.

Въ 1843 году Погодинъ издалъ три тома твореній Иннокентія, епископа Харьковскаго. Издатель желалъ, чтобы цензоромъ ихъ былъ о. протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, и объ этомъ просилъ А. В. Горскаго, который по этому поводу писалъ Погодину: „Просьбу вашу я передалъ Ѳеодору Александровичу. Онъ хоть и не ѣдетъ никуда, но разсмотрѣніе

печатаемыхъ *Словъ* едва ли не будетъ предоставлено другому члену Цензурнаго Комитета, ректору Виѳанской Семинаріи, архимандриту Филоѳею *). Былъ я и у него и просилъ объ ускореніи выпуска, и мнѣ обѣщали сдѣлать это. О. Филоѳей самъ служилъ въ Харьковской Семинаріи, хоть недолго, и потому готовъ съ своей стороны сдѣлать угодное своему прежнему Архипастырю..." Въ концѣ концовъ желаніе Погодина исполнилось, и цензоромъ твореній Иннокентія сталъ о. Голубинскій. Вслѣдствіе сего между Погодинымъ и нашимъ знаменитымъ философомъ завязалась переписка, и въ письмахъ послѣдняго мы находимъ любопытныя замѣтки на творенія Иннокентія. Вотъ эти замѣтки:

„Въ первой седьмицѣ—слова:

Стран. 10: *Почти всѣ смотримъ на святѣйшее таинство, какъ на обрядъ благочестивый, полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ...* „Исключить. И Лютеране называютъ Св. Причащеніе Таинствомъ, а не просто обрядомъ: неужели слушатели сей проповѣди могутъ думать объ ономъ хуже Лютеранъ?"

Стран. 130: *доколѣ не достигнешь единства съ Богомъ...* „Правильнѣе было бы написать: соединенія съ Богомъ".

Стран. 154: *Іисусъ съ самаго начала возгласилъ, что „нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ"* (Матѳ. 18, 14)... „Слова: *Съ самаго начала* нужно исключить: потому что приведенное здѣсь изреченіе Спасителя сказано было уже послѣ третьей Пасхи".

Стран. 166: *Кто въ состояніи удовлетворить за свои грѣхи Правдѣ Божіей, кромѣ Божественнаго Ходатая нашего?* „Слово: *свои* лучше исключить, чтобы кому не представилось, что Спаситель удовлетворилъ Правдѣ Божіей за Свои грѣхи".

Стран. 176: *Предъ очами Господа, по выраженію Пророка, не чисто само солнце...* „Нужно исправить: Предъ очами Господа, по выраженію св. Писанія, небо же не чисто предъ нимъ" (Іовъ, 15, 15).

*) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Стр. 180: *Плотскій человѣкъ можетъ взять поводъ къ безстрастію*... „Исправить: поводъ къ безстрашію".

Стр. 208: *Что удивительнаго, если самъ Творецъ, въ Таинствѣ Евхаристіи, производитъ, разумѣется, безконечно высшимъ образомъ, то, что подъ извѣстными условіями, происходитъ въ самомалѣйшемъ его твореніи* (при преложеніи пищи и питія въ тѣло и кровь)? „Исключить, или исправить: ибо, хотя и есть между претвореніемъ пищи въ животное тѣло и таинственнымъ преложеніемъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову—нѣкоторое отдаленное сходство, но вмѣстѣ есть и великая разность. Тамъ претвореніе совершается естественно, здѣсь сверхъ-естественно; тамъ дѣйствуетъ природа, здѣсь — Богъ; тамъ есть разложеніе тѣла и отдѣленіе частей пищи, грубое отдѣляется отъ тонкаго, идущаго въ составъ тѣла; здѣсь его нѣтъ".

Всѣ прочія мысли и увѣщанія согласны съ чистымъ ученіемъ христіанскимъ и назидательны".

Неисправность корректорская въ изданіи Погодина очень затрудняла почтеннаго о. Θеодора Александровича, и онъ принужденъ былъ терпѣливо исправлять типографскія погрѣшности „Нужнымъ почелъ", писалъ онъ Погодину, — „препроводить къ вамъ означеніе погрѣшностей во второмъ томѣ. Есть тутъ и мелкія, которыя замѣчать дѣло корректора, а не цензора; есть и такія, которыя могутъ быть допущены въ самомъ подлинникѣ, напримѣръ на стр. 51-й *Храминою Сарданапаловою*, вмѣсто Валтасаровою. Ихъ исправлять, конечно, я не обязанъ; но искреннее уваженіе къ богатодаровитому сочинителю, котораго слово любо читать, побуждаетъ къ тому желанію, чтобы и малыхъ пятенъ не было на его безсмертныхъ произведеніяхъ. Довольно скучно брать на себя должность корректора; но что же дѣлать? Нельзя положиться на типографію. Перечитывая 128-ю страницу, вы сами увидите, что тутъ много напутано, пять строкъ напечатано лишнихъ; и потому, кажется, надобно эту страницу перепечатать. Еслибы намъ довелось цензировать третій томъ, признаюсь, что ни я,

ни другіе члены нашей цензуры не рѣшились бы взять на себя отвѣтственность одобренія *Слова на день Сошествія Св. Духа*, гдѣ говорится, что нынѣ нѣтъ болѣе чудесъ, фіалъ искушеній и скорбей весь испитъ прежними подвижниками, Церковь достигла большей силы и стала выше, чѣмъ во времена Апостоловъ и Мучениковъ и проч.; не рѣшились бы и по внутреннему убѣжденію къ истинѣ противнаго, и по вниманію къ сужденіямъ Сѵнода" [97]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодина не оставляла мечта издать и творенія Филарета, митрополита Московскаго. Въ *Дневникѣ* Погодина мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: „Съ Лобковымъ о сочиненіяхъ Филарета, которыя, кажется, передадутся мнѣ, какъ и Иннокентіевы" [98]). Но мечтѣ этой не суждено было осуществиться.

Самъ Иннокентій не особенно сочувствовалъ издательской и журнальной дѣятельности Погодина, по крайней мѣрѣ вотъ что мы читаемъ въ письмѣ къ нему Бецкаго: „Иннокентій говоритъ о васъ, что журналъ, поѣздки, отвлекли васъ отъ важнѣйшаго дѣла", то-есть, вѣроятно, отъ Русской Исторіи" [99]).

XXVI.

Знаменитый аббатъ Іосифъ Добровскій въ предисловіи къ своей *Грамматикѣ языка Словенскаго*, сказалъ: „Удивляюсь, почему не напечатана Словенская Грамматика, на сочиненіе коей десять лѣтъ употребилъ въ Венеціи Юстинъ Вишневскій, священникъ при Русскомъ посольствѣ. Альтеръ, доставившій обозрѣніе оной, видѣлъ ее въ Вѣнѣ еще до 1799 года, готовую къ печати" [100]).

„Кто этотъ Іустинъ, и что за Грамматику написалъ онъ?", спрашиваетъ Погодинъ.

На этотъ вопросъ отвѣтилъ Погодину библіотекарь Пермской Семинаріи, Николай Красновъ. Изъ письма его мы узнаемъ, что *Словенская Грамматика* Іустина хранится въ

библіотекѣ Пермской Семинаріи; написана вся рукою Сочинителя, на синей бумагѣ, въ листъ. Въ ней двѣсти шестьдесятъ семь листовъ четкаго письма. Заглавіе такое: *Словенская Грамматика, сочиненная находившимся при Россійскомъ Міністерствѣ въ Венеціи, Іеромонахомъ Іустиномъ, бывшимъ потомъ Епископомъ Пермскимъ и Екатеринбургскимъ.* Нельзя не обратить вниманія на предисловіе къ *Грамматикѣ*, которое Красновъ цѣликомъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ*. Оно начинается такъ: „Малѣйшій лучь сквозѣ облаковъ явившійся показуетъ очамъ нашымъ на тверди небеснѣй мѣсто, идеже обрѣтается солнце. Тако краткая Грамматика ученнѣйшаго мужа Михаила Васильевича Ломоносова открыла мнѣ слѣдъ къ изобрѣтенію Славянскія Грамматіки во всей ея красотѣ“. Напечатавъ предисловіе, Красновъ обращается къ Погодину съ предложеніемъ: „Если вамъ угодно, пишетъ онъ, я представлю обзоръ о самой Грамматикѣ“. На это Погодинъ отвѣчаетъ: „Прошу покорнѣйше: *Москвитянинъ* ничему такъ не радъ, какъ случаю обнародывать подобные труды соотечественниковъ, составляющихъ славу Отечества“.

Красновъ сообщаетъ намъ и біографическія свѣдѣнія о достопочтенномъ Сочинителѣ Словенской Грамматики. Іустинъ (до монашества Іоаннъ) Вишневскій родился въ Рязанской епархіи. Образованіе получилъ въ Семинаріи; но это не помѣшало ему хорошо знать языки Латинскій, Греческій, Еврейскій и Нѣмецкій, а также и Математику. Послѣ посольской службы въ Венеціи, іеромонахъ Іустинъ, 25 марта 1800 года, былъ рукоположенъ во епископа Свіяжскаго, викарія Казанзанской епархіи. На этой чредѣ служенія Св. Сѵнодъ, возложилъ на него порученіе: освидѣтельствовать мощи новоявленнаго Иркутскаго Святителя и Чудотворца Иннокентія. Въ 1802 году онъ уже занималъ каѳедру Пермскаго епископства. Вся Пермская епархія съ благоговѣніемъ воспоминаетъ правленіе сего мудраго, добраго и благодѣтельнаго Святителя. Старость и потеря зрѣнія принудили Іустина въ 1823 году отказаться отъ управленія и остатокъ дней своихъ про-

вести на покоѣ въ Пермскомъ Архіерейскомъ Домѣ. Благословенный Александръ, въ послѣднее путешествіе по Россіи, посѣтивъ Пермь, посѣтилъ и Преосвященнаго старца. Архипастырь обратился къ Помазаннику Божію съ краткимъ, но „священнымъ“ привѣтствіемъ: *Благословенъ грядый во имя Господне Царь Россійскій!* Государю понравилась „благодушная и вѣрноподданническая бесѣда“ Преосвященнаго. Переживъ императора Александра I двумя мѣсяцами, въ мирѣ почилъ и преосвященный Іустинъ. Тѣло его погребено подъ алтаремъ соборной церкви города Перми. Гробовая надпись гласитъ: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло преосвященнаго Іустина, бывшаго епископа Пермскаго и Екатеринбургскаго, который, въ духѣ кротости и благочестія управляя Пермскою епархіею двадцать два года и шесть мѣсяцевъ, по увольненіи отъ управленія оной, переселился въ вѣчность на семьдесятъ шестомъ году своего житія, 31 Января 1826 года, въ 6 часовъ по полудни“. Въ день кончины Преосвященнаго, Пермское духовенство ежегодно поетъ надъ нимъ панихиду.

„Сколько было и есть у насъ“, замѣчаетъ Погодинъ,— „тружениковъ между духовными лицами, но они всѣ таили и таятъ свои труды, какъ будто устамъ запечатлѣннымъ! Удивительное явленіе.“ [101]).

Чрезъ много лѣтъ послѣ кончины преосвященнаго Іустина, А. В. Горскій въ священной оградѣ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго открываетъ такъ называемыя Паннонскія житія святыхъ учителей Словенскихъ, которыя съ тѣхъ поръ и донынѣ служатъ для всѣхъ изслѣдователей о святыхъ Солунскихъ братьяхъ основнымъ источникомъ. „Посылаю вамъ“,—писалъ Горскій Погодину,—„статью *о Кириллѣ и Меѳодіѣ*. Извините, что она не совсѣмъ чисто переписана и много измарана поправками. Передъ отправленіемъ къ вамъ я снова пересматривалъ ее и нашелъ нужнымъ кое-что перемѣнить въ ней. Сдѣлайте милость, скажите мнѣ; изъ-за дѣла ли я бился, или изъ-за своей мечты: не повѣрите, какъ меня это занимаетъ. Вашъ голосъ будетъ мнѣ рѣшителемъ сомнѣній,

и всего бы лучше, еслибы вы изъявили свое мнѣніе не публично только, но и частно мнѣ съ большею подробностію— если только будетъ у васъ на это время. Своего имени не подписываю подъ статьею, вамъ извѣстно, почему". Въ этой статьѣ заключается изслѣдованіе о житіи св. Кирилла, „пропадавшемъ", по замѣчанію Погодина, „у насъ такъ долго безъ вѣсти" [102]).

Въ Горскомъ, по замѣчанію Т. И. Филиппова, „поражало это дивное сочетаніе смиренія съ высотою разнообразныхъ даровъ. Всегда приходило мнѣ въ память художественное изреченіе одного изъ великихъ подвижниковъ Древности: *Дерево, обремененное плодами, всегда клонитъ свои вѣтви внизъ*" [103]). Въ подтвержденіе правды этихъ словъ можетъ служить отвѣтъ Горскаго Погодину на извѣщеніе объ одобрительномъ отзывѣ Шафарика, который открытіе Горскаго называлъ „перломъ". „Покорнѣйше благодарю васъ", писалъ онъ,—„за ободреніе. Мнѣ утѣшительно видѣть, что мысль, давно меня занимавшая, и по суду опытнѣйшихъ не мечта. Особенно драгоцѣннымъ мнѣ кажется Житіе Кирилла. При объясненіи его я менѣе встрѣчалъ затрудненій, и его успѣшнѣе можно отстаивать". Въ другомъ своемъ письмѣ Горскій писалъ Погодину: „Русская Церковная Исторія хоть и составляетъ для меня главный предметъ изученія—по обязанности, и по любви; но я не знаю, выйдетъ ли что-нибудь цѣлое изъ моихъ замѣчаній. Нужно еще болѣе знакомства съ древними нашими церковными памятниками,—съ Исторіею Церкви у другихъ Словенскихъ племенъ, особенно южныхъ. Нужно дождаться изданія Лѣтописей. Нынѣ время, кажется, собранія и разработки матеріаловъ, а не составленія Исторій. Пусть пишутъ, кому хочется писать поскорѣе. Слышно, что авторъ Русской Церковной Исторіи *) занимается новымъ болѣе обширнымъ сочиненіемъ по этому предмету. Счастливаго успѣха!—Но скороспѣлыя произведенія если гдѣ, то всего болѣе въ Исторіи непрочны" [104]).

*) Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

Въ это время самъ Шафарикъ былъ очень занятъ твореніями св. Климента, епископа Болгарскаго, ученика Кирилла и Меѳодія, скончавшагося въ 916 году. „И сочиненія Климента“, писалъ онъ Погодину,—„должны лежать у васъ въ Россіи. Quaere et invenies“. На это письмо Погодинъ замѣтилъ: „Я нашелъ ихъ въ своихъ Сборникахъ“. „О“, восклицаетъ Шафарикъ въ своемъ письмѣ къ Погодину,—„еслибъ я былъ ближе къ вашимъ библіотекамъ!“ По поводу этого восклицанія Погодинъ сдѣлалъ воззваніе къ соотечественникамъ обратить вниманіе „на всякіе сборники, въ особенности на такъ-называемые торжественники, для отысканія сокровенныхъ тамъ драгоцѣнностей“. Какъ бы въ отвѣтъ на это воззваніе, Бодянскій въ одномъ Сборникѣ Библіотеки Царскаго открываетъ: „два Слова съ надписью: *творено Климентомъ епископомъ*“. Въ томъ же Сборникѣ и тѣмъ же Бодянскимъ найденъ переводъ *Посланія блаженнаго папы Леонта;* а въ томъ Сборникѣ Царскаго же, въ которомъ Кубаревымъ открыта *Похвала Владиміру* Ярославова времени, Бодянскому посчастливилось найти одну статью, переведенную для Николы Святоши, князя Черниговскаго.

Въ это же время и самому Погодину посчастливилось сдѣлать важныя открытія въ области нашихъ Древностей. Такъ, въ одномъ харатейномъ Сборникѣ библіотеки Лобкова найдено имъ слово Иларіона, митрополита Кіевскаго, современника Ярослава I Мудраго.

„Вы какъ-то“, писалъ ему Горскій,—„объявили въ своемъ журналѣ о поученіяхъ митрополита Русскаго Иларіона. Какія это поученія? И много ли ихъ? Не тѣ ли, изъ которыхъ Грозный въ извѣстномъ посланіи къ Кирилловской братіи приводитъ обширные отрывки подъ именемъ Иларіона Великаго, хотя на Греческомъ ихъ не видно? — Эти отрывки всѣ принадлежатъ, сколько извѣстно по рукописямъ, къ одному поученію; впрочемъ иногда, какъ видно по одному списку у Востокова, это поученіе раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ бесѣдъ для чтенія при богослуженіи. Вполнѣ это поученіе

весьма обширное, и другое гораздо короче—напечатаны были въ такъ-называемомъ *Потребникѣ Иноческомъ*, въ которомъ самъ я читалъ оба поученія.—Не знаю, точно ли принадлежатъ они митрополиту Иларіону. Но я имѣю въ виду другіе памятники—съ именемъ митрополита Иларіона, которые, если Богъ дастъ, и надѣюсь представить въ нашемъ изданіи".

Въ другомъ Сборникѣ Погодинъ открываетъ *Церковный Уставъ* князя Новгородскаго Всеволода-Гавріила Мстиславича, данный имъ около 1135 года Новгородскому владыкѣ или Софійскому собору. Извѣщая объ этомъ своемъ открытіи, Погодинъ писалъ: „Этотъ уставъ гораздо полнѣе Владимірова и Ярославова, и между прочимъ заключаетъ полное объясненіе слову *изгой*, приводившему такъ долго въ затрудненіе толкователей *Русской Правды*. Объясненіе найдено ученикомъ моимъ И. Д. Бѣляевымъ, который обѣщаетъ трудолюбиваго и полезнаго дѣлателя на полѣ Русской Исторіи" [105]). Въ этомъ Уставѣ *изгои* поставлены между *церковными людьми*: игумены, игуменьи, попы, діаконы и дѣти ихъ; „а кто въ крылосѣ: попадьи, чернецы, черницы, паломники, свѣщегасы, стражники, слѣпцы, хромцы, вдовицы, пущеники, задушные люди, *изгойскіи* (*изгои* трои): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства, купецъ должаетъ; а се и четвертое *изгойство* и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ" [106]). Между тѣмъ Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „Бѣляевъ возвратилъ рукопись и указалъ мѣсто, гдѣ объясняются *изгои*. Жаль было, что давалъ ему рукопись, не прочтя самъ прежде" [107]).

XXVII.

Въ одной пергаментной лаврской рукописи XIV вѣка, именуемой *Златая Цѣпь*, ректоръ Московской Духовной Академіи архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій, имѣлъ счастіе открыть *четыре*

слова преподобнаго отца нашего Серапіона, драгоцѣнный памятникъ нашего древняго просвѣщенія. Это счастіе выпало на долю Филарета предъ самымъ разставаніемъ его на вѣки съ Московскою Духовною Академіею: 21 декабря 1841 года онъ возведенъ въ санъ епископа Рижскаго.

До сего Серапіонъ, игуменъ Кіево-Печерской обители, а потомъ епископъ Владимірскій, былъ извѣстенъ только по лѣтописи, какъ „мужъ зѣло учительный и сильный въ Божественномъ Писаніи“, скончавшійся въ 1275 году. Теперь же онъ сталъ извѣстенъ не по одному только отзыву лѣтописца, но и какъ проповѣдникъ, „дышащій силою сердечнаго краснорѣчія и блистательный по ясному разумѣнію Евангельскаго ученія“ [108]).

Съ 1843 года при Московской Духовной Академіи стали издаваться *Прибавленія къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ въ Русскомъ Переводѣ*. Извѣщая объ этомъ предпріятіи Академіи, Горскій писалъ Погодину, что въ этомъ изданіи будутъ помѣщены *слова Серапіона*.

Это открытіе сильно взволновало Погодина, и онъ сталъ умолять и Филарета, и Горскаго о напечатаніи этихъ словъ въ *Москвитянинѣ*. Филаретъ сначала далъ ему условный отвѣтъ. „Касательно имѣющихся у меня *словъ Серапіона*“, писалъ онъ, — „положено мною твердое намѣреніе напечатать ихъ въ первыхъ же листахъ журнала нашего. Объ этомъ говорено Митрополиту. Ежели сверхъ ожиданій моихъ откроется препятствіе для меня къ напечатанію: даю вѣрное слово—прислать ихъ къ вамъ и даже буду просить усердно, чтобы напечатали вы драгоцѣнную древность въ вашемъ журналѣ“. Но Горскій, уже безъ всякой условности, а прямо писалъ Погодину: „Простите меня, что не могу послать вамъ списка Серапіоновыхъ проповѣдей. Представляю вамъ на то уважительныя причины, хоть чувствую, что этимъ не удовлетворю совсѣмъ вашимъ желаніямъ. Мои причины слѣдующія: 1) списокъ этихъ проповѣдей уже поступилъ въ редакцію нашего журнала, и предположено напечатать ихъ въ первыхъ

его книжкахъ. 2) Они уже извѣстны нашему Владыкѣ, были на его разсмотрѣніи. Въ-третьихъ, представлю вамъ на уваженіе нашу скудость и припомню вамъ притчу Пророка Нафана объ агнцѣ, взятомъ богачемъ у бѣднаго. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ снисхожденіи. Еслибы проповѣди эти только извѣстны были здѣсь преосвященному Филарету *) и мнѣ, то я не усумнился бы передать вамъ. Но теперь иное дѣло. Вашъ *Москвитянинъ* такъ богатъ прекрасными статьями по всѣмъ частямъ, что можно будетъ ему обойтись и безъ этого. Дайте же мнѣ вѣрить, что этотъ случай не оставитъ никакой тѣни неудовольствія въ душѣ вашей“.

Погодину было, кажется, непріятно, что объ его домогательствахъ напечатать слова Серапіона въ *Москвитянинѣ* было извѣстно въ Духовной Академіи; а потому Горскій писалъ ему успокоительно: „Согласитесь со мною, что нечестно было бы для меня вести дѣло о Серапіонѣ тайно отъ своихъ. Посему я и теперь пишу отъ своего общества, что намъ нельзя, по совѣсти, передать въ вашъ журналъ слова Серапіона. Мы обязаны заботиться, чтобы дѣло, намъ предоставленное, ведено было, сколько въ силахъ нашихъ, лучше, хотя и не имѣемъ въ виду обыкновенныхъ журнальныхъ разсчетовъ. Развѣ предпріятіе наше совсѣмъ разрушится: тогда не имѣемъ болѣе права удерживать въ рукахъ своихъ общее сокровище. Наша медленность не совсѣмъ зависитъ отъ насъ. При вашей свободѣ, мы, можетъ быть, давно уже, съ помощію Божіею, что-нибудь издавали. Слова Серапіона, лежавшія въ неизвѣстности четыре столѣтія, можетъ быть, не обратили бы на себя вниманіе и еще нѣсколько лѣтъ—безъ любознательной изыскательности бывшаго нашего о. Ректора. *Слова святыхъ, какъ мощи, въ свое время являются и чрезъ избранныхъ людей являются*. Въ вашей, впрочемъ, волѣ—наказать нашу медленность. Можетъ быть, найдется и болѣе четырехъ намъ извѣстныхъ словъ св. Серапіона. Вамъ будетъ

*) Епископу Рижскому.

предоставлено пополнить открытіе. Мы къ этому уже не имѣемъ средствъ" [109]).

Какъ бы то ни было, всѣ четыре слова Серапіона были напечатаны, по благословенію митрополита Филарета, съ Русскимъ переводомъ, въ первой части *Прибавленій къ Твореніямъ Св. Отцовъ*. Въ заключеніи *Изысканія о Русскомъ проповѣдникѣ XIII вѣка, Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ*, сказано: „Четвертое слово преподобнаго Серапіона особенно можетъ служить указаніемъ на образованность Пастыря Россійской Церкви XIII вѣка. Въ семъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ слѣпыхъ суевѣровъ, убивавшихъ волхвовъ и волшебницъ по самымъ страннымъ причинамъ. Обличеніе его исполнено ума и вполнѣ согласно съ духомъ Откровенія. Читая сіе обличеніе и обращаясь мыслію на Западъ того вѣка, видишь и изумляешься, какое разстояніе отдѣляло тогда Западъ отъ свѣтлаго Востока! Что дѣлалось на Западѣ въ XIII вѣкѣ? На кострахъ горѣли волхвы по распоряженію епископовъ Запада! Благословенъ Господь Богъ, благоволившій хранить свѣтъ Свой въ Церкви Россійской при посредствѣ свѣтильниковъ Своихъ..." [110]).

Посылая Погодину первую часть *Прибавленій*, Горскій писалъ: „Прошу покорнѣйше принять отъ меня экземпляръ нашего журнала въ благодарность за вашего *Москвитянина*, которымъ пользуюсь уже другой годъ. Я назвалъ книгу журналомъ; это хотя и принятое у насъ, но неправильное названіе для нашего изданія. Журнальнаго въ немъ нѣтъ ничего. Тѣмъ не менѣе просимъ вашего вниманія и рекомендаціи публикѣ. Изъ нынѣшней подписки видно, что принимаютъ участіе въ семъ изданіи не только духовныя, но и многія свѣтскія лица, жаждущія христіанскаго чтенія. Съ вашею же рекомендаціею онъ скорѣе явится и въ ученомъ мірѣ. Главное въ немъ состоитъ въ самомъ переводѣ, желательно, чтобы обратилъ на эту сторону кто-нибудь изъ знатоковъ Греческаго языка. Какъ трудно было совмѣстить краткость и сжатость, и отдѣлку мастерскихъ произведеній Гри-

горія съ требованіями языка, на которомъ сдѣланъ переводъ, и который не долженъ быть ни слишкомъ Словенскимъ, ни легкимъ свѣтскимъ“.

Въ это время и Погодину посчастливилось сдѣлать важное открытіе въ области Древней Письменности. Князь М. А. Оболенскій въ *Москвитянинѣ* напечаталъ слово Св. Кирилла. Это слово заимствовано имъ изъ *Сборника*, ему принадлежащаго, писаннаго полууставомъ XV вѣка, въ листъ, на 409 листахъ, въ два столбца, и имѣющаго слѣдующее заглавіе: *Сія книга именуется Жемчугъ и Матица Златая.* Вотъ этотъ-то *Сборникъ* и удалось пріобрѣсти Погодину посредствомъ обмѣна у князя Оболенскаго.

Въ богатомъ Собраніи Рукописей П. И. Савваитова хранится письмо Погодина къ Сахарову, въ которомъ заключаются любопытнѣйшія подробности объ этомъ пріобрѣтеніи *). „Что со мною дѣлается“, писалъ Погодинъ, – „ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать. Боюсь съ ума сойти. Разскажу сперва, какъ охотнику, комедію свою съ княземъ Оболенскимъ.

Привозитъ онъ ко мнѣ слово Кирилла, приготовленное имъ для *Москвитянина*, съ краткими замѣчаніями. Меня не было дома: я ѣздилъ къ Медынцеву за остальнымъ Евангеліемъ. Онъ оставилъ у меня статью, и *Сборникъ*, изъ котораго взялъ слово. Возвращаюсь я домой, перебираю *Сборникъ* по листамъ, нахожу чудеса (о коихъ послѣ), и распаляюсь. Всю ночь не спалъ: то Оболенскій подскочитъ въ глаза, то *Сборникъ.* По утру пишу записку: что хотите, возмите, а *Сборникъ* мнѣ отдайте. Пойду хоть на семь лѣтъ въ батраки, какъ Іаковъ къ Лавану. Везу записку на воды, чтобъ передать ее чрезъ брата Оболенскаго. Братъ не пріѣхалъ. Отпивъ свои шесть стакановъ, скачу къ Оболенскому. Отдайте *Сборникъ.* „Нельзя—помилуйте и проч.“ Что хотите, возмите, отдайте

*) Долгъ признательности обязываетъ меня принести глубочайшую благодарность многоуважаемому Павлу Ивановичу Савваитову за сообщеніе мнѣ собственноручно сдѣланной имъ копіи съ подлинника этого драгоцѣннаго письма.

Сборникъ. „Ей Богу нельзя; я предназначалъ его пожертвовать въ библіотеку Архива“. Архиву *Сборникъ* некстати: онъ больше литературный, а въ Архивѣ надо сбирать историческое. „Хорошо, я отдамъ вамъ *Сборникъ*—отдайте мнѣ на выборъ любую историческую рукопись изъ вашей библіотеки“. „Извольте—пріѣзжайте ко мнѣ“. „Въ 5 часовъ“.

Возвращаюсь домой, посмотрѣлъ на свои рукописи, варомъ облило по сердцу, ну какъ онъ возметъ эту, или эту... и въ глазахъ потемнѣло. Дай отберу лучшія и назову ихъ завѣтными. Началъ отбирать, и испыталъ все то, что перечувствовала жена бургомистра въ драмѣ Коцебу *Гусситы* подъ Наумбургомъ, которой позволено было оставить себѣ въ живыхъ одно дитя изъ всего семейства, обреченнаго на казнь. Я не могъ исключить никакой рукописи, оставайтесь же всѣ, и пріѣзжаетъ Оболенскій. Вотъ въ какомъ положеніи застаете вы меня. Возмите ключи, смотрите,—и злодѣй взялъ ножъ, и началъ рѣзать мое тѣло. Между тѣмъ пріѣхали Шевыревъ и Мельгуновъ, и я ушелъ съ ними. Черезъ два часа приходитъ къ намъ Оболенскій, и несетъ въ одной рукѣ постановленія соборовъ Русскихъ въ двухъ частяхъ (изъ Строевской библіотеки), а въ другой Лѣтопись на 800 стр. in 8°.— „Вотъ двѣ вещи, отдайте которую нибудь изъ нихъ. Я даю вамъ на выборъ“.—То-есть, вы хотите выколоть мнѣ глазъ, и предоставляете: правый или лѣвый. Нѣтъ, я не могу. Лѣтописи этой я не разсматривалъ еще, но я чувствую, что она лучшая въ моемъ собраніи. Возмите любой хронографъ. „У меня много“. Ну, степенную книгу. „У насъ пять“.—Возмите хронографъ, принадлежавшій Татищеву съ его подписью. „Все равно, хронографовъ не надо“. Пойдемте же смотрѣть вещи. Не понравится ли что изъ вещей. Вотъ чарочка Мароы. „Да не посадницы“. Вотъ печать царя Алексѣя Михаиловича. „Она кажется подложная“.—Ну вотъ пятый томъ Татищева. Татищева отдамъ. „Нѣтъ не возьму. Если хотите, отдайте мнѣ собраніе ваше печатей“. Помилуйте—у меня собраніе гривенъ, рублей, крестовъ, николъ, знаменій,—

ну какъ же я останусь безъ печатей. Возмите половину печатей. „Половины мнѣ мало. Я хочу собрать въ Архивѣ государственныя печати, и къ нимъ хорошо бы присоединить частныя, такъ надо побольше". Пойдемте опять въ библіотеку. Мнѣ принадлежитъ шесть лѣтописей въ Археографической Коммиссіи. Я ихъ не видалъ, и слѣдовательно не приросло къ нимъ мое сердце. Возьмите оттуда любую. „Онѣ уже въ Архивѣ нашемъ. Въ нихъ новаго уже нѣтъ. Я несогласенъ. Въ доказательство, что мое дѣло здѣсь сторона, я предлагаю вамъ написать на вашей Лѣтописи, что вы жертвуете ее въ Архивъ". Пишите, пожалуй, вы сами на *Сборникѣ*, что жертвуете его въ будущую Московскую библіотеку. И какая же жертва, если я мѣняюсь. Ну, дайте мнѣ ее прочесть на три дня. „Нѣтъ, если вы отдадите ее мнѣ черезъ три дня, значитъ, что она не заслуживаетъ особеннаго вниманія". Ну, я пересмотрю ее по крайчей мѣрѣ теперь. Началъ пересматривать. Вѣдь 800 страницъ! „Въ моемъ сборникѣ 400, за то въ два столбца".—Смотрите, какое письмо чистое. „А у меня старше". Мелькнуло мнѣ имя Александра и Исаакія, ну, думаю, это *Софійскій Временникъ*, отдамъ, а черезъ нѣсколько страницъ показалось посланіе Симона митр*ополита* о вдовыхъ попахъ, котораго не помнится мнѣ въ *Софійскомъ Временникѣ*, опять стало жалко. Между тѣмъ ударило уже 11 часовъ. Оболенскій беретъ въ руки *Сборникъ* и говоритъ: „ну, рѣшайте: моя Лѣтопись, вашъ *Сборникъ?*" Нате, мой *Сборникъ*, ваша Лѣтопись.—Садитесь же, господа! Кошка играла долго мышью, теперь потѣшусь и я! Слушайте, что есть въ моемъ *Сборникѣ*, вымѣненномъ у князя М. А. Оболенскаго. „Слышите князи, противящеся старѣйшей братьи и рать воздвижуще, и поганыя на свою братью возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмъ судищи, како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятіе власти, но отъятіе живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь пріемлете отъ поганыхъ на свою братью, etc. etc. ....

Скажу же вы притчю о семъ, не въ чюжѣ странѣ бывшю: Давидъ Святославичь... тотъ Давидъ ни съ кѣмъ не имѣаше вражды etc. etc. враждующи на братью свою, и на единовѣрникы своя, въстрепещете, въсплачете предъ Богомъ, пакы славы отпадаете за злопомненіе" etc. Слово произнесено въ день Бориса и Глѣба, укоризненное князьямъ за междоусобія и призываніе Половцевъ!!

Мой Оболенскій затихъ, затихъ.... Ну, просмотрѣлъ я это слово, воскликнулъ онъ наконецъ со вздохомъ. Шампанскаго! Поздравимте, господа, князя съ Лѣтописью! Это еще не все. Я сдѣлалъ шестнадцать замѣтокъ въ Сборникѣ, да выдернулъ ихъ ожидая Князя, чтобъ онъ не слишкомъ возвысилъ свое требованіе. Вотъ онѣ всѣ сполна, и страницы записаны на особомъ лоскуткѣ. Читайте. Стр. 4. Вотъ, стр. 21. Вотъ-то! Вотъ ужъ поторжествовалъ-то!

Мы простились, давши слово опять собраться для празднованія открытій въ Лѣтописи.

Однако-же я не спалъ опять ночь. Чортъ знаетъ при водахъ какъ всякое волненіе увеличивается. На другой день по утру опять къ Оболенскому, не нашелъ ли онъ чего. Есть прибавочки хорошенькія о Новгородскихъ и Псковскихъ происшестіяхъ, но все не такъ важныя какъ въ *Сборникѣ*. Моя Лѣтопись продана человѣкомъ князя Якова Өедоровича Долгорукаго, слѣдовательно принадлежала ему. Жаль ея, но дѣлать нечего. Онъ далъ мнѣ потомъ описаніе своего сборника, сдѣланное за два года, и потомъ позабытое.

Этого мало. Въ тотъ же вечеръ, то-есть на другой день, началъ я перебирать еще *Сборникъ*. (При питіи водъ не велятъ вѣдь заниматься серьезными дѣлами), и нашелъ четырнадцать словъ, говоренныхъ до Монголовъ!! Вотъ уже не опомнился-то! *).

*) Приписки, сдѣланныя къ письму Погодинымъ:

Катал. Синод. Библ. присылайте ко мнѣ: вѣдь вы выпросили его у Большакова на время, и обѣщались, сдѣлавъ выписки, прислать. Да возвратите что у меня взяли. Мнѣ надо имѣть все на лицо при...

На третій (день) нашелъ житіе Бориса и Глѣба, помѣщенное въ Степенной, но съ такими словами, кои показываютъ что оно сочинено по горячимъ слѣдамъ, почти современникомъ, и вѣрно Іаковомъ, о которомъ я послалъ еще лѣтомъ изслѣдованіе въ Одессу. Ему же принадлежитъ похвала Владиміру и житіе Владиміра и письмо къ Димитрію-Изяславу.

А о Прологѣ XIV вѣка въ листъ ужасной величины на пергаментѣ я писалъ?

Ну, уже задалось лѣто! Слава въ вышнихъ Богу!

Въ отвѣтъ на это письмо Сахаровъ писалъ Погодину: „Жаль мнѣ было, что вы промѣняли *Лѣтопись* Оболенскому на *Сборникъ*. Что это за сокровище въ *Сборникѣ*? Неужели въ немъ такія рѣдкости, что доселѣ никто не зналъ. Дай Боже! Пускай клеветники умолкнутъ себѣ; пускай они кричатъ, что у насъ нѣтъ ничего; нѣтъ литературы нашихъ отцовъ. Помогай Богъ вамъ. Не позабудьте одного: на васъ, какъ на представителѣ, лежитъ теперь великая отвѣтственность: возстановить опозоренную честь нашихъ отцовъ глупыми скептиками и новыми безграмотными фанатиками грязнаго Запада. Пускай ваша библіотека будетъ для нихъ убійственнымъ мечемъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего каталога. Онъ для меня будетъ дороже золота; безъ него, какъ безъ рукъ—мнѣ дѣлать нечего. Легко сказать: тысяча двѣсти сочи-

---

Когда же я дождусь каталога Актовой. Я кончилъ бы дѣло разомъ. Пришлите.

— За Венеціи по двѣсти сереб. за штуку. Разорился и надо собирать. Если согласенъ Кастеринъ, возмите Псалтирь у Вл. Ив.; а если нѣтъ, пришлите обѣ назадъ.

— Строевъ начинаетъ сочинять мой каталогъ съ 8 сентября. Совѣтую вамъ подождать, ибо у меня дѣйствительно вещи собрались чудесныя.

— Неужели у Саламатова все пустяки?

— (послѣ Изяславу): Я не понимаю, чего смотрѣли тѣ господа, у коихъ перебывали въ рукахъ наши Лѣтописи, видяще не видѣли! Я чуть прикоснусь теперь, какъ нахожу сокровища!

— (послѣ: Богу): Прощайте. Ваши работы о книгѣ хороши. За библіотеки спасибо. Замѣтки прекрасны, лучше всего, что вы издали. Вотъ такъ продолжайте, а колобродить перестаньте. Пора остепениться.

— Да гдѣ же каталогъ Актовой? Пришлите.

Вашъ П.

ній и переводовъ съ XI до XVIII—находится въ нашихъ библіотекахъ. Когда кончу свой указатель, тогда можно будетъ расправляться и съ скептиками, и съ фанатиками. Улики на лицо, и на языкъ положу имъ печать вѣчнаго молчанія. Отцы наши долго спорили съ скептиками, и споръ кончился ничѣмъ. Надобно было указать всѣ факты, и этого старые защитники не сдѣлали. Новые фанатики безграмотны, и съ ними спорить смѣшно; для нихъ надобно выставить все на показъ. Пробьюсь года два надъ указателемъ, не пожалѣю ни время, ни трудовъ; пріѣду и къ вамъ въ Москву порыться". Въ то же время Сахаровъ сообщалъ Кубареву (28 сентября 1843 г.): „М. П. Погодинъ писалъ мнѣ съ восторгомъ о вымѣненномъ Сборникѣ отъ Оболенскаго. По его словамъ, въ этомъ Сборникѣ сохранились и поученія, говоренныя до Татаръ. Если это такъ, то это возстановитъ во многомъ нашу грамотность и подниметъ нашихъ отцовъ на лучшую степень знаній" [111]).

Своею радостью Погодинъ подѣлился и съ Бодянскимъ. „Боже мой! Боже мой!"—восклицалъ онъ въ письмѣ къ нему, „нашелъ слово упрека князьямъ за междоусобіе, два Псалтыря и собраніе словъ (всѣхъ двѣнадцать), заключающее почти цѣлый курсъ нравоученій о князьяхъ, о челяди, о... и проч.!!!" [112]).

О своемъ драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи, Погодинъ, чрезъ *Москвитянина* не замедлилъ довести до всеобщаго свѣдѣнія. Это Слово, писалъ Погодинъ—драгоцѣнно, во-первыхъ, какъ древній памятникъ Словесности. Оно, безъ сомнѣнія, говорено до Монголовъ, о коихъ помину нѣтъ, при Половцахъ, коихъ и надо разумѣть подъ погаными, призываемыми отъ князей другъ на друга. Монголовъ подъ погаными разумѣть нельзя, ибо по ходу и смыслу всего Слова видно, что земля Русская была свободна; притомъ во время Монголовъ поздно уже было вспоминать о Давидѣ Святославичѣ, умершемъ въ 1123 году, и вышедшемъ изъ народной памяти. Преподобный Святоша, упоминаемый въ Словѣ, служитъ указаніемъ времени: онъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1142 году, и

причтенъ къ лику святыхъ, вѣроятно, не близко своей кончины, какъ и самые Борисъ и Глѣбъ; слѣдовательно, Слово говорено когда-нибудь въ продолженіе послѣдней четверти XII и первой XIII столѣтія. Во-первыхъ, это Слово драгоцѣнно, какъ свидѣтельство высокаго, благороднаго участія Духовенства въ дѣлахъ Князей, которыхъ они торжественно въ церкви, по праздникамъ, учили добру и упрекали во злѣ, ко благу отечества. Въ третьихъ, это Слово драгоцѣнно, какъ свидѣтельство, что *Степенная Книга* составлялась, кромѣ эпохи основанія государства, изъ документовъ историческихъ, древнихъ и подлинныхъ, а не выдумывалась, какъ многіе у насъ полагаютъ со временъ Шлецера: она заключаетъ въ себѣ извѣстіе о Давидѣ Святославичѣ слово въ слово изъ этой проповѣди“ [113]).

Извѣщая о томъ же Горскаго, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его сообщить ему для сличенія Лаврскую *Златую Цѣпь*, въ которой открыты слова Серапіона. „Не знаю“ — писалъ ему Горскій, „удовлетворю ли васъ отвѣтомъ, что по здѣшнимъ правиламъ никакъ нельзя рукопись отпускать въ гости. Но для меня эти правила непреложны“. Вмѣсто присылки самой рукописи, Горскій прислалъ Погодину подробное описаніе всѣхъ статей въ ней содержащихся и при этомъ писалъ: „Радуюсь отъ всей души вашимъ открытіямъ. Дорожу каждой строкою оныхъ. Видно въ нѣдрахъ Земли Русской хранится не одинъ самородокъ золота. Я здѣсь перечитываю, пересматриваю свои Лаврскія рукописи. Оказывается, что у насъ, едва ли не съ изначала, былъ свой курсъ проповѣдей на цѣлый годъ, и, кажется, не одинъ. Что это было издревле, на это служатъ доказательствомъ опроверженія въ нѣкоторыхъ словахъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ. Что это былъ цѣлый рядъ проповѣдей, это видно изъ ихъ правильной преемственности по времени въ рукописяхъ. Что такой порядокъ поученій былъ не одинъ, это доказывается тѣмъ, что не во всѣхъ рукописяхъ встрѣчаются однѣ и тѣ же поученія. Правда, многія изъ сихъ поученій надписываются именами какихъ-нибудь великихъ учителей Греческихъ, напр., Златоуста, Василія Ве-

ликаго и др. Но сличеніе съ извѣстными твореніями сихъ мужей, простой складъ рѣчи, легкой, не переводной, краткіе періоды, разсужденіе въ одномъ поученіи о многихъ предметахъ, и при всемъ томъ краткость въ сравненіи съ Греческими словами и бесѣдами, указанія на народные обычаи, часто даже ссылки на самихъ учителей Церкви, все это обличаетъ во многихъ поученіяхъ, приписываемыхъ не Русскимъ, Русскихъ проповѣдниковъ.

Наши русскіе проповѣдники любили говорить притчами, составляя ихъ сами болѣе или менѣе искусно. Опытъ этого можно видѣть и у Кирилла Туровскаго. Отъ чего же произошло такое смѣшеніе? — Происхожденіе нѣкоторыхъ словъ такого рода можно объяснить тѣмъ, что первоначально составлены были извлеченія изъ писаній Восточныхъ Отцевъ на каждый воскресный день и на другіе праздники, по примѣру печатаемаго слова Кирилла Туровскаго; къ заимствованному изъ Златоуста или изъ другого какого-либо учителя Церкви проповѣдникъ прибавлялъ свое вступленіе, свое заключеніе. Отъ того его слово, по главному содержанію, не принадлежало собственно ему и надписывалось именемъ того Учителя Церкви, которымъ онъ пользовался. Здѣсь Русскій цвѣтъ отражается болѣе только въ этихъ придаточныхъ статьяхъ. Но по примѣру сихъ словъ, или потому, что вмѣстѣ съ такими словами стояли въ первыхъ собраніяхъ поученія, избранныя изъ какого-либо Отца, и собственно Русскія, или Словенскія стали подписываться такими же именами, хотя не принадлежали нисколько Златоусту или кому другому изъ Греческихъ Отцевъ. Русскому проповѣднику нуженъ былъ авторитетъ, который и давало ему имя великаго учителя. Его оправдывала въ семъ случаѣ та мысль, что онъ пользуется симъ именемъ не для себя, не для своихъ выгодъ, но для блага своихъ ближнихъ, что его ученіе дѣйствительно одно и то же съ ученіемъ древнихъ Отцевъ Церкви. Я видѣлъ Слово, которое надписывается такъ: *Слово Исаіи Пророка, истолковано Иваномъ Златоустомъ*, о поставляющихъ вторую трапезу

роду и рожаницамъ. Все оно направлено противъ извѣстнаго суевѣрія народнаго, которое обличается еще въ отвѣтахъ Нифонта Кирику, въ Словѣ нѣкоего Христолюбца. Между тѣмъ оно приписывается Пророку Исаіи, потому что его слова противъ требъ языческихъ приводятся противъ нашихъ народныхъ суевѣрій, а имя Златоустаго здѣсь употреблено едва ли не какъ имя наилучшаго толкователя".

Погодинъ поспѣшилъ дать гласность этому важному письму въ своемъ журналѣ, и съ своей стороны замѣтилъ по поводу его: „Вотъ прекрасная задача для нашихъ духовныхъ ученыхъ: сличить всѣ древнія проповѣди, разсѣянныя въ сборникахъ, торжественникахъ, прологахъ, житіяхъ, съ Греческими подлинниками, и сказать, которымъ ихъ не найдется. Филологи, получивъ эти указанія, приложатъ свои доказательства, какія слова носятъ на себѣ признаки сочиненія, и какія обличаютъ переводъ; къ какому времени принадлежатъ они, судя по тѣмъ или другимъ оборотамъ. Историки заберутъ справки, сообщатъ извѣстія по лѣтописямъ, кто въ такое-то время извѣстенъ былъ познаніями или краснорѣчіемъ и тому под. Раздѣленіе труда въ настоящемъ состояніи Русской Исторіи необходимо, и очень безразсудны, близоруки тѣ, которые думаютъ одни сдѣлать все, которые полагаютъ, что никто кромѣ ихъ ничего дѣлать не можетъ. Судьба за то и наказываетъ ихъ, посылая драгоцѣннѣйшіе важнѣйшіе документы, противъ коихъ иной томъ ничего не значитъ, въ руки скромныхъ, искреннихъ друзей Русской Исторіи. Всякому свое! Ты хорошій *корректоръ*—благодарность тебѣ, и честь, и слава, за исправную корректуру, но не берись говорить объ учености, въ коей ты аза не знаешь! Не смѣй толковать вкось и впрямъ о классическихъ изданіяхъ, которыхъ ты не видывалъ. Ты вѣрный *читальщикъ* — благодарность тебѣ, и честь, и слава, за пріобрѣтенное искусство, приносящее столько пользы наукѣ; но не думай, чтобъ никто другой не умѣлъ читать, какъ и ты, и будь увѣренъ, что хорошо прочтенное тобою другой можетъ понять и оцѣнить иногда лучше тебя.

Выходи сто дѣлателей на поле Русской Исторіи, и всякому найдется довольно дѣла, и всякій можетъ дѣлать открытія, и снискать себѣ честь и славу, принести пользу! Одинъ найдетъ, а другой оцѣнитъ, растолкуетъ, почему найденное важно. Кто любитъ Исторію, тотъ радъ открытію, не заботясь, самому ли посчастливилось сдѣлать его, или другому“ [114]).

Замѣчаніе Погодина о *корректорахъ* и *читальщикахъ* за живое задѣло одного изъ главныхъ дѣятелей Археографической Коммиссіи Я. И. Бередникова. „Онъ“, писалъ Сахаровъ Кубареву, „дышетъ на Погодина адскою злобою и подкапывается подъ него всѣми силами въ надеждѣ на князя Ширинскаго-Шихматова. Недавно онъ выпустилъ по рукамъ статью: о сродствѣ Погодина съ Устряловымъ — какъ историковъ и себѣ на умѣ—скопилъ деньги. Слава Богу, что Погодинъ ничего этого не знаетъ, а то его горячность надѣлаетъ много шума. Бередниковъ видитъ въ васъ противника своей глупой и безграмотной системы и всячески старается уронить васъ въ глазахъ безграмотныхъ судей. Приказный сенатскій, крючекъ литературный, онъ ясно понялъ, что борьба печатная его уничтожитъ, такъ избралъ навѣрное нашептывать о другихъ судьямъ и раздавателямъ наградъ все худое, будучи увѣренъ, что такіе судьи ничего печатнаго не читаютъ... Строевъ вытащилъ его изъ грязи сенатскихъ писцовъ, а онъ же оклеветалъ его и теперь ѣздитъ на немъ верхомъ. Созданіе перехитрило своего создателя“ [115]).

Когда это письмо Сахарова Кубаревъ прочелъ Погодину, то сей послѣдній записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бередниковъ *пышетъ адскою злобою* на меня, вѣроятно за выходку о *корректорахъ и чтецахъ*, которую тайный голосъ не велѣлъ мнѣ помѣщать“ [116]).

XXVIII.

Въ концѣ 1842 года вышло въ свѣтъ *Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума*, составленное А. Х. Востоковымъ.

„Кому дорога Русь святая“, писалъ знаменитому составителю историкъ Русской Церкви Филаретъ, тогда епископъ Рижскій,—„кому дорого все Отечественное, тотъ не можетъ не сказать вамъ отъ души—спасибо. Замѣчанія ваши вводятъ и въ таинства языка, и въ бытъ древній. Какое богатство свѣдѣній для историка и особенно церковнаго историка! Одна изъ странностей нашей Древней Письменности открывается и по вашему *Описанію*: это—охота прикрывать свои сочиненія именами древнихъ Греческихъ учителей“ [117]). Съ своей стороны Погодинъ упросилъ друга и товарища Филарета, Горскаго, заняться разсмотрѣніемъ этого *Описанія*. Горскій согласился, но при этомъ въ письмѣ своемъ къ Погодину заявилъ, что „вниманіе мое болѣе обращено на древнія, церковныя рукописи. Это мнѣ извѣстнѣе и болѣе интересуетъ меня“. Въ томъ же письмѣ, Горскій, вѣроятно, на запросъ Погодина, пишетъ: „О Савваитовѣ знаю, что онъ въ Петербургѣ, но куда поступилъ на службу—мнѣ неизвѣстно“.

Препровождая же свой разборъ: *Описанія рукописей Румянцевскаго музеума*, Горскій писалъ Погодину: „Найдете ли достойнымъ печати и помѣщенія въ вашемъ журналѣ—не знаю. Онъ сдѣлался, кажется, уже слишкомъ спеціальнымъ. Для меня заниматься разсмотрѣніемъ этой книги было весьма пріятно и поучительно: не то, что другими книгами, о разборѣ которыхъ вы прежде писали, и которыя пусть остаются и выходятъ вновь къ наслажденію своихъ читателей. Но такъ ли это будетъ занимательно для другихъ? Думаю, желали бы обозрѣнія и не церковныхъ только рукописей: но я уже отказываюсь отъ труда не по моей части. Вамъ можно будетъ оговориться, что статья сія доставлена любителемъ Русскихъ Церковныхъ Древностей, не выставляя, впрочемъ, моего имени.

Этимъ можетъ отчасти объясниться односторонность обозрѣнія, но, повторю опять, предоставляю на вашу волю печатать или не печатать эту статью. Моя цѣль уже большею частью достигнута—самымъ разсмотрѣніемъ книги“ [118]). Напечатавъ рецензію Горскаго, Погодинъ сдѣлалъ къ ней слѣдующее примѣчаніе: „Нѣкоторые Петербургскіе журналы стараются иногда намекать публикѣ, что *Москвитянинъ* помѣщаетъ статьи ученыя, то-есть, *не* заманчивыя для нея. Это правда, *Москвитянинъ* очень понимаетъ, что такими статьями, какъ разборъ Востоковскаго каталога, а онъ помѣщаетъ два, Филологическихъ Наблюденій, а онъ помѣститъ ихъ нѣсколько, изслѣдованіе о Максимѣ Грекѣ, объ Осадѣ Троицкой Лавры и Замѣчанія на оныя, о сельскихъ условіяхъ, и проч., онъ не привлечетъ къ себѣ многихъ читателей,—но тѣмъ-то онъ и показываетъ свое различіе съ вышеупомянутыми Петербургскими журналами, что заботится не столько о привлеченіи новыхъ читателей, сколько старается обнародовать сочиненія, коими подвигается наука, или приготовляются запасы для ея созиданія. Подать поводъ, заохотить къ изслѣдованіямъ, пробудить наше ученое и педагогическое сословіе къ литературной дѣятельности, обратить вниманіе на вопросы, важные въ нашей жизни, въ нашемъ образованіи и воспитаніи, въ нашихъ понятіяхъ, наконецъ, противостать направленію, которое считаетъ вреднымъ въ литературѣ, вотъ его цѣли, при коихъ онъ охотно предоставляетъ повѣсти, анекдоты, даже цѣлые романы, и смѣсь своимъ Петербургскимъ товарищамъ, а у себя ихъ большею частью только терпитъ, какъ неизбѣжное зло“.

Въ дополненіе къ рецензіи Горскаго А. Ѳ. Бычковъ сдѣлалъ разсмотрѣніе Исторической части *Описанія* Востокова и въ заключеніи своего разсмотрѣнія выразилъ желаніе, чтобы „кто-либо изъ нашихъ ученыхъ принялъ на себя обязанность составить такое же ученое и обстоятельное описаніе рукописямъ, хранящимся въ библіотекахъ Императорской Публичной и Московской Синодальной. Тогда мы получили бы полную

Словенскую Энциклопедію, въ которой заключалось бы обозрѣніе того круга познаній, какой обнимали наши предки; а изслѣдователи Русскихъ Древностей нашли бы въ этихъ двухъ трудахъ богатый запасъ для разработыванія и своихъ ученыхъ изслѣдованій“. Для Шевырева, занимавшагося въ то время Исторіею Древней Русской Словесности, Востоковское Описаніе Рукописей было истиннымъ кладомъ, и онъ радостно привѣтствовалъ явленіе его въ свѣтъ. „Обращаюсь“, писалъ онъ,—„къ лучшей сторонѣ нашей современной Литературы, которая, къ сожалѣнію, заслонена отъ взоровъ публики всею эфемерною литературною промышленностью сѣверной столицы, производящею журналы, иллюстрированныя изданія, повѣсти и сказки на подрядъ, и проч... Все то, что дѣлается въ Россіи для узнанія древняго быта нашего Отечества, все то входитъ въ основы будущаго его развитія по всѣмъ отраслямъ жизни. Приводить въ разумное сознаніе просвѣщенной части народа всѣ коренныя начала его прежняго и настоящаго внутренняго бытія—вотъ главная задача современнаго Русскаго образованія... Ея важность чувствуется во всѣхъ составахъ жизни государственной и народной. Передъ нею ничтожнымъ и мелкимъ кажется все прочее...“ Упомянувъ, что *Москвитянинъ* уже два раза говорилъ объ *Описаніи* Востокова, Шевыревъ продолжаетъ: „Румянцевскій Музеумъ есть вѣчный памятникъ графа Румянцова... Въ Румянцовѣ не угасала эта свѣтлая искра истыхъ бояръ Русскихъ, любовь къ старинной святынѣ до-Петровой Руси... А. Х. Востоковъ отворилъ намъ двери въ тайны рукописныхъ древностей до-Петровой Руси и указалъ на обиліе сокровищъ, которыя здѣсь находятся.... Отворить эти ржавыя, желѣзныя, заложенныя затворами, засовами и увѣшанныя заговоренными замками двери въ нашу Древнюю Русь—подвигъ Геркулесовскій!.. Пора“, говоритъ въ заключеніе Шевыревъ,—„разгадать, въ чемъ заключается и почіетъ первородная, самосущая, Богомъ освященная, Русская народная сила, зерно нашего бытія и нашей жизни. Конечно, не въ старыхъ

формахъ прежняго быта, не въ Русской рубашкѣ и въ Русскомъ кафтанѣ, не въ бородѣ она заключается: она выше всѣхъ формъ и обрядовъ, эта сила почіетъ въ существѣ самого Русскаго духа... Она сказывается намъ во всей жизни Древне-Русской и здѣсь предстаетъ ясными и полными чертами своими. Съ такою-то мыслью мы смотримъ на великій подвигъ Востокова! Для иныхъ его каталогъ есть сухая, мертвая книга, исполненнная заглавій, именъ, выписокъ безъ значенія; для насъ же она—ключъ къ живому познанію той огромной книги, въ которой скрыта великая тайна осьмивѣкового бытія нашей Древней Руси. Немногіе, къ сожалѣнію, постигаютъ у насъ смыслъ этого ключа; но мы въ полной надеждѣ, что съ каждымъ днемъ число такихъ избранныхъ возрастаетъ болѣе и болѣе въ поколѣніяхъ нашего юношества, цвѣтущаго надеждами“ [119]).

Вслѣдъ за *Описаніемъ Рукописей Румянцовскаго Музеума*, Востоковъ издалъ въ 1843 году *Остромирово Евангеліе 1056—1057 года* съ приложеніемъ Греческаго *текста Евангелій и съ грамматическими объясненіями.* „Принимаю сей даръ“, писалъ Издателю Преосвященный Рижскій Филаретъ,— „не иначе какъ за даръ безкорыстнаго служенія вашего Вѣрѣ и народности. Господь воздастъ вамъ за служеніе ваше... Ваше имя будетъ предъ Господомъ на алтарѣ его“ [120]).

Изданіемъ Остромирова Евангелія наука обязана Александру Дмитріевичу Черткову. Присужденная ему въ 1835 году Императорскою Академіею Наукъ половинная Демидовская премія, двѣ тысячи пятьсотъ рублей, за сочиненіе его *Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ*, предоставлена имъ была въ распоряженіе Академіи Наукъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы деньги сіи были употреблены на изданіе въ свѣтъ какой-либо старинной Русской Лѣтописи или другого сочиненія по части Отечественной Исторіи, по выбору самой Академіи. Въ Декабрѣ 1836 года академикъ Ф. И. Кругъ предложилъ Императорской Академіи Наукъ поручить Востокову изданіе въ свѣтъ Остромирова Евангелія, съ назначеніемъ

ему за трудъ сей помянутой суммы, пожертвованной А. Д Чертковымъ.

Это Евангеліе найдено было Яковомъ Александровичемъ Дружининымъ въ покояхъ императрицы Екатерины II послѣ ея кончины и поднесено имъ въ 1806 году императору Александру I, который повелѣлъ хранить оное въ Императорской Публичной Библіотекѣ Неизвѣстно, когда и кѣмъ драгоцѣнная рукопись эта была поднесена императрицѣ Екатеринѣ. Но что она прежде находилась въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, это доказывается надписью крупнымъ скорописнымъ почеркомъ XVI вѣка, на первомъ листѣ, на оборотѣ изображенія Евангелиста Іоанна: *Евангеліе Софѣиское апрокосъ* [121]).

„Это", писалъ Погодинъ,—„древнѣйшій памятникъ письменности въ Россіи Евангеліе писано для Новгородскаго посадника Остромира въ княженіе Изяслава Кіевскаго. Писецъ сохранялъ вѣрно правописаніе своего подлинника, и по филологическимъ изслѣдованіямъ оказывается, что мы слышимъ здѣсь первоначальный языкъ Кирилла и Меѳодія, языкъ, на который переведено Священное Писаніе. Читатели могутъ судить, какова эта драгоцѣнность. Вопросъ, какой былъ это языкъ, какому Словенскому нарѣчію принадлежалъ онъ, не рѣшенъ до сихъ поръ окончательно. Этотъ списокъ, нынѣ изданный, послужитъ надежною точкою отправленія при изслѣдованіяхъ. Ближайшее знакомство со всѣми нынѣ живыми нарѣчіями и показаніе, которое изъ нихъ ближе къ языку Остромирова Евангелія, должно облегчить рѣшеніе. Востоковъ посвятилъ изученію этого памятника нѣсколько лѣтъ и издалъ его ученымъ образомъ, соблюдая строжайшую точность". „Мы можемъ", продолжаетъ Погодинъ,—„указать съ гордостію на изданіе Востокова, которое займетъ достойное мѣсто въ знаменитомъ обществѣ Копитарова *Glagolita Clozianus*, Шафарикова и Палацкаго древнѣйшихъ памятниковъ Чешскаго языка, Калайдовичева Іоанна Экзарха Болгарскаго и Словенской Грамматики Добровскаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ приглашаетъ молодыхъ филологовъ въ свою библіотеку, для под-

биранія варіантовъ къ Остромирому Евангелію изъ его значительной коллекціи Евангелій, харатейныхъ и бумажныхъ“ [122]).

Посылая свое изданіе, Востоковъ писалъ Погодину: „Вотъ Остромирово Евангеліе, столь давно ожидаемое, стоившее мнѣ не малыхъ трудовъ. Я исполнилъ, какъ умѣлъ, порученіе Академіи Наукъ. Будутъ ли довольны моею работою ученые, это покажутъ послѣдствія“ [123]). „Получено Остромирово Евангеліе“, записываетъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*, - „отвезъ Строганову и сказалъ, между прочимъ, что Востокову воздвигнутъ памятникъ лишь только онъ умретъ“ [124]).

Еще въ 1841 году въ Петербургѣ вышелъ въ свѣтъ знаменитый трудъ о. протоіерея Герасима Петровича Павскаго: *Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка.* Разборомъ его занялся И. И. Давыдовъ. 23 февраля 1843 года онъ писалъ Погодину: „Всю масленицу просидѣлъ надъ статьею: боюсь, чтобы она не отзывалась блинами. Съ протоіереемъ возиться не какъ съ своимъ братомъ. Притомъ я только масленицу посидѣлъ надъ этимъ дѣломъ, а онъ, думаю, нѣсколько великихъ постовъ имъ занимался. Пріятно съ такимъ ученымъ было бесѣдовать“. Препровождая Погодину конецъ своей статьи, И. И. Давыдовъ (23 апрѣля) писалъ: „Измучилъ отецъ Протоіерей; съ нимъ толковать трудновато. Надѣюсь, что завтра мы увидимся на экзаменѣ Буслаева“ [125]).

Статья И. И. Давыдова была напечатана въ трехъ нумерахъ *Москвитянина* 1843 года *). Вотъ какія свѣдѣнія объ этой статьѣ находимъ мы въ письмѣ М. Н. Каткова къ А. Н. Попову: „Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у И. И. Давыдова; разговоръ коснулся книги Павскаго. *Что вы о ней думаете?* вопросилъ ученый мужъ. У меня кое-что набросано, отвѣчалъ Буслаевъ. *Принесите мнѣ взглянуть ваши замѣтки.* Буслаевъ ихъ приноситъ — и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ

*) №№ 2, 3 и 5.

удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ *Москвитянинѣ*, въ критической статьѣ, подписанной именемъ И. И. Давыдова" [126]).

XXIX.

Въ то время, когда въ священной оградѣ преподобнаго Сергія, открывались Паннонскія житія св. Словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, слова Серапіона, епископа Владимірскаго, когда въ царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ издавалось въ свѣтъ Описаніе Рукописей Румянцовскаго Музеума, Остромирово Евангеліе, на берегу Чернаго моря, въ Одессѣ, во дворцѣ князя М. С. Воронцова, одинъ изъ учениковъ Погодина, Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, открываетъ драгоцѣнный памятникъ законодательства вѣчевой Руси *Псковскую Судную Грамоту*.

Какъ лучъ солнца это открытіе озарило мрачность души Мурзакевича, который предъ тѣмъ писалъ Погодину: „Ученость и ученость и все изъ дневнаго пропитанія. Неужели судьба обрекла меня на всегдашніе труды изъ дневнаго пропитанія? Сколько ни молилъ добрыхъ людей войти въ мое положеніе, и все напрасно" [127]).

Но вотъ, 19 августа 1843 года, Мурзакевичъ съ радостнымъ чувствомъ извѣщаетъ Погодина: „Мнѣ попался въ руки списокъ полууставный, вѣка, примѣрно XVI; въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ бесѣдъ Максима Грека, помѣщена лѣтопись Нестора, кажется, сходная съ Софійскимъ спискомъ. Послѣ извѣстныхъ словъ: *и давъ имъ* (Новгородцамъ) *правду и оуставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите якоже списахомъ вамъ*—начинается *Русская Правда*. Въ ней имѣется нѣсколько отмѣнъ противъ извѣстныхъ списковъ, и даже послѣ статьи: *о мѣсячномъ рѣзу*, включено подробное изсчисленіе „рѣзъ", и именно „съ овецъ, козъ, свиней назимыхъ, кобылъ, лонскихъ кобылицъ, лонскихъ телицъ, пчелъ,

ржи, немолоченой ржи, полбы немолоченой, молоченаго овса, ячменя молоченаго, немолоченаго жита и сѣна“. Рѣзы сіи Карамзину извѣстны были изъ Горюшкинскаго списка (II, пр. 79). Не помню хорошо: были ль въ подробности они гдѣ-либо напечатаны. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, а также и о слѣдующемъ. Въ этомъ же спискѣ, предъ лѣтописью, помѣщена: *Грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты; и изъ княж Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти Соборовъ и священниковъ и діаконовъ и всего божіа священства всѣмъ Псковомъ на вѣчи. въ лѣто* ҂ѕцє“. Послѣ этого заглавія грамота начинается такъ: „Се судъ княжеи. Ож клѣт покрадут за зомкомъ или сани под полстью или воз подъ титягою, или лодью под полубы. или въ ямѣ или скота оукрадаютъ или сѣно сверху стога имат то все судъ княжои. а продажи ѳ҃ денегъ, а разбои наход грабеж. о҃ гривенъ. а Княжая продажа ѳі҃ денегъ. да д҃ денги. Князю и посаднику. и владычню намѣстнику суд и на суд не судишъ. ни судіямъ ни намѣстнику княжа суда не судише“. и т. д. Изъ 404 примѣч. къ V тому, Карамзина извѣстно было лишь одно окончаніе сей любопытной грамоты. Онъ ее выписалъ изъ *Синодальной лѣтописи подъ № 348*. Исторіографу досталась пятнадцатая часть этой грамоты и притомъ окончательная. Не вѣдаю, зналъ ли онъ ее всю сполна, или только то, что напечаталъ. Необходима справка съ Синодальною лѣтописью № 348. Если въ лѣтописи Синодальной именно то, что напечатано Карамзинымъ (въ V т. 404 пр.), то полезно издать „*Грамоту*“ всю сполна: на что я готовъ. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня въ приступѣ къ печатанію и Русской Правды и Псковской грамоты. Пускай и моя лепта падетъ въ корвану Отечественной Исторіи“.

Печатая это извѣстіе въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ восклицаетъ: „Вотъ драгоцѣнное открытіе: Псковская грамота должна быть очень важна! Юридическій памятникъ изъ XIII и XIV

вѣка. Это такой medius terminus между *Правдою и Уставомъ* Іоанна III, что ученая юриспруденція наша, еслибъ была знакомѣе съ Древнимъ Русскимъ Правомъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ, Римскимъ и Китайскимъ, и еслибъ умѣла цѣнить его памятники, то обезпамятѣла отъ радости“. Въ то же время Погодинъ отвѣчалъ Мурзакевичу, что „справляться въ Синодальной Библіотекѣ трудно, да едва ли и нужно, потому что лѣтопись вѣрно отослана въ Археографическую Коммиссію. Судя же по словамъ Карамзина, въ ней вѣрно нѣтъ этой грамоты, а только одно окончаніе. Еслибъ она была, то Карамзинъ помѣстилъ бы ея содержаніе въ текстѣ“ [128]).

Упрекъ, сдѣланный Погодинымъ Русскимъ юристамъ, оказался не совсѣмъ справедливымъ. Вотъ что читаемъ мы объ одномъ изъ нихъ въ письмѣ Надеждина къ Погодину по поводу находки Мурзакевича. „Вотъ тебѣ замѣчаніе отъ живущаго со мной Неволина. Ты напечаталъ объ открытіи Мурзакевичемъ (?!) Псковской грамоты, которой у Карамзина напечатана только малая часть. Для чего жъ ты ни слова не сказалъ, что эта грамота напечатана еще въ *Актахъ Археографической Экспенденціи* (т. I, № 103)? Тамъ она, сверхъ того, названа Новгородскою, а не Псковскою. Между тѣмъ напечатана не съ выписки Карамзина, а изъ Синодальной Лѣтописи, съ нѣкоторыми варіантами противъ Карамзина“.

Въ томъ же *Сборникѣ* библіотеки князя М. С. Воронцова, въ которомъ помѣщена Псковская Судная Грамота, Мурзакевичъ подъ 6082 годомъ, прочелъ поученіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго братіи *о постѣ*, изъ котораго въ письмѣ къ Погодину онъ приводитъ слѣдующее мѣсто: „Бѣси бо всѣваютъ помышленіе черноцемъ похотѣніе ему лукаво влагающа помыслы и тѣмъ врежаемы бываютъ молитвы. да приходящаи таковыи помыслы возбраняише знаменіем стаго крта. глаголюще сице: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.* И к симъ воздержаніе имѣите от многаго брашна въ еденіи мнозе и въ питіи безмѣрномъ возра-

стаютъ помыслы лукавыя, помысламъ же возрастшимъ сотворитъ грѣхъ".

Вслѣдъ за симъ Мурзакевичъ извѣщалъ Погодина: „Мои открытія: Псковскіе законы, варіанты Правды и подробности о кончинѣ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго графъ Воронцовъ издаетъ въ свѣтъ на свой счетъ. Онъ пишетъ изъ Рима и желаетъ, чтобы я всѣ поразобралъ его манускрипты и все новое издавалъ бы въ свѣтъ выпусками. На что я готовъ всеохотно".

По распоряженію Виленскаго губернатора Семенова въ 1843 году были изданы Древніе грамоты и акты Виленской губерніи. Вырученныя изъ продажи деньги назначались „къ возстановленію перваго христіанскаго храма въ Вильнѣ, основаннаго въ XIV вѣкѣ Русскою княгинею, бывшею въ супружествѣ за Ольгердомъ". Прося содѣйствія Погодина къ распродажѣ книги, Семеновъ писалъ ему: „Кромѣ Пятницкой церкви, были и другіе православные храмы въ Вильнѣ, числомъ до двадцати. Касательно построенія бывшаго Православнаго Собора въ Вильнѣ замѣчательно слѣдующее обстоятельство: когда лучъ Христіанской вѣры первоначально проникнулъ въ Русь изъ Царьграда, то соборные храмы въ Кіевѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ основаны были по примѣру Царьграда во имя св. Софіи; но впослѣдствіи, когда христіанство распространилось на сѣверѣ, тогда въ Москвѣ, Ростовѣ и другихъ окрестъ Москвы лежащихъ городахъ соборные храмы основаны во имя Успенія Божіей Матери, и подобно сему въ XIV вѣкѣ построена Ольгердомъ въ Вильнѣ во имя Успенія соборная церковь. Сіе, кажется, подтверждаетъ, что Вильна обязана Москвѣ, подобно, какъ Кіевъ Царьграду, введеніемъ Православія, которое почти сто лѣтъ предшествовало введенію въ Вильнѣ Римско-Католическаго ученія" [129]). По поводу этого изданія Погодинъ въ своемъ журналѣ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Вся Литва, кромѣ небольшаго пространства, прилежащаго къ Пруссіи, вся Бѣлоруссія, Волынь, Подолія, Галичъ — страны чисто Русскія, искони принадлежали къ

Россіи, заселены Русскимъ племенемъ, которое говорило Русскимъ нарѣчіемъ, судилось по Русскому праву, исповѣдовало Русскую вѣру, извѣстно было во всемъ свѣтѣ, у самихъ Поляковъ и ихъ писателей, у Папы,—подъ именемъ Русскаго, это уже такія историческія истины, противъ которыхъ никто не осмѣлится нынѣ произнести ни одного слова. Или—смотри и читай на всякой страницѣ положительныя доказательства. Въ XIV вѣкѣ Литовскіе князья покорили всю Малороссію, говорили по Русски, были женаты на Русскихъ княжнахъ и приняли посредствомъ ихъ Христіанскую вѣру. Возведеніе Ягайла на престолъ Польскій перемѣнило весь ходъ дѣла. Династія соединилась съ Польшею, и Польша возымѣла вліяніе на Русскія страны, подпавшія власти Литовскихъ князей. Явились Польскіе дворяне, овладѣли землями и помѣстьями; многіе Русскіе дворяне, чтобъ удержать свои права, приняли ихъ вѣру, Католическую, и потеряли свою національность. Явились католики іезуиты, основали унію,—такъ продолжалось до нашего времени, съ котораго начинается реакція. Это также историческія истины, извѣстныя всякому".

Къ Археографической Коммиссіи и къ ея основателю П. М. Строеву Погодинъ и въ особенности его друзья относились несправедливо, враждебно; а между тѣмъ Археографическая Коммиссія неустанно дѣлала свое великое дѣло. Въ 1843 году она издала IV и V томы *Актовъ Историческихъ*, и, по сознанію самого Погодина, „изданы отлично, какъ и прежніе". Въ томъ же году Археографическая Коммиссія издала второй томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, въ которомъ заключается драгоцѣнный источникъ Русской Исторіи: Кіевская и Волынская Лѣтописи, до тѣхъ поръ бывшія извѣстны только Карамзину и отчасти Татищеву. Надъ этимъ изданіемъ трудился Я. И. Бередниковъ. Погодинъ, желая быть безпристрастнымъ къ своему врагу, писалъ: „Главное въ такомъ изданіи есть вѣрность текста,—и она соблюдена, какъ кажется, самымъ лучшимъ образомъ". Но съ предисловіемъ Бередникова Погодинъ былъ совершенно несогласенъ, начиная

съ самаго заглавія: „*Ипатіевской Лѣтописи*", пишетъ онъ,— „никакой никогда не бывало, а есть только списокъ Ипатіевскій, другой Хлѣбниковскій, третій Ермолаевскій. Лѣтописи различаются по своему содержанію, смотря по тому о какомъ княжествѣ или городѣ говорятъ онѣ, а списки различаются по своимъ владѣльцамъ. Странно было бы сказать, что Россія имѣетъ Лѣтописи Ипатьевскую, Хлѣбниковскую, Академическую, Синодальную; Россія имѣетъ Лѣтописи Кіевскую, Новгородскую, Волынскую, Псковскую и проч.". Въ предисловіи Бередникова сказано: „Начало *Ипатіевской Лѣтописи*, заключающее въ себѣ Несторовъ Временникъ (до 1110 года), по сходству текста, вошло въ составъ Лаврентьевской". Противъ этого положенія Бередникова Погодинъ возражаетъ: „Сими словами предполагается совершенно превратное понятіе о нашихъ Лѣтописяхъ. Начало вездѣ есть одно. Это одно начало сохранилось во многихъ спискахъ; но одинъ списокъ не можетъ никакъ взойти въ составъ другаго, а оно, начало, можетъ быть издано по двумъ, тремъ, двадцати или всѣмъ спискамъ. Объяснимъ примѣромъ—можно ли сказать: такой-то списокъ Горація, по сходству текста, вошелъ въ составъ такого-то? Нельзя, ибо Горацій одинъ: списки его могутъ исправляться одни другими, но не могутъ входить въ составъ одинъ другаго; здѣсь не было бы смысла. Такъ точно Несторова Лѣтопись одна, и списки ея могутъ, должны, исправляться одни другими, при общемъ изданіи, *но не могутъ входить одни въ составъ другихъ по сходству текста*. Вслѣдствіе того же превратнаго понятія на с. VIII сказано: „предположивъ *происхожденіе* изъ сего источника Лаврентьевской лѣтописи (изъ Ипатіевской), не ясно ли, что при недостаткѣ" и проч.— Нѣтъ! эти лѣтописи не произошли одна отъ другой, а обѣ суть два независимыя, раздѣльныя продолженія одного начала: начало — Несторъ. Нестора одинъ лѣтописатель продолжалъ въ Кіевѣ (вотъ Кіевская Лѣтопись по списку Ипатьевскому, и проч.), а другой въ Владимірѣ (вотъ Суздальская Лѣтопись, по списку Лаврентьевскому и проч.). Кіевскій продолжатель

разсказывалъ сокращенно о Суздальскихъ происшествіяхъ, а Суздальскій также о Кіевскихъ (вотъ такъ-называемыя извлеченія). Впрочемъ, повторю: *въ этомъ дѣлѣ всего важнѣе, нужнѣе текстъ. Текстъ изданъ отлично, и за это изданіе должно благодарить трудившихся много и премного*, а толкованія и разсужденія лучше бы оставить, потому что это другое дѣло, и требуетъ особеннаго приготовленія: одному дается познаніе языковъ, а другому толкованіе. Неумѣстнымъ, запоздалымъ толкованіемъ, не соотвѣтственнымъ требованіямъ современной критики, можно иногда испортить отличное дѣло, что было бы слишкомъ жаль"[130]).

Окончивъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, Н. К. Калайдовичъ поступилъ на службу въ Житоміръ и тамъ сблизился съ Преосвященнымъ Анатоліемъ, епископомъ Острожскимъ (впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій). Чрезъ Калайдовича Преосвященный заочно познакомился съ Погодинымъ и дѣлился съ нимъ своими любопытными наблюденіями и размышленіями объ Иконографіи. Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранилось слѣдующее письмо Преосвященнаго Анатолія по этому важному предмету: „Пользуясь весьма немногими минутами, свободными отъ моихъ по службѣ обязанностей, по многимъ побужденіямъ я счелъ долгомъ своимъ написать и написалъ разсужденіе о иконописаніи. Но, живя вдали отъ столицъ, а въ сихъ не имѣя теперь коротко знакомыхъ, я долго колебался, думая: какимъ образомъ издать въ свѣтъ сказанное разсужденіе? Въ такой нерѣшимости моей Николай Константиновичъ Калайдовичъ въ бытность свою въ Житомірѣ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ вашему высокоблагородію. Вотъ причина, по которой я, не имѣя счастія лично быть вамъ извѣстнымъ, осмѣливаюсь утруждать васъ настоящимъ писаніемъ! Я желалъ бы, чтобы прилагаемое при семъ разсужденіе вышло въ свѣтъ въ родѣ задачи для разсужденій болѣе зрѣлыхъ и обдуманныхъ о предметѣ его, стоющемъ размышленія; желалъ бы, если позволено будетъ напечатать это разсужденіе, пріобрѣсть для моей потребности, по положенной цѣнѣ, пятьдесятъ экземпляровъ;

но, при всемъ томъ, душевно желаю, чтобы оно вышло въ свѣтъ безъ означенія на немъ моего имени: потому, что цѣлію изданія его предположилъ единственно то, что было побужденіемъ къ его сочиненію. Еслибъ въ семъ отношеніи не желалъ я остаться для публики анонимомъ, то препроводилъ бы это сочиенніе въ цензуру отъ своего имени, и, быть можетъ, позволено было бы напечатать оное. Но именно избѣгая гласности, прибѣгаю къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою подать мнѣ въ этомъ дѣлѣ руку помощи. Благоволите, если цензура позволитъ, напечатать препровождаемое сочиненіе въ издаваемомъ вами журналѣ *Москвитянинъ*. Если же планъ вашего журнала не дозволитъ помѣстить въ немъ всего моего разсужденія: напечатайте изъ него въ журналѣ что̀ угодно, а для меня прикажите напечатать цѣликомъ. Если при семъ признаете необходимымъ что-нибудь изъ написаннаго мною пропустить, исправить, замѣтить, досказать — за сіе душевно буду благодаренъ. Если въ вашемъ журналѣ вовсе не найдется для моего разсужденія мѣста, то, быть можетъ, на изложенномъ мною условіи возмется напечатать его какой-нибудь книгопродавецъ. Бываютъ же такіе случаи, что книгопродавцы печатаютъ на свой счетъ чужія сочиненія для своихъ видовъ. Наконецъ, если цензура не позволитъ выйти въ свѣтъ представляемому сочиненію: покорнѣйше прошу сдѣлать для меня исключеніе изъ общаго журналистовъ правила, по которому — представленныя имъ сочиненія ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, и мнѣ возвратите мое. Какъ родитель я не отрекусь моего чада и за возвращеніе его принесу вамъ нижайшую благодарность! Позвольте еще сказать нѣсколько словъ о предметѣ предлагаемаго сочиненія. Нѣкоторые писатели принялись теперь превозносить такъ-называемое Греческое иконописаніе. Слава Богу за такое направленіе вкуса! Но хвалятъ уже до чрезвычайности. По моему мнѣнію, это духъ времени, не истины. Писать иконы точь въ точь, какъ писали за два вѣка, — удержать механизмъ иконнаго искусства и порывъ таланта въ однѣхъ и тѣхъ же границахъ, не допуская его со-

вершенствоваться —это не догматъ Святыя Церкви. Почтенна древность, досточтимы переданныя ею св. иконы: неужели по сему должны быть неизмѣнны и каррикатурныя начертанія лицъ, рукъ и другихъ членовъ человѣческаго тѣла, усматриваемыя на нѣкоторыхъ старинныхъ иконахъ? Писать такимъ образомъ иконы въ нашъ вѣкъ было бы даже грѣшно. Называютъ постепенное усовершенствованіе иконописанія въ XVI и XVII вѣкѣ уклоненіемъ отъ древнихъ, строгихъ формъ, освященныхъ давностію. Это справедливо только въ отношеніи къ подражанію особенно безотчетному, рабскому, произведеніямъ западныхъ живописцевъ. Говорятъ, будто древнія иконы съ умысломъ писали мрачными, темными красками. Нѣтъ, всегда писали иконы, какъ умѣли; изъ нихъ были въ употребленіи какія были, потому что другихъ не было; чуждались только Римскихъ, написанныхъ *послѣ расколу иже Грекомъ съ Римляны*. Лики, усматриваемые на древнихъ иконахъ, мрачны потому, что отъ времени потускли на нихъ краски; а потускли отъ того, что растворяемыя на яичномъ желткѣ не долго сохраняютъ свой естественный цвѣтъ. Требовать же, чтобы въ наше время иконописцы писали иконы, какъ писали ихъ за два вѣка,—почти то же, что желать возвращенія протекшаго времени, канувшаго въ вѣчность. Искусства совершенствуются, а познаніе того, чего требуетъ отъ иконописанія Святая Церковь можетъ и должно быть для художниковъ побужденіемъ къ безконечному совершенствованію. При всемъ томъ изъ представляемаго разсужденія ваше высокоблагородіе благоволите усмотрѣть, что я очень не жалую произведеній церковно-исторической новѣйшей живописи“.

Сочиненіе Преосвященнаго Анатолія подъ заглавіемъ: *О иконописаніи* вышло въ Москвѣ въ 1845 году *).

---

*) Объ этой книжкѣ появились рецензіи: 1) *въ Москвитянинѣ* 1846 года, № 7, критика, стр. 123, 124; 2); *въ Сѣверномъ Обозрѣніи* 1849 г., кн. I, стр. 489—525, въ статьѣ А. Н. Попова: *Иконописаніе*. Статья Попова появилась тогда же отдѣльнымъ оттискомъ и была разобрана А. Н. Майковымъ въ *Отеч. Запискахъ*, т. LXVI, отд. VI, стр. 41.

XXX.

У Погодина давно образовались дружескія сношенія съ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ, они и продолжались до конца ихъ жизни. Дружеская переписка ихъ свидѣтельствуетъ о томъ. „Еслибъ я былъ въ Москвѣ“, пишетъ Мухановъ Погодину, — „я бы подарилъ вамъ бѣлую in 8-о книжку въ *красномъ* переплетѣ (дабы легче было оную на столѣ видѣть), одна половина была бы предназначена для исполненія, вы бы записывали: писать Муханову о книгахъ, писать Муханову о *Москвитянинѣ*, сказать Кораблеву, чтобы не сидѣлъ въ лавкѣ въ халатѣ, заказать полки, Линде словарь, Муханову, чтобы писалъ не такъ связно. Вторая половина назначается для *Desiderata*: составить учебныя книги; сдѣлать новое красивое изданіе Лелевелевскаго Историческаго атласа, хронологію Россіи, жизнь Скопина Шуйскаго, издать Словенскую хрестоматію для низшихъ классовъ, Русскую грамматику слить съ Польскою и Словенскою, образовать учителей для преподаванія трехъ грамматикъ вмѣстѣ, научить десять Русскихъ природныхъ, носящихъ Русскія фамиліи (въ томъ числѣ трехъ съ аристократическими фамиліями изъ бѣдныхъ дворянъ), отлично Польскому языку, чтенію грамотъ, полному курсу гимназическому (только), и послать изъ десяти лучшихъ учителями въ уѣзды, а пять при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ для перевода Польскихъ источниковъ; ибо на Литовцевъ и Поляковъ положиться нельзя. Сократить учебники математическіе, новый планъ для *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Нельзя ли написать Русскую Географію нескучную? Зачѣмъ студентамъ Права—коническія сѣченія? Статистику—чиновниковъ: сколько умираетъ оныхъ, статистику студентовъ, отставныхъ военныхъ и проч. Сколько кандидатовъ на мѣста?—Задачи Русской Исторіи къ разрѣшенію, то-есть, требовать диссертацій (на первый случай предметы полегче съ указаніемъ источниковъ).

Разумѣется, desiderata не съ тѣмъ записываются, чтобы исполнить *всѣ* оныя *самому*“ [131]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мухановъ съ любовію слѣдилъ за всѣми открытіями и изслѣдованіями въ любезной ему области Русской Исторіи.

Въ пріобрѣтенной при посредствѣ К. И. Аверина Лѣтописи, изъ разряда Новгородскихъ, Погодинъ нашелъ драгоцѣнныя *свидѣтельства о Мѣстничествѣ задолго до Іоанна III, при великомъ князѣ Московскомъ Василіѣ Димитріевичѣ и отцѣ его Димитріѣ Донскомъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ, что во вновь доставленныхъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ П. И. Ивановымъ мѣстническихъ дѣлахъ оказывается, что „Мѣстничество было не только въ великомъ княжествѣ Московскомъ, но и въ другихъ, гораздо прежде Іоанна III. Мѣстничество, основанное на службѣ и родовомъ старшинствѣ, велось между знатнѣйшими родами впродолженіи Удѣльнаго періода точно какъ и между княжескими; между послѣдними оно было источникомъ удѣльныхъ войнъ, какъ между первыми *искони* источниками споровъ“ [132]).

Въ это же время Погодинъ получаетъ отъ А. Ѳ. Бычкова извѣстіе, что графъ Д. Н. Блудовъ, по повелѣнію Государя, препроводилъ въ Археографическую Коммиссію *Дѣло Шакловитаго*, кажется, то самое, которое находилось въ рукахъ графа В. А. Сологуба *). Вмѣстѣ съ тѣмъ Спасскій сообщилъ Погодину, что въ числѣ матеріаловъ, предназначенныхъ для издаваемаго имъ нѣкогда *Сибирскаго Вѣстника*, съ давняго времени хранится у него сборникъ списковъ съ Высочайшихъ указовъ, рескриптовъ и собственноручныхъ писемъ императрицы Екатерины II къ Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину... „Полагаю“, — пишетъ Спасскій, — „что и этотъ памятникъ славнаго царствованія Екатерины II можетъ занять по-

---

*) Въ настоящее время *Дѣло Шакловитаго* издано Археографическою Коммиссіею подъ редакціею Члена оной, Тайнаго Совѣтника Аскалона Николаевича Труворова.

четное мѣсто въ *Москвитянинѣ*. Покойный графъ М. М. Сперанскій также имѣлъ у себя сборникъ этихъ актовъ и желалъ, чтобы я ихъ напечаталъ". [133]).

„Случайнымъ образомъ, въ кипѣ ветхихъ бумагъ", попался Устрялову любопытный документъ историческій—списокъ жалованой грамоты царей Іоанна и Петра 1692 года именитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строганову о подтвержденіи правъ и преимуществъ, дарованныхъ роду его съ половины XVI вѣка до конца XVII. „Изумленный богатствомъ историческаго содержанія своей неожиданной находки" и узнавъ, что подлинная грамота хранится въ домовомъ архивѣ графини Софьи Владиміровны Строгановой, рожденной княжны Голицыной, Устряловъ просилъ дозволенія ея свѣрить найденный имъ списокъ съ оригиналомъ и издать его въ свѣтъ. „Любознательная Графиня" не только изъявила согласіе, „но приказала" сообщить Устрялову и другіе фамильные документы, „драгоцѣнные для Исторіи", числомъ до ста. Такимъ образомъ Устряловъ разсмотрѣлъ болѣе двадцати подлинныхъ царскихъ жалованныхъ грамотъ и указовъ съ 1517 по 1700 годъ, столько же раздѣльныхъ актовъ XVI и XVII столѣтій, нѣсколько сотныхъ и писцовыхъ книгъ и до пятидесяти разнаго содержанія записей, купчихъ, дарственныхъ, уговорныхъ, памятныхъ. Изъ сихъ актовъ и другихъ достовѣрныхъ источниковъ Устряловъ составилъ книжку подъ заглавіемъ *Именитые люди Строгановы* и выпустилъ ее въ свѣтъ въ концѣ 1842 года [134]).

Когда эта книжка попалась Погодину, то онъ „съ живѣйшимъ любопытствомъ взялъ ее въ руки, развернулъ и прежде всего", пишетъ онъ,—„попалось мнѣ въ глаза изображеніе дома Строгановыхъ въ Сольвычегодскѣ, построеннаго въ 1565 г., и цѣлаго до 1798 г. Прекрасно! Искренняя благодарность Устрялову за сохраненіе драгоцѣннаго рисунка. Ничего лучше не имѣемъ мы отъ нашей старины. Я вспомнилъ объ одной модели Русскаго дома, хранящейся въ Гагѣ, въ Королевскомъ Музеѣ,—снятаго вѣрно путеше-

ственникомъ этого же времени *). Прибавимъ Коломенскій Дворецъ царя Алексѣя Михайловича и рисунки Мейерберга,— вотъ все что у насъ есть въ этомъ родѣ. Недавно въ *Сѣверной Пчелѣ* было упомянуто объ одномъ древнемъ домѣ въ Калугѣ. Просимъ усердно кого-либо изъ тамошнихъ рисовальныхъ учителей срисовать этотъ остатокъ старины. Ученымъ Русскимъ архитекторамъ надо будетъ собрать еще отдѣльныя черты, разсѣянныя въ описаніяхъ путешественниковъ, разсмотрѣть постройку избъ по разнымъ губерніямъ,— тогда они смогутъ возстановить наши древніе дома, терема и вышки. Устряловъ оказалъ имъ и вообще всѣмъ любителямъ Исторіи прекрасную услугу. Далѣе—предъ заглавнымъ листомъ портретъ Петра I, пожалованный имъ самимъ въ 1714 году Григорію Дмитріевичу Строганову. Новая драгоцѣнность! Правду сказать—Устряловъ умѣетъ украшать свои изданія: форматъ, бумага, шрифтъ для текста и примѣчаній, прелесть!“ Этимъ только и ограничилась похвала Погодина. О самой же книжкѣ, „по тщательномъ разсмотрѣніи“, онъ не могъ сказать „много хорошаго“.

Прежде всего Погодину очень не понравилось отношеніе Устрялова къ Карамзину. Книжка Устрялова начинается такъ: „Пишутъ“, говоритъ Карамзинъ, „что сіи купцы происходили отъ знаменитаго крещенаго мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили, и будто *застрогали* до смерти; что сынъ его потому названъ Строгановымъ, а внукъ способствовалъ искупленію великаго князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ улусахъ“. „Такъ впервые написалъ“,—говоритъ Устряловъ,— „извѣстный Голландскій ученый Николай Витсенъ, слышавшій о томъ въ Москвѣ“, и проч.

По поводу этого Погодинъ справедливо замѣчаетъ: „Читая эти строки, подумаешь, что авторъ открылъ источникъ Карамзина, доселѣ неизвѣстный. Нѣтъ. Карамзинъ самъ именно

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1892. V, 298.

указываетъ на Витсена. Этого мало: Карамзинъ указываетъ даже на источникъ Витсена, Исаака Массу, котораго извѣстія были напечатаны въ 1609 году". Далѣе Устряловъ, упрекая Карамзина, пишетъ: „Повторяя другъ за другомъ *басню*,—очевидно основанную на одномъ затѣйливомъ словопроизводствѣ, во вкусѣ старинныхъ грамотѣевъ, наши Исторіографы впали въ важнѣйшую ошибку". „Помилуйте!"—восклицаетъ Погодинъ,—„Карамзинъ не только не повторялъ, но рѣшительно объявилъ, что не вѣритъ этому преданію, и назвалъ его баснею. Съ самаго начала сказавъ безлично *пишутъ*, онъ далъ замѣтить это, а въ примѣчаніи 651 (т. XII) говоритъ прямо: „*басню* о строганіи вмѣстѣ съ извѣстіемъ о счетахъ также сообщаетъ Витсенъ". За что же, заимствуя у Карамзина и то и другое извѣстіе, обвинять его же въ невниманіи или легковѣріи? Такъ, скажу кстати, поступали въ послѣднее время многіе съ нашимъ знаменитымъ Исторіографомъ: придадутъ ему свою вину, да и опровергаютъ ее его же извѣстіями!" „Гораздо вѣроятнѣе другое преданіе", продолжаетъ Устряловъ,—„сохранившееся въ одномъ Сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома Добрятиныхъ отъ стародавней фамиліи Новгородской". Но и на это Погодинъ замѣчаетъ: „Читая эти строки, опять думаешь, что мнѣніе о происхожденіи Строгановыхъ изъ Новгорода принадлежитъ Устрялову, который какъ будто противополагаетъ оное Карамзинскому. Нѣтъ — оно принадлежитъ также Карамзину".

Устряловъ вооружается противъ „всѣхъ нашихъ исторіографовъ, твердящихъ въ одинъ голосъ, что Строгановы, до возведенія ихъ въ баронское достоинство Петромъ Великимъ, были купцы". Какія же, спрашиваетъ Погодинъ,—новыя доказательства нашелъ Устряловъ для того, чтобы опровергнуть это мнѣніе? Въ доказательство онъ приводитъ то обстоятельство, что ни въ одномъ актѣ изъ фамильнаго архива Строгановыхъ онъ не встрѣтилъ наименованія ни купца, ни гостя, ни торговаго человѣка. Въ актахъ XVI вѣка Строгановы на-

зываются просто по имени и фамиліи, въ актахъ же XVII вѣка именитыми людьми съ прописаніемъ имени, отчества и фамиліи. Но Погодина это не удовлетворило, и онъ предъявилъ Устрялову грамоту 1610 года, данную царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ Петру Семеновичу Строганову, въ которой сказано: „а кто его обезчеститъ, а по суду доищетца, и я ему указалъ безчестья противъ Московскаго лучшаго гостя вдвое сто рублевъ“. Изъ этихъ словъ грамоты Погодинъ заключаетъ, что Петръ Семеновичъ Строгановъ былъ самъ гость, то-есть, купецъ, торговецъ. Устряловъ придаетъ особенную важность тому, что Строгановы упоминаются въ *Соборномъ Уложеніи* царя Алексія Михайловича; но Погодинъ и на основаніи *Соборнаго Уложенія* ясно доказываетъ, что Строгановы были купцы. Продолжая свои доказательства, Погодинъ ставитъ на видъ, что въ *Родословныхъ книгахъ*, составленныхъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, нѣтъ рода Строгановыхъ. Наконецъ Погодинъ приводитъ свидѣтельство Латухинской *Степенной книги*, гдѣ прямо сказано: „Государь (Іоаннъ Грозный) видѣвъ оболгана Бориса, и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сея? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ мои язвы Великой Перми купеческаго чина человѣкъ, именуемый Строгановъ. Царь же повелѣ пріити ему предъ себя и вопрошаше... и увѣде истину, и повелѣ того купца звати выше гостя. И съ того времени тѣ Строгановы начаша именоватися *съ вичемъ* именитыми людьми“.

Документальными свидѣтельствами Погодинъ опровергаетъ и другія положенія Устрялова относительно Строгановыхъ. Такъ Устряловъ пишетъ: „Владѣтели обширной страны въ Пермскихъ предѣлахъ, величиною съ нынѣшнюю Богемію, они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, независимо отъ Пермскихъ намѣстниковъ и Московскихъ Приказовъ; сами же подлежали ничьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго“. Но Погодинъ, на основаніи древнихъ актовъ, утверждаетъ, „что почти всякій помѣщикъ имѣлъ и получалъ въ то время такія же права“.

„Строгановы“, говоритъ Устряловъ,—„имѣли право строить города и крѣпости, содержать полки, лить пушки и пр.“. „Точно также“, замѣчаетъ Погодинъ,—„о Запорожскихъ казакахъ съ другой стороны“.

„Строгановы“, говоритъ Устряловъ,—„имѣли особенное званіе, исключительно имъ принадлежавшее, званіе именитыхъ людей; составляли особенное почетное сословіе, для другихъ недоступное, и отъ того особенною статьею внесены въ *Соборное Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича“. *Строгановы составляли особенное званіе, для другихъ недоступное*, „то есть“, замѣчаетъ Погодинъ,—„никакой Воронцовъ, никакой Морозовъ, не могъ быть Строгановымъ—кто же въ этомъ сомнѣвается? А чтобъ они составляли особое сословіе, то-есть, чтобъ пять-шесть человѣкъ (ибо въ одно время никогда ихъ не бывало больше), составляли особое сословіе, на это никто не можетъ согласиться. Никто не можетъ согласиться, чтобъ Русскій народъ состоялъ, по увѣренію Устрялова, изъ дворянъ, купцовъ, Строгановыхъ, крестьянъ, духовенства!“

Устряловъ удивляется, что Строгановы „при такомъ положеніи въ обществѣ, не искали чести служить при Дворѣ, не домогались званій придворныхъ, какъ свидѣтельствуетъ Страленбергъ, и слѣдовательно не состояли въ спискѣ бояръ и окольничихъ“. Это недоумѣніе Устрялова Погодинъ разрѣшаетъ двумя-тремя словами: „Въ томъ дѣло, что Строгановы находились не въ обществѣ, а внѣ общества. Притомъ эти слова показываютъ странное понятіе автора о нашемъ старинномъ правительствѣ: бояринъ, окольничій — это были чины, какъ нынѣ чинъ дѣйствительнаго тайнаго или статскаго совѣтника. Попасть въ списокъ бояръ также было нельзя, какъ нынѣ, не состоя въ службѣ, домогаться вдругъ чина тайнаго совѣтника. *Не домогались званія придворныхъ*, потому что занимались торговлею, промышленностію“.

Желая быть безпристрастнымъ, Погодинъ, благодаритъ Устрялова за исчисленіе пожертвованій, сдѣланныхъ Строгановыми. „Они“, утверждаетъ Погодинъ,—„были точно огром-

ны"; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: „Строгановы давали много денегъ Московскимъ князьямъ, потому что пользовались ихъ покровительствомъ и за всякое пожертвованіе получали отъ нихъ земли". Съ мнѣніемъ же Устрялова, будто Строгановы „искупили изъ заточенія" великаго князя Московскаго Василія Васильевича Темнаго, Погодинъ совершенно несогласенъ. „Не правда!", восклицаетъ онъ,—„великаго князя Василія Васильевича не выкупали Строгановы, не выкупалъ никто. Казанскій царь Махмудъ самъ отпустилъ его изъ плѣна, предоставивъ ему дать послѣ, сколько хочетъ, за себя, какъ объ этомъ именно сказано во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ".

Сибирскія пріобрѣтенія, по замѣчанію Погодина, въ книжкѣ Устрялова, „изслѣдованы очень слабо; ни слова о прежнихъ отношеніяхъ этой земли къ Іоанну III, ни слова о подданствѣ самого Кучума, ни слова о разнорѣчіяхъ важной Есиповской лѣтописи. Ни слова о Сибирскихъ лѣтописяхъ, когда, гдѣ и при комъ онѣ писаны"... Въ то же время Погодинъ опасался, чтобы увлекшись „духомъ рецензіоннымъ" противъ Устрялова, не „сказать что-нибудь несправедливое о самыхъ именитыхъ людяхъ Строгановыхъ", которыхъ, пишетъ онъ,—„много уважаю кромѣ участія въ Сибирскомъ завоеваніи, за ихъ промышленность, умѣніе пользоваться обстоятельствами, за ихъ пожертвованія, за Строгановскую школу живописи, столько уважаемую старообрядцами, о коей и не упомянулъ Устряловъ, за сохраненіе множества памятниковъ Древней Словесности, вообще за пользу, принесенную Отечеству, хотя и никакъ не соглашусь называть ихъ съ Левекомъ Русскими Медицисами, ни считать ихъ какимъ-то „*особеннымъ*" сословіемъ съ Устряловымъ".

Въ 1843 году, Сенковскій въ своей *Библіотекѣ для Чтенія* объявилъ, что Малороссіяне произошли отъ бѣглецовъ Литовскихъ. Противъ этого мнѣнія выступилъ Погодинъ. „А отъ кого", пишетъ онъ,—„произошли, спрошу я его, жители Галицкаго княжества, которые во время Владиміра святого, передъ Монголами и послѣ Монголовъ, наконецъ и въ наше

время, живутъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ и говорятъ однимъ языкомъ; жители Галицкаго княжества, которые до Литовцевъ были слишкомъ хорошо извѣстны Исторіи, которые во время Даніилово властвовали надъ Литовцами, которымъ Воишелгъ предоставлялъ по завѣщанію свою Литву? Слѣдовательно — и они бѣглецы Литовскіе? Они вѣдь одни и тѣ же люди съ нынѣшними Малороссіянами Чернигова, Полтавы, Переяславля? Неужели *Библіотека* не видитъ, что она съ своимъ утвержденіемъ доходитъ до исторической безсмыслицы, непростительной даже и Полевому, не только ея учености. Я говорилъ о Галиціи; но сѣверовосточная Венгрія по Карпатамъ населена тѣми же Русинами: и они бѣглецы Литовскіе? А если они не бѣглецы, то и прочіе Малороссіяне также. Мнѣ кажется довольно и этихъ двухъ словъ для показанія нелѣпости старыхъ бредней о Малороссіи, кои господствовали между Польскими историками. Удерживаюсь до времени отъ дальнѣйшаго разсужденія“ [135]).

По поводу этихъ строкъ Куникъ писалъ Погодину: „Я сожалѣю, что вы не сообщили мнѣ о своемъ намѣреніи выступить противъ Сенковскаго по поводу казаковъ. Не Сенковскій написалъ ту, такъ-называемую критику на Маркевича, а Введенскій; это я знаю навѣрно. Sapienti sat!“ [136]).

XXXI.

Въ 1843 году, въ Кіевѣ вышла *Исторія Кіевской Академіи*; сочиненіе воспитанника ея, іеромонаха Макарія Булгакова. Погодинъ привѣтствовалъ въ своемъ *Москвитянинѣ* вступленіе на ученое поприщѣ будущаго знаменитаго историка Русской Церкви, окончившаго свое земное поприще въ священномъ санѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго. „Радостно встрѣчаемъ мы“, писалъ Погодинъ, — „всякое сочиненіе, имѣющее предметомъ разработку матеріаловъ Русской Исторіи, изображеніе постепеннаго развитія какой-либо

стороны нашего общественнаго или частнаго быта, или какого-либо учрежденія. Всѣ монографіи такого рода, болѣе или менѣе, полезны для полной Исторіи нашего Отечества, которая покуда еще невозможна; когда не приготовлены матеріалы, не изъ чего строить зданія. Привѣтствуемъ настоящее сочиненіе, какъ плодъ добросовѣстнаго труда и какъ важное пособіе для будущаго историка просвѣщенія нашего въ нашемъ Отечествѣ". Въ заключеніе своей рецензіи Погодинъ замѣтилъ: „будущему историку Кіевской Академіи предлежитъ еще прекрасный удѣлъ описать знаменитое, блестящее управленіе Академіею, славнѣйшаго ея ректора, Иннокентія, нынѣшняго епископа Харьковскаго" [137]).

Привѣтствуя Макарія, Погодинъ принималъ сердечное участіе въ судьбѣ другого нашего церковнаго историка, Преосвященнаго Филарета, подвизавшагося въ то время съ терпѣніемъ въ санѣ епископа Рижскаго и Митавскаго. Отчужденіе отъ любезной ему Троицкой Академіи не помѣшало Святителю трудиться и на поприщѣ науки, *не оторвавшейся отъ неба*. „Вы спрашивали", писалъ Горскій Погодину, — „о трудахъ Преосвященнаго Филарета Рижскаго. Здѣсь давно ничего о нихъ не слышно. Въ августѣ мнѣ сказывали, что его *Исторія Отцевъ* представлена имъ господину Оберъ-Прокурору Св. Сvнода и препровождена симъ послѣднимъ на разсмотрѣніе въ Конференцію С.-Петербургской Духовной Академіи, вышла изъ рецензіи и что читавшіе ее отзывались, что она имѣетъ многія отличныя достоинства, впрочемъ еще требуетъ нѣкотораго исправленія". Самъ же Преосвященный писалъ Погодину: „Вы просили, Михаилъ Петровичъ, отвѣчать вамъ скоро. А я несовсѣмъ скоро нашелся въ готовности писать къ вамъ. Я не далъ точныхъ извѣстій о томъ дѣлѣ, о которомъ впервые отъ васъ получилъ извѣстіе неожиданное. Да, я не ждалъ и не думалъ, чтобы такъ судили о дѣлѣ совѣсти. Я получилъ теперь и самый судъ, — получилъ на дняхъ. Признаюсь — не умѣю на что̀ рѣшиться. Надобно размыслить. И подумайте: если не хотятъ

другіе добра, къ чему же навязываться? Ужели для того только, чтобы сказали: еретикъ? Меня уже и безъ того украшали, по временамъ, этимъ великолѣпнымъ названіемъ, только и опять переставали. Богъ съ ними! Васъ, Михаилъ Петровичъ, отъ души благодарю за все. Посылаю вамъ выписки изъ *Златой Чепи*—извѣстной Лаврской рукописи. Еслибы напечатали, не было бы лишнимъ. Стараго Русскаго у насъ немного. Притомъ, можетъ быть, у васъ найдется съ чѣмъ сличить; копіи съ древняго списка Румянцева съ статьями *Чепи* всѣ далеко моложе *Златой Чепи*".

Съ другомъ преосвященнаго Филарета, А. В. Горскимъ, Погодинъ не прерывалъ сношеній по предмету Древней Русской Исторіи, которому оба они были преданы безгранично. „Найдете ли", писалъ Горскій Погодину, — „любопытнымъ извѣстіе о рынкѣ Константинопольскомъ, на которомъ торговали Русскіе въ XI столѣтіи, извѣстіе, впрочемъ очень краткое, которое попалось мнѣ въ описаніи чудесъ св. Николая Мvръ-Ликійскаго? Если угодно, я пришлю объ этомъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Также готовъ прислать краткое изслѣдованіе о томъ, была ли въ IX столѣтіи митрополія Русская, которую думаютъ найти въ переписи епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, приписываемой императору Льву Философу? Заранѣе считаю нужнымъ сказать, что мой взглядъ не въ пользу существовавшаго прежде мнѣнія и основывается главнымъ образомъ на разсмотрѣніи самой этой переписи". Въ томъ же письмѣ Горскій вызываетъ участіе къ почтенному труду Шимкевича. „Вамъ извѣстенъ", пишетъ онъ, - „*Словарь* или *Корнесловъ* Шимкевича, но неизвѣстно, можетъ быть, что наслѣдники покойнаго составителя этой книги не знаютъ, что съ нею дѣлать. Въ Академіи Наукъ сначала обѣщали содѣйствовать ея распространенію по учебнымъ заведеніямъ. Но послѣ въ этомъ отказали. Не найдете ли вы какихъ-нибудь способовъ къ распродажѣ этой книги. Пишу объ этомъ къ вамъ, по извѣстной вашей готовности содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія и по знакомству съ на-

слѣдниками покойнаго Шимкевича, который былъ нѣкогда баккалавромъ въ Кіевской Духовной Академіи. Сверхъ того, мнѣ извѣстно, что послѣ покойнаго осталось около тридцати сочиненій ученаго содержанія, преимущественно относящихся до Философіи, которыя также должны оставаться забытыми, если не попадутъ на добрыя руки". Вмѣстѣ съ тѣмъ Горскій укоряетъ Погодина за несоблюденіе условія. „Простите меня", пишетъ онъ,—„мнѣ немного страннымъ показалось, что вы измѣнили своему обѣщанію соблюдать инкогнито при моихъ статьяхъ, напечатавъ письмо, совсѣмъ не предназначаемое для публики, съ именемъ писавшаго. И позвольте просить васъ, чтобы на будущее время положенное между нами условіе соблюдать свято" [138]).

Въ бытность Погодина въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія А. В. Горскій подарилъ ему данную Ивана Григорьевича Нагаго слугѣ его Богдану Сидорову, 1598 года, на вотчину. Погодинъ, напечатавъ этотъ документъ въ *Москвитянинѣ*, сдѣлалъ изъ него слѣдующіе выводы: 1) Въ какомъ близкомъ, какъ бы родственномъ отношеніи, находились дворовые люди къ своимъ господамъ въ древней Россіи: это истинно были *домочадцы*. 2) Слуги имѣли право имѣть деревни. 3) Къ царямъ доступъ былъ совершенно свободный. 4) Борисъ Годуновъ, осудивъ Нагихъ, поступилъ видно не изъ ненависти, не по страсти, а по своимъ основательнымъ причинамъ: убѣдясь въ несправедливости одного доноса, онъ тотчасъ облегчилъ или уничтожилъ наказаніе Нагаго... Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ сообщаетъ, что у Троицы онъ получилъ списки нѣсколькихъ купчихъ Преподобнаго Никона. Въ то же время П. А. Мухановъ доводилъ до свѣдѣнія Погодина о своихъ изысканіяхъ въ области Русскихъ Древностей. „Я продолжаю", писалъ онъ,—„рыться въ старинѣ, отыскалъ кое-какія древности: въ одной деревнѣ, принадлежащей женѣ, близъ самаго Бреста Литовскаго, въ Гродненской губерніи, нашелъ въ старыхъ бумагахъ грамоту на это имѣніе, данную Александромъ, великимъ княземъ Литовскомъ и королемъ Поль-

скимъ, въ 1505 году, писанную на Русскомъ языкѣ, Жигимунта 1517 года на Русскомъ языкѣ и много другихъ, всѣ на пергаментѣ. Здѣсь же нашелъ грамоту князя Дмитрія Воротынскаго 1487. Присягу князя Семена Дмитріевича Друцкаго 1401 года. Великаго князя Бориса Александровича Тверскаго, взявшаго *любовь такову* (!) съ великимъ княземъ Витовтомъ 1471. Перемирную грамоту короля Казиміра съ Новгородомъ (со владыкою Ефимомъ и съ посадникомъ Өедоромъ Олисеевичемъ). Разумѣется, всѣ сіи акты оригинальны".

Самъ Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* повѣсть о волхвованіи, написанной для царя Іоанна Васильевича Грознаго, и при этомъ замѣтилъ: „Въ старину на Руси вѣрные подданные говорили царямъ правду; самъ царь Іоаннъ Васильевичъ принужденъ былъ часто слушать ее торжественно, публично, и подъ покровомъ басни, чему служитъ доказательствомъ, между прочимъ, и эта примѣчательная піеса, помѣщенная въ одномъ изъ моихъ сборниковъ". Піеса эта озаглавлена такъ: *Повѣсть нѣкоего боголюбива мужа, списано при Макарьѣ митрополитѣ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, да сіе видяще, не впадете въ злыя сѣти и беззаконія отъялыхъ и прелщенныхъ человѣкъ и губителныхъ волковъ, нещадяще души, ей же весь міръ недостоинъ, прочетше же сіе человѣцы убойтеся чары и волхвованія, творяще скверная Богу, и грубая и мерзкая и проклятая дѣла.*

Разбирая *Молодикъ* *) Бецкаго, Погодинъ останавливается на помѣщенной въ немъ *Краткой Исторіи Харьковскаго Коллегіума* и замѣчаетъ: „Съ особеннымъ любопытствомъ прочли мы *Краткую Исторію Харьковскаго Коллегіума*, который имѣлъ свое блестящее время, свое участіе въ Исторіи Русскаго Просвѣщенія. Мы узнали здѣсь, что онъ обязанъ былъ своими успѣхами пожертвованіямъ князей Голицыныхъ: Михайла Михайловича, сына его Димитрія и племянника,

*) На 1844 годъ. Часть III.

знаменитаго Московскаго благотворителя, оберъ-камергера, какъ у насъ старики называютъ его еще въ Москвѣ, Александра Михайловича (основателя Голицынской Больницы). Замѣчательно, что въ наше время, племянникъ послѣдняго по матери, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, благотворилъ еще Коллегіуму. Имъ, кажется, и заключился рядъ благотворителей изъ фамиліи князей Голицыныхъ. Какъ интересна эта благородная связь фамиліи съ заведеніемъ! Въ Коллегіумѣ учились многіе примѣчательные, образованные люди прошедшаго столѣтія: наши профессоры Каченовскій и Двигубскій, Рижскій, сочинитель Риторики и первый ректоръ Харьковскаго Университета! Авторъ статьи долженъ былъ бы непремѣнно приложить списокъ воспитанниковъ Коллегіума. Князья Голицыны старались особенно, чтобъ вмѣстѣ съ духовными воспитывались въ Коллегіумѣ и дворяне. Выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ письма князя Александра Михайловича: „Я осмѣливаюсь просить васъ, преосвященнѣйшій Владыко, дабы въ Коллегіумъ принимались наравнѣ, какъ духовнаго чина ученики, такъ дворяне и разночинцы; ибо въ противномъ случаѣ, не обинуясь, чистосердечно сказать могу, что я уже откажусь участіе въ пользу онаго больше принимать потому, что тогда довольно будетъ и одного вашего о его благѣ старательства“. Изъ начальниковъ важнѣе всѣхъ былъ, кажется, основатель, преосвященный Епифаній. Неизвѣстно, сохранило ли это заведеніе имя Коллегіума, имя любезное для Русскихъ, знакомыхъ съ своей Исторіей. Мы надѣемся, что преосвященный Иннокентій, священноначальствующій теперь въ Харьковѣ, употребитъ всѣ силы для возвращенія этому заведенію прежняго блеска“. Здѣсь же Погодинъ обратилъ вниманіе и на Костомарова, о которомъ сказалъ:

„Разсказы *Костомарова* о первыхъ войнахъ Малороссійскихъ казаковъ и о Русско-Польскихъ вельможахъ очень занимательны и обѣщаютъ въ немъ писателя замѣчательнаго. Чѣмъ больше онъ будетъ теперь трудиться и собирать свѣдѣній, тѣмъ вѣрнѣе его успѣхъ“.

Погодинъ обращаетъ также вниманіе на одну бумагу (1682 г.), найденную между бумагами Аптекарскаго Приказа, и сообщенную издателю *Молодика* покойнымъ Каразинымъ. Изъ нея ясно видно, замѣчаетъ Погодинъ, „что *всѣ почти преобразованія Петра I-го были уже начаты, и всѣ намѣренія уже зародились, съ самаго вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ.* Время отъ 1613 до 1689 было прологомъ къ драмѣ Петровой, точно какъ время отъ Калиты до кончины Темнаго было прологомъ царствованія Ивана III. *Москвитянинъ* предложилъ уже гдѣ-то эту мысль; прилагаемъ въ доказательство нѣсколько словъ изъ напечатаннаго теперь документа. Послѣ разсужденія объ учрежденіи госпиталей и аптекъ, воспитательнаго и страннопріимнаго дома, авторъ говоритъ: *И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ государствъ всегда здѣсь требуютъ, и дорогою цѣною купятъ, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись.* Покойный Рихтеръ упоминалъ in extenso объ этомъ планѣ въ своей прекрасной *Исторіи Медицины въ Россіи*" [139]).

Мы уже знаемъ, что новѣйшая Исторія Россіи живо интересовала Погодина. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 9 января 1844 года, онъ записалъ: „Съ Снегиревымъ объ Алексѣѣ, Никонѣ, Петрѣ, Елисаветѣ. Перебрали всю Chronique scandaleuse". Проживавшій въ Москвѣ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ служилъ для Погодина живымъ источникомъ, изъ котораго онъ почерпалъ историческія свѣдѣнія. сангленъ служилъ начальникомъ Тайной Полиціи при министрѣ Балашовѣ, былъ нѣсколько времени очень близокъ къ императору Александру, имѣлъ отъ него важныя порученія, опечатывалъ вмѣстѣ съ Балашовымъ бумаги Сперанскаго въ день его ссылки. Погодинъ познакомился съ нимъ передъ тридцатыми годами въ домѣ попечителя Писарева. Сангленъ полюбилъ Погодина и сохранилъ къ нему съ тѣхъ поръ неизмѣнно доброе расположеніе, принимая участіе во всѣхъ его изданіяхъ, начиная съ *Ураніи*, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и *Москвитянинѣ*. Сан-

гленъ казался Погодину „человѣкомъ честнымъ и благороднымъ“, сколько могъ онъ замѣтить, не имѣя съ нимъ впрочемъ никакихъ дѣлъ, кромѣ бесѣдъ и литературныхъ сношеній. „Жилъ онъ“, свидѣтельствуетъ Погодинъ, —„лѣтъ десять одинъ и одинешенекъ въ двухъ-трехъ низенькихъ комнатахъ, на дачѣ, въ Красномъ селѣ (въ Москвѣ), питаясь въ день чашкою кофе и тарелкою супа съ кускомъ жаркого“. Туда заѣзжалъ къ нему Погодинъ, „раза по два въ годъ, и заставалъ всегда за кучею газетъ“... [140]). Подъ 26 января 1844 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Полдня пробылъ де-Сангленъ и разсказывалъ о Екатерининскихъ и Александровскихъ временахъ много любопытнаго“. Съ другой стороны, въ томъ же *Дневникѣ* Погодина мы находимъ и слѣдующую запись: „Былъ у меня Снегиревъ и де-Сангленъ, которые, выпивъ, врали чортъ знаетъ что“. Де-Сангленъ занимался и философіею, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки М. А. Дмитріева къ Погодину (отъ 29 декабря 1844): „Не можете ли одолжить мнѣ статьи де-Санглена противъ гегелистовъ: это (между нами) для Митрополита, который сказалъ, что если статья хороша, то, можетъ быть, и можно что-нибудь сдѣлать въ ея пользу“.

Въ то время когда Погодинъ прикованъ былъ къ одру болѣзни, Шевыревъ получаетъ письмо отъ священника Благовѣщенской церкви, что на Тверской, Аѳанасія Евѳимовскаго, слѣдующаго содержанія: „Князь Павелъ Ивановичъ Долгорукій, сынъ извѣстнаго нашего писателя Ивана Михайловича, намѣренъ познакомить публику съ оставшимися послѣ покойнаго отца его записками. Посредникомъ избираетъ онъ вашъ журналъ, но, къ сожалѣнію, онъ не имѣетъ чести быть знакомымъ съ г. редакторомъ Михаиломъ Петровичемъ, потому и сомнѣвается, будетъ ли мѣсто въ журналѣ для этихъ записокъ. Чтобы разрѣшить его сомнѣнія, я взялъ смѣлость обратиться къ вамъ, пользуясь правомъ близкаго съ вами сосѣдства и зная притомъ, что большая часть трудовъ по изданію журнала лежитъ на васъ“. Само собою разумѣется, Погодинъ съ радостью воспользовался этимъ предложеніемъ и не за-

медлилъ войти въ личныя сношенія съ княземъ П. И. Долгоруковымъ, который писалъ ему: „Препровождая къ вамъ часть записокъ отца моего, которыя мнѣ бы хотѣлось помѣстить предпочтительно въ журналъ вашъ, я нужнымъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ предположеніи моемъ издавать оныя. Покойный отецъ мой писалъ свои записки болѣе для своего семейства, нежели для публики, и потому въ нихъ не встрѣтите вы ни полныхъ очерковъ политическихъ событій, ни отчетливой характеристики тогдашняго времени. Главное въ нихъ—самъ біографъ, простодушно разсказывающій намъ о своихъ слабостяхъ и недостаткахъ, удовольствіяхъ и огорченіяхъ, наблюденіяхъ и опытахъ, и съ этой-то стороны, по мнѣнію моему, записки отца моего могутъ имѣть интересъ и для публики. Кто знакомъ съ авторомъ *Камина*, *Авось* и *Завѣщанія*, тотъ не сочтетъ излишнимъ для себя узнать его и въ другихъ сферахъ его дѣятельности, общественной и семейной, тѣмъ болѣе, что жизнь писателя есть самое вѣрное средство къ уразумѣнію его произведеній. Что касается самаго слога въ этихъ запискахъ, я не позволилъ себѣ сдѣлать почти ни малѣйшей перемѣны, держась старинной поговорки, что *слогъ есть самъ человѣкъ*, и опасаясь попасть въ разрядъ искусниковъ, которые, старому червонцу стараясь придать блескъ новаго, чистятъ и трутъ его, но тѣмъ самымъ уменьшаютъ его вѣсъ“ [141]).

Такимъ образомъ въ *Москвитянинѣ* впервые появилось начало *Записокъ И. М. Долгорукова*, а продолженіе ихъ остается не напечатаннымъ и до сихъ поръ. Печатая этотъ отрывокъ, Погодинъ замѣтилъ: „*Москвитянинъ* дѣлается, такимъ образомъ, безпрестанно болѣе и болѣе сокровищницею отечественныхъ преданій. Русскіе люди, съ Русскимъ духомъ, съ Русскимъ сердцемъ, ему сочувствуютъ,—какая награда для него можетъ быть пріятнѣе!“ [142]).

Отрывокъ этотъ по своему достоинству былъ оцѣненъ Н. Д. Иванчинымъ-Писаревымъ. „Я получилъ“, писалъ онъ Погодину,—„одиннадцатый № *Москвитянина*. Тамъ я нашелъ

истинный перлъ для отечественнаго журнала: *Записки* моего почтеннаго пріятеля князя Ивана Михайловича Долгорукова. Я какъ теперь помню его бесѣды со мною о знаменитой страдалицѣ Нектаріи, предъ ея портретомъ, который хранится теперь у его дочери Варвары Ивановны Новиковой: все это сказано мною въ брошюрѣ: *Утро въ Новоспасскомъ*. Въ *Москвитянинѣ* были помѣщены его послѣдніе стихи ко мнѣ. Достаньте собственныя записки Натальи Долгоруковой (рожденной графини Шереметевой), списокъ, тому лѣтъ двадцать, былъ у меня. Никакое краснорѣчіе не замѣнитъ ея слога. Извѣстно стихотвореніе Козлова объ ней; но превосходнѣе всего статья Сергѣя Глинки въ прозѣ. Достаньте и ее, отнесите прямо къ нему, если онъ еще живъ. Записки ея можно напечатать, еслибы гдѣ, мѣстами, напечатаны. Статья Глинки и ея записки могутъ быть для васъ полезными въ теперешнемъ вашемъ положеніи: это второй Іовъ" [143]). Впослѣдствіи эти записки были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, по рукописи сообщенной П. И. Бартеневу княземъ Д. И. Долгоруковымъ.

Мужи государственные и ученые царствованій Екатерины II и Александра I привлекали особенное вниманіе Погодина. Печатая въ *Москвитянинѣ* письмо Сперанскаго, изъ Сибири, къ П. А. Словцову, онъ замѣтилъ: „Въ наше тревожное по всей Европѣ время, когда вѣковѣчныя истины колеблются людьми легкомысленными и ослѣпленными, голосъ мудреца, который испыталъ, передумалъ, совершилъ въ жизни столько, какъ Сперанскій, имѣетъ особенное значеніе. Счастливъ, кто имѣетъ уши слышати!" Письмо это Сперанскій начинаетъ такими словами: „Посылаю вамъ время и вѣчность: часы и Библію".

Почитая отшедшее и отшедшихъ, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдилъ за всѣми тѣми, въ коихъ онъ провидѣлъ дарованія, могущія принести пользу въ любезной ему области Русской Исторіи. Мы уже видѣли, что Погодинъ встрѣтилъ похвалами статью Н. И. Костомарова, напечатанную въ *Молодикѣ*. Когда же Костомаровъ, въ 1843 году,

напечаталъ въ Харьковѣ свою магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: *Объ Историческомъ значеніи Русской Народной Поэзіи*, въ *Москвитянинѣ* И. И. Срезневскій помѣстилъ рецензію на эту книгу, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „...Книга Костомарова драгоцѣнна не для однихъ Русскихъ любителей народности, но и для Гриммовъ и Тальви столько же, какъ и для Сахаровыхъ и Снѣгиревыхъ, Караджичей и Коларовъ. Взгляды сочинителя у насъ новость; но на Западѣ они еще болѣе новость... Костомаровъ высказалъ въ своей книгѣ не все, что̀ бы долженъ былъ высказать, оставивъ многое для додѣлки; но и въ такомъ видѣ, въ какомъ книга вышла, она драгоцѣнный подарокъ для литераторовъ и ученыхъ...“ Въ заключеніи этой рецензіи сказано: „Отъ всего сердца можно пожелать, чтобы Костомаровъ не оставилъ заниматься народностями Русскими“ [144]). Въ то же время въ органѣ Западниковъ, *Отечественныхъ Запискахъ*, Бѣлинскій объ этомъ сочиненіи Костомарова отозвался такимъ образомъ: „Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ, Русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г. Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной Русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое-нибудь содержаніе. Это собственно фразы не о Русской, а о Малороссійской народной поэзіи: о Русской тутъ упоминается мимоходомъ. Въ разсказахъ о подвигахъ Анкудина Анкудиновича г. Костомаровъ нашелъ—что бы вы думали?—*романтизмъ!!*“ [145]).

XXXII.

Въ 1843 году переселился изъ Москвы въ Петербургъ почтенный ученый Петръ Спиридоновичъ Билярскій. Окончивъ курсъ, въ 1838 году, въ Московской Духовной Ака-

деміи, онъ былъ назначенъ на должность наставника Пермской Семинаріи; но Билярскій отъ этого назначенія отказался и, по рекомендаціи И. И. Введенскаго, былъ принятъ на должность преподавателя въ Погодинскій Пансіонъ. Сохраняя съ Погодинымъ добрыя отношенія, онъ однако рѣшился искать счастія въ Петербургѣ. Здѣсь онъ остановился у своего пріятеля Введенскаго, на Васильевскомъ Островѣ, въ третьей линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, въ домѣ Сахаровыхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Билярскій тотчасъ же написалъ Погодину: „Вы позволили мнѣ сообщать вамъ объ успѣхахъ моего путешествія: пользуюсь вашей благосклонностью при первой нуждѣ; вы, конечно, не удивитесь, что я такъ скоро обращаюсь къ вамъ съ *нуждой*. Вы сами предвидѣли это, когда, при моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, обѣщали мнѣ свое *письменное* содѣйствіе. Дѣло, однакожъ, вотъ въ чемъ. Прежде всего я былъ у Н. И. Надеждина. Онъ ничего не обѣщалъ мнѣ навѣрное; на первый разъ я и самъ не могъ ожидать чего-нибудь: довольно, если онъ позволилъ мнѣ навѣдаться у себя черезъ нѣсколько дней,—я и за это ему благодаренъ. Сербиновича я до сихъ поръ не могъ отыскать; нынѣшній день надѣюсь быть счастливѣе. Впрочемъ, вы знаете, что я мало разсчитываю на литературный промыселъ, и потому неудача съ этой стороны не очень безпокоитъ меня. Но вотъ что худо: я не знаю, какъ взяться за поиски учительскаго мѣста въ какомъ-нибудь заведеніи. Иринархъ Введенскій говоритъ, что званіе кандидата Духовной Академіи въ глазахъ здѣшняго училищнаго начальства плохая рекомендація. Повѣрить этому не трудно, а въ такомъ случаѣ явиться къ кому-нибудь своей особой безъ вѣрной поруки—значитъ навсегда испортить дѣло. Вы видите, что мои обстоятельства *неизбѣжно* заставляютъ меня просить вашего содѣйствія. Желалъ бы при этомъ доказать вамъ, что я въ состояніи поддержать вашу рекомендацію, и не введу васъ въ слово, хотя бы это было предъ Его Превосходительствомъ Плетневымъ, которому я особенно желалъ бы быть

рекомендованъ. Во всякомъ случаѣ я поручаю мою Петербургскую судьбу вашему доброжелательству".

Билярскій не ошибся. Погодинъ принялъ самое живое участіе въ устроеніи Петербургской судьбы его. По настоянію Погодина, К. С. Сербиновичъ сдѣлалъ Билярскаго членомъ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, поручивъ его вѣдѣнію неофиціальную часть сего журнала.

Въ Петербургѣ Билярскій сошелся и подружился съ А. А. Куникомъ, въ устроеніи судьбы котораго Погодинъ также принималъ живѣйшее участіе.

По возвращеніи, въ концѣ 1842 г., въ Петербургъ изъ чужихъ краевъ, А. А. Куникъ имѣлъ счастіе познакомиться съ почтеннымъ старцемъ Ѳедоромъ Павловичемъ Аделунгомъ, занимавшимъ въ то время должность директора учрежденнаго при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Института Восточныхъ языковъ. Аделунгъ трудился тогда надъ обширнымъ своимъ сочиненіемъ, которое послѣ его смерти вышло въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Критико-Литературное Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій.* О своемъ знакомствѣ съ Аделунгомъ Куникъ писалъ Погодину (отъ 19 января 1843 года): „Два мѣсяца съ половиной тому назадъ я познакомился съ Аделунгомъ; онъ принялъ меня чрезвычайно ласково. Въ высшей степени осторожно, съ участіемъ, онъ освѣдомлялся въ разговорѣ о моей работѣ по *Литературѣ Русской Исторіи*, о моемъ матеріальномъ положеніи и о намѣреніяхъ. Многаго не пришлось сообщать. Затѣмъ, Аделунгъ сказалъ: „Академія Наукъ должна помочь вамъ". Я не понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, и только промолвилъ: Я не могу требовать поддержки отъ Академіи, такъ какъ мой трудъ еще не оконченъ. Четырнадцать дней спустя снова прихожу къ Аделунгу, и какъ и въ первый разъ, провелъ въ литературныхъ разговорахъ. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ меня словами: „Случилось коечто по вашему и нашему желаніямъ". Какъ? Что? „Я полагаю, что вы будете предложены въ Академію". На другой

день появляюсь у Аделунга, и онъ снова заводитъ рѣчь (о томъ же). Теперь впервые меня привелъ въ трепетъ радостный лучъ надежды. Между тѣмъ я выставлялъ на видъ свои не оконченныя работы; Аделунгъ не придавалъ этому большого значенія, а говорилъ: „Это зависитъ отъ Круга, и его я выспрашивалъ по поводу васъ. Онъ сказалъ: „Куникъ очень мнѣ понравился". *Тогда*, продолжалъ Аделунгъ говорить Кругу, *слѣдуетъ оказать ему помощь* и *выбрать въ Академію, чтобы онъ могъ безъ помѣхи заниматься своими работами*. Кругъ не противорѣчилъ. Аделунгъ посовѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Кеппеномъ и Шегреномъ, чтобъ и они замолвили въ мою пользу, что я и исполнилъ: они оба были очень добры ко мнѣ. Ваше имя помогло мнѣ. Съ Устряловымъ я старался, на сколько возможно, стать въ хорошія отношенія. Аделунгъ постоянно хлопоталъ о моемъ дѣлѣ и ободрялъ меня, когда я унывалъ и безнадежно относился къ его хлопотамъ. „Отчего бы", говорилъ онъ,—„не имѣть Круга на вашей сторонѣ, равно какъ Кеппена и Бэра: Уваровъ благожелательствуетъ вамъ. Вѣдь тогда никто имъ противорѣчить не будетъ. И если въ Академіи нѣтъ никакого вакантнаго мѣста, то Уваровъ, какъ министръ и президентъ, можетъ создать таковое для васъ". Эти слова, сказанныя передъ самымъ Рождествомъ, были послѣдними словами Аделунга, обращенными ко мнѣ".

Къ величайшему несчастію А. А. Куника, 18 Января 1843 года Аделунгъ скончался. Въ немъ А. А. Куникъ потерялъ „истиннаго, отечески расположеннаго къ нему друга". Сообщая объ этой потерѣ Погодину, А. А. Куникъ выражаетъ сожалѣніе, что не вполнѣ былъ посвященъ въ работы покойнаго, такъ какъ Аделунгъ сначала былъ очень скрытенъ въ отношеніи къ нему, какъ и ко всякому другому, и лишь только много времени спустя сталъ относиться къ нему довѣрчивѣе. Такъ что не задолго до Рождества, когда А. А. Куникъ въ послѣдній разъ разговаривалъ съ нимъ, Аделунгъ самъ завелъ рѣчь о своихъ предшественникахъ и о своихъ

работахъ, причемъ сказалъ: „Вы не осудите меня за то, что я не всякому даю въ руки свои собранія, съ трудомъ составленныя, равно какъ и относящіяся къ нимъ работы. Но вы—дѣло другое: вамъ я покажу все". Тутъ А. А. Куникъ сообщаетъ, что Аделунгъ собралъ болѣе трехсотъ извѣстій о путешественникахъ по древней Россіи, приготовивъ большую часть всего этого къ печати; что эти извѣстія явятся неожиданностью для Русскихъ историковъ, и что собираніе этого матеріала стоило Аделунгу большихъ денегъ: за одни бумаги Буле заплачено имъ пятьсотъ рублей.

26 января 1843 года происходило погребеніе Аделунга. „Государь", пишетъ А. А. Куникъ,—„прислалъ Наслѣдника, который почтилъ усопшаго поднятіемъ гроба. Сочувствіе было большое. Даже восьмидесятилѣтній Кругъ, не бывшій ни на однихъ похоронахъ со смерти Лерберга, явился, чтобы отдать послѣдній долгъ своему сорокалѣтнему другу".

Кромѣ Аделунга и почтенный старецъ Ф. И. Кругъ явился покровителемъ А. А. Куника въ Петербургѣ. „Кругъ", пишетъ онъ,—„относится ко мнѣ постоянно очень любезно, но объ Академіи ни слова... На сколько я знаю, онъ хорошо отзывался обо мнѣ Кеппену и Бэру. Изъ вѣрнаго источника я могу сообщить вамъ еще слѣдующее: въ сочельникъ Буссе, услышавъ мое имя, сказалъ одному моему знакомому: „А! это молодой человѣкъ, о которомъ мнѣ говорилъ Кругъ. Онъ сказалъ мнѣ: *Въ моемъ возрастѣ я неохотно принимаю посѣщенія незнакомыхъ молодыхъ людей; лишь въ отношеніи къ одному молодому человѣку, прибывшему сюда, я сдѣлалъ теперь исключеніе и сказалъ ему въ первый его приходъ ко мнѣ: Посѣщайте меня иногда!*"—Въ новый годъ зять академика Грефе сказалъ выше упомянутому знакомцу моему: *„Вашъ другъ Куникъ, какъ я слышалъ отъ моего тестя, скоро получитъ мѣсто въ Академіи"*. Даже при полнѣйшемъ недовѣріи, какое обязанъ имѣть историкъ ко всѣмъ извѣстіямъ, я не имѣю основанія сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія, но считаю благоразумнымъ хранить объ этомъ молчаніе, па-

мятуя судьбу болтливаго Панофки". Кругъ допустилъ А. А. Куника въ свою библіотеку, въ которой послѣдній нашелъ факсимиле древняго плана Новгорода, вѣроятно XIII или XIV вѣка. Самъ Кругъ не зналъ, откуда онъ ему достался Но А. А. Куникъ думаетъ, что изъ Любека и предназначался Румянцову не задолго до его смерти. Въ день похоронъ Аделунга Куникъ навѣстилъ Круга, и послѣдній тотчасъ же заговорилъ съ нимъ о бумагахъ покойнаго и сообщилъ ему, что говорилъ съ семьей объ обработкѣ и изданіи ихъ, и что Куникъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, годенъ для этого. Кеппенъ сказалъ Кунику то же самое: „Вы болѣе всѣхъ насъ знаете, такъ какъ покойный часто говорилъ съ вами о томъ".

Посѣтивъ вдову Аделунга, Кругъ рекомендовалъ ей А. А. Куника „для дополненій и изданія".

Въ это время самъ А. А. Куникъ трудился надъ двумя важными сочиненіями: *Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slowenen* и надъ *Литературою Русской Исторіи.*

Своимъ сочиненіемъ о призваніи Русовъ А. А. Куникъ занялъ почетное мѣсто въ ряду писателей Скандинавской школы. Поселившись въ Петербургѣ, онъ съ одушевленіемъ занялся этимъ предметомъ. Погодинъ по вопросу о происхожденіи Руси самъ, какъ извѣстно, принадлежалъ къ писателямъ этой школы, а потому очень естественно, что весьма интересовался изслѣдованіями молодого ученаго, который своими сообщеніями и удовлетворялъ любознаніе старшаго собрата. „Если вы хотите", пишетъ А. А. Куникъ Погодину, „сравнить Скандинавскій элементъ въ *Русской Правдѣ* съ чисто Скандинавскими законами, то для меня также важны древнѣйшіе Датскіе законы. Сабининъ думаетъ найти въ законахъ Канута всѣ строчки *Правды* согласными съ подлинникомъ". А. А. Куникъ сообщаетъ Погодину, что академикъ Дорнъ открылъ у Табари († 924 п. Р. Х.) упоминаніе имени Руси въ VII вѣкѣ, и что „онъ это мѣсто считаетъ подлиннымъ, а самого Табари добросовѣстнымъ и имѣвшимъ предъ собою древніе Арабскіе труды по

Исторіи“. Тутъ А. А. Куникъ приводитъ отрывокъ изъ Табари, въ которомъ идетъ рѣчь о Дербентскомъ царѣ, другѣ Хозарскаго Хана, сказавшемъ Омару, что онъ (царь) съ собственными средствами поведетъ войну „противъ Руссовъ, враговъ всего міра“. Приведя это, А. А. Куникъ задаетъ вопросъ: „Кто такіе эти Руссы? Словене изъ нынѣшней Россіи?—невозможно. Готы Ῥῶς съ Чернаго Моря? Какъ утверждаетъ Кругъ, — врядъ ли. Я думаю, имѣю основаніе считать ихъ Варягами“. Въ это время Французы снарядили ученую экспедицію въ Испанію для разысканія тамъ восточныхъ рукописей. По словамъ А. А. Куника, Кругъ, Френъ и Дорнъ, „ожидаютъ отъ этой экспедиціи разъясненія для древнѣйшей Исторіи Руси въ Арабскихъ и, можетъ быть, Ново-Еврейскихъ рукописяхъ, такъ какъ извѣстно, что въ Варяжскій періодъ многіе Мавры изъ Испаніи были въ Волжскихъ странахъ и у Болгаръ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Куникъ жалуется Погодину, что онъ „тщетно предлагалъ послать просьбу отъ лица Академіи Наукъ къ Французскимъ ученымъ отмѣчать всѣ тѣ сочиненія, въ которыхъ встрѣтится что-нибудь относящееся до Россіи. Это предложеніе сочли унизительнымъ для Академіи на томъ основаніи, что она сама можетъ послать своихъ оріенталистовъ“. Получивъ отказъ Академіи, Куникъ просилъ Погодина, какъ секретаря Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, „воспользоваться этимъ случаемъ и послать письмо упомянутымъ Французскимъ оріенталистамъ отъ имени Общества. Дѣло не такъ трудно, какъ оно кажется. Броссэ — такой человѣкъ, который во всемъ можетъ быть посредникомъ. Вѣдь Румянцовъ поручалъ Французскимъ оріенталистамъ собирать изъ Арабскихъ, Персидскихъ, Турецкихъ и Армянскихъ источниковъ свѣдѣнія о Россіи и Золотой Ордѣ, чтобы напечатать ихъ въ нѣсколькихъ томахъ. Развѣ воля Румянцова не должна быть священна для истинныхъ друзей Русской Исторіи?“

Въ другомъ своемъ письмѣ А. А. Куникъ сообщаетъ Погодину свое мнѣніе объ Апулійскихъ Русахъ: онъ считаетъ ихъ „наемнымъ Византійскимъ войскомъ, посланнымъ въ Италію про-

тивъ Норманов". Затѣмъ А. А. Куникъ сообщаетъ, что онъ занятъ историческимъ мнѣніемъ о переселеніи Варяговъ въ Литву и соединеніи съ ними Литовскихъ князей: „До изданія *Antiquitates Rossicae* ничего вѣрнаго сказать нельзя. Пока извѣстны Варяжское озеро въ Литвѣ, Kunigas Didis, великій князь; по первому слову это, можетъ быть, что-нибудь Скандинавское; Литовскія преданія говорятъ о заморскихъ переселеніяхъ; у древнихъ Пруссовъ была, исторически подтвержденная, Варяжская колонія. Страною Кашубовъ называлось, по свидѣтельству Волынской лѣтописи, стр. 227, поморье Варяжское; Скандинавскія саги подтверждаютъ это". —Шегренъ совѣтовалъ А. А. Кунику войти въ сношеніе съ Копенгагенскимъ Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ; но онъ, какъ пишетъ Погодину, считалъ необходимымъ „поближе познакомить тамошнихъ господъ съ Русскими изслѣдованіями о Варягахъ и Варяжскомъ періодѣ". „А то Краузе и Финъ Магнусенъ", продалжаетъ Куникъ,—„не смотря на свою глубокую ученость помѣстятъ совершенныя глупости въ *Antiquitates Rossicae*. Это я усмотрѣлъ изъ Финскаго оригинала Магнусена. Кромѣ того, эти Копенгагенскіе господа слишкомъ подчиняются вліянію не очень, къ сожалѣнію, глубокомысленнаго Сабинина. Его сочиненіе о Волосѣ, судя по результату,—должно быть глупѣйшая вещь. Впрочемъ, я войду въ сношеніе съ Обществомъ не прежде того, какъ узнаю о планѣ ихъ относительно *Antiquitates Rossicae*".

Въ то же время А. А. Куникъ, трудясь надъ Литературою Русской Исторіи, посылаетъ Погодину планъ своего труда по этому предмету съ просьбою никому его не показывать, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ написать Кругу, что онъ, Погодинъ, какъ „историкъ и притомъ русскій по происхожденію, лучше всего понимаетъ, что такой трудъ, какъ *Литература Іусской Исторіи*, можетъ выйдти изъ рукъ только нѣмца, получившаго возможность работать въ Россіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ". О ходѣ же своихъ работъ по этому предмету А. А. Куникъ писалъ Погодину: „Въ послѣдніе два мѣсяца

собралъ матеріала около шестидесяти писанныхъ листовъ. Никто не можетъ представить себѣ, сколько откопалъ я интереснаго и важнаго. По Востоку мнѣ помогаютъ здѣшніе Нѣмецкіе и Французскіе оріенталисты... Шегренъ поможетъ мнѣ совѣтомъ и дѣломъ, а его богатая Скандинавская библіотека для меня—сокровище. И какія интересныя вещи я уже собралъ изъ житій святыхъ, посланій и т. д, и то мимоходомъ. Въ Русской духовной литературѣ скрыто золото для Русской Исторіи, и для убѣжденія въ томъ я пріобрѣтаю все бо̀льшія доказательства. Потому я думаю со временемъ также пріѣхать къ вамъ на нѣсколько недѣль. А теперь я буду надѣяться вступить въ обладаніе или приступить къ разсмотрѣнію бумагъ Буле и записокъ Аделунга, составлявшихся въ теченіе тридцати лѣтъ, а именно—массы указаній на иностранныя извѣстія по Русской Исторіи, изъ царствованія въ царствованіе, изъ года въ годъ; этихъ указаній, равно какъ извѣстій путешественниковъ, накопилась куча, но они не докончены; ихъ слѣдуетъ довести до конца. Извѣстія путешественниковъ довольно полны. Я наткнулся на одну часть источниковъ, которую до сихъ поръ никто не сумѣлъ оцѣнить. Это—Новогреческіе и документы времени Флорентійскаго собора, находящіеся въ Парижѣ, касательно патріарховъ Константинопольскаго, Александрійскаго и т. д. Вы знаете—дѣло идетъ объ учрежденіи Русской миссіи въ Іерусалимѣ. Порфирія изъ Одессы туда, и для насъ открываются хорошіе виды".

Но для успѣшнаго занятія подобными трудами, необходимо матеріальное обезпеченіе, а этого въ то время, къ сожалѣнію, А. А. Куникъ не имѣлъ. Онъ мечталъ пристроиться къ Академіи Наукъ или къ Румянцовскому Музеуму. Но, не смотря на благоволеніе къ нему Министра Народнаго Просвѣщенія, расположеніе Круга и горячее участіе Погодина судьба А. А. Куника не могла устроиться благопріятно, *скоро, скоро*, какъ того желалъ онъ. Кромѣ Круга и Уварова, Погодинъ писалъ о немъ и Надеждину, и Далю; но ни

тотъ, ни другой не могли сообщить ничего утѣшительнаго. „Теперь о Куникѣ“, писалъ Погодину Надеждинъ,— „и тутъ ты опять несешь ахинею. Кунику я именно предлагалъ мѣсто домашняго учителя; и это мѣсто, какъ послѣ оказалось, было именно—у Даля. Но онъ отказался, довѣряясь обѣщаніямъ Уварова. И дѣйствительно, безъ Уварова ему нельзя ступить шагу. Только въ ученую службу можетъ онъ быть принятъ: въ прочія—ни куда. Теперь онъ сбирается держать экзаменъ на магистра. Но и это, знающіе говорятъ, невозможно. Надо прежде держать экзаменъ на кандидата вмѣстѣ съ студентами. Между тѣмъ никакого затрудненія нѣтъ опредѣлить бы его лекторомъ въ университетъ или учителемъ въ гимназію, даже въ уѣздное училище. Первое дало бы ему въ то же время и чинъ, если я не ошибаюсь“. Но А. А. Куникъ именно и не желалъ посвящать себя педагогической дѣятельности. „Если“, писалъ онъ Погодину, — „рухнетъ моя слабая надежда, какую я еще имѣю, то я попаду въ худое положеніе; мнѣ придется обратиться къ учительской дѣятельности, тогда, естественно, нужно будетъ проститься съ моими большими работами, которыя я могъ бы выполнить лишь при какомъ-нибудь покойномъ мѣстѣ и только въ Петербургѣ. Кругъ увѣряетъ, что для Уварова пустяки устроить для него мѣсто въ Академіи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Куникъ счелъ нужнымъ написать Погодину и слѣдующее: „Вы знаете, сколько важныхъ причинъ имѣю я, чтобъ уважать министра Уварова, и вы знаете также мою привязанность къ Россіи. Въ Пруссіи дѣла идутъ печально. Политика все разлагаетъ. Чрезъ это Философія становится болтовней о томъ и о семъ, а Исторія страдаетъ отъ непостоянства мнѣній. При этомъ настроеніе противъ Россіи естественно.—Если Министръ теперь питаетъ недовѣріе и подозрительность къ нѣмцу, то въ настоящую минуту я могу объяснить себѣ это лучше васъ. Только, по правдѣ, я не заслуживаю быть зачисленнымъ въ ряды тѣхъ крикуновъ. Я твердо намѣренъ ни въ чемъ не провиниться передъ Россіей,

въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни былъ... Я слишкомъ много люблю Россію, чтобы измѣнить этому намѣренію. Мнѣ было бы пріятно, еслибы вы могли убѣдить Министра, что онъ не долженъ имѣть никакого недовѣрія ко мнѣ въ этомъ отношеніи; когда я былъ у него вторично, онъ былъ гораздо откровеннѣе, право, даже довѣрчивъ; а вчера опять выказалъ недовѣріе въ этомъ отношеніи. Читали ли вы именной указъ Прусскаго короля относительно цензуры? Въ немъ приблизительно сказано: „Я не желаю, чтобы наука и литература исчезли въ ежедневныхъ газетахъ“.

Не болѣе утѣшительно было для А. А. Куника и письмо Даля къ Погодину: „Думалъ я Кsurvival— и туда и сюда, воля ваша, не знаю, куда бы его можно у насъ дѣвать и что ему совѣтовать. Еслибы Статистическое Отдѣленіе было въ порядкѣ, еслибы тамъ что-нибудь дѣлалось, сидѣли живые люди, а не мертвые—то надо бы тамъ дать ему мѣсто; а при теперешнихъ обстоятельствахъ я не въ силахъ сдѣлать ничего“.

А. А. Куникъ терялъ всякое терпѣніе; а нижеслѣдующее письмо князя П. А. Ширинскаго-Шихматова къ Погодину повергло его просто въ отчаяніе: „А. Х. Востоковъ сообщилъ мнѣ“, писалъ князь Ширинскій-Шихматовъ, — „письмо ваше къ нему о г. Куникѣ, который ищетъ мѣста помощника библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеумѣ. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія говорилъ мнѣ о желаніи своемъ употребить г. Куника по Министерству и о намѣреніи опредѣлить его при Музеумѣ, но къ помѣщенію его въ должность помощника библіотекаря представляется невозможность въ томъ отношеніи, что въ это званіе, какъ въ должность гражданскую, могутъ быть опредѣляемы только Русскіе подданные, и притомъ оно положено въ классѣ и можетъ быть занято только чиновникомъ, имѣющимъ соотвѣтственный тому чинъ. Такъ какъ г. Куникъ не имѣетъ еще никакого чина и даже присяги на Русское подданство не принялъ, то онъ и не удовлетворяетъ ни одному изъ вышесказанныхъ условій“.

Въ горестномъ положеніи А. А. Куника принялъ теп-

лое участіе другъ его П. С. Билярскій и тайкомъ отъ него написалъ слѣдующее письмо къ Погодину: „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о Куникѣ, и беру это на себя потому, что его положеніе едва ли кому извѣстно, какъ мнѣ. Самъ онъ, я знаю, ничего не писалъ вамъ о себѣ, и, вѣроятно, не будетъ писать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ рѣшительнаго шага, къ которому принуждаютъ его обстоятельства. Я самъ не повѣрилъ бы тому, что буду писать вамъ, еслибы узналъ это отъ кого-нибудь другого, а не отъ самого Куника. На дняхъ онъ пришелъ ко мнѣ такой разстроенный, какимъ я еще не видывалъ его. Напрасно онъ пытался одушевить себя своими любезными Варягами, о которыхъ онъ въ послѣднее время всегда говорилъ съ увлеченіемъ, потому что занимался ими съ большимъ успѣхомъ и приготовилъ сочиненіе, которое, по его словамъ, должно, наконецъ, поставить въ тупикъ Словеномановъ: ни Варяги, и ничто другое не могло возвратить мнѣ прежняго Куника, всегда—даже въ самыхъ плохихъ обстоятельствахъ бодраго, живаго, полнаго одушевленія къ наукѣ и готоваго воодушевить другого. Вмѣсто всего, что бывало между нами прежде, онъ, къ удивленію моему, предложилъ играть въ карты! Этимъ онъ отнялъ у меня возможность узнать что-нибудь о причинѣ его разстройства; но за то, когда я пошелъ провожать его, два-три вопроса съ моей стороны тотчасъ вызвали на откровенность: онъ не могъ долѣе держаться. Здѣсь онъ сказалъ мнѣ, что для него нѣтъ никакой надежды получить мѣсто ни по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, ни по гражданской службѣ, что во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ больше оставаться въ этомъ нерѣшительномъ положеніи, потому что не имѣетъ денегъ и потому особенно, что пора избрать что-нибудь положительное, чтобы успокоить своихъ родителей, къ которымъ онъ не смѣетъ писать о себѣ уже около года. На мой вопросъ: что же онъ намѣренъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ: *идти въ прикащики къ книгопродавцу*! Разумѣется, я не могъ не обнару-

жить своего удивленія; но онъ сказалъ мнѣ, что любовь его къ наукѣ погасла, что теперь онъ не въ состояніи получаса просидѣть за книгой, что никогда не будетъ раскаяваться, лишь бы выбиться изъ теперешняго положенія, что прежнее одушевленіе его никогда не возвратится, и что ему не придутъ въ голову самыя воспоминанія объ этой горькой эпохѣ жизни, и пр. и пр. Разумѣется, онъ ошибается въ себѣ самомъ: разставаясь съ наукой равнодушно, безъ сожалѣнія, онъ не сталъ бы плакать такъ горько, какъ плакалъ, говоря это. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, я не могъ разувѣрить его, тѣмъ менѣе утѣшить или обнадежить, и онъ остался при своемъ намѣреніи быть прикащикомъ! Зная, какое участіе вы принимаете въ немъ и какъ дорога была бы для васъ потеря его для науки, я счелъ своей обязанностью увѣдомить васъ объ этомъ, и каковы бы ни были въ настоящее время ваши занятія и заботы, надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня, что я развлекъ васъ. Рѣшительно, не знаю, сказывать ли мнѣ объ этомъ письмѣ Кунику? Вѣроятно, это будетъ зависѣть отъ минуты, въ какую съ нимъ увижусь“.

Разумѣется, письмо это очень растрогало Погодина, и онъ, чрезъ Н. К. Калайдовича, предложилъ А. А. Кунику пріѣхать къ нему въ Москву; но А. А. Куникъ на это не согласился, о чемъ Калайдовичъ и увѣдомилъ Погодина: „Я видѣлъ Куника и передалъ ему ваше приглашеніе. Онъ, кажется, не хочетъ выѣзжать изъ Петербурга, хотя горько жалуется на свою здѣшнюю жизнь. Кромѣ того, отзывается недостаткомъ денегъ на поѣздку и на расплату съ долгами, на что, по его разсчету ему надобно рублей двѣсти. Разумѣется, я не могу дать ему и четверти этой суммы“.

Наконецъ, горизонтъ началъ проясняться для А. А. Куника. Вышеприведенныя строки Калайдовича писаны въ концѣ 1843 года, а 16 февраля слѣдующаго 1844 года, А. А. Куникъ былъ опредѣленъ въ сверхштатные хранители по части Русскихъ монетъ и Древностей при Нумизматическомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ и, какъ увидимъ ниже, въ концѣ того же

1844 года, онъ былъ сопричисленъ, въ званіи адъюнкта, къ первенствующему ученому сословію Россійской Имперіи.

XXXIII.

Къ числу не маловажныхъ заслугъ Погодина Русскому Просвѣщенію, какъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣчать, относится его сердечное участіе къ скромнымъ и часто забитымъ провинціальнымъ труженикамъ науки *о Русской старинѣ и народности*, для которой они, живя въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстностяхъ Русскаго Царства, изыскивали источники его Исторіи.

Одинъ изъ скромныхъ чиновниковъ Дирекціи Училищъ Архангельской губерніи представилъ своему начальнику Ильѣ Никольскому *Описаніе свадебъ Архангельской губерніи*. Никольскій, препровождая это *Описаніе* Погодину, писалъ: „Прошу подвергнуть эту рукопись разсмотрѣнію, можетъ быть, что-либо и найдется въ ней достойнаго вниманія для помѣщенія въ вашемъ журналѣ, который я, съ своей стороны, уважаю отъ чистаго сердца, какъ журналъ истинно-русскій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же Никольскій проситъ передать И. И. Давыдову собранныя въ Архангельской губерніи пѣсни, слова и загадки, которыя могутъ пригодиться для его трудовъ по званію академика.

Дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина изъ Архангельской губерніи былъ Николай Борисовъ. Онъ изъ отдаленнаго Шенкурска сообщаетъ ему любопытнѣйшія свѣдѣнія объ одномъ мужикѣ, который „за рюмку водки наскажетъ вамъ“, пишетъ Борисовъ Погодину, — „сказокъ такую бездну, что лишь бы стало охоты слушать; онъ краснобай ужасный, знаетъ много старинныхъ преданій, повѣрій, разсказовъ и легендъ; жаль только, что онъ рѣдко бываетъ въ Шенкурскѣ, а въ его деревню ѣхать весьма далеко: онъ живетъ

въ самой отдаленной деревнѣ нашего уѣзда, который чрезвычайно обширенъ".

Вслѣдъ за симъ Борисовъ отправляетъ Погодину часть обѣщанныхъ имъ пѣсенъ и сказокъ и при этомъ пишетъ: „Послѣднія, можетъ, быть плохи, но, извините, я не успѣлъ еще переписать лучшихъ; въ скоромъ времени пошлю вамъ: Илью Муромца, Калина Календаровича, Марью Царевну и сказку о курьей избѣ, трехъ платьицахъ и саночкахъ самокаточкахъ—превосходная сказка! Я нашелъ здѣсь крестьянина, сообщившаго мнѣ эти сказки, у котораго, кажется, вся голова только и наполнена сказками да пѣснями; онъ самъ говоритъ, что знаетъ „чортову пропасть эвтакихъ разныхъ побывальщинокъ; до трехъ сотъ!!" Но вотъ бѣда: онъ такъ отчаянно пишетъ, что въ его каракулькахъ надо съ огнемъ искать смысла; со словъ же его писать нѣтъ возможности: онъ сказываетъ свои сказки какъ будто читаетъ „*Помилуй мя, Боже*"; тише не можетъ, сбивается. Извините меня, что посылаемыя пѣсни дурно перечисаны; я торопился и въ хвостъ и въ голову; впрочемъ, я полагаю, что вы разберете мои іероглифы. Я не знаю, не напечатанъ ли *этотъ* самый Илья Муромецъ въ собраніи Кирши Данилова; этой книги у насъ не водится. У меня эта сказка такъ начинается:

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ
Жилъ былъ старикъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У него былъ сынъ Илья Муромецъ,
Онъ былъ на возрастѣ,
Какъ быть соколъ на возлетѣ;
Онъ просилъ у роднова батюшки
Благословенья великова,
На вѣки нерушимова... и пр.

Я читалъ объ этомъ Ильѣ въ критикѣ *Отечественныхъ Записокъ* на Киршу Данилова; къ несчастію, изъ этой критики я ничего не понялъ о Муромцѣ, и списываю его, полагая, что мой Муромецъ только однофамилецъ съ Муромцемъ Кирши Данилова, а въ ходѣ разсказа они различны". Въ другомъ

своемъ письмѣ Борисовъ сообщаетъ Погодину слѣдующее важное свѣдѣніе: „Въ Пустозерскѣ, селеніи, лежащемъ при самомъ впаденіи рѣки Печоры въ океанъ, есть одинъ старожилъ, у котораго изъ рода въ родъ хранится лѣтопись, или, по здѣшнему, *запись* о томъ, какъ и когда вышли изъ Новгорода вольные люди и заселили Печорскія окрестности и самый Пустозерскъ; это мѣсто было въ древности мѣстомъ ссылки важныхъ преступниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта запись весьма интересна; она, говорятъ, чрезвычайно ветха. Одинъ изъ моихъ Архангельскихъ знакомыхъ имѣетъ сношенія съ этимъ старожиломъ и обѣщалъ мнѣ достать списокъ съ сей записи. Если это исполнится, то я непремѣнно сообщу вамъ ее“.

Учитель Усть-Сысольскаго уѣзднаго училища Михаилъ Ивановичъ Михайловъ обращается къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Чиновникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, незнакомый вамъ ни по слухамъ, ни сочиненіями, осмѣливается предложить услуги, желаетъ быть корреспондентомъ издаваемаго вашимъ превосходительствомъ журнала. Пять лѣтъ употреблены мною на собраніе матеріаловъ для составленія подробнаго описанія домашняго быта Зырянъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, равно статистическихъ и топографическихъ свѣдѣній. И уже ль факты и критическія изысканія объ этомъ народѣ, намъ родномъ по вѣрѣ и происхожденію, не будутъ стоить вниманія ученой, просвѣщенной публики, не займутъ нѣсколько досужихъ ея часовъ? Совершенно чуждый предубѣжденія и пристрастія, я разсматривалъ народъ и все окружающее его не какъ-нибудь слегка, опрометчиво, но нѣсколько разъ повторялъ, и безъ того частыя, наблюденія, подмѣчивая разбросанныя черты домашняго быта, особенности въ жизни и характерѣ, однимъ словомъ, слѣдилъ его во всѣхъ положеніяхъ жизни и потомъ дѣлалъ послѣднее заключеніе, высказывалъ свою мысль, мнѣніе справедливое, основанное не на поверхностномъ изслѣдованіи. Любознательность моя, соображая примѣтное, касалась семейныхъ отношеній Зырянъ и находила рѣзкую противоположность на-

шимъ—Русскимъ. Всѣ эти матеріалы, собранные и повѣренные на мѣстахъ и изложенные въ строгой послѣдовательности, ожидаютъ уголка въ вашемъ журналѣ, если будетъ на то согласіе вашего превосходительства, и если я уже не лишній корреспондентъ *Москвитянина.* Льщу себя надеждою, что мои посильные труды—слѣдствіе долговременныхъ изысканій о Зырянахъ—заслужатъ ваше благосклонное вниманіе и не унизятъ достоинства журнала. Не смѣю предлагать никакихъ условій на статьи, которыя исправно будутъ пересылаться въ редакцію журнала, а поручаю ихъ полному, благосклонному расположенію вашего превосходительства, желая только получить право пользоваться годичнымъ его изданіемъ наравнѣ съ прочими корреспондентами. Ваше превосходительство! Извините навязчивое предложеніе, простите смѣлость, вынужденную желаніемъ проговорить нѣсколько словъ о народѣ, почти забытомъ, почти исключенномъ изъ программы литературной дѣятельности, о народѣ, котораго осѣняетъ одинъ и тотъ же кровъ общей нашей матери — Россіи, которымъ управляетъ тотъ же державный, благословенный Скипетръ Царя Православнаго".

О статьѣ П. И. Савваитова *Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ,* помѣщенной въ *Москвитянинѣ* 1842 г., Михайловъ, въ этомъ же письмѣ отзывается, что свѣдѣнія, въ ней помѣщенныя, „темны, во многихъ мѣстахъ неточны, неудовлетворительны, какъ почерпнутыя изъ устарѣлыхъ источниковъ, или списанныя со словъ Зырянъ-семинаристовъ, обучающихся въ Вологодской семинаріи, гдѣ г. Савваитовъ былъ профессоромъ. Впрочемъ и за эти свѣдѣнія мы весьма благодарны ему, какъ принявшему трудъ — сообщить публикѣ читающей нѣчто о Зырянахъ". Желаніе Михайлова было исполнено. Погодинъ напечаталъ его статьи о Зырянахъ въ *Москвитянинѣ* 1849 и 1851 годовъ.

Въ Суздалѣ жилъ и трудился надъ тамошними древностями И. А. Шухвостовъ и предлагалъ Погодину представить описаніе собора и монастырей, а также представить снимки

„со всѣхъ примѣчательныхъ, древностью архитектуры, храмовъ, съ царскихъ вкладовъ и прочихъ древнихъ вещей".

Мы знаемъ, что Погодинъ имѣлъ обширныя связи съ людьми всѣхъ классовъ Русскаго царства. Такъ одинъ угличанинъ, нѣкто Серебрянниковъ, поощренный собственноручной припискою Погодина въ письмѣ къ нему, написалъ нашему Историку восторженное письмо: „Собственноручная приписка ваша къ письму для меня есть и повѣкъ останется неизгладима: во-первыхъ, потому, что вы, не будучи угличаниномъ, сочувствовали намъ чувствомъ россіянина; во-вторыхъ, потому, что будучи заняты тысящесложными дѣлами вашей службы, вы не забыли и объ нашихъ чувствахъ; въ-третьихъ, потому, что вы совершенно отгадали чувства Угличанъ. Ибо день *15-го Маія* есть день для Угличанъ, какого не было въ Россіи, какъ не было подобнаго событія во всей ея Исторіи. И потому первый ударъ въ соборный колоколъ потрясаетъ всѣ души Угличанъ, подобно какъ онъ потрясъ въ страшный день убіенія царевича Димитрія, ударятъ въ другой разъ въ колоколъ, то намъ кажется, что сердце обливается кровію, ибо Угличане мнятъ ее увидѣть текущею изъ раны царственнаго отрока; ударятъ въ третій разъ, и Угличане трепещутъ въ какомъ-то неизъяснимомъ ужасѣ, какъ будто боятся увидѣть трепещущаго царевича, яко голубя закланнаго.—И чѣмъ больше колоколъ заунывно гудитъ, тѣмъ больше воспоминаній тѣснится въ душу. И какихъ воспоминаній: самыхъ горестныхъ. Идешь въ нашъ Угличскій Кремль, и чувства души не можешь настроить на благоговѣйную молитву; они волнуются, какъ волнуется народъ, текущій со всѣхъ концовъ города. Здѣсь невольно думаешь, что народъ стекается на зовъ колокола, чтобъ видѣть страшное и нежданное зрѣлище: царевича, плавающаго въ крови; Мать, убитую отчаяніемъ, бросающуюся на свое чадо, омоченную въ его святую и неповинную кровь; дядей, вдыхающихъ жизнь въ безжизненный трупъ своего племянника. Они оплакиваютъ вмѣстѣ съ царицею, своею сестрою, горько, отчаянно оплакиваютъ свою надежду, свою радость,

свою честь, свое величіе, тутъ мнишь видѣть истерзанную кормилицу за ея жалость къ царственному своему питомцу. Тутъ чаешь видѣть убійцъ, однихъ бѣгущихъ скрыться, другихъ рыщущими въ народѣ и возбуждающихъ народъ противъ Нагихъ. Намъ видится пономарь, указывающій убійцу, и народъ, терзающій въ изступленіи Битяговскаго и его клевретовъ. Намъ слышится: крикъ, шумъ, говоръ, стоны и вопли того страшнаго дня, который лишилъ насъ законнаго наслѣдника Русскому трону и породилъ столько самозванцевъ, партіи убивствъ и треволненій въ несчастномъ тогда нашемъ отечествѣ; тутъ и дворецъ, гдѣ царевичъ жилъ и цвѣлъ здоровьемъ, а душа Угличанъ и всей Россіи цвѣла надеждою на счастіе; тутъ и церковь царевича Димитрія на крови, гдѣ кровь обагрила землю, вопіяла на небо и вызвала столько громовъ на главу: Годунова, Самозванцевъ и Шуйскаго, *который оклеветалъ святаго въ своемъ Слѣдствіи и очернилъ невиннаго черною, небывалою немощью.* Тутъ и соборъ, гдѣ убіенный царевичъ лежалъ четыре дня, оплакиваемый родными и Угличанами. Тутъ двѣ серебряныя раки въ соборѣ и у Царевича на крови напоминаютъ его нетлѣнныя мощи. Тутъ носилки и пелена и обагренныя его кровью куски земли и другая церковь царевича Димитрія на полѣ—памятникъ разставанія Угличанъ съ своимъ Покровителемъ, тутъ и площадь въ кремлѣ, облитая кровію убійцъ, и другая площадь, омытая и утучненная кровію нашихъ сограждан Угличанъ, казненныхъ Годуновымъ, дальновиднымъ гонителемъ Угличанъ. И словомъ тутъ всякій шагъ земли и все окружающее насъ въ Угличѣ напоминаетъ намъ событіе, исторгающее слезы и удивленіе. Угличъ празднуетъ день своего заступника страстотерпца царевича Димитрія три раза въ годъ: его рожденіе, ужасную для Россіи смерть и перенесеніе его мощей въ Москву. Картина этихъ празднествъ, неописанно величественна и неизъяснимо благоговѣйна и непостижимо грустна. И потому не удивляйтесь, ваше высокородіе, что приписка ваша къ письму возродила во мнѣ столько чувствъ и сдѣлала столько длиннымъ

мое письмо, ибо эти чувства вѣчны во всякомъ угличанинѣ и не разлучатся съ душами нашими, покудова и міръ будетъ стоять“.

П. И. Мельниковъ, занимаясь въ то время Нижегородскою Исторіею, писалъ Погодину изъ Нижняго Новагорода (въ іюлѣ 1843): „Я продолжаю заниматься Нижегородскою Исторіею, которую надѣюсь издать въ нынѣшнемъ году: вашъ Московскій книгопродавецъ Н. И. Улитинъ взялъ напечатать мой трудъ. Обѣщалъ я ему кончить сочиненіе къ ярмаркѣ, но думаю, что не успѣю исполнить моего обѣщанія. Разныя открытія, болѣе или менѣе важныя, мною сдѣланныя, заставили меня издать книгу хотя и позже, но лучше. Я помню совѣтъ вашъ—не торопиться. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* вскорѣ встрѣтите вы статью мою о Нижнемъ въ началѣ XVII столѣтія. Тамъ увидите статистику Нижегородскую того времени и многія доселѣ не изданныя подробности о воззваніи Минина и о пр. Прошу васъ усердно—промолвите словечко объ этой статьѣ, какъ вы найдете ее—промолвите письменно, или даже и въ *Москвитянинѣ*. Рецензія такого человѣка, какъ вы, дорога для меня—позвольте воспользоваться вашими замѣчаніями“.

Въ то же время Мельниковъ находитъ „рѣдкость въ Нижнемъ. Это—колоколъ въ Печерскомъ монастырѣ. Оставляя“, пишетъ онъ,—„до особой статьи, которую пришлю въ вашъ *Москвитянинъ*, подробное его описаніе, приведу здѣсь надпись, находящуюся на немъ: Osana ✠ heissen ✠ ich ✠ alles ✠ veret ✠ uvertriben ✠ ich ✠ Iost ✠ von ✠ hahenor ✠ gos ✠ mich ✠ anno ✠ domini ✠ M ✠ CCCC ✠ XCIII ✠. Я такъ перевожу надпись: *Осанной называюсь я, всѣ несчастія прогоняю я; Іостъ фонъ (или изъ) Гагедноръ (или Гагеноръ) лилъ меня 1493 года.* Въ концѣ надписи крылатый телецъ (Лука евангелистъ?), подъ этимъ изображеніемъ какой-то святой (?) безъ бороды, въ Греческой мантіи съ книгою въ рукахъ и наклоненною головою—безъ вѣнца. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ вопросами: 1) Не извѣстенъ ли вамъ Іостъ фонъ Гагеноръ, какъ литейщикъ? 2) Не изображаетъ ли телецъ герба какого нибудь

Ганзейскаго города? напримѣръ, Любека? 3) Какъ вы полагаете—литъ ли этотъ колоколъ нарочно для Нижняго, или не перевезенъ ли изъ Новгорода во время переселенія Новгородцевъ? 4) Не изображенъ ли внизу литейщикъ? 5) Извѣстны ли въ Россіи колокола XV столѣтія иностраннаго литья и если извѣстны, то гдѣ они находятся? Сдѣлайте одолженіе, Михаилъ Петровичъ, увѣдомьте меня обо всемъ этомъ обстоятельно; я принялся было писать статью объ этомъ, но перерывъ всѣ книги, лѣтописи и листы, которые имѣю подъ руками—рѣшительно ничего не отыскалъ ни о Гагенорѣ, ни даже о Нѣмецкихъ литейщикахъ въ Россіи, бывшихъ въ 1493 году. Не мудрено, что колоколъ литъ въ Новгородѣ и съ Новгородцами отправленъ въ Нижній. Есть же вѣдь преданіе, что въ Нижній привезли и Мареу, и вѣчевой колоколъ. И почему знать? Можетъ быть, славный вѣчевой колоколъ не далѣе какъ въ 1834 году перелитъ вашимъ знакомымъ (не въ укоръ будь сказано покойнику) Иннокентіемъ *). Слова монаховъ: „Тотъ былъ годами ста постарше, и такой крѣпкой, что какъ сбросили его на камни съ колокольни, такъ не разбился“.

Жителю Мологи Метафрасту, Погодинъ даетъ предначертаніе для его занятій въ области Старины и Народности. Во исполненіе этого предначертанія Метафрастъ совершаетъ поѣздку на злополучную рѣку Сить и тамъ записываетъ мѣстныя преданія и повѣрья. Тамъ разсказывали Метафрасту, что въ верховьяхъ Сити находятся надгробные камни съ надписями, которыхъ никто не можетъ прочесть. Относительно же задачи: описать древній бытъ Мологи, Метафрастъ жалуется Погодину на недостатокъ въ матеріалахъ. „Проговаривали“, пишетъ онъ,—„объ одной рукописи касательно этого предмета, хранящейся въ имѣніи графа Мусина-Пушкина **). Если

---

*) Иннокентій Платоновъ, архимандритъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря. Скончался въ 1842 году.

**) Въ селѣ Иломнѣ, принадлежавшемъ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. Онъ скончался въ Москвѣ; тѣло его было перенесено на рукахъ его крестьянами для погребенія въ этомъ селѣ.

удастся завладѣть ею на время, перечитаю. Только едва ли она не была въ рукахъ незабвеннаго Карамзина" [146]).

Одинъ бѣлоруссъ, по имени Петръ Кушинъ, прислалъ Погодину свои стихи; но Погодинъ посовѣтовалъ ему заняться лучше описаніемъ своего края, нарѣчія, образа жизни жителей. Кушинъ, будучи убѣжденъ доводами Погодина, занялся разрѣшеніемъ предложенной ему Погодинымъ задачи и представилъ ему статью подъ заглавіемъ *Гѣцыки*. Печатая ее въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣтилъ: „За этотъ разсказъ Шафарикъ, Срезневскій, Прейсъ, Бодянскій будутъ усердно благодарить *Москвитянина*, найдя здѣсь вѣрное описаніе Бѣлорусскаго нарѣчія, какого у насъ не бывало, вмѣстѣ съ образцами, а любители Изящной Словесности можетъ быть разсердятся, зачѣмъ я ихъ угощаю такою дикостью вмѣсто переводовъ изъ Дюмаса или Марріета, но, милостивые государи, Бѣлоруссія есть часть Россіи! Неужели не любопытно вамъ узнать, какъ живетъ тамъ Польскій помѣщикъ, какъ живетъ Русскій помѣщикъ, какъ живетъ Русскій крестьянинъ, весною и лѣтомъ, осенью и зимою, на какой степени онъ стоитъ въ лѣстницѣ Русскаго образованія?" Въ заключеніе Погодинъ заявляетъ: „Желаю усердно, чтобы примѣръ Кушина нашелъ подражателей, и чтобы такимъ образомъ сдѣлались извѣстными всѣ разнородные края нашего неизмѣримаго Отечества. Я получилъ уже многое о Смоленскѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ. Ничего такъ мало мы не знаемъ какъ себя. *Москвитянинъ* почитаетъ себя счастливымъ, что получаетъ безпрестанно болѣе и болѣе возможности знакомить Русскихъ съ Россіей" [147]).

Старый университетскій товарищъ Погодина Леопольдовъ писалъ ему изъ Саратова: „Учу десятилѣтняго сына, пишу кое-что о своемъ краѣ, хотя на это здѣсь смотрятъ, какъ на глупости, и почти все перетрясъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ... Ученость здѣсь вообще убогая и устремлена къ картамъ, вину, обжорству и лѣни. Жаль юное поколѣніе, коснѣющее въ невѣжествѣ. По службѣ уважаются

звонкія условія болѣе всего. Для наѣхавшихъ ревизоровъ по всѣмъ частямъ недостаетъ квартиръ, а все толку мало. Здѣшній край представляетъ обширное поле для юмористики; но боюсь писать. И за статистику вызывали на дуэль... По прежнему люблю отъ души Москву и Московское и Московскихъ ученыхъ, истинно Русскихъ. Прежде часто писывалъ ко мнѣ С. А. Масловъ, но нынѣ смолкъ почему-то. Недавно удостоилъ меня письмомъ его превосходительство А. А. Прокоповичъ-Антонскій". Въ другомъ своемъ письмѣ Леопольдовъ писалъ: „Посылаю вамъ пять Малороссійскихъ пѣсенъ, слышанныхъ мною отъ Саратовскихъ Малороссіянъ, сходцевъ изъ разныхъ Малороссійскихъ губерній, и статью: *Простонародныя слова*, здѣшнимъ простонародьемъ употребляемыя въ разговорѣ—плодъ моихъ мѣстныхъ наблюденій. Если тѣ и другія годятся, то удѣлите имъ мѣстечко въ *Москвитянинѣ*. За вѣрность послѣднихъ вполнѣ ручаюсь, какъ уроженецъ и давнишній житель здѣшняго края. Постараюсь еще кое-что выслать, какъ скоро изготовлю. Прошу васъ покорнѣйше передать мое искреннее почтеніе Степану Петровичу Шевыреву, который вѣрно припомнитъ меня какъ надзирателя бывшаго Университетскаго Благороднаго Пансіона. Онъ, по рожденію, принадлежитъ Саратовскому краю, да и въ нашемъ Дворянскомъ Синодикѣ (живыхъ) значится. Я хочу сдѣлать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ небольшую перекличку людей, съ честію подвизавшихся на разныхъ поприщахъ отечественнаго служенія; коснусь и его, только мало имѣю въ виду матеріаловъ для этого. Еще передайте ему: не угодно ли ему меня употребить для какихъ-либо дѣлъ по Саратову, если только они есть? Я это готовъ принять на себя съ большимъ удовольствіемъ".

Въ концѣ 1842 года покинулъ навсегда Вологду почтенный изслѣдователь Вологодской старины и народности Павелъ Ивановичъ Савваитовъ. Протоіерей Нордовъ извѣстилъ объ этомъ Погодина: „П. И. Савваитовъ съ августа мѣсяца (1842 года) въ Петербургѣ профессоромъ тамошней Семина-

ріи и уже обязался брачными узами". Вслѣдъ за симъ откликнулся изъ Петербурга Погодину и самъ П. И. Савваитовъ (отъ 23 марта 1843 года): „Стыжусь", писалъ онъ,—„самого себя за свою непростительную вину предъ вами, добрый Михаилъ Петровичъ, и даю обѣщаніе на будущее время быть исправнѣе. Въ немногихъ, дорогихъ для меня, строкахъ вашего письма собрано много горячихъ углей на мою голову—и по дѣломъ. Теперь разскажу вамъ, что со мною сдѣлалось съ того времени, какъ поѣздка ваша въ Маріенбадъ заставила меня замолчать такъ надолго: а много воды протекло съ того времени! Съ нетерпѣніемъ ждалъ я каникулъ, въ которые должна была рѣшиться судьба моя; и только настали они, желанные, я немедленно отправился въ Петербургъ. Вы открыли мнѣ широкую дорогу сюда, и вамъ всегдашняя моя благодарность за это; по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ стоило только явиться къ графу Протасову и г. Карасевскому и я исключенъ изъ списковъ Вологодскихъ профессоровъ; съ 13 августа прошедшаго года я уже въ здѣшней Семинаріи профессоромъ Патристики, Герменевтики, Св. Писанія и Чтенія Св. Отцовъ — море великое и пространное. Съ перемѣщеніемъ въ Петербургъ я рѣшился скорѣе осуществить и свою давнишнюю, задушевную мечту. При помощи Божіей, дѣло уладилось скорѣе, чѣмъ я думалъ: 20 сентября вѣнчали меня съ дочерью здѣшняго Волковскаго кладбищенскаго протоіерея *), у котораго я и живу до сихъ поръ. Послѣ такого экстреннаго обстоятельства, какова женитьба, время пролетѣло до святокъ такъ скоро, что я и не замѣтилъ этого. Въ святки былъ я въ Новгородѣ. Видѣлъ много любопытнаго— стоило бы пожить въ Новгородѣ не въ святки только. Былъ въ тамошней Софійской библіотекѣ. До сихъ поръ хватали изъ нея ut canis ex Nilo. Когда-то, позвольте спросить у васъ, примутся за нее, какъ должно? А эта обязанность лежитъ, кажется, на вашемъ Обществѣ Исторіи и Древно-

*) Впослѣдствіи намѣстникъ Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры архимандритъ Ааронъ.

стей. Для Музея графа Румянцова нынѣшній протоіерей Знаменскаго Собора, бывшій прежде ключаремъ Софійскимъ, переписалъ три тысячи листовъ—и далеко еще до всего. По этому случаю онъ велъ переписку съ Графомъ, и, если вамъ угодно, то *Москвитянинъ* можетъ получить ее. И послѣ святокъ также скоро летитъ время; а дѣло все еще впереди. Только описаніе Вологодской епархіи у меня готово, и я не знаю, что дѣлать съ нимъ? Хлопотать съ книгопродавцами не умѣю; самому приняться нѣтъ силъ—что будетъ изъ этого? Научите неопытнаго, прошу васъ усердно: вамъ извѣстны совершенно подобныя дѣла. За теперешній семейный бытъ свой благодарю Бога и радуюсь своему счастію; а вы еще ускорили его. По школьной службѣ счастливъ очень. Дѣла много по предметамъ, которыми долженъ заниматься ex professo. На первый разъ принялся писать толкованіе на Посланіе къ Римлянамъ и Герменевтику Библейскую; послѣднюю уже довелъ до половины. Да, надобно скорѣе кончить Логику для Семинаріи, которую еще въ Вологдѣ приблизилъ къ концу и за другими дѣлами не кончилъ до сихъ поръ. Разнообразіе предметовъ, которые *долженъ* преподавать здѣсь, не даетъ установиться моимъ мыслямъ, какъ должно. Думаю хлопотать о томъ, чтобы опять приняться за то, что долженъ былъ по обстоятельствамъ оставить. С. С. Уваровъ, вѣроятно, по письму преосвященнаго Иннокентія, просилъ графа Протасова, чтобъ онъ уволилъ меня въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія; но Графъ какъ-то уклонился отъ этого. Иначе—теперь, можетъ быть, я былъ бы въ Москвѣ Бѣлокаменной. Кстати о Преосвященномъ: очень многимъ я обязанъ ему, какъ и вамъ, но по отъѣздѣ его изъ Вологды ни слова не получилъ отъ него, хотя много разъ просилъ его объ этомъ. Потрудитесь написать мнѣ хоть два слова о томъ, долженъ ли я стараться о перемѣщеніи въ Москву въ Университетъ—дѣло идетъ о Философіи; и если долженъ, то какъ особенно. Простите мои нескромные вопросы, которыми безпокою васъ; но вы такъ добры для меня, что etc. языкъ мой

такъ же усердно мотается, когда приходится ему говорить съ вами".

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю", пишетъ Савваитовъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину, — „видѣть васъ не только въ Питерѣ, но именно въ Болотной улицѣ (Московской части), въ домѣ Брауна, гдѣ я квартирую съ 11-го февраля и обзавожусь своимъ хозяйствомъ. Нельзя ли сообщить мнѣ, хоть при вашемъ пріѣздѣ сюда, мою статейку о *Арсеніевомъ Евангеліи*, которую я послалъ на ваше имя еще изъ Вологды: мнѣ она нужна къ описанію Арсеніева монастыря. Удивляюсь, что ни статья моя *О началѣ Христіанства въ Вологодскомъ краѣ и учрежденіи Вологодской епархіи*, ни двѣ грамоты Вологодскимъ архіереямъ до сихъ поръ не нашли мѣста въ *Москвитянинѣ*. Даже я не знаю, получены ли онѣ у васъ. Я хотѣлъ бы видѣть ихъ напечатанными именно въ этомъ журналѣ".

Представляя Погодину свой трудъ, Савваитовъ сопровождаетъ его слѣдующими строками: „Честь имѣю присемъ представить вамъ свою *Герменевтику*. Хорошо, еслибы *Москвитянинъ* сдѣлалъ о ней отзывъ. До сихъ поръ о ней сказано только въ *Библіотекѣ для Чтенія* нѣсколько словъ; другіе журналы еще молчатъ; а между тѣмъ она — первая *Герменевтика*, заговорившая Русскимъ языкомъ. Каковъ бы ни былъ отзывъ о ней въ *Москвитянинѣ*, для меня все равно, только бы сказано было хоть что-нибудь". Далѣе Савваитовъ пишетъ о своей семейной обстановкѣ: „Живу въ семейственномъ отношеніи, благодаря Бога, хорошо. Семинарія наскучила до nec plus ultra. Шестимѣсячный сынъ нашъ, Александръ, веселитъ насъ своими продѣлками дѣтскими. Вчера въ первой разъ и первое слово: Богъ, услышалъ я отъ него".

Въ заключеніи одното изъ своихъ писемъ Савваитовъ предлагаетъ Погодину нѣсколько статей для *Москвитянина*, по поводу сочиненій Кіевскаго профессора философіи Ореста Марковича Новицкаго, замѣчаетъ: „О книгахъ Новицкаго говорить не рѣшаюсь, потому что въ его *Психологіи*, кромѣ

страннаго расположенія предметовъ, ужасный натурализмъ и родной его матеріализмъ. Не могу довольно надивиться, съ какой стати ему вздумалось выбрать Фишера,—много нѣмечины въ этомъ родѣ лучшей, чѣмъ у Фишера. Лучше было бы, еслибъ Новицкій, безъ всякихъ Фишеровъ, самъ написалъ свои руководства". О почтенномъ Петербургскомъ философѣ Адамѣ Андреевичѣ Фишерѣ, мы находимъ болѣе снисходительный отзывъ въ письмѣ Надеждина къ Погодину: „Отвѣты о Фишерѣ: Онъ не протестантъ, но католикъ! Не знатенъ онъ и не славенъ точно ничѣмъ; но и безславія никакого не наживалъ. О Сидонскомъ точно онъ подавалъ самый лестный отзывъ при назначеніи преміи за книгу" *) [148]).

XXXIV.

Въ секретарство Погодина, въ 1843 году, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ обновило свое старинное изданіе, подъ заглавіемъ: *Русскія Достопамятности*, первая часть коихъ вышла еще въ 1815 году, подъ редакціею Калайдовича. Черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ выхода первой части вышла часть вторая этого изданія подъ редакціею Дмитрія Никитича Дубенскаго. Въ этой части помѣщены памятники древняго Русскаго права, по харатейному списку XIV вѣка, принадлежащаго Обществу: Ярославова судная грамота, уставъ о мощеніи въ Новгородѣ, Правда Русская, взглядъ на узаконенія Константиновы, выписка изъ книгъ Моисеевыхъ и проч. За вознагражденіемъ, положеннымъ за этотъ трудъ, Дубенскій обратился письменно къ казначею Общества М. Н. Макарову; но въ это самое время Макарова, „какъ очистительную жертву", по выраженію Кубарева, „за грѣхи цѣлаго Общества", лишили должности казначея [149]). Поэтому посланная Дубенскимъ женщина съ письмомъ была принята Макаровымъ крайне недружелюбно.

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1891. Книга IV, 174—176.

„Вы“, жаловался Дубенскій Погодину, „исключили меня изъ числа тѣхъ счастливцевъ, которые должны деньги получать отъ новаго казначея! Вчера я относился къ М. Н. Макарову письменно, онъ не хотѣлъ даже отвѣчать мнѣ, и велѣлъ вытолкать женщину мою, настоятельно требовавшую отвѣта, съ приказаніемъ словеснымъ, что для меня его всегда нѣтъ дома“ [150]).

Въ томъ же 1843 году, Погодинъ выпустилъ шестой томъ *Русскаго Историческаго Сборника*, заключающій въ себѣ двѣ книжки, въ которыхъ были напечатаны изслѣдованія А. Д. Черткова: о переводѣ Манассійской лѣтописи на Словенскій языкъ и описаніе похода великаго князя Святослава Игоревича на Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. Наконецъ, въ томъ же 1843 году Общество издало третій и послѣдній томъ *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашева. Когда этотъ томъ явился въ свѣтъ, то *Отечественныя Записки* задались вопросомъ о полезности этого многолѣтняго труда покойнаго Арцыбашева. „Вопросъ“, пишутъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, — „о пользѣ этого творенія, вопросъ самый неопредѣленный. Занимающемуся изученіемъ Русской Исторіи по источникамъ—оно никогда не замѣнитъ лѣтописей; для любителя чтенія оно всегда останется голословнымъ перечнемъ событій, въ которомъ онъ никогда не найдетъ для себя ни малѣйшаго интереса. Наконецъ, отсутствіе всякой идеи, наборъ разныхъ показаній безъ всякой критики, клочки, не сшитые даже на живую нитку, а вдобавокъ ко всему варварскій языкъ, который не имѣетъ даже и достоинства древности, — скажите, къ чему все это годится?.. Впрочемъ... можетъ быть, найдутся трудолюбивыя пчелы, которыя извлекутъ пользу и изъ *Повѣствованія о Россіи*...“ Этому вопросителю Погодинъ отвѣтилъ въ *Москвитянинѣ*: „Третій томъ отличается тѣми же достоинствами, какъ и два первые, достоинствами, кои укрываются отъ людей незнакомыхъ съ предметомъ. Эта книга не для публики, не для читателей, а для ученыхъ, для учителей, для которыхъ и должна сдѣлаться настольною: въ

ней найдутъ они указаніе на всѣ извѣстные источники, въ коихъ повѣствуется о томъ или другомъ происшествіи, въ хронологическомъ порядкѣ, чрезъ что облегчается трудъ при изслѣдованіяхъ. Имѣя предъ глазами всѣ извѣстія, вы можете выбирать какія угодно и обращаться для повѣрки къ ихъ источникамъ. Разныя мѣста объ одномъ предметѣ сводятся, объясняются одни другими и свидѣтельствами изъ иностранныхъ источниковъ. Нѣтъ ни одного показанія безотчетнаго: авторъ извиняется въ предисловіи, что онъ употребляетъ иногда слово *если, когда, между тѣмъ*, коихъ въ данныхъ мѣстахъ нѣтъ въ Лѣтописяхъ! Можно себѣ представить, какова его строгость,—а съ другой стороны, сколь мало должно искать у него прагматизма. Географія, Хронологія, Юриспруденція получаютъ отъ Арцыбашева указанія великой важности. Совѣтуемъ библіотекамъ гимназій запастись этимъ руководствомъ. О слогѣ говорить не станемъ — онъ принадлежитъ къ срединѣ прошедшаго столѣтія" [151]).

Въ 1843 году Древлехранилище Погодина обогатилось драгоцѣннымъ собраніемъ монетъ и древнихъ вещей, пріобрѣтенныхъ отъ Александра Алексѣевича Медынцова за семнадцать тысячъ пятьсотъ рублей. „Главную часть этого собранія", свидѣтельствуетъ Погодинъ,— „составляли монеты, изъ которыхъ Новгородскія и Псковскія я разобралъ, и едва ли у кого изъ охотниковъ было такое собраніе. Прозѣвалъ было я у Медынцева Ярославле сребро, которое однакожъ послѣ нѣсколькихъ писемъ выручилъ. Медынцевъ доставилъ мнѣ и собственноручное свидѣтельство Оленина, который переломилъ монету въ своихъ рукахъ при разсматриваніи. За другой извѣстный экземпляръ И. П. Бекетовъ заплатилъ десять тысячъ. Матвѣевскій, одинъ изъ старыхъ торговцевъ древностями, увѣрялъ меня, что полученная мною монета была именно та, которую Медынцевъ пріобрѣлъ у какого-то проѣзжаго, но чуть ли она не была подложная, то-есть, Медынцевъ былъ самъ обманутъ. Одна изъ двухъ такъ-называемыхъ Черниговскихъ гривенъ, по сходству съ первою золотою, была также, ка-

жется, поддѣльная, другая подлинная, только безъ Русской надписи, серебренная, съ змѣями на оборотѣ, единственная, цѣнилась Медынцевымъ въ двѣ тысячи рублей ассигнаціями". Въ этомъ собраніи находился еще „прекрасный образокъ въ золотомъ окладѣ, Греческой работы, очень древній" [152]).

Въ сентябрѣ 1843 года Погодинъ писалъ Медынцеву: „Вотъ уже прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а я не вижу ни васъ, ни Матвѣевскаго, и монеты лежатъ сваленныя. Вы можете судить, въ какомъ нахожусь я непріятномъ положеніи: я не имѣю ни крестьянъ, ни фабрикъ, и кладу на эти собранія все свое имѣніе: каково же мнѣ не знать, что у меня есть, а я покупалъ слѣпо, полагаясь на вашу совѣсть и зная по репутаціи, что у васъ первое нумизматическое собраніе. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ Ярославову монету, которую вы мнѣ показывали, и которой не оказалось въ полученномъ собраніи; также прикажите Тромонину выдать мнѣ двѣ вещицы изъ вашего собранія, у него находящіяся. *Не обижайте меня* и будьте увѣрены, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который сумѣетъ оцѣнить вашу добросовѣстность и постарается принести вамъ пользу и впредь при подобномъ случаѣ. Да повидайтесь со мною поскорѣе и укажите мнѣ, что нужно" [153]). Медынцевъ не остался въ долгу предъ Погодинымъ, и послѣдній сталъ вмѣстѣ съ И. Д. Бѣляевымъ покойно „разбирать свои монеты" [154]).

Когда объ этомъ счастливомъ пріобрѣтеніи Погодина узналъ Сахаровъ, то писалъ ему: „За вами, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, не успѣешь слѣдить, что вы дѣлаете. Что за счастье вамъ на роду написано? Что за *талантъ* вамъ открылся? Радуюсь вашимъ пріобрѣтеніямъ и скорблю, что не могу *осязать* руками и глазами. Чудная вещь! Да такъ ли это? Не сонъ ли? Или, прости Господи, мороченье на туманный Питеръ не опускаете ли вы? Что бы ни было, а лучше бы была правда. Ужь такъ бы и полетѣлъ взглянуть къ вамъ. Господи Боже мой! У Медынцева были монеты Суздальскія, Ярославскія, Нижегородскія. Вся краса Русской нумизматики!

Отъ чего болитъ и сохнетъ ретивое у записнаго нумизмата. На дняхъ ѣдетъ къ вамъ Бартоломей, отчаянной нумизматъ Азіатской. Онъ продаетъ нумизматическое собраніе Лисенко. Просятъ громаду: двадцать-пять тысячъ рублей! Здѣсь нѣтъ охотниковъ на такую цѣну. Бартоломею я далъ вашъ адрессъ, онъ проѣдетъ чрезъ Москву въ Кострому". Въ этомъ же письмѣ Сахаровъ жалуется на Петербургъ. „Нашъ Питеръ", пишетъ онъ,—„глухая степь, хоть шаромъ покати—никто не откликнется на родной призывъ. Все очухонилось".

XXXV.

Открытіе Погодина въ области Древней Русской Письменности еще болѣе поощрили Сахарова къ дѣятельности въ этой области. „Помогай вамъ Богъ", писалъ онъ Погодину,— „въ вашихъ открытіяхъ. Не думайте, чтобы вы одни пророчествовали... Ваши открытія задѣли за живое. Русскую печатную Библіографію я кончилъ до 1700 года съ указаніями нумеровъ на пять библіотекъ. Теперь готовлю указатель нашей Словено-Русской письменной Библіографіи съ указателями на десять библіотекъ. Начинаю съ Болгаръ, Сербовъ и перехожу къ своимъ старикамъ. Объ этомъ я подробно писалъ къ Кубареву. Какъ жаль, что я далеко отъ вашей библіотеки. Безъ вашей библіотеки у меня много будетъ пустыхъ мѣстъ. Нарочно за этимъ пріѣду зимой на мѣсяцъ въ Москву. Митрополитъ Кипріанъ оказывается у насъ чрезвычайнымъ человѣкомъ. Онъ одинъ сблизилъ насъ съ Словенскою грамотностію, когда у насъ все засыпало мертвымъ сномъ. Съ него начинается наше перерожденіе. Обратили ли вниманіе на предисловія къ Евангелистамъ — Ѳеофилакта Болгарскаго? Здѣсь Словене, безъ участія Грековъ, подарили насъ своими переводами. Кстати: извѣстно ли вамъ другое сочиненіе Ѳеофилакта Болгарскаго: Житія пятнадцати мучениковъ Болгарскихъ? Здѣсь исчислена вся родословная Болгарскихъ царей.

Здѣсь разрѣшается вся путаница Болгарскихъ замѣтокъ, написанныхъ Стриттеромъ. Какъ жаль, что Чертковъ не зналъ объ этомъ при изданіи своего обозрѣнія лѣтописи Манасіи! Ему много надобно будетъ перепечатать, чтобы избѣжать укоризнъ. Наша журнальная критика еще безграмотна, чтобы указать на промахи Черткова. Такіе же промахи надѣлалъ Григорьевъ *о ярлыкахъ.* Въ одной Москвѣ шесть рукописей съ ярлыками. А онъ ссылался только на печатные" [155]). По поводу этого письма, изъ котораго отрывки напечатаны въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣчаетъ: „Сколько драгоцѣнностей разсыпано у насъ на всякомъ шагу. Лишь только прикоснулись мы къ сборникамъ, вотъ сколько уже открылось любопытнаго и важнаго. Скажу еще вотъ что: за открытіями не надо ходить далеко—перечтемъ самыя обыкновенныя книги, и въ нихъ найдемъ мы множество новаго. Въ Прологѣ, въ Прологѣ, сколько есть важнаго, до сихъ поръ неприкосновеннаго! Имѣя ихъ двадцать списковъ въ своей Библіотекѣ и предполагая, что они прочтены, тѣмъ болѣе, что Карамзинъ иногда ссылается на Пролога, я не обращался къ нимъ. Но нынѣ лѣтомъ прислали мнѣ изъ Нижняго харатейный списокъ XIV вѣка, я сталъ перебирать его и нашелъ множество любопытныхъ вещей, до сихъ поръ не употребленныхъ въ дѣло, напримѣръ: *Въ тотъ же день священіе церкви святаго Георгія въ Киевѣ, предъ враты Святыя Софія.* „Блаженны и приснопамятны всея Рускыя земля князь Ярославъ, нареченыи въ святомь крещеньи Георьгіи сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святою мученику Бориса и Глѣба, се всхотѣ создати церковь въ свое имя святаго Георгія. Да еже всхотѣ и створи, и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея. И се видѣвъ Князь призва тіуна: Почто не много у церкве стражющихъ. Тіунъ же рече: понеже дѣло властелское боятся людье, еда трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече Князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ,

да возмуть кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь. И святи ю Лариономь митрополитомь, мѣсяца Ноября въ 26 день. И створи въ неи настолованіе новоставимымъ епископомъ. И заповѣда по всеи Руси творити праздникъ святаго Георгия мѣсяца Ноября 26 день".

Узнавъ о драгоцѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ Погодина по части Древней Письменности, Максимовичъ писалъ ему (изъ Кіева, 8 октября 1843): „Здравствуй еще разъ, любезный Михайло Петровичъ, и не крехчи на поясницу свою, не жалуйся болѣе на свою грудину... того отъ души желаю тебѣ. Спасибо тебѣ за старину словесную, что ты ее такъ усердно откапываешь. Авось теперь уже не будешь мнѣ по прежнему говорить: *развѣ это по Русски, развѣ это Русская Словесность*? Конечно Русская, хоть и по Словенски писано" [156]).

Въ Петербургѣ нѣкогда славилась библіотека Актова. По смерти его вдова его, по обычаю большей части вдовъ, стремилась превратить драгоцѣнныя рукописи въ кредитныя бумажки. Сахаровъ зорко слѣдилъ за подобными осиротѣвшими библіотеками и, посылая Погодину каталогъ этой библіотеки, составленный покойнымъ владѣльцемъ, писалъ ему: „О цѣнѣ вдова Актова сказала: менѣе семи тысячъ рублей ассигнаціями она не можетъ взять. Книги же смотрѣлъ П. М. Строевъ, и онъ сказалъ ей, что такая цѣна недорога. Правда ли она говорила о П. М. Строевѣ—не знаю. Теперь у ней торгуютъ всю библіотеку съ Латынскими и Русскими книгами изъ Александро-Невской Академіи. Вы спрашиваете, что она стóитъ, и по совѣсти сказать отвѣтъ: дорогая цѣна пять тысячъ. Вольному воля. Въ каталогѣ означены всѣ книги, какія ей остались послѣ мужа; но она продавала ихъ разнымъ. Что же было продано, то она сказала, что теперь не помнитъ, а справится и тогда скажетъ. Вы помните, что изъ этого каталога купилъ вашъ Строгановъ". Этимъ извѣстіемъ Погодинъ пожелалъ подѣлиться съ П. М. Строевымъ. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 13 мая 1843, читаемъ: „Пригласилъ Строева

обѣдать въ клубъ для передачи извѣстій о библіотекѣ Актова". Въ томъ же письмѣ Сахаровъ сообщалъ Погодину: „Силокадзіева библіотека продается. Цѣна ужасная—тринадцать тысячъ. Баба съ ума сошла. Вокругъ ея увиваются Кастеринъ и Кузьминъ. Она сама недоступная. Апраксинцы-книгопродавцы— слуги вѣрные Кастерина, надували ее нѣсколько разъ, и вотъ она подозрѣваетъ цѣлый свѣтъ. Въ ея библіотекѣ есть рукописи пергаменныя и бумажныя, книги старопечатныя и гражданскія—говоря по библіомански. Изъ ея библіотеки Полторацкій купилъ *Вѣдомости* Петровскихъ временъ. Віельгорскій покупалъ много мистическихъ книгъ—говорятъ такъ, а я самъ не знаю". Далѣе Сахаровъ весьма враждебно относится къ Кастерину и величаетъ его то жидомъ, то цыганомъ и увѣряетъ, что онъ способенъ, если съ нимъ вступить въ сношеніе, „всю кожу содрать".

На аукціонѣ Лаптева Сахаровъ пріобрѣлъ каталогъ Московской Синодальной библіотеки; а между тѣмъ на этотъ каталогъ претендовалъ Большаковъ и жаловался Погодину на Сахарова, который, оправдываясь, писалъ Погодину: „Большаковъ вѣрно *ума рехнулся*, что присвоиваетъ себѣ. Скажите ему, что онъ забылъ, что аукціонные листы у Лаптевой цѣлы и на нихъ противъ каждаго нумера рукою аукціониста отмѣчено, кто купилъ и за сколько. Этотъ каталогъ старый, временъ Екатерины; въ немъ нѣтъ тѣхъ книгъ, которыя по указу Екатерины и послѣ были переданы съ Типографскаго двора".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сахаровъ проситъ Погодина передать Д. П. Голохвастову, что есть *посланіе села Клементьева попа Ивана Насѣдки патріарху Филарету Никитичу.* Это посланіе находится въ Сборникѣ на листѣ 133, переданномъ отъ Карамзиной въ Археографическую Коммиссію. „Коркуновъ могъ бы для него списать. А чтобы лучше и скорѣе сыскать въ Коммиссіи, то укажу на *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1838 года (№ X, 161)". Библіофильскій взоръ Сахарова проникалъ за предѣлы Петербурга и Москвы,

и онъ сообщаетъ Погодину, что „у двухъ стариковъ въ Торжкѣ есть библіотеки и они ихъ продаютъ. Попытайте ихъ“ [157]).

Своими открытіями и пріобрѣтеніями Погодинъ считалъ долгомъ дѣлиться съ Шафарикомъ, который 25 марта 1843 года писалъ своему другу: „Мое все время посвящено Исторіи Словенскихъ Литературъ. Я занимаюсь теперь отдѣленіемъ о Церковномъ языкѣ и его литературѣ. Работа начинаетъ утѣшать меня. Каталоги Востокова и Калайдовича со Строевымъ приносятъ мнѣ прекрасныя услуги. Къ сожалѣнію, не имѣю я: 1) каталога вашихъ (то-есть, Погодина) рукописей, 2) Сѵнодальныхъ, 3) Лаврскихъ, 4) Софійскаго Собора, 5) Кирилловскаго монастыря, 6) Іосифскаго. Часто въ молодыхъ рукописяхъ заключаются древнія сочиненія и переводы: я нашелъ, напримѣръ, Кедринову и Зонарову лѣтописи въ молодомъ Сербскомъ спискѣ... Статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ и суевѣріяхъ у Калайдовича и Розенкампфа давно уже заслуживали бы основательнаго комментарія. Проклятый журнализмъ поглощаетъ у васъ всякое истинное изслѣдованіе и знаніе. Калайдовичъ заслуживалъ памятника; неблагодарность и неуваженіе, ему оказанныя, служатъ для безпристрастнаго наблюдателя лучшимъ доказательствомъ о нравственной и умственной степени, на коей вы стоите. Нѣтъ утра безъ полдня. Вы проспали его, а ночь приближается“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Погодину Шафарикъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Я боюсь безвременнаго шума журналовъ, ибо я знаю вашу Русскую горячность. Отъ этого происходитъ вредъ дѣлу; ибо холодные, благоразумные судьи могутъ посмѣяться надъ нами, а изъ-за насъ и надъ дѣломъ“. Эти строки благоразумнаго Шафарика очень не понравились Погодину, и онъ горячо возражалъ противъ нихъ: „Можетъ быть вредъ въ Чехахъ, а у насъ польза, потому что наши обстоятельства совершенно другія: обо всякомъ открытіи надо объявлять у насъ тотчасъ, потому что оно можетъ быть подтверждено, распространено, исправлено другими... Въ одномъ мѣстѣ растетъ хлѣбъ, а въ другомъ виноградъ. Если житель

хлѣбнаго края хочетъ подчасъ повеселить сердце свое виномъ, а виноградарь подкрѣпить силы свои хлѣбомъ, то они должны обмѣняться своими произведеніями, для чего необходимо сообщеніе; иначе одинъ останется на хлѣбѣ съ водою, а другому нечѣмъ будетъ утолить голода, хоть и есть питье черезъ край. Это присказка, а рѣчь впереди. У насъ по разнымъ угламъ набралось и скопилось много разныхъ свѣдѣній, но онѣ, не пущенныя въ общій оборотъ ходячею монетою, лежатъ безъ прибыли; талантъ, зарытый въ землю, – мертвый капиталъ. Для приращенія ихъ процентами необходимо оглашать ихъ въ журналахъ, въ журналѣ, въ *Москвитянинѣ*, куда симъ почтѣннѣйше и приглашаю. Но что скажутъ рецензенты и фельетонисты: *это извѣстно, это не ясно, это не важно*! Пусть ихъ болтаютъ отъ нечего дѣлать, а мы будемъ дѣлать дѣло, только безъ притязаній, отстраняя самолюбіе и не заботясь излишне о совершенствѣ и полнотѣ, коихъ на землѣ видно не дождаться и въ такихъ трудахъ, кои печатаются на девятый или девятнадцатый годъ. А вотъ и заключеніе: Наружу! наружу! на Божій свѣтъ— изъ сундуковъ, изъ архивовъ, изъ подземельевъ, чтобы не уподобляться Сумароковской собакѣ, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и людямъ не даетъ! Я буду помѣщать въ своемъ журналѣ всѣ извѣстія, вѣрныя и невѣрныя, важныя и неважныя, полныя и отрывочныя, о всѣхъ произведеніяхъ нашей старины—о рукописяхъ и книгахъ, камняхъ и картинахъ, образахъ и оружіяхъ. Пусть посмѣются, пусть и побранятъ насъ за ошибки, обмолвки, за повторенія, хоть за невѣжество, кому угодно. Я готовъ принимать даже грѣхи всѣхъ своихъ корреспондентовъ на себя. Въ наукѣ все разберется, пшеница въ житницу, мякина на вѣтеръ, а наши имена и личности такъ скоропреходящи, что ей-Богу не стоитъ труда заботиться много объ томъ, чтобы какая-нибудь пылинка не помрачила иногда ихъ тусклаго сіянія. Не думалъ я кончить такою элегіей о суетѣ мірской“ [158]).

Сохранилось любопытное письмо Сахарова (отъ 25 октября

1843 года) къ Кубареву, въ которомъ читаемъ: „Жалѣю о Шафарикѣ. Его начало Исторіи древней Словенской Литературы предпринято очень рано. Когда и у насъ здѣсь предпріятіе такого рода очень неисполнимо, то что же за границею! Все то, что есть за границею, вѣроятно ему извѣстно, а что у насъ, то увы! много будетъ пустыхъ страницъ. По моему наблюденію, до 1700 года у насъ будетъ двѣнадцать тысячъ сочиненій и переводовъ. Но это еще едва третья доля. Напримѣръ: у насъ одного Амартола извѣстно двѣнадцать списковъ Словено-Русскаго перевода, а за границею всего-на-всего одинъ списокъ Сербской редакціи. У насъ есть Ипполитова Хронологія, Исидоръ Испаленскій, Симеонъ магистръ и логоѳетъ, Манасія, Зонара, Кедринъ, Георгій Пахимеръ, Константинъ Порфирогенитъ съ прибавленіемъ Словено-Русскихъ событій—главныхъ источниковъ нашихъ Лѣтописей. Съ открытіемъ такихъ источниковъ вся система Шлецера распадается. Посмотрите въ его *Несторѣ* одного Ипполита— и вы поймете, какъ онъ мучился надъ нашими Лѣтописями. Еслибы онъ имѣлъ Византійцевъ въ Словенскомъ переводѣ, то вся путаница исчезла бы. Точно то же ожидаетъ и Шафарика. Безъ ничего—будетъ ничего. Словено-Русскую Литературу надо писать въ Россіи по существующимъ рукописямъ. Пиши Шафарикъ о Западныхъ Словенахъ—для насъ будетъ новость и громкое спасибо. Слабость знаній Западныхъ Словенъ видна по нашимъ путешественникамъ, которые въ своихъ отчетахъ Министру только и пишутъ объ однѣхъ грамматическихъ формахъ. Одинъ Бодянскій составляетъ исключеніе. Шлецеръ оклеветалъ *Степенную Книгу*, мелкотравчатые историки намололи объ ней кучу нелѣпостей. Шафарику и другимъ остается повторять однѣ и тѣ же нелѣпости [159]).

XXXVI.

„Помогай тебѣ Богъ“, писалъ Погодину Шевыревъ, изъ села Вяземъ, 19 іюля 1843 года,—„годъ счастливый на находки!“ Въ это время Погодинъ имѣлъ счастіе открыть въ своемъ Древлехранилищѣ книгу пятую *Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранную и описанную покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Астраханскимъ губернаторомъ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ.* Объ этомъ открытіи Погодинъ, чрезъ *Москвитянина*, не замедлилъ довести до всеобщаго свѣдѣнія. „На дняхъ“, писалъ онъ,—„по счастливому случаю нашелъ я въ своей Библіотекѣ продолженіе Исторіи Татищева, которое считалось потеряннымъ. Два года лежала у меня рукопись, нѣсколько разъ была въ рукахъ, но никакъ не входило мнѣ въ голову, чтобъ это было сочиненіе Татищева: на ней стояла въ заглавіи четвертая часть, а Татищева уже издано было четыре части! Нынѣ понадобилось мнѣ пересмотрѣть предисловіе къ Исторіи Татищева. Что же? Я увидѣлъ тамъ, что раздѣленіе въ печатномъ его сочиненіи сдѣлано было Миллеромъ, а что онъ самъ оканчивалъ свой третій томъ кончиною Темнаго; четвертый же предполагалъ начать 1462 годомъ, Іоанномъ III. Я бросился къ своей загадочной рукописи. Такъ и есть: она начинается 1462 годомъ, Іоанномъ III! Продолжилъ сличеніе и увидѣлъ, что это одно сочиненіе: тѣ же надписи къ происшествіямъ, тотъ же хронологическій порядокъ, тотъ же слогъ, вмѣстѣ съ годомъ отъ Р. Х. всегда вставляется годъ отъ сотворенія міра! Сочиненіе называется Лѣтописью (Лѣтописи Русской часть четвертая), такъ, какъ и называлъ Татищевъ свою, судя по предисловіямъ Миллера. Миллеръ, издавая Татищева, сказалъ: „Любителямъ Исторіи Россійской сообщается нынѣ третія книга историческихъ трудовъ покойнаго, тайнаго совѣтника Татищева, содержащая продолженіе собранной отъ разныхъ писателей Россійской Лѣтописи, съ собственными его примѣчаніями. Какъ сія

есть послѣдняя часть сообщеннаго Императорскому Московскому Университету Татищевской Исторіи списка, между тѣмъ же не безъизвѣстно, что трудолюбивый сочинитель продолжалъ оную гораздо далѣе, и едва ли не до временъ царя Іоанна Васильевича и сына его царя Ѳеодора Іоанновича: то весьма бы сожалѣть было надобно, еслибъ симъ печатаніе остановилось, которое Императорской Университетъ, поелику отъ него зависитъ, къ концу привести желаетъ. Но снабдѣнные послѣдующими сей Исторіи частями уповательно не оставятъ сообщить, что у нихъ есть сюда принадлежащее, какъ для услуги обществу, такъ и въ разсужденіи толь заслуженнаго мужа, котораго память того требуетъ, чтобъ общеполезныхъ его трудовъ ничего въ безъизвѣстности не осталось". Одно желаніе Миллера и Университета исполнилось чрезъ семьдесятъ лѣтъ: продолженіе найдено. Исполнится ли второе ихъ желаніе—я не знаю. По крайней мѣрѣ я съ своей стороны охотно предоставляю рукопись, кому угодно будетъ издать ее. Іоаннъ III, сколько я могу судить по бѣгломъ разсмотрѣніи, отдѣланъ у Татищева совершенно, для остального времени собраны и переписаны только нѣкоторые матеріалы. Василіево царствованіе приведено въ порядокъ и заглавія къ происшествіямъ выставлены покороче. Видно, что Татищевъ не успѣлъ еще воспользоваться всѣми матеріалами. При Грозномъ до Казани это замѣтно еще болѣе. Примѣчаній нѣтъ, такъ, какъ и въ печатной четвертой, по Татищеву третьей, части. Въ концѣ рукописи переписана жизнь Ѳеодора Іоанновича, сочиненная патріархомъ Іовомъ. Можетъ быть, найдутся теперь и еще списки Исторіи Татищева, которые лежатъ гдѣ-нибудь неизвѣстные, безъ заглавій; и владѣльцы, не видя на нихъ имени сочинителя, не подозрѣваютъ, чтобъ они имѣли Татищева, какъ то случилось и со мною. Татищевъ описывалъ и Шуйскаго, но кажется уже по другому плану, не Лѣтописью, не по годамъ, а по связи происшествій: я видѣлъ одну собственноручную тетрадь" [160]).

По поводу этого открытія, Сахаровъ сообщилъ Погодину,

что въ библіотекѣ Академіи Наукъ есть три рукописи Исторіи Татищева и при этомъ прибавилъ „Куника за бока“. Самъ же А. А. Куникъ писалъ Погодину: „Относительно Татищева я очень радъ; уже давно я хотѣлъ сообщить вамъ, что въ Академической библіотекѣ есть рукописный экземпляръ Исторіи Татищева, доведенный до средины XIV или XV вѣка, но что еще замѣчательнѣе, такъ это многочисленныя замѣтки Татищева, писанныя его рукою на поляхъ. Когда-нибудь Историческое Общество должно будетъ сдѣлать новое исправное изданіе Исторіи Татищева, но въ настоящую минуту это не необходимо; есть болѣе важныя предпріятія для Историческаго Общества. О таковомъ, въ высшей степени необходимомъ въ отношеніи Литовско-Русской исторіи, я говорилъ съ Прейсомъ“...

Въ это время Погодинъ заводитъ сношенія съ извѣстнымъ Кіевскимъ собирателемъ Древностей Кондратомъ Андреевичемъ Лохвицкимъ съ цѣлію пріобрѣсти отъ него его собраніе. Чрезъ П. С. Авсенева Погодинъ къ нему обращается письменно и вскорѣ получаетъ отъ него отвѣтъ. „Душевно радъ“, пишетъ онъ, — „уступить вамъ все что угодно и Максима Грека обѣ части. Цѣны отъ васъ зависятъ. Я за полцѣны отдамъ все, что только вамъ угдоно. Да вотъ что: Богъ видитъ! денегъ у меня нѣтъ, нечѣмъ заплатить за пересылку. Я разоренъ въ Кіевѣ неправосудіемъ. Жалованье за заслуги мои отнято, доходовъ не имѣю, долговъ не платятъ должники“. Послѣ такого предисловія Лохвицкій сообщаетъ Погодину весьма не длинный списокъ, имѣвшихся у него старопечатныхъ книгъ, при чемъ при каждомъ экземплярѣ означаетъ цѣну. Въ этомъ спискѣ мы находимъ: Острожскую Библію 1581 года (200 р. с.); Виленское Евангеліе 1644 года (100 р. с.); Евангеліонъ Петра Могилы, Львовской печати 1636 года (50 р. с.); Львовское Евангеліе 1683 года (25 р. с.); рукописное Евангеліе (200 р. с.); Толкованіе на Посланія къ Римлянамъ (100 р. с.); Житія Св. Отецъ (50 р. с.); Казанія на Воскресныя Евангелія (25 р. с.). Представивъ этотъ

списокъ, Лохвицкій заключаетъ свое письмо такими словами: „Всѣ эти Древности я бы охотно уступилъ за полцѣны; впрочемъ, вамъ, любезный братъ о Христѣ, предоставляю самимъ оцѣнить и взять; а ежели продадите мой кабинетъ археологическій, то пополамъ раздѣлимъ. Теперь открылся у меня между картинами Рафаэль, съ котораго есть эстампъ (когда несъ крестъ Господь и палъ на колѣни подъ нимъ внѣ Іерусалима)". Погодинъ поручилъ Авсеневу осмотрѣть это собраніе Лохвицкаго. Авсеневъ, исполнивъ порученіе, писалъ Погодину: „У Лохвицкаго я былъ и пересматривалъ всѣ рукописи и старопечатныя книги. Всѣ очень хорошо сохранились, чисты и благовидны. Древность ихъ падаетъ на періодъ между 1534—1740 годомъ. То, что говорилъ онъ о бѣдности своей, весьма справедливо, хоть это и не дѣлаетъ чести Русской наукѣ и Русскому правосудію. Впрочемъ вѣдь и старикъ-то упоренъ и слишкомъ ужъ, кажется, занятъ своими заслугами. Въ претензіи, что вы мало сказали въ *Москвитянинѣ* объ нихъ: онъ хотѣлъ бы чуть не похвальнаго слова" [161]).

Но, кажется, эти переговоры и переписка кончились ничѣмъ.

Въ 1843 году Московскій Университетъ имѣлъ несчастіе лишиться Игнатія Николаевича Даниловича. Еще въ 1842 году, по разстроенному здоровью, онъ вышелъ въ отставку и удалился на жительство въ Кіевъ; но вскорѣ уѣхалъ оттуда за границу для пользованія по водолѣчебной методѣ; но это ему не помогло, и онъ 30 іюня 1843 года скончался въ Грифенбергѣ и тамъ же похороненъ [162]).

Въ сохраненіи оставшихся послѣ него драгоцѣнныхъ бумагъ Погодинъ принялъ самое живѣйшее участіе; но судьба ихъ была печальна. Вотъ что Погодинъ узналъ изъ писемъ къ нему Авсенева:

Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы Даниловичъ передалъ свои бумаги въ контору дилижансовъ для отправленія ихъ въ Кіевъ. „Пріѣхавши сюда", пишетъ Авсеневъ,—„ждалъ

онъ своего ученаго груза; но получилъ только вещи и книги, а всѣ рукописи не пришли къ нему и объявлены въ пропажѣ. Объ этомъ идетъ теперь судебное слѣдствіе, начатое еще покойникомъ. Между тѣмъ пропажа этихъ письменныхъ сокровищъ была одною изъ главнѣйшихъ причинъ его душевно-тѣлеснаго разстройства, ускорившаго его смерть. Между тѣмъ замѣтить должно, что Даниловичъ умеръ за границею, куда поѣхалъ онъ для пользованія въ Присницевской лечебницѣ, и именно съ женою. По смерти его, жена не возвращалась еще въ Кіевъ, да и возвратится ли, неизвѣстно". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину Авсеневъ сообщаетъ о своихъ переговорахъ со вдовою Даниловича. „Видѣлся я", пишетъ онъ,—„со вдовою Даниловича и узналъ отъ нея вотъ что: 1) что̀ я писалъ вамъ о пропажѣ рукописей, и притомъ важнѣйшихъ, это вполнѣ подтвердила и она. Но квитанціи въ полученіи изъ конторы вещей, отправленныхъ мужемъ ея изъ Москвы, ни онъ, ни она не давали, и контора должна еще отвѣчать за нихъ. 2) Какъ скоро Гражданскій нашъ Губернаторъ, теперь отсутствующій, прибудетъ въ Кіевъ (а его ждутъ на сихъ дняхъ), то она обѣщалась просить его употребить свое содѣйствіе къ отысканію пропажи, и какъ скоро она найдется, тотчасъ меня увѣдомить. 3) Войти въ условіе съ вами для уступки матеріаловъ она не можетъ, потому что вся библіотека со всѣми рукописями по наслѣдству должны перейти къ брату ея мужа, Михаилу Николаевичу Даниловичу, живущему въ Смоленскѣ. Онъ есть господинъ искомыхъ вами манускриптовъ, и съ нимъ уже вамъ должно имѣть сдѣлку, чтобы отыскать его въ Смоленскѣ (ибо онъ не состоитъ въ службѣ, и кто онъ такой, ей неизвѣстно), она рекомендуетъ вамъ обратиться къ сыну наслѣдника, а племяннику покойника, нѣкоторому Даниловичу, находящемуся теперь въ числѣ учениковъ Московской Гимназіи; но въ какой именно, она опять не знаетъ. Ученикъ этотъ скажетъ вамъ адресъ. 4) Свѣдѣніе о содержаніи манускриптовъ должно имѣться въ библіотекѣ покойнаго, которая находится гдѣ-то

въ Москвѣ, и если и не отыщется пропажа, то тамъ можно узнать, по крайнѣй мѣрѣ, что̀ пропало и обличить похитителя, если онъ дерзнетъ воспользоваться чужимъ добромъ къ славѣ своего имени,—пріобрѣвши уже напередъ свѣдѣніе объ нихъ. Вотъ все, что она мнѣ сообщила по предмету нашихъ розысковъ. Если я отъ ней ли или иначе какъ узнаю что объ манускриптахъ, то, конечно, я сообщу вамъ. Если вы все нужное узнаете тамъ у себя, или еще что мнѣ нужно будетъ сдѣлать по этому предмету здѣсь, прошу увѣдомить двумя строками" [163]).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ несчастномъ случаѣ намъ неизвѣстно.

Въ Москвѣ славился Музей Отечественныхъ Достопримѣчательностей Павла Өедоровича Карабанова. Съ владѣльцемъ этого Музея Погодинъ познакомился въ 1843 году. Посѣтивъ этотъ Музей, Погодинъ напечаталъ въ своемъ *Москвитянинѣ*: „Любовь къ древностямъ распространяется у насъ со всякимъ годомъ. Сокровища, погребенныя впродолженіи вѣковъ въ кладовыхъ и подвалахъ, являются наружу. Но число ихъ не значитъ еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ осталось отъ нашихъ предковъ, не смотря на войны, пожары и всяческія опустошенія. Кто бы подумалъ, что въ Москвѣ, гдѣ столько любителей и знатоковъ, есть еще огромныя собранія, не описанныя и почти неизвѣстныя. Надняхъ я имѣлъ честь представиться обладателю одного такого собранія, Павлу Өедоровичу Карабанову. Глазамъ своимъ не вѣрилъ я, увидя предъ собою многочисленныя сокровища, собранныя съ такимъ знаніемъ дѣла и въ такой полнотѣ, сохраняемыя въ такомъ порядкѣ: сосуды, чаши, братины, чарки, ложки, образа, кресты, серги, перстни, медали, монеты, рукописи, столпцы, рисунки, книги, автографы, портреты. Взоры мои перебѣгали отъ однихъ предметовъ къ другимъ, и я не зналъ, на чемъ остановиться: такъ все любопытно, важно, ново. Между тѣмъ достопочтенный хозяинъ, который зналъ лично Болтина, князя Щербатова, Елагина, Миллера, Панина, Потемкина, слыхалъ о

Бибиковѣ, Суворовѣ, былъ друженъ съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, разсказывалъ любопытныя подробности обо всѣхъ этихъ незабвенныхъ для Русской Исторіи лицахъ: слушать его доставляло такое же удовольствіе, какъ и разсматривать его рѣдкости. Первая рукопись, попавшаяся мнѣ, была *Книга объ отставкѣ отческихъ случаевъ.* За нею слѣдовалъ списокъ бояръ и окольничихъ, рукопись не старая, но очень хорошая. Въ концѣ помѣщена вотъ какая любопытная статья: „Въ 205 и 206 годѣхъ. Выписано въ Великомъ Новѣгородѣ въ Приказной Палатѣ, у переписки дѣлъ и старыхъ книгъ, и изъ полковъ прошлыхъ лѣтъ чьихъ нарядовъ были въ Великомъ Новѣгородѣ, и въ Новогородскихъ пригородѣхъ, въ губныхъ старостахъ и въ головахъ, и въ сотникахъ казачьихъ, и въ стрѣлецкихъ, и въ городовыхъ прикащикахъ, и въ розсыльщикахъ, и въ недѣльшикахъ, приставѣхъ, и то писано, по чиномъ ево и статьямъ, по азбукѣ ниже сего, а именно: въ губныхъ старостахъ Арбузовы, Андреяновы, Александровы, и проч.“ Ужь не были ль въ Новѣгородѣ должности наслѣдственныя? Еслибъ это былъ только списокъ, составленный по азбучному порядку, то однѣ фамиліи должны бы попадаться при разныхъ должностяхъ. Я не замѣтилъ однакожь того. Далѣе нашелъ я собраніе Новогородскихъ Грамотъ, драгоцѣнное завѣщаніе князя Ивана Юрьевича Патрикіева съ исчисленіемъ его людей поименно, мѣстъ въ Москвѣ, какая-то Исторія въ шести частяхъ, оканчивающаяся въ царствованіе Анны Іоанновны, писанная современникомъ... Между медалями есть единственная изъ Екатерининскаго времени, рубль Пугачевскій; рисунокъ, представляющій несчастнаго Іоанна Антоновича въ колыбели подъ Императорскою мантіей; собственноручная пѣсня, сочиненная Великою Княжною Елизаветою Петровной по разлукѣ съ другомъ; кадило XV вѣка, ложка Царицы Марьи Григорьевны, нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Борису Годунову, Шуйскому (царю), Мстиславскому, Петру I, Екатеринѣ II, древніе образа и кресты. Наконецъ, единственное собраніе Русскихъ портретовъ, числомъ до двухъ

тысячъ семисотъ, какого нѣтъ нигдѣ. Три часа употребилъ я, чтобъ только обѣжать все глазами. *Москвитянинъ* надѣется со временемъ сообщить болѣе подробное свѣдѣніе о драгоцѣнномъ музеѣ Павла Θедоровича Карабанова, которому принадлежитъ честь, слава и благодарность отъ всѣхъ друзей Исторіи, друзей Отечества, за собраніе и сохраненіе такихъ важныхъ, драгоцѣнныхъ памятниковъ" [164]).

Въ своемъ же *Дневникѣ* послѣ посѣщенія Карабанова Погодинъ записалъ: „Къ Карабанову. О времени Екатерины: какъ все было согласно, дружно, какъ всѣ начальники старались отъ души исполнять ея приказанія, съ какою искренностію они обходились со всѣми; на оборотъ, какъ все высокомѣрно, стѣснено теперь. Главные министры домогаются аудіенціи какъ милости... Роскошь доходитъ до невѣроятности. Графъ Гурьевъ употребилъ шестьсотъ тысячъ на отдѣлку своего дома, покрылъ полъ самымъ толстымъ бархатомъ".

XXXVII.

Во всѣхъ почти городахъ Русскаго Царства Погодинъ имѣлъ агентовъ, отъ которыхъ получалъ свѣдѣнія о Русскихъ Древностяхъ и которые способствовали пополненію и процвѣтанію его Древнехранилища.

Въ это время въ древнемъ Новгородѣ, по дѣламъ службы, жилъ С. П. Побѣдоносцевъ, большой любитель и знатокъ Русскихъ Древностей. Сохранились его письма къ Погодину, изъ которыхъ мы почерпаемъ много любопытныхъ свѣдѣній. „Посылаю", пишетъ Побѣдоносцевъ, — „копіи съ подлинныхъ, находящихся у меня, писемъ, которыя могутъ быть интересны, если не по сюжету, то по рѣдкости. Увидите тутъ переписку съ двумя митрополитами Новгородскими царственныхъ лицъ; — также два письма князя Меншикова и одно письмо Преосвященнаго Тихона. Если когда-нибудь заѣдете ко мнѣ въ Новгородъ, то увидите у меня подлинники, за вѣрность копій

ручаюсь. Ороографія сохранена вполнѣ. Письмо Тихона попало ко мнѣ случайно. Ревизируя Яжелбицкой ямъ, я узналъ, что одинъ изъ прежнихъ сельскихъ священниковъ былъ близкимъ родственникомъ Тихону, и что самъ онъ родился въ *Яжелбицкѣ.* Вѣроятно, объ этомъ не было извѣстно Горчакову, помѣстившему въ четвертой книжкѣ *Москвитянина* его біографію. Въ рукахъ моихъ находятся теперь бумаги одного изъ весьма значительныхъ лицъ Екатерининскаго вѣка. Тутъ множество автографовъ: князя Потемкина, Суворова, Репнина, Мусина-Пушкина, Салтыкова. Предметъ — Военная Исторія. Все это будетъ приведено мною въ возможный порядокъ и напечатано, гдѣ сочту болѣе удобнымъ. Для вашего Журнала составлено описаніе неоднократно посѣщенныхъ мною сѣверныхъ монастырей: Воже-озерскаго, Ново-озерскаго и Бѣлозерскаго Кирилловскихъ. Въ послѣднемъ вы, кажется, были, на возвратномъ пути изъ Вологды и потому сами знаете, какъ много въ немъ интереснаго и какъ мало было объ немъ писано. Много говорятъ и пишутъ о Кирилловской библіотекѣ; Строевъ и Калайдовичъ порастаскали ее; вы видѣли. Она въ крайнемъ безпорядкѣ и даже настоящей описи не сдѣлано. Посылаю вамъ опись, какая имѣется, безтолковая и далеко не полная. Рукописей множество, но важнѣйшія выбраны Строевымъ. Архивъ Бѣлозерскій въ этомъ отношеніи гораздо драгоцѣннѣе. Я пріобрѣлъ много довольно важныхъ подлинныхъ царскихъ грамотъ (съ красными печатями и подписью), и рукописей, нѣкоторыя по немножку разбираю. Нѣсколько книгъ взяты мною въ Новгородъ, и я составлю объ нихъ трактаты. Въ числѣ ихъ находится первый Русскій *Лексиконъ*, на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, напечатанный въ Кіевѣ, въ 1623 и въ 1653 годахъ. *Лимонарь*, сирѣчь цвѣтникъ 1628 года. Любопытныя также книги: *О началѣ грамоты Греческой и Россійской кіими сотворени бысть и Сказаніе о Божественномъ Писаніи святыхъ книгъ, како подобаетъ писати святое и посреднее и отпавшее*".

Возвратившись изъ Москвы, куда ѣздилъ для свиданія съ

отцомъ, С. П. Побѣдоносцевъ писалъ Погодину: „Много сожалѣю, что не удалось видѣться съ вами и дать вамъ отвѣтъ на все то, что содержится въ письмѣ вашемъ. Мою коллекцію автографовъ и древностей я могъ бы уступить вамъ, кромѣ впрочемъ нѣкоторыхъ, къ которымъ привязываю особенное значеніе, равно какъ и собраніе бумагъ, теперь мнѣ необходимыхъ. Такія вещи только пріобрѣтаютъ цѣну вмѣстѣ со временемъ, — но не теряются. Если вы сойдетесь со мною въ цѣнѣ, то я могу вамъ прислать нѣсколько подлинныхъ грамотъ и списковъ, также и книги, какія мнѣ удалось пріобрѣсти. Изъ вещей, особенно замѣчательныхъ, есть у меня: зеркальцо, принадлежавшее патріарху Никону (оно мнѣ подарено инокомъ Юрьевскаго монастыря и, если не принадлежало Никону, то чрезвычайно замѣчательно отдѣлкою и фасономъ), два бердыша, кольчуга, патронташъ. Какъ охотникъ и антикварій вы должны знать цѣну такимъ вещамъ, и потому-то я, профанъ въ этомъ отношеніи, и не рѣшаюсь вамъ ихъ оцѣнивать. Напишите мнѣ о цѣнѣ, какую бы вы могли дать за каждую вещь особенно или за всѣ вмѣстѣ—и тогда я, по соображенію, вышлю вамъ все по почтѣ. Гораздо лучше, еслибъ вы могли видѣть всѣ эти вещи сами. Если намѣрены быть въ Петербургѣ, то прошу васъ пожаловать ко мнѣ. Увидите и оцѣните, безъ недоразумѣнія. Въ будущую поѣздку мою по губерніи я постараюсь исполнить вашу просьбу и не упущу случая пріобрѣсти для васъ то, что, по крайнему разумѣнію, найду рѣдкимъ и замѣчательнымъ. Нынѣшнюю зиму я надѣюсь посѣтить замѣчательные города и монастыри на сѣверѣ;— буду въ Вологдѣ и въ ближайшихъ къ Новгородской губерніи уѣздахъ этой губерніи. Благодарю васъ за совѣтъ вашъ руководствоваться каталогами Востокова и Строева: не премину ими воспользоваться“.

Вологодскій протоіерей Нордовъ сообщаетъ Погодину, что въ Вологдѣ: „Старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ отъ церквей, много, но онѣ за большимъ ключемъ и за неприступною печатью начальства...“ Къ этимъ строкамъ протоіерей Нор-

довъ присовокупляетъ и слѣдующее: „Владыка Иннокентій, по всему видно, забылъ меня, и вѣрно потому, что не нашелъ во мнѣ того, что предполагалъ. И такъ, я тронувшись изъ Устюга, гдѣ жилъ сыто и покойно, теперь въ бѣдной Вологдѣ долженъ дѣлить общую бѣдность духовенства губернскаго".

Погодинъ сумѣлъ и Каэтана Андреевича Коссовича, въ то время учителя Тверской гимназіи, сдѣлать своимъ агентомъ. Сохранилось нижеслѣдующее письмо его, въ третьемъ лицѣ, къ Погодину (отъ 23 сентября 1843 года): „Каэтанъ Коссовичь честь имѣетъ представить Михаилу Петровичу кусокъ своей Тверской работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ доводитъ до свѣдѣнія, что имѣющаяся въ магазинѣ Родіонова рукопись есть не что иное какъ тщательно на золоченномъ пергаментѣ написанный Мугамедовъ *Коранъ*. Есть у Родіонова еще двѣ подлинныя грамоты *Алексѣя Михайловича*... Лавочникъ обѣщался увѣдомлять меня каждый разъ, какъ только будетъ у него что-нибудь особенное".

Бецкій, изъ Харькова, пишетъ Погодину: „Васъ у насъ на Руси такъ всѣ любятъ и уважаютъ, что каждый считаетъ за особенную честь побывать у васъ". Послѣ этой любезности Бецкій сообщаетъ: „Досталъ я рукописи собственноручныя Лермонтова. Знаете ли, что есть десять писемъ собственноручныхъ Петра у нѣкоторой г-жи Якубинской объ измѣнѣ Мазепы? Это сокровище можно бы промѣнять на женскія тряпки. А живетъ она въ Псковской губерніи".

Въ то же время Н. К. Калайдовичъ обѣщается Погодину доставить портретъ своего покойнаго отца; „также", пишетъ онъ,—„отправлю вамъ нѣкоторыя изъ его бумагъ, которыя теперь у Куника". Чрезъ Тромонина Погодинъ нападаетъ на слѣдъ писемъ Императорской Фамиліи. Объ этихъ письмахъ Тромонинъ сообщилъ графу С. Г. Строганову, И. Г. Синявину и князю М. А. Оболенскому. „Особенно интересны", пишетъ Тромонинъ Погодину,—„письма перваго года царствованія Александра Павловича, Маріи Ѳеодоровны. А какъ интересны письма Александра и Константина! — Графъ С. Г. Строга-

новъ просилъ, чтобы увѣдомлять его о такого рода вещахъ, вонъ для какой цѣли: охотятся наши юныя барышни и при Дворѣ онѣ въ большомъ ходу [165])“.

Въ Древлехранилищѣ у Погодина собиралось самое разнообразное общество. Тамъ можно было встрѣтить и Лобкова, который каталогъ Строева держалъ „въ амбарѣ“, и Ундольскаго, и князя М. А. Оболенскаго, и Филатова, и Тархова. Посѣщали его и археологи изъ Вятки, Углича, Одоева и другихъ городовъ. Объ одномъ изъ такихъ посѣтителей Погодинъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Разулся, послалъ просушить свои сапоги, онучи, свернулся подъ тулупомъ на диванѣ въ ожиданіи меня“. Этотъ оригиналъ былъ Иванъ Никоновъ, о которомъ въ томъ же *Дневникѣ* мы находимъ слѣдующія подробности, записанныя, очевидно, съ его словъ и едва ли вполнѣ достовѣрныя. Онъ пріѣхалъ въ Москву „повѣреннымъ отъ своей волости по дѣлу о рыбной ловлѣ, которую отнималъ архіерей. За это и подвергся его преслѣдованіямъ и обвиненъ въ распространеніи раскола, доказалъ свою невинность свидѣтельствомъ тысячи человѣкъ, однакожь отданъ на добросовѣстное увѣщаніе, гдѣ его уморили было съ голоду. Теперь архіерей, недовольный рыбною ловлею, началъ отнимать у мужиковъ покосы, а его какъ-то убѣдилъ отдать подъ присмотръ приходскаго духовенства, подъ которымъ тотъ и жизни себѣ не чаетъ. Каковы у насъ дѣла дѣлаются“. Погодинъ любилъ толковать съ подобными археологами „о помѣщикахъ и крестьянахъ“. Онъ входилъ въ ихъ житейскія дѣла и одному изъ нихъ, Тархову, „рѣшился дать десять тысячъ на торговыя и хлѣбныя операціи“ [166]).—Въ Древлехранилищѣ были нерѣдко забавныя и неожиданныя встрѣчи. Такъ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 1 декабря 1843 года, мы читаемъ: „Пріѣзжала Каролина Павлова и читала стихи, а прежде ея Филатовъ, который привезъ двѣ примѣчательныя рукописи. Разсказалъ много интереснаго о Ростовѣ и монашескомъ управленіи“.

Въ это время продавцы старинныхъ рукописей и книгъ

подверглись какому-то гоненію. На это Лобковъ жалуется Погодину въ слѣдующемъ письмѣ: „Представьте, какое имъ теперь затрудненіе на счетъ покупки книгъ: вездѣ преслѣдованіе. Владимірскаго крестьянина Пахома уже два раза обыскивали, и извѣстно, чѣмъ кончаются эти дѣла. Но вотъ что прискорбно: съ преслѣдованіемъ раскола и книгъ много притѣсненій и отъ этого есть и много будетъ невозвратной потери для Церкви, Отечества, истребленіемъ самыхъ памятниковъ письменности и древности, коихъ и теперь слабые источники пресѣкутся совершенно, и наука должна остаться безъ изслѣдованія. Прежде я васъ просилъ, а теперь подтверждаю, устройте какъ единственный Исторіографъ Россіи это дѣло: больно смотрѣть на эту теперь гибель драгоцѣнностей, ничѣмъ незамѣнимыхъ“. Посѣтивъ какъ-то Молочникова, собирателя древнихъ иконъ, Погодинъ замѣтилъ; „Боится, чтобъ не отняли. Хорошо мнѣніе о правительствѣ“.

По поводу вышеприведеннаго письма Лобкова, Погодинъ писалъ Далю, служившему тогда при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ отвѣтѣ своемъ Даль между прочимъ писалъ: „А что вы писали, не загадочка-ль, о какихъ-то обыскахъ старопечатныхъ книгъ – ничего не понялъ, и не знаю толкомъ, о чемъ вы говорите. Если впередъ желаете, чтобы приложено было съ моей стороны какое-нибудь стараніе, то пишите: какъ, гдѣ, что, кто, почему, когда, для чего, отчего и пр. Раскольникъ вашъ былъ у меня разъ, когда нельзя было удѣлить ему болѣе десяти минутъ, разумѣется, что я и вообще не могъ бы ничего для него сдѣлать; но какъ онъ былъ присланъ вами, то я сказалъ ему: заходи, братъ, на-дняхъ часу въ пятомъ; но онъ исчезъ и не бывалъ. У меня есть много любопытныхъ свѣдѣній о *скопцахъ*; жаль, что все это у насъ должно пропадать. Дикое, безсмысленное изувѣрство этого толка очень замѣчательно. Іс. Хр. въ лицѣ Петра III; Богородица въ лицѣ императрицы Елизаветы, которая у нихъ есть Акулина—все это въ такой степени странно и дико, что, право,

не вѣрилъ бы, еслибъ не было на то прямыхъ доказательствъ. О Лобковѣ ничего не знаю".

Въ 1843 году В. М. Ундольскій съ товарищами предпринялъ экспедицію въ Лаврскія библіотеки и предъ своимъ отправленіемъ къ Троицѣ писалъ Погодину: „Нижеподписавшійся завтра отправляется въ Лавру, и такъ какъ ему М. П. Погодинъ хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя порученія, то симъ покорнѣйше проситъ контору дать знать, въ чемъ будутъ состоять эти препорученія". Объ этой экспедиціи много лѣтъ спустя вспоминалъ Сахаровъ и откровенно писалъ Кубареву (въ ноябрѣ 1849 года): „Исторія Троицкой Лавры съ пропажею книгъ—есть уже пятно, гдѣ эта честная компанія прожила два мѣсяца. Они могутъ обманывать втроемъ Погодина, но меня имъ не провести. На плута найдетъ полтора плута, одному плуту не устоять".

13 Декабря 1843 года Древлехранилище Погодина посѣтилъ самъ графъ С. Г. Строгановъ. По поводу этого посѣщенія Погодинъ замѣтилъ: „Хорошо, еслибъ онъ купилъ у меня библіотеку, чтобъ я могъ успокоиться, отдохнуть и заниматься однимъ дѣломъ" [167]).

XXXVIII.

По стопамъ Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго выступилъ на поприще Словеновѣдѣнія Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Въ 1842 году онъ защитилъ въ Казани свою магистерскую диссертацію, которая вышла въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Опытъ изложенія Исторіи Словенскихъ Литературъ*. По отзыву Срезневскаго, „это было явленіе очень замѣчательное для своего времени" [168]).

Выдержавши испытаніе на степень магистра Словенской филологіи, Григоровичъ отправился на родину, въ Подольскую губернію, и по пути посѣтилъ Москву, гдѣ онъ былъ въ началѣ 1843 года. Въ февральской книжкѣ *Москвитянина*

было заявлено: „Слышно, что Казанскій Университетъ посылаетъ молодого ученаго магистра Григоровича для путешествія по Словенскимъ странамъ, который хочетъ начать путешествіе именно съ Болгаріи, гдѣ не былъ еще никто изъ нашихъ путешественниковъ. Только тамъ рѣшится вопросъ окончательно, на какое нарѣчіе переведено Священное Писаніе, у насъ употребляемое" [169]). Очевидно, что эти свѣдѣнія Погодинъ могъ получить отъ самого Григоровича. Въ Москвѣ нашъ юный Словеновѣдъ не обходилъ и западниковъ. Такъ, А. И. Герценъ въ своемъ *Дневникѣ*, 8 января 1843 года, записалъ слѣдующее: „Вчера явился ко мнѣ знакомиться профессоръ Казанскаго Университета Григоровичъ. Отрадно уже самое юношеское благогородное желаніе изъявить свою симпатію людямъ... какъ сказать .. людямъ движенія; но еще отраднѣе видѣть профессора Словенскихъ языковъ въ Казани, твердо смотрящаго на свой предметъ съ точки зрѣнія современной науки. Мнѣ дорого было и его вниманіе, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманности" [170]).

Въ Харьковѣ Григоровичъ имѣлъ свиданіе съ Срезневскимъ, и они сошлись уже какъ товарищи, подвизавшіеся на новооткрытой каѳедрѣ. „Мы", пишетъ Срезневскій,—„были знакомы и прежде, когда Григоровичъ былъ близкимъ товарищемъ моего брата по студенчеству и былъ у насъ принятъ какъ родной", но при теперешнемъ свиданіи они лучше поняли другъ друга. „Я", говоритъ Срезневскій,—„не могъ не оцѣнить Григоровича, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимающій путешествіе со строго обдуманною цѣлію, понятно совершенно самостоятельною, совершенно отличною отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде него ѣздившіе въ Словенскія земли, важною, тяжело исполнимою, но для его рѣшимости неизмѣнною" [171]).

Въ Одессѣ Григоровичъ познакомился съ В. В. Григорьевымъ и произвелъ на него самое хорошее впечатлѣніе. „Гри-

горовичъ Казанскій“, писалъ Григорьевъ Погодину, — „кажется, дѣльный человѣкъ. Я радъ этому вообще и въ особенности, потому что онъ читаетъ Словенщину, для которой надо желать въ Россіи самыхъ трудолюбивыхъ и даровитыхъ людей“ [172]).

Послѣ побывки на родинѣ Григоровичъ возвратился въ Казань и съ осени 1843 года преподавалъ Словенскія нарѣчія въ тамошнемъ Университетѣ. 20 августа 1844 года онъ предпринялъ путешествіе на Балканскій полуостровъ [173]), о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Не смотря на то, что первымъ дѣломъ Бодянскаго, по возвращеніи его въ Москву, было возбудить полемику о „Пивтавѣ, Переясливѣ, Перекипѣ“ съ пріятелемъ Погодина, а со своимъ давнимъ доброжелателемъ и, можно сказать, благодѣтелемъ во дни юности, Максимовичемъ, не смотря на это, Погодинъ на первыхъ порахъ поддерживалъ съ Бодянскимъ добрыя и даже интимныя отношенія; объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся за то время письма или, лучше сказать, записочки Бодянскаго къ Погодину. „Нельзя ли“, пишетъ Бодянскій, — „разжиться вамъ экземпляромъ Иннокентія для моего старика?.. Хотѣлось бы порадовать его нашимъ первымъ витіей. Надѣюсь, вы не откажете въ этомъ для старца... Я совершенно отшельничаю, даже гуляю у себя въ крошечномъ садикѣ“. Другая записочка Бодянскаго еще явственнѣе удостовѣряетъ о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ тогда между нимъ и Погодинымъ. „Утро вечера мудренѣе“, пишетъ Бодянскій, — „сообразивши сію минуту хорошенько, вижу, что я, взнесши въ клубъ свою подать, все-таки, и при помощи вашихъ вчерашнихъ пятидесяти, не пробьюсь съ побѣдою къ маю, въ которомъ получимъ мы мзду за служеніе алтарю. А потому да разверзнется ваша мрежа еще единожды, и извлечетъ десница ваша рыбицу мнѣ фунтиковъ въ пятьдесятъ! Безъ этой помощи вашей я, право, не знаю, какъ мнѣ прокормиться будетъ до полученія жалованья, тѣмъ болѣе, что тутъ еще и Святая подходитъ: нельзя

же на ней грызть одни сухарики. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ моей настойчивости и тѣмъ обяжете такъ безконечно уже обязаннаго вамъ“.

Но вскорѣ, какъ увидимъ, эти добрыя отношенія рушились. Такая же судьба постигла потомъ и отношенія Погодина съ Срезневскимъ.

Въ описываемое время Срезневскій предлагалъ Погодину „удѣлить въ *Москвитянинѣ* что-нибудь въ родѣ отдѣла для Словенскихъ книгъ старыхъ и новыхъ“. Своимъ знакомымъ, отъѣзжавшимъ въ Москву, Срезневскій давалъ рекомендательныя письма къ Погодину, который принималъ ихъ радушно. Съ такими письмами являлись къ Погодину, въ 1843 году, С. А. Тарасовъ и Я. Т. Кухаренко. Перваго изъ нихъ Срезневскій рекомендовалъ такъ: „Хоть онъ и чиновникъ, но любитъ науки и литературу, и имѣетъ право быть однимъ изъ вашихъ чтителей“. О второмъ же Срезневскій писалъ слѣдующее: „Яковъ Герасимовичъ Кухаренко, подполковникъ Черноморскаго войска, проѣздомъ черезъ Москву хотѣлъ непремѣнно быть у васъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобы написать вамъ нѣсколько словъ, хоть о томъ, что въ почтенномъ подполковникѣ вы найдете любителя литературы, знатока Исторіи Малороссіи и быта своего народа, знатока Малороссійскаго нарѣчія, — и вмѣстѣ литератора, дѣлающаго честь Малороссіи. Онъ написалъ между прочимъ въ родѣ оперы драму, вещь, которая очень понравилась Шевченкѣ, понравилась всѣмъ у насъ, понравится, вѣрно, Щепкину. Вы, вѣрно, найдете случай познакомить Щепкина съ подполковникомъ и съ его драмою, что, вѣрно, доставитъ ему удовольствіе, а можетъ быть, послужитъ и средствомъ—познакомить съ этою драмой и нашу публику. Самъ бы летѣлъ въ Москву, чтобы присутствовать при чтеніи драмы, да оковы службы держатъ“.

Въ томъ же письмѣ Срезневскій выражаетъ желаніе прислать для Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ:

„*Исторію Велико-Моравскаго Княжества*, какъ эпизодъ изъ Русской Исторіи“ и спрашиваетъ: „Годится ли?“

Въ то время, когда наши первые Словисты съ увлеченіемъ молодости начали свое служеніе Словеновѣдѣнію въ Россіи, въ это же время М. А. Максимовичъ, не мало потрудившійся на томъ же поприщѣ, былъ вызванъ изъ своего Михайлогорскаго уединенія въ Кіевъ для занятія временно сиротѣвшей каѳедры Исторіи Русской Литературы въ Университетѣ св. Владиміра. Двухлѣтній отдыхъ на Михайловой Горѣ и сельскій воздухъ „оживили силы“ Максимовича, и онъ имѣлъ возможность принять это предложеніе Кіевскаго попечителя князя С. И. Давыдова. Къ профессурѣ Максимовичъ имѣлъ несомнѣнное призваніе, ибо владѣлъ даромъ слова. По свидѣтельству лица, близко знавшаго его, „когда Максимовичъ овладѣвалъ нитью разсказа, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе: самая одушевленная живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка, и самый простой и обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ“.

24 августа 1843 года Максимовичъ писалъ Погодину: „Поклонъ тебѣ изъ Богоспасаемаго града... Около двухъ недѣль уже я опять въ немъ... Меня вызвали сюда читать опять ту же Русскую Словесность при Университетѣ по неимѣнію профессора, и я взялся за это въ качествѣ художника...“ Въ томъ же письмѣ мы читаемъ: „За *Москвитянинъ* тебѣ великое спасибо; я услаждаюсь имъ. Передай новое спасибо мое и Шевыреву за его литературную критику... Надо, надо исправлять вкусъ, страшно испорченный въ массѣ читателей вліяніемъ литературныхъ торгашей и скомороховъ“. Въ другомъ своемъ письмѣ Максимовичъ писалъ Погодину: „Вотъ я уже прочелъ шесть лекцій, и какъ будто опять въ своей тарелкѣ: языкъ развязывается и рука размахивается, и тянется то къ старинѣ Кіевской, то къ языку Русскому, а всего охотнѣе хватается за пѣсни Украинскія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ находилъ необходимымъ положить въ Кіевѣ „добрую закладку Словеновѣдѣнію“, которое, по его

мнѣнію, здѣсь болѣе необходимо, чѣмъ въ Москвѣ. Погодинъ привѣтствовалъ своего друга двумя строчками: „Поздравляю съ новой службой. Желаю только здоровья и силъ“. Максимовичъ желалъ того же Погодину: „Эхъ, братъ любезный“, писалъ онъ ему,—„береги здоровье, брось ты свою рьяность трудовую, подумай объ успокоеніи на лаврахъ и розахъ, ихъже насадилъ еси. Я поздо слишкомъ за это хватился, какъ сталъ не видущій и не бѣгущій, — а теперь только насаждаю не столько розъ, сколько шиповнику, а отъ лавра наслаждаюсь только листомъ въ супѣ“. Въ другомъ своемъ письмѣ Максимовичъ преподаетъ Погодину тотъ же благоразумный совѣтъ: „Помни поговорку: береженаго Богъ бережетъ. Береги, другъ любезный, здоровье свое; безъ него— куда плохо живется, особливо въ ученомъ мірѣ. Говорю это общее мѣсто, какъ истину, коею завершилось все мое стремленіе къ истинѣ...“ [174]).

Между тѣмъ покровитель Словеновѣдѣнія въ нашемъ Отечествѣ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уваровъ, 18 января 1843 года, праздновалъ двадцатипятилѣтіе съ того времени, какъ былъ назначенъ президентомъ Императорской Академіи Наукъ. Но, къ сожалѣнію, это торжество было омрачено страшнымъ семейнымъ несчастіемъ, постигшемъ Министра. Въ это время онъ лишился своей дочери Наталіи Сергѣевны, бывшей за мужемъ за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ. „Воспоминаніе столь пріятнаго юбилейнаго дня“, пишетъ Плетневъ,—„и съ избыткомъ наполнявшихъ его сладостныхъ ощущеній сливается, по несчастію, съ другимъ воспоминаніемъ, которое черною, роковою печатью легло на сердце С. С. Уварова. Эпоха юбилейнаго праздника совпадаетъ съ кончиною нѣжно любимой имъ дочери, существа прекраснаго, счастливаго и какъ бы призваннаго къ жизни для высшихъ ея благъ. Это былъ первый страшный ударъ, который такъ грозно раздался надъ головою человѣка, привыкшаго только обольстительными успѣхами и заманчивыми надеждами исчислять свои дни“ [175]). Въ эти тяжелые дни Уваровъ поручаетъ Ко-

мовскому написать Погодину: „Опечаленный утратою, тягостною и горестною для сердца отеческаго, С. С. Уваровъ не въ состоянiи теперь самъ писать и поручилъ мнѣ отправить къ вамъ экземпляры его *Etudes de philologie et de critique*, какъ собственно для васъ, такъ и для Шевырева, Давыдова, Черткова". Близкiй Уварову человѣкъ, Г. В. Грудевъ, писалъ Погодину: „Я нашелъ С. С. Уварова въ большомъ разстройствѣ духа отъ потери дочери и почти въ одиночествѣ; почему и раскаивался, что раньше не прiѣхалъ въ Петербургъ. Мало-по-малу, бесѣдуя съ нимъ безпрерывно, я старался развлекать его, обращая его вниманiе къ любимымъ занятiямъ его по должности своей, которую онъ было сложилъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ вступилъ опять въ управленiе Министерствомъ и теперь успокоился... Вчера прiѣхалъ въ Петербургъ новый митрополитъ Антонiй"[176]).

„Для устраненiя отъ себя", повѣствуетъ Плетневъ,—„невыносимо тяготившихъ душу видѣнiй, Уваровъ испросилъ у Государя разрѣшенiе на поѣздку въ чужiе края"[177]).

По пути Уваровъ остановился въ Прагѣ. „Сергiй Семеновичъ", писалъ Ганка Погодину,—„провелъ между нами незабвенные часы и для насъ, и для него..." Самъ же Уваровъ, 12 iюля 1843 года, писалъ Погодину изъ Праги: „*Христоматiи* *), въ Москвѣ напечатанной и мнѣ посвященной, прошу васъ, любезный Михаилъ Петровичъ, доставить на мой счетъ отъ десяти до двадцати экземпляровъ въ Прагу на имя почтеннаго Ганка"[178]).

XXXIX.

8 сентября 1843 года, въ Царскомъ Селѣ, у Наслѣдника Русскаго Престола родился сынъ, нареченный Николаемъ. Царственный Дѣдъ его въ это время пребывалъ въ Варшавѣ и оттуда объявилъ Россiи объ этомъ радостномъ событiи.

*) А. Д. Галахова.

„Единодушная съ нимъ, какъ во всемъ, такъ и въ благочестіи, Царица", повѣствуетъ Филаретъ, обращаясь къ Москвѣ,— „непосредственнымъ своимъ словомъ призвала къ благодарной молитвѣ вѣрноподанныхъ, и по особенному благоволенію, особенно въ семъ призваніи вспомянула васъ, церкви и чада первопрестольной столицы!"

11 сентября того же 1843 года, въ Успенскомъ Соборѣ, происходило, при народномъ множествѣ, молебное пѣніе, и святитель Московскій Филаретъ произнесъ слово, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ: „Если мудрый, крѣпкій духомъ и благочестивый царь есть крѣпкое основаніе народнаго благоденствія въ родѣ, въ которомъ онъ царствуетъ; если достойный наслѣдникъ престола обезпечиваетъ сіе благоденствіе для слѣдующаго рода: то благословенное рожденіе наслѣдника Наслѣднику Престола простираетъ радостныя надежды Царя и Царства до третьяго и четвертаго рода. И кто же далъ сей вожделѣнный даръ Царю нашему, Россіяне? Кто какъ не Тотъ, Которому *отверзшу руку всяческая исполняются благости*, и особенно Которымъ *Царіе царствуютъ?* Хотя никакой Наѳанъ не явился сказать Царю нашему: узриши сына твоего, тѣмъ не менѣе сіе есть Божіе дѣло, Божій даръ. Какая мать могла когда-либо сказать: буду имѣть плодъ? Какой отецъ могъ сказать: буду имѣть сына? Посему-то Слово Божіе признаетъ дѣтей не столько достояніемъ родителей, сколько собственностью Божіею: *се достояніе Господне, сынове, мзда плода чревнаго.* Итакъ, хотя неслышимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно Господь рекъ благовѣрному Цесаревичу: *будетъ тебѣ сынъ.* Господь рекъ благочестивѣйшему Царю: *узриши сына сына твоего.* И видитъ онъ, и радуется съ нимъ Россія" [179]).

18 октября 1843 года М. А. Максимовичъ писалъ Погодину изъ Кіева: „Завтра будетъ сюда Бѣлый Царь... Все обратилось въ ожиданія Его Величества..." [180]). Изъ Кіева Государь прибылъ въ Москву, гдѣ его встрѣтили: Императрица Александра Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ве-

ликія Княжны: Ольга Николаевна и Александра Николаевна [181]).

Это пребываніе Царственной Семьи въ Москвѣ Погодинъ привѣтствовалъ искреннимъ словомъ, въ которомъ не чувствуется оффиціальной фальши. „Всегда“, писалъ онъ,— „оживляется и радуется Москва, когда Русскій Царь ее посѣщаетъ; но на этотъ разъ радость древней столицы была вдвое полнѣе, потому что она имѣла счастіе видѣть Царя своего съ Августѣйшею его Супругою, съ возлюбленнымъ Сыномъ Наслѣдникомъ и съ двумя Царевнами, цвѣтущими красотою души и тѣла. Царь являлся у насъ счастливымъ, благословеннымъ семьяниномъ, и Москва раздѣляла съ нимъ тѣ святыя и чистыя радости, которыми Провидѣніе не даромъ осѣнило жизнь его... Скажите“, спрашиваетъ Погодинъ,— „чѣмъ силенъ больше всего Русскій Царь?“ и отвѣчаетъ: „Любовью своихъ подданныхъ онъ силенъ больше всего, ихъ неограниченной довѣренностью, преданностью, покорностью, какихъ въ Европѣ нѣтъ уже нигдѣ, да и никогда не бывало... Въ Москвѣ живетъ это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, корень Русскаго могущества, залогъ Русской силы и славы... Нечего разбирать его: что это за чувство, откуда оно, къ чему, для чего, хорошо или дурно, нельзя ли ему быть иначе. Ступайте въ Кремль: въ Кремлѣ нельзя не раздѣлять его, въ Кремлѣ... нельзя думать иначе, нельзя не быть Русскимъ, нельзя не чувствовать, что Царь, Москва и Россія—одно есть. И пока горитъ это чувство, пока Русскій народъ любитъ своего Царя, пока молится за него, добрые, богатые, довольные, наравнѣ со злыми, убогими, стѣсненными, Русскій Царь можетъ быть спокоенъ. Такія молитвы доходятъ до Бога“.

Въ 1843 году, въ Москвѣ, въ залахъ Благороднаго Собранія была открыта выставка произведеній Русской промышленности. Въ *Москвитянинѣ* появилось письмо Хомякова въ Петербургъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вообще я небольшой охотникъ до фабричной промышленности; но меня радуетъ промышленность старая, которой начало теряется въ вѣкахъ, которая основана на истинной потребности

и улучшена давнею привычкою. Еще болѣе радуетъ та промышленность, которая не вводитъ въ большомъ размѣрѣ безнравственность фабричнаго быта, а мирится съ святынею семейнаго быта и съ стройной тишиною быта общиннаго въ его органической простотѣ: ибо тутъ, и только тутъ сила и корень силы" [182]). Сохранилось очень любопытное письмо Хомякова къ Веневитинову объ этомъ же предметѣ. „У насъ", пишетъ онъ,—„покуда Москва еще не совсѣмъ опустѣла противъ своего обыкновенія. Выставка удержала здѣсь кое-кого. Многіе остались поглядѣть на чудеса промышленности и накупить разныхъ разностей. И вправду, стоитъ труда поглядѣть на выставку. Я тамъ почти каждый день, и скупость моя не устояла противъ искушеній. Много вздорнаго блеска, много мнимо—Русскихъ (вашихъ Питерскихъ) издѣлій, которыя только по какому-то условному предположенію называются Русскими, напримѣръ, бронзы; много прекрасныхъ вещей, которыя вполнѣ зависятъ отъ иностранцевъ по основному матеріалу (напримѣръ, шелковыя матеріи); но много вещей сильно подвинувшихся впередъ и составляющихъ истинное богатство. Таковы стальныя издѣлія, которыя почти равняются съ лучшими Англійскими; таковы отчасти шерстяныя матеріи, парчи, которыхъ требованіе въ Россіи очень велико и которыхъ красота удивительна, и много еще кое-чего. Всего непріятнѣе отсутствіе изобрѣтательности, полная зависимость отъ рисунковъ иностранныхъ и преобладаніе предметовъ роскоши, не оживленной никакимъ художественнымъ чувствомъ, роскоши варварской, денежной, разрывающей общество, а не связывающей его въ общемъ поклоненіи изящному. Есть роскошь искусства въ виллахъ Италіи, но тамъ искусство сохраняетъ свободу свою; золотомъ купишь картину, но не создашь Рафаеля. Богачъ, купившій произведеніе Микель-Анджело, находится въ зависимости отъ художника, котораго никакія деньги не создадутъ: бѣднякъ, любующійся картинною галлереею, владѣетъ ею, какъ самъ владѣлецъ. Роскошь ремесленная, наша современная роскошь, создана золотомъ; его богатство бьетъ бѣд-

ность по глазамъ. Поэтому-то я считаю выставку дѣломъ весьма полезнымъ..." [183]). Погодинъ же въ своей замѣткѣ о выставкѣ задѣлъ нашихъ политико-экономовъ. „*Москвитянинъ*", пишетъ онъ,—„очень желалъ бы сообщить своимъ читателямъ голосъ науки, голосъ политической науки, объ этой примѣчательной выставкѣ, но, къ сожалѣнію, не можетъ удовлетворить своихъ читателей: Политическою Экономіей, какъ и многими другими науками, занимаются у насъ incognito и не представляютъ никакого мнѣнія объ ея предметахъ во всеобщее поученіе. Только Казанскій профессоръ Горловъ издаетъ въ свѣтъ свои изысканія и замѣчанія. Впрочемъ, ни изъ Кіева, ни изъ Харькова, ни изъ Москвы, ни изъ Петербурга, не слышится отъ господъ профессоровъ и ихъ воспитанниковъ ни единаго слова, какъ будто бы не существовало и каѳедръ... Сколько любопытнаго могла бы сказать умная наука! А мы молчимъ" [184]).

Эта замѣтка очень не понравилась графу С. Г. Строганову, и онъ за нее сдѣлалъ даже выговоръ Погодину. Оправдываясь предъ Московскимъ профессоромъ Политической Экономіи А. И. Чивилевымъ, Погодинъ писалъ ему: „Графъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ за выходку мою о политико-экономахъ и статистикахъ нашихъ, которые-де могутъ оскорбиться ею. Я отвѣтилъ ему 1) что слова: *у насъ занимаются in cognito Политическою Экономіею, какъ и многими другими науками*,—значатъ то же, что наша ученая литература бѣдна, а эти слова сдѣлались даже общимъ мѣстомъ; 2) что вы, напримѣръ, профессоръ Политической Экономіи, вѣрно не оскорбились ею, тѣмъ болѣе, что здѣсь сказано ни больше, ни меньше того, что я говорилъ вамъ самимъ нѣсколько разъ; 3) что молчаніе нашихъ ученыхъ я почитаю непростительнымъ, вреднымъ, постыднымъ и стараюсь, ничьего не трогая лица, выражать это при всякомъ случаѣ. Это замѣчалъ я часто юристамъ, а потомъ и своимъ пріятелямъ: Хомякову, Кирѣевскому, Павлову, употребя даже выраженія бранныя. Приводить ихъ въ движеніе, расшевеливать, побуждать къ литературной дѣятель-

ности всѣми средствами я считалъ обязанностью журналиста 4) я печаталъ безпрестанно противъ себя, желая доказать тѣмъ, что такими выходками я не хочу оскорбить никого, а имѣю высокую цѣль. Такъ, напримѣръ, въ этомъ самомъ нумерѣ я напечаталъ жестокій упрекъ себѣ, и отъ кого же? Отъ Шафарика! Былъ ли примѣръ такого безпристрастія. Но къ чему я пишу все это? Я сталъ теперь повторять вамъ то, что я говорилъ Графу! Впрочемъ, пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, хоть надѣюсь и излишнимъ, что живя съ вами въ продолженіе восьми лѣтъ такъ согласно и любовно, я былъ бы очень огорченъ, еслибы мои слова могли показаться вамъ индивидуально-оскорбительными. Что же касается вообще до всего этого направленія (не писать и не печатать), подъ которымъ такъ ловко и благоприлично прячется лѣность, посредственность и ничтожество, то я слишкомъ вооруженъ противъ него, и колоть, шпынять, etc., готовъ былъ прежде, буду и впередъ, дондеже есмь".

XL.

Въ 1843 году Хомяковъ писалъ Веневитинову: „что прикажешь писать? Что дѣлается кругомъ насъ, о чемъ бы можно было говорить, кто пѣлъ, кто игралъ. Всѣ они пѣли и играли у васъ прежде, чѣмъ здѣсь. А если имъ особенно хлопали, или ихъ кормили, или имъ рѣчи говорили, то, полагаю, вамъ про это и знать не хочется [185])".

Весною этого года Москву посѣтили одинъ за другимъ Рубини и Листъ и давали концерты. Само собою разумѣется, что хлѣбосольная Москва, въ признательность за музыкальныя наслажденія, предложила геніальному Листу роскошную трапезу, которую онъ принялъ съ признательностью. Но Погодинъ въ этой трапезѣ не принималъ участія потому, какъ сознается онъ, что „не хотѣлъ надѣвать на себя личины меломана съ прочими". Впрочемъ, посѣтивъ концертъ, даваемый

Листомъ, онъ замѣтилъ: „Слушалъ Листа въ Маломъ Театрѣ, и какъ будто разверзлись уши.“ [186]). Листомъ увлекся и самъ К. С. Аксаковъ, который писалъ своему другу Ю. Ѳ. Самарину: „Какъ мнѣ жаль, что ты не былъ вчера. Ты потерялъ высокое наслажденіе. Листъ превзошелъ себя и явился съ совершенно новой стороны, опровергающей твое сужденіе“ [187]).

Въ назначенный день обѣдъ въ честь Листа состоялся. По свидѣльству Московскаго Лѣтописца, „одинъ изъ любителей музыки предложилъ для того свою прекрасную залу. Московская Флора убрала ее всею красотою своихъ оранжерей, цвѣтами и лаврами. Роскошный обѣдъ былъ приготовленъ мастерской рукой извѣстнаго Власа, который нѣкогда былъ поваромъ у Василія Львовича Пушкина, называвшаго его „Blaise“, и съ именемъ котораго соединено воспоминаніе о стольких литературныхъ обѣдахъ и ужинахъ. Оркестръ заигралъ, когда гости сѣли за столъ... Листъ это любитъ... Равнодушно внималъ онъ извѣстнымъ увертюрамъ..; но когда раздались Русскія пѣсни, онъ весь превратился во вниманіе... *Не бѣлы то снѣги* показались ему слишкомъ печальны, но за то плясовая пѣсня мѣшала ему спокойно сидѣть на стулѣ... Но вотъ явился чуть не трехъ-аршинный и не трехъ-пудовой осетръ, который несли нѣсколько человѣкъ: онъ отвлекъ вниманіе отъ звуковъ... Водяной обитатель Волги или Урала явился передъ лицомъ гостей... Для Листа было ново такое зрѣлище. Онъ рукоплескалъ осетру, назвавъ его poisson-monstre... Осетръ былъ потопленъ въ лучшемъ рейнъ-вейнѣ. Волга и Рейнъ соединили дары свои... Обѣдъ шумѣлъ, кипѣлъ и звучалъ... Н. Ф. Павловъ и С. П. Шевыревъ „оживили обѣдъ мыслію и бесѣдой“. Когда Шевыревъ, говоря свою рѣчь, произнесъ: „Les langues se mêlèrent, comme nous dit la Sainte Tradition, et la parole, divisée en elle-même, divisa les peuples au lieu de les réunir...“ При этихъ словахъ, свидѣтельствуетъ Московскій Лѣтописецъ, — „не знаемъ какимъ образомъ, раздался съ хоръ крикъ ребенка. Теченіе словъ было прервано

такою внезапностью; ораторъ, обративъ въ шутку это обстоятельство, продолжалъ: „Voyez, messieurs, que la parole désunit. Le cri de cet enfant, unique langue que puisse parler cet homme, à peine né, vient tout à fait à propos pour appuyer l'idée que j'avance". Листъ отвѣчалъ на это: „Permettez-moi de contester dans ce moment l'idée que vous venez de développer d'une manière si éloquente et si ingénieuse pour vous prouver que la parole ne désunit pas; nous vous l'accordons à l'unanimité..." [188]).

Проѣздомъ въ чужіе края, въ октябрѣ 1843 года, посѣтила Москву княгиня Евдокія Ивановна Голицына (рожденная Измайлова), супруга князя С. М. Голицына.

„Княгиня Голицына", повѣствуетъ князь П. А. Вяземскій,—„была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ первой своей молодости, но и вторая, и третья молодость ея плѣняла какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извилистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная, придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно мягкое и благозвучное—и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея... Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской, женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдно-согласному разрыву брачныхъ отношеній, она была совершенно независима. Вслѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и боязливый Петербургъ. Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія..." [189]). По

поводу прїѣзда княгини Е. И. Голицыной въ Москву, мы находимъ слѣдующую любопытную запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Княгиня Е. И. Голицына, ученая дама, проѣздомъ черезъ Москву присылала за Шевыревымъ, какъ за ревнителемъ національности, и разсказала ему очень много любопытнаго. Въ Петербургѣ ослѣпленіе невѣроятное.... Всеобщее убѣжденіе, что дѣла идутъ какъ нельзя лучше и Россія блаженствуетъ. Строганову не вѣрьте. Онъ сказалъ мнѣ однажды: *должно дѣлать измѣненія мало-по-малу, а такимъ образомъ со временемъ измѣнится и основа.* Я ему возражала: *если основа измѣнится, то зданіе упадетъ.* Его же слова: *Я не люблю геніевъ, съ ними ладить трудно, дѣло дѣлать по своему можно только съ людьми обыкновенными.* Я могла бы спасти Пушкина, еслибъ знала его обстоятельста. *Жена его не виновата*“ [190]).

Во время своего пребыванія въ Москвѣ княгиня Голицына дала вечеръ, на который былъ приглашенъ и Погодинъ. По поводу этого достопамятнаго вечера Ѳ. Н. Глинка писалъ: „Занимаясь съ давняго времени и съ рѣдкимъ постоянствомъ трудомъ обширнымъ и важнымъ, любознательная соотечественница наша (княгиня Голицына) охотно бесѣдуетъ, вездѣ гдѣ можетъ, съ людьми, имѣющими значеніе въ ученомъ мірѣ. Въ С.-Петербургѣ любимымъ собесѣдникомъ ея бывалъ Остроградскій, человѣкъ геніальный, высоко стоящій между всѣми учеными знаменитостями Европы.—И здѣсь въ Москвѣ не разъ приглашала она къ себѣ людей, занимающихся науками... Въ одинъ вечеръ засталъ я у ней нѣкоторыхъ Московскихъ ученыхъ и литераторовъ и былъ свидѣтелемъ разговора, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго... Нельзя“, продолжаетъ Глинка,—„передать всего разговора, но я уловилъ нѣкоторые отрывки и выраженія, которыя передаю какъ обращики любопытной вечерней бесѣды... Съ необыкновеннымъ жаромъ бесѣдуетъ Княгиня о достоинствѣ такъ любимаго ею Русскаго народа, еще много уберегшаго изъ своей первобытности и удержавшаго, въ составѣ своемъ, много *силъ*, на которыхъ

зиждется *счастье семьи* и *величіе общества.* Придерживаясь *началъ* въ ихъ еще неразвитой (іероглифической) силѣ... Княгиня любитъ смиренныя *Сказанія* Нестора больше, чѣмъ самый цвѣтущій историческій разсказъ Карамзина. Въ этомъ отношеніи нравится ей наша старая Москва, свято сохранявшая старопечатное значеніе коренной народности Русской". По мнѣнію княгини Голицыной въ Русскомъ народѣ есть два проявленія первоначальной силы: „*охота къ отдаленнымъ странствіямъ* и *глазомѣръ Русскаго простолюдина.* Безъ знанія языка, безъ дальнихъ приготовленій, съ горстью толокна или сухаремъ въ котомкѣ, Русскіе ходоки пускаются то въ Соловки, то въ старый Іерусалимъ, ѣздятъ съ возами въ Нѣмецкіе города, въ Тифлисъ, въ Бессарабію; огородники ходятъ всякій годъ пѣшіе изъ Ростова въ Ревель; возятъ канареекъ изъ-за Москвы въ Архангельскъ и нигдѣ не сбиваются съ толку, не теряютъ своей находчивости, своихъ выгодъ. На счетъ *глазомѣра*—кого не изумляетъ смышленный Русскій плотникъ? Взглянуть значитъ для него измѣрить. Топоромъ и пилою, часто даже однимъ топоромъ, замѣняетъ онъ всѣ припасы столярности. Искусство строить лѣса и всегда почти безошибочно сразу, умѣнье и смѣлость взвиваться на воздухъ съ помощію простой веревки и карабкаться на высоту церкви и колоколенъ, обличаетъ также въ Русскомъ рабочемъ природную внутреннюю силу, едвали находимую въ другихъ народахъ". О Русскомъ языкѣ княгиня Голицына говорила „торжественно": этотъ языкъ „есть *языкъ разумный,* въ высшей степени *логическій.* Въ немъ нѣтъ ничего *произвольнаго,* ничего *случайнаго,* кромѣ новыхъ, недавно нанесенныхъ словъ и выраженій". Разговоръ коснулся и до предмета, изучаемаго Погодинымъ. „Разгадка наименованія народа можетъ послужить ключемъ для его Исторіи". Говоря это, Княгиня замѣтила, что „*Россъ* на одномъ изъ древнихъ сѣверныхъ нарѣчій означаетъ *Востокъ...* начало. Допуская это, сколько выводовъ можно сдѣлать о *восточности* происхожденія и древнѣйшемъ значеніи Россовъ!" Княгиня гово-

рила также „объ одной мало извѣстной Персидской поэмѣ, въ которой довольно отчетливо повѣствуется о войнѣ *Россовъ*, еще обитавшихъ при устьѣ Волги и въ странахъ сопредѣльныхъ Персіи“. Много еще было говорено“, пишетъ Ѳ. Н. Глинка,—„о *Православіи, народности и силахъ основныхъ*, всегда животворныхъ для общества, не уклонившагося отъ источника ихъ“ [191]).

Мнѣніе княгини Голицыной о происхожденіи Руси, вѣроятно, послужило Погодину поводомъ записать слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеръ у княгини Голицыной, которая просто сумасшедшая, а видно, что у нея былъ умъ замѣчательный. Разсказъ о систематическихъ дѣйствіяхъ какой-то партіи, какъ трудно съ Русскимъ духомъ выдти въ люди. Вѣренъ отзывъ объ Исторіи Карамзина: идешь, идешь, кажется и легко, а устаешь. Видѣлъ и Синявину съ извѣстіями и любезностями. Глинкина дочь“ [192]). Но это нисколько не помѣшало Погодину представить княгинѣ Голицыной своего Посошкова при слѣдующемъ письмѣ къ ней: „Я столько услышалъ отъ своего товарища профессора Шевырева о любви вашей ко всему Русскому, Отечественному, что рѣшился представить вашему сіятельству одно замѣчательное произведеніе Русскаго ума, которое посчастливилось мнѣ открыть. Это трактатъ о Россіи при Петрѣ I одного крестьянина Посошкова, который во многомъ предупредилъ и Адама Смита, и Монтескье, и настоящее правительство. При нашей сѣверной холодности и спокойномъ невѣжествѣ, это произведеніе прошло, не обративъ ничьего почти вниманія, но я надѣюсь, что вы съ перваго взгляда его оцѣните“.

Изъ Москвы княгиня Е. И. Голицына поѣхала въ Парижъ. „Разумѣется“, пишетъ князь П. А. Вяземскій,—„Русская Княгиня, къ тому же богатая, легко отыскала въ ученой Парижской братіи усердныхъ приверженцевъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Она въ это время издала на Французскомъ языкѣ нѣсколько брошюръ по... темнымъ и головоломнымъ предметамъ. Но Русская струя, но Русскій духъ и тутъ

были ей не совершенно чужды: при ней въ качествѣ секретаря или компаньонки находилась дочь Сергѣя Николаевича Глинки. Это былъ родъ Русской ладонки отъ окончательнаго вражьяго, иноземнаго соблазна“ [193]).

XLI.

Великимъ постомъ 1843 года пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Берлина баронъ Августъ Гакстгаузенъ, „въ политикѣ крайній монархистъ, а въ религіи ультра-католикъ“. Изъ Петербурга онъ предпринялъ путешествіе по Россіи для ознакомленія съ Русскимъ сельскимъ бытомъ. А. А. Куникъ объ этомъ путешественникѣ писалъ Погодину: „Происходитъ онъ изъ стариннаго дворянскаго рода и желаетъ строго сохранить настоящія права Нѣмецкаго дворянства, почему онъ пользуется большимъ уваженіемъ Прусскаго короля, настоятельно рекомендовавшаго его Государю и Государынѣ. Не смотря на свой ярый аристократизмъ, Гакстгаузенъ дѣлаетъ уступки требованіямъ времени: онъ много лѣтъ былъ занятъ, по порученію Прусскаго правительства, въ разныхъ провинціальныхъ Прусскихъ коммиссіяхъ урегулированіемъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній, а чрезъ это сдѣлался такимъ спеціалистомъ по части ихъ и ихъ вліянія на государство, какъ никто другой, притомъ онъ самъ помѣщикъ и знатокъ историческаго развитія дворянскаго и крестьянскаго сословій. Къ сожалѣнію, ему до сихъ поръ недостаетъ лучшаго знакомства съ Исторіей Словенъ. Да и гдѣ въ Германіи научиться этому?“

Сказавъ о милостивомъ пріемѣ барона Гакстгаузена Государемъ и о намѣреніи барона посѣтить Великоруссію, Малоруссію и Бѣлоруссію, при чемъ ему будутъ даны чиновники отъ Правительства, А. А. Куникъ разсказываетъ о томъ, какъ Гакстгаузенъ „поставилъ въ тупикъ коммиссію изъ дворянъ Остзейскихъ провинцій, собранную для урегулированія пе-

чальнаго положенія Латышей и Эстовъ, доказавъ ей вполнѣ непригодность выработаннаго ею постановленія; онъ указалъ ей, что только предоставленіе Эстамъ и Латышамъ права владѣть землею и усадьбами спасетъ ихъ отъ дальнѣйшей нищеты и тѣснѣе свяжетъ ихъ съ дворянствомъ". При этомъ А. А. Куникъ изъявляетъ желаніе, чтобы во время пребыванія Гакстгаузена въ Москвѣ тамъ былъ Хомяковъ и могъ бы поспорить съ нимъ. Далѣе А. А. Куникъ пишетъ: „Кеппенъ воздаетъ большую хвалу Гакстгаузену и его политико-экономическимъ знаніямъ... Я полагаю, вы хорошо бы сдѣлали, если это возможно, обратя вниманіе сердца Россіи на барона Гакстгаузена въ *Москвитянинѣ*. Я вполнѣ увѣренъ, что вы, какъ только лично познакомитесь съ нимъ, подпишетесь подъ моимъ мнѣніемъ".

Въ другомъ своемъ письмѣ А. А. Куникъ сообщаетъ Погодину, что онъ вмѣстѣ съ Далемъ познакомился съ Гакстгаузеномъ и о томъ, что „нѣкоторыя важныя особы противодѣйствуютъ Барону, такъ какъ не сочувствуютъ его сужденіямъ объ отношеніяхъ дворянства къ крестьянству, но что самъ Государь и другіе благоразумные люди очень къ нему расположены". Вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ сообщаетъ Погодину, что Гакстгаузенъ также очень заинтересованъ курганами и каменными бабами, и что онъ очень желаетъ познакомиться съ Хомяковымъ и Петромъ Кирѣевскимъ [194]).

По свидѣтельству самого барона Гакстгаузена, „со стороны Русскаго Правительства онъ встрѣтилъ величайшую готовность къ содѣйствію его ученымъ изслѣдованіямъ. Императоръ Николай приказалъ не только всѣмъ властямъ оказывать ему полное покровительство, но и сообщать ему документы изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ".

Такимъ образомъ Гакстгаузенъ предпринялъ обширное путешествіе по Россіи. Изъ Петербурга онъ выѣхалъ 27 апрѣля и посѣтилъ Новгородъ, Вышній Волочокъ, Торжокъ, Тверь. Пробывъ тамъ десять дней, онъ отправился въ дальнѣйшее путешествіе.

Въ Москву Гакстгаузенъ прибылъ 2 мая; а 7-го Погодинъ получаетъ слѣдующую записку отъ Шевырева: „Князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ тебя завтра, въ субботу, 8 мая, обѣдать. У него будетъ Австрiйскiй какой-то баронъ, занимающiйся Словенами. За обѣдъ садятся въ 4. Надобно явиться безъ четверти 4. Приглашенъ Бодянскiй". Повидимому, на Погодина отзывы о баронѣ Гакстгаузенѣ А. А. Куника не произвели благопрiятнаго впечатлѣнiя, чему служитъ доказательствомъ слѣдующая запись въ *Дневникѣ* Погодина (подъ 8 мая 1843): „Обѣдалъ у князя Д. В. Голицына. Какой-то Нѣмецкiй баронъ, Прусскiй тайный совѣтникъ, на счетъ Русскаго Правительства прiѣхалъ разсматривать состоянiе крестьянъ. Вѣрно съ тайными порученiями. Ну что онъ можетъ узнать, не зная по Русски. Вопросы не обнаруживаютъ знатока. И въ Москвѣ остается только три дня. Хорошъ гусь. Хороши и мы. Онъ писалъ замѣчанiя на указъ *), кои понравились. Но развѣ у насъ не пишутъ и лучше, и дѣльнѣе. Какая ограниченность и близорукость. Князь говорилъ, между прочимъ, о необходимости опредѣлить дни работъ. Но мы должны имѣть въ виду злоупотребленiя. Оттуда къ Аксаковымъ. Сѣлъ нехотя играть, проигралъ и сердился на Загоскина".

Пробывъ въ Москвѣ десять дней, Гакстгаузенъ отправился въ дальнѣйшее путешествiе. Прежде всего онъ посѣтилъ Свято-Троицкую Сергiеву лавру, потомъ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Рыбинскъ, Вологду, Устюгъ, Костромскую губернiю, Нижнiй Новгородъ, Казань, Саратовъ; затѣмъ путешественникъ повернулъ въ черноземную мѣстность — въ Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую губернiи; далѣе черезъ Екатеринославль проѣхалъ въ степныя пространства до Керчи; изъ Керчи предпринялъ небольшое путешествiе на Кавказъ, объѣхалъ Крымъ и берегомъ достигъ Одессы. Изъ Одессы онъ отправился въ Подолiю и Волынiю,

*) Указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

доѣхалъ до Кіева и чрезъ Черниговъ, Орелъ и Тулу вернулся въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву [195]).

Результатомъ этого путешествія въ 1847 и въ 1852 годахъ явилась книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи.*

По возвращеніи въ Москву, баронъ Гакстгаузенъ ближе познакомился съ Погодинымъ, и въ *Дневникѣ* послѣдняго за 1843 годъ мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *19 ноября.* Ввечеру былъ у меня Гакстгаузенъ. Не хотѣлъ было ему сначала говорить ничего, а потомъ не могъ удержаться и передалъ важнѣйшіе результаты, которыми онъ былъ пораженъ.

— *2 декабря.* У Павлова съ Гакстгаузеномъ.

— *9 декабря.* По утру былъ у барона Гакстгаузена и толковалъ много о крестьянахъ. Передалъ ему свои мысли, въ надеждѣ, что онѣ изъ его устъ принесутъ пользу.

Нѣсколько ранѣе, именно въ 1839 году, посѣтилъ Россію Французскій туристъ маркизъ Кюстинъ и былъ принятъ нашими высшими сферами, по обычаю, съ распростертыми объятіями. Какъ результатъ его наблюденій въ нашемъ Отечествѣ, въ 1843 году въ Брюселѣ явилась книга, подъ заглавіемъ: *La Russie en 1839.* „Книга г. Кюстина“, писалъ Тютчевъ,— „служитъ новымъ доказательствомъ того умственнаго безстыдства и духовнаго растлѣнія, отличительныя черты нашего времени, особенно во Франціи, благодаря которымъ позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ; дерзаютъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ бывало относились къ критическому разбору водевиля“ [196]). Еще строже осудилъ Кюстина Жуковскій. „Читалъ ли ты собаку Кюстина?“ писалъ онъ Булгакову,— „вѣрно читалъ. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальномъ словѣ Русскому народу въ четырехъ томахъ in 8^0. Но вотъ что желаю знать, видѣлъ ли ты его самого, когда онъ былъ въ Москвѣ? Я самъ былъ въ Москвѣ въ его

время, ибо это было въ эпоху Бородинской годовщины, но я о немъ не слыхалъ“. Варнгагенъ фонъ Энзе, 23 сентября 1843 года, записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Камергеръ Т. привезъ мнѣ поклоны изъ Москвы и Петербурга... О Кюстинѣ отзывается онъ довольно спокойно; поправляетъ, гдѣ требуется, и не отрицаетъ достоинствъ книги. По его словамъ, она произвела въ Россіи огромное впечатлѣніе: вся образованная и дѣльная часть публики согласна съ мнѣніемъ автора; книгу почти вовсе не бранятъ, напротивъ, еще хвалятъ ея тонъ. Будто бы даже самъ генералъ Бенкендорфъ откровенно признался Императору, что *monsieur Custine n'a fait que formuler les idées que tout le monde a depuis longtemps sur nous, que nous avons nous-même*. Однакоже, Императоръ крайне недоволенъ тѣмъ, что авторъ какъ бы старался вездѣ отдѣлить интересы Государя отъ интересовъ его народа“. „Не есть ли этотъ камергеръ Т.“, замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—„самъ Ѳ. И. Тютчевъ? Въ такомъ случаѣ любопытно сопоставить его отзывъ о книгѣ Кюстина въ 1843 году съ вышеприведеннымъ отзывомъ его 1844 года“ [197]).

На Погодина книга Кюстина произвела сильное впечатлѣніе. Въ *Дневникѣ* его 1843 года мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *5 декабря*. А много жестокой правды въ Кюстинѣ, хоть онъ и очень скученъ.

— *8 декабря*. Прочелъ цѣлую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о Россіи. Когда онъ дышетъ своимъ аристократизмомъ, я жалѣю, что Робеспьеръ не поцарствовалъ больше; когда онъ играетъ роль простого наблюдателя, котораго будто хотятъ все обмануть и никакъ не могутъ, то бываетъ просто смѣшенъ; когда начинаетъ умничать, то дѣлается скученъ; но за изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ поклониться ему въ ноги. Что-то чувствовалъ Государь, читая его книги. Боюсь, что отъ него закрыли важныя мѣста.

— *12 декабря.* Оканчивалъ Кюстина, отъ котораго часто морозъ подираетъ по кожѣ.

— *16 декабря.* Съ Кубаревымъ о Кюстинѣ. Бодянскій пересказалъ ему все прочтенное со мною.

Почти одновременно съ Погодинымъ читалъ Кюстина и Герценъ и тоже записывалъ свои впечатлѣнія въ *Дневникѣ* своемъ 1843 года:

Подъ *26 октября.* Пробѣжалъ четвертый томъ Кюстина. Безъ сомнѣнія, эта самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ... Всего лучше онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвастовство тѣми элементами Европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа... На Петра онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія Словенофиловъ—судитъ слишкомъ рѣзко, во многомъ справедливо, но безъ глубокаго историческаго смысла; такія событія, какъ Петровскій переворотъ, должно брать шире и обще. Царствованіе Екатерины онъ назвалъ длинной комедіей, которой она обманывала Европу.... Тягостно вліяніе этой книги на Русскаго, голова склоняется на грудь и руки опускаются; и тягостно отъ того, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста...

— *10 ноября.* Читалъ пятый томъ Кюстина. Книга эта дѣйствуетъ на меня какъ пытка, какъ камень, приваленный къ груди, я не смотрю на его промахи, основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество, и эта страна Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ..! Словенофилы, вѣря въ мечтаемую будущность, хотя и понимаютъ настоящее, но, радуясь будущему, мирятся съ нимъ. Ихъ счастье! [198]).

Но оставимъ въ покоѣ Кюстина, эту, по выраженію Жуковскаго, „собаку" съ его „похвальнымъ словомъ Русскому народу" и въ утѣшеніе себѣ приведемъ прекрасныя слова Тютчева, сказанныя имъ по поводу того же Кюстина: „Апологія Россіи... Боже мой! Эту задачу принялъ на себя мастеръ, который выше насъ всѣхъ и который, мнѣ кажется, выполнялъ ее до сихъ поръ довольно успѣшно. Истинный

защитникъ Россіи—это *Исторія*; ею въ теченіе трехъ столѣтій неустанно разрѣшаются въ пользу Россіи всѣ испытанія, которымъ подвергаетъ она свою *таинственную* судьбу" [199]).

Самъ Погодинъ въ это время уже мечталъ о своей біографіи и указываетъ источники ея: „журналъ, путешествія, статьи. Вотъ", замѣчаетъ онъ,—„гдѣ матеріалы моей біографіи". Какъ историкъ, онъ старался изучать всѣ слои Россіи. Съ этою цѣлію онъ заходитъ въ Англійскій клубъ и тамъ смотритъ „съ отвращеніемъ на титулярныхъ совѣтниковъ, поручиковъ и помѣщиковъ". Обѣдаетъ у Новикова „въ обществѣ частныхъ приставовъ" и находитъ, что „полиція наша не такъ дурна, какъ слыветъ". Толковалъ съ правителемъ канцеляріи, который оказался „старымъ университетскимъ воспитанникомъ". Проѣзжая однажды Мухановскимъ переулкомъ, Погодинъ „думалъ" о М. С. Мухановой и объ ея сестрахъ, и потомъ у него явилась мысль написать Русскій романъ, „гдѣ было бы изображено настоящее Русское общество, со всѣми своими классами: преобразователь, хозяева, моты, литераторы, совѣтники, друзья и проч." Обращаясь къ своему собственному домашнему быту, Погодинъ пишетъ: „Наводило грусть наше довольство и чистыя комнаты, и теплое одѣяло, и сахарное варенье! Какъ-то совѣстно пользоваться столькими дарами".

Въ то же время Погодинъ мечтаетъ оставить Университетъ и Россію и переселиться въ Гейдельбергъ „какъ въ мѣсто успокоенія" [200]).

Слухъ о послѣдней мечтѣ Погодина дошелъ до Петербурга, и Коркуновъ, 16 сентября 1843 года, писалъ ему оттуда: „Здѣсь говорятъ, что вы оставляете каѳедру Русской Исторіи и ѣдете за границу". Но Шафарикъ весьма несочувственно отнесся къ этой мечтѣ Погодина и писалъ ему: „Вашъ планъ писать Исторію Россіи внѣ Россіи прекрасенъ по мысли, геніаленъ и поэтиченъ, но не практиченъ, какъ мнѣ кажется. Вамъ бы слѣдовало отыскать гдѣ-нибудь въ Россіи спокойное мѣстечко, можетъ быть въ Таврической гу-

бернiи, пожалуй вблизи Москвы, но еще лучше въ самой Москвѣ. Какъ вы намѣрены жить за границей? Безъ семейства? Невозможно! Со всѣмъ семействомъ, само собою разумѣется. Но тогда вся ваша домашняя обстановка и ваши привычки должны тоже перебраться съ вами". По поводу намѣренiя Погодина удалиться изъ Москвы нѣкто писалъ ему: „Мнѣ очень жаль, что вы, какъ слышу, уѣзжаете изъ Москвы и далеко, и надолго. Пустозвоновъ много на свѣтѣ, но людей съ душою очень немного. Ни книгъ, ни журналовъ не хотятъ писать для Русской чести; а пишутъ въ безчестiе себѣ и дорогому высокому имени Русскаго. *Москвитянинъ* и *Маякъ*— кусточки въ безпредѣльной степи песковъ. Кто-жъ будетъ напоминать о Москвѣ приличнымъ достойнымъ ея *Москвитяниномъ?*" [201]).

8 ноября 1843 года, то-есть день своего Ангела, Погодинъ отпраздновалъ по обычаю и записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Обѣдали Аксаковъ и Шевыревъ. Слухъ о бракѣ Герцога Бордосскаго съ Ольгою Николаевною, который будетъ сдѣланъ королемъ Греческимъ и откажется отъ правъ на Францiю. Съ этою цѣлiю будто бы и устроена революцiя Греческая. Съ Ундольскимъ о древностяхъ. Къ вечеру меду было наварено много, а дружины было мало".

XLII.

Постоянныя непрiятности со стороны графа С. Г. Строганова „если не возбудили, то по крайней мѣрѣ утвердили" въ Погодинѣ мысль оставить на время Университетъ и заняться исключительно Русскою Исторiею [202]). Онъ мечталъ о написанiи такой Русской Исторiи, которая была бы „1) проста и общепонятна, то-есть, понятна грамотному крестьянину, модной дамѣ, смышленному дитяти, равно какъ и образованному литератору; 2) занимательна, читаясь съ начала до конца не изъ милости, не по обѣту, а возбуждая участiе и любо-

пытство; 3) жива, представляя людей, племена, событія, въ плоти и съ кровію, а не портреты или остовы, и, наконецъ, 4) соотвѣтствовала бы настоящему состоянію критики и заключала результаты всѣхъ новыхъ изслѣдованій и открытій, сдѣланныхъ послѣ начала Исторіи Карамзина". Чтобы „найти тонъ" для такой Исторіи, Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, мечталъ „углубиться въ свой предметъ гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, для живѣйшаго воспоминанія о Норманнахъ, потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ для удѣльнаго періода, и, наконецъ, въ Сибири для Монголовъ и Татаръ" [203]).

Какъ бы то ни было, вопреки совѣта своей супруги [204]), „со слезами и размышленіями" [205]), Погодинъ, 16 февраля 1844 года, подалъ въ Университетскій Совѣтъ слѣдующую бумагу: „Здоровье мое, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, разстроивалось постепенно; четырехкратное употребленіе минеральныхъ водъ, въ 1837, 1839, 1842 и 1843 годахъ, не искоренило моей болѣни: кровохарканіе, слабость горла и зрѣнія, боль въ головѣ и пояснипѣ, обнаружившіяся въ послѣднее время съ большею силою, требуютъ по совѣту врачей рѣшительнаго и долговременнаго лѣченія, безъ всякой помѣхи со стороны занятій служебныхъ. Вслѣдствіе чего прошу покорнѣйше Совѣтъ объ исходатайствованіи мнѣ увольненія отъ службы по § 140 Устава". Профессора Медицинскаго Факультета Иноземцевъ, Эвеніусъ и Анке засвидѣтельствовали, что „статскій совѣтникъ и кавалеръ Михаилъ Петровичъ Погодинъ съ давняго времени одержимъ кровохарканіемъ, которое дѣйствительно произошло отъ трудовъ на службѣ, понесенныхъ при исправленіи настоящей должности; и теперь, по причинѣ разстроеннаго здоровья, къ продолженію службы болѣе не способенъ" [206]).

Просьба объ отставкѣ была принята, и графъ Строгановъ 13 марта 1844 года писалъ Уварову: „Ординарный профессоръ Московскаго Университета статскій совѣтникъ Погодинъ проситъ объ увольненіи его отъ службы, по болѣзни, требующей постояннаго пользованія, съ продолжительнымъ отдыхомъ отъ

ученыхъ занятій". Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 19 апрѣля, графъ Строгановъ доводитъ до свѣдѣнія Уварова, что Погодинъ объяснилъ ему, что „если здоровье его въ продолженіе одного или двухъ годовъ возстановится, то онъ почтетъ священною своею обязанностію поступить вновь въ преподаватели Университета, если это угодно будетъ начальству".

Между тѣмъ въ это время Шевыревъ писалъ Погодину: „Здѣсь всѣ говорятъ, что Министръ тебя не пускаетъ въ отставку и что тебѣ дается годъ отдыха". Но эти слухи оказались неосновательными, и Погодинъ получилъ полную отставку. Максимовичъ, ничего не зная о такомъ рѣшительномъ шагѣ, сдѣланномъ его другомъ, писалъ ему: „Что у васъ новаго въ Университетѣ? Что старое мое пепелище—Садъ Ботаническій и кто тамъ теперь? Въ началѣ сего мѣсяца писалъ я къ С. С. Уварову и просилъ себѣ какого-нибудь административнаго мѣста; но не знаю, чѣмъ рѣшится моя просьба. Хочется опять служить; только всего менѣе хочется быть на прежней катедрѣ здѣсь; ужь если быть профессоромъ, такъ опять въ Бѣлокаменной. Впрочемъ, все это мечты: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, и мы вездѣ хороши, быть можетъ, если захочемъ. До свиданія—прощай. Поспѣши своею отвѣтною писулькою" [207]).

На это письмо Погодинъ, съ одра болѣзни, о которой скажемъ ниже, отвѣчалъ своему другу: „Въ Университетѣ старое по старому, а новое по большей части безумствуетъ. Я подалъ въ отставку — отойти отъ зла и сотворить благое, съ полною пенсіею. Въ Саду Ботаническомъ прозябаетъ, кажется, одинъ Фишеръ. Обнимаю тебя. А хорошо бы переселиться тебѣ въ Москву. Потерпимъ еще, наше отъ насъ не уйдетъ, теперь всего менѣе" [208]).

Хотя П. И. Савваитовъ и поздравлялъ Погодина письменно „съ оставленіемъ многотруднаго профессорскаго поприща" [209]), самъ Погодинъ сознавалъ, что поступилъ крайне неосмотрительно, подавъ въ отставку. Въ его позднѣйшихъ воспоминаніяхъ мы читаемъ: „Года черезъ два я думалъ опять

вступить въ Университетъ съ болѣе укрѣпленными силами, и по собственной просьбѣ начальства, что было бы для меня гораздо крѣпче, а теперешнія неудовольствія могли, представлялось мнѣ, кончиться по какому-нибудь случаю увольненіемъ даже безъ пенсіи, которую мнѣ хотѣлось, такъ сказать, застраховать, пока министромъ былъ Уваровъ, мнѣ благожелавшій. Опасеніе и намѣреніе неосновательныя: я былъ увѣренъ также, что черезъ два года обратятся ко мнѣ съ просьбою, потому что нельзя жь оставлять Университетъ безъ Русской Исторіи, и въ томъ, какъ оказалось, я ошибся жестоко. Вообще этотъ шагъ долженъ я считатъ теперь совершенно опрометчивымъ и имѣвшимъ вредное вліяніе на гражданскую внѣшнюю мою жизнь" [210]).

Предъ своимъ выходомъ изъ Московскаго Университета Погодинъ написалъ *Инструкцію для посвящающихъ себя Русской Исторіи*: „Посвящающему себя Русской Исторіи я совѣтовалъ бы пріѣхать ко мнѣ въ Москву, изучить подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ или полутора года, всѣ главные источники Русской Исторіи и познакомиться съ письменною литературою, а потомъ ѣхать на полгода къ Магнусену въ Копенгагенъ для знакомства съ Норманнами, на полгода къ Шафарику въ Прагу, чтобъ узнать Словенскія Древности, и наконецъ на годъ въ Варшаву къ Маціевскому, чтобы выучиться по Польски и узнать источники Польской Исторіи, по колику она связана съ Русскою".

XLIII.

„Выходя изъ Университета", пишетъ Погодинъ,—„я просилъ увольненія и отъ должности секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и самъ указалъ на свое мѣсто Бодянскаго, посыланнаго въ путешествіе

по моему настоянію и мною представленнаго къ избранію въ дѣйствительные члены Общества“.

Бросимъ теперь взглядъ на дѣятельность Погодина въ Обществѣ въ послѣдній годъ его секретарства. Ходаковскимъ началъ онъ изданіе, подъ своею редакціею, *Русскаго Историческаго Сборника* и Ходаковскимъ же окончилъ это изданіе. Въ седьмой и послѣдней книжкѣ *Сборника*, вышедшей въ 1844 году, было напечатано: *Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи Зоріана Долуга-Ходаковскаго. Изъ Москвы 13-го липца 1822.* Въ томъ же 1844 году вышла третья и тоже послѣдняя часть *Русскихъ Достопамятностей*, въ которой заключались изслѣдованіе Д. Н. Дубенскаго *о Словѣ о Плъку Игоревѣ*, посвященное С. С. Уварову. Только въ трехъ засѣданіяхъ Общества, бывшихъ 29 января, 11 марта и 22 апрѣля 1844 года, лично присутствовалъ Погодинъ, а въ засѣданіи 2 декабря 1844 г. было занесено въ протоколъ: „По болѣзни секретаря Общества М. П. Погодина актуарій Дмитріевъ представилъ экземпляры оконченныхъ изданій Общества“.

Во время секретарства Погодина, библіотекаремъ Общества былъ П. М. Строевъ, которому поручено было составленіе каталога библіотеки Общества. Еще 31 января 1843 года Общество, имѣя въ виду, что „Библіотека его еще не описана, не смотря на многократные вызывы многихъ членовъ, опредѣлило: отнестись къ г. Библіотекарю Общества П. М. Строеву оффиціальною бумагою и просить его приступить къ описанію въ скорѣйшемъ времени, объяснивъ, что Общество не можетъ по многимъ причинамъ оставить ее въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены, какъ, напримѣръ, г. Бодянскій, требуютъ неотлагательно доступа къ библіотекѣ“. Опредѣленіе это было послано Строеву, за подписью секретаря Погодина, который, кромѣ того, написалъ ему слѣдующее письмо: „Общество хотѣло непремѣнно послать къ вамъ бумагу. Долгомъ поставляю подать вамъ пріятельскій совѣтъ: отвѣчайте, что теперь, по

окончаніи вашихъ дѣлъ спѣшныхъ, приметесь за описаніе немедленно.—Ну, много ли времени нужно вамъ на описаніе? Рукописей вѣдь не гибель какая? А дѣло тянется объ описаніи уже нѣсколько лѣтъ".

Въ апрѣлѣ того же 1843 г. Строевъ отправился въ Петербургъ по дѣламъ археографическимъ. По возвращеніи въ Москву, у Строева возобновились непріятные переговоры съ Погодинымъ по Обществу. „По распоряженію Университетскаго Начальства", писалъ къ нему Погодинъ,—„въ нашей залѣ должно передѣлать полы. Благоволите принять мѣры для переноски книгъ. Неудовольствія жестоко продолжаются вслѣдствіе того, что вы не принимаетесь за описаніе, и я не понимаю, почему вамъ хочется накупаться на оныя. По моему, вамъ надо или приняться, или отказаться". На это письмо Строевъ отвѣчалъ: „У меня есть обязанности служебныя, поважнѣе библіотекаря Общества Историческаго. Въ разсужденіи описанія библіотеки графъ Сергѣй Григорьевичъ обѣщалъ мнѣ созвать Общество еще въ маѣ, а потому до собранія мнѣ нельзя приступить къ описи. Соберите Общество. Что же касается до передѣлки половъ, то, мнѣ кажется, это *пустой предлогъ*. Университетское Начальство должно сообразоваться съ нашею возможностію".

Но Погодинъ дѣйствовалъ настоятельно. „Повторяю", писалъ онъ Строеву,—„что вы накупаетесь на непріятности, и въ этомъ случаѣ я долженъ буду говорить тверже, ибо мнѣ прохода нѣтъ: *вы—секретарь, профессоръ Русской Исторіи, можете дѣлать, что хотите въ Обществѣ, и оно у васъ въ безпорядкѣ, вы не знаете, что у васъ есть*. Теперь, напримѣръ, пріѣхалъ профессоръ Русской Исторіи Казанскаго Университета Ивановъ и спрашиваетъ у меня осмотрѣть рукописи: что̀ отвѣчать мнѣ ему? А спрашивается, что̀ я могъ дѣлать, когда Библіотека была десять лѣтъ у Каченовскаго, а послѣ Каченовскаго вы не давали никому приниматься за нее, а теперь и не принимаетесь: вотъ прошли и вакаціи, и все ничего не сдѣлано! Вы просто, говорю вамъ откровенно,

какъ будто хотите, чтобъ вамъ говорили грубости, и эти грубости въ первое собраніе вамъ скажутъ такія лица, съ какими перебраниваться неловко; я васъ предупреждаю. Либо описывайте, либо откажитесь—вотъ мой совѣтъ въ пятый разъ". Но Павелъ Михайловичъ спокойно выдержалъ всѣ эти отчаянные приступы Погодина, и дѣло кончилось тѣмъ, что съ Обществомъ заключено было, 16 октября 1843 года, условіе описать библіотеку и напечатать каталогъ за три тысячи рублей ассигн. Надо замѣтить, что между членами Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ было нѣсколько заклятыхъ враговъ Строева, и одинъ изъ нихъ, А. М. Кубаревъ, въ письмахъ къ И. П. Сахарову силится представить образъ дѣйствія Строева, его ученыя заслуги въ самомъ черномъ видѣ. „Библіотекарь Строевъ", пишетъ онъ (22 октября 1843 года),—„предложилъ Обществу свои услуги составить каталогъ, а въ возмездіе себѣ двѣ тысячи рублей. Поднялся шумъ и гвалтъ. Что каталоги его пошлы, что и сидѣльцы—книжники на прилавкахъ могутъ выписывать предисловія и послѣсловія. Что буде онъ представитъ каталогъ, подобный Востоковскому, то и пр. Строевъ—молодецъ, тотчасъ смекнулъ дѣло—и предложилъ составить каталогъ еще лучше Востовскаго, но съ прибавкою еще тысячи рублей. Здѣсь наши сенаторы разинули рты и стали въ тупикъ. Въ самомъ дѣлѣ—каталогъ лучше Востокова! Дѣлать было нечего—прибавили еще тысячу. Теперь остается намъ съ вами ожидать чудесъ отъ Строева. Подождемъ, а между тѣмъ подивимся, съ одной стороны, безстыдству одного, съ другой—безумію многихъ. Одно только въ этомъ дѣлѣ утѣшительно, что высказали Строеву правду, что его каталоги никуда не годятся!" Но вотъ что забавно, въ томъ же письмѣ Кубарева мы читаемъ слѣдующее о самомъ Востоковѣ: „Начиная съ того, что разбирать Черткова нѣчего (sic) бояться. А развѣ только *пощадить его потому, что это занимающійся баринъ*. Востокова также щадить бы не должно, особенно за недоглядки: по припискамъ судить о спискахъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Пате-

рикомъ. Ученому должно быть извѣстно, что приписки вмѣстѣ со списками списываются изъ рода въ родъ". Злословіе почтеннаго латинскаго профессора, разумѣется, не помѣшало П. М. Строеву приступить, въ началѣ 1844 года, къ печатанію каталога библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и 6 января 1844 г. онъ писалъ къ Погодину: „Усерднѣйше поздравляя почтеннѣйшаго Михаила Петровича съ наступившимъ 1844 годомъ, покорнѣйше прошу принять чистый экземпляръ *второго* листа и подписать корректуру *третьяго*... Рукописи наконецъ всѣ описаны; сборники насилу осилилъ, ихъ сорокъ... Оказывается, что я продешевился, и очистится не слишкомъ довольно въ соразмѣрности труда".

Приступая къ составленію второго отдѣленія этого каталога, заключающаго въ себѣ книги Русскія гражданской печати, Строевъ встрѣтилъ немаловажныя затрудненія, не позволявшія ему продолжать печатаніе. Объ этомъ онъ писалъ Погодину, отъ 20 апрѣля: „До 1820 года покойный П. П. Бекетовъ снабдилъ библіотеку Общества *почти всѣмъ*, что издано до того времени по части Русской Исторіи, Географіи и проч. Послѣ того у насъ много необходимаго недостаетъ. Слѣдовательно, въ каталогѣ будетъ дизгармонія, которой едва ли кто не замѣтитъ. Не странно ли будетъ видѣть, въ библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, изъ изданій Археографической Коммиссіи только одни *Акты Экспедиціи*, присланные ею въ подарокъ; изъ прочихъ изданій ни одного. Еще страннѣе у насъ нѣтъ *Исторіи* Карамзина, которую имѣетъ всякій студентъ. Имѣетъ почти всѣхъ путешественниковъ по Россіи—и нѣтъ Лепехина, который наиболѣе прочихъ занимался Древностями. Нѣкоторые авторы подарили первый томъ своихъ изданій: слѣдующихъ потомъ не прислали. Какъ показать въ каталогѣ: *Несторъ* Шлецеровъ, переводъ Языкова, томъ первый? *Исторія Медицины* Рихтера, томъ первый? Есть и еще другіе. Неужели не пополнить дефектовъ? Напримѣръ, *Дѣянія Петра Великаго* безъ четырехъ томовъ, и т. под.

Что за библіотека *историческая* безъ *Остромирова Евангелія, Каталога Румянцовскаго Музея*, и другихъ подобныхъ изданій? Общество, назначивъ три тысячи на изданіе роскошнаго каталога своей библіотеки, ужели поскупится истратить сотню цѣлковыхъ (если не менѣе) на устраненіе вышесказанныхъ недостатковъ и даже *безобразія* библіотеки". Отвѣтъ на это письмо, заключающійся въ двухъ-трехъ строчкахъ, послѣдовалъ не ранѣе 19 іюня 1844 г.: „Лежу пять недѣль неподвижно! Книги, нужныя по вашему мнѣнію, считайте сущими".

Какъ бы то ни было, въ началѣ 1845 г. вышелъ въ свѣтъ составленный П. М. Строевымъ каталогъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.* Такимъ образомъ секретарство Погодина въ Обществѣ ознаменовалось и этимъ важнымъ изданіемъ.

Въ это время переселился въ Москву изъ Археографической Коммиссіи любимый ученикъ Погодина, Н. В. Калачовъ.

Занимаясь въ Археографической Коммиссіи разборомъ древнихъ Русскихъ памятниковъ, Н. В. Калачовъ сталъ въ то же время готовиться для полученія степени магистра по юридическому факультету. Для этой цѣли Калачовъ въ 1843 году поѣхалъ въ Москву и оттуда подалъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія прошеніе объ откомандированіи его въ Москву къ П. М. Строеву для занятій въ тамошнихъ архивахъ. Начальство нашло возможнымъ исполнить просьбу Калачова и вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніемъ, отъ 6 апрѣля 1843 г., увѣдомило Строева, что „находящійся нынѣ въ отпуску въ Москвѣ, чиновникъ Археографической Коммиссіи коллежскій секретарь Калачовъ, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, откомандированъ къ нему для занятій, по усмотрѣнію его, въ Московскихъ архивахъ". Посѣдѣлый въ дѣлахъ Археографіи, Строевъ установилъ на первыхъ же порахъ самыя добрыя отношенія къ юному Археографу, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ бумагахъ П. М. Строева письмо къ нему отъ бывшаго сослуживца Калачова, Н. В.

Елагина, писанное 25 сентября 1843 г.: „Непредвидѣнныя обстоятельства—смерть отца и продолжительная болѣзнь матери—заставили Н. В. Калачова, противъ желанія, оставить службу и лишиться въ васъ добраго начальника, не смотря на всѣ облегченія, которыя вамъ угодно было, по расположенію къ намъ, допустить для устройства семейныхъ дѣлъ бывшаго товарища моего. Я вмѣстѣ съ нимъ считаемъ долгомъ, не въ первый разъ, сказать предъ вами искреннюю благодарность за готовность, удостовѣренную опытомъ, содѣйствовать прежнимъ видамъ Калачова, чтобы остаться на службѣ въ Москвѣ". Въ 1844 году мы видимъ Калачова опять въ Москвѣ. Занимаясь своею магистерскою диссертаціею о *Русской Правдѣ*, онъ между прочимъ представилъ Погодину свое разсужденіе подъ заглавіемъ: *Уставы о церковныхъ судахъ великихъ князей Владиміра, Ярослава* и *Всеволода*, и при этомъ выразилъ желаніе прочесть оное въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Не смотря на ходатайство Погодина, желаніе Калачова не было исполнено. „Чрезвычайно жаль", писалъ Бодянскій Погодину,—„что вы вчера меня не застали дома: я пришелъ изъ Университета прямо къ обѣду. Только воротясь уже изъ Общества получилъ вашу записку. Впрочемъ, все *обстояло* благополучно. Статья Калачова не была читана, потому что Предсѣдатель сказалъ: *Зачѣмъ же у насъ Комитетъ, коли въ собраніи читать подобное?* Однако же подъ конецъ г. Спасскій заставилъ выслушать всѣхъ свое предисловіе къ *книгѣ Большого Чертежа.* Очень непріятно, что, не зная вашего намѣренія, я не могъ предложить въ соревнователи ни Калачова, ни Кавелина... На дняхъ непремѣнно поспѣшу въ вашъ дворецъ и обозрю новыя его сокровища".

Между тѣмъ Н. В. Калачовъ въ это время усердно трудился надъ своею магистерскою диссертаціею, которая, въ 1846 году, явилась въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды.*

Еще до выпуска въ свѣтъ своей диссертаціи, Калачовъ знакомилъ съ нею Погодина, который записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Утро съ Калачовымъ, котораго диссертацію одобряетъ Кавелинъ. Труженникъ, а своего нѣтъ сужденія".

XLIV.

Съ каждымъ, можно сказать, днемъ Древлехранилище Погодина все болѣе и болѣе распространялось. Это, среди всѣхъ скорбей и несчастій, утѣшало и радовало собирателя. По его собственному свидѣтельству, „успѣхомъ, превзошедшимъ всѣ ожиданія, въ собраніи этихъ драгоцѣнностей я обязанъ стеченію многихъ обстоятельствъ—вопервыхъ: Графъ Н. П. Румянцовъ и графъ Ѳ. А. Толстой возбудили своими щедрыми покупками охоту въ промышленникахъ къ отысканію Древностей; но первый вскорѣ скончался, а другой прекратилъ собраніе,—и всѣ наши торговцы начали преимущественно относиться ко мнѣ; вовторыхъ, я имѣлъ случай сблизиться со многими почтенными старообрядцами, которые оказали мнѣ важныя услуги".

Древлехранилище Погодина, въ 1844 году, состояло уже изъ слѣдующихъ собраній: рукописей, старопечатныхъ церковныхъ книгъ, книгъ, печатанныхъ при Петрѣ Великомъ, грамотъ и судебныхъ дѣлъ, древнихъ автографовъ, монетъ, иконъ: живописныхъ, мѣдныхъ, деревянныхъ, костяныхъ, каменныхъ, шитыхъ; крестовъ мѣдныхъ и серебряныхъ; древнихъ печатей, разныхъ вещей: серегъ, колецъ, чернильницъ и проч.; оружія, вещей найденныхъ въ Чудскихъ копяхъ, принадлежавшихъ Г. И. Спасскому, собственноручныхъ писемъ Петра I, Екатерины II, Павла, Александра, Константина, матеріаловъ для Новой Русской Исторіи, матеріаловъ для Исторіи Русской Словесности, бумагъ, принадлежавшихъ нашимъ ученымъ. Составивъ одно цѣлое изъ всѣхъ исчисленныхъ собраній, Погодинъ, по его собственнымъ словамъ, рас-

положилъ свою Библіотеку, „какъ бы то сдѣлалъ охотникъ временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, или Алексѣя Михайловича“. Собраніе рукописей онъ раздѣлилъ на два отдѣленія: I. Священное Писаніе и II. Рукописи Историческія и Юридическія. Въ составъ отдѣленія перваго вошли: книги Ветхаго и Новаго Завѣта, книги Кормчія, Собраніе правилъ, Уставы церковные, Псалтири слѣдованныя, Минеи общія и мѣсячныя, Октоихи, Тріоди постныя и цвѣтныя, Паремейники, Стихирари, Святцы, Прологи, Житія святыхъ, Торжественники, Соборники, Слова, Творенія святыхъ отцевъ, Богословія, Сборники богословскіе, Катехизисы, О расколахъ и ересяхъ, Пренія, Возраженія, Сборники. Въ составъ отдѣленія второго вошли: Лѣтописи, Хронографы, Степенныя книги, Сказанія, Путешествія, Сборники, Собраніе законовъ. Въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій главныя сочиненія находятся во множествѣ списковъ. Особенно утѣшало Погодина его собраніе „Житій Русскихъ Святыхъ (до двухсотъ), на которое“, пишетъ онъ,— „обращалъ особенное вниманіе П. М. Строевъ, каковаго собранія нѣтъ нигдѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ одной библіотекѣ, ни въ казенной, ни въ частной“. Число всѣхъ рукописей, въ 1844 году, въ Древлехранилищѣ доходило болѣе, чѣмъ до тысячи двухсотъ, слѣдовательно, по замѣчанію Погодина, „втрое, чѣмъ у графа Румянцова и И. Н. Царскаго, болѣе чѣмъ въ Сѵнодальной Библіотекѣ, и не менѣе, чѣмъ въ бывшей библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого“. Въ собраніе старопечатныхъ книгъ Погодину удалось пріобрѣсти произведенія всѣхъ Словено-церковныхъ типографій: Бѣлграда, Венеціи, Кракова, Вильны, Львова, Стрятина, Кіева, Могилева, Чернигова, Москвы, монастырей: Кутейнскаго, Уневскаго, Евю и проч. Особенно Погодинъ гордился собраніемъ Венеціанскихъ изданій, которое пріобрѣтено имъ во время троекратнаго путешествія за границу, посредствомъ Словенскихъ корреспондентовъ, чрезъ Копитара, Шафарика, Ганки, Вука Стефановича, Зубрицкаго, и пр. Въ собраніи иконъ Погодинъ особенно дорожилъ древнимъ образомъ св.

Владиміра вмѣстѣ съ Борисомъ и Глѣбомъ, доставшимся ему послѣ К. Ѳ. Калайдовича.

Какъ о *новомъ открытіи*, Погодинъ печатно заявилъ о слѣдующемъ: „Въ Библіотекѣ моей, въ числѣ старыхъ рукописей о раскольникахъ, находилось большое сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя, написанное вслѣдствіе личныхъ споровъ съ ними. Одинъ молодой нашъ ученый, Ю. Ѳ. Самаринъ, нашелъ въ Казани это самое сочиненіе съ надписью: *Иванъ Тихановичъ Посошковъ москвитинъ, творецъ книжицы сея въ 1708 году*". Отъ Зубрицкаго изъ Львова Погодинъ въ это время получилъ прекрасный экземпляръ Стрятинскаго Требника, „столько уважаемаго охотниками". Весьма важно предисловіе къ этому Требнику, потому что оно показываетъ стараніе объ исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Малороссіи также какъ и въ Великороссіи. Издатель *Требника*, Гедеонъ Балабанъ, епископъ Львовскій, по замѣчанію Погодина, „не забвенъ для насъ потому, что одинъ остался вѣрнымъ Православію съ епископомъ Перемышльскимъ, тогда какъ прочіе приняли Унію, на соборѣ Брестскомъ, 1596 года". Изъ Нижняго Новгорода Д. В. Пискаревъ доставляетъ Погодину *Псалтырь*, напечатанную въ Заблудовѣ нашимъ типографщикомъ Иваномъ Ѳедоровымъ.

Въ томъ же 1844 году Древлехранилище Погодина обогащается драгоцѣнными бумагами Штелина, воспитателя Петра III.

Потомокъ Штелина, бывшій директоръ ремесленнаго заведенія въ Москвѣ, а въ то время жившій въ Бѣлевѣ, владѣя бумагами своего предка, писалъ Погодину: „Я давно желалъ дать какое-нибудь полезное назначеніе остаткамъ послѣ моего прадѣда бумагъ: подарить ихъ казнѣ не хотѣлъ, а торговать ими тоже не желалъ и не получилъ бы просимой цѣны. Судите же сами, сколько я обрадованъ былъ, найдя въ васъ вниманіе къ этимъ тлѣющимъ бумагамъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ присоединяю ихъ къ историческимъ вами накопленнымъ сокровищамъ. Тамъ только онѣ могутъ

сохраниться и въ вашихъ только рукахъ принесть какую-либо пользу. А я позволю себѣ мечтать, что сколько-нибудь участвовалъ въ этой пользѣ".

О послѣдующей судьбѣ бумагъ Штелина и о сдѣланныхъ въ нихъ важныхъ историческихъ открытіяхъ, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Погодина. „Ѳ. И. Оттъ", пишетъ онъ,—„познакомясь со мною чрезъ моего брата, служившаго подъ его начальствомъ, сказалъ мнѣ однажды въ разговорѣ, что у него есть два сундука бумагъ, оставшихся послѣ Штелина. Примѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ, и не можетъ быть, потому что Штелинъ, какъ извѣстно по преданію въ его родѣ, всѣ важныя свои бумаги сжегъ по кончинѣ своего воспитанника, императора Петра III, и при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины,—но тамъ есть много лубочныхъ картинъ его времени и первыхъ оттисковъ портретовъ, гравированныхъ въ Академіи художествъ, находившейся подъ его начальствомъ. Хотите взять себѣ этотъ хламъ? а вы мнѣ дадите за него собраніе новыхъ Русскихъ книгъ, которое я назначу".

Очень радъ, отвѣчалъ я ему. Сундуки были ко мнѣ присланы; книги, по назначенію, были доставлены къ г. Отту.

Я, по словамъ его, отобралъ изъ сундуковъ вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, знатокомъ этого дѣла и охотникомъ, лубочныя картинки и портреты, украсилъ ими свои собранія и велѣлъ поставить сундуки подъ лѣстницу.

Простояли они тамъ спокойно лѣтъ десять или больше. Академія, услышавъ отъ г. Куника, что у меня находятся бумаги Штелиновскія, отнеслась ко мнѣ съ просьбою справиться, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь, относящагося до ея исторіи, такъ какъ Штелинъ состоялъ ея членомъ.

Я попросилъ тогда Д. А. Ровинскаго поискать между бумагами, ему извѣстными, академическихъ документовъ, что тотъ и исполнилъ; отобранные имъ документы я отправилъ тотчасъ въ академію. Вмѣстѣ съ ними Д. А. Ровинскій принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ тамъ автографовъ импе-

ратора Петра III. Одинъ былъ великой важности—это письмо великаго князя Петра Θеодоровича къ его супругѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... Подъ письмомъ значился мѣсяцъ февраль 1746 года. На оборотѣ внизу рукою Штелина было записано, что онъ перехватилъ это письмо, посланное съ карлою Андреемъ, объяснилъ Великому Князю опасное слѣдствіе такого поступка и устроилъ нѣжное примиреніе между супругами. Я рѣшился представить его Императору Николаю I и посовѣтовался съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, чрезъ кого изъ довѣренныхъ лицъ сдѣлать это лучше. Онъ указалъ мнѣ на графа Владиміра Θеодоровича Адлерберга, какъ лицо вполнѣ и безусловно Государю преданное. Я былъ знакомъ близко съ Θ. И. Прянишниковымъ и попросилъ его предупредить Графа о моемъ желаніи обратиться къ нему, въ предстоявшій пріѣздъ его съ Государемъ (въ 1849 г.) въ Москву, по важному дѣлу.

На балѣ у графа Орлова-Денисова я представился графу В. Θ. Адлербергу, и онъ пригласилъ меня къ себѣ на другой день. Явясь къ нему, я объяснилъ, въ общихъ только, какъ помнится, выраженіяхъ, важность и значеніе династическаго документа, случайно попавшагося мнѣ въ руки, и просилъ у него совѣта, какъ представить его Государю такъ, чтобы никто не узналъ объ немъ. Напишите письмо къ Государю, отвѣчалъ онъ, нѣсколько подумавъ, но напишите такъ, чтобы съ первыхъ словъ онъ былъ озадаченъ и продолжалъ чтеніе молча. Если же этого не будетъ, то онъ тотчасъ будетъ говорить о вашемъ письмѣ тѣмъ, кто на ту пору при немъ случится, а послѣ будетъ сердитъ и недоволенъ своею откровенностію.

Въ заключеніи же вы должны дать понять, что сами не придаете слишкомъ большаго значенія этому дѣлу, ибо иначе ему непріятно будетъ знать въ васъ свидѣтеля, обладающаго какою-либо тайною. Задача трудная, сказалъ я, выслушавъ это наставленіе, но я постараюсь имъ воспользоваться. Позвольте мнѣ принесть вамъ завтра свой опытъ“.

На другой день Погодинъ принесъ графу В. Ѳ. Адлербергу свое письмо къ Государю, котораго смыслъ былъ таковъ: Среди историческихъ моихъ розысканій попался мнѣ въ руки династическій документъ. Уничтожить его я не считалъ себя вправѣ какъ историкъ, точно какъ военный человѣкъ не можетъ изломать своей шпаги. Оставить его у себя боюсь, чтобъ онъ послѣ меня кѣмъ-нибуть и какъ-нибудь не былъ употребленъ во зло. Представляю его Вашему Императорскому Величеству. Замѣчаніе Штелина на оборотѣ объясняетъ дѣло". Адлербергъ одобрилъ совершенно это письмо Погодина и велѣлъ запечатать его въ одинъ пакетъ съ документомъ и принести къ себѣ, что и было исполнено.

Черезъ нѣсколько дней Погодинъ снова является къ графи Адлербергу, который, пишетъ Погодинъ, „принялъ меня съ распростертыми объятіями, осыпалъ ласками, благодарилъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ отъ имени Государя и спросилъ, какой награды я желаю. Я оскорбился и отвѣчалъ, что такія дѣйствія находятся внѣ наградъ и не цѣнятся никакою цѣною. Я исполнилъ свой долгъ, по своимъ понятіямъ". „Награду!" воскицаетъ Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Да если бъ предложить такой документъ Луи-Филиппу, Людовику Бонапарту или лорду Пальмерстону, то они не пожалѣли бы милліона". Черезъ нѣсколько времени графъ Д. Н. Блудовъ, бывъ у Погодина, сказывалъ ему, „что Государь говорилъ съ нимъ о полученномъ отъ меня документѣ и прибавилъ, что *Погодинъ поступилъ очень благородно*. Еслибъ замарать на оборотѣ письма надпись Штелина, свидѣтельствующую о совершенномъ примиреніи между супругами, то можно бъ было сдѣлать изъ него злоупотребленіе. Тѣмъ дѣло и кончилось. Дѣйствіе предано забвенію".

Все это происходило весною 1849 года, во время пребыванія императора Николая I въ Москвѣ.

Вспоминая объ этомъ. Погодинъ, уже будучи въ глубокой старости, съ горестью писалъ: „Не приходило въ голову употребить человѣка, представившаго такое выразительное дока-

зательство своей вѣрности и своего характера. Замѣтьте, что этотъ же человѣкъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1840 и въ 1842 годахъ, представилъ политическія записки о положеніи Словенъ въ Европѣ и ихъ отношеніи къ Россіи, величайшей важности. Замѣтьте, что этотъ же человѣкъ въ продолженіи Крымской войны, написалъ нѣсколько политическихъ писемъ, изъ которыхъ о первомъ Государь отозвался: *какъ вѣрно Погодинъ отгадалъ мои мысли о настоящемъ нашемъ положеніи.* Замѣтьте, что Наслѣдникъ, нѣсколько разъ благодарилъ его отъ имени Отца за искренность и преданность, принималъ его у себя въ кабинетѣ въ Зимнемъ Дворцѣ и разговаривалъ искренно о важнѣйшихъ вопросахъ, а братъ его Константинъ тогда же еще болѣе. Какъ же эти..... успѣли очернить, или оклеветать, или просто затереть меня, что я до сихъ поръ, то-есть, до шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, сижу безъ всякаго дѣла, хотя бъ по Просвѣщенію, которое я могъ бы дѣлать, по своей опытности, съ успѣхомъ, сижу за біографіями князя Ярослава Пронскаго и князя Святослава Липовецкаго. Чортъ ихъ знаетъ, какъ умѣютъ дѣлать эти посредственности и бездарности, составляющія, по выраженію Шатобріана, одно большое тайное общество, которое чуетъ всякій талантъ, считаетъ его себѣ врагомъ и старается ему мѣшать, или держать въ черномъ тѣлѣ. Чортъ васъ возьми подлецовъ“.

Въ разговорѣ съ Погодинымъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ спросилъ его: нѣтъ ли гдѣ копіи съ представленнаго имъ автографа? Возвратясь домой, Погодинъ подумалъ о значеніи этого вопроса, и при свиданіи съ Д. А. Ровинскимъ спросилъ его мимоходомъ, не показывалъ ли онъ кому-нибудь найденнаго и переданнаго мнѣ письма.

Показывалъ, отвѣчалъ онъ.

Кому?

Павлу Ѳедоровичу Карабанову.

У меня тотчасъ мелькнула мысль, не списалъ ли старикъ,

охотникъ и знатокъ исторіи прошедшаго столѣтія, копіи съ любопытной бумаги.

Спросите его, сказалъ я Д. А. Ровинскому, не списалъ ли онъ копіи, и, если списалъ, то попросите его отъ моего имени, чтобъ онъ мнѣ отдалъ ее. Такъ должно!"

Погодинъ увѣренъ былъ, что Карабановъ, „честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ (образчикъ благовоспитанныхъ Русскихъ людей XVIII столѣтія), исполнитъ его просьбу".

Такъ и случилось. Д. А. Ровинскій принесъ ему копію, засвидѣтельствованную рукою Карабанова, и Погодинъ успокоился.

Прошло еще лѣтъ десять или пятнадцать. Каково же было изумленіе Погодина, какъ вдругъ увидѣлъ онъ это письмо великаго князя Петра Ѳеодоровича напечатаннымъ въ прибавленіяхъ къ Русскому переводу записокъ Екатерины, напечатанныхъ въ Лондонѣ съ примѣчаніемъ, что недавно оно найдено въ Москвѣ ученымъ при разборѣ бумагъ Штелина. „Я", пишетъ Погодинъ, — „не вѣрилъ глазамъ своимъ, откуда, отъ кого оно могло быть получено Герценомъ за границею. Я такъ и обмеръ: могла возникнуть мысль, что письмо доставлено было для печати мною, ибо кромѣ меня никто не имѣлъ о немъ понятія. Не одну ночь провелъ я безъ сна, думая объ этомъ событіи и ломая себѣ голову, откуда могло залетѣть письмо за границу,—и наконецъ попалъ на мысль, которая меня успокоила: старикъ-охотникъ П. Ѳ. Карабановъ, вѣрно, возвращая мнѣ сдѣланную имъ копію, оставилъ у себя другую. Не смѣю пожаловаться на его память и не брошу камня: соблазнъ для охотника, для антикварія, для любителя Исторіи, былъ великъ! Передъ кончиною онъ завѣщалъ все свое драгоцѣнное собраніе Государю Императору. Бумаги его видѣли здѣсь многіе, и другіе разбирали въ Петербургѣ. Вѣроятно, кому-нибудь попалось на глаза письмо, онъ списалъ и отправилъ за границу. . . . .

Итакъ", продолжаетъ Погодинъ,—„письмо увидѣло свѣтъ, не смотря на всѣ предосторожности. Такъ-то вѣрно слово

Евангельское: *нѣсть бо тайно, е́же не яви́тся: нижѐ бысть потае́но, но да пріидетъ въ явленіе.* Но вотъ, что не напечатано—отмѣтка Штелина на оборотѣ письма, которая измѣняетъ совершенно его значеніе, и которая, слѣдовательно, должна быть оглашена для отстраненія неправильныхъ заключеній. Покойный Государь Императоръ оцѣнилъ значеніе отмѣтки, и былъ очень доволенъ, что я сохранилъ ее, какъ о томъ мнѣ засвидѣтельствовали въ разное время графъ Д. Н. Блудовъ и В. Д. Олсуфьевъ. Вотъ слова Штелина на оборотномъ полулистѣ внизу: *Собственноручная записка великаго князя, которую написалъ онъ въ досадѣ однажды поутру, не сказавъ о томъ никому, и запечатавъ послалъ съ карлою Андреемъ къ ея императорскому высочеству. Надворный совѣтникъ Штелинъ, встрѣтяся, удержалъ карлу, а великому князю представилъ съ силою всѣ дурныя послѣдствія. Подача была остановлена, и устроено нѣжное примиреніе.* (Eigenhändiges billets sr Hochheit des Grosfürsten so dieselben im Unwillen an einem Vormittag ohne jemands Wissen geschrieben und versiegelt durch den Zwerg André an Ihre Kais. Hoch. die Grossfürstin senden wollen. Weil aber der Hofrath Stählin darzukam und den Zwerg anhielt, dem Grossfürsten aber alle die Folgen nachdrücklich vorstellete, wurde die Abgabe verhindert, und eine zärtliche Versöhnung gestiftet). *Habent sua fata libelli.* Не странная ли судьба этого документа? Въ Зимнемъ Дворцѣ великій князь, наслѣдникъ престола, пересылаетъ его своей супругѣ съ повѣреннымъ. На дорогѣ встрѣчается съ нимъ воспитатель, который письмо перехватываетъ и оставляетъ въ своихъ бумагахъ, отмѣтивъ, какъ акуратный нѣмецъ, что случилось послѣ, по его поводу. Прошло пятнадцать лѣтъ. Произошли великіе перевороты при Дворѣ. Всѣ важныя бумаги владѣльцемъ сожигаются, а письмо завалилось въ какихъ-то счетахъ и черновыхъ лоскуткахъ. Умеръ владѣлецъ, перевелось потомство. Хламъ переходитъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ, лѣтъ чрезъ пятьдесятъ, перевозится въ Москву. Здѣсь бумаги попадаются

случайно въ руки охотника, собирателя, и лежать у него лѣтъ пятнадцать въ своихъ гробахъ подъ лѣстницею. Случай обнаруживаетъ одинъ важный документъ, который доставляется въ руки самого Государя. Нѣтъ, очутилась въ чьихъ-то рукахъ копія, которая попадаетъ даже за границу и предается тисненію

Кстати—мое древлехранилище имѣетъ свою исторію съ разными анекдотами, очень любопытную, и надо бы записать мнѣ скорѣе все занимательное, пока не измѣнила совсѣмъ память, но гдѣ же мнѣ взять времени? Читатели видятъ, что я не сижу безъ дѣла".

„Въ 1853 г.", продолжаетъ далѣе Погодинъ,—„Д. А. Ровинскій, у котораго оставались сундуки, заглянувши въ нихъ почему-то опять, сдѣлалъ еще открытіе—нашелъ тетради записокъ Штелина о Петрѣ III и нѣкоторые другіе лоскутки. Я обрадовался этому, въ полномъ смыслѣ историческому открытію, которое доставляетъ драгоцѣнныя для Исторіи несчастнаго принца данныя, и попросилъ тогда Ѳ. Б. Миллера переписать и перевести ихъ. Когда работа его была окончена и мнѣ доставлена, въ 1853 или 1854 году, я отвезъ подлинники въ Петербургъ и передалъ ихъ барону Модесту Андреевичу Корфу, какъ принадлежащіе de jure къ Древлехранилищу, хотя найденные послѣ его сдачи. Очень помню, что баронъ Корфъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, и я былъ у него вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ. Онъ доставилъ записки, кажется, прямо къ Государю, и онѣ не были въ Публичной Библіотекѣ, въ которую поступили всѣ прочія мои рукописи".

О запискахъ Штелина Погодинъ замѣчаетъ, что „онѣ представляютъ драгоцѣнныя данныя, и образъ Петра III, доходившій до насъ въ чертахъ, очень неблаговидныхъ, представляется теперь гораздо лучше. Это былъ человѣкъ довольно смышленный, добрый, умный, готовый на все хорошее, что доказалъ двумя великими дѣлами, при самомъ вступленіи на престолъ: уничтоженіемъ Тайной канцеляріи и грамотою дворянства. Намѣреніе отобрать имѣніе отъ духовенства можно было похвалить, еслибы

оно было исполнено лучше и цѣлесообразнѣе, въ чемъ падаетъ вина и на исполнительницу этого намѣренія, то-есть императрицу Екатерину II. Разумѣется, во всѣхъ этихъ трехъ указахъ долженъ былъ принимать главное участіе В. Н. Волковъ, который и прежде возилъ Великому Князю протоколы изъ Сената, и А. И. Глѣбовъ. Легкомысліе и вѣтренность погубили его; къ нечастію, онъ заразился еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ при маломъ дворѣ своего отца, страстію къ военщинѣ, или, какъ называетъ ее Штелинъ, militaire marotte—и потомъ благоговѣніемъ къ лицу Фридриха II. Развитіе первой страсти, имѣющей для насъ историческое значеніе, очень живо представлено у Штелина. Также и времяпровожденіе его при дворѣ императрицы Елизаветы. Заботы ея о воспитаніи племянника очень трогательны. Планъ Штелина, добросовѣстнаго нѣмца, несправедливо недавно у насъ осужденнаго, пригодился бъ и для новыхъ наставниковъ. О супружеской жизни, къ сожалѣнію, почти нѣтъ никакихъ извѣстій у осторожнаго Штелина. О переворотѣ есть только нѣсколько строкъ, не на своемъ мѣстѣ поставленныхъ".

Въ это же время счастливый случай доставилъ въ обладаніе Погодина богатое собраніе писемъ Екатерины Великой, Павла I, Маріи Θеодоровны, Александра I, Константина Павловича. Въ этой коллекціи недоставало писемъ императора Петра III, и вотъ Погодинъ получаетъ отъ Угличскаго палеолога Серебрянникова слѣдующее извѣщеніе: „Ваше желаніе въ отысканіи отечественныхъ древностей есть наипріятнѣйшая и сладчайшая душѣ забота всей моей жизни.—Я недавно пріобрѣлъ бергаментную (sic) грамоту, гдѣ собственноручная подпись Императора Петра III есть уже для меня довольно важная рѣдкость; потому собственно, что сему государю судьбы Божіи опредѣлили не много разъ на тронѣ подписывать свое имя; и мнѣ, провинціалу, едва ли встрѣтится въ другой разъ его державная рука". Не считая въ правѣ удерживать это собраніе у себя, Погодинъ обратился къ Уварову съ слѣдующимъ письмомъ: „Собирая рѣдкости для моей

библіотеки древнихъ рукописей и музея отечественныхъ достопамятностей, я имѣлъ счастіе пріобрѣсти драгоцѣнное собраніе писемъ покойнаго Императора Александра Павловича съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ учиться грамотѣ и до позднѣйшаго времени, такое же собраніе писемъ великаго князя Константина Павловича, императрицы Екатерины II, императора Павла I, императрицы Маріи Ѳеодоровны и прочихъ лицъ Императорской Фамиліи, въ числѣ четырехсотъ слишкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ домашнимъ тайнамъ, и я считаю себя обязаннымъ представить ихъ Государю Императору. Больно мнѣ, какъ охотнику, разстаться съ такими сокровищами, но долгъ вѣрноподданнаго повелѣваетъ рѣшиться на эту жертву и просить ваше высокопревосходительство о поднесеніи ихъ Его Величеству“. На Уварова это письмо произвело пріятное впечатлѣніе, и онъ писалъ великодушному жертвователю: „Благодарю васъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ за ваше письмо, сожалѣя, что за хлопотами отъѣзда не могу лично выразить вамъ удовольствія, съ коимъ принимаю на себя исполненіе вашего порученія. Я совершенно увѣренъ, что Государь Императоръ увидитъ въ вашемъ приношеніи новый опытъ вашего усердія. Отъ сердца желаю, чтобъ ваше здоровье поправилось и чтобы въ скоромъ времени вы опять обратились къ вашимъ полезнымъ и прекраснымъ трудамъ на пользу Отечественной Исторіи“. Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ отъ Уварова слѣдующее оффиціальное письмо (отъ 29 сентября 1844 г.): „По желанію вашему я имѣлъ счастіе поднести Государю Императору принадлежавшее вамъ собраніе собственноручныхъ писемъ Особъ Императорской Фамиліи. Его Величество, принявъ эту коллекцію съ особеннымъ благоволеніемъ Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать вамъ четыре тысячи рублей серебромъ изъ Государственнаго Казначейства“.

Собраніе по отдѣлу Русской Литературы въ 1844 году обогатилось новымъ неизвѣстнымъ дотолѣ трудомъ знаменитаго Кантемира—переводомъ Анакреона, съ собственноручнымъ под-

несеніемъ автора императрицѣ Елисаветѣ, а также экземпляромъ сочиненій Державина, который поднесенъ авторомъ Суворову съ длинною собственоручною припиской.

Въ Москвѣ проживалъ въ крайней бѣдности другъ Пушкина, извѣстный П. В. Нащокинъ. Погодинъ ради литературнаго отдѣла своего Древлехранилища поддерживалъ съ нимъ сношенія. Сохранилось слѣдующее любопытное письмо Нащокина къ Погодину: „Михайла Петровичъ, не за одно, а за многое вы вправѣ на меня гнѣваться: передъ Богомъ и передъ людьми вообще нѣтъ меня виноватѣе,—одна надежда,—если такъ Богу угодно будетъ, что время меня оправдаетъ; дѣла не дѣлаю и отъ дѣла не бѣгаю; представить себѣ трудно, что я не имѣю минуты свободной, всякъ скажетъ—и я вмѣстѣ,—что я воду толку; что изъ того будетъ не знаю, покуда, могу сказать, что я живъ; вещи Пушкина я съ удовольствіемъ вамъ доставлю, но ихъ у меня осталось очень немного, и не всѣ на лицо: недавно у меня жилъ мальчикъ, который всего меня обокралъ и въ томъ числѣ архалукъ Пушкина, который одинъ и найденъ, но еще мнѣ не возвращенъ; еще книжникъ покойника, въ коемъ было семьдесять пять рублей, найденныхъ послѣ его смерти; но такова моя была нужда, что я ихъ израсходовалъ; часы, которые онъ носилъ, тоже были мнѣ отосланы и мною получены, но я ихъ подарилъ Н. В. Гоголю, у котораго они еще и теперь находятся; итакъ я вамъ могу только доставить его книжникъ и архалукъ лишь только получу обратно изъ полиціи; еще могу вамъ предоставить право на полученіе кровати, обагренной его кровью, и на которой онъ скончался для нашей жизни.—В. А. Жуковскій предлагалъ мнѣ ее, какъ человѣку, который, по его мнѣнію, болѣе всѣхъ на нее имѣетъ право, но я отказался, не лишая себя права передать ее кому захочу. Узнайте, гдѣ она, и получите. *Мнѣ моркотно молоденькѣ, нигдѣ мѣста не найду*: не нахожу себѣ квартиры; безпрестанно переѣзжаю; переѣхалъ въ домъ, который тутъ же продали и въ которомъ оставаться нельзя: очень холоденъ;

только бы имѣлъ время, дабы духъ перевести, сейчасъ воспользуюсь, чтобы быть у васъ“.

Радуясь почти ежедневнымъ пріобрѣтеніямъ, которыми обогащалось Древлехранилище Погодина, Шевыревъ писалъ счастливому обладателю источниками Русской Исторіи и Литературы: „Радуюсь душевно твоимъ находкамъ и твоему чистому восторгу отъ занятій“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ зорко слѣдилъ какъ за собирателями, такъ и за ихъ библіотеками! Такъ, князь Н. А. Енгалычевъ сообщаетъ Погодину нижеслѣдующія свѣдѣнія о знаменитой библіотекѣ графа А. И. Мусина-Пушкина, сгорѣвшей въ Москвѣ въ 1812 году. „Я слышалъ“ писалъ Князь 3 іюля 1844 года,—„что вы желаете получить отъ меня свѣдѣніе о библіотекѣ покойнаго дяди моего, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, о которой извѣстно въ нашемъ Русскомъ ученомъ кругу, что она состояла изъ самыхъ отборныхъ, древнихъ Словенскихъ и Русскихъ рукописей. Точно, она была такова. Въ бытность мою въ Москвѣ до нашествія Французовъ съ 1804 по 1809 годъ жилъ я въ домѣ означеннаго дяди моего, роднаго по матери, въ продолженіи шести лѣтъ, и въ это время случалось мнѣ много разъ слышать о тщательномъ и разборчивомъ его собраніи рукописей и книгъ, относящихся къ Русской Исторіи, отъ него самого и отъ многихъ другихъ свѣдущихъ людей; впрочемъ и ему одному можно было вѣрить по его правдолюбію и основательному знанію Русской старины. Потеря его библіотеки справедливо возбуждаетъ въ насъ сожалѣніе; но то не совсѣмъ вѣрно, что она вся во время нашествія Французовъ сгорѣла, какъ это вообще принимаютъ, и читалъ я и въ вашемъ *Москвитянинѣ*. Еще до нашествія Французовъ, въ то время, когда Карамзинъ посвятилъ себя исключительно занятіямъ Русской Исторіи и утвержденъ былъ исторіографомъ, онъ выпросилъ у дяди моего семнадцать книгъ изъ его библіотеки для сочиненія Русской Исторіи. Это мнѣ обстоятельство извѣстно потому, что это было

въ то самое время, когда я жилъ у дяди моего въ домѣ. Не знаю, какія именно были эти книги,—по молодости моей мнѣ не любопытно было тогда знать объ нихъ подробно; но о важности ихъ можно заключить изъ того, что Карамзинъ взялъ ихъ по собственному выбору изъ библіотеки дяди моего, и не смотря на то, что по Высочайше возложенному на него порученію всѣ государственныя книгохранилища были ему открыты, почиталъ эти книги для Русской Исторіи необходимыми, удерживалъ ихъ у себя до самаго перваго изданія его Исторіи и даже послѣ того не возвратилъ. Помню, что къ этимъ семнадцати книгамъ, которыя онъ выбралъ, дядя мой прибавилъ ему еще четыре книги *Записокъ Русской Исторіи Крекшина*, который занимался составленіемъ сихъ записокъ при Петрѣ Великомъ; изъ сихъ послѣднихъ Карамзинъ, помнится, возвратилъ дядѣ моему три книги, а четвертую, равно какъ и первыя семнадцать книгъ увозилъ съ собою изъ Москвы во время Французовъ, и такимъ образомъ онѣ уцѣлѣли; и, когда послѣ кончины дяди моего, супруга его графиня Екатерина Алексѣевна требовала ихъ отъ него, то онъ отвѣчалъ: что эти книги должны храниться не въ частныхъ рукахъ, а въ государственномъ книгохранилищѣ, въ каковое по минованіи въ нихъ надобности онъ не преминетъ ихъ препроводить. Это я самъ слышалъ отъ упомянутой моей тетки; выполнилъ ли это Карамзинъ при жизни своей, или супруга его послѣ его смерти, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ однакожъ случаѣ, послѣ такого моего оглашенія, ея превосходительство супруга г. Исторіографа и наслѣдники должны сдѣлать ученой публикѣ удовлетвореніе въ томъ, что книги сіи у нихъ сохранились, и если онѣ еще у нихъ, то пусть благоволятъ нынѣ препроводить ихъ въ какую-либо государственную библіотеку, выполнивъ тѣмъ предположеніе г. Исторіографа; а вмѣстѣ съ тѣмъ очень кстати было бы поименовать ихъ для полнаго удовлетворенія любознательности публики. Прибавлю здѣсь еще и то, что старшій изъ списковъ Лѣтописца Нестора, именуемый Лаврентьевскій, писанный на пергаментѣ,

съ приложеніемъ Духовнаго завѣщанія Владиміра Мономаха принадлежалъ библіотекѣ графа Мусина-Пушкина и поднесенный имъ еще до нашествія Французовъ покойному государю императору Александру Павловичу также уцѣлѣлъ. Карамзинъ по сему случаю называетъ его въ своихъ примѣчаніяхъ Исторіи—*Пушкинскимъ*. Объ остальномъ собраніи старинныхъ рукописей и книгъ дяди моего, къ прискорбію моему, я долженъ подтвердить ту жалкую, всѣми принятую истину, что дѣйствительно всѣ книги, исключая вышеупомянутыхъ, во время нашествія Французовъ сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ его, состоявшемъ Басманной части на Разгуляѣ, который по смерти его проданъ наслѣдниками Правительству и употребленъ теперь для второй Московской Гимназіи" [211]).

XLV.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ въ преемники себѣ по каѳедрѣ Русской Исторіи намѣтилъ В. В. Григорьева и А. Ѳ. Бычкова; но судьбѣ не угодно было утвердить этотъ выборъ.

В. В. Григорьевъ продолжалъ жить въ Одессѣ и заниматься не Русскою Исторіею, но соприкосновенною съ нею Исторіею Востока. „Весною, по порученію начальства, я ѣздилъ въ Крымъ", писалъ онъ Погодину (10 сентября 1843 г.),—„осматривать Татарскія училища и дѣлать ученые поиски и изслѣдованія. Жатва оказалась весьма необильною. Послѣ того и до сего времени со мною происходили разныя разности, о которыхъ писать я не намѣренъ, а когда увидимся, разскажу. Покуда довольно вамъ знать, что четыре мѣсяца эти голова была у меня рѣшительно не на мѣстѣ. Я завелъ переписку съ Строгановымъ, и есть надежда, что дѣло уладится; что если Уваровъ не ввернетъ какого крючка, чего я мало опасаюсь, въ генварѣ или около я переселюсь въ Москву совсѣмъ... Теперь занимаюсь я собираніемъ и изученіемъ подлинныхъ оффиціальныхъ актовъ Крымскаго Ханства съ намѣ-

реніемъ издать ихъ. Для *Москвитянина* перевожу я одну преоригинальную и прелюбопытную вещь: донесеніе о посольствѣ своемъ въ Пруссію Ресма-Ахмедъ-Эфенди, автора сочиненія *Сокъ достопримѣчательнаго*, которое Сенковскій напечаталъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*".

Подавъ въ отставку, Погодинъ звалъ Григорьева въ Москву. На этотъ зовъ Григорьевъ отвѣчалъ (отъ 28 февраля 1844 г.): „Что значитъ, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, вопросъ вашъ „да когда же я къ вамъ пріѣду?" Развѣ переселеніе мое въ Москву зависитъ отъ меня одного; развѣ не знаете вы, что между Строгановымъ и мною нѣтъ еще до сихъ поръ ничего рѣшеннаго! Его Сіятельство писало мнѣ, что опредѣленіе меня на каѳедру Болдырева—дѣло трудное; что каѳедра эта закрыта по разнымъ причинамъ, что объяснять Министру письменно, почему онъ, графъ Строгановъ, желаетъ открыть ее опять было-бы слишкомъ долго и хлопотливо, что потому надо подождать, пока онъ самъ попадетъ въ Питеръ и переговоритъ тамъ объ этомъ дѣлѣ съ Министромъ лично. Изъ этого видите, что доселѣ не сдѣлано еще ни шагу для перевода меня въ Москву, но моя ли это вина? Далѣе, если я и получу мѣсто въ Университетѣ Московскомъ, такъ это все же не по части Русской Исторіи; стало быть, между отставкою вашею и опредѣленіемъ моимъ нѣтъ никакой связи. И прежде писалъ я вамъ, что не возьмусь за Русскую Исторію безъ долгаго приготовленія, а приготовляться можно мнѣ только въ Москвѣ; гдѣ жь я теперь—въ Одессѣ или въ Москвѣ? Это вамъ угодно было прочить меня на Русскую Исторію; самому мнѣ это и въ голову никогда не приходило; я думаю, что могу быть полезенъ, читая и другое что-нибудь; а разумѣется, еслибы я имѣлъ возможность занять *со временемъ* каѳедру Русской Исторіи—это было бы весьма для меня пріятно; но когда наступитъ такое время — Богъ вѣсть. Вамъ лично я безконечно благодаренъ за участіе, которое вы во мнѣ принимаете; но о каѳедрѣ вашей хлопотать для себя теперь вовсе не намѣренъ; передавайте ее кому вамъ угодно" [212]).

Въ отвѣтъ на это письмо Погодинъ писалъ Григорьеву: „Я не понимаю, какъ дѣла на Святой Руси дѣлаются! За три года предупреждалъ я Министра, Попечителя, Совѣтъ, что вскорѣ долженъ буду оставить службу, указывалъ на преемниковъ— не тутъ-то было, никто не позаботился, а теперь всѣ восклицаютъ: кто же будетъ читать Русскую Исторію! Попечитель упрашивалъ меня остаться хоть на годъ, мнѣ показалось, что онъ это дѣлалъ неискренно; я отказалъ, и просьба пошла въ Петербургъ. Теперь жду отвѣта. Мнѣ хочется вырваться непремѣнно поскорѣе на свободу, забыть всѣ суеты, тревоги, непріятности, освѣжиться, обдуматься и приняться за зданіе изъ приготовленныхъ матеріаловъ—на Божью волю. Объ васъ Попечитель сказалъ мнѣ, что вы требуете прежде всего двухгодичнаго путешествія. Для Русской Исторіи, разумѣется, онъ не можетъ согласиться на то, тѣмъ болѣе, что всего нужнѣе для него ближайшее время. Уча учимся, а если откладывать приготовленіе, то вѣкъ не приготовимся! Я двадцать пять лѣтъ занимался Русской Исторіей и, скажу по совѣсти, занимался пристально, съ любовію, но не смѣю сказать, довольнѣе ли теперь собою, чѣмъ въ первый годъ профессорства. Такъ и должно быть. Чѣмъ болѣе знакомишься съ предметомъ, тѣмъ живѣе чувствуешь, чего недостаетъ, а не то, что есть, и Сократъ сказалъ великую истину о себѣ—и о человѣчествѣ. Итакъ, принимайтесь, благословясь, теперь и приготовляйтесь къ лекціямъ со дня на день! Капиталъ у васъ есть, который будетъ такимъ образомъ приращаться и давать проценты. Попечитель остановился теперь на Соловьевѣ, кандидатѣ, который долженъ воротиться изъ путешествія—малой онъ хорошій, съ душею, но, кажется, слишкомъ молодъ“ [213]).

Письмо это и въ особенности послѣднія строки онаго, разумѣется, не могли удовлетворить и успокоить Григорьева. „Не знаю, что и отвѣчать“, писалъ онъ,—„на посланіе ваше отъ 30 марта, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ. Сказать да—нельзя; сказать нѣтъ—не хочется. Относительно Русской Исторіи объявляю рѣшительно, что не возьмусь читать ее:

духъ захватываетъ, когда только подумаю объ этомъ. Каѳедра этого предмета въ Московскомъ Университетѣ стоитъ такъ высоко въ моемъ мнѣніи, что вступить на нее мнѣ—было бы профанаціей. Притомъ, положимъ изъявилъ бы я согласіе — развѣ этимъ бы и получилъ я ее, развѣ не пришлось бы преодолѣвать тысячи препятствій, кланяться Строганову, Министру, всѣмъ профессорамъ, и для чего — чтобъ потомъ прогнали, можетъ быть, съ нея съ безчестіемъ, или держали такъ, изъ состраданія... Если въ Соловьевѣ одинъ недостатокъ—молодость, такъ бѣда не велика: по моему: „молодъ да уменъ, два угодья въ немъ". Бѣда не въ молодости его, а какъ я слышалъ, въ томъ, что рано онъ хитрить началъ, и не годится для каѳедры Русской Исторіи не по уму и не по свѣдѣніямъ, а по недостатку нравственнаго достоинства; но этого Строгановъ не понимаетъ"...

Оставляемъ эти послѣднія слова на совѣсти того, кто ихъ написалъ, и наше дальнѣйшее изложеніе покажетъ, на сколько они справедливы.

Между тѣмъ Григорьевъ взялъ отпускъ и отправился въ Петербургъ и оттуда писалъ Погодину (отъ 27 іюля 1844 г.): „Пишу къ вамъ и жду вашего отвѣта, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Откуда взялось такое нетерпѣніе, изволите усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго. Представленіе графа Строганова о переводѣ меня въ Московскій Университетъ дошло до рукъ Сергѣя Семеновича Уварова прежде моего пріѣзда въ Питеръ. Я пріѣхалъ прошлый четвергъ, и на другой день явился къ его высокопревосходительству. Его высокопревосходительство объявилъ, что не можетъ меня принять. Я въ Департаментъ, узнать, пришло ли представленіе. Пришло, отвѣчали тамъ, и во вторникъ будетъ докладъ князю Ширинскому. Являюсь къ князю Ширинскому во вторникъ послѣ доклада. „Я ничего не могъ сдѣлать по представленію Графа: оно было уже у Сергѣя Семеновича, онъ написалъ на представленіи, что предоставляетъ это дѣло рѣшить себѣ и переговорить съ графомъ Строгановымъ въ Москвѣ". Вотъ

что объявилъ мнѣ князь Ширинскій. Скажите, наставьте, что тутъ дѣлать. Ясно, что въ пятницу Министръ не принялъ меня потому, что зная о представленіи Строганова, зная, зачѣмъ я пріѣхалъ, и не желая удовлетворить моему желанію, хотѣлъ отъ меня отдѣлаться. Съ Строгановымъ, по всему вѣроятію, онъ въ Москвѣ не увидится, уѣдетъ потомъ въ деревню, и дѣло мое затянется въ безконечность; а я не могу сидѣть въ Петербургѣ и ждать до безконечности; срокъ моего отпуска весьма конеченъ — по 28 августа, котораго числа должно мнѣ уже быть въ Одессѣ. Разсуждая, что если Уваровъ не увидится съ Строгановымъ, такъ увидится съ вами, а вы обѣщались поговорить ему обо мнѣ, я рѣшился разрѣшить покуда мои недоразумѣнія, обратиться къ вамъ съ просьбою сообщить: что говорили вы обо мнѣ Министру, какъ онъ это принялъ и что отвѣчалъ. Ради Бога, отвѣчайте поскорѣе. Вы понимаете, въ какомъ я глупомъ положеніи. Если бы Уваровъ отказалъ на отрѣзъ, ну такъ и дѣло было бы въ шляпѣ, я зналъ бы за что тогда взяться, а теперь я не могу ни на что рѣшиться, просто ни пру, ни ну. Причина, по которой Уварову не хочется перевести меня изъ Одессы та, что меня некѣмъ тамъ замѣнить; но отказывая мнѣ, онъ очень ошибается въ расчетѣ: не переведутъ меня въ Москву, такъ я все-таки не останусь въ Одессѣ, и въ случаѣ нужды выйду въ отставку и перемѣню службу. Не написать ли ему объ этомъ въ деревню? Въ такомъ случаѣ увѣдомьте, гдѣ эта деревня, въ какомъ уѣздѣ, какой губерніи: вы вѣдь были у него не разъ. Порѣчье это что ли? Въ такомъ случаѣ, кажется, что оно въ Смоленской, но какого уѣзда все-таки не вѣдаю. Теперь вы знаете источникъ нетерпѣнія моего получить вашъ отвѣтъ. Будьте добры, не замедлите имъ. Сегодня у насъ 27 іюля. Письмо это получите вы 30. Третьяго, четвертаго августа я могу имѣть уже ваше — и бѣгу ставить Казанской Божіей Матери претолстую свѣчу за ваше выздоровленіе".

Намъ неизвѣстно, что отвѣтилъ Погодинъ на это письмо, но Григорьевъ писалъ ему опять изъ Петербурга (14 сентября

1844 г.): „Здравія желаемъ, Михайло Петровичъ; многія лѣта вашей милости и всякаго добра и благостыни, паче же всего ходить какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, безъ костыля. Министръ нашъ еще не пріѣзжалъ изъ деревни, а какъ до его пріѣзда дѣло мое не можетъ быть рѣшено, то я и продолжаю по прежнему пребывать въ неизвѣстности. Слышалъ я, что Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ хочетъ съ своей стороны тоже представить обо мнѣ что-то Министру. Если не раздумаетъ—буду очень ему благодаренъ и охотно возвращусь въ Одессу. Москва, сами видите, не дается, а противу рожна нечего прати“. Далѣе Григорьевъ пишетъ: „Мнѣніе, какого вы будете о статьѣ моей о монетахъ, я зналъ напередъ; но что дѣлать—какъ думается, такъ и пишу. Одного жаль, что просмотрѣли вы въ ней и на что я напиралъ—способа дѣлать выводы изъ монетъ, способа, который кажется мнѣ новостью въ дѣлѣ исторической критики“.

Къ довершенію неудачъ Григорьевъ въ это время неожиданно лишился своего доброжелателя, Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. „Вчера слышалъ“, писалъ Бодянскій Погодину,—„что Княжевичъ Одесскій умеръ, отъ несваренія желудка, въ Полтавѣ на пути въ Питеръ. Чрезвычайно жаль!“ Объ этой горестной утратѣ вотъ что писалъ самъ Григорьевъ Погодину: „Все бы могло еще уладиться, еслибы Д. М. Княжевичъ былъ живъ, а то на бѣду мою нужно было и ему тутъ умереть. Покойный, узнавъ о намѣреніи моемъ оставить Одессу и хлопотать о переводѣ въ Москву, придумалъ для удержанія меня въ Одессѣ весьма хорошую вещь—дать мнѣ тамъ двѣ тысячи рублей серебромъ жалованья и разныя другія выгоды. Представленіе было уже написано, Княжевичъ везъ его съ собою въ Питеръ, но на дорогѣ смерть уничтожила всѣ его предположенія, въ томъ числѣ и обо мнѣ“ [214]).

Погодинъ съ своей стороны, желая удержать Григорьева на службѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, писалъ ему: „Посылаю вамъ письмо для С. С. Уварова. Больше я не могу ничего сдѣлать, ни придумать. Мнѣ жаль васъ искренно.

Если письмо по вашему усмотрѣнію годится, то благоволите запечатать, адрессовать аккуратно и благоприлично и отправить по городской почтѣ или какъ знаете" [215]).

Но и это не помогло. „Благодарю за дружеское посланіе", писалъ Григорьевъ,—„отъ 12 марта 1845 за приложенное письмо къ Уварову. Я счелъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вреднымъ для меня, и отправилъ его приличнымъ образомъ къ Сергію Семеновичу. Онъ уважаетъ васъ и цѣнитъ ваше мнѣніе, пусть же увидитъ, какое имѣете вы обо мнѣ. Френъ съ другой стороны тоже хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Москву, но безуспѣшно".

Кончина Д. М. Княжевича, неудачныя хлопоты о переводѣ въ Москву заставили Григорьева коренным образомъ измѣнить свой родъ службы и „изъ ученаго обратиться въ чиновника". Послушаемъ самого Григорьева. „Извѣстно вамъ", писалъ онъ Погодину (10 февраля 1845),—„почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что ѣхалъ я изъ Одессы съ цѣлью и увѣренностью переселиться въ Москву. Послѣ того, что обѣщалъ и писалъ мнѣ графъ С. Г. Строгановъ, я не сомнѣвался, что дѣло о переводѣ моемъ въ Московскій Университетъ уладится непремѣнно; вышло не такъ: проживъ въ Петербургѣ въ ожиданіи Сергія Семеновича Уварова цѣлыхъ два мѣсяца, я имѣлъ потомъ счастье услышать изъ собственныхъ устъ его, что весьма напрасно трудился пріѣзжать въ Петербургъ, что въ Москву перевести меня не видитъ онъ надобности, и желаетъ весьма, чтобы я продолжалъ службу въ Одессѣ. Такія умныя рѣчи пришлись мнѣ вовсе не по сердцу, въ Одессу не желалъ я возвратиться по многимъ причинамъ, чтожь оставалось мнѣ дѣлать? Оставалось выйти въ отставку и сидѣть въ Петербургѣ, ища другой службы; но и этого нельзя было сдѣлать: около того времени только-что вышелъ указъ, воспрещающій гражданскимъ чиновникамъ выходить въ отставку иначе какъ въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ года; а на дворѣ стоялъ октябрь. Можно было, чтобы избѣгнуть необходимости ѣхать въ Одессу на три

мѣсяца, только одно: перечислиться на службу куда-нибудь въ другое Министерство. Такъ я и сдѣлалъ; отправился къ Перовскому, просилъ его о перечисленіи меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и получилъ его согласіе. *14 Декабря* прошлаго 1844 года (фатальный день!), послѣ разныхъ переписокъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія выпустило меня изъ своихъ объятій, и приняло въ таковое же Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ я не поѣхалъ въ Одессу и остался въ Петербургѣ; только то и успѣлъ я сдѣлать— весьма немного,—потому что къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ причислился я безъ жалованья, а надо же мнѣ было жить чѣмъ-нибудь. Я сталъ просить дѣла и жалованья, надо мною сжалились, и на первый случай, за неимѣніемъ ничего лучшаго, дали мѣсто помощника Н. И. Надеждина по редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, въ каковомъ качествѣ и имѣю честь рекомендовать себя теперь вашему благосклонному вниманію. Я откололъ страшную глупость, бросивъ мѣсто профессора, чтобы взять за него чортъ знаетъ что (не во гнѣвъ Н. И. Надеждину будь сказано); а всему виною предложеніе графа Строганова: не мути онъ меня надеждою на переселеніе въ Москву, я бы и не двинулся изъ Одессы, а оставивши Одессу разъ такъ какъ я ее оставилъ, мнѣ не приходилось уже возвращаться въ нее опять... Петербургъ мнѣ нетерпимъ, но и въ провинцію куда-нибудь ѣхать не хочется; все въ Москву тянетъ, и я радъ бы приткнуться гдѣ-нибудь въ Бѣлокаменной, хотя и не при Университетѣ. Не придумаете ли вы, какъ бы это сдѣлать..?“ [216]). Эта перемѣна крайне огорчила Погодина. „Какъ я удивился“, писалъ онъ Григорьеву,—„и огорчился, прочтя васъ чиновникомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, любезный Василій Васильевичъ! Что это на Руси дѣлается! Нѣтъ, говорятъ, ученыхъ, а случится—такъ по пряжкѣ! Но я хочу почитать это эпизодомъ! Такъ и будетъ“ [217]). На это Григорьевъ отвѣчалъ: „Вы удивились и огорчились, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, узнавши, что я оставилъ Министерство Народнаго

Просвѣщенія. Мнѣ тоже непріятно и какъ-то странно видѣть себя чиновникомъ, бывши прежде профессоромъ; но видно такъ было предопредѣлено, и остается только покаряться обстоятельствамъ, которыхъ не имѣешь силъ перемѣнить. *Цалуй руку, которую не можешь отрубить*, говоритъ Турецкая пословица, ну и цалуешь".

Должность помощника редактора *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* скрашивалась для Григорьева тѣмъ, что редакторомъ былъ Надеждинъ, съ которымъ онъ близко сошелся въ Одессѣ, а въ Петербургѣ они можно сказать сдружились. „Что касается до службы моей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ", писалъ Григорьевъ Погодину,—„такъ я ожидаю еще порядочнаго мѣста, а покуда занимаюсь по редакціи Журнала онаго Министерства въ качествѣ помощника Надеждину. Съ почтеннѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ мы живемъ чуть-чуть что не душа въ душу. Я имъ доволенъ, надѣюсь—и онъ мною также. Вотъ и все".

Не смотря на это, душа Григорьева рвалась изъ Министерства въ Университетъ. „Теперь открывается", писалъ онъ Погодину,—„мѣсто въ Петербургѣ: занимающій въ здѣшнемъ Университетѣ каѳедру Турецкой Словесности и Исторіи Востока экстраординарный профессоръ Мухлинскій просится въ отставку, а я подалъ уже въ совѣтъ Университета прошеніе, предлагая себя въ преемники ему. Соперниковъ никого нѣтъ, Университетъ, надѣюсь, выберетъ меня, и если Уваровъ не утвердитъ выбора Университета и посадитъ на эту каѳедру какого-нибудь нѣмца, который ни одного звука Восточнаго не въ состояніи произнести, напримѣръ, Дорна, такъ это будетъ съ его стороны прегадкая, хотя и не первая, скверность. Впрочемъ, чортъ его побери: профессорствовать или чиновничествовать одна и та же скука. Не такой дѣятельности проситъ душа, не на это поприще влекутъ стремленія.

Въ своемъ прошеніи въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета Григорьевъ, излагая свои ученыя права на каѳедру и представляя списокъ ученыхъ трудовъ своихъ, прибавлялъ:

„Не могу скрыть, что какъ воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета я считалъ бы особенною для себя честью явиться продолжателемъ въ этомъ заведеніи и занять мѣсто между тѣми, которыми гордился я и всегда буду гордиться, какъ моими наставниками“ [218]). „За письмо ваше обо мнѣ Уварову“, писалъ Григорьевъ Погодину,—„благодарю еще разъ: это былъ подвигъ съ вашей стороны, но подвигъ, къ сожалѣнію, безполезный, письмо не произвело ни малѣйшаго ефекта. Заключаю это изъ того, что вскорѣ послѣ отсылки его мною Уварову, былъ у Семеныча Френъ тоже за тѣмъ, чтобы похлопотать обо мнѣ относительно опредѣленія меня на каѳедру Турецкой Словесности въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, и Семенычъ сказалъ ему, что отъ него, Семеныча, ничего не зависитъ: что кого выберетъ Университетъ, того онъ и утвердитъ. Какое, подумаешь, теперь безпристрастіе въ министрахъ. Отвѣтъ Уварова меня не дивитъ: онъ въ порядкѣ вещей; не жалуетъ меня Семенычъ—вотъ и все. Дивитъ меня Френъ: этотъ человѣкъ влюбленъ въ меня, какъ будто бы я былъ рукопись Масуди, и хлопочетъ за меня какъ за настоящаго нѣмца, такъ что при выборахъ въ Университетѣ очень можетъ случиться, что за меня будетъ Нѣмецкая партія профессоровъ, а противъ меня—Русская! Да здравствуютъ Православіе, Самодержавіе и Народность!“

Но и попытка вступить въ Петербургскій Университетъ не увѣнчалась успѣхомъ. Изданіемъ въ свѣтъ актовъ Крымскаго Ханства Григорьевъ намѣренъ былъ „распрощаться вовсе съ Оріентализмомъ“ и удариться въ Политическую Экономію.

Всѣ эти непріятности по службѣ повергли Григорьева въ разочарованіе, и онъ писалъ Погодину: „Петербургскій климатъ, которымъ никто недоволенъ, мнѣ весьма по нутру: дождь и слякоть—моя стихія; а когда на дворѣ свѣтло и тепло, когда людъ Божій радуется и веселится—мнѣ скучно и тошно... Петербургскій климатъ такъ для меня здоровъ, что изъ рукъ вонъ: начинаю толстѣть за троихъ разомъ. За то на душѣ такая гадость, что

нѣтъ словъ высказать. Если я проживу въ Петербургѣ еще съ годъ, то или съ ума сойду, или надѣлаю страшныхъ глупостей; потому мнѣ нисколько не будетъ пріятно, если попаду въ Петербургскій Университетъ. Университетъ или Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—все это тотъ же Петербургъ, съ тою разницею, что изъ Министерства можно еще быть посланнымъ куда-нибудь. Впрочемъ, мнѣ вездѣ тошно. Казалось бы, что въ Москвѣ могло еще быть отраднѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, но вѣдь это кажется, а посели-ка меня въ Москвѣ—я найду пожалуй, что и въ Москвѣ не жизнь, а мука. Ѣхать заграницу *на коварный и растлѣнный Западъ* нѣтъ также ни малѣйшаго желанія, еслибы и средства были. Одно желаніе—умереть до тридцати лѣтъ, то-есть, въ теченіе осьми мѣсяцовъ. Люди—это такая мерзость, что надо Божеское милосердіе, чтобы терпѣть ихъ. Жить между ними не пачкаясь—возможно только такой сильной воли, какой я не сознаю въ себѣ, короче: я не умѣю жить и не созданъ для жизни; моя жизнь будетъ вѣчною и безплодною борьбою между міромъ и моимъ я. Покорить міръ я не могу, покориться ему не хочу—что жь дѣлать?"

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Погодинъ назвалъ Григорьева *забубенною головою*; Григорьевъ, оправдываясь въ этомъ нареканіи, писалъ: „Скажите, ради всѣхъ святыхъ, отчего *голова* моя кажется вамъ *забубенною*; что я сдѣлалъ такого удалаго? Въ рожу я еще никого-такого не съѣздилъ, дуэли не имѣлъ, имѣнья (котораго нѣтъ) не проигрывалъ, чужихъ женъ не увозилъ, жилъ себѣ глупо и пусто, какъ и всѣ живутъ: за что же считаютъ меня иные, и вы въ томъ числѣ, человѣкомъ взбалмошнымъ? Люди, съ которыми я былъ въ близкихъ сношеніяхъ, находили меня, напротивъ, весьма степеннымъ и разсудительнымъ смертнымъ. Покойный Княжевичъ, если морщился на меня за что, такъ за излишнее, по его мнѣнію, благоразуміе. Надеждинъ, я думаю, тоже не скажетъ, чтобъ на меня нельзя было положиться, а Карлъ Карловичъ Фонъ-Поль (вы не знаете Карла Карловича—жаль: это пре-

почтенный человѣкъ, директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—точность олицетворенная), самъ Карлъ Карловичъ ставитъ мою аккуратность въ примѣръ начальникамъ отдѣленія. Послѣ этого я рѣшительно обижаюсь, когда осмѣливаются упрекать меня въ недостаткѣ человѣческихъ достоинствъ; въ чемъ же, повторяю, моя *забубенность*? Въ томъ что ли, что я сдѣлалъ великій подвигъ — перешелъ изъ Министерства Просвѣщенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ? Кажись для этого не требовалось особеннаго легкомыслія, необыкновенной удали; для этого надо было только имѣть немножко уваженія къ самому себѣ и надежды на то, что съумѣешь доставить себѣ столько, чтобъ не умереть съ голода. На рѣшимость всякаго рода, я, правда, легокъ; это потому—что жизнь вообще такъ глупа, что трудно было сдѣлать ее глупѣе какимъ бы то ни было поступкомъ. При отсутствіи великой, всепоглощающей цѣли въ существованіи человѣка я не вижу, зачѣмъ ему дорожить особенно своею особою; а цѣли такой у меня нѣтъ; къ маленькимъ цѣлямъ пусть стремятся и достигаютъ ихъ нѣмцы, на что способенъ человѣкъ—показываютъ обстоятельства; мы живемъ въ такой серединѣ, гдѣ этихъ обстоятельствъ для меня не случится; я не понимаю жизни человѣка отдѣльно отъ жизни другихъ людей, а другіе люди играютъ въ преферансъ и служатъ или бьютъ баклуши; въ такомъ почтенномъ обществѣ можно только гнить, ну и гніемъ".

XLVI.

Въ то время, когда Погодинъ сошелъ съ каѳедры Русской Исторіи Московскаго Университета, другой нареченный имъ преемникъ его, Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, въ мартѣ 1844 г., занялъ постъ хранителя рукописей Императорской Публичной Библіотеки и такимъ образомъ сдѣлался преемникомъ знаменитаго Востокова.

Привѣтствуя вступленіе А. Ѳ. Бычкова на новое и важное поприще дѣланія, мы не можемъ не остановиться со скорбію на несчастіи, постигшемъ Востокова.

По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, А. Х. Востоковъ, въ мартѣ 1844 г., получилъ увольненіе отъ должности хранителя рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а въ маѣ и отъ должности старшаго библіотекаря Румянцовскаго Музея,—и въ слѣдъ за этимъ долженъ былъ вынести рядъ непріятностей, какъ безъ вины виноватый. Его довѣрчивость была причиной утраты книгъ и рукописей не многихъ изъ Публичной Библіотеки и многихъ изъ Румянцовскаго Музея. Не зная, гдѣ искать утраченнаго, онъ по неволѣ долженъ былъ обратиться и къ прежнимъ своимъ сослуживцамъ и въ томъ числѣ къ своему бывшему помощнику по Румянцовскому Музею А. Терещенко, который, во время катастрофы, постигшей Востокова, былъ не въ Петербургѣ. 9 августа 1844 г., онъ писалъ Востокову: „Письмо ваше такую навело на меня грусть, что я доселѣ не могу опомниться. Крайне больно, что такъ поступили съ вами, и я думаю, нѣтъ ли здѣсь интригъ? Иначе нельзя было такъ горячо приняться ревизовать Музеумъ. Сколько я не сокрушаюсь, что несправедливо напали на васъ; столько же и утѣшаюсь, что сами враги ваши будутъ соболѣзновать о опрометчивомъ донесеніи, и сами увидятъ впослѣдствіи, чего лишились въ васъ. Читалъ реестръ старопечатнымъ книгамъ и рукописямъ, и никакъ не могу припомнить: въ чьихъ бы рукахъ теперь, и гдѣ бы отыскать ихъ можно?—Не подсмотрѣть ли секретно между книгами Анастасевича, Сахарова, Языкова, Кеппена и другихъ? Можетъ быть, они и сами не знаютъ, что̀ валяется между ихъ книгами, особенно у Анастасевича и Сахарова,—послѣдній очень, очень много бралъ. Не мѣшало бы посмотрѣть между книгами Онацевича,—о, этотъ!... По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я самъ постараюсь розыскивать и развѣдывать, а теперь не знаю на кого указать?—Прискорбно, очень прискорбно! Лучше бы я

забылъ читать на этотъ разъ, когда получилъ отъ васъ письмо. Пишете, что недостаетъ еще монетъ, медалей и минеральныхъ камней, не понимаю, кто бы ихъ расхитилъ? Не могу припомнить, на кого бы указать?.. Если утрата изъ монетъ сдѣлана по Татарскимъ монетамъ, то я могу пополнить тѣмъ собраніемъ, которое я нынѣ пріобрѣтаю покупкою въ Царевѣ".

Какъ бы то ни было Востоковъ долженъ былъ своими средствами дополнить часть недостающаго, а за упущеніе по службѣ и за утрату восемнадцати рукописей, семи старопечатныхъ книгъ и восьми монетъ подвергнуться законной отвѣтственности, „если-бы товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ не нашелъ возможнымъ подвести его подъ Всемилостивѣйшій манифестъ 16 апрѣля 1841 г., и еслибъ Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ не рѣшился донести объ этомъ Государю, повергая на воззрѣніе его „свыше сорокалѣтнюю безпорочную и усердную службу Востокова и значительную пользу, принесенную имъ Русскому языку и Словесности. Въ послѣдствіи пропавшія книги, рукописи и монеты большею частію были возвращены въ Музей тѣми, у которыхъ они были" [219]).

Въ преемники Востокову по храненію рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ былъ избранъ молодой археографъ А. Ѳ. Бычковъ. Первымъ вѣстникомъ Погодину объ этомъ былъ А. А. Куникъ, который 26 февраля 1844 года писалъ: „Бычковъ, къ радости всѣхъ знающихъ его, занимаетъ мѣсто Востокова". Вслѣдъ за А. А. Куникомъ извѣстилъ Погодина и самъ А. Ѳ. Бычковъ. „Я думаю", писалъ онъ,—„что вы сердитесь на меня за продолжительное молчаніе, за мою бездѣятельность, но вотъ тому причины: Еще съ половины декабря прошлаго года я получилъ обѣщаніе быть опредѣленнымъ въ должность хранителя манускриптовъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, на мѣсто Востокова, который вышелъ въ отставку. Безъ замедленія и проволочекъ у насъ ничто не можетъ совершиться; мое назначеніе подверглось также

этой участи, и только 15 марта я поступилъ въ настоящую должность. Вотъ шестой день, какъ я началъ пріемку, которая продолжится, вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я доволенъ своимъ новымъ мѣстомъ; кромѣ выгодъ матеріальныхъ, оно представляетъ обширное поприще для труда и дѣятельности. Открытій предстоитъ много; двѣ тысячи шестьсотъ рукописей Словено-церковныхъ, находящихся подъ руками, обѣщаютъ обильную жатву—остается желать здоровья, чтобы привести въ исполненіе всѣ планы и предположенія, относительно обработки нашей древней литературы. Первымъ трудомъ будетъ составленіе обстоятельнаго каталога. Ваши совѣты, Михаилъ Петровичъ, для меня теперь необходимы, и я надѣюсь, что въ предстоящемъ мнѣ дѣлѣ я снова буду имѣть лестное удовольствіе видѣть въ васъ моего наставника" [220]).

Получивъ извѣстіе объ этомъ назначеніи А. Ѳ. Бычкова, Погодинъ съ радостію привѣтствовалъ своего любимаго ученика въ такихъ выраженіяхъ: „Наконецъ получилъ я извѣстіе отъ васъ, любезнѣйшій Аѳанасій Ѳедоровичъ. Признаюсь, мнѣ было тяжело слышать отъ другихъ о вашемъ назначеніи. Я считалъ себя въ правѣ узнать это отъ васъ прежде всѣхъ. Вы знаете, сколько горечи доставалось и достается мнѣ на долю на моемъ поприщѣ,—за что же было лишить меня этого удовольствія? Развѣ вамъ неизвѣстно мое участіе? Развѣ не я всѣми силами старался удерживать васъ отъ всякой службы, кромѣ ученой; развѣ... но оставимъ это. Молодые люди стали нынѣ жестче. Впрочемъ, мое сердце скоро прошло. Поздравляю васъ искренно и желаю успѣха. Мѣсто превосходное, и вы счастливы безпримѣрно! На пятомъ году службы сдѣлаться преемникомъ Востокову! Шутка это! Во Франціи, Германіи нельзя бы и претендовать безъ заслугъ Тьери, Минье, Рафна и тому под. Чувствуйте жь это, молодой человѣкъ, и употребите всѣ свои силы, чтобы заслужить награду, впередъ вамъ данную, не развлекайтесь никакими посторонними дѣ-

лами, посвятите себя всецѣло наукѣ и службѣ, оправдайте довѣріе“ [221]).

Растроганный до глубины души этими прекрасными, задушевными строками своего стараго наставника, А. Ѳ. Бычковъ отвѣчалъ: „Виноватъ передъ вами, что такъ запоздалъ моимъ отвѣтомъ на ваше письмо, доставившее мнѣ много минутъ утѣшительныхъ. Встрѣчать взаимное расположеніе тѣхъ особъ, къ которымъ питаешь душевную привязанность, всегда пріятно—и тѣмъ еще болѣе, когда усматриваешь, что она не ограничивается однѣми пустыми фразами, а обнаруживается на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему и ваше письмо съ искреннимъ поздравленіемъ въ полученіи мною новаго мѣста явилось для меня дорогимъ гостемъ, *радушно* и съ *благодарностію* мною принятымъ. Но вмѣстѣ съ этимъ не смѣю скрыть отъ васъ, Михаилъ Петровичъ, что мнѣ было весьма больно найти въ немъ нѣсколько выраженій, заключающихъ въ себѣ какъ будто бы намеки на забвеніе того, чѣмъ я вамъ обязанъ и на излишную самонадѣянность едва выступившаго на поприще дѣланія, и къ которымъ я, какъ кажется, не подалъ ни малѣйшаго повода. Обвиненія въ первомъ я не могу принять на свой счетъ: причиною къ нему могло послужить только то обстоятельство, что я не извѣстилъ васъ ранѣе о назначеніи меня въ число кандидатовъ Востокова; но вы сами знаете, можно ли всегда полагаться на вѣрность обѣщаній? Что касается до второго, то намъ, молодымъ людямъ, должно еще многому учиться, и потому считать свои мысли и предположенія непогрѣшительными было бы верхъ эгоизма. Конечно, у каждаго должны существовать личныя воззрѣнія на предметы, но тѣмъ не менѣе наука налагаетъ святую обязанность отказываться тотчасъ отъ нихъ, если убѣдишься доказательствами въ ихъ ложности. Эгоизмъ мысли есть ученое святотатство! Подавайте чаще, Михаилъ Петровичъ, руку помощи вмѣстѣ съ благими совѣтами, браните меня, какъ наставникъ своего ученика, если замѣтите малѣйшее уклоненіе съ настоящей дороги—и вы увидите, какъ все это будетъ употреблено мною съ поль-

зою. Но оставляю въ сторонѣ все это, чтобы перейти къ дѣлу. Мѣсто хранителя манускриптовъ я получилъ нежданно и негаданно. Востоковъ съ самаго начала вступленія Бутурлина въ должность Директора не сошелся съ нимъ; при повѣркѣ, произведенной послѣднимъ, не оказалось на лицо нѣкоторыхъ рукописей и вещей—это усугубило между ними размолвку, и Востоковъ рѣшился оставить Библіотеку, тѣмъ болѣе, что Александръ Христофоровичъ выслужилъ срокъ на полную пенсію. Мѣсто его было предложено Прейсу, но онъ не могъ совмѣстить обязанности профессора съ обязанностями, налагаемыми должностью библіотекаря. Послѣ его отказа выборъ палъ на меня, мимо многихъ искателей, какъ-то Лобойки и др., и этимъ назначеніемъ я исключительно обязанъ Уварову и князю Ширинскому-Шихматову. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ моей службы по библіотекѣ я принялъ рукописи на языкахъ: Церковно-Словенскомъ, Восточныхъ, Нѣмецкомъ, Испанскомъ, Португальскомъ, Исландскомъ, Шведскомъ, Датскомъ и Голландскомъ и собраніе рѣдкихъ вещей, сверхъ того, успѣлъ распредѣлить Словенскія рукописи по предметамъ. Система дѣленія удержана та самая, которая была предложена покойнымъ Оленинымъ и которая напечатана въ изданной имъ книгѣ подъ заглавіемъ: *Опытъ новаго библіографическаго порядка.* Правда, въ этой системѣ есть нѣкоторыя погрѣшности, но какъ книги уже распредѣлены сообразно съ нею, то, слѣдовательно, ввести какія-либо новизны въ отдѣленіе рукописей значило бы разрушить гармонію цѣлаго. Всѣ рукописи раздѣлены по языкамъ; это имѣетъ на своей сторонѣ большую выгоду, потому что показываетъ съ одного взгляда количество хранящихся въ Библіотекѣ Французскихъ, Итальянскихъ и др. рукописей. Къ составленію каталога я уже приступилъ. При требованіи распредѣлить всѣ рукописи по предметамъ, нельзя было оставить Толстовскія отдѣльно и по этому онѣ смѣшались со всѣми прочими. Изъ рукописей богословскаго содержанія мною отдѣлены всѣ, содержащія въ себѣ Св. Писаніе; Ветхаго Завѣта вмѣстѣ съ Псалтырями мы

имѣемъ не болѣе двадцати-пяти рукописей, нѣтъ ни одной, гдѣ бы Ветхій Завѣтъ былъ вполнѣ, за то Библіотека особенно богата Евангеліями, число ихъ простирается до девяноста двухъ, и они представляютъ для изслѣдователя непрерывный рядъ, начинающійся Остромировымъ Евангеліемъ и оканчивающійся Евангеліемъ, писаннымъ въ XVIII столѣтіи. При подробномъ описаніи мнѣ хочется ихъ распредѣлить на разряды Болгарскій и Сербскій и постепенно изъ столѣтія въ столѣтіе указывать вліяніе формъ Русскаго языка на языкъ Евангелій, относящихся къ каждому изъ этихъ разрядовъ. Описаніе будетъ обогащено сравнительными выписками одного и того же мѣста, заимствованными по крайней мѣрѣ изъ пяти рукописей каждаго столѣтія въ отдѣльности. Это представитъ богатый матеріалъ филологу и вмѣстѣ послужитъ оправданіемъ тѣхъ выводовъ относительно языка, которые я предпошлю при вступленіи въ описаніе рукописей Св. Писанія. По мѣрѣ возможности буду обращать вниманіе на сходство между рукописями и печатными изданіями; такъ напримѣръ, нельзя пройти молчаніемъ хранящагося въ рукописи и печатное изданіе перевода Скорины книгъ Ветхаго Завѣта. Послѣ описанія рукописей Ветхаго и Новаго Завѣтовъ я, курсивомъ или петитомъ, укажу на тѣ изъ нихъ, хранящіяся въ другихъ библіотекахъ, о времени написанія которыхъ существуетъ вѣрный датумъ. За Св. Писаніемъ послѣдуютъ его толкователи и догматическія сочиненія Свв. Отцевъ, а за симъ Богословіе историческое. Для этого отдѣла я уже давно собираю матеріалы и имѣю въ своихъ рукахъ много любопытныхъ свѣдѣній. Все, принадлежащее собственно къ политической Исторіи, будетъ мною извлечено изъ Миней, Прологовъ, Патериковъ и отдѣльныхъ житій. Послѣ историческаго получаютъ мѣсто Богословія полемическое и поучительное и рукописи, относящіяся къ церковному обиходу. За этими отдѣлами слѣдуетъ Церковное право. Здѣсь предоставляется вамъ разрѣшить мое сомнѣніе: соборы, какъ вселенскіе, такъ и помѣстные относятся къ Богословію, а Номоканонъ отнесенъ Оленинымъ къ

Правовѣдѣнію. Такое раздѣленіе можетъ произвести смѣшеніе, тѣмъ болѣе, что въ соборахъ заключаются многія каноническія правила. Не помѣстить ли все это въ совокупности въ отдѣлъ Богословія? Точно также я не знаю, куда причислить Библейскую Исторію, какъ напримѣръ, келейный лѣтописецъ св. Димитрія, къ Богословію или къ Исторіи? Конечно, описанію подобнаго рода должно посвятить много времени, но за то трудъ будетъ имѣть какое-либо значеніе и цѣнность. Жаль, что у меня отнимаютъ много времени на другія занятія. Въ Библіотекѣ до сихъ поръ существовалъ большой безпорядокъ. Многое, что было подарено, отъ самаго поступленія въ Библіотеку не было ни разобрано, ни разсмотрѣно; все это теперь поручается мнѣ. Правда, иногда я нахожу любопытныя вещи, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ даже Востоковъ, такъ, напримѣръ, на дняхъ вскрыли ящикъ, наполненный подлинными грамотами, относящимися къ XV и слѣдующимъ столѣтіямъ. Съ Божіею помощію началъ учиться по Польски“.

Радуясь назначенію А. Ѳ. Бычкова, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ сердечное участіе въ несчастіи, постигшемъ Востокова и просилъ А. Ѳ. Бычкова сообщить ему о немъ свѣдѣнія. Исполняя желаніе Погодина, Бычковъ писалъ: „Сообщаю вамъ нѣкоторыя извѣстія объ Александрѣ Христофоровичѣ. Мѣсяца полтора тому назадъ его отстранили отъ управленія Румянцовскимъ Музеумомъ. Причиною этого удаленія была прошлогодняя ревизія, въ которой участвовали Комовскій, Коркуновъ и другіе. Они показали огромныя утраты, тогда какъ теперь, на самомъ дѣлѣ, онѣ оказываются весьма незначительными. Я удивляюсь, какъ можно такъ необдуманно поступать въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ участь человѣка. Впрочемъ, Александръ Христофоровичъ получаетъ полный пенсіонъ изъ Библіотеки, и слѣдовательно существованіе его отчасти обезпечено. Онъ переѣхалъ на Васильевскій островъ, потому что уже не имѣетъ болѣе казенной квартиры въ Музеумѣ. Должно замѣтить, что даже и въ Археографической Коммиссіи, по проискамъ Беред-

никова, возникъ на него родъ гоненія. Приготовленное имъ дополненіе къ иностраннымъ актамъ остановлено въ изданіи до нѣкотораго времени. Опись актовъ, назначенныхъ Востоковымъ къпечатанію, передана на разсмотрѣніе Бередникову...“

Вотъ какъ А. Ѳ. Бычковъ въ письмѣ къ Погодину описываетъ свою первоначальную дѣятельность въ Публичной Библіотекѣ: „Тысячекратно благодарю судьбу, доставившую мнѣ новое мое мѣсто, съ которымъ я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сродняюсь, и, скажу вамъ откровенно, что часы, проводимые въ Библіотекѣ,—самые пріятнѣйшіе. Сколько новыхъ свѣдѣній, сколько побужденій къ занятіямъ, которыя приносятъ теперь плодотворные для меня результаты и о которыхъ бы и въ вѣкъ не подумалъ. Мечты честолюбія испарились и внести что-либо новое въ область науки—вотъ что сдѣлалось моею постоянною мыслію. Счастливъ вполнѣ, что вѣрую въ эту возможность и думаю, что не безплодно. Что касается до составленія каталога, то я принужденъ былъ, убѣдившись на опытѣ, оставить въ сторонѣ пока изслѣдованія филологическія. Я полагалъ, что это дѣло легкое, что въ продолженіи дня можно сдѣлать замѣчанія о языкѣ, по крайней мѣрѣ пяти или шести рукописей,—но напротивъ. За однимъ Евангеліемъ XIII вѣка я просидѣлъ четыря дня, и, если я продолжалъ бы такъ свою работу, то вѣроятно не мнѣ пришлось бы издать ее въ свѣтъ. Быть можетъ, все это зависѣло отъ моей неопытности въ работѣ такого рода, но во всякомъ случаѣ она не уйдетъ отъ моихъ рукъ. Теперь я принялъ за правило описывать подробно только внѣшніе признаки рукописи, къ которымъ причисляю послѣсловія, вкладныя и всѣ замѣтки, сдѣланныя на поляхъ ея владѣтелями, потомъ указывать утрату листовъ и наконецъ излагать полный составъ рукописи. Въ такомъ видѣ я успѣлъ внести въ составляемое мною описаніе около трехсотъ рукописей, которыя содержатъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы, такъ называемаго, по нашей системѣ, Богословія: 1) Ветхій Завѣтъ (вполнѣ и въ частяхъ), Евангелія, Апостолы, Апокалипсисъ; за симъ: 2) толкованіе и бе-

сѣды на Ветхій и Новый Завѣты; 3) Церковный уставъ и отдѣльныя службы; 4) Октоихи; 5) Тріоди постныя и 6) Тріоди цвѣтныя. Вслѣдъ за этимъ я приступлю къ описанію Миней и другихъ богослужебныхъ книгъ. Порядокъ, которому я придерживаюсь при внесеніи рукописей въ каталогъ, не есть еще положительно мною принятый; быть можетъ, я его измѣню впослѣдствіи во многомъ. Во всякомъ случаѣ постараюсь въ скоромъ времени доставить вамъ на судъ и утвержденіе составляемую мною таблицу распредѣленія рукописей отдѣла богословскаго, съ показаніемъ причинъ, почему извѣстные роды рукописей слѣдуютъ одинъ за другимъ. Такая первоначальная работа, надѣюсь, облегчитъ во многомъ мою вторичную. Соединенныя теперь, такъ сказать, въ одно мѣсто рукописи одинаковаго содержанія, напримѣръ, церковный уставъ, мнѣ легче будетъ потомъ разложить на фамиліи по ихъ составу. Трудъ весьма важный въ томъ отношеніи, что онъ укажетъ постепенное приращеніе или сокращеніе въ первоначальномъ образцѣ, принесенномъ къ намъ или у насъ переведенномъ. Изъ Евангелій, которыхъ въ Библіотекѣ находится девяносто три, я намѣренъ сдѣлать выписку одной или двухъ главъ, подвести къ нимъ варіанты, и по сходству сихъ послѣднихъ раздѣлить также на фамиліи. Вы скажете, что это трудъ огромный, на который потребно десятки лѣтъ, но, авось, я успѣю его окончить и скорѣе. Занимаясь въ Библіотекѣ отъ 9 часовъ утра до 5 вечера, можно сдѣлать многое. Приведеніе въ порядокъ листовъ въ рукописяхъ вотъ что отнимаетъ у меня много времени. Особенно этотъ недостатокъ замѣтенъ въ рукописяхъ Толстовскихъ, въ которыхъ листы, облеченные въ богатый переплетъ, нерѣдко до того перепутаны, что цѣлый день употребляешь на приведеніе ихъ въ порядокъ“ [222]).

XLVII.

Желаніе Погодина имѣть своимъ преемникомъ по каѳедрѣ Русской Исторіи В. В. Григорьева и А. Ѳ. Бычкова не ис-

полнилось. Одинъ сдѣлался помощникомъ редактора *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, а другой хранителемъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Не желанный же для Погодина преемникъ его въ это время жилъ въ Парижѣ, въ домѣ брата Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, графа Александра Григорьевича Строганова, гдѣ самъ учился и училъ сына его графа Виктора Александровича. То былъ одинъ изъ учениковъ же Погодина, Сергій Михайвичъ Соловьевъ, впослѣдствіи знаменитый историкъ Россіи.

5 мая 1820 года, въ Москвѣ, у протоіерея и законоучителя Московскаго Коммерческаго Училища Михаила Васильевича Соловьева родился сынъ Сергій. Помянемъ отца нашего знаменитаго Историка.

Михаилъ Васильевичъ Соловьевъ провелъ свою молодость въ домѣ знаменитаго нашего дипломата—графа Ивана Андреевича Остермана (род. 25 апрѣля 1725 года, † 19 апрѣля 1811 г.). Еще во время службы своей Остерманъ любилъ переписываться съ Московскимъ митрополитомъ Платономъ о богословскихъ и церковныхъ предметахъ. Отягченный старостію, 27 апрѣля 1797 года, онъ испросилъ увольненія отъ службы. Уединившись отъ дѣлъ государственныхъ, графъ И. А. Остерманъ поселился въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Садовой *), доставшемся ему отъ его дяди камергера Василія Ивановича Стрѣшнева. „Своею одеждою, равно стариннымъ экипажемъ, гайдуками своими“ Остерманъ „долго напоминалъ Москвичамъ вельможъ XVIII вѣка“. По свидѣтельству современниковъ, Московскій домъ Остермана „славился не только своимъ богатствомъ, но и хозяиномъ, котораго патріотическое усердіе, искусство и прозорливость въ дѣлахъ дипломатическихъ засвидѣтельствовано тремя Государями Россійскими. Съ честію оставивъ служебное поприще свое, сей вельможа проводилъ здѣсь послѣдніе годы жизни своей, уважаемый всею Москвою. Здѣсь императоръ Александръ I удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ знаменитаго

*) Въ этомъ домѣ помѣщается нынѣ Московская Духовная Семинарія.

старца, бывшаго свидѣтелемъ его крещенія; здѣсь нерѣдко съ этимъ дипломатомъ бесѣдовалъ о Богословіи, митрополитъ Платонъ, котораго Остерманъ называлъ своимъ учителемъ въ старости". Вмѣстѣ съ братомъ своимъ графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ, извѣстнымъ своею удивительною разсѣянностію, подъ руководствомъ Платона, графъ И. А. Остерманъ окончательно углубился въ изученіе Богословія, и Митрополитъ „собственноручно писалъ для нихъ въ видѣ уроковъ свои поученія" [223]). Замѣчательно, что когда графу И. А. Остерману было всего пять лѣтъ, императрица Анна Іоанновна прислала ему въ подарокъ Подробный Молитвословъ, въ которомъ на внутренней сторонѣ переплета мы прочли слѣдующую надпись: *Великая Государыня Анна Іоанновна Императрица Всероссійская прислала сію книжку графу Ивану Андреевичу Остерману 1730 года іюня 7 дня въ Москвѣ.*

Пребываніе юнаго Михаила Васильевича Соловьева въ домѣ Остермана имѣло благодѣтельное вліяніе на его развитіе. Здѣсь онъ имѣлъ возможность получить многостороннее образованіе и изучить въ совершенствѣ языки древніе и новые, такъ что онъ могъ съ одинаковою свободою говорить по Гречески и по Французски. Въ этомъ же домѣ, несомнѣнно подъ вліяніемъ митрополита Платона, Соловьевъ почувствовалъ благодатную потребность принять санъ священства. Почтенный старецъ Остерманъ подарилъ своему молодому другу тотъ *Молитвословъ*, который въ дѣтствѣ своемъ онъ получилъ отъ императрицы Анны Іоанновны. Съ того времени М. В. Соловьевъ не разставался съ этимъ священнымъ даромъ. Онъ по немъ и молился, и служилъ, и по немъ же училъ Церковному языку и сына своего Сергія и внука Всеволода. Въ настоящее время этотъ *Молитвословъ* перешелъ по наслѣдству его внуку, извѣстному нашему писателю, Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву, и хранится у него какъ святыня. Михаилъ Васильевичъ былъ женатъ на Московской дворянкѣ Еленѣ Ивановнѣ Шатровой, приходившейся родною

племянницею архіепископу Ярославскому и Ростовскому Авраамію. Въ раннемъ дѣтствѣ Елена Ивановна осталась сиротою и получила воспитаніе благодаря нѣжной заботливости своего дяди, Ярославскаго Архипастыря.

Нравственный обликъ протоіерея Михаила Васильевича въ привлекательныхъ чертахъ передалъ потомству его внукъ, нашъ извѣстный писатель Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ. „Дѣдушку“, пишетъ онъ,—„знали въ Москвѣ очень многіе, да и теперь, вѣроятно, его еще не совсѣмъ забыли. Это былъ человѣкъ много учившійся, много читавшій, размышлявшій и въ то же время человѣкъ съ дѣтски чистымъ сердцемъ, которое никогда не могло примириться съ житейскою злобою и неправдой, никогда не могло допустить ихъ существованія... Дѣти вообще наблюдательны, а я въ дѣтствѣ былъ еще болѣе наблюдателенъ, чѣмъ впослѣдствіи... я за дѣдушкой слѣдилъ постоянно, потому что онъ во мнѣ возбуждалъ благоговѣйное чувство, и я много разъ былъ притаившимся свидѣтелемъ его молитвы, послѣ которой онъ обыкновенно появлялся какъ-то особенно просвѣтленнымъ. И я тогда, затаивая въ себѣ благоговѣйный трепетъ, всегда сравнивалъ его съ Моѵсеемъ.., сходящимъ къ народу, послѣ бесѣды съ Богомъ... Такъ на него смотрѣли многіе, и въ особенности женщины — разныя Московскія благочестивыя дамы, которыя обращались къ нему во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни за совѣтами и нравственной помощью, считая его и святымъ, и разумнымъ человѣкомъ... Достаточно было взглянуть на его прекрасное, старческое лицо, обрамленное длинной шелковистой бѣлой бородой, на его ярко-голубые глаза, до послѣднихъ дней жизни сохранившіе чистоту и ясность; достаточно было увидѣть его дѣтско добродушную улыбку, услышать ласковый голосъ, чтобы сразу понять, что передъ этимъ человѣкомъ нечего скрываться, что онъ имѣетъ право войти какъ другъ и совѣтникъ въ чемъ-либо смущенную душу ближняго. И что въ немъ было особенно мило и дорого, — это, рядомъ съ серьезными качествами ума и

сердца, неизмѣнная веселость нрава, шутливость... Дѣдушка, этотъ молитвенникъ и совѣтчикъ, одинаково любилъ и отвлеченную бесѣду, и серьезную книгу, и стихи, и музыку, и шутливый разговоръ, пересыпаемый громкимъ смѣхомъ и остроумными выходками, и вкусный обильный обѣдъ, приготовленный подъ верховнымъ наблюденіемъ бабушки, и игру съ нами, дѣтьми".

До тринадцати - лѣтняго возраста Сергій Михайловичъ воспитывался въ такомъ патріархальномъ домѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ отца своего, а потомъ поступилъ въ Первую Московскую Гимназію. Здѣсь впервые Серг. М. Соловьевъ обратилъ на себя вниманіе Московскаго Попечителя, графа С. Г. Строганова. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ графъ Строгановъ сыну нашего Историка Вс. С. Соловьеву, когда сей послѣдній послѣ смерти своего отца явился къ Графу, чтобы представить ему портретъ своего покойнаго родителя. Графъ Строгановъ, увидя портретъ, прослезился и, смотря на него, сказалъ Всеволоду Сергѣевичу: „Вѣдь я его помню еще гимназистомъ. Однажды я пріѣхалъ въ Первую Гимназію, и мнѣ попался навстрѣчу мальчикъ такой бѣлый, розовый съ большими голубыми глазами, *настоящій розанчикъ*, а затѣмъ мнѣ его представили какъ перваго ученика. Съ того времени", добавилъ Графъ,—„я не терялъ его изъ виду" [224]).

Въ 1839 году, окончивъ курсъ въ гимназіи, С. М. Соловьевъ поступилъ въ Московскій Университетъ, въ первое отдѣленіе философскаго факультета. „Еще дома и въ гимназіи", свидѣтельствуетъ онъ въ своей автобіографіи,—„любимымъ чтеніемъ его были книги историческія, въ Университетѣ же онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ, преимущественно занятіямъ Русскою Исторіею". Будучи въ Университетѣ, Соловьевъ въ 1841 году написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Ѳеософическій взглядъ на Исторію Россіи* *). По окончаніи уни-

*) Рукопись эта хранилась у С. П. Шевырева и уже послѣ кончины

верситетскаго курса, въ 1842 году, Соловьевъ для усовершенствованія своихъ познаній почувствовалъ потребность ѣхать за границу; но такъ какъ въ Университетѣ встрѣтились какія-то препятствія, чтобы отпустить его за границу на казенный счетъ, то графъ С. Г. Строгановъ устроилъ его поѣздку съ семействомъ своего брата, графа Александра Григорьевича. Такимъ образомъ С. М. Соловьевъ получилъ возможность прожить долгое время въ Парижѣ и воспользоваться тамошними богатыми учеными средствами. Такъ, за ручательствомъ нашего Посла при Французскомъ Дворѣ, Соловьеву выдавали книги на домъ изъ Королевской Библіотеки. Въ продолженіе своего двухлѣтняго пребыванія за границей Соловьевъ продолжалъ историческія занятія, разработывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету Русской Исторіи [225]).

Живучи за границей, Соловьевъ поддерживалъ письменныя сношенія съ своимъ бывшимъ профессоромъ Погодинымъ, который въ то время питалъ къ своему ученику и будущему преемнику самыя доброжелательныя чувства.

1 іюля 1843 года Соловьевъ изъ Карлсбада писалъ Погодину: „Пользуясь не столь далекимъ разстояніемъ, въ какомъ я нахожусь теперь отъ Москвы, спѣшу переслать къ вамъ маленькую статейку о *Парижскомъ Университетѣ*, которая можетъ быть не безъ интереса для читателей вашего журнала. Восемь мѣсяцевъ, проведенные въ Парижѣ, были посвящены мною изученію Средней Исторіи, этихъ седми дней творенія новаго общества, съ постояннымъ приложеніемъ къ міру Словенъ и Руси. Огромность предмета меня задавила, занимательность развлекла, и вотъ почему изъ множества матеріаловъ, собранныхъ мною, я не успѣлъ составить ничего цѣлаго, стройнаго, опредѣленнаго. Будущую зиму, которую я также рѣшился провесть въ Парижѣ, ибо въ этомъ чортовомъ городищѣ заниматься также покойно, какъ въ мона-

---

С. М. Соловьева, дочь Шевырева, Е. С. Арсеньева, передала ее сыну нашего Историка Вс. С. Соловьеву.

стырѣ, займусь, съ Божіею помощію, приведеніемъ въ порядокъ собраннаго и распредѣленіемъ на отдѣльныя статьи. Можетъ быть, я проговаривался вамъ и въ Москвѣ, что любимый мой предметъ—отношеніе дружинъ завоевателей (Готской, Гунской, Варяго-Русской, Гетской, Ляшской и др.) къ Словенскимъ общинамъ, что хотѣлъ я прежде сдѣлать предметомъ моей магистерской диссертаціи; но теперь вижу ясно, что это должно быть предметомъ многолѣтнихъ изысканій, и потому хочу выбрать предметъ гораздо ограниченнѣе, именно хочу писать о двухъ Иванахъ III и IV. Шафарикъ, въ разговорѣ со мною, упомянулъ о необходимости краткой Всесловенской Исторіи, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, не близокъ ли я къ этому труду прошлогодними моими занятіями? Я не осмѣлился ему сказать объ этомъ, ибо опытъ научилъ меня ничего не обѣщать. Ганка показывалъ мнѣ письмо Бодянскаго, гдѣ послѣдній съ восторгомъ отзывается объ успѣшномъ ходѣ Словенщины въ нашемъ факультетѣ; то была мнѣ райская вѣсть! Въ Мюнхенѣ встрѣтилъ я Попова и Елагина и съ восхищеніемъ увидѣлъ, что впечатлѣніе Праги наконецъ начинаетъ въ нашихъ молодыхъ людяхъ пересиливать впечатлѣніе Берлина. Прага нужна для Москвы, а Москва для Праги, и оба города два ока міру Словенскому. Въ Прагѣ же встрѣтился я съ тайнымъ совѣтникомъ Вигелемъ, который говорилъ мнѣ, что въ Москвѣ затѣяли какой-то Сборникъ для Словенской Исторіи, но не умѣлъ хорошенько растолковать, въ чемъ дѣло. Я получаю извѣстіе о Московской ученой жизни посредственно, отъ чужихъ, а изъ прежнихъ моихъ товарищей никто ко мнѣ не пишетъ, впрочемъ, если сильно занимаются, то такъ и быть, пусть позабудутъ странника. Въ надеждѣ, что вы при всѣхъ своихъ занятіяхъ не забудете человѣка занимающагося. Здѣсь въ Карлсбадѣ я гуляю по горамъ съ нашимъ добрымъ Сабининымъ, который шлетъ вамъ низкій поклонъ“ [226]).

Въ Прагѣ Чешской написалъ Соловьевъ для *Москвитянина* статью *о Парижскомъ Университетѣ*, которая очень

понравилась Погодину, и онъ по поводу ея писалъ Шевыреву: „Соловьевъ обѣщаетъ намъ прекраснаго въ нашемъ духѣ изслѣдователя“.

Статью свою Соловьевъ заключаетъ такими словами: „Я принадлежу къ семьѣ того великаго народа, высокой природѣ котораго суждено представить совершенство природы человѣческой: я разумѣю гармоническое сочетаніе ума и чувства. Вотъ почему не по насъ сухое преподаваніе Нѣмецкое, вотъ почему не можетъ удовлетворить насъ одна восторженная импровизація Французовъ: для насъ здѣсь не существуетъ выбора; оба направленія, взятыя порознь, намъ чужды, противны естеству, не народны. И особенно теперь, въ эту торжественную эпоху, когда съ развитіемъ народнаго самопознанія явилась сильная потребность знанія, когда общество стремится сблизиться съ Университетомъ, хочетъ заключить съ нимъ святой союзъ для дружнаго, братскаго прехожденія своего великаго поприща, теперь-то всего болѣе надобно говорить по Русски. И высокая мудрость Правительства, всегда сочувствующая нашимъ потребностямъ, призываетъ таланты въ великомъ дѣлѣ народнаго оглашенія *). Да откликнутся же на этотъ призывъ мужи науки, въ сердцѣ которыхъ горитъ святое пламя отчизнолюбія, и да заговорятъ съ нашимъ обществомъ рѣчью Русскою, умною и вмѣстѣ теплою. Но прежде пусть взвѣсятъ собственныя силы и уразумѣютъ всю великость своего назначенія. Да страшатся унизить науку потворствомъ обществу: Русское общество накажетъ презрѣніемъ человѣка, осмѣлившагося предложить ему забаву вмѣсто назиданія. Да страшатся представить обществу мертвую книгу вмѣсто человѣка живого и любящаго; Русское горячее сердце требуетъ голоса сердечнаго, на Русской почвѣ мысль безъ чувства безпотомственна. Но да остерегаются также раздражать сердце безъ удовлетворенія уму: Русскій ясный здравый умъ пойметъ недостатокъ, и сердце откажется внимать

*) Позволеніемъ читать публичныя лекціи даже и не членамъ университетовъ.

человѣку, пренебрегшему его привычнымъ спутникомъ. Болѣе всего да боятся предстать предъ общество не приготовленными; да боятся искушать вдохновеніе! Но если трудъ добросовѣстный и вдохновеніе сопровождали ученаго при его занятіяхъ, то пусть смѣло идетъ онъ представить обществу плоды этихъ занятій. Великій поэтъ и патріотъ Италіи, въ дивной своей поэмѣ, превосходно изобразилъ силу рѣчи народной, представивъ мертвеца, возстающаго изъ гроба при звукѣ родного языка. Но если мертвецы откликаются на родную рѣчь, то какъ не откликнется на нее народъ, который Провидѣніе благословило жизнію полною, совершенною!“ [227]).

У насъ сохранилось нѣсколько писемъ Соловьева къ Погодину за время его заграничнаго пребыванія. Письма эти свидѣтельствуютъ о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя въ то время еще существовали между ними. 29 января 1844 года Соловьевъ писалъ изъ Парижа: „Много утѣшившее меня письмо ваше получилъ я третьяго дня, 27 числа. Очень радуюсь, что въ своихъ занятіяхъ я заочно слѣдовалъ совѣтамъ вашимъ, такъ что письмо ваше казалось мнѣ и ободреніемъ, и вмѣстѣ одобреніемъ. Феодализмъ, общины и право составляютъ главный предметъ моихъ занятій, рыцарство необходимо вяжется съ первымъ. Я уже писалъ къ вамъ, что нынѣшній годъ я хотѣлъ посвятить приведенію въ порядокъ собранныхъ въ прошедшемъ году матеріаловъ—такъ и сдѣлалъ съ Божіею помощью. Въ октябрѣ пріѣхалъ я въ Парижъ и къ новому году приготовилъ первую статью *Римъ*, которая обнимаетъ то, что узналъ и надумалъ я объ Исторіи Рима, особенно по отношенію ея къ Среднимъ вѣкамъ, новому обществу; къ маю мѣсяцу надѣюсь кончить вторую статью, подъ названіемъ *Варвары*, въ которой изложится характеръ народныхъ перемѣнъ и характеръ новыхъ народовъ, который вмѣстѣ съ старымъ Римскимъ началомъ содѣйствовалъ къ образованію Европейскаго теперешняго общества. Вмѣстѣ съ Западною Европою я долженъ былъ войти въ соприкосновеніе и съ Западною Словенщиною, изучить странную судьбу Богеміи

и Польши, при чемъ мнѣ вздумалось также систематически изложить взглядъ свой на исторію этихъ двухъ странъ. Эта Исторія, или исторійка, думаю, можетъ быть полезна студентамъ нашего факультата, занимающимся Словенщиною; надняхъ получилъ изъ Праги возъ книгъ. У васъ уже есть лѣтописи Кіевская и Волынская, а я здѣсь пробавляюсь еще Ипатьевскою, которую похитилъ у Тургенева: старикъ сталъ очень хилъ, не думаю, чтобъ долго прожилъ. Въ концѣ мая думаю съѣздить въ Лондонъ на короткое время въ отпускъ, а въ Италію, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣло невозможное, ибо надобно разстаться, то есть, разсориться съ хозяиномъ, чего вы вѣрно мнѣ не посовѣтуете. Человѣкъ, кажущійся вамъ хорошо ко мнѣ расположённымъ, писалъ, что де статья моя *о Парижскомъ Университетѣ* хороша, но окончаніе де слишкомъ похоже на фразы *Москвитянина*! Вотъ что готовится моей Русской душѣ въ Россіи! То, чѣмъ единственно горжусь я, то, почему единственно считаю себя чѣмъ-нибудь, называютъ фразами! Скажите мнѣ, господа цивилизованные Европейцы! почему вы, замѣчая съ такимъ тщаніемъ все полезное и безполезное на Западѣ, до сихъ поръ не замѣтите одного— того, что здѣсь каждый народъ гордится своею народностію, любитъ и хвалитъ ее; отчего одни Русскіе лишены права дѣлать то же? Кто изъ насъ болѣе Европейцы вы ли, которые разнитесь съ ними въ самомъ существенномъ, или мы, подражающіе имъ въ этомъ. Вы, пріѣзжая изъ Парижа, хотите тотчасъ похвастаться глубокомысленнымъ сужденіемъ о Тьерѣ и Гизо, новымъ фракомъ и цѣпочкою; зачѣмъ вы не хотите позволить и намъ также показать Парижскій тонъ, ставить свое и своихъ выше всего на свѣтѣ, какъ то водится въ Парижскомъ обществѣ? Нѣтъ, милостивые государи, вы не убѣдите меня, что я рискую возвратиться изъ Европы съ варварскими понятіями и кваснымъ патріотизмомъ; у меня есть доказательство моего Европеизма: когда я говорю съ европейцемъ, хвалю, защищаю Россію, то онъ понимаетъ меня, находитъ это естественнымъ, ибо самъ поступаетъ также въ отношеніи

къ своему отечеству; но васъ, позорящихъ отчизну, васъ не понимаетъ онъ, считаетъ уродами, презираетъ.—Извините, Михаилъ Петровичъ! за отступленіе, котораго я не вычеркиваю изъ письма въ полной увѣренности, что вы не сочтете это фразами, и что оно останется между нами".

28 іюля 1844 года, мы видимъ Соловьева въ Дрезденѣ, откуда онъ пишетъ Погодину: „Графъ А. Г. Строгановъ взялъ себѣ безсрочный отпускъ и отправляется снова въ Парижъ, а я, по заключенному нами прошлый годъ условію, оставляю его въ Германіи и одинъ возвращаюсь въ Россію. Черезъ мѣсяцъ надѣюсь быть въ Петербургѣ, и если у васъ есть какія-нибудь порученія въ этомъ городѣ, то съ восхищеніемъ приму ихъ на себя; для чего къ означенному сроку можете писать, адресуя на мое имя въ poste restante; я долженъ промедлить нѣсколько времени въ Сѣверной Столицѣ, ибо еще вовсе ее не знаю. О себѣ не имѣю сказать многаго: сочиненіе свое о Римѣ и Варварахъ кончилъ; если не могу сказать о качествѣ, то скажу, по крайней мѣрѣ, о количествѣ: вышло сорокъ восемь листовъ моего письма. Возвращаясь изъ Парижа сюда, взялъ путь по Мозелю черезъ Триръ, гдѣ хотѣлось посмотрѣть Римскія развалины; отсюда заѣхать въ Гейдельбергъ—послушать профессоровъ, особенно Шлоссера и отдать почтеніе старику Крейцеру, который до сихъ поръ еще одушевляется, цитуя Гомера! Направленіе Университета очень любопытно! . . . .
Теперь здѣсь спѣшу окончить свои занятія по Новѣйшей Исторіи, по Нѣмецкимъ книгамъ—къ экзамену, страха ради Грановскаго. Сіи минуты приготовляются здѣсь встрѣчать Короля, національная гвардія подъ ружьемъ, пойду и я, а оттуда въ театръ слушать Шредеръ-Девріенъ въ Нормѣ. Прощайте, милостивый государь, и не забывайте вѣчно преданнаго и признательнаго своего воспитанника".

Послѣднимъ письмомъ Соловьева изъ чужихъ краевъ было изъ Теплица отъ 7 Августа 1844 года. „Смѣю думать", пишетъ онъ,—„что имѣю доказательства вашего ко мнѣ расположенія,

и потому рѣшаюсь вторично безпокоить васъ письмомъ моимъ. Изъ Дрездена я писалъ къ вамъ, что вслѣдствіе заключеннаго съ графомъ Строгановымъ условія я возвращаюсь въ концѣ текущаго мѣсяца въ Россію. Будучи вѣренъ условію, я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ слышу предложеніе остаться еще въ Парижѣ до мая 1845, съ прибавленіемъ, что мой отъѣздъ причинитъ имъ большія непріятности и затрудненія, что они теперь не успѣютъ выписать себѣ другаго учителя и проч. Можете себѣ представить, въ какое затруднительное положеніе повергло меня это объявленіе, тѣмъ болѣе, что не знаю ничего, что ожидаетъ меня въ Москвѣ. Не откажитесь, милостивый государь, подать мнѣ благой совѣтъ при такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ навѣки обяжете своего всепреданнаго воспитанника. Здѣсь въ Теплицѣ началъ пить воды, но при настоящемъ безпокойствѣ не думаю, чтобы онѣ могли быть для меня полезны!" [228]).

Но безпокойства Соловьева были напрасны. Въ Россіи ожидала его каѳедра Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ.

Въ концѣ 1844 года. Соловьевъ вернулся въ Москву и сталъ приготовляться къ магистерскому экзамену по Русской Исторіи, а въ началѣ февраля 1845 года блистательно сдалъ его [229]). По приглашенію И. И. Давыдова, Погодинъ присутствовалъ на экзаменѣ своего преемника и подъ *3 февраля* того же *1844* года записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Экзаменъ Соловьева. Спросилъ его объ отношеніи Русской Исторіи къ Польшѣ и критическомъ обзорѣ изданій Археографической Коммиссіи. Отвѣчалъ очень хорошо, но не отлично. Таково было мнѣніе и всѣхъ прочихъ профессоровъ". „Соловьевъ", писалъ Погодинъ В. В. Григорьеву,—„держалъ экзаменъ. Это малой, кажется, прочный, присѣлъ за дѣло плотно" [230]).

XLVIII.

Россія, Москва, и въ частности Погодинъ и Шевыревъ, въ 1844 году понесли тяжкую, незамѣнимую утрату.

27 Марта, въ понедѣльникъ на святой недѣли, 1844 года, скончался въ Парижѣ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

Въ концѣ 1843 года князь Дмитрій Владиміровичъ, по совѣту врачей, долженъ былъ предпринять путешествіе въ чужіе края. По пути въ Парижъ, въ октябрѣ 1843 года, онъ посѣтилъ Жуковскаго въ Дюссельдорфѣ. „Я видѣлъ", писалъ Жуковскій А. Я. Булгакову — „князя Дмитрія Владиміровича. Нарочно для меня пріѣзжали они изъ Кельна въ Дюссельдорфъ. Я былъ ему чичероне въ здѣшнихъ ateliers; потомъ онъ пилъ у меня чай и ужиналъ и на другой день на пароходѣ отправился обратно въ Кельнъ, чтобы по желѣзной дорогѣ промчаться чрезъ Альпы и Бельгію и потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Я очень былъ радъ его видѣть и очень тронутъ его лестнымъ ко мнѣ воспоминаніемъ. Онъ, кажется, довольно здоровъ" [231]).

Но уже въ декабрѣ 1843 года стали въ Москву доходить изъ Парижа тревожные слухи. „Мы въ тревогѣ о Князѣ", писалъ Шевыревъ Погодину,—„вчера было опять страшное извѣстіе, но сегодня получили мы письмо изъ С.-Петербурга отъ княгини Долгорукой, которое нѣсколько успокоило. Но все, кажется, надежды мало".

Наконецъ въ Москвѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Князя и „роковое слово *его нѣтъ на свѣтѣ* поразило всѣхъ, какъ будто бы было нечаянное, неожиданное".

15 апрѣля 1844 года графъ С. Г. Строгановъ написалъ къ Погодину слѣдующее письмо: „Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою написать маленькую статью о смерти князя Д. В. Голицына для *Московскихъ Вѣдомостей*. Вы знали покойнаго, знали его отличныя качества, знали любовь его къ Москвѣ. Вся древняя столица будетъ вамъ сочувствовать и будетъ благодарна".

Погодинъ былъ очень польщенъ этимъ порученіемъ. „Строгановъ", писалъ онъ,—„доставилъ мнѣ минуту торжества, поручивъ написать записку о кончинѣ любимаго Московскаго градоначальника". Записка эта, по словамъ Пого-

дина, „произвела восторгъ въ городѣ“ [232]). Дѣйствительно, написанная статья была прекрасна и дышала нелицемѣрнымъ чувствомъ. „... И въ самомъ дѣлѣ“, писалъ Погодинъ, въ своей статьѣ,—„давно ли онъ былъ среди насъ? Голосъ его раздается еще въ ушахъ нашихъ... вотъ, кажется, онъ разсказываетъ о любимыхъ своихъ предположеніяхъ, совѣтуется о средствахъ привести въ исполненіе полезную мысль, побуждаетъ отважиться на новое предпріятіе, радуется, какъ дитя, исходатайствовавъ помилованіе бѣдному колоднику! Мы видѣли его, кажется, на дняхъ—въ Земледѣльческомъ Обществѣ, Благородномъ Собраніи, на Университетскомъ актѣ, въ Тюремномъ замкѣ, Художественномъ классѣ, Гостинномъ дворѣ, на Литературномъ вечерѣ! Вотъ онъ, кажется, стоитъ предъ нами съ своей величавой осанкой, добросердечной улыбкой, съ этимъ взглядомъ для всѣхъ столько знакомымъ,—во всемъ принимаетъ участіе, вездѣ вызывается содѣйствовать, вездѣ хочетъ помочь, все старается ободрить, разспрашиваетъ, возражаетъ, соглашается, сердится, уступаетъ.

„Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ Москвою. Три поколѣнія смѣнились въ продолженіи его начальства: младенцы, при немъ родившіеся, давно уже на службѣ; юноши, начавшіе служить подъ его покровительствомъ, достигли зрѣлаго возраста и занимаютъ теперь высшія правительственныя мѣста; люди пожилые того времени приблизились при немъ къ старости и получили, чрезъ его посредство, награду за труды свои, съ нимъ понесенные.

„Кому не радъ онъ былъ сдѣлать добро? Кому не готовъ онъ былъ помочь, какимъ бы то ни было образомъ? За кого отказывался онъ просить, ходатайствовать? Кто не надѣялся найдти въ немъ защитника? Кого не хотѣлъ онъ извинить, оправдать? Въ чистомъ сердцѣ его не было мѣста никакой мысли о злѣ; онъ не вѣрилъ, чтобы можно было дѣлать дурное съ умысломъ, и самое преступленіе готовъ былъ всегда объяснить обстоятельствами, несчастнымъ случаемъ, хоть человѣческой слабостью. За то всякой готовъ былъ открыть ему

душу свою, и исповѣдоваться какъ предъ духовникомъ во всѣхъ винахъ своихъ. За то всякой готовъ былъ послушаться его какъ отца и исполнить его приказаніе.

„Всѣ имѣли равное право на его вниманіе, всѣмъ открыты были двери его кабинета; онъ выслушивалъ одинаково Андреевскаго кавалера и молодаго чиновника; онъ принималъ безъ различія и милліонщика, и бѣдную мѣщанку, которая не смѣла приступить къ своему квартальному — поручику, и пришла къ нему, Главнокомандующему, съ своею ничтожной жалобой! Мудрено ли, что въ двадцать пять лѣтъ, при такомъ образѣ дѣйствій, онъ пріобрѣлъ общую и искреннюю любовь, общее нелицемѣрное уваженіе и сроднился со всѣми жителями, что во всякомъ домѣ сдѣлался какъ будто своимъ, членомъ семейства. Мудрено ли, что съ извѣстіемъ объ его смерти во всякомъ домѣ случилось, кажется, несчастіе, что всѣ потеряли кого-то родного...

„А кого потеряло Отечество? Кого потеряла Москва?

„Въ нашъ холодной и сухой вѣкъ, вѣкъ эгоизма и ожесточенія, вѣкъ суетнаго самолюбія и мелочныхъ разсчетовъ, которые господствуютъ по всей Европѣ, лице князя Дмитрія Владиміровича возвышалось гордо надъ всѣми посредственностями и напоминало о временахъ лучшихъ, временахъ самоотверженія, благородныхъ жертвъ, высокихъ общихъ мыслей, обширныхъ предпріятій. Это былъ древній характеръ, — не скажу, Римскій, ибо Отечественная Исторія имѣетъ свои достойные образцы: онъ стоялъ твердо на своемъ мѣстѣ и не боялся потерять его; онъ шелъ прямо по своей дорогѣ, не уклоняясь ни къ какой сторонѣ, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ; онъ выражалъ смѣло свое мнѣніе, безъ искусства и лести, безъ всякихъ побочныхъ мыслей и цѣлей. Несмотря на иностранное свое воспитаніе (единственный его недостатокъ), онъ остался въ душѣ чистымъ Русскимъ и всякую минуту готовъ былъ принести на жертву Отечеству и кровь, и жизнь, и трудъ, и время, и достояніе.

„Москва особенно была предметомъ его любви, преданно-

сти и благоговѣнія;.. въ чувствахъ его къ ней было что-то необыкновенное, удивительное. Мало что Москву почиталъ онъ корнемъ всей Россіи, основаніемъ нашего могущества, средоточіемъ національности, образованія, богатства, просвѣщенія, которое отсюда, и только отсюда, можетъ, по его мнѣнію, найдти путь и разлиться по всей Россіи, нѣтъ—въ патріотическомъ сердцѣ своемъ онъ носилъ какое-то темное предчувствіе объ ея еще важнѣйшей будущности и чаялъ въ ней всегда быть спасенію.

„И никто при немъ не осмѣливался сказать что-либо въ предосужденіе, порицаніе Москвѣ: это было бы для него личнымъ оскорбленіемъ; твердый блюститель ея чести и славы, онъ ручался за нее самъ, и, облеченный неограниченной довѣренностію Царской, оправдалъ ее свято: двадцать пять лѣтъ его управленія, не смотря на многія мудреныя внѣшнія обстоятельства, прошли какъ одинъ спокойный день.

„Въ прошедшемъ году князь Дмитрій Владиміровичъ долженъ былъ, по совѣту врачей, предпринять путешествіе въ чужіе краи. Но и тамъ, среди мучительной болѣзни, мысли его постоянно обращались къ Москвѣ; съ смертнаго одра еще онъ увѣдомлялъ Земледѣльческое Общество и Художественное Училище о разныхъ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, коими онѣ могутъ воспользоваться...

„Миръ праху твоему, человѣкъ добрый, честный, великодушный! Миръ праху твоему, гражданинъ благородный, смѣлый, дѣятельный! Миръ праху твоему, вѣрный слуга и другъ Престолу и Отечеству! Мы живо чувствуемъ твои благодѣянія, чтимъ достойно высокую твою душу, твое любвеобильное сердце, мы приносимъ тебѣ искреннюю дань нашей признательности. Въ нашемъ голосѣ теперь не можетъ быть лести: изъ тѣснаго своего гроба ты уже не въ силахъ сдѣлать никому ни вреда, ни пользы; тебя привезутъ къ намъ безгласнаго и бездыханнаго, всѣ твои звѣзды и ленты возвратятся въ капитулъ по принадлежности, и вмѣсто всѣхъ титловъ, на панихидной эктеніи, будетъ произнесено только имя раба

Божія Димитрія,—но это обнаженное, смиренное имя окропится искренними слезами; оно поднимется къ небу съ горячими молитвами; мы помянемъ и будемъ всегда поминать его добромъ; мы передадимъ его нашимъ дѣтямъ,—оно дойдетъ, въ отечественныхъ преданіяхъ, вмѣстѣ съ нашими благословленіями, до позднихъ потомковъ,—и любезная тебѣ Москва сохранитъ о тебѣ *вѣчную память*" [233]).

Прочитавъ эти строки, С. Д. Нечаевъ писалъ Погодину: „Сердечное вамъ спасибо за прекрасную статью. Всѣмъ пришлась она по душѣ. Таково свойство истины, и прибавлю еще: прямого дарованія" [234]).

XLIX.

18 Апрѣля 1844 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Сегодня мы поемъ панихиду по князѣ Д. В. Голицынѣ. Совершите и вы панихиду и четыредесятодневное поминовеніе въ Лаврѣ, да отшедшаго въ удаленіи отъ Отечества земного пріиметъ Господь въ Отечество небесное".

Еще до привезенія тѣла въ Москву, Филаретъ писалъ Антонію (5 мая 1844): „Хорошо бы въ Лаврѣ праздновать мнѣ день Пресвятыя Троицы, тѣмъ паче, что давно я не былъ тамъ на сей чредѣ, но не надѣюсь, чтобы сіе устроилось. Къ сему самому времени ожидается тѣло князя Димитрія Владимірыча и надобно, чтобы я отдалъ ему долгъ погребенія" [235]).

Горькими слезами оплакалъ Шевыревъ кончину князя Д. В. Голицына. „Въ достопамятномъ 1771 году", писалъ онъ, „когда Еропкинъ спасалъ Москву отъ чумы, родился князь Д. В. Голицынъ, которому Провидѣніе назначало не менѣе славные подвиги. Страсбургъ, Парижъ, Лондонъ, Римъ, Вѣна и другіе Европейскіе города, извѣстные разсадники наукъ, участвовали въ его воспитаніи и ученіи: они соединенно внушали ему со-

чувствіе ко всему прекрасному въ Западномъ Европейскомъ просвѣщеніи, безъ всякой вредной односторонности; изъ среды семьи своей, богатой историческими, славными преданіями, вынесъ онъ благородную любовь къ Отечеству, которая сливалась въ немъ съ чувствомъ личной чести и противодѣйствовала всякой крайности иноземнаго вліянія. Москва, которой принесъ онъ въ даръ всѣ плоды жизни своей, можно сказать, окончательно довершила его развитіе и вызвала изъ глубины души народное Русское чувство, всегда вѣрно таившееся въ ея чистой основѣ.

Подъ знаменами Суворова началъ онъ свои военные подвиги: первый вѣнокъ, схваченный на штурмѣ Варшавской Праги, когда съ первыми рядами взошелъ онъ на баттарею непріятельскую, былъ отъ безсмертнаго Суворовскаго лавра. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ, мѣстечко Голомино въ Пруссіи было свидѣтелемъ его подвиговъ, какъ одного изъ вождей въ сраженіи. Въ 1807 году битвы при Прейсишъ-Эйлау, при Вольфендорфѣ и Лингенау; въ 1809 война Шведская, въ 1812 битвы при Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, подъ Вязьмою, подъ Краснымъ, въ 1813 битвы Люценская, Бауценская, Дрезденская, Кульмская, Лейпцигская, въ 1814 подъ Шатобріеномъ, при Мальмезонѣ, при Лаферте, при Арси-сюръ-Объ, при Феръ-Шампенуазѣ, внесли имя князя Д. В. Голицына въ свои громкія скрижали. Вездѣ питалъ онъ душу свою благороднѣйшею пищею — славою нашего Отечества, столько возсіявшаго въ этомъ враждебномъ столкновеніи западныхъ народовъ.

Но когда успокоились волненія браней и наступила година мира, тогда принесъ онъ всѣ свои лавры въ дань древней столицѣ, и облеченный довѣренностью царскою, принялъ ее въ управленіе съ первыхъ дней 1820 года. На пятидесятомъ году жизни, когда другіе сходятъ съ поприща, онъ открылъ себѣ новое, болѣе славное, и со всею искренностію любви посвятилъ себя ему, не щадя ни силъ, ни трудовъ своихъ.

На его глазахъ, выросла вновь и возобновилась Москва, разоренная пожаромъ 1812-го года.

А сколько благодѣтельныхъ учрежденій возникло или разцвѣло подъ его покровомъ! Миновало ли хотя одно изъ нихъ его дѣятельной мысли? Гдѣ не успѣвалъ онъ? Гдѣ не помогалъ властію, словомъ, довѣренностью къ нему всѣхъ сословій, своимъ собственнымъ достояніемъ. Эти больницы, великолѣпнѣйшіе дворцы нашего города, богадѣльни, рабочій домъ, улучшенныя тюрьмы, училища, разныхъ родовъ, пріюты — все, все двигалось его живительною мыслію, которая не знала отдыха. Не при немъ ли развилась такъ блистательно мануфактурная промышленность Москвы, о постепенныхъ успѣхахъ которой свидѣтельствовали три выставки, одна другой лучше? Какъ любилъ онъ именитое купеческое сословіе! Какъ заботился о всякой для него льготѣ — и какимъ глубокимъ сочувствіемъ оно отвѣчало ему за его попеченія! Онъ позволялъ себѣ гордиться только этою любовью: вотъ единственное чувство гордости, которое находило доступъ къ его чистому и скромному сердцу. Онъ понималъ важность отношеній Москвы къ другимъ городамъ Россіи въ промышленности земледѣльческой: дѣятельность Общества Сельскаго Хозяйства, которое при немъ получило Европейское значеніе, это свидѣтельствуетъ. Онъ постигалъ высокую связь науки съ жизнію; онъ сочувствовалъ сословію ученыхъ; онъ радовался всякому умственному движенію въ Москвѣ. Онъ призывалъ содѣйствіе науки въ жизни практической. По мысли его, каѳедра Сельскаго Хозяйства возникла въ Московскомъ Университетѣ въ видѣ совершенно новомъ. Онъ призывалъ въ лицѣ нашихъ юристовъ науку Права для совѣщаній объ улучшеніяхъ въ системѣ Русскаго судопроизводства. Онъ, связывавшій всѣ важные современные вопросы въ наукѣ и жизни съ благомъ Россіи, много сочувствовалъ возрожденію Словенскаго народознанія: мы помнимъ, съ какимъ участіемъ выслушивалъ онъ изъ устъ профессора Бодянскаго о новыхъ открытіяхъ Шаффарика въ Словенскомъ мірѣ; какъ былъ гостепріименъ къ нашимъ единоплеменни-

камъ, сюда пріѣзжавшимъ, Сербамъ и Болгарамъ; какъ любимою мыслію его заграничнаго путешествія было посѣтить Прагу и Черногорію; какъ заботился онъ о томъ, чтобы Чешскій Музей могъ показывать у себя *Памятники Московской Древности*—это монументальное изданіе, начатое по его мысли, подъ его покровомъ и на его счетъ... Онъ любилъ и науки изящныя: на нихъ отдыхалъ его умъ, утомленный государственными занятіями. Мы всѣ еще живо помнимъ его литературныя бесѣды, его веселую рѣчь, его жаркіе юридическіе и литературные споры въ кругу ученыхъ и литераторовъ... Давно ли, кажется, Гоголь читалъ у него въ кабинетѣ свой *Римъ*? Давно ли мы всѣ сидѣли тутъ кругомъ, въ живомъ общеніи мысли и слова?..

Неусыпный дѣятель во всемъ, что̀ касалось внѣшняго и внутренняго улучшенія Москвы, онъ также былъ неутомимо заботливъ и середи тѣхъ великихъ бѣдствій, которыя посѣщали нашу столицу при его управленіи. Во время холеры, когда еще никто не зналъ, что болѣзнь не заразительна, онъ не щадилъ себя и забывалъ семью свою; едва самъ не палъ жертвою безсонныхъ ночей, имъ проведенныхъ. Онъ, первый въ Европѣ, благоразумными мѣрами своими, отгадалъ, что холера не чума — и едвали въ какомъ-либо другомъ городѣ такъ умно обошлись съ болѣзнію, какъ въ Москвѣ. Примѣрная тишина столицы въ то время — подвигъ любви и довѣренности народной къ нему, ея хранителю—записана въ Европейскихъ лѣтописяхъ этой болѣзни. Пожары, однимъ лѣтомъ, разоряли Москву: мы и тогда видѣли его неусыпную дѣятельность. Кто не помнитъ пожара въ Рогожской, гдѣ горящая головня упала въ двухъ шагахъ отъ князя Голицына, который своимъ присутствіемъ ободрялъ работавшихъ? — Голодъ постигъ окружныя губерніи и грозилъ Московскому народу: по одному слову его, милліоны были готовы; народъ въ столицѣ, собственными ея средствами, безъ всякаго внѣшняго пособія, былъ спасенъ отъ бѣдствія, и цѣна хлѣба не

превышала силъ бѣдняка, а христіанское гостепріимство гражданъ даровыми столами довершало остальное.

Когда случались бѣдствія въ другихъ частяхъ Государства,—у Москвы, по слову его, доставало любви и средствъ повсюду. Кто не помнитъ ея великодушныхъ пожертвованій во время Петербургскаго наводненія? Благодарность покойнаго императора Александра столицѣ и ея начальнику осталась памятникомъ этого событія.

Принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ всенародныхъ, онъ принималъ не меньшее и въ судьбѣ каждаго ея жителя, который могъ имѣть до него личную нужду, Два дня въ недѣлю онъ былъ доступенъ для всѣхъ. Здѣсь имѣлъ онъ случай входить въ соприкосновеніе со всѣми сословіями и сближаться съ низшими слоями народа. Несмотря на недостаточное знаніе простонароднаго языка, проистекавшее въ немъ отъ иностраннаго воспитанія, многолѣтняя опытность дала ему такой навыкъ, что онъ умѣлъ находить приличный языкъ для каждаго. Раздражался иногда пустыми жалобами, но съ неутомимою добросовѣстностью выслушивалъ всѣхъ. Онъ не любилъ рѣшать дѣла по одной формѣ закона; но проникалъ въ него здравымъ смысломъ своего нелицемѣрнаго правосудія, которое въ случаѣ умѣлъ растворять милосердіемъ исполненнаго любви сердца.

Величавая, монументальная осанка его отпечатлѣлась конечно, навсегда въ памяти всѣхъ жителей Москвы, его часто видавшихъ. Ни на плечахъ, ни въ поступи его, нѣсколько неровной, не замѣтно было тяжести лѣтъ. Сѣдины, съ тридцатаго года жизни, начали покрывать его величавую голову, гдѣ заботливая мысль жила безсмѣнно. Черты лица его не имѣли правильности, но исполнены были того выраженія, которое всѣмъ внушало къ нему невольное сочувствіе. Чело всегда носило слѣды важной думы; глаза сѣро-голубые и близорукіе не развлекались предметами; въ нихъ преобладало выраженіе чувства; уста скорѣе готовы были къ улыбкѣ нежели къ слову гнѣвному. Кто изъ знавшихъ его не помнитъ

его добраго, простосердечнаго смѣха, который раздавался изъ самой искренней, чистой души?

Сочувствіе всему прекрасному, высокому и благородному въ человѣкѣ, гдѣ бы оно ни являлось; характеръ истиннаго вельможи въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова; сознаніе своего достоинства и сана съ высшими, и смиреніе съ низшими; уваженіе полное къ аристократіи умственной; чувство родовой и личной чести, врожденное, безъ натяжки, при глубокомъ признаніи того же чувства во всякомъ Русскомъ дворянинѣ; вѣрность и преданность Престолу и Отечеству; примѣрная покорность власти, притомъ мысль всегда независимая, устремленная прямо ко благу Отечества, и слово искреннее, безстрашное, свободное; Европейское просвѣщеніе въ связи съ Русскимъ народнымъ чувствомъ; вкусъ классически образованный; здравый инстинктъ правосудія; дѣятельность самая добросовѣстная; скромность разлитая на всѣхъ достоинствахъ; образецъ сыновней покорности до шестидесяти слишкомъ лѣтъ; чувство пылкое, простиравшееся до горячности; сердце исполненное любви, способной ко всѣмъ увлеченіямъ, доходившей иногда до мягкости и даже слабости; убѣжденіе въ истинахъ Православной Христіанской Вѣры, и полная, совершенная преданность древней столицѣ, соединенная съ готовностью всѣмъ жертвовать ея благу: вотъ нравственныя черты, которыми сіялъ внутренній образъ души почившаго.

Когда отходила въ тотъ міръ эта прекрасная душа, — о чемъ была послѣдняя грусть ея? О томъ, что она разстается съ тѣломъ, не на родинѣ, не въ той Москвѣ, о которой и вдали она не переставала думать и пещись среди самыхъ страданій болѣзни...“ [236]).

17 Мая 1844 г. тѣло почившаго было встрѣчено народомъ и везено имъ же до церкви Благовѣщенія на Тверской; а 19 мая совершилось погребеніе въ Донскомъ монастырѣ.

L.

1844 годъ ознаменовался тяжелыми утратами и въ Русской литературѣ и наукѣ. Въ этомъ году она лишилась Баратынскаго, Крылова и академика Круга.

29 Іюня 1844 года, въ Неаполѣ скончался Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Лѣтомъ 1845 года тѣло писателя въ кипарисовомъ гробѣ привезено моремъ въ С.-Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ, близъ Гнѣдича, въ присутствіи князя П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др. На памятникѣ начертана слѣдующая надпись изъ его стихотворенія *Отрывокъ*:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

Кончину Баратынскаго такъ оплакивалъ И. В. Кирѣевскій въ *Москвитянинѣ*: „Пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко чувствующій художникъ, искренній въ каждомъ звукѣ, отчетливо изящный въ каждой мечтѣ, похищенный преждевременною смертію, оставилъ въ Словесности нашей нѣсколько прекрасныхъ созданій, не оцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать. Въ послѣднее время писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями,— которые часто полу-русскимъ языкомъ произносили приговоръ свой надъ его образцовыми, глубоко прочувственными стихами; часто по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія сужденія... Не знаемъ, огорчало ли это Баратынскаго; думаемъ, что онъ могъ бы утѣшиться приговоромъ иныхъ, какъ напримѣръ: Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева. Но кто разочтетъ по законамъ благоразумія мѣру чувствительности избраннаго таланта?

По крайней мѣрѣ кажется въ послѣднее время, обманутый журнальными отзывами, онъ уже мало вѣрилъ сочувствію публики. А можетъ быть въ самомъ дѣлѣ онъ не ошибался. Можетъ быть большинство публики въ своихъ сочувствіяхъ не шутя руководствуется журнальными рецензіями, — такими, разумѣется, которыя по сердцу и по уму и по вкусамъ этого большинства. Мѣсто, принадлежавшее Барытынскому въ нашей Словесности, навсегда останется не занятымъ и можетъ быть еще долго не оцѣненнымъ. Ибо даже послѣ извѣстія объ его кончинѣ, журналы наши произнесли ему такой приговоръ, изъ котораго ясно видно, что еще не пришло время отдать полную справедливость его поэзіи. Одинъ *Современникъ* былъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, благороднымъ исключеніемъ изъ общаго настроя умовъ" [237]).

Н. Д. Иванчинъ-Пасаревъ прочитавъ эти строки Кирѣевскаго писалъ Погодину: „Жаль Баратынскаго! Но напрасно думаютъ, что онъ замолкъ отъ журналовъ: его талантъ пересилилъ бы ихъ. Онъ, разбогатѣвъ, занялся позивитивнымъ; въ послѣднее свиданіе его со мною, онъ говорилъ объ Агрономіи, Политической Экономіи, и послѣ цѣлый часъ объ отвлеченной Философіи. Но здоровье его казалось уже разстроеннымъ" [238]).

Вслѣдъ за Баратынскимъ переселился въ вѣчность и Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ скончался въ С.-Петербургѣ 9 ноября того-же 1844 года и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. „Если мы сообразимъ". пишетъ И. В. Кирѣевскій, „два тома его басенъ съ тѣмъ временемъ, въ которое онъ началъ писать, то вопреки общему мнѣнію скажемъ и про него тоже, что про Баратынскаго, что какъ ни много онъ сдѣлалъ для Словесности нашей, но сдѣлалъ весьма мало въ сравненіи съ тѣмъ, что подобный ему талантъ могъ бы совершить во всякой другой литературѣ. Величіе таланта Крылова", продолжаетъ Кирѣевскій, „заключается не столько въ литературномъ достоинствѣ его произведеній, сколько въ красотѣ ихъ народности. Крылову принадлежитъ честь единственная, ни съ кѣмъ

не раздѣленная: онъ умѣлъ быть народнымъ, и что еще важнѣе, онъ хотѣлъ быть русскимъ въ то время, когда всякое подражаніе считалось просвѣщеніемъ, когда слово: *иностранное*, было однозначительно съ словомъ: *умное* или *прекрасное*, когда, покланяясь нашимъ выписнымъ гувернерамъ, мы не знали оскорбительнаго слова хуже слова *moujik*. Въ это время Крыловъ не только былъ русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое Русское плѣнительнымъ даже для насъ.—Хотя долго продолжалось время, когда и ему не отдавали справедливости, съ исключительнымъ восторгомъ читали басни Дмитріева, впрочемъ исполненныя истинныхъ красотъ, и почти противъ совѣсти смѣялись Русскимъ разсказамъ Крылова. Крыловъ былъ прекрасенъ своею народностію, но не въ силахъ распространить ея вліяніе на Словесность. Это предоставлено было другому. Что Крыловъ выразилъ въ свое время, и въ своей басенной сферѣ, то въ наше время и въ сферѣ болѣе обширной выражаетъ Гоголь“ [239]).

Вскорѣ послѣ кончины Крылова, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Приношу *Москвитянину* смиренную лепту, которую швырнулъ я въ лобъ Булгарину по случаю его статьи о Крыловѣ. Надѣюсь что въ *Москвитянинѣ* напечатаете вы и объявленіе о памятникѣ Крылову и пригласите Московскую публику отозваться на Петербургскій вызовъ. Тутъ главное: допущеніе и освященіе нравственнаго или умственнаго начала, что грамотою, что стихами, одними стихами, можно и на Руси дослужиться до высшей народной, государственной награды и стать, хотя и по смерти, рядомъ съ великими полководцами, фельдмаршалами, Георгіевскими и Андревскими кавалерами. Это великій и первый шагъ въ этомъ родѣ. Памятники Державина, Карамзина не имѣютъ такого сильнаго значенія; да къ тому же они поставлены въ захолустьяхъ, въ тѣни, а этотъ будетъ торчать, колоть глаза на большой Петербургской дорогѣ, на солнцѣ. Здѣшняя литературная сволочь очень нападаетъ на мое объявленіе. Этимъ

заправщикамъ и поставщикамъ всѣхъ литературныхъ предпріятій досадно видѣть, что обошлось безъ нихъ“ [240]).

Приведемъ здѣсь краснорѣчивое и поучительное слово о Крыловѣ князя П. А. Вяземскаго: „Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественикамъ“, пишетъ онъ, „суть высшія выраженія благодарности народной. Въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовью всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни, и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцевъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ повѣствуютъ о своей и нашей славѣ въ неподвижномъ величіи, стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не осталися также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники: Ломоносова, Державина, Карамзина, краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго Моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемноновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнедательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ Русскаго языка.

Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его живой и вѣрный отголосокъ Русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились роднымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей, мало доступныхъ обольщеніямъ искуства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

Крыловъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ и многимъ изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ какъ пословицы, сіи выраженія общей и народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ: она живетъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіи времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хотя одно Русское сердце, и отзовется оно на родной звукъ Русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что Русскій

Царь, который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти; кто не порадуется, что онъ милостивымъ, живительнымъ словомъ разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову и поблагодаритъ Правительство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, нежели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было бы сравнить письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя ли безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи?* Голосъ его раздавался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудолюбивомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга. Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, и онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ,

широкимъ лицемъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія?“ [241]).

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 13 февраля 1846 года, мы встрѣчаемся съ слѣдующею записью: „Къ митрополиту Филарету. Жалуется, зачѣмъ ставятъ памятникъ Крылову...“

LI.

4 Іюня 1844 года скончался академикъ Императорской Академіи Наукъ Филиппъ Ивановичъ Кругъ, который былъ давнимъ покровителемъ Погодину, а П. М. Строеву содѣйствовалъ въ совершеніи задуманной послѣднимъ Археографической Экспедиціи; поэтому мы считаемъ долгомъ напомнить соотечественникамъ о Филиппѣ Ивановичѣ Кругѣ.

Іоганнъ Филиппъ Кругъ родился 29 января 1764 года, въ Галле. Высшее образованіе получилъ въ тамошнемъ Университетѣ, гдѣ прошелъ курсъ богословскихъ наукъ въ связи съ Философіей. Въ качествѣ учителя и чтеца, Кругъ въ 1787 году пребывалъ въ домѣ маркграфа Шведтскаго (von Schwedt на Одерѣ). Въ 1791 году онъ переселился изъ Силезіи въ Калишъ и поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство одного Польскаго полковника. Въ 1792 году провелъ онъ съ тѣмъ же семействомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дубнѣ (на Волыни, тогда еще Польской провинціи), оттуда возвратился опять въ Калишъ. Вскорѣ потомъ послѣдовало распаденіе Польскаго Государства. Польскій полковникъ рѣшился перейти на Русскую службу, и Кругъ вмѣстѣ съ его семействомъ переселился въ 1794 году въ Россію. Судьба привела его прямо въ Москву. Еще въ дѣтствѣ любилъ онъ собирать монеты и въ Москву онъ привезъ свое нумизматическое собраніе, и здѣсь опредѣлилось въ немъ рѣшительная склонность къ Нумизматикѣ. Прибывши въ Москву, вѣроятно въ 1795 году, онъ поступилъ въ качествѣ домашняго учителя въ домъ вдовы графа Ивана Григорьевича Орлова. Въ этомъ почтен-

номъ домѣ Кругъ провелъ шесть лѣтъ сряду и имѣлъ полную возможность посвятить себя ученымъ занятіямъ, ибо въ домѣ графини Орловой была прекрасная библіотека, въ которой хранились Церковно-Словенскія и Русскія рукописи, изъ нихъ иныя были получены въ подарокъ отъ императрицы Екатерины Великой. „Съ сихъ поръ", свидѣтельствуетъ его біографъ, — „начинаются его занятія *Русскою Нумизматикою*. Поводомъ къ этому было пріобрѣтеніе собранія Русскихъ монетъ, которое предложилъ Кругу въ обмѣнъ на его собраніе иностранныхъ монетъ одинъ изъ родственниковъ графини Орловой. Сначала это пріобрѣтеніе было для Круга мертвымъ капиталомъ. Церковно-Словенскія надписи были для него іероглифами, потому что, по собственному сознанію, онъ не понималъ тогда по Русски ни слова, а Русскую Исторію зналъ не лучше всякаго образованнаго человѣка того времени. Въ домѣ графини Орловой Кругъ познакомился съ Донскимъ архимандритомъ Іакинѳомъ, давшимъ молодому ученому иностранцу благой совѣтъ, о которомъ сообщаетъ Кругъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если я хочу познакомиться съ своимъ собраніемъ Русскихъ монетъ и знать о немъ подробнѣе и точнѣе, нежели сколько могли объяснить мнѣ — онъ (то-есть, архимандритъ) и его сослужители, имѣющіе ученость совсѣмъ другого рода, то я долженъ изучать древнія и притомъ рукописныя Лѣтописи. Я послѣдовалъ его совѣту: въ Москвѣ это было удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и такимъ образомъ я перешелъ къ занятіямъ Русскою Исторіею". Нумизматическое собраніе привело Круга въ близкое сношеніе съ лавочниками серебряннаго ряда, и, по замѣчанію его, эти люди къ нему, иностранцу, оказывали необыкновенное довѣріе, тогда какъ къ своимъ землякамъ были недовѣрчивы. Ежегодныя поѣздки Круга съ семействомъ графини Орловой въ Среднія и Южныя губерніи много способствовали къ обогащенію его Нумизматическаго Собранія.

Въ Москвѣ Кругъ сблизился съ Московскимъ профессоромъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Баузе, страстнымъ собирате-

лемъ Церковно-Словенскихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и монетъ. 28 апрѣля 1803 года, онъ писалъ Кругу: „Я имѣю полную надежду, что извѣстное вамъ мое Нумизматическое Собраніе, съ которымъ соединены и ваши заслуги Нумизматикѣ, будетъ куплено Его Величествомъ. При этомъ всѣ обстоятельства были ведены такъ, чтобы и ваши заслуги сдѣлались извѣстны, чтобы вы могли получить почетное сообразное съ вашими желаніями мѣсто“ *). Вскорѣ послѣ этого письма Кругъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ сблизился съ хранителемъ Императорскаго Эрмитажа Кёлеромъ, который принялъ своего земляка съ распростертыми объятіями и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ. „Отнынѣ“, писалъ Кругъ, — „начинается для меня нѣкоторымъ образомъ новое существованіе“, разумѣя при этомъ свое настоящее опредѣленіе и предстоявшее ему вступленіе въ Академію Наукъ. Это вскорѣ и случилось. По настоянію Шторха, 27 марта того же 1805 года, Кругъ былъ принятъ адъюнктомъ въ Академію Наукъ по части Русской Исторіи.

Со временъ Миллера, Фишера и Шлецера въ Академіи Наукъ не было профессора Русской Исторіи, и такимъ образомъ послѣ этого перерыва въ лицѣ Круга Академія снова водворяетъ Русскую Исторію въ своемъ святилищѣ, и съ 1805 по 1844 годъ Кругъ является ея представителемъ.

Одновременно со вступленіемъ Круга въ Академію возвратился изъ Германіи молодой ученый Александръ Ивановичъ Тургеневъ, пріобрѣвшій въ Геттингенѣ славу любимаго ученика Шлецера. Шлецеръ рекомендовалъ его Кругу, и Кругъ старался укрѣпить стремленіе этого молодого ученаго къ наукѣ. Онъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе предложить его въ адъюнкты Академіи по Русской Исторіи, и Тургеневъ началъ уже свои занятія подъ руководствомъ Круга; но вскорѣ, по настоянію отца, съ предубѣжденіемъ смотрѣвшаго на ученое поприще,

*) Къ сожалѣнію, эта надежда Баузе не сбылась. Драгоцѣнное его Собраніе погибло въ Московскомъ пожарѣ 1812 года.

А. И. Тургеневъ долженъ былъ вступить въ гражданскую службу; но это не помѣшало Тургеневу сохранять съ Кругомъ неизмѣнно дружескія отношенія. Тургеневъ радовалъ своего стараго друга разными открытіями, какія дѣлалъ для Русской Исторіи въ иностранныхъ библіотекахъ и архивахъ. Мысль привлекать въ Академію способныхъ людей для разработыванія Русской Исторіи не оставляла Круга. 12 марта 1807 года, по его предложенію, въ члены Академіи по Русской Исторіи былъ избранъ Лербергъ, а по его кончинѣ Кругъ желалъ имѣть его преемникомъ Эверса; но обстоятельства не допустили исполниться этому желанію. Въ 1818 году, при возрожденіи Академіи подъ управленіемъ С. С. Уварова, по настоянію Круга былъ избранъ въ Академію знаменитый оріенталистъ Френъ. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ избранія Френа, а мѣсто Лерберга при Академіи оставалось все еще не занятымъ; между тѣмъ въ Москвѣ въ лицѣ Погодина явился молодой историкъ. Кругъ и графъ Н. П. Румянцовъ внимательно слѣдили за его трудами. Прочитавъ сочиненіе Погодина о происхожденіи Руси, Кругъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей съ особенною похвалою о критическомъ дарѣ Погодина, и что онъ желалъ бы имѣть такого адъюнкта; но и въ этомъ случаѣ, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, желаніе Круга не исполнилось. Вмѣсто Погодина, по предложенію Круга же, былъ избранъ, 10 августа 1829 года, въ Академію почтенный Шегренъ. Черезъ семь лѣтъ Академія опять стала помышлять объ избраніи члена по части Русской Исторіи; явилось нѣсколько соискателей. Кругъ объявилъ себя въ пользу Устрялова. 13 января 1837 года онъ представилъ Академіи отзывъ о двухъ сочиненіяхъ Устрялова: *О Системѣ Прагматической Исторіи* (1836) и объ его *Русской Исторіи*, часть I, (1837), и на основаніи этого отзыва въ протоколѣ засѣданія Академіи сказано: „Ces travaux“, selon m. Krug, — „font preuve des talents et des connaissances de l'auteur et paraissent tout à fait propres à motiver sa réception au sein de l'Académie en qualité d'adjoint“.

Біографъ Круга сожалѣетъ, что онъ не издалъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, и по этому поводу пишетъ: „Понятно, почему Кругъ откладывалъ ихъ изданіе. Это зависѣло частью отъ его личности, а частью и отъ свойствъ самыхъ его изслѣдованій; а Кругъ былъ человѣкъ спокойный, тихій, избѣгавшій всякаго волненія и сильныхъ порывовъ. Гоняться за эффектами и за минутнымъ успѣхомъ было противно его природѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ достигъ зрѣлаго возраста, онъ постоянно жилъ въ тихомъ уединеніи, избѣгая всего, что могло возмущать миръ его души и нарушать ходъ его занятій. Другая причина, почему онъ не далъ окончательной обработки своимъ изслѣдованіямъ, заключается въ самомъ ихъ свойствѣ. Его родъ занятій и способъ обработки были въ высшей степени утомительны. Кругъ приступилъ къ обработкѣ своихъ матеріаловъ, когда прошло уже пятьдесятъ лѣтъ его жизни. Трудныя и сухія занятія естественно утомили его. „Къ сожалѣнію“, писалъ онъ къ одному своему другу,—„я слишкомъ много потратилъ времени на чтеніе источниковъ и далъ несоразмѣрно большой объемъ своимъ приготовительнымъ занятіямъ. Надобно было бы тѣснѣе ограничить себя при собираніи матеріала...“ Съ приближеніемъ старости прежній жаръ Круга началъ остывать, и мало по малу имъ овладѣла мысль о смерти, такъ что ужъ въ двадцатыхъ годахъ онъ искалъ человѣка, которому могъ бы поручить изданіе своихъ посмертныхъ сочиненій.

Еще за четыре года до своей смерти, а именно 22 мая 1840 года, Кругъ положилъ въ кассовый сундукъ Комитета Правленія Академіи Наукъ запечатанный пакетъ со слѣдующею собственноручною надписью: *Nach meinem Tode zu öffnen.* 8 іюня 1844 года, послѣ погребенія Круга, въ квартирѣ его было составлено особое собраніе академиковъ и стороннихъ лицъ для вскрытія вышеупомянутаго пакета. Въ этомъ пакетѣ оказалось духовное завѣщаніе Круга, его рукою писанное и подписанное. Въ немъ изложено краткое историческое свѣдѣніе о происхожденіи и постепенномъ приращеніи его знамени-

таго Собранія Русскихъ монетъ и выражена воля, чтобы по смерти его Собраніе сіе поступило нераздѣльно въ собственность Академіи Наукъ. „Мнѣ пріятно“, говоритъ Кругъ въ своемъ завѣщаніи,—„представить доказательства, что есть и иностранцы, которые, посвятивъ себя на службу этой странѣ и ученымъ изслѣдованіямъ объ ея Исторіи и отношеніяхъ, пріобрѣтаютъ искреннее участіе къ результатамъ сихъ изслѣдованій, а такимъ образомъ и къ самой странѣ“.

Въ самый годъ кончины Круга, а именно въ 1844 г., А. А. Куникъ издалъ свое извѣстное сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen.* Erste Abtheilung. Еще до выпуска въ свѣтъ этой книги, А. А. Куникъ писалъ Погодину: „Я желалъ бы напечатаніемъ меньшей части приготовленнаго труда показать вамъ и тѣмъ, кто интересовался мною ради моихъ ученыхъ работъ, сдѣлалъ ли я что-нибудь достойное вниманія въ области Русской и Польской исторіи, или нѣтъ. Состоя теперь въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Академіей, я могъ печатать въ ея типографіи. Я намѣренъ выпустить въ свѣтъ восемь или девять объемистыхъ главъ о первоначальной Русской и Польской исторіи; я нарочно выбираю тѣ изъ главъ, которыя посредствомъ обдуманныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, связанныхъ историческими доказательствами и основанныхъ на твердыхъ принципахъ сравнительной Словено-Германской грамматики, направлены къ тому, чтобы навсегда защитить оспариваемыя положенія Русской и Польской Исторіи отъ всѣхъ лжемудрствованій и неточныхъ, неграмматическихъ этимологій. Вы, вѣроятно, не откажете главамъ по Русской исторіи въ неожиданности ихъ выводовъ“. Подъ надежнымъ руководствомъ П. С. Билярскаго познакомимся съ содержаніемъ этого замѣчательнаго сочиненія. „Рѣдко являются сочиненія“, пишетъ Билярскій,—„которыя съ перваго раза такъ увлекали бы вниманіе читателя, какъ книга Куника. Она поражаетъ уже самымъ заглавіемъ, въ которомъ авторъ такъ положительно высказываетъ то, что

мы встрѣчали до сихъ поръ только въ видѣ ученаго мнѣнія, болѣе или менѣе вѣроятнаго. Далѣе, самостоятельный тонъ и живое изложеніе съ первыхъ страницъ распологаютъ читателя къ большимъ ожиданіямъ и въ то же время вызываютъ строгую критику. Такихъ сочиненій нельзя оцѣнивать по первому впечатлѣнію: это принадлежитъ времени". Излагая вкратцѣ историческій ходъ изслѣдованій по вопросу *Призванія,* А. А. Куникъ „встрѣчается съ литературной борьбою двухъ противоположныхъ мнѣній". По мнѣнію Билярскаго, „лучшую часть сего обозрѣнія составляетъ краткая, но живая характеристика исторической дѣятельности Шлецера. А. А. Куникъ съ негодованіемъ опровергаетъ несправедливые упреки геніальному историку... Онъ положительно доказываетъ, что основатель Русской Исторической Критики даже предупредилъ свой вѣкъ понятіями объ Исторіи Словенъ и о сравнительномъ ея изученіи. *Шлецеръ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ людямъ,* говоритъ А. А. Куникъ, *которые не только увлекаютъ собою современниковъ, но остаются поучительнымъ и одушевленнымъ примѣромъ для потомства. Онъ первый назвалъ Исторію Словенъ (древнихъ) существенною частію Русской Исторіи. Шлецеръ былъ первый пансловистъ и панфиннистъ въ истинномъ значеніи слова*". Для утвержденія „истиннаго смысла свидѣтельства Нестора", по мнѣнію А. А. Куника, необходимо изслѣдовать вопросъ *Призванія историко-лингвистически.* Эту точку зрѣнія до сихъ поръ оставляли безъ вниманія, потому что изслѣдователи не совсѣмъ еще ясно понимали, что всякій языкъ есть произведеніе Исторіи народа, что онъ въ своемъ запасѣ содержитъ свидѣтельства о древнѣйшихъ отношеніяхъ народа, какихъ нельзя подтвердить историческими документами, и что *Русскій языкъ такимъ образомъ есть первый и чистѣйшій источникъ для національной Русской Исторіи; его законы—историческіе факты и освящены вѣковою давностью, и потому не могутъ быть опровергнуты никакими фантазіями, никакими софизмами, никакимъ скептицизмомъ.* „Должно согласиться", замѣчаетъ

Билярскій, „что такого взгляда на языкъ еще не было высказано по отношенію къ Русской Исторіи вообще... Начиная съ Шлецера до Круга и Погодина, защитники Норманскаго происхожденія Варяговъ строго держались историческихъ свидѣтельствъ, принимая филологическія доказательства, какъ второстепенныя... Представитель другого направленія, Эверсъ, еще менѣе довѣрялъ этимологическимъ сравненіямъ“. Такимъ образомъ А. А. Куникъ является ученикомъ новой школы языкознанія, прославленной именемъ основателя своего Якова Гримма, который возвелъ Филологію на степень науки точной и положительной, какъ Исторія. „До сихъ поръ разсматривали вопросъ о Варягахъ“, говоритъ А. А. Куникъ,—„только съ внѣшней стороны, и отъ того онъ много потерялъ уваженія даже въ глазахъ ученыхъ. Но пора же, наконецъ, поставить рѣшеніе вопроса не цѣлію, а только средствомъ къ цѣли. Тутъ главное не въ имени,—не въ томъ, кто такіе основатели Русскаго Государства: Словене или Финны, Германцы или Азіатцы?—а въ томъ, какой духъ принесли они съ собою, какія силы положены и приведены въ дѣйствіе при основаніи Русскаго Государства“.

Первая часть сочиненій А. А. Куника раздѣляется на пять главъ. Въ *главѣ* I доказывается, что форма имени варягъ не Словенская. Въ *главѣ II* изслѣдуется вопросъ: гдѣ первоначально образовалось имя варягъ? Откуда и какъ перешло оно къ Восточнымъ Словенамъ? Въ *главѣ III* доказывается, что имя Русь по формѣ и употребленію не Словенское. Въ *главѣ IV* о Шведскомъ происхожденіи Родсовъ, основателей Русскаго Государства, и наконецъ въ *главѣ V* разсуждается о Венгерскихъ Русинахъ по отношенію къ Древней Русской Исторіи.

Общій историческій результатъ всѣхъ изслѣдованій А. А. Куника тотъ, замѣчаетъ Билярскій, „что въ призваніи Варяго-Русскихъ князей, согласно съ сказаніемъ Нестора, принимали значительное участіе Финны, и что первоначальная родина

основателей Русскаго Государства есть прибрежная область Швеціи, Рослагенъ".

А. А. Куникъ требуетъ, „чтобы тотъ, кто хочетъ опровергать его, доказалъ бы прежде, что окончаніе *ягъ* есть Словенское, что народныя собирательныя на *ь* не отзываются чужими, и что нѣтъ никакой связи ни между *Русь* и Финскимъ *Ruossi*, ни между Финскимъ *Ruotsi* и Шведскимъ Rohds". „Очевидно", замѣчаетъ Билярскій, — „что чрезъ это вводится въ литературу Русской Исторіи новый путь изслѣдованія, и сочиненіе Куника, независимо отъ своего результата, останется памятнымъ, какъ опытъ приложенія къ Русской Исторіи такъ называемой историко-генетической методы языкознанія, и въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, принесетъ свою пользу".

Отправляя свою книгу Погодину, А. А. Куникъ сообщилъ ему, что трудъ его „понравился академикамъ, которые признали неопровержимыми какъ его основаніе, такъ и выводы". Но на Погодина это сочиненіе произвело иное впечатлѣніе. Мало того, что онъ написалъ автору этого сочиненія рѣзкое письмо, онъ даже собирался написать критику на оное. „Если вы", писалъ Погодину А. А. Куникъ,— „хотите написать критику въ духѣ вашего письма, то вы поставите меня въ затрудненіе, я долженъ буду отвѣчать, если первое впечатлѣніе вашей критики будетъ для меня гибельно. Я не придаю большого значенія Русскимъ отзывамъ: къ похвалѣ и брани ихъ я остаюсь довольно равнодушенъ, такъ какъ я знаю, какимъ образомъ они фабрикуются въ Русскихъ журналахъ. Совсѣмъ иное дѣло, если вы напишите... Вы признаны какъ основательнѣйшій Русскій историкъ, вы одни подвергли этотъ предметъ прилежному изслѣдованію. Я долженъ буду ужь ради другихъ лицъ отвѣчать вамъ, тогда какъ другимъ рецензентамъ я могъ бы противопоставить молчаніе. Въ *настоящую минуту*, когда Шегренъ, Устряловъ, Френъ и Дорнъ высказались болѣе или менѣе благопріятно о моемъ трудѣ, мнѣ было бы непріятно, хотя бы даже приличнымъ и вѣжливымъ образомъ, вступить съ вами въ открытый споръ".

Какъ бы то ни было 21 сентября 1844 года академикъ Шегренъ писалъ Погодину: „Смерть Круга, наконецъ, открыла надежду и Кунику. Онъ-то впрочемъ молодецъ и добрый малый, заслуживаетъ покровительства. Его первое образцовое сочиненіе вы вѣрно имѣете. Мнѣ было поручено разсмотрѣть это сочиненіе".

По свидѣтельству непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ Фусса, „покойный академикъ Кругъ, еще въ 1843 году, желалъ представить Куника къ избранію въ адъюнкты Академіи по своей части, но такъ какъ эта часть имѣла уже тогда трехъ представителей въ Академіи, да и Куникомъ въ то время еще не было ничего издано, то на представленіе его согласія Министра Народнаго Просвѣщенія не послѣдовало. Впослѣдствіи, и не задолго до смерти своей, Кругъ въ частной бесѣдѣ просилъ непремѣннаго секретаря, чтобы, въ случаѣ его смерти, редакція и изданіе въ свѣтъ его рукописей были ввѣрены никому иному какъ Кунику, котораго онъ признавалъ совершенно къ сему дѣлу способнымъ. Между тѣмъ Куникъ помѣстилъ въ IX-мъ томѣ *Сборника* Бэра и Гельмерсена критическое обозрѣніе всѣхъ изданныхъ по части Русской Исторіи книгъ и сочиненій и этимъ трудомъ своимъ доказалъ основательность своихъ познаній и начитанность. Въ то же время, въ 1844 году, А. А. Куникъ напечаталъ первое собственное разсужденіе свое о происхожденіи Русскаго Государства, подъ заглавіемъ *Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven*, разсужденіе, которое удостоилось лестнаго отзыва въ пространной и ученой рецензіи Шегрена и дало сочинителю право на вниманіе Академіи и на принятіе въ среду ея. Въ собраніи Историко-филологическаго Отдѣленія Академіи, бывшемъ 5 октября 1844 года, Куникъ былъ избранъ въ адъюнкты Академіи Наукъ по части Русской Исторіи".

LII.

24 февраля 1844 года въ Московскомъ Университетѣ происходилъ диспутъ Константина Дмитріевича Кавелина. На этомъ диспутѣ Погодину довелось въ послѣдній разъ присутствовать въ качествѣ оффиціальнаго оппонента.

Еще 9 апрѣля 1843 года Кавелинъ писалъ своей сестрѣ изъ Петербурга: „Сегодня я получилъ изъ Москвы хорошія вѣсти. Нѣкто Леонтьевъ *), кандидатъ нашего Университета, пишетъ Полуденскому, что графъ Строгановъ готовъ устроить мои дѣла согласно моей просьбѣ, и что онъ очень доволенъ моимъ причисленіемъ къ Московскому Университету“. Въ концѣ того же года Кавелинъ уѣзжаетъ въ Москву и оставляетъ Петербургъ „съ такимъ же сожалѣніемъ, съ какимъ оставлялъ Москву, чтобы переѣхать въ Петербургъ“. Ему жалко было разстаться съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ, къ которому Кавелинъ, по собственному его свидѣтельству, „привязался всею душою“ и связи съ нимъ послѣ того никогда не прерывалъ [242]). Въ Москву Кавелинъ пріѣхалъ съ готовою диссертаціею на степень магистра, подъ заглавіемъ: *Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ.* Передъ диспутомъ Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ К. С. Аксакову: „Ты забылъ, что въ четвергъ диспутъ Кавелина. Тебѣ нельзя не быть на немъ“ [243]).

24 февраля 1844 года, въ большой Университетской аудиторіи, состоялся диспутъ Кавелина. Въ числѣ оффиціальныхъ оппонентовъ былъ и Погодинъ, который засвидѣтельствовалъ: „Диссертація отличается большими достоинствами. Авторъ изучалъ предметъ основательно, познакомился хорошо съ источниками, предлагаетъ свои мнѣнія отчетливо, благоразумно, съ должною скромностію. Защищалъ тезисы свои онъ очень хорошо, хоть и не такъ бойко и блистательно, какъ пред-

*) Знаменитый впослѣдствіи профессоръ Московскаго Университета, другъ и сотрудникъ Каткова по *Русскому Вѣстнику* и *Московскимъ Вѣдомостямъ.*

шественникъ его А. Н. Поповъ. Это происходило впрочемъ отъ причины очень похвальной и даже въ наше время рѣдкой: Кавелинъ слишкомъ внимательно вслушивался въ возраженія, ему дѣланныя, и не столько хотѣлъ опровергнуть ихъ, какъ воспользоваться ими. Видѣнъ былъ *охотникъ* до своего предмета, который ищетъ истины и нисколько не огорчается, если она даже противорѣчитъ его мнѣнію; такой добросовѣстный человѣкъ не найдетъ въ себѣ смѣлости защищать оное, во что бы то ни стало, чтобъ только поставить на своемъ. Привѣтствую молодого ученаго на прекрасномъ поприщѣ; я столь твердо увѣренъ въ его успѣхѣ, сколь искренно его желаю". Относясь такъ доброжелательно къ молодому ученому, Погодинъ продолжаетъ: „Возраженія относились болѣе всего къ учрежденію цѣловальниковъ, хотя собственно они занимаютъ только эпизодическое мѣсто въ диссертаціи. Оппонентовъ шесть предлагали объ нихъ свои мнѣнія, и всѣ эти мнѣнія различались между собою, хотя и заключали въ себѣ много правды. Ясное доказательство, въ какомъ младенчествѣ находится въ Россіи наука Русскаго Права, и какъ еще рано намъ выбирать такіе обширные предметы, какъ обозрѣніе того и другого періода, или сословія. Юристы наши должны теперь обработывать части своей науки порознь, а не пускаться въ общія разсужденія, кои по необходимости должны быть поверхностны, неосновательны, почти безполезны. Если объ цѣловальникахъ на диспутѣ оказалось пять мнѣній, то какимъ различнымъ толкованіямъ могли бы подвергнуться тіуны, тысяцкіе, бояре, дворяне, — а безъ яснаго и точнаго опредѣленія ихъ нельзя и думать объ Исторіи".

Высказавъ это, Погодинъ въ послѣдній разъ обращается, какъ профессоръ, къ молодому поколѣнію и преподаетъ ему слѣдующее наставленіе: „Милостивые государи!" восклицаетъ онъ, — „если вамъ угодно выслушать совѣтъ опыта и долговременнаго занятія предметомъ, то вы поступите, для пользы вашей и нашей науки, другимъ образомъ, и давайте намъ пока диссертаціи, не о законодательствѣ до Іоанна III, до

Петра I, до Александра I, Николая I, но о цѣловальникахъ, (то-есть, соберите всѣ мѣста изъ грамотъ, лѣтописей и прочихъ документовъ, гдѣ встрѣчается ихъ имя, и на основаніи ихъ, изложите ваше мнѣніе объ этомъ учрежденіи, которое кстати будетъ сравнить съ подобными у Словенъ и у Нѣмцевъ. Вотъ это будетъ прекрасная диссертація, подъ силу всякому трудолюбивому, здравомыслящему молодому ученому.

Подобныя диссертаціи: о тіунахъ.

О дѣтяхъ Боярскихъ.

О Боярахъ.

О Тысяцкихъ.

О Ябедникахъ.

О Пасынкахъ.

Объ Отрокахъ.

О Помѣстьяхъ.

Объ Отчинахъ.

О Приказахъ.

Объ указѣ Ѳеодора Іоанновича, и пр. и пр.

Переведите намъ Русскую Правду, Судебникъ, главнѣйшія древнѣйшія грамоты. Это также диссертаціи, со множествомъ тезисовъ, ибо значеніе всякаго слова почти подвергается разнымъ толкованіямъ, и нигдѣ молодой человѣкъ не можетъ показать столько знанія, остроумія, отчетливости, какъ при подобномъ трудѣ".

Самъ Погодинъ, обращая вниманіе на одну мысль въ вступленіи Кавелина, гдѣ послѣдній говоритъ, что *всѣ формы древняго нашего законодательства обветшали къ времени Петра Великаго*, вопреки Словенофиламъ замѣчаетъ: „Точно, и это явленіе совершенно согласно съ прочими частями жизни государственной, предъ вступленіемъ на престолъ Петра Великаго всѣ части устарѣли, обветшали, — обыкновенная участь человѣческихъ учрежденій, кои также живутъ, возрастаютъ, процвѣтаютъ и потомъ старѣютъ, лишаются своей силы! Преобразованіе во время Петра Великаго было необходимо. Вопросъ можетъ быть только о формѣ преобразованія, ту ли

избралъ Петръ Великій, которая была всѣхъ лучше и дѣйствительнѣе. Вотъ на что не обращаютъ вниманія *безусловные поклонники нашей старины,* съ которыми я почти столько же несогласенъ, какъ и съ *безусловными поклонниками новизны*". При этомъ Погодинъ ссылается на свое разсужденіе о Петрѣ Великомъ, написанное для своихъ друзей Словенофиловъ *).

На диспутѣ Погодинъ возражалъ о началѣ Приказовъ, которое Кавелинъ относитъ къ XVI и XVII столѣтіямъ. По мнѣнію же, Погодина Приказы существовали со временъ Іоанна III, то-есть, съ XV столѣтія, хотя и упоминаются позднѣе. „Помѣстья, разряды, физически не могли быть въ вѣдомствѣ одного какого лица! Восемь тысячь бояръ и проч. было выселено изъ Новагорода въ 1478 году и надѣлено Московскими землями, Московскіе чиновники получили тогда помѣстья въ Новогородскихъ областяхъ—такія обширныя распоряженія не могли быть приводимы въ исполненіе безъ бумагъ, безъ справокъ, безъ присутственныхъ мѣстъ! Въ спорахъ мѣстническихъ встрѣчаются часто ссылки на разряды временъ Іоанна III: гдѣ же они хранились? Авторъ увлекся здѣсь теоріей, а Русскій здравый смыслъ часто опережалъ ее, и учрежденія по отраслямъ правленія, хотя они сложнѣе и искусственнѣе, были у насъ древнѣе въ Москвѣ областныхъ правленій".

Погодинъ также находитъ, что „гораздо прежде Петра I было стремленіе секуляризовать духовныя владѣнія, а именно съ Іоанна III, при коемъ даже созванъ былъ особливый соборъ съ этой цѣлію".

Диспутъ заключился замѣчаніемъ декана Юридическаго Факультета профессора Н. И. Крылова, который, „отдавая должную справедливость труду", замѣтилъ Автору, „что онъ не совсѣмъ основательно предпочитаетъ развитіе Русскаго права до Петра I періоду слѣдующему, въ которомъ, не смотря на наружность, иногда странную, чуждую, случайную, произвольную, Русское начало всегда, болѣе или менѣе, присут-

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892 г. VI, 5—8.

ствуетъ и можетъ быть отыскано, хотя съ бо́льшимъ трудомъ, бо́льшимъ напряженіемъ, и требуетъ большаго проницанія и опыта“. Въ подтвержденіе этого замѣчанія, Погодинъ приводитъ примѣръ изъ Исторіи Русской Литературы. „Она“, пишетъ онъ, — „подвергалась вліянію Италіанской, Французской, Нѣмецкой, Англійской, но не смотря на это несомнѣнное и очевидное вліяніе, все-таки и въ Кантемирѣ, и въ Ломоносовѣ, и въ Державинѣ, и въ Карамзинѣ, и въ Пушкинѣ мы видимъ Русскій элементъ, который обнаруживается безпрестанно яснѣе и яснѣе. Русская литература возвращается нынѣ наконецъ къ національности, освобождаясь изъ-подъ чуждаго ига. Пожелаемъ такого же переворота и Исторіи Русскаго Права“.

Въ похвалу Кавелина Погодинъ замѣтилъ, что „молодой магистръ соблюлъ строго всѣ древніе обычаи Университета, то-есть, онъ роздалъ заблаговременно, недѣли за двѣ, диссертацію университетской публикѣ, такъ что всѣ, желавшіе спорить, могли приготовиться, сколько имъ было угодно. Самое объявленіе въ газетахъ было напечатано три раза. Вотъ это въ полной мѣрѣ *честно*! [244]).

Не смотря на вполнѣ справедливыя и доброжелательныя замѣчанія Погодина, въ одномъ изъ органовъ Западнаго лагеря, а именно въ *Литературной Газетѣ* появилось глумленіе надъ Погодинымъ, въ отдѣлѣ *Корреспонденціи* подъ заглавіемъ *Приношеніе М. П. Погодину*. Скрывшійся подъ псевдонимомъ *У. Ты...ы*, острякъ изъ Вологды писалъ: „Для всѣхъ жителей православной Вологды еще памятно то историческое время, когда профессоръ М. П. Погодинъ удостоилъ насъ своего просвѣщенно-наблюдательнаго посѣщенія. Сладостныя воспоминанія о немъ глубоко запали намъ въ души, мы хранимъ ихъ дома и развозимъ съ собою по всей Россіи“. Пріѣхавши въ Петербургъ острякъ этотъ узналъ изъ *Полицейской Газеты*, что въ *Москвитянинѣ* напечатана статья Погодина о диспутѣ Кавелина, и „опрометью побѣжалъ искать *Москвитянина* по Петербургскимъ кондитер-

скимъ, нашелъ у Излера и, взявъ читать, не пожалѣлъ истратиться на шоколадъ,—и вотъ" говоритъ онъ,—„плоды моихъ издержекъ и назидательнаго чтенія, мои смиренныя замѣчанія, въ которыхъ да благоволитъ Михайла Петровичъ усмотрѣть мое къ нему глубочайшее уваженіе. Почтеннѣйшій профессоръ Погодинъ говоритъ о Кавелинѣ: *Защищалъ тезисы свои онъ очень хорошо, хоть и не такъ бойко . . . . какъ . . . Поповъ*". Кто былъ на диспутѣ Попова, тотъ согласится съ профессоромъ Погодинымъ, что диспутъ этотъ долженъ быть памятенъ, особенно же для него, нашего Михайла Петровича; диспутъ Попова переживетъ, если уже не пережилъ, его диссертацію. По мудрому спокойствію, съ которымъ Погодинъ отзывается о диспутѣ Кавелина, можно заключить, что ему не пережить его диссертаціи; и трудно было бы пережить эту диссертацію, которая надолго должна остаться замѣчательною для науки. Впрочемъ, профессоръ Погодинъ одобряетъ, что диспутъ Кавелина былъ не такъ боекъ какъ диспутъ Попова: *это происходило*, говоритъ онъ, *отъ причины очень похвальной и даже въ наше время рѣдкой* . . . . Не знаю, какое время г. Погодинъ называетъ „нашимъ", нынѣшній ли 1844 годъ, или старое доброе время? Я думаю, что онъ говоритъ о старомъ времени, когда была славная веселая жизнь, съ роговою музыкою, скороходами, карликами, гайдуками, собачьими и соколиными охотами,—и, вѣроятно, этимъ-то сладкимъ воспоминаніемъ обязанъ г. Кавелинъ названіемъ *охотника*. Жаль, право, какъ подумаешь, что прошло то веселое время, когда бывали такія славныя *охоты*, когда охотились за всѣмъ—за зайцами и литературой, куропатками и музыкою, тетеревами и искусствомъ. Теперь только Михайла Петровичъ, по преданію, вспоминаетъ объ этомъ времени, и, конечно, еслибъ онъ слышалъ Итальянскую оперу, которою Петербургъ наслаждался нынѣшнюю зиму глубоко и страстно, то онъ сказалъ бы: „я люблю Русскій квасъ и Итальянскую оперу, Вологодское угощеніе и записки Ходаковскаго". И эти слова также были бы непонятны и чужды

молодому поколѣнію, какъ непонятны и чужды названія: „жрецъ искусства", „провозвѣстникъ, двигатель, страдалецъ истины". Что дѣлать! измѣнились времена, и названіе „охотника", лестное намъ старцамъ съ Михайлою Петровичемъ, не лестно для молодого поколѣнія... Но молодое поколѣніе не упрекнетъ стараго: трудно же отказаться отъ понятій, которыя мы всосали съ материнскимъ молокомъ: consuetudo est secunda natura, а натура сильнѣе всего. Вотъ вамъ примѣръ на Михайлѣ Петровичѣ: ну, какъ ему преодолѣть наклонность свою писать рецепты, или правила для нихъ? Михайлу Петровичу надобно бы, по настоящему, быть медикомъ, если назначеніе медиковъ, какъ полагаютъ, писать рецепты. Такъ и въ этой статьѣ Михайла Петровичъ предлагаетъ рецепты, по которымъ и мы, Вологодскіе старые люди, какъ-разъ состягаемъ на живую нитку диссертацію на ученую степень магистра правъ. Онъ говоритъ: возьмите какое-нибудь не очень извѣстное лицо, или учрежденіе изъ древней Русской исторіи, хоть, напримѣръ, цѣловальника, боярскаго сына, пасынка, да и соберите всѣ мѣста изъ лѣтописей, гдѣ о нихъ говорится, да на основаніи всѣхъ этихъ (безжизненныхъ отрывковъ которые еще страждутъ отъ вашей операціи безсмыслицею) составьте свое мнѣньице, да кстати сравните съ Нѣмцами и Словенами. Вотъ это диссертація; а то зачѣмъ брать цѣлый періодъ изъ исторіи, или, напримѣръ, законодательство до Іоанна, до Петра и пр.? — Тутъ, какъ видите, все политика, упрекъ тонкою манерою г. Кавелину: „Зачѣмъ-де вы, г. Кавелинъ, написали намъ прекрасную диссертацію о цѣломъ періодѣ? вы бы намъ микстурку о цѣловальникахъ!" — Это былъ рецептъ; но рецептомъ только Михайла Петровичъ не ограничится: онъ обѣщаетъ помѣстить гдѣ-нибудь, ради образца, и микстуру — въ *Москвитянинѣ*, или *Сборникѣ Историческомъ*. Это будетъ микстура изъ всѣхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ *о дружинѣ*. Г. Погодинъ предлагаетъ нѣсколько матеріаловъ для подобныхъ микстуръ: напримѣръ, тіунъ, бояре, боярскіе дѣти, ябедники, помѣстья, от-

чины, приказы, указъ Θеодора Іоанновича и пр. Странно въ этой номенклатурѣ встрѣтить наряду названія, которыя явились въ Исторіи Русской и исчезли, напримѣръ, тіунъ, о которомъ наговоришься досыта на десяткѣ страницъ, и потомъ отчину, о которой написать разсужденіе будетъ потруднѣе, нежели о какомъ-нибудь отдѣльномъ періодѣ законодательства, ибо óтчина охватитъ всю Русскую Исторію.—А вотъ еще диссертація: объ указѣ Θеодора Іоанновича. О какомъ же бы это указѣ? Если о крестьянахъ, то приглашаемъ цѣлою Вологдою трудолюбиваго Михайлу Петровича дать намъ примѣръ рецептика не о дружинахъ, а объ указѣ Θеодора Іоанновича. Дайте-ка намъ, нашъ почтенный врачъ, разсужденіе о предметѣ, который пройдетъ чрезъ всю нашу Исторію!

Потомъ вотъ еще диссертацію предлагаетъ Михайла Петровичъ:—переводъ Правды. Ну, ужъ воля ваша, Михайла Петровичъ, это не наше дѣло: это дѣло ваше, дѣло филолога. Надобно же раздѣленіе труда: такъ возьмите вы на себя, кромѣ подаянія совѣтовъ и составленія рецептовъ, еще хоть переводы;—совѣтовъ, вы знаете, не слушаютъ, рецепты для Москвы пишутъ нàскоро и на-лету гг. Иноземцевъ, Оверъ и проч., у нихъ не перебьете; а за переводъ мы васъ поблагодаримъ. Пусть себѣ вы не знаете того, что̀ долженъ знать юристъ, и потому ошибетесь кое-гдѣ, мы все-таки будемъ благодарить за переводъ, и только развѣ изрѣдка замѣтимъ, что тамъ-то ошибся филологъ, и замѣтимъ съ почтеніемъ. Конечно, вы не забыли словъ юриста Попова: ему одинъ филологъ на диспутѣ сказалъ, зачѣмъ онъ не перевелъ выраженія „дикая вира"? г. Поповъ отвѣчалъ своему антагонисту: „переводъ дѣло филолога; если филологъ не сдѣлалъ своего дѣла, такъ юристъ не виноватъ". Тогда, помните, и быстрота, и мѣткость отвѣта произвели сильное на всѣхъ впечатлѣніе...

Г. Погодину особенно нравится то, что магистръ Кавелинъ соблюлъ старые университетскіе обычаи: роздалъ диссертацію за двѣ недѣли, напечаталъ о диспутѣ три раза.

„Вотъ это“ — отозвались Михайла Петровичъ *честно*. Согласны, и даже согласны напечатать *честно* курсивомъ.

Мы очень благодарны г. Погодину, что они помѣстили въ своей статьѣ заключительное замѣчаніе декана Юридическаго Факультета. Вотъ, еслибы Михайла Петровичъ, вмѣсто рецептовъ, да привели намъ все движеніе и содержаніе диспута, такъ статья была бы для многихъ, а не для одного меня, провинціяла, занимательною.

Въ заключеніе почтенный Михайла Петровичъ говорятъ: „послужимъ юристамъ примѣромъ“ — и послужили вотъ какимъ примѣромъ: „Русская литература возвращается нынѣ наконецъ къ національности, освобождаясь изъ-подъ чуждаго ига. Пожелаемъ „такого же переворота и Исторіи Русскаго права“. Исторія права есть развитіе его,—не только наука объ этомъ развитіи, но самое движеніе; развитіе, какъ и исторія человѣчества, не только книга, но и самая жизнь. И такъ, если развитіе Русскаго права не народно, потому что находится, по мнѣнію г. Погодина, подъ чуждымъ игомъ, то мы всѣ, старцы Вологодскіе, простираемъ къ почтеннѣйшему Михайлѣ Петровичу вопль свой, да укажетъ онъ намъ пути, по коимъ можно достигнуть до народнаго развитія нашего права.

Батюшка, Михайла Петровичъ! позвольте поднести вамъ сей посильный трудъ!“

Въ маѣ того же 1844 года, Кавелинъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Русскаго Законодательства въ Московскомъ Университетѣ, а 5 сентября читалъ вступительную лекцію.

Не смотря на то, что Кавелинъ всею душею былъ преданъ Бѣлинскому и его партіи, онъ и съ Погодинымъ не находился во враждебныхъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ письма его къ своему бывшему Профессору, отъ 24 сентября и 2 октября 1844 года: „Возвращаю вамъ съ благодарностью статью Гагемейстера. Статью Калачова позвольте удержать еще дня на два. Такъ какъ я занимаюсь въ сіе время

Русскою Правдою, то сдѣлайте милость пришлите съ симъ посланнымъ: статью покойнаго Каченовскаго о Русской Правдѣ, Раковецкаго изслѣдованіе на Польскомъ языкѣ". Въ другомъ письмѣ Кавелина къ Погодину читаемъ: „Пришлите мнѣ *Псковскую Исторію и Новгородскія Древности* митрополита Евгенія" [245]).

LIII.

Въ жизни Погодина 1844 годъ былъ по истинѣ роковымъ годомъ, и претерпѣнныя имъ въ этомъ году съ мужествомъ истиннаго христіанина страданія, безъ сомнѣнія, были искупленіемъ его прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ.

„На канунѣ увольненія моего", повѣствуетъ самъ Погодинъ,—„я поѣхалъ въ Университетъ для присутствія депутатомъ на экзаменѣ Грановскаго, по просьбѣ Шевырева, уѣхавшаго встрѣчать тѣло князя Д. В. Голицына. Можно мнѣ было не ѣхать, но мнѣ совѣстно было не исполнить просьбы Шевырева при его точности и мнительности: вотъ де я не могъ, а ты не хотѣлъ исполнить моей обязанности. Я поѣхалъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и, проѣзжая по Арбату мимо Николы Явленнаго, воображалъ: вотъ я получу на дняхъ увольненіе и отправлюсь въ Копенгагенъ, или куда-нибудь на берегъ Балтійскаго моря, и буду тамъ писать Норманскій періодъ; къ зимѣ вернусь въ Москву и буду приводить въ порядокъ изслѣдованія объ Удѣльномъ періодѣ, на весну уѣду въ Кіевъ описывать междоусобныя войны, потомъ опять въ Москву приготовляться къ Монгольскому періоду, лѣтомъ въ Кяхту, чтобы увидѣть Монгольскія степи и Монголовъ лицомъ къ лицу. Въ эту минуту вижу, что колесо у дрожекъ шатается, и говорю кучеру: Смотри, Никита, колесо шатается, а самъ приподнявшись съ мѣста, хочу слезть съ дрожекъ и поднимаю ногу. Въ эту минуту лошадь сдѣлала лишнихъ полъ-шага и на этомъ полушагѣ я опрокинулся съ Монголами, Норманами,

Кяхтою и своею судьбою. Нога была переломлена. Меня отнесли прохожіе въ противоположную кондитерскую Тени. Я имѣлъ однакожъ память послать въ Университетъ съ извѣстіемъ, что со мной случилось, и что я не могу быть на экзаменѣ, и прошу прислать ко мнѣ Иноземцова" [246]). Часа три промучился Погодинъ въ кондитерской. Потомъ отвезли домой, гдѣ „встрѣча съ своими была ужасная" [247]).

Это несчастіе случилось 16 мая 1844 года и, безъ сомнѣнія, способствовало преждевременной кончинѣ бѣдной жены Погодина, умершей, какъ мы увидимъ, въ концѣ того же 1844 года. Впослѣдствіи самъ Погодинъ назвалъ 16 мая 1844 года „днемъ своего паденія и началомъ своихъ несчастій или счастія" [248]). За четыре дня до этого несчастія Шевыревъ писалъ Погодину: „Да успокойся же, не стыдно ли тебѣ такъ себя разстроивать?.. Бѣда та, что они не понимаютъ насъ: они не могутъ вникнуть въ возможность нашей раздражительности—и не берегутъ насъ. Поэтому мы должны беречь себя для семействъ нашихъ. Надобно остывать. Право пора".

Между тѣмъ Погодинъ отдалъ себя на попеченіе своего друга Иноземцова. Страдальца „положили въ тиски, въ картоны", и онъ принужденъ былъ пролежать восемь недѣль на спинѣ неподвижно. „Горе другъ!" писалъ Погодинъ съ своего одра болѣзни Максимовичу, „переломилъ себѣ ногу; лежу безъ движенія. Буди воля Божія" [249]).

За время болѣзни Погодина сохранилось слѣдующее любопытное письмо его къ Иноземцову: „Прежде всего прости меня, мой другъ, за мою докуку. Чувствую, сколько досады должны причинять тебѣ подобныя письма при твоихъ многотрудныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ. Вчера былъ ты такъ добръ, любезенъ, и я послѣ твоего отъѣзда долго не могъ нахвалиться тобою. Мнѣ казалось, что болѣзнь моя кончилась, я былъ счастливъ, какъ будто бы совсѣмъ здоровъ. Поѣлъ нѣсколько спаржи, варенаго черносливу. Но послѣ обѣда тотчасъ началось тоскованье. Я желалъ, чтобъ кто-нибудь

пріѣхалъ. И въ самомъ дѣлѣ тотчасъ пріѣхалъ Давыдовъ; я разсказывалъ ему, шутилъ, смѣялся. Онъ передалъ мнѣ городскіе толки о моей болѣзни и разборы ея. Послѣ былъ Хомяковъ. Разговоръ былъ еще живѣе и веселѣе до 11 часовъ. Уснулъ съ часъ, въ два пріема, но потомъ началось тоскованье сильнѣе и сильнѣе,—мое мнимое здоровье, лежанье даромъ, приглашенье костоправовъ представлялись мнѣ въ разныхъ мучительныхъ формахъ. Къ тому же присоединилась сильная боль въ пяткѣ больной ноги... Лиза начала мнѣ читать Московскія газеты, слѣдовательно, самыя невинныя. Судьба Техаса присоединилась къ прочимъ предметамъ бреда... Не пригласишь ли ты костоправа? Чувствую, что это, можетъ быть, унизительно для науки, и съ твердостію не соглашался ни на какія требованія своихъ знакомыхъ, впрочемъ людей тебя одинаково уважающихъ; но ты, можетъ быть, найдешь благовиднѣе способъ сохранить вмѣстѣ и честь, и скромность науки. Я не вижу впрочемъ здѣсь большого неудобства, и костоправъ, занимаясь только перебираніемъ костей, можетъ пріобрѣсть пальцами зрѣніе, которымъ наукѣ воспользоваться никогда не стыдно. Половина этого письма писано въ болѣзненномъ разстройствѣ, а съ другою я какъ будто очнулся, ибо тоска именно на этомъ мѣстѣ миновалась; день разсвѣлъ, возсіяло солнце" [250]).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ несчастіи, постигшемъ Погодина, приняли сердечное участіе и близкіе, и дальніе къ нему люди. Самъ графъ С. Г. Строгановъ, по свидѣтельству Погодина, „на другой же день пріѣхалъ навѣстить его, и потомъ присылалъ освѣдомляться объ его здоровьѣ" [251]). Изъ священной ограды Обители преподобнаго Сергія Погодинъ получилъ слѣдующія сочувственныя строки отъ А. В. Горскаго: „Слышалъ о несчастіи, постигшемъ васъ, и сердечно поскорбѣлъ. Безъ вреда вы проѣхали столько верстъ по Россіи и внѣ Россіи. Но когда насталъ часъ бѣды, она родилась изъ ничего. Благодареніе Господу, что искушеніе постигло васъ еще выносимое. Дай Богъ, чтобы подвигъ пророка Іезекіиля,

на васъ возложенный, „скорѣе и навсегда для васъ окончился, оставивъ при васъ одни благіе плоды испытанія“ [252]). Шевыревъ въ это неблагополучное для Погодина лѣто жилъ въ Вязёмахъ и оттуда писалъ своему страждущему другу: „Пошли тебѣ Господи терпѣнье! Однимъ только мнѣ и не люба деревня, что не могу съ тобою видѣться“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ старался воздерживать Погодина отъ волненій, вредныхъ въ его положеніи. „Ты напрасно хлопочешь объ Журналѣ“, писалъ онъ, — „ты на все время лежанія долженъ оставить рѣшительно всѣ заботы. Этого требуетъ благоразуміе. Малѣйшая бездѣлица теперь будетъ тебя тревожить. Я попрошу Иноземцова, чтобы онъ запретилъ тебѣ это“.

Но особенно былъ тронутъ Погодинъ участіемъ къ нему Гоголя, который изъ Франкфурта (отъ 13 іюня 1844 г.) писалъ ему: „Я узналъ о случившемся съ тобою несчастіи. Богъ да хранитъ тебя и да обратитъ все, что ни случилось съ тобою, тебѣ же въ благо. Для христіанина нѣтъ несчастія, и все, что ни сбывается съ нимъ, имѣетъ для него глубокій смыслъ. Напиши мнѣ два слова о твоемъ состояніи... Да споспѣшествуетъ тебѣ Богъ въ скорѣйшемъ выздоровленіи“ [253]). На это письмо Погодинъ съ одра болѣзни (28 іюня 1844 г.) отвѣчалъ: „Благодарю тебя за участіе. Ты еще не забылъ меня! Теперь мнѣ лучше, слава Богу... Благодарю Бога, что послалъ мнѣ терпѣніе, ни скуки, ни досады ничего не чувствовалъ, и теперь не понимаю, какъ могло пройти время такъ непримѣтно... Почти уже благодарю Бога за это испытаніе: съ одра болѣзни слышатся такія вещи, какихъ не услышишь ни съ какой каѳедры. Читалъ я Ѳому Кемпейскаго, за котораго благодарю. Я, разумѣется, зналъ его и прежде, но теперь понялъ лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва ли есть другая книга въ мірѣ столь елейная. Прощай! Я не отвѣчалъ на твое письмо, ожидая спокойной минуты, но все еще не получилъ, я только что кончилъ свои дѣла въ Университетѣ и упалъ на канунѣ отставки. Теперь я вольный казакъ, но не смѣю думать ни о чемъ дальше своей

койки. Никакой мысли о будущемъ не входитъ въ голову. Я Журналъ сдаю, но не знаю еще какъ и кому" [254]).

Въ это самое время Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ описаніе своего путешествія по Западной Европѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Годъ въ чужихъ краяхъ. 1839 г. Дорожный Дневникъ.* А. А. Куникъ не совѣтывалъ Погодину выпускать въ свѣтъ эту книгу. „Я не могу не обратить ваше вниманіе", писалъ онъ, — „на одно обстоятельство, примите ли вы это въ дурную или хорошую сторону. Сказать объ этомъ раньше у меня не хватало необходимой рѣшимости. Дѣло касается изданія вашего путешествія. Оставьте его, милый другъ: въ противномъ случаѣ вы пріобрѣтете враговъ, особенно тѣмъ, что вы писали о Петербургѣ, какъ бы ни было даже спокойно написано о немъ. По моему мнѣнію, въ Россіи описаніе путешествія мало принесетъ выгоды, такъ какъ все дѣло по милости цензуры не будетъ имѣть силы. Затѣмъ, для этого недостаетъ необходимо читающей публики. Вы можете назваться—въ этомъ я убѣжденъ—счастливымъ, если вамъ оплатятся издержки по печатанію. Во всякомъ случаѣ, изданіе повредитъ вамъ—и во многихъ отношеніяхъ. Спросите у вашего друга Шевырева откровеннаго совѣта, и я увѣренъ, что онъ окажется не болѣе благосклоннымъ къ вашему предпріятію.—Расходы по печатанію вы легко можете выдержать, если пожелаете еще болѣе приспособить свой журналъ ко вкусу большой публики". Но Погодинъ не внялъ этому совѣту и выпустилъ въ свѣтъ свой *Дорожный Дневникъ* съ такимъ предисловіемъ: „Честь имѣю представить публикѣ дорожный свой дневникъ, начатый печатаніемъ въ 1840 году, и оконченный только теперь, по причинѣ моихъ недосуговъ и другихъ обстоятельствъ. Я не исправлялъ, не украшалъ, не распространялъ его: какъ что было замѣчено въ записной книжкѣ, на ночлегахъ, въ дилижансахъ, въ письмахъ къ роднымъ и пріятелямъ, такъ и осталось. Мнѣ не хотѣлось изглаживать слѣдовъ живого впечатлѣнія отъ видѣнныхъ предметовъ, слѣдовъ, болѣе всего, кажется, занимательныхъ для

читателя, который подробныя изслѣдованія и разсужденія можетъ найти въ тысячѣ другихъ книгъ. Я долженъ былъ также оставить, въ поживу рецензентамъ, разныя мелочи и частности, лично до меня относящіяся, потому что описывалъ изъ дня въ день и отдавалъ, такъ сказать, отчетъ во всякой минутѣ своего путешествія, съ утра до вечера,—съ намѣреніемъ показать молодымъ нашимъ путешественникамъ, еслибъ кому изъ нихъ вздумалось справиться съ моею книгою, что̀ въ данное время можно увидѣть, что̀ разсмотрѣть, или пропустить, гдѣ быть, какъ проѣхать, въ какихъ мѣстахъ надо быть готову на усталость и въ какихъ можно сулить себѣ отдохновеніе. Многое исключилъ я волей-неволей и своей охотой, на иное только-что намекнулъ, впредь до основательнѣйшаго разсмотрѣнія, о другомъ даже самъ перемѣнилъ мысли — впрочемъ, говоря словами одного изъ старыхъ нашихъ стихотворцевъ:

Угоденъ — пусть меня читаютъ;
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ,
Трубы похвальной не ищу.

Этою *поживою* рецензенты *Отечественныхъ Записокъ* и *Библіотеки для Чтенія* и воспользовались. Отзывы ихъ, по свидѣтельству А. Д. Галахова, „огорчили“ Погодина. Одинъ изъ этихъ отзывовъ написанъ Н. А. Полевымъ, а другой, помѣщенный въ *Отечественныхъ Запискахъ*, принадлежитъ самому Галахову. Въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* пишетъ: „Каюсь искренно и сильно въ этомъ проступкѣ. Что дѣлать? Тогда онъ считался дѣломъ похвальнымъ, обязательнымъ, услугой извѣстному направленію. Всему виною литературная партія. Погодинъ, видите ли, принадлежалъ къ Словенофиламъ, а сотрудники *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ я постоянно участвовалъ, къ Западникамъ: отсюда гнѣвъ и немилость“. Далѣе А. Д. Галаховъ сообщаетъ, что Погодинъ „принесъ на лекцію обѣ статьи и началъ ее изложеніемъ своихъ трудовъ по Исторіи,

Литературѣ, изданію журналовъ, и затѣмъ прочелъ наиболѣе выдающіяся мѣста рецензій, гдѣ онъ подвергался глумленію. Чтеніе закончилось такимъ выводомъ: *Вотъ, милостивые государи, что я выслужилъ за мои многолѣтніе труды! Вотъ какъ у насъ награждается честная, добросовѣстная дѣятельность!*"

Позволимъ себѣ замѣтить, что рецензія Галахова напечатана въ Библіографической Хроникѣ *Отечественныхъ Записокъ* за августъ 1844 г., а рецензія Н. А. Полевого напечатана въ Литературной Лѣтописи *Библіотеки для Чтенія* за іюль того же 1844 г. Въ это время Погодинъ былъ уже въ отставкѣ и прикованъ былъ къ одру болѣзни, слѣдовательно, не могъ съ каѳедры излагать свои сѣтованія на несправедливый отзывъ объ его книгѣ рецензентовъ.

Но не всѣ такъ отнеслись къ *Дорожному Дневнику* Погодина. Такъ, М. А. Дмитріевъ писалъ нашему путешественнику: „О предисловіи скажу вамъ, что не нахожу ничего такого, что бы можно особенно замѣтить: оно скромно, дѣльно и коротко: чего же лучше? Вообще въ вашемъ Путешествіи я вижу то достоинство, что, читая его, не думаешь, чтобы вы сочинили его какъ книгу: это истинно путешествіе, въ которомъ знакомишься и съ самимъ путешественникомъ; а это много! Въ литературѣ благонамѣренной смотрятъ на автора съ той стороны, съ которой онъ самъ хочетъ представляться, а въ неблагонамѣренной (какова нынѣшняя Петербургская) поглядываютъ съ той, съ которой хочется критикѣ. Что же съ этимъ дѣлать? На всѣхъ не угодишь!"

По поводу своего *Дорожнаго Дневника* Погодинъ получилъ слѣдующее замѣчательное письмо отъ Н. А. Мельгунова: „Прости великодушно, милый другъ Михаилъ Петровичъ, что возвращаю тебѣ твои путевыя записки. Мое зрѣніе все еще очень слабо, и я чрезвычайно дорожу временемъ. Сверхъ того, теперь утра мои большею частію употреблены на хлопоты по паспорту, а вечеромъ, при огнѣ, я рѣшительно не могу читать. Началъ же я читать твои записки черезъ-чуръ добросовѣстно, въ чемъ

ты можешь удостовѣриться по первой половинѣ перваго тома, которая заняла у меня цѣлое утро. Я вздумалъ быть и критикомъ, и корректоромъ вмѣстѣ, забывъ, что ты, еслибъ и захотѣлъ (что также сомнительно), не могъ бы воспользоваться и десятой долею моихъ замѣчаній, потому что тогда надобно бы было перепечатывать половину книги. Въ слѣдующихъ томахъ, гдѣ ты, оставивъ Словенъ, переходишь къ другимъ племенамъ, моимъ замѣчаніямъ и возраженіямъ не было бы конца. Ты теперь изъ Всемірнаго историка все болѣе и болѣе превращаешься въ Словенскаго, въ Русскаго, и, выходя (чего бъ историку не слѣдовало) изъ сферы общаго, становишься болѣе и болѣе *homme de parti*. Отсюда, *по моему*, и твой юношескій невоздержанный энтузіазмъ ко всему Словенскому, и твой ипохондрическій брюзгливый взглядъ на остальной Западъ. При такомъ очевидномъ и вовсе не историческомъ пристрастіи ты никогда не пріобрѣтешь довѣрія и симпатіи большинства, потому что темное, но всегда вѣрное, чутье такъ называемой толпы пойметъ преувеличенность и твоего энтузіазма, и твоей непріязни. Неужели, чортъ побери, не можемъ мы любить свое иначе, какъ глядя непріязненно на чужое? Ты, какъ и всѣ вы *soit disant* восточные, *несправедливъ* къ Западу и не хочешь понять его. Ахъ, колибы поскорѣй написалось мое сочиненіе! Если вы чувство любви дѣлаете исключительной принадлежностью Словенъ (зри тостъ Шевырева), то, чтобъ быть послѣдовательну, должны бы вы строго держаться *suum cuique*; но, напротивъ, нѣтъ между нами людей исключительнѣе васъ. Да, легко Хомяковымъ съ братіей строить теоріи, съ помощью и по примѣру Нѣмцевъ же: но куда какъ трудно и примѣнять ихъ, и оправдывать ихъ дѣйствительностью! Время—и скоро—все уровняетъ. Вы были у насъ необходимы. Исключительное склоненіе вѣсовъ Русскихъ къ иностранному надо было уровнять столько же исключительнымъ склоненіемъ ихъ къ народному. Теперь мы находимся въ періодѣ колебанія, но далеко не равновѣсія. Гармоническая жизнь Русская начнется тогда лишь, когда

явится и утвердится у насъ третья, *высшая* партія, которая признаетъ *необходимость* и Ebenbürtigkeit (равнородство) обоихъ направленій, которая неоспоримо докажетъ, что *Россія* есть Россія, но вмѣстѣ и *часть Европы,* что мы должны не противуполагать ей себя, а идти *съ нею дружно*, разумѣется, опираясь твердо и сознанно на свою народную основу. Это наша великая, *еще вовсе не уясненная* задача! Большихъ, рѣзкихъ промаховъ въ твоей книгѣ нѣтъ; а вѣдь ты сталъ бы перепечатывать только ихъ. Другое дѣло, еслибъ ты сообщилъ мнѣ рукопись до печати. Не сердись, пожалуйста, за мою искренность".

Въ концѣ концовъ А. А. Куникъ оказался правъ, и самъ Погодинъ вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Путешествіе совершенно пропало для публики. Удивительная судьба моихъ сочиненій. То говорю я въ нихъ, и уже двадцать пять лѣтъ, чего въ голову не приходитъ, напримѣръ, нынѣшнимъ моднымъ профессорамъ даже въ томъ родѣ, что доставляетъ имъ даровую славу, а моего не хочетъ и читать никто, и спасибо никто не говоритъ. Что сказано въ моемъ *Путешествіи*, что сказано въ моихъ *Афоризмахъ*! И все ни во что. Не завидую, а удивляюсь. Эти господа даже и не пишутъ ничего! Сколько усилій я дѣлалъ, сколько помощи оказывалъ, сколько содѣйствія. Я часто думалъ, что злой духъ мѣшаетъ дѣйствію моихъ дѣлъ".

LIV.

Гоголь въ письмѣ своемъ къ Языкову такъ отозвался о журналѣ Погодина: „*Москвитянинъ*, издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ! Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись" [255]). Этотъ нелестный отзывъ вѣроятно какъ-нибудь дошелъ до слуха Погодина, и онъ, желая обновить *Москвитянина* молодыми силами, вошелъ въ сношеніе

съ Н. К. Калайдовичемъ и его юными товарищами, Н. И. Стояновскимъ *) и М. В. Полѣновымъ, предложивъ имъ взять на себя библіографическую часть *Москвитянина*. Въ концѣ 1843 года Погодинъ писалъ Калайдовичу: „*Всего нужнѣе рецензіи, хотя краткія*. Только будьте осторожны и почаще справляйтесь, какъ вашъ покойный отецъ... У нынѣшнихъ молодыхъ людей, говоритъ Гоголь, въ головѣ гуляетъ вѣтеръ, фу! Аккуратность должна быть вашею наслѣдственною добродѣтелью“. Калайдовичъ и его товарищи согласились на предложеніе Погодина, но, съ своей стороны, предложили ему условіе, на которое Погодинъ не могъ согласиться. „Извините“, писалъ онъ Калайдовичу и его товарищамъ,—„что отвѣчаю черезъ четыре дня. *Условіямъ вашимъ я радъ*, господа, *только* разсудите сами: вы не хотите зависѣть отъ моего произвола, а требуете, чтобъ я зависѣлъ отъ вашего. Хочешь не-хочешь, а помѣщай. Найдите сами средину. Съ моей стороны *предлагаю—дайте мнѣ право разорвать условіе въ случаѣ неудовольствія, или возобновлять условіе чрезъ каждые три мѣсяца*. Я не рѣшаюсь на годъ *потому*, что знаю молодыхъ людей: они берутся сгоряча, проработаютъ усердно нѣсколько времени, а потомъ *какъ-нибудь*! Не говорите мнѣ о честности, добросовѣстности—*какъ-нибудь* случается съ людьми самыми честными и добросовѣстными, слѣдовательно, издатель долженъ имѣть въ своихъ рукахъ какую-нибудь гарантію. Еслибъ *дѣло пошло такъ, какъ во 2-ой книжкѣ, чего же бы лучше*. Моя выгода и спокойствіе соединены бы были съ вашимъ сотрудничествомъ. *Зачѣмъ-бы мнѣ отъ него уклоняться. Итакъ, сдѣлаемъ опытъ на три мѣсяца* (Повѣсти, рецензіи, смѣсь и разныя извѣстія, извѣстія изъ Петербурга)“.

Между тѣмъ Погодинъ, не дождавшись отвѣта отъ Калайдовича, сдѣлалъ слѣдующее печатное заявленіе: „Многіе иногородные читатели *Москвитянина* изъявляли часто Издателю желаніе видѣть библіографію въ его журналѣ болѣе про-

*) Нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Членъ Государственнаго Совѣта.

странную. По состоянію книжной торговли въ Москвѣ, гдѣ получаются очень поздно книги изъ Петербурга, а изъ другихъ городовъ, напримѣръ, Кіева, Одессы, Казани, Вильны, почти не получаются, Издатель не могъ удовлетворить до сихъ поръ ихъ желанію. Нынѣ нѣкоторые Петербургскіе литераторы вызвались пополнить этотъ недостатокъ и присылать краткія рецензіи изъ Петербурга. Издатель, увѣренный въ ихъ литературной добросовѣстности и благонамѣренности, благодаритъ за этотъ вызовъ, но не принимаетъ на себя отвѣтственности предъ читателями за ихъ сужденія, кои будутъ помѣщаться въ *Москвитянинѣ*, какъ *статьи сообщенныя*" [256]).

Сдѣлавъ это заявленіе, Погодинъ писалъ Калайдовичу (отъ 20 февраля 1844 г.): „Не получая такъ давно отвѣта на мое письмо, я полагаю, что вы не согласились на мое предложеніе, и считаю переговоры *прерванными*. Третій нумеръ уже отпечатанъ почти, и четвертый въ наборѣ; я долженъ былъ заказать переводы повѣстей. Впрочемъ, я буду радъ всегда вашимъ рецензіямъ, тѣмъ болѣе, что далъ обязательство публикѣ, какъ увидите изъ второго нумера, и предлагаю за нихъ, какъ прежде, по пятидесяти за листъ. *Увѣряю* васъ, по опыту, что такое условіе *для обѣихъ* договаривающихся сторонъ лучше, безобиднѣе, опредѣленнѣе. Деньги спросите у г. Бычкова, если у него есть въ сборѣ, а если нѣтъ, увѣдомьте... Всего бы лучше для меня, еслибы вы взяли пятьдесятъ экземпляровъ *Москвитянина*. Не сбудете ли? Разсчетъ и былъ бы тотчасъ конченъ". Это письмо произвело на Калайдовича и его пріятелей очень непріятное впечатлѣніе, и онъ весьма рѣзко отвѣтилъ Погодину: „Послѣднее письмо ваше", писалъ онъ,—„весьма непріятно изумило меня. Еслибъ мнѣ на канунѣ кто-нибудь разсказалъ его содержаніе и сказалъ, что завтра я получу его отъ васъ,—я бы не повѣрилъ... Оно поставляетъ меня въ весьма непріятное положеніе къ моимъ товарищамъ-сотрудникамъ. Но дѣло сдѣлано: разберемъ его хладнокровнѣе съ самаго начала. Мы предлагали вамъ быть сотрудниками *Москвитянина*,

постоянно доставляя въ него по три съ половиною листа печатныхъ въ каждый нумеръ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, полтора должны были составлять разборы новыхъ книгъ. Мы желали, чтобъ сотрудничество наше было постоянное, по условію, на годъ, съ платою по двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями въ годъ, съ тѣмъ, чтобы деньги выдавались по третямъ. Вы сперва на это не соглашались, приводя причиною тому, что, можетъ быть, въ половинѣ года, вы передадите журналъ, и предлагали платить по пятидесяти р. съ листа. На это вамъ было написано, что требуя постояннаго сотрудничества, вы и платить должны постоянно, ибо иначе мы никогда не будемъ увѣрены, что издержки наши будутъ обезпечены. Тогда вы отвѣчали, что не можете печатать статей по неволѣ, и предлагали измѣнить условіе тѣмъ, чтобъ вамъ было предоставлено право отказаться отъ него по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Въ отвѣтъ на это вамъ посланы были статьи и письмо съ отвѣтомъ, что на послѣднее условіе мы согласны. Кажется, дѣло было кончено. Переписка, начатая еще въ концѣ прошлаго года (въ ноябрѣ), замедлилась по причинѣ вашей болѣзни, то-есть, не по нашей винѣ, такъ что по полученіи перваго вашего отвѣта еще довольно неопредѣленнаго, мы къ генварю успѣли приготовить только десять рецензій. Они были посланы вамъ 31 декабря. Тогда же я вамъ писалъ, что по невозможности заготовить условленное число листовъ въ такой короткій срокъ, невозможности, ни мало отъ насъ не зависѣвшей, для слѣдующаго нумера мы пришлемъ вдвое. Такъ и было сдѣлано. 15 генваря отправлены къ вамъ повѣсть Сульпицій и еще тридцать рецензій, и тутъ же вамъ было писано, что такъ какъ сотрудничество имѣетъ видъ постояннаго, и то, что должно было быть напечатано въ 1 №, будетъ напечатано вдвойнѣ во 2, то мы полагаемъ, что треть начинается съ генваря. Во 2 № вы напечатали около семи листовъ: три разбора и почти четыре перевода, 15 февраля отправлена вторая посылка, изъ тридцати разборовъ состоящая... Письмо

ошибкой не пошло вмѣстѣ съ нею, а отправлено 18 февраля. Въ настоящемъ письмѣ, съ котораго, равно какъ и со всѣхъ прочихъ, при семъ прилагаются скрѣпленныя копіи, вы пишите, что не получая отвѣта на наше письмо (какое не знаемъ; мы на всѣ отвѣчали), вы считаете переговоры прерванными), но отрицательнаго отвѣта отъ насъ все-таки не было, если и предположить, что одно изъ писемъ затеряно на почтѣ, а между тѣмъ статьи въ условленное время вамъ высылались; откудажъ такая поспѣшность съ вашей стороны прервать переговоры? Вы пишете, что принуждены были заказать повѣсть къ 3 №, но мы обязывались доставлять вамъ въ каждый № рецензіи, не менѣе полутора листа, а о повѣстяхъ, смѣси, разныхъ извѣстіяхъ и пр. говорилось только какъ о дополненіи къ рецензіямъ, чтобъ составить три съ половиной листа для каждаго №. Доставлять же въ каждый № статьи всѣхъ этихъ родовъ значило бы замѣщать ежемѣсячно отъ семи до восьми листовъ печатныхъ, и быть не сотрудниками, а издавать *Москвитянинъ*, и все это за двѣ съ половиной тысячи р. асс. въ годъ! Согласитесь, что немножко слишкомъ дешево! Разумѣется, что при постоянномъ сотрудничествѣ счетъ листовъ былъ бы послѣднимъ дѣломъ и, получивъ журналы (за которые уже заплачено девяносто руб. асс), мы стали бы доставлять не три съ половиной, а четыре съ половиной, пять и болѣе листовъ въ разные отдѣлы журнала. Но теперь рѣчь идетъ только объ условіяхъ о томъ, за что мы дѣйствительно брались и что обѣщали. Наконецъ, вы предлагаете пятьдесятъ экз. *Москвитянина*. Странно между литераторами, какъ вы сами удостоили наименовать насъ, разсчитываться такимъ образомъ. Мы употребляемъ свои деньги, прилагаемъ свои труды и за это должны будемъ вновь хлопотать, трудиться и получать деньги по мелочамъ. Но я пропускаю это, потому что это только предложеніе, на которое мы никогда согласиться не можемъ. Замѣтимъ, только что пятьдесятъ экз. *Москвитянина* стоятъ по подписной цѣнѣ, не считая вычета за коммиссію, двѣ тысячи ассигн. р., а мы

предлагали вамъ работать за двѣ съ половиной тысячи р. Стало быть, этотъ разсчетъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть конченъ. Вообще намъ странно, что съ вашей стороны замѣтно, какъ бы, забывъ совѣсть и желаніе уклониться отъ даннаго обѣщанія. Что до на насъ касается, то, считая долгомъ своимъ не нарушать однажды даннаго слова, мы, не смотря на всю эту странную и безполезную переписку, будемъ продолжать принятую на себя обязанность, пока не получимъ отъ васъ рѣшительнаго отказа. Повторяемъ, что исполнять то, что обѣщали, мы считаемъ долгомъ благородныхъ людей. Мои товарищи просили написать вамъ, что въ случаѣ разрыва, который, какъ мы видимъ, начинается съ вашей стороны, вы можете быть увѣрены, что они не будутъ васъ больше безпокоить ни своими рецензіями, ни другими статьями, ибо мы слишкомъ дорожимъ своимъ временемъ, трудами и, главное, довѣренностію. До вашего обѣщанія публикѣ имъ нѣтъ дѣла, когда вы не хотите держать того, которое дали хотя и не публично, однако на письмѣ, и совершенно свободно. (*Условіямъ вашимъ я радъ... Итакъ, сдѣлаемъ* опытъ на три мѣсяца. Слова вашего письма отъ 23 января). Отъ себя могу только прибавить, что слишкомъ много вамъ обязанъ, чтобъ съ вами считаться. Со мной вы можете дѣлать, что вамъ угодно, но тутъ мои товарищи, которыхъ я уговорилъ, нѣкоторымъ я ручался".

Отвѣтъ Погодина на это письмо заставилъ Калайдовича раскаяться въ написанномъ имъ письмѣ и принести Погодину повинную голову. „Сейчасъ только получилъ я," писалъ онъ,—„и прочелъ послѣднее письмо ваше. Благодарю васъ за него. Лучше вы не могли наказать меня за мою глупость. Да, я теперь вижу, что былъ въ горячкѣ. Я вернулся домой поздно, въ воскресенье, довольно раздраженный нервически, нашелъ на столѣ ваше письмо и точно увидѣлъ въ немъ много такого, чего въ немъ не было. Въ ночь былъ готовъ отвѣтъ. Но справедливо полагая, что я въ неестественномъ настроеніи духа,—я не послалъ бы его, еслибъ пришлось рѣшиться

на это одному. Но я прочиталъ свое письмо живущему со мной товарищу, который, боясь обидѣть мое самолюбіе или прослушавъ его краемъ уха, сказалъ, что по его мнѣнію, въ немъ нѣтъ ничего рѣзкаго. Уже на другой день мнѣ показалось, что многое можно было бы изъ него выключить. Стоило только спросить у васъ: да или нѣтъ, потому что письмо ваше дѣйствительно темно. Обижать васъ своимъ отвѣтомъ я не хотѣлъ, доказательствомъ то, что оно казалось мнѣ написаннымъ весьма хладнокровно и обстоятельно, даже съ удержаніемъ формы дѣловыхъ писемъ. Теперь мнѣ стыдно и передъ вами и передъ товарищами. Но я довольно благороденъ, чтобъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, будутъ ли онѣ вольныя или невольныя и откровенно просить въ нихъ извиненія, не только передъ говѣніемъ. Вижу, что вы меня еще любите, потому что отвѣчали мнѣ на мое письмо такъ, какъ вы отвѣчали. Я былъ бы наказанъ какъ нельзя больше, еслибъ вы прервали сношенія со мною (не журнальныя, потому что вообще о своихъ физическихъ нуждахъ я мало забочусь, да и дѣла мои въ этомъ отношеніи идутъ все лучше и лучше); но ваши письма ко мнѣ, или однимъ словомъ, вашу любовь, ваше расположеніе. Вы приписываете возникшія непріятности нашимъ условіямъ. Я приписываю ихъ единственно себѣ и для избѣжанія всѣхъ глупостей на будущее время предоставлю сноситься съ вами по дѣламъ одному изъ товарищей, хладнокровнѣйшему Стояновскому, а самъ буду писать къ вамъ попрежнему, de facto оставивъ всѣ дѣла, счеты и разсчеты“.

Вслѣдъ за этими письмами Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Н. И. Стояновскаго: „Товарищи мои по сотрудничеству въ вашемъ журналѣ Калайдовичъ и Полѣновъ, поручили мнѣ сноситься съ вами по всѣмъ предметамъ, относящимся до нашего сотрудничества. Принимаю это предложеніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оно доставляетъ мнѣ пріятный случай препоручить себя вашему благорасположенію. Посланные вами семьсотъ рублей ассигнаціями мы

получили... Для пополненія недостающаго количества листовъ (*Москвитянина*), мы сочли лучшимъ перевести романъ Дюма *Подвѣнечное платье*". Въ другомъ письмѣ Н. И. Стояновскаго къ Погодину (отъ 26 августа 1844 года) читаемъ: „Недѣли черезъ двѣ и три начнутся здѣсь въ Петербургѣ представленія Итальянскихъ оперъ, и я рѣшился постоянно слѣдить за ними и написать о нихъ нѣсколько статей. Помня, что въ прошломъ году вы изъявляли желаніе имѣть для вашего журнала подобныя статьи о бывшихъ тогда Итальянскихъ спектакляхъ, я, не давая обѣщаній другимъ, долгомъ счелъ спросить сперва у васъ, милостивый государь, не угодно ли вамъ получать мои статьи объ операхъ (въ видѣ писемъ къ редактору)—на слѣдующихъ условіяхъ: 1) первую статью я вышлю для октябрьской книжки *Москвитянина* 10-го октября или въ другое число, какое вы назначите; 2) получу по сто рублей за листъ съ уплатою денегъ за каждую статью, по разсчету ея величины; 3) если по напечатаніи одной статьи (или нѣсколькихъ статей) вамъ не будетъ угодно получить слѣдующую, то вы извѣстите меня объ этомъ до наступленія времени ея высылки" [257]).

Но сотрудничество Калайдовича и его друзей въ *Москвитянинѣ* продолжалось недолго.

LV.

Москвитянинъ, руководимый Погодинымъ и Шевыревымъ, плылъ, какъ мы уже замѣтили, противъ теченія. По словамъ Герцена, этотъ журналъ выражалъ преимущественно университетскую, доктринерскую партію Словенофиловъ. Партію эту, прибавляетъ Герценъ, „можно назвать не только университетскою, но и отчасти *правительственною*. Это большая новость въ Русской Литературѣ... Булгаринъ съ Гречемъ не идутъ въ примѣръ, они никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія.

Погодинъ и Шевыревъ, издатели *Москвитянина*, совсѣмъ напротивъ, были *добросовѣстно раболѣпны*. Шевыревъ, не знаю отчего, можетъ увлеченный своимъ предкомъ, который середь пытокъ и мученій, во времена Грознаго, пѣлъ Псалмы и чуть не молился о продолженіи дней свирѣпаго старика... Читая Погодина, все думаешь, что онъ бранится, и осматриваешься, нѣтъ ли дамъ въ комнатѣ" [258]).

Съ своей стороны, одинъ изъ близкихъ друзей руководителей *Москвитянина*, Хомяковъ въ это время писалъ Веневитинову: „Кошелевъ „тебѣ многое могъ разсказать про житье-бытье Московское. Кое что ты уже самъ знаешь, какъ видно изъ твоего письма объ отвлеченностяхъ разнаго рода, замѣняющихъ въ Москвѣ мѣсто положительныхъ интересовъ, о космополитизмѣ, національности и т. д. Толка въ этомъ, конечно, немного, но однако можно ожидать отъ этого столкновенія мнѣній дѣятельности, хотя, по правдѣ сказать, все-таки дѣятельности нѣтъ. Даже *Москвитянинъ* послѣдній и, по правдѣ, довольно жалкій признакъ жизни умственной, клонится къ упадку. Говорятъ, что нынѣшній годъ будетъ предѣломъ его существованію. Пожалѣй объ насъ. Не останется даже журнала. Никто въ немъ не пишетъ и не хлопочетъ объ его поддержкѣ, а когда онъ скончается, вѣрно всѣ будутъ также разстроены, какъ Иванъ Никифоровичъ, еслибы у него украли ружье, изъ котораго онъ отъ роду не стрѣливалъ. Вѣдь покуда было ружье, можно бы было стрѣлять, если захотѣлось" [259]).

Не смотря на то, что Герценъ считалъ руководителей *Москвитянина* выразителями *правительственной партіи*, въ Петербургѣ, въ сферахъ правительственныхъ, *Москвитянину* грозили запрещеніемъ. Вотъ что въ это время изъ Петербурга писалъ Бецкій Погодину: „Сvнодъ на васъ сильно вооружился. Причинъ много находитъ. Войцеховичъ принялся перебирать вашъ *Москвитянинъ*, чтобы отыскать что нибудь. Онъ подружился съ Одоевскимъ. Здѣсь его надуваетъ Краевскій. Къ Сенковскому ходитъ на поклонъ Бередниковъ, а

сей мужъ сбиваетъ съ толку Сербиновича и Аѳанасія, ректора Духовной Академіи, а эти оба Протасову напѣваютъ. Уваровъ какъ маятникъ. Ради Бога, примите свои мѣры. Не шутите, а сберитесь съ духомъ отражать нападенія. Другое вы должны сами слышать. Да и писать вѣдь всего нельзя. Есть очень многое. Нравственная отрава сильнѣе растительной и минеральной. Теперь кто проворнѣе, тотъ и правъ. Нужна душевная крѣпость для борьбы. Булгаринъ надъ всѣмъ и всѣми торжествуетъ. Онъ достигъ своей цѣли. Когда буря и мятель, то и четвероногія ищутъ гдѣ пріютиться". Мало успокоило Погодина и письмо къ нему Г. В. Грудева, тоже изъ Петербурга: „Здѣсь не слышно никакой грозы на вашъ журналъ и С. С. Уваровъ, которому я прочиталъ письмо ваше, приказалъ сказать, чтобы вы были спокойны, и что ничего противъ васъ нѣтъ" [260]). Погодинъ не успокоился и рѣшился передать свой журналъ въ другія руки и даже перевести его въ Петербургъ. Съ этою цѣлію онъ завелъ переговоры съ В. В. Григорьевымъ и А. А. Куникомъ.

30 марта 1844 года Погодинъ писалъ Григорьеву: „Не знаю кому передать или хоть поручить *Москвитянинъ*. Все Европейцы или еще хуже того! А вамъ бы кстати было". [261]). Григорьеву пришлось весьма по душѣ это предложеніе и онъ отвѣчалъ Погодину: „И такъ, Русскую Исторію оставимъ покуда въ покоѣ, поговоримъ о *Москвитянинѣ*. Его-бы, голубчика, я не прочь прибрать къ рукамъ; да какъ это устроить? Во всякомъ случаѣ надо при *Москвитянинѣ* имѣть и мѣсто какое-нибудь въ Университетѣ. Далѣе, не худо бы знать, на какихъ условіяхъ передали бы вы мнѣ вашъ журналъ. Дѣло такого рода, что браться за него надо съ толкомъ, чтобы не уронить ни себя, ни вѣрителя своего. А чтобы узнать толкомъ все, что надо знать, надо пріѣхать въ Москву самому; я и пріѣду къ концу іюня, если можете пождать до тѣхъ поръ, пождите; не можете, такъ напишите о вашихъ условіяхъ, чего вы отъ меня требуете и что долженъ я дѣлать и какъ. Вообще *Москвитянинъ* болѣе всего тянетъ меня въ

Москву, если бы мы могли сойтись на счетъ его, я бы, пожалуй, согласился не ѣхать за границу и остаться въ Москвѣ“.

Эти переговоры съ Григорьевымъ, какъ мы знаемъ, кончились ничѣмъ.

Притѣсняемый Московскою цензурою, Погодинъ писалъ цензору В. П. Флерову: „Вамъ будетъ стыдно, въ Исторіи Русской Литературы, если я переведу печатаніе *Москвитянина* Московскаго журнала въ Петербургъ! А я долженъ это сдѣлать“. Что это не было со стороны Погоднна одною угрозою, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо А. А. Куника къ Погодину по этому предмету: „Любезный Михаилъ Петровичъ! Одно обстоятельство помѣшало мнѣ написать вамъ нѣсколькими днями ранѣе. Я сперва не думалъ, что вы серьезно хотите переселить сюда *Москвитянина*, и сегодня даже не хочу совѣтовать вамъ, но предложу даже вопросъ: будутъ ли истые Москвичи, все-таки представляющіе (звонкую) опору *Москвитянина*, довольны, если ихъ *голубчикъ* будетъ прилетать къ нимъ лишь отъ побочнаго брата Москвы? Конечно, и для *Москвитянина* можно кое-чего ожидать отъ Петербурга, еслибы здѣсь была его редакція; охотниковъ писать для легкаго чтенія здѣсь больше, чѣмъ въ Москвѣ“. — Что касается цензуры, то А. А. Куникъ полагаетъ, что здѣшняя цензура вычеркиваетъ также ужасно и не лучше Московской, потому что она боится Бенкендорфа, къ которому постоянно поступаютъ жалобы.

Далѣе А. А. Куникъ продолжаетъ: „Я долженъ (по вашему желанію) откровенно высказать свое мнѣніе о переводѣ *Москвитянина*. Въ настоящее время, я полагаю, могу судить лучше, чѣмъ прежде, о *вкусахъ* и *потребностяхъ* Русской публики. Она въ общемъ состоитъ изъ двухъ родовъ людей: изъ такихъ, которые для времяпрепровожденія желаютъ прочесть что-нибудь интересное, легкое, и изъ такихъ, которые, сверхъ того, или даже и самостоятельно, желали бы прочесть что-либо основательное. Первые составляютъ большинство подписчиковъ, это тѣ, о которыхъ вы до сихъ поръ

мало думали: съ волками жить—по волчьи выть. И разъ вы кладете на журналъ *такъ много* времени и труда, то почему бы не постараться, хотя бы и съ помощью Петербурга, извлечь изъ журнала болѣе значительные доходы? По моему, есть одно средство сдѣлать *Москвитянинъ* наиболѣе блестящимъ изъ всѣхъ другихъ журналовъ и тѣмъ привлечь побольше подписчиковъ. Когда вы, три года тому назадъ, осенью, извѣстили, что съ новаго года вы будете касаться иностранной литературы, то *Отечественныя Записки* ухватились за эту мысль, и съ тѣхъ поръ въ нихъ сталъ появляться отдѣлъ иностранной литературы. И теперь въ Петербургѣ на *Отечественныя Записки* смотрятъ съ уваженіемъ за то, что онѣ—единственный журналъ, въ которомъ можно прочесть что-нибудь объ иностранныхъ литературахъ. Но какъ плохо выбираются въ нихъ отрывочки, предлагаемые pêle-mêle читающей публикѣ! Со времени моего пребыванія въ Петербургѣ я пришелъ къ убѣжденію, что сравнительно ничтожные успѣхи просвѣщенія въ Россіи менѣе всего должны быть приписываемы Правительству: оно дѣлаетъ достаточно. Но въ массѣ тѣхъ, которые считаютъ себя призванными къ умственному труду, слишкомъ господствуетъ застой и недостатокъ истинной бодрости. По большей части это нужно приписать тому самомнѣнію, съ которымъ смотрятъ на Русскую Литературу. Ни одна литература, а конечно и Русская не менѣе другихъ, не можетъ обойтись безъ вліянія литературъ другихъ народовъ. Для Россіи оно оказывается лишь посредствомъ Французскихъ романовъ. А много ли такихъ людей, которые слѣдятъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, за иностранными литературами, и именно за ученою Нѣмецкою Литературою, т. е., которые въ себѣ самихъ переживаютъ духовное движеніе другихъ народовъ? Я уже часто размышлялъ о томъ, какъ бы этому застою и этому самообученію по органамъ Русской Литературы дать толчокъ къ высшему стремленію. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что нужно больше знакомить Русскую публику съ умственнымъ

движенiемъ Запада (включая сюда и Словенъ). И у меня уже давно родилась мысль завести со временемъ въ какомъ-нибудь журналѣ такой посредствующiй отдѣлъ. До сихъ поръ я не могъ сдѣлать ничего подобнаго для *Москвитянина*, за неимѣнiемъ подъ рукою новѣйшихъ журналовъ, ибо выписываемые Академiей попадаютъ ко мнѣ спустя девять или двѣнадцать мѣсяцевъ. Кромѣ того, чтобы заниматься такимъ дѣломъ до нѣкоторой степени регулярно, необходимо сдѣлать свою жизнь беззаботною и немного поспокойнѣе“.

Далѣе А. А. Куникъ говоритъ о существованiи въ Петербургѣ общества, выписывающаго изъ-за-границы Нѣмецкiе журналы черезъ каждыя двѣ недѣли, и что ему представляется возможность сдѣлаться предсѣдателемъ этого общества. „Если вы“, обращается А. А. Куникъ къ Погодину, „дадите теперь въ вашемъ *Москвитянинѣ* мѣсто особому отдѣлу, ежемѣсячно отъ трехъ до пяти листовъ, нѣчто въ родѣ *Современная Литература* и пр., ибо въ *Отечественныхъ Запискахъ* уже есть *Иностранная Литература*, я могъ бы сообщать вамъ на Русскомъ языкѣ обозрѣнiя, резюме всѣхъ литературъ Европы, на сколько онѣ заслуживаютъ вниманiя, особенно въ области литературъ Нѣмецкой, Французской, Англiйской, Итальянской, Сѣверныхъ и Словенскихъ. Порядокъ сообщенiй могъ бы быть распредѣленъ сообразно съ интересомъ и полнотой ихъ по наукамъ и отдѣламъ, напримѣръ такъ: *Искусства*: ихъ успѣхи; характеристика того или другого художника, разумѣется по иностраннымъ источникамъ. *Изящная литература:* сообщенiе о нѣкоторыхъ романахъ, повѣстяхъ и т. д. съ точки зрѣнiя ихъ эстетическаго значенiя и ихъ содержанiя, такъ, чтобы самый романъ былъ преподнесенъ читателямъ in nuce. *Науки*, какъ, наприм. Исторiя, Философiя (сколько позволитъ цензура), Этнографiя, Лингвистика, изслѣдованiя Востока, иногда — Естественныя науки. Исторiя въ ея различныхъ вѣтвяхъ: обозрѣнiя, критики. Сопоставленiе сужденiй различныхъ народовъ о главныхъ произведенiяхъ. Подчасъ извлеченiя, но только не въ смыслѣ

сухой науки. Такимъ образомъ, это не будетъ сухой библіографическій отчетъ. При каждомъ отдѣлѣ, посвященномъ извѣстной наукѣ—указатель заглавій книгъ сообразно съ тѣмъ, на сколько эти сочиненія имѣютъ цѣну сами по себѣ, но не тѣхъ, которые затрогиваютъ вопросы слишкомъ спеціальные или мѣстные. Что касаетси меня самого, то я буду воздерживаться отъ всякой полемики и вообще по возможности не стану примѣшивать своихъ личныхъ воззрѣній, ограничиваясь лишь ролью референта. Это только приблизительная программа. Вы знаете, что я могу составить что-нибудь порядочное и что я не знаю утомленія, хотя и встаю зимою и лѣтомъ въ 5 часовъ утра. Если вы будете согласны, то мы можемъ начать дѣло и въ этомъ мѣсяцѣ, чтобы уже въ этомъ году привлечь публику къ выгодѣ *Москвитянина*".

Но и предположеніе Погодина о переводѣ *Москвитянина* въ Петербургъ не исполнилось и судьбѣ не угодно было лишить Москву единственнаго органа для выраженія своихъ мыслей и чувствованій.

LVI.

Въ 1844 году, друзья И. В. Кирѣевскаго, зная, что по характеру его, срочная работа всего болѣе могла побуждать его къ дѣятельности, желали снова подвигнуть его на поприще журналистики. Первоначальные переговоры о передачѣ Погодинымъ *Москвитянина* шли въ отсутствіи Кирѣевскаго, который въ это время былъ въ деревнѣ и оттуда писалъ брату своему Петру Васильевичу (отъ 15 мая 1844 года): „Кто тебѣ сказалъ, что трудъ этотъ былъ бы для меня чрезмѣрно тяжелъ?—Напротивъ, я жажду такого труда, какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды.—И съ вашею помощью надѣюсь одолѣть его. Если же правда, что мое участіе могло бы расколыхать дѣятельность моихъ друзей, то это счастіе было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше

предложеніе. Но хочу только не ввести никого въ отвѣтственность и не прятаться какъ злоумышленникъ... Но поймите меня хорошенько; я согласенъ на ваши предложенія только въ случаѣ оффиціальнаго позволенія“, и притомъ „при жизни и здоровьѣ Жуковскаго, чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею. Кажется, требованія мои справедливы и нельзя быть сговорчивѣе. Впрочемъ, удастся ли это или нѣтъ, но скажу тебѣ, что я имѣлъ минуты настоящаго счастья, соображая все дружеское участіе въ этомъ дѣлѣ именно тѣхъ, кто такъ высоко у меня въ сердцѣ. Еслибы вы согласились на переговоры съ Строгановымъ, то это дѣло можно бы было поручить Грановскому, который конечно бы не отказалъ, и исполнилъ бы въ мѣру, ясно, благородно и удовлетворительно“.

Въ переговорахъ между Погодинымъ и Кирѣевскимъ приняли участіе Хомяковъ, С. Т. Аксаковъ, Шевыревъ, Свербѣевъ и П. В. Кирѣевскій. Извѣщая объ этомъ Самарина, Хомяковъ писалъ: „Погодинъ и Кирѣевскій торгуются о *Москвитянинѣ*; но нѣтъ почти надежды на успѣхъ. Съ одной стороны желаніе получить прибыль, хоть и умѣренную, но вѣрную; съ другой—робость и тайное желаніе найти предлогъ для бездѣйствія. Досадно“. Самому же Погодину Хомяковъ писалъ: „Посылаю тебѣ, вчера поздно вечеромъ полученную, записку отъ Кирѣевскаго. Прочти со вниманіемъ и положи рѣшеніемъ. Авось сойдетесь. Это было бы истинное счастіе для нашей бѣдной литературы. Кажется онъ согласенъ на твои предложенія и за дѣло хочетъ взяться не шутя“ [262]).

Наконецъ, между Погодинымъ и Кирѣевскимъ состоялось слѣдующее условіе:

1) М. П. Погодинъ передаетъ редакцію Москвитянина И. В. Кирѣевскому.

2) Оставаясь отвѣтственнымъ издателемъ журнала, разумѣется, Погодинъ остается безпрекословнымъ его цензоромъ, но единственно въ оффиціальномъ отношеніи. *Впрочемъ, при возможности, Погодинъ долженъ стараться о исходатайствованіи Кирѣевскому позволенія издавать журналъ подъ своимъ*

именемъ; *въ такомъ случаѣ цензура уже не будетъ принадлежать Погодину, а Кирѣевскій долженъ будетъ заплатить Погодину извѣстную сумму, напередъ опредѣленную, для пріобрѣтенія журнала въ свою совершенную собственность.*

3) Всѣ средства редакціи поступаютъ въ полное распоряженіе Кирѣевскаго, то-есть, всѣ безъ исключенія статьи, сообщенныя для помѣщенія въ *Москвитянинѣ*, вся его корреспонденція, всѣ журналы для него выписываемые.

4) Кирѣевскій имѣетъ право отказаться отъ редакціи по выходѣ четырехъ нумеровъ; если же не откажется, то обязанъ издавать журналъ цѣлый годъ.

5) Вся подписная сумма за 1845 годъ обращается на изданіе *Москвитянина*, а въ случаѣ остатка — въ пользу Кирѣевскаго.

6) По выходѣ четырехъ нумеровъ, всѣ деньги поступаютъ въ полное распоряженіе Кирѣевскаго.

7) За 1845 г. Погодинъ получаетъ *въ свою пользу только тѣхъ подписчиковъ, которые будутъ превышать число девятьсотъ.*

8) Если Кирѣевскій пожелаетъ остаться редакторомъ *Москвитянина* на 1846-й годъ, то вся выгода отъ изданія журнала дѣлится пополамъ между имъ и Погодинымъ. *Но сумма, нужная для изданія журнала, должна быть опредѣлена заблаговременно. По моему мнѣнію, сумма эта для покрытія издержекъ печатанія и платы сотрудникамъ, можетъ покрыться только девятьюстами подписчиковъ, не считая дареныхъ экземпляровъ. Если же число подписчиковъ будетъ превышать тысячу двѣсти то расходъ на журналъ долженъ будетъ еще увеличиться. Вообще, чѣмъ болѣе будутъ увеличиваться средства журнала, тѣмъ болѣе должно будетъ употреблять ихъ на его улучшеніе.*

9) Погодинъ принимаетъ на себя историческое отдѣленіе и критику сочиненій по этой части. Подъ этимъ условіемъ подписался: уполномоченный отъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, Сергѣй Аксаковъ.

Черновое условіе писано рукою С. Т. Аксакова, а напечатанныя курсивомъ вставки сдѣланы рукою И. В. Кирѣевскаго.

Этому переходу *Москвитянина* на первыхъ порахъ весьма сочувствовали не только Словенофилы, но и Западники. „Кирѣевскій взялъ *Москвитянинъ*“, писалъ Хомяковъ Самарину,— „важная новость! Если будетъ издавать, мы на васъ надѣемся и вы насъ, конечно, не посрамите“ [263]). Объ этой важной новости Хомяковъ извѣстилъ и Веневитинова. „*Москвитянинъ*“, писалъ онъ,—„не мѣняя имени издателя, переходитъ дѣйствительно на попеченіе Кирѣевскаго. Дѣло, кажется, улажено и скоро будутъ опыты новой редакціи. Славное было бы изданіе, если Кирѣевскій только окажется способнымъ къ труду, отъ котораго отвыкъ въ долгомъ покоѣ, и странная судьба, если бывшій *Европеецъ* воскреснетъ *Москвитяниномъ*. Не символъ ли это необходимаго пути, по которому должно пройти наше просвѣщеніе? И коренная перемѣна въ Кирѣевскомъ не представляетъ ли утѣшительнаго факта для нашихъ надеждъ. Съ нетерпѣніемъ жду первыхъ опытовъ, и разумѣется буду елико возможно принимать дѣятельное участіе въ изданіи. Кланяйся отъ меня Одоевскому, скажи ему, что я собираюсь къ нему писать и сверхъ того радуюсь движенію его мысли. Фаустъ у него сдѣлался словено-руссомъ. Это великій и утѣшительный фактъ. Если наше просвѣщеніе не освободится, то мы останемся все таки дармоѣдами чужихъ трудовъ, безполезными для человѣчества. Мнѣ весело, что у него душа доходитъ на чужбинѣ до тѣхъ выводовъ, которые здѣсь родятся изъ жизни Московско-Русской“ [264]).

Западники, въ лицѣ Герцена, выражали тоже удовольствіе переходу *Москвитянина* изъ рукъ Погодина и Шевырева въ руки Кирѣевскаго. „Для живого полемическаго журнала“, писалъ Герценъ,—„надобно непремѣнно имѣть чутье современности, надобно имѣть ту нѣжную щекотливость нервъ, которая тотчасъ раздражается всѣмъ, что раздражаетъ общество. Издатели *Москвитянина* вовсе лишены были этого ясновидѣ-

нія и какъ ни вертѣли они бѣднаго Нестора и бѣднаго Данта, они убѣдились, наконецъ, сами, что ни рубленой сѣчкой Погодинскихъ фразъ, ни поющей плавностью Шевыревскаго краснорѣчія, ничего не возьмешь въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ. Они подумали, подумали и рѣшились предложить главную редакцію И. В. Кирѣевскому. Выборъ Кирѣевскаго былъ необыкновенно удаченъ, не только со стороны ума и таланта, но и съ финансовой стороны. Я самъ ни съ кѣмъ въ мірѣ не желалъ бы такъ вести торговыхъ дѣлъ, какъ съ Кирѣевскимъ".

Кирѣевскій желалъ привлечь къ участію въ *Москвитянинѣ* и Московскихъ Западниковъ, Грановскаго и Герцена, которые въ то время еще не окончательно разорвали свои связи съ Словенофилами; но противъ этого привлеченія возсталъ Хомяковъ и поэтому поводу навлекъ на себя ѣдкое замѣчаніе Герцена, который, подъ 12 мая 1844 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Хомяковъ писалъ И. В. Кирѣевскому, предлагая *Москитянина* и стращая его, что ихъ противники хотятъ купить голосъ его, все это продолжалось въ то время, какъ Хомяковъ торжественно мирилъ и примирялъ. И. В. Кирѣевскій отклонилъ предложеніе и спрашиваетъ, кто эти противники, не Грановскій ли съ друзьями, что въ такомъ случаѣ онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи, нежели ко всѣмъ Словенофиламъ. Черта истинно Московско-Русская, это лукавство, прикрытое бонаміей. Истиннаго сближенія между ихъ возрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе, которое и есть между другими, напримѣръ, между нами и Кирѣевскими. Съ полной гуманностію, подвергаясь упрекамъ со стороны всѣхъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнить хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду—Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно Сло-

венскаго. Аксаковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше москвофиліи". Когда *Москвитянинъ* окончательно перешелъ въ руки И. В. Кирѣевскаго, онъ все-таки не оставлялъ мысли привлечь къ участію въ немъ Московскихъ Западниковъ. Вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Герцена, подъ 9 ноября 1844 года: „Толки и переговоры съ И. В. Кирѣевскимъ насчетъ участвованія нашего въ *Москвитянинѣ*. Я сначала сказалъ, что такъ какъ опредѣленная и весьма большая разница въ нашихъ убѣжденіяхъ очевидна, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать личныхъ симпатій, искренняго уваженія къ его лицу, то я полагаю лучше подождать книжку, другую журнала и потомъ посмотрѣть возможно ли намъ участвовать. Безпристрастіе есть своего рода неопредѣленность и апатія, личное уваженіе есть тоже личность вредная дѣлу. Сверхъ того И. В. Кирѣевскій не дошелъ до послѣдней точки москвизма, но вся его партія щеголяетъ дикими и исключитеьными антигуманными мыслями. Хомяковъ согласился со мною и присовокупилъ, что онъ не далъ бы статьи Грановскому. Я замѣтилъ ему, что приводя ту же консеквентность, Грановскій не взялъ бы и не помѣстилъ бы ее. Многосторонность симпатій nous éparpillent; надобно рѣзко и опредѣленно обозначить, въ чемъ наша мысль, и прямо высказать дѣломъ и словомъ невозможность общенія съ противоположнымъ мнѣніемъ" [265]).

Сдавъ *Москвитянинъ*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Къ Кирѣевскому, отъ коего ни слуху, ни духу. Что-то не спорится. Хотѣлъ было заѣхать къ Шевыреву, а онъ пріѣхалъ къ Кирѣевскому и привезъ стихотвореніе Жуковскаго. Маленькая досада и боль самолюбія, почему мнѣ въ четыре года, онъ не могъ собраться прислать ничего, а здѣсь и безъ просьбы. Разумѣется, Кирѣевскій ему родной, но для общаго дѣла, чтобъ показать участіе, могъ бы онъ прислать мнѣ хоть страницу. И Гоголь также показалъ величайшее усердіе, какого не ожидалъ я. Но Богъ съ ними" [266]). Дѣйствительно, Гоголь писалъ Языкову: „Я радъ, что *Москвитя-*

нинъ переходитъ въ руки къ И. В. Кирѣевскому. Это, вѣроятно, поддержитъ многихъ расписаться, а въ томъ числѣ и тебя. Чего добраго? Можетъ быть Москва захочетъ доказать, что она не баба". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Языкову, Гоголь писалъ: „Движеніе по части *Москвитянина* меня радуетъ, но сотрудниковъ слѣдуетъ подзадоривать и такъ сказать подпекать на дѣло. Это, какъ знаешь, народъ Русскій. Рвануться за работу—наше дѣло, а тамъ какъ разъ и съѣдешь на пшикъ. У насъ старье изъ литераторовъ мастера только приводить въ уныніе молодыхъ людей, а подстрекнуть на трудъ и дѣльную работу нѣтъ ума. Какъ до сихъ поръ такъ мало заботятся объ узнаніи природы человѣка, тогда какъ это есть главное начало всему! Профессора у насъ заняты своимъ собственнымъ краснобайствомъ, а чтобы образовать человѣка, объ этомъ вовсе не помышляютъ. Они не знаютъ, кому они говорятъ, а потому не мудрено, что не дошли до сихъ поръ до языка, которымъ слѣдуетъ бесѣдовать и говорить съ Русскимъ человѣкомъ. Не умѣя ни научить, ни наставить, они умѣютъ только разсердившись выбранить кого-нибудь и потомъ сами жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодыхъ несоотвѣтствующее потребностямъ направленіе, позабывъ, что если скверенъ приходъ, то въ этомъ попъ виноватъ, а не кто другой..." Шевыреву же Гоголь писалъ: „Кирѣевскому и всей братіи отдай поклонъ, поздравленіе съ новымъ годомъ и желаніе искреннее всякихъ успѣховъ журналу, и скажи ему, что хотя я не даю никакой статьи въ *Москвитянинъ*, по причинѣ нищенства, но что Жуковскій мною заставленъ сдѣлать для *Москвитянина* великое дѣло, котораго, безъ хвастовства, побудителемъ и подстрекателемъ былъ я. Онъ вотъ уже четыре дня бросилъ всѣ дѣла свои и занятія, которыхъ не прерывалъ никогда, работаетъ безъ устали и... *Москвитянинъ* получитъ капитальную вещь и славный подарокъ на новый годъ" [267]). Ничего не зная о совершившемся фактѣ передачи *Москвитянина*, Максимовичъ писалъ Погодину: „Я слышалъ, что ты передаешь *Москвитянинъ*: не передавай, братъ лю-

безный, кому-нибудь ненадежному. Чтобы Шевыреву и Кирѣевскому взять его на себя: другіе не такъ поведутъ и скоро прекратятъ, какъ *Наблюдатель*. Тутъ условіе, не прибыль какая, а польза общественная; и жалко если *Москвитянинъ* наслѣдуетъ кто, какъ спекуляцію денежную. За симъ — прощай! Богъ тебѣ да будетъ помощникомъ и утѣшителемъ!" [268]).

LVII.

Въ началѣ января 1844 года Ю. Ѳ. Самаринъ вернулся въ Москву изъ своего путешествія въ Заволжскія имѣнія отца своего. Герценъ послѣ свиданія съ нимъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 18 января 1844 года, слѣдующее: „Самаринъ возвратился; онъ съ ужасомъ начинаетъ разглядывать невозможность удержаться на ихъ тонѣ ортодоксно-философскомъ. Благородное устройство его головы не дозволяетъ ему остановиться на формальномъ, внѣшнемъ сосуществованіи или лучше на юкстапозиціи. Его поразилъ въ Казани лама, увѣренный, спокойный въ своей ортодоксіи. Но онъ грустенъ, процессъ совершается круто и я знаю по себѣ, какъ тяжело разставаться съ нѣкоторыми мечтами, хотя я въ нихъ и не такъ вжился какъ онъ" [269]). По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, „процессъ въ его братѣ дѣйствительно совершился круто"; но Герценъ, пишетъ онъ, „ошибся въ исходѣ его: онъ разрѣшился не въ ту сторону, въ какую предполагалъ Герценъ". Д. Ѳ. Самаринъ сожалѣетъ объ отсутствіи точныхъ указаній на то, „что происходило съ его братомъ по возвращеніи его въ Москву до диспута... Извѣстно только, что у Самарина были продолжительныя пренія съ Хомяковымъ, что они проводили въ спорахъ цѣлыя ночи"... Сближеніе съ Хомяковымъ, по замѣчанію Д. Ѳ. Самарина, „имѣло рѣшающее значеніе въ жизни Юрія Ѳедоровича. Онъ сознавалъ несостоятельность той точки зрѣнія, къ которой онъ пришелъ; она не только не

примирила его съ самимъ собою, напротивъ, тяготила его, противорѣча цѣльности его духовной природы. Ему необходимо было избрать одно изъ двухъ слагавшихся тогда направленій: либо признать логическое знаніе за единственный путь постиженія истины, философію Гегеля за высшее выраженіе этого знанія, а религію за моментъ въ развитіи духа, уже побѣжденный человѣчествомъ; либо ему предстояло признать, что однимъ путемъ логическимъ нельзя узнать истины, что она воплощается въ самой жизни, которая требуетъ другого пути постиженія. Самаринъ призналъ послѣднее направленіе, принялъ воззрѣніе Хомякова, остался ему вѣренъ до конца жизни своей и призналъ Хомякова своимъ учителемъ". Самъ Ю. Ѳ. Самаринъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ печатно. „Для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго, религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душею, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій, и *возвращалъ* имъ цѣльность религіознаго сознанія".

Съ этого времени, повѣствуетъ Д. Ѳ. Самаринъ, „измѣнились и взаимныя отношенія членовъ Словенофильскаго кружка. Раздвоеніе на двѣ партіи: Хомякова и Кирѣевскихъ— съ одной стороны, Аксакова и Самарина — съ другой, совершенно исчезло и все болѣе и болѣе утверждалось ихъ единомысліе и положеніе какъ главныхъ руководителей Словенофильскаго направленія" [270]).

Между тѣмъ наступило время диспута Ю. Ѳ. Самарина. Въ то время, когда диссертація его О *Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ* находилась въ Университетскомъ Совѣтѣ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Толковали о диссертаціи Самарина, въ которой Шевыревъ радъ бы найти разные промахи... Заѣхалъ къ Аксаковымъ, которые посадили тотчасъ за котлеты, а потомъ за обѣдъ. Константинъ самодержавствуетъ, и всѣ ему поклоняются. Онъ прочелъ мнѣ прекрасный отрывокъ изъ Кюстина". Первый печатный экземпляръ своей диссертаціи Ю. Ѳ. Самаринъ отвезъ Хомякову,

чтобы этимъ знакомъ вниманія и уваженія выразить тѣ отношенія, которыя установились между ними. Предъ своимъ диспутомъ Самаринъ писалъ князю Д. А. Оболенскому въ Казань: „Любезный другъ Митя! Я ужасно занятъ; въ субботу мнѣ назначенъ диспутъ, и я теперь готовлюсь идти на вольную страсть". И дѣйствительно, на канунѣ своего диспута Самаринъ получилъ слѣдующее письмо отъ профессора Д. Л. Крюкова: „Сейчасъ только, Юрій Өедоровичъ, узналъ я, что на васъ собирается завтра настоящій крестовый походъ со стороны многихъ здѣшнихъ протестантовъ, оскорбленныхъ будто бы ложнымъ и не на чемъ не основаннымъ изложеніемъ характера протестантской проповѣди. Клинъ только Vorkämpfer, правда всѣхъ болѣе раздраженный и считающій за heilige Pflicht публично уличить васъ въ преднамѣренномъ искаженіи протестантизма. Теперь еще вдвое болѣе жалѣю, что не буду на диспутѣ, ибо ожидаю импозантнаго, не бывалаго въ залѣ Университета зрѣлища" [271]).

Диспутъ происходилъ 3 іюня 1844 года въ большой залѣ новаго Университета; начался онъ въ 10 часовъ и продолжался три съ половиною часа... Впечатлѣніе, произведенное этимъ диспутомъ, и отчасти происходившія на немъ пренія описаны въ современныхъ письмахъ С. Т. Аксакова и П. Я. Чаадаева. „Диспутъ былъ очень хорошъ", писалъ Аксаковъ, — „особенно въ отношеніи къ Самарину. Никогда и никого не видѣлъ я на каѳедрѣ столь свободнымъ, благороднымъ и умѣреннымъ, но послѣдній эпитетъ не выражаетъ мысли; я хотѣлъ сказать, что всего у него было въ мѣру: и внутренней теплоты, и достоинства, и спокойствія, и скромности, и уклончивости, и смѣлости. Всѣ были имъ восхищены, особенно тѣ, которые ему возражали, изъ нихъ особенно Шевыревъ: онъ влюбленъ въ Самарина на каѳедрѣ. Послѣдній возражалъ ему гораздо слабѣе, нежели могъ. Впрочемъ, люди знающіе, и Константинъ въ томъ числѣ, говорятъ, что можно напасть на Самарина гораздо сильнѣе. Послѣ Шевырева возражалъ Меншиковъ, которому Самаринъ отвѣчалъ блистательно, и все-

таки не рѣзко и не дерзко. Затѣмъ Клинъ говорилъ на латинскомъ языкѣ и жестоко напалъ за рѣшительный приговоръ протестантизму, доказывая, что диспутантъ не читалъ проповѣдей протестантскихъ. Когда онъ кончилъ, Самаринъ спросилъ, на какомъ языкѣ угодно г. Клину слышать отвѣтъ, прибавя, что по Латыни онъ не привыкъ говорить свободно. Клинъ выбралъ Нѣмецкій. Вслѣдъ за симъ яростно напалъ Бодянскій, защищая Кіевское Духовенство и Малороссію. Самаринъ превосходно отвѣчалъ ему, сконфузилъ и сдѣлалъ смѣшнымъ. Во время спора Бодянскаго нѣсколько разъ врѣзывался Артемовъ тоже со злобою; словами: *нельзя Димитрія Ростовскаго мѣрить Гегелевымъ аршиномъ* возбудилъ онъ даже смѣхъ и шумъ одобренія. Послѣ чего онъ съ дерзостью сказалъ: *назвать въ диссертаціи Гегеля значитъ выкинуть флагъ!* Самаринъ мастерски возразилъ: я не отвѣчаю вамъ на это, и отвернулся. И. И. Давыдовъ поспѣшилъ начать: позвольте мнѣ обратить къ вамъ мое слово, и занесъ неописанную ахинею. Въ заключеніе онъ сказалъ: *я читалъ всѣ три части вашей диссертаціи и долженъ сказать, что въ ней мысли ложны, выраженія сухи, нѣтъ системы и единства, а потому мы, всего болѣе уважая самостоятельность, которая у васъ часто сопровождается рѣзкостью выраженій, надѣемся, что вы совершенно откажетесь отъ своихъ началъ, помня вашъ блистательный экзаменъ и выслушавъ ваше блистательное защищеніе, признаемъ васъ достойнѣйшимъ магистромъ*, — и вся эта галиматья была покрыта рукоплесканіями, отъ которыхъ скромный Давыдовъ скрылся въ толпѣ“.

Другое свидѣтельство о диспутѣ Самарина исходитъ отъ одного изъ видныхъ представителей западнаго направленія, П. Я. Чаадаева. „Въ отвѣтъ на твое письмо“, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, — „опишу тебѣ важное событіе, совершившееся у насъ въ литературномъ мірѣ... Тебѣ извѣстна диссертація Самарина. Мы, кажется, вмѣстѣ съ тобою ее слушали. На прошлой недѣлѣ онъ ее защищалъ всенародно. Народу было много, въ томъ числѣ, разумѣется, всѣ друзья

Самарина обоего пола. Не знаю, какъ тебѣ выразить то живое участіе, то нетерпѣливое ожиданіе, которыя наполняли всѣхъ присутствующихъ до начала диспута. Но вотъ молодой писатель взошелъ на каѳедру, всѣ взоры обратились на спокойное, почти торжественное его чело. Ты знаешь предметъ разсужденій. Подъ покровомъ двухъ именъ, Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, дѣло идетъ о томъ, возможна ли проповѣдь въ какой-либо иной церкви, кромѣ православной? По этому случаю, какъ тебѣ извѣстно, онъ разрушаетъ все западное Христіанство и на его обломкахъ воздвигаетъ свое собственное, преисполненное высокимъ чувствомъ народности, и въ которомъ чудно примиряются всѣ возможныя отклоненія отъ первоначальнаго ученія Христова... Не имѣя возможности защищать всѣ положенія своего разсужденія, Самаринъ въ короткихъ словахъ изложилъ его содержаніе и съ рѣдкимъ мужествомъ высказалъ предъ всѣми свой взглядъ на Христіанство—плодъ долговременнаго изученія Святыхъ Отцовъ и Исторіи Церкви—проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ и поражающій особенно своею новостью. Никогда, въ томъ я увѣренъ, со времени существованія на землѣ университетовъ, молодой человѣкъ, едва оставившій скамью университетскую, не разрѣшалъ такъ удачно такихъ великихъ вопросовъ, не произносилъ съ такою властью, такъ самодержавно, такъ безкорыстно приговоръ надъ всѣмъ тѣмъ, что создало ту науку, ту образованность, которыми взлелѣянъ, которыми дышетъ, которыхъ языкомъ онъ говоритъ. Я былъ тронутъ до слезъ этимъ прекраснымъ торжествомъ современнаго направленія въ нашемъ Отечествѣ, въ нашей боголюбивой, смиренной Москвѣ. Ни малѣйшаго замѣшательства, ни малѣйшаго стѣсненія не ощутилъ нашъ молодой ѳеологъ, рѣшая совершенно новымъ, неожиданнымъ образомъ высочайшую задачу изъ области разума и духа. И вотъ онъ кончилъ и спокойно ожидаетъ возраженій, весь осѣненный какою-то высокою довѣренностью къ своей силѣ. Шопотъ удивленія распространился по обширной залѣ; нѣкоторыя женскія головы тихо преклонились передъ

необыкновеннымъ человѣкомъ; друзья шептали: *чудно!* Рукоплесканія на силу воздержались. Сидѣвшій подлѣ меня одинъ изъ сообщниковъ этого торжества сказалъ мнѣ: Voilà ce qui s'appelle une exposition claire. Такъ какъ я не изъ числа тѣхъ, для которыхъ такъ ясно выразилась мысль оратора, то тебѣ ее не передамъ".

Если диспутъ Самарина, по выраженію Чаадаева, былъ *торжествомъ той партіи, къ которой* онъ принадлежалъ, „то очевидно", замѣчаетъ Д. Ѳ. Самаринъ, что „диспутъ" не могъ произвести на Герцена, при всемъ сочувствіи его къ личности диспутанта, отраднаго впечатлѣнія" [272]). Въ *Дневникѣ* его, подъ 4 іюня 1844 года, мы читаемъ: „Вчера Самаринъ защищалъ свою диссертацію. Непонятное сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этого человѣка съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ Словенизмомъ; въ немъ противорѣчіе это бросается особенно въ глаза потому, что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ. Онъ, правда, и самъ видитъ шаткость своей фантастической основы — но не отступаетъ отъ нея... Вообще диссертація и защита ея произвела какое-то грустное чувство. Во всемъ этомъ есть что-то ретроградное, негуманное, узкое, какъ и во всей партіи національной. Какъ съ ними не ладь въ нѣкоторыхъ вопросахъ — остается страшный оврагъ, дѣлящій и непереходимый. Въ нихъ бездна дѣтской суетливости, такъ вчера Хомяковъ восторгался фразами о Православіи, на которыя никто не смѣлъ возражать" [273]).

Шевыревъ же о диспутѣ Самарина напечаталъ слѣдующее: „Диспутъ г. Самарина прекрасно заключилъ нашъ академическій годъ. Ранній часъ (10 часовъ утра) не послужилъ препятствіемъ для многочисленной публики, которая наполняла большую залу новаго университетскаго зданія. Диссертація, бывшая предметомъ состязанія, написана на тему: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Передъ началомъ диспута магистрантъ кратко и сильно изло-

жилъ главную мысль всего своего сочиненія, котораго отрывокъ являлся теперь на публичный судъ. Диспутъ продолжался три часа съ половиною. Довольно было времени диспутанту, чтобы обнаружить его ловкій, діалектическій умъ, соединенный съ блестящимъ даромъ слова. Онъ не утомился до конца, а только возрасталъ силами. Относительно способа защищенія скажемъ, что онъ, кажется, уловилъ счастливую средину между двумя товарищами (Поповымъ и Кавелинымъ), которые ему предшествовали въ юридическомъ факультетѣ: внимательный къ возраженіямъ, онъ не былъ слишкомъ уступчивъ и нигдѣ, однако, не нарушилъ первой обязанности въ молодомъ ученомъ—быть только добросовѣстнымъ изыскателемъ разумной истины" [274]). По поводу этихъ строкъ Шевырева Погодинъ съ одра болѣзни писалъ Московскому цензору В. П. Флерову: „Въ статьѣ Шевырева о диспутѣ Самарина, исключивъ окончаніе періода, вы сдѣлали, что изъ умѣренной хвалы вышло жестокое ругательство. Авторъ, разумѣется, не поблагодарилъ бы васъ за это. Я же увидѣлъ и уничтожилъ двѣ строки, чтобы не вышло несправедливаго ругательства, и, слѣдовательно, самыхъ непріятныхъ отношеній между близкими людьми. И чѣмъ же вы поблагодарите меня за то. Я васъ всегда любилъ и уважалъ, милостивый государь Василій Павловичъ, всегда вамъ былъ благодаренъ за ваше безостановочное чтеніе, но будьте сами судьею, не долженъ ли я подчасъ выйти изъ терпѣнія, видя ваши исключенія? Я самъ себѣ цензоръ, строже всѣхъ цензоровъ на свѣтѣ, ибо дорожу своимъ именемъ, честью, службою, а вы иногда трактуете меня, какъ мальчика. Повторяю, безъ моей помощи вы никакъ не убережетесь, и вы напрасно побуждаете меня перемѣнять наши пріятельскія отношенія" [275]). Погодинъ зналъ, что Самаринъ не долюбливалъ Шевырева, а потому и обратилъ вниманіе на эти цензорскіе урѣзки. Въ письмѣ къ К. С. Аксакову Самаринъ писалъ: „Какъ мнѣ жаль, что я не поѣхалъ къ Мельгунову; а я все ждалъ отъ тебя письма. Не поѣхалъ же я одинъ потому, что боялся встрѣтиться съ Ше-

выревымъ, который съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по милости твоей, возъимѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе, сталъ для меня еще вдвое страшнѣе".

Вотъ что о своемъ диспутѣ писалъ самъ Самаринъ въ Казань князю Д. А. Оболенскому: „Когда деканъ произнесъ поздравительную рѣчь, раздались рукоплесканія и я сошелъ съ каѳедры,—не могу сказать тебѣ, какъ болѣзненно сжалось мое сердце. Мнѣ стало невыносимо грустно, при мысли, что теперь разорвана послѣдняя нить, связывавшая меня съ Университетомъ, съ прежними занятіями, съ тѣснымъ кругомъ близкихъ ко мнѣ людей" [276]).

LVIII.

Исполняя волю отца своего, Ю. Ѳ. Самаринъ послѣ своего диспута, въ началѣ августа 1844 года, отправился въ Петербургъ на службу. Личное же его намѣреніе было избрать себѣ ученое поприще. По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, „завѣтною мыслью" его брата Юрія Ѳедоровича „было, поступить профессоромъ въ Университетъ и посвятить себя ученымъ занятіямъ, къ которымъ онъ чувствовалъ особое призваніе. Съ этою мыслью Самаринъ долго не могъ разстаться; но ей не суждено было осуществиться. По желанію отца своего, онъ, 7 августа 1844 года, отправился на службу въ Петербургъ—городъ для него совершенно новый, даже почти чуждый, хотя онъ въ немъ родился и провелъ дѣтство" [277]). „Вступленіе на службу, которое мнѣ предстоитъ", писалъ Самаринъ князю Д. А. Оболенскому,—„есть просто актъ покорности и подчиненія необходимости. Оно противорѣчитъ и убѣжденію моему, и сочувствіямъ, и цѣлямъ; оно не согласно и съ призваніемъ моимъ, ни съ способностями моими. Сильное желаніе влечетъ меня въ другую сторону, и мнѣ страшно подумать, въ какое я бросаюсь противорѣчіе, какую предпринимаю борьбу, рѣшительно безплодную для меня. При одной мысли объ этомъ

во мнѣ разыгрывается желчь, досада, которую еще болѣе питаютъ совѣты, наставленія и надежды другихъ. Ненавижу глубоко этотъ городъ, этотъ бытъ, эту дѣятельность, этихъ людей" [278]).

Передъ выѣздомъ Самарина въ Петербургъ, страждущій Погодинъ напутствовалъ своего ученика совѣтомъ *посвятить себя Русской Исторіи.* Этотъ совѣтъ Самаринъ принялъ съ открытымъ сердцемъ. „Я принимаю его отъ васъ съ радостью", писалъ онъ Погодину,—„и благодарностью, тѣмъ болѣе, что съ нимъ вполнѣ совпадаютъ мое желаніе и мои наклонности. Я не могу сказать вамъ, какъ мнѣ дорогъ этотъ напутственный вашъ совѣтъ, именно какъ идущій отъ васъ. За все прежнее, настоящее и будущее ваше участіе ко мнѣ отъ всей души благодаритъ васъ Ю. Самаринъ" [279]).

27 октября 1844 года Самаринъ былъ причисленъ къ Департаменту Министерства Юстиціи „впредь до открытія въ томъ Департаментѣ приличной званію его штатной вакансіи".

Петербургское общество, даже литературное не удовлетворяло его: „Былъ я", писалъ Самаринъ Аксакову,—„на двухъ такъ называемыхъ литературныхъ вечерахъ у Даля. Нѣтъ, это не то! Нѣтъ той свободы, той веселости, той теплоты. Съѣзжаются люди чиновные, не глупые, но убитые службою, изнуренные мертвящимъ трудомъ и физически неспособные вырваться изъ душнаго круга мелкихъ заботъ и мелкихъ занятій. Они отдыхаютъ молча за чашкою чая или же разсказываютъ анекдоты, или, наконецъ, толкуютъ объ оперѣ". Въ это общество Самаринъ вступилъ какъ представитель Словенофильскаго направленія. „Чувствуешь", писалъ онъ Аксакову, — „что здѣшній мыслящій человѣкъ получилъ другое воспитаніе, что его интересуетъ другое, что, наконецъ, вся жизнь его, мысль, сочувствія, дѣятельность направлены не въ ту сторону, въ которую смотримъ мы. Охота спорить пропадаетъ, молчишь и съ внутреннею досадою пропускаешь мимо ушей оскорбительные, полные надменнаго пренебреженія отзывы о нашей старинѣ, о нашей Вѣрѣ, о Русскомъ народѣ вообще".

Самъ же Самаринъ въ это время все болѣе и болѣе укрѣплялся и утверждался въ томъ направленіи, къ которому онъ окончательно примкнулъ весною 1844 года, послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ Хомяковымъ. Не смотря на это, Самаринъ любилъ въ Петербургѣ отводить душу въ средѣ Московскихъ западниковъ, частію поселившихся въ Петербургѣ, частію пріѣзжавшихъ туда на короткое время. Онъ бывалъ у Кетчера, гдѣ встрѣчалъ Бѣлинскаго и М. С. Щепкина. „На дняхъ мнѣ стало ужасно тяжело и грустно по Москвѣ“, писалъ Самаринъ Аксакову 10 сентября 1844 года,—„и я отправился къ Кетчеру и засталъ у него Бѣлинскаго и Щепкина, который сообщилъ мнѣ извѣстіе о Герценѣ и Грановскомъ“. Въ письмѣ отъ 2 октября Самаринъ писалъ: „Это письмо вручитъ тебѣ Щепкинъ. Мнѣ было несказанно пріятно встрѣтить его на чужбинѣ. Я славно побесѣдовалъ съ нимъ и съ Кетчеромъ“. Но Западникамъ, повидимому, не былъ извѣстенъ внутренній поворотъ, совершившійся въ Самаринѣ, и они не теряли еще надежды склонить его на свою сторону [280]). Въ *Дневникѣ* Герцена мы читаемъ: „Писалъ къ Самарину. Не могъ, да и не хотѣлъ удержаться, чтобъ не написать ему вполнѣ мое мнѣніе о Словенахъ, объ этой пустотѣ, болтовнѣ, узкомъ взглядѣ, стоячести и проч. Ему изъ Петербурга по воспоминанію, издали, долго не отдѣлаться отъ нихъ, я не полагаю, чтобъ мое письмо на него подѣйствовало, но пусть же онъ услышитъ и другую сторону. Онъ одинъ изъ нихъ можетъ, кажется, еще спастись“. Но Самаринъ, по свидѣтельству его брата Дмитрія Ѳедоровича, „не оставилъ Герцена въ недоумѣніи на свой счетъ и, повидимому, весьма опредѣленно высказалъ ему, что всѣ надежды привлечь его на сторону западниковъ тщетны... Самое письмо Самарина не сохранилось; но въ *Дневникѣ* Герцена подъ 26 февраля 1845 года мы читаемъ: „На дняхъ получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный, какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ

мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, въ квіэтизмѣ, толкуетъ о связи съ преданіемъ. Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня написалъ ему отвѣтъ, въ немъ я сказалъ ему: Encore une étoile qui file et disparait! Прощайте, идите иной дорогой; какъ попутчики мы не встрѣтимся, это навѣрное. Да какъ ему не стыдно принадлежать къ такимъ запакощеннымъ Словенофиламъ!“ Въ отвѣтѣ же своемъ Самарину Герценъ, между прочимъ, писалъ: „Возражать вамъ не стану, потому что это лишнее, одинъ Хомяковъ споритъ для спору, для него жизненнѣйшіе вопросы только предметы для разговора—для меня не такъ... Мнѣ жаль и больно, что именно вы пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ Словенофилахъ, исключая, можетъ, быть П. В. Кирѣевскаго. Отдѣленіе такого человѣка, какъ вы, больно, потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. Вы вызываете меня на борьбу—это-то и дурно, что вы хотите бороться съ другимъ мнѣніемъ, а не другимъ фактомъ... Итакъ, не ждите отъ меня возраженій; что̀ я могу вамъ сказать? Повторить коротко все то, что̀ высказано и поэтами, и мыслителями, и историками нашего времени, поднять вопросъ о чиноположеніи и чиноснятіи, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго—вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну, что жъ я прибавлю? Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противоположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ къ другу. Дайте вашу руку—мы можемъ узнать общечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, а потому не отвернемтесь другъ отъ друга“ [281]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что какъ западники старались привлечь на свою сторону Самарина, такъ же точно Словенофилы, старались привлечь къ себѣ Грановскаго. „Я собираюсь нынче“, писалъ Самаринъ Аксакову, „послѣ обѣда къ Грановскому часовъ въ 5 и пробуду до 8; оттуда поѣду къ Пако. Хорошо будетъ, если ты тоже къ Грановскому поѣдешь.

Нападемъ на него вдвоемъ, врасплохъ, этотъ человѣкъ видимо колеблется".

Но попытки какъ той, такъ и другой стороны не увѣнчались успѣхомъ.

Кромѣ Московскихъ западниковъ, Самаринъ въ Петербургѣ имѣлъ общеніе и находилъ въ немъ отраду съ людьми, напоминавшими свѣтлую сторону Московскую. „Мнѣ весело", писалъ ему Хомяковъ, — „что вы сошлись съ Веневитиновымъ и княземъ Вяземскимъ; весело не столько за васъ, сколько за нихъ. Это хорошія и чистыя души, требующія поддержки" [282]). Веневитинову же Хомяковъ писалъ: „Я получилъ недавно о тебѣ извѣстіе отъ нашего Московскаго выходца Самарина, что ты живъ и здоровъ, что ты Москву любишь по прежнему и Москвичамъ радъ. Кажется, не осрамились мы высылкою къ вамъ этого образчика Московской молодежи, и вы должны признаться, что старушка Москва не оскудѣла дѣтьми достойными ея. Мнѣ не нужно тебя просить о дружбѣ къ Самарину: онъ самъ за себя проситель, а ты уже его оцѣнилъ. Я о другомъ прошу. Мы съ тобою уже въ родѣ старичковъ и должны быть охраною для младшихъ; Петербургъ имѣетъ свои соблазны (въ смыслѣ séduction, а не skandale, какъ нѣкоторыя постановленія Перовскаго), общество и подавно. Поддержи въ Самаринѣ его Московскіе, то-есть, общечеловѣческіе интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ характеромъ Московскимъ, въ которомъ бы вамъ, то-есть, людямъ не испортившимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно и привольно. Такой кружокъ возстановилъ бы многихъ, утратившихъ отчасти свою лучшую натуру и, я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это по настоящему твое бы было дѣло по той простой причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ Петербургѣ, а Москва, то-есть, Русь не имѣетъ. Къ несчастію, мы

бы вамъ часто подсылали нôвыхъ сотрудниковъ, потому что каждый день увлекаетъ отъ насъ кого-нибудь изъ лучшихъ притянутыхъ Невскимъ водоворотомъ. Вотъ, напримѣръ, и теперь, мы, кажется, потеряемъ вскорѣ славнаго человѣка, славную голову, мыслящую и трудолюбивую, А. Н. Попова“ [283]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Хомяковъ писалъ Самарину: „Глинко-Коптевская фаланга меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила, уходя, хозяйкѣ: mais il n'a rien dit de si horrible. Она воображала меня апокалипсическимъ дракономъ, разѣвающимъ пасть только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастіе на репутацію домашнюю; за то за границею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ, напримѣръ: *жалкій и наводящій тошноту*, чтô вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ словъ... Окончательная насмѣшка судьбы надо мною: И. И. Давыдовъ и Терновскій, прочитавъ *Царя Ѳеодора Ивановича* въ *Библіотекѣ для воспитанія*, объявили, что они мнѣ сочувствуютъ“ [284]).

Въ Петербургѣ Самаринъ сблизился съ замѣчательною женщиною—это съ Александрой Осиповной Смирновой. Черезъ нея ему хотѣлось войти въ болѣе близкія сношенія съ Гоголемъ. Но эта попытка Самарина, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, была неудачна. На письмо его Гоголь отвѣчалъ не ему, а Смирновой: „Мнѣ чѣмъ дальше“, писалъ онъ,—„тѣмъ больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже нѣкогда..... а вы мнѣ еще Самарина приплетаете. Безъ васъ онъ, вѣрно бы, не написалъ мнѣ письмо. Въ письмѣ ничего, а отвѣчать и благодарить, вслѣдствіе какого-то глупаго приличія, слѣдуетъ. Другъ и душа моя, вы много заботитесь о томъ, чѣмъ слѣдуетъ менѣе заботиться. Самаринъ человѣкъ умный. Ему нужны, покамѣстъ, трудъ, работа и совершенное отсутствіе празднаго времени. Онъ себѣ пойдетъ слѣдуемымъ ему путемъ, на который натолкнутъ его его же собственныя способности и силы... Намъ слѣдуетъ пока глядѣть на тѣхъ, которымъ нужнѣй наша помощь..

Самаринъ, между прочимъ, пишетъ, что *я сдѣлалъ ему даже добро, не вѣдая того самъ.* Это не такъ, я вѣдаю вообще сноровку молодыхъ людей и знаю, какъ это дѣлается. Они сначала вообразятъ себѣ, что такой-то человѣкъ, который, напримѣръ, подобно мнѣ, прихвастнулъ нѣсколько Донкишотской замашкой благородства духа въ печатной книгѣ, есть уже что-то въ родѣ всеобщаго благодѣтеля, а потомъ вообразятъ себѣ, что они облагодѣтельствованы этимъ всеобщимъ благодѣтелемъ. А на повѣрку все это существуетъ просто, въ воображеніи, иногда въ собственномъ великодушномъ порывѣ, словомъ—въ *мысли, а не на дѣлѣ*: Самарину вы дайте знать вотъ что. Если онъ точно чего-нибудь ищетъ отъ меня и думаетъ, что я могу быть ему чѣмъ-нибудь полезнымъ, то ему слѣдуетъ рѣшиться на то, на что свѣтскій человѣкъ обыкновенно не рѣшится: писать ко мнѣ письма и не ждать на нихъ отвѣтовъ. Въ письмахъ долженъ быть почти дневникъ мыслей, чувствъ, ощущеній, живое понятіе о всѣхъ людяхъ, съ которыми ему случится встрѣтиться, мнѣнія о нихъ свои и мнѣнія другихъ о нихъ... Словомъ, чтобы я *слышалъ самую жизнь*.., а потому, если онъ будетъ имѣть терпѣніе писать ко мнѣ такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго года, не ожидая отвѣта ни на одно изъ писемъ, то по окончаніи года я, можетъ быть, напишу ему для него точно полезное письмо... А иначе всякая переписка будетъ стрѣльба холостыми зарядами, произойдутъ куриныя дѣла и куриныя умствованія" [285]).

Въ то время, когда Ю. Ѳ. Самаринъ блистательно выдержалъ диспутъ и собирался переселиться въ Петербургъ, другъ его К. С. Аксаковъ уединился въ село Абрамцово и оттуда (1 іюля 1844 г.) писалъ Погодину: „Давно, давно не видалъ васъ и не знаю еще, когда увижу. Я въ деревнѣ; занимаюсь и, какъ Донъ-Педро, не брѣю бороды до тѣхъ поръ, пока диссертація не будетъ окончена. Что ваше здоровье? Посылаю вамъ Кеппена и Копитара. Очень благодаренъ вамъ за нихъ. Я уже ими воспользовался и сдѣлалъ уже выписки. Теперь

обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: древнѣйшіе памятники письменности Словенской, кромѣ нашей земли, Судъ Любуши, Евангеліе Іоанна, Фрейзингенскія рукописи. Какіе же другіе? Признаюсь, я не знаю, есть ли еще столько же древніе памятники письменности въ Европѣ (конечно, мы – не Европа, намъ тѣсно это опредѣленіе) IX, X или даже XI вѣка? Справиться о томъ и не по чемъ, и такъ я прошу васъ разрѣшить мнѣ этотъ вопросъ. Кажется мнѣ, что я правъ" [286]).

LIX.

Къ числу тружениковъ младшаго (втораго) поколѣнія Словенофиловъ принадлежалъ, къ прискорбію рано похищенный смертію, Дмитрій Александровичъ Валуевъ. Мы уже не разъ упоминали это почтенное имя, а теперь, въ виду издаваемаго имъ *Синбирскаго Сборника*, познакомимся съ нимъ короче.

Племянникъ по матери Н. М. Языкова и Хомякова, женатаго на сестрѣ Языкова, Дмитрій Александровичъ Валуевъ родился въ Симбирской губерніи 14 сентября 1820 года. Лишившись въ младенчествѣ своемъ матери, онъ до одиннатцатилѣтняго возраста воспитывался въ домѣ отца своего. Въ 1832 году отецъ привезъ его въ Москву и помѣстилъ въ Пансіонѣ М. Г. Павлова. Валуевъ привезъ съ собою изъ деревни сундучекъ, наполненный книгами. Этотъ сундучекъ „было его единственное сокровище, единственное утѣшеніе въ одиночествѣ; ибо долго чувствовалъ онъ себя одинокимъ въ кругу своихъ товарищей". Около трехъ лѣтъ пробылъ Валуевъ въ Пансіонѣ Павлова и въ 1835 году, по желанію родныхъ своихъ, перешелъ онъ въ домъ С. П. Шевырева, и подъ его руководствомъ готовился ко вступленію въ Университетъ, на первое отдѣленіе Философскаго Факультета, что нынѣ Историко-Филологическій. Живя у Шевырева, Валуевъ занимался преимущественно изученіемъ языковъ древнихъ...

Поступивъ въ Университетъ и прослушавъ въ немъ первый академическій годъ лекціи, Валуевъ былъ принужденъ домашними обстоятельствами прервать университетскія занятія и отправиться въ Синбирскъ. Возвратившись въ Москву, онъ поселился въ домѣ А. П. Елагиной у Красныхъ Воротъ. Въ этомъ почтенномъ домѣ онъ сдѣлался какъ бы членомъ семейства и въ немъ провелъ послѣдніе три года своего университетскаго курса. Еще будучи студентомъ, Валуевъ изучалъ Гомера, Виргилія, Нибура, Канта, Бакона и Русскія Лѣтописи. По замѣчанію біографа Валуева, въ кругу, (то-есть, Кирѣевскихъ и Елагиныхъ), въ которомъ онъ жилъ, „было много блестящихъ дарованій, и они всѣ были достойно цѣнимы. Въ этой постоянной взаимной оцѣнкѣ они находили для себя полную самоудовлетворенность, и она, можетъ быть, приносила имъ временный, частный вредъ. Но Валуевъ—любимый всѣми, но не превозносимый черезъ мѣру, уступавшій другимъ въ дарованіяхъ, находилъ въ этомъ кругу одно постоянное соревнованіе и побужденіе къ неослабному труду. Видя вокругъ себя людей съ самыми блестящими способностями, съ самыми благими намѣреніями, но часто не дѣйствующихъ, онъ понялъ, чѣмъ они могли быть для него и онъ для нихъ“.

Въ 1841 году Валуевъ кончилъ курсъ въ Университетѣ хотя и кандидатомъ, и далеко не первымъ; но профессоръ Д. Л. Крюковъ ожидалъ отъ него „гораздо болѣе, нежели отъ всѣхъ его товарищей, несравненно блистательнѣе кончившихъ свой экзаменъ“.

Съ 1842 года Валуевъ вступилъ на поприще Литературы. По свидѣтельству его біографа „задачей своей жизни онъ положилъ способствовать проявленію талантовъ видимыхъ, но бездѣйствующихъ въ людяхъ, которые его окружали, перелить имъ свою любовь къ труду, заимствуя отъ нихъ и знаніе, и ясность, и опредѣленность убѣжденій. Этой цѣли онъ *началъ жертвовать своимъ имуществомъ, самимъ собою*“.

По выходѣ изъ Университета, Валуевъ предался собиранію

и обнародованію не тронутыхъ дотолѣ источниковъ Русской Исторіи [287]). Плодомъ этихъ занятій его былъ *Синбирскій Сборникъ*, въ которомъ заключаются драгоцѣнные матеріалы для исторіи и внутренняго быта Древней Россіи. Въ предисловіи къ этому *Сборнику*, подписанномъ Языковыми, Хомяковымъ и Валуевымъ, мы читаемъ: „Въ 1837 году гостилъ въ Синбирскѣ одинъ изъ ревностнѣйшихъ любителей Русской старины. Убѣдившись изъ опыта, что между старинными бумагами, хранящимися подъ именемъ крѣпостей у потомственныхъ Русскихъ дворянъ, часто находятся драгоцѣнные памятники нашей исторической и юридической старины, онъ предложилъ намъ заняться пересмотромъ и разборомъ столбцевъ и рукописей, принадлежащихъ дворянамъ Синбирской губерніи. Желая повѣрить эту мысль на самомъ дѣлѣ, мы сообщили ее нѣкоторымъ нашимъ знакомымъ; они приняли ее съ живѣйшимъ участіемъ и полнымъ одобреніемъ: Александръ Ивановичъ Ермоловъ, Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, Левъ Васильевичъ Киндяковъ, Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, Петръ Михайловичъ Мачимерьяновъ, Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ, Аѳиногенъ Александровичъ и Александръ Николаевичъ Татариновы, Григорій Михайловичъ Толстой и князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, охотно передали намъ собранія своихъ рукописей. При самомъ уже поверхностномъ пересмотрѣ оныхъ мы убѣдились, что мысль, поданная намъ ученымъ посѣтителемъ нашимъ, дѣйствительно открываетъ богатые запасы нашей исторической и юридической старины: а потому и рѣшились мы собрать и напечатать подъ названіемъ *Синбирскаго Сборника* всѣ примѣчательные акты, которые отысканы будутъ нами въ Синбирской и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Такое изданіе казалось намъ двояко полезнымъ: оно могло доставить занимающимся Отечественною Исторіею любопытные и совершенно неизвѣстные акты, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить отъ конечнаго уничтоженія эти памятники древней нашей письменности. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы пріобрѣли многія примѣчательныя рукописи.

Въ то же время намъ передали свои бумаги: Алексѣй Васильевичъ Бестужевъ, Олимпіада Петровна Рушко, урожденная Пятина, Петръ Евграфовичъ Кикинъ, Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, Василій Алексѣевичъ Пановъ и Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ, знаменитый собиратель заграничныхъ памятниковъ нашей Исторіи, доставилъ намъ многіе любопытные акты изъ своего собранія. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, по родству своему, не чуждый Синбирской губерніи, сообщилъ намъ также нѣсколько примѣчательныхъ рукописей. Желаніе наше приступить къ изданію *Синбирскаго Сборника* сообщили мы въ прошедшемъ году Александру Дмитріевичу Черткову, Михайлѣ Петровичу Погодину и князю Михайлѣ Андреевичу Оболенскому. Одобряя вполнѣ предпріятіе наше, они предложили намъ свое просвѣщенное содѣйствіе. Александръ Дмитріевичъ Чертковъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ позволили намъ пользоваться, при изданіи нашихъ актовъ, тѣми варіантами, которые окажутся въ ихъ богатыхъ собраніяхъ древнихъ рукописей; а князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій сдѣлалъ намъ доступными для справокъ богатства нашей старины, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ". Издатели свой *Сборникъ* съ благоговѣніемъ посвятили незабвенной памяти Россійскаго Исторіографа, Синбирскаго уроженца, Николая Михайловича Карамзина.

Сборникъ начинается Разрядною Книгою отъ 1559 до 1604 года. Къ этой Книгѣ Валуевъ написалъ обширное введеніе, въ которомъ представлена полная картина Мѣстничества чрезъ всѣ періоды его развитія.

Само собою разумѣется, что эти занятія самымъ тѣснымъ образомъ сблизили Валуева съ Погодинымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ сохранившихся его записочекъ къ своему бывшему профессору. Статью свою о Мѣстничествѣ Валуевъ не рѣшался печатать безъ такъ-сказать благословенія Погодина. „Препровождаю вамъ", писалъ Валуевъ, — „первую половину моего труда надъ *Мѣстничествомъ*, который составляетъ про-

долженіе предисловія къ *Синбирскому Сборнику*. Такъ какъ вы и прежде никогда не отказывали мнѣ въ вашемъ совѣтѣ и вниманіи, то надѣюсь, что и теперь не откажете мнѣ въ немъ; и тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ вы — единственный судья (сколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно) на всемъ пространствѣ Русскаго Царства, передъ которымъ можно положить свои документы и свидѣтельства. Я къ вамъ самъ не отвезъ, потому что принужденъ быть очень бережливъ на свои выѣзды, по приказаніямъ Иноземцева и др., и потому прошу васъ назначить мнѣ, когда бы я могъ на досугѣ принять отъ васъ ваши совѣтъ и замѣчанія. И еслибы можно просилъ васъ назначить мнѣ поскорѣе, потому что *дядюшки* мои меня крайне торопятъ и бранятъ, зачѣмъ взялся за это дѣло, и я долженъ спѣшить окончаніемъ *Сборника*".

Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ *Синбирскаго Сборника* Валуевъ писалъ Погодину: „Дней черезъ пять я буду у васъ, если позволите прочесть вамъ предисловіе къ *Синбирскому Сборнику* о Мѣстничествѣ, чтобы вы намъ сказали: *не наврано ли* чего-нибудь. Трудъ же оный людей все неопытныхъ и въ первый разъ выступающихъ на сцену — благословите!" [288]).

Одинъ изъ близкихъ Валуеву лицъ сохранилъ для насъ описаніе образа его жизни въ Москвѣ. „Войдемъ въ его комнаты", пишетъ онъ, — „прослѣдимъ за его днемъ. Едва раскрывалъ онъ глаза, какъ уже начиналъ распредѣлять свои занятія. Всѣ столы во всѣхъ трехъ или четырехъ его комнатахъ постепенно занимались людьми, которые ему помогали въ черной работѣ по его изданіямъ. Кто принимался за переписываніе, кто за выписки, за сличеніе копій какихъ-нибудь столбцовъ съ подлинниками; другіе переводили что-нибудь подъ его надзоромъ. Между тѣмъ писецъ ожидалъ уже его диктовки... Потомъ являлись корректоры изъ типографіи, приходили наборщики, переплетчики, граверы, бумагопродавцы, книгопродавцы, и пр. Приходили и друзья, и сотрудники и не разъ встрѣчали у него какого-нибудь старца съ бородою, пришедшаго къ нему для духовной бесѣды. Наконецъ онъ уединялся

въ своей комнатѣ и сосредоточивался надъ какою-нибудь собственною оригинальною работою... Около трехъ часовъ онъ распускалъ своихъ домашнихъ сотрудниковъ и отправлялся куда-нибудь обѣдать. Иногда еще до обѣда заѣзжалъ къ разнымъ лицамъ, опаздывалъ иногда къ обѣду и забывалъ о немъ. Время обѣда было единственное, которое онъ опредѣлялъ на посѣщеніе самыхъ близкихъ ему семействъ. Тутъ онъ часто игралъ съ дѣтьми, которымъ былъ и другъ, и наставникъ... Въ остальное время дня онъ старался свидѣться со всѣми, кто въ это время былъ занятъ съ нимъ какимъ-нибудь общимъ дѣломъ, или кого онъ только надѣялся побудить къ такому занятію, или у кого нужно было испросить совѣта... Заѣзжалъ въ типографію, къ цензору. Если это было лѣтомъ онъ соединялъ всѣ эти посѣщенія съ прогулками, которыя обыкновенно дѣлалъ верхомъ. Одинъ ему близкій человѣкъ обыкновенно называлъ его часовщикомъ, который всякій день объѣзжаетъ всѣ дома, гдѣ находятся заводимые имъ часы. Ежедневно одинъ часъ вечера любилъ онъ наблюдать за ходомъ ученаго труда, однимъ изъ близкихъ ему людей по его побужденію предпринятаго. Остальное время онъ проводилъ частью въ чтеніи, частью въ бесѣдѣ".

Главнымъ несчастіемъ Валуева было его слабое здоровье. Осенью 1842 года онъ занемогъ, а въ іюлѣ 1843 родные отправили его за границу для поправленія здоровья. Въ полгода онъ объѣхалъ большую половину Европы. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ онъ рылся въ библіотекахъ, собиралъ матеріалы для своихъ сочиненій объ Ирландской церкви, объ Абиссиніи; изъ Праги вывезъ много рѣдкихъ книгъ и замѣчательныхъ рукописей; въ Англіи вошелъ въ сношенія съ людьми, сочувствовавшими соединенію Церквей. Въ чужихъ краяхъ онъ нигдѣ не могъ оставаться долго: его повсюду сопровождала тоска неодолимая по родинѣ, и въ январѣ 1844 онъ вернулся въ Москву [289]). Въ Петербургѣ Валуевъ познакомился и сблизился съ семействомъ Веневитиновыхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующія письмо Хомякова къ А. В. Вене-

витинову: „На дняхъ возвратился изъ чужихъ краевъ племянникъ мой Валуевъ. Я тебѣ очень и очень благодаренъ за твой дружественный пріемъ нашего Московскаго птенца. Я знаю, что онъ добрый и славный малый по сердцу и уму; но всѣ эти качества могутъ быть узнаны только впослѣдствіи, а пріемъ твой былъ сдѣланъ мнѣ въ человѣкѣ, о которомъ ты только еще зналъ, что онъ мнѣ родственникъ и что я его люблю. Сто разъ спасибо. Мы такъ рѣдко видимся, такъ много годовъ всегда проходитъ между каждымъ нашимъ свиданіемъ, такъ рѣдко даемъ вѣсть о себѣ другъ другу, что доказательство дружбы (хоть я въ твоей дружбѣ никогда и не могу сомнѣваться) доставляетъ мнѣ особенную и живую радость. Это то ласковое слово, сказанное тѣмъ ласковымъ голосомъ, подъ которое нельзя поддѣлаться людямъ равнодушнымъ. Изъ всего вышесказаннаго (слогъ дѣловой) ты можешь видѣть, какъ благодаренъ тебѣ нашъ здѣшній путешественникъ и въ какомъ онъ восторгѣ не отъ тебя только, но и отъ всего твоего дома, радушнаго, какъ наша Святая Русь, полнаго художественныхъ и современныхъ интересовъ, какъ просвѣщенный Западъ, и даже не чуждаго интересамъ Археологическимъ, какъ Германія или Москва въ лицѣ графа Егора Евграфовича Комаровскаго. Мнѣ весело подумать объ вашемъ счастливомъ оазисѣ въ сухомъ и односторонне-практическомъ Петербургѣ; а еще веселѣе, что жена моя, не видавши еще Аполлинаріи Михайловны, уже связана съ нею благодарностью за дружбу, оказанную ея ближайшему родственнику. Когда Богъ дастъ свидѣться, онѣ встрѣтятся не какъ чужія, а какъ знакомыя. Что же касается до насъ съ тобою, многое прошло мимо насъ и между насъ, а мы, кажется, остались все тѣ же и въ себѣ, и въ отношеніи другъ къ другу. Такъ да будетъ! Наше Московское житье-бытье идетъ по старому, въ сладкой и ненарушимой праздности, въ отвлеченностяхъ, въ бесѣдахъ довольно живыхъ, вертящихся все около однихъ какихъ-нибудь предметовъ, которые идутъ на мѣсяцы и годы... Ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же бесѣдъ очень похоже

на оперу въ Италіи. Одна идетъ на цѣлый годъ, а слушателямъ не скучно. Это не похоже на Питеръ. Мы называемъ такія бесѣды движеніемъ мысли, но Языковъ увѣряетъ, что это не движеніе, а просто моціонъ" [290]).

LX.

Съ 1844 года къ младшему (второму) поколѣнію Словенофиловъ примкнули князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій и Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ.

Князь В. А. Черкасскій вступилъ въ число студентовъ Московскаго Университета въ 1840 году и въ своей Автобіографической запискѣ свидѣтельствуетъ, что во время его студенчества, продолжавшагося до 1844 года, когда онъ окончилъ университетскій курсъ, „господствующее направленіе было историческое. Русская Исторія въ особенности была въ то время любимымъ предметомъ большинства дѣльныхъ студентовъ. До сихъ поръ вспоминаю съ наслажденіемъ лекціи М. П. Погодина. Мнѣ и товарищамъ моимъ онъ читалъ Исторію Московскаго княжества, слушалъ я его Исторію Петра Великаго, Исторію царя Алексѣя Михайловича. Не одаренный могучимъ или живымъ словомъ, но вполнѣ проникнутый горячею любовію къ Отечеству и къ его Исторіи, каждый годъ разнообразя эпохи, входившія въ программу его преподаванія и въ основу послѣдняго кладя всегда подлинное чтеніе на лекціяхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Древности, онъ невольно вселялъ въ слушателей своихъ сочувствіе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣятельность умовъ и радушно привѣтствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успѣвалъ онъ посвятить въ тайныя наслажденія науки" [291]). Еще будучи студентомъ, князь Черкасскій началъ писать большое сочиненіе, которое подъ заглавіемъ *Очерки Исторіи крестьянскаго сословія* только по смерти Автора было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1880 года. По выходѣ изъ Университета, князь

Черкасскій писалъ Погодину: „Неожиданно скоро собравшись въ деревню, я былъ лишенъ удовольствія видѣть васъ еще разъ и привезть вамъ свое разсужденіе. Единственная рукопись его, которую можно прочитать, на силу получена мною обратно изъ Университета, и я долженъ былъ немедленно отдать ее П. Г. Рѣдкину для приготовленія къ печати согласно его желанію. Но сейчасъ по напечатаніи вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность доставить вамъ экземпляръ и все то, что цензурою, можетъ быть, не пропустится“ [292]).

„Большинству Русскаго Общества“, замѣчаетъ И. С. Аксаковъ,—„Ѳ. В. Чижовъ вѣроятно извѣстенъ только какъ практическій дѣятель, умный, строгій, безукоризненно честный, въ сферѣ такъ называемыхъ экономическихъ интересовъ“, но „этотъ хозяинъ и руководитель громадныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, для которыхъ, повидимому, и нѣтъ другого прочнаго основанія, кромѣ разсчетовъ личной корысти, которыхъ вся существенная задача, казалось бы, только въ денежныхъ барышахъ, былъ безкорыстнѣйшимъ изъ людей, ненавидѣлъ и презиралъ деньги. Онъ не искалъ этого поприща, не имѣлъ къ нему влеченія и вступилъ на него уже на пятомъ десяткѣ лѣтъ. Не мало былъ бы онъ самъ удивленъ, еслибы въ то время, когды онъ изучалъ Исторію Искусства въ Италіи, такъ пламенно имъ любимой, кто-либо возвѣстилъ ему его позднѣйшую дѣятельность въ званіи желѣзнодорожнаго строителя или учредителя банковъ. Но разъ обстоятельства заставили его повернуть на этотъ путь, онъ—съ полнымъ сознаніемъ его темныхъ, матеріализующихъ свойствъ, но также и своей личной нравственной неодолимости, бодро принялъ вызовъ судьбы и отдался дѣлу всѣми силами духа“.

Ѳ. В. Чижовъ происходилъ изъ бѣдныхъ дворянъ Костромской губерніи и родился въ своемъ родовомъ имѣніи въ 1811 году. „Онъ прошелъ тяжкую школу труда и бѣдности“. По окончаніи курса въ Костромской гимназіи онъ поступилъ въ Петербургскій Университетъ [293]). Въ Университетѣ Чижовъ предался изученію математическихъ наукъ и занимался ими

„съ большою любовію и замѣчательнымъ успѣхомъ“, и въ воспитавшемъ его Университетѣ занялъ каѳедру Чистой и Прикладной Математики. Эту науку Чижовъ преподавалъ до осени 1840 года. „Но“, замѣчаетъ В. В. Григорьевъ,—„что весьма рѣдко случается съ математиками, вкусы Чижова направляются уже въ это время въ другую сторону, къ занятіямъ Словесностью, Искусствами, Исторіею, науками философскими и политическими, которымъ потомъ и отдался онъ совершенно, пока неистощимая даровитость его натуры не бросила его опять въ новые пути“ [294]). Сближеніе и затѣмъ тѣсная дружеская связь съ семействомъ Галагановъ послужили переворотомъ въ жизни Чижова. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодого представителя этой семьи, и это заставило его осенью 1840 года оставить Петербургскій Университетъ и поселиться въ Малороссіи; а въ 1843 году онъ уѣхалъ въ Италію и поселился въ Римѣ [295]). Въ то время въ Вѣчномъ Городѣ проживали Гоголь и Языковъ. Съ Гоголемъ у Чижова было старое знакомство по Петербургскому Университету. Въ воспоминаніяхъ Чижова мы читаемъ: „Разставшись съ Гоголемъ въ Университетѣ, мы встрѣтились съ нимъ въ Римѣ въ 1843 году и прожили здѣсь цѣлую зиму, въ одномъ домѣ, на Via Felice, № 126. Во второмъ этажѣ жилъ Языковъ, въ третьемъ Гоголь, въ четвертомъ я. Видались мы ежедневно. Съ Языковымъ мы жили совершенно по братски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ никакъ не сходились“ [296]). Само собою разумѣется, что чрезъ Языкова Чижовъ примкнулъ къ кругу Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксакова и Самарина. „Слѣдуетъ однако замѣтить“, пишетъ И. С. Аксаковъ,—„что Чижовъ примкнулъ къ этому кругу уже вполнѣ созрѣвшимъ, путемъ самобытнаго развитія дойдя до полнаго тождества въ главныхъ основаніяхъ и воззрѣніяхъ. Ему не отъ чего было и отрекаться: онъ нашелъ то, чего искалъ, только утвердился въ направленіи и расширилъ міросозерцаніе“ [297]).

Въ 1844 году Чижовъ вошелъ въ сношеніе съ Погодинымъ и въ его *Москвитянинѣ* напечаталъ отрывокъ изъ своего письма къ П. В. Голубкову, въ которомъ ходатайствуетъ предъ богачемъ о художникѣ Серебряковѣ, писавшемъ въ Римѣ картину Вирсавію, когда она плѣняетъ Давида. Этою картиною, свидѣтельствовалъ Чижовъ, „Серебряковъ составитъ имя себѣ и дастъ намъ новаго прекраснаго художника“. Вслѣдъ за симъ Чижовъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* отрывокъ изъ другого своего письма къ *N,* въ которомъ читаемъ: „Между прочими моими занятіями была нынѣшнимъ лѣтомъ поѣздка въ Истрію и Далмацію. Цѣль ея была осмотрѣть владѣнія, нѣкогда принадлежащія Венеціи; но я пріѣхалъ на мѣсто, и Русское сердце нашло другую цѣль, болѣе ему близкую. Представь себѣ, что вдали отъ родины ты вдругъ слышишь между народомъ родные звуки: этого мало, при одномъ имени Русскаго тебя окружаютъ, называютъ братомъ, и тебѣ открыты объятія гостепріимства. Представь еще, что на Западѣ вдругъ ты встрѣчаешь сельскую Русскую Церковь, гдѣ служатъ обѣдню на Словенскомъ языкѣ по нашимъ Кіевскимъ книгамъ. Надобно все это встрѣтить такъ внезапно, такъ неожиданно, какъ я встрѣтилъ, чтобъ не имѣть силъ удержать слезъ безотчетнаго восторга. Въ Далмаціи, у всѣхъ нашихъ братьевъ Словенъ, имя Русскаго соединяется съ понятіемъ о всемъ великомъ, благородномъ. Я былъ и въ Черногоріи,—первое слово, какимъ встрѣтилъ меня черногорецъ, было *брате.* Владыко Черногорскій принялъ меня какъ дѣйствительно родного. И вдругъ въ ущельяхъ горъ, неприступныхъ и недоступныхъ никому, кромѣ самихъ Черногорцевъ, мы распиваемъ шампанское, и возгласы за благоденствіе Святой земли Русской предлагаются нашими добрыми братьями“.

Въ это же время Чижовъ посѣтилъ въ Истріи маленькую православную деревеньку Перей, въ которой всего двѣсти осмьнадцать душъ; онѣ переселились сюда еще въ XVII-мъ столѣтіи изъ Черногоріи и окружены со всѣхъ сторонъ ка-

толиками, сто лѣтъ не имѣли они церкви: имъ позволено въ одинъ день построить ее; тамъ они и молились до 1834 года, когда сбились съ силами соорудить храмъ. Не смотря ни на какія лестныя обѣщанія къ улучшенію ихъ положенія, если обратятся къ католицизму, они ничего не слушаютъ и остаются до того вѣрны Православію, что дали другъ другу обѣтъ не жениться на католичкахъ. Съ какою радостію обнималъ меня священникъ; когда я разсказывалъ ему о торжественныхъ обрядахъ въ нашихъ церквахъ, у него слезы катились градомъ". Далѣе Чижовъ сообщаетъ своему другу, что въ книгахъ у нихъ „ужасный недостатокъ, а Австрійскихъ, то-есть, уніатскихъ, они ни за что не хотятъ брать, ризы выбойчатыя; сосудовъ почти нѣтъ; кресты деревянные, католики смѣются надъ такою нищетою ихъ церкви". Вмѣстѣ съ тѣмъ Чижовъ проситъ своего друга: „Ради Бога разсказывай ты всѣмъ своимъ знакомымъ о такомъ прекрасномъ случаѣ сдѣлать богоугодное дѣло". Эти строки дошли до сердца извѣстнаго богача Платона Васильевича Голубкова, и къ нему, въ томъ же *Москвитянинѣ*, Чижовъ напечаталъ письмо свое изъ Ровоньо отъ 4 сентября 1844 г., въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Слава Богу, Богъ привелъ мнѣ кончить начатое вами и вами совершенное истинное христіанское дѣло въ пользу Перейской церкви. Третьяго дня я вручилъ всѣ вещи, а вчера освящены въ присутствіи всего народа, и священникъ въ новыхъ ризахъ, на великомъ выходѣ, громогласно молилъ о здравіи: Платона и Маріи" [298]). Эти письма Чижова возбудили сочувствіе и въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки Ѳ. И. Прянишникова къ Погодину: „Статья, помѣщенная въ одномъ изъ нумеровъ 1844 года *Москвитянина* о бѣдности, въ которой находятся православныя церкви наши именно въ Далмаціи и другихъ мѣстахъ Словенскихъ народовъ, обратила на себя вниманіе супруги Главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ графини Маріи Васильевны Адлербергъ. Собравъ нѣсколько предметовъ церковной утвари, книгъ и т. п., она изъявила желаніе, чтобы эти вещи рас-

предѣлены были между церквами въ помянутомъ мѣстѣ по мѣрѣ надобности каждой".

Между тѣмъ напечатаніе письма Чижова въ *Москвитянинѣ* вызвало слѣдующее объясненіе между Погодинымъ и Московскимъ цензоромъ, В. П. Флеровымъ. „Вы", писалъ ему Погодинъ,—„не пропустили четырехъ маловажныхъ и смиренныхъ словъ изъ писемъ Шафарика ко мнѣ, между тѣмъ какъ въ то же время пропущена Московскою цензурою цѣлая книга *Путешествіе* Попова *по Герцеговинѣ* съ самыми рѣзкими жалобами противъ Австрійскаго Правительства. А въ газетахъ объявленъ и денежный сборъ. Вы скажете, что это о Церкви, но о Церкви же вы исключили у меня самое православное мѣсто изъ письма Чижова. Хотя вы противозаконно скрываете запрещенныя вами мѣста, кои должны значиться въ типографіи, даже для улики, въ нужномъ случаѣ, издателя, но я не такъ простъ и имѣю въ копіи ихъ собранія, для поученія потомства" [299]).

LXI.

Въ началѣ 1844 года Грановскій снова читалъ свои публичныя лекціи. Между тѣмъ въ отношеніи графа С. Г. Строганова къ покровительствуемымъ имъ западникамъ Герценъ примѣтилъ нѣкую перемѣну и, весьма неосновательно, приписалъ оную „интригантамъ изъ профессоровъ и Словенофиламъ". Посѣтивъ Строганова, Герценъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ* отъ 7 января 1844 года: „Былъ на дняхъ у графа Строганова, интриганты изъ профессоровъ сбиваютъ его видимо; онъ любитъ и желаетъ просвѣщенія, онъ любитъ Европу и все благородное, но боится рѣзко и рѣшительно объявить себя противъ дикихъ Словенофиловъ, а они, пользуясь его шаткостію, пугаютъ, лгутъ и получаютъ мѣсто въ его убѣжденіяхъ. *Я*, говорилъ онъ, *всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и Нѣмецкой философіи.*

Она противорѣчитъ нашему Богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ Откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афиширует примиреніе науки съ религіею: религія въ основѣ. На это я сказалъ ему, что очень хорошо не принимать людей, толкующихъ о соглашеніи и примиреніи, потому что они лжецы и трусы. Примиренія нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, и наука не имѣетъ нужды ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Въ заключеніе Графъ сказалъ, что если онъ не успѣетъ другимъ образомъ, то готовъ или оставить свое управленіе, или закрыть нѣсколько каѳедръ, вы, вѣроятно, съ другими назовете меня тогда варваромъ, вандаломъ. Я опустилъ глаза и промолчалъ. Разговоръ сталъ слабѣть и скоро кончился. Не жаль ли, что эта доблестно рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностію" [300]). 14 января 1844 года Грановскій писалъ Кетчеру: „Я думаю, что придется идти въ отставку или перемѣнить службу". Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ, что отъ него требовали „апологій и оправданій въ видѣ лекцій. Реформація и революція должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформаціи уступить я не могъ. Что же бы это была за Исторія?.. Что-нибудь кроется подъ этимъ. Полагаю, что наушничаетъ Давыдовъ. Быть можетъ, и мнѣ придется переходить на службу къ вамъ въ Питеръ. Что дѣлать? Жаль Москвы, которая, что̀ бы ни вралъ Бѣлинскій, выше, умнѣе, образованнѣе Петербурга" [301]). Въ то же время въ *Дневникѣ* Герцена (подъ 24 января 1844 года) читаемъ: „Строгановъ, испуганный, преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ требованіемъ иначе читать; они хотятъ бѣжать изъ Москвы, искать слушателей въ другихъ университетахъ".

Все вышеизложенное объясняетъ намъ слѣдующія лаконическія записи въ *Дневникѣ* Погодина:

Подъ 8 января 1844. Вечеръ у Карлгофъ. Слушалъ штуки Строганова съ Грановскимъ.

— 12 января. Разсказъ Грановскаго о Строгановской пыткѣ.

— 14 января. Грановскій передалъ инквизиціонные вопросы графа Строганова.

Какъ бы то ни было, 22 апрѣля 1844 года, Грановскій блистательно закончилъ свои публичныя лекціи, и Герценъ въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Этотъ курсъ событіе, событіе, имѣющее большое значеніе. Сверхъ внутренняго своего достоинства, онъ имѣетъ внѣшнюю важность тѣмъ, что теперь начнутся публичные курсы, публика узнала новое, сильное, волнующее наслажденіе всенародной, энергической рѣчи. Доценты увидѣли, какою аудиторіею можетъ Москва окружить ихъ... Грановскій прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ, а вездѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о Словенскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить слушателей — просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ: „благодарю тѣхъ“, такъ кончилъ онъ, „которые съ симпатіею слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!“ Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку, я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ“.

Послѣ курса Грановскаго былъ сдѣланъ опытъ примиренія между Западниками и Словенофилами. „Мы“, пишетъ Герценъ, — „давали Грановскому обѣдъ... Словене хотѣли участвовать съ нами, и Юрій Самаринъ былъ избранъ ими такъ,

какъ я нашими, въ распорядители. Пиръ былъ удаченъ, въ концѣ его послѣ многихъ тостовъ не только единодушныхъ, но выпитыхъ, мы обнялись и облобызались по Русски съ Словенами. И. В. Кирѣевскій просилъ меня одного, чтобы я вставилъ въ моей фамиліи *ы* вмѣсто *е* и черезъ это сдѣлалъ бы ее больше Русской для уха. Но Шевыревъ и этого не требовалъ, напротивъ, обнимая меня — повторялъ своимъ soprano: *онъ и съ е хорошъ, онъ и съ е русскій*" [302]). Пріѣхавшій въ то время въ Москву и попавшій случайно на этотъ обѣдъ, И. И. Панаевъ разсказываетъ, что когда К. С. Аксаковъ предложилъ тостъ за Москву, въ эту самую минуту „раздался звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ. Шевыревъ, воспользовавшись этимъ, произнесъ: *Слышите ли, господа, Московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ!* Это", свидѣтельствуетъ тотъ же Панаевъ „съ одной стороны возбудило улыбку, съ другой восторгъ. Константинъ Аксаковъ подошелъ къ Шевыреву, и они бросились въ объятія другъ друга" [303]). Такимъ образомъ, этотъ обѣдъ, по словамъ Герцена, прошелъ „весело, шумно, и, наконецъ, пьяно окончился этотъ день. Его отмѣтятъ многіе, онъ многимъ вспомянется какъ прекрасный праздникъ любви и симпатіи".

Но попытка примиренія Западниковъ съ Словенофилами очень скоро оказалась невозможной, и бой, по словамъ Герцена, „закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ!" Московскимъ Западникамъ невозможно было „заарканить" Бѣлинскаго, онъ „слалъ имъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ ихъ, предавалъ анаѳемѣ и писалъ еще злѣе въ *Отечественныхъ Запискахъ*". Вскорѣ послѣ примирительнаго обѣда, Герценъ получилъ „огромное письмо, въ родѣ диссертаціи" отъ Бѣлинскаго, по поводу котораго Герценъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ* подъ 17 мая 1844 года: „Энергія и невозможность дѣла сломила его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность

въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: *я жидъ по натурѣ и съ Филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу*... Филистимляне для него Словенофилы, я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ ихъ нелѣпостяхъ. Онъ не понимаетъ Словенскій міръ.... Онъ не умѣетъ чаять жизни будущаго вѣка, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери... Странное положеніе мое... въ Словенскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ Запада, передъ ихъ врагами—человѣкъ Востока". Другое письмо отъ Бѣлинскаго вызвало также замѣчаніе Герцена, которое онъ записалъ въ *Дневникъ* своемъ подъ 14 августа 1844 года: „Письмо отъ Бѣлинскаго, съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ невѣротерпимъ, что при малѣйшемъ разномысліи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскій не остался бы назади и прекрасныя отношенія лопнули бы,—не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Аксакова симпатіи наконецъ не могъ имѣть; Аксаковъ свое Москвобѣсіе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лице, а не идею,... дружба требуетъ признанія лица, а не всеобщей мысли его". Но вскорѣ, какъ мы увидимъ, произошелъ окончательный разрывъ между Западниками съ Словенофилами; и Герценъ уже писалъ: „Наконецъ Бѣлинскій торжественно указалъ пальцемъ противъ *проказы* Словенофильства и съ упрекомъ говорилъ: *Вотъ вамъ они!* Мы всѣ понурили голову. Бѣлинскій былъ правъ!" [304]).

LXII.

Въ то самое время, когда Словенофилы вели переговоры съ Погодинымъ о передачѣ имъ *Москвитянина*, Московскіе Западники задумали основать въ Москвѣ свой журналъ. Для этого предпріятія составился капиталъ на акціяхъ. Сначала они хотѣли купить одинъ изъ существующихъ журналовъ. Думали купить *Галатею* у Раича, *Русскій Вѣстникъ* у Глинки, или *Библіотеку для Чтенія* у Сенковскаго... Но денежныя средства, которыми располагали друзья, не были достаточны для подобной покупки, а потому Грановскій подалъ въ іюнѣ 1844 года прошеніе о разрѣшеніи ему издавать журналъ *Ежемѣсячное Обозрѣніе*. Редакцію его долженъ быть принять на себя Е. Ө. Коршъ, издававшій тогда *Московскія Вѣдомости*. Журналу предполагалось дать преимущественно историческій и критическій характеръ. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали къ сотрудничеству Бѣлинскаго. Съ мыслію и заботами о предполагаемомъ изданіи Грановскій выѣхалъ изъ Москвы въ іюнѣ 1844 года въ Орловскую и Полтавскую губерніи... По дорогѣ онъ посѣтилъ И. В. Кирѣевскаго въ его деревнѣ. Объ этомъ посѣщеніи Грановскій писалъ женѣ своей въ Москву: „Я прожилъ два хорошіе дня съ Иваномъ Васильевичемъ. Всякій день мы сидѣли съ нимъ до трехъ часовъ ночи и говорили о многомъ. Онъ почти рѣшился взять *Москвитянинъ* и радъ, что у насъ можетъ быть свой журналъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что намъ невозможно быть постоянными сотрудниками въ журналѣ, которому онъ хочетъ дать одинъ характеръ. А съ нимъ сойтись не трудно, но друзья его...“ [305]).

Между тѣмъ прошеніе Грановскаго о журналѣ пошло своимъ оффиціальнымъ ходомъ. 23 іюля 1844 года графъ С. Г. Строгановъ обратился въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Грановскому издавать въ Москвѣ съ 1845 года журналъ *Московское Обозрѣніе* по слѣдующей программѣ: „журналъ будетъ состоять изъ

четырехъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Наука и искусство. II. Критика. III. Произведенія изящной словесности и IV. Смѣсь. Соотвѣтственно заглавію своему этотъ журналъ будетъ представлять полный, по возможности, обзоръ въ области наукъ и искусствъ. Очевидно, что при такомъ направленіи журнала одною изъ главныхъ его стихій должна быть критика замѣчательнѣйшихъ явленій отечественной и иностранной литературъ; но критика въ смыслѣ добросовѣстнаго, преимущественно историческаго обозрѣнія предмета, а не въ такомъ злоупотребительномъ смыслѣ, какой не рѣдко даютъ ей, прикрываясь ея именемъ, или презрительные взгляды свысока, или насмѣшливыя придирки къ недосмотрамъ писателя, или, наконецъ, такіе намеки и внушенія, которые явно отзываются личною и притомъ неблагородною враждой. Любители изящной словесности найдутъ въ каждой книжкѣ журнала по крайней мѣрѣ по одной повѣсти оригинальной или переводной, въ помѣщеніи которыхъ будетъ наблюдаться строгій выборъ. Еще разборчивѣе будетъ редакція въ отношеніи къ стихотворнымъ произведеніямъ, и потому, вѣроятно, ихъ помѣстится весьма немного. Наконецъ, отдѣлъ Смѣси назначается для тѣхъ статей, которыя или по своему отрывочному характеру, или по краткости, или просто по извѣстнымъ всякому журналисту типографическимъ соображеніямъ, не найдутъ себѣ мѣста въ одномъ изъ трехъ первыхъ отдѣловъ *Московскаго Обозрѣнія*. Господствующее направленіе журнала будетъ *историческое* въ полнѣйшемъ современномъ значеніи этого слова".

Когда слухъ объ этомъ предпріятіи Московскихъ Западниковъ достигъ Гоголя, то онъ писалъ Языкову: „Донесеніе твое о состояніи текущей литературы, при всей краткости, сколько вѣрно, столько же, къ сожалѣнію, и неутѣшительно. Но, во-первыхъ, такъ было всегда, а во-вторыхъ, кто виноватъ? Мнѣніе твое о новомъ журналѣ, имѣющемъ издаваться въ Москвѣ, какъ мнѣ кажется, довольно основательно, хотя

самаго журнала еще нѣтъ. Я то же думаю, что это будетъ что-то въ родѣ *Отечественныхъ Записокъ*" [306]).

Московскіе Западники сомнѣвались въ успѣхѣ ходатайства графа Строганова тѣмъ болѣе, что до нихъ дошелъ слухъ, содержаніе котораго Герценъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: Будто бы Булгаринъ писалъ къ попечителю С.-Петербургскаго округа князю Г. П. Волконскому, что „со времени его попечительства въ литературѣ показывается вредная тенденція, что *Отечественныя Записки* подрываютъ Православіе, Самодержавіе и Народность, что должно назначить коммиссію для разбора этого журнала, что онъ туда явится присяжнымъ доносителемъ и грозитъ Волконскому, буде онъ не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, довести все это до свѣдѣнія Государя черезъ Прусскаго Короля, и Волконскій ничего не могъ сдѣлать . . . .". Между тѣмъ въ это время и Московскіе Западники все болѣе и болѣе расходились съ Словенофилами. „Кажется", писалъ Герценъ, — „ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербѣева. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ, какъ было, что было, главное, какъ я рѣшился сказать поэту-лауреату *) береговъ Неглинной, что не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ. И Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма Московщины... Изъ манеры Словенофиловъ видно, что еслибы матеріальная власть была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣ-нибудь на Лобномъ мѣстѣ". Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника* Герценъ выражается еще рѣшительнѣе. Проживая лѣто 1844 года въ Васильевскомъ и собираясь въ Москву, онъ писалъ: „Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны; этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ Русско-Византійской Церкви, дѣлающейся всемірной, повторяющій одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче-завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ

*) Хомякову.

знаетъ чего. Даже И. В. Кирѣевскій страненъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того разными".

Въ такомъ настроеніи были Московскіе Западники, когда имъ сдѣлалось извѣстно, что на докладѣ Уварова объ ихъ журналѣ воспослѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: *И безъ новаго довольно.* По поводу этого Герценъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Государь не соизволилъ господину Грановскому издавать журналъ. Вотъ вамъ и дѣятельность!... Можетъ ли профессоръ быть терпимъ на каѳедрѣ, если онъ подозрителенъ какъ журналистъ? И на что у нихъ цензура, если и она не гарантія, что ничего прямого, яснаго не проскочитъ; а для косвеннаго, скрытаго всегда есть пути" [307]).

LXIII.

Въ концѣ іюля 1844 года посѣтилъ Москву, проѣздомъ въ Порѣчьѣ, Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ. Возвратившись изъ своего заграничнаго путешествія, въ концѣ прошлаго 1843 года, Уваровъ писалъ Погодину: „Благодарю васъ, любезный Михаилъ Петровичъ, за вашу память; сердечно сожалѣю, что ваше здоровье не поправляется. Подышавши свободно подъ благодатнымъ небомъ Италіи въ кругу всѣхъ умственныхъ наслажденій, я воротился съ обновленными силами; боюсь, однакоже, истощить въ скоромъ времени этотъ небольшой запасъ; желаю, чтобы Богъ привелъ меня будущимъ лѣтомъ провесть хоть нѣсколько дней въ Порѣчьѣ, гдѣ Музей украсится нѣсколькими превосходными произведеніями искусства древняго и новаго, между прочимъ, *овальнымъ саркофагомъ*, Греческой работы, описаннымъ уже Винкельманомъ, и который, безъ сомнѣнія, будетъ лучшимъ и главнѣйшимъ памятникомъ древней скульптуры въ Россіи. Скажите мой усердный поклонъ И. И. Давыдову, С. П. Шевыреву и Ѳ. И. Иноземцову, коихъ заранѣе приглашаю въ

Порѣчьѣ. Прибавьте С. П. Шевыреву, что саркофагъ, мною купленный, есть самый тотъ, который извѣстенъ въ Римѣ подъ названіемъ саркофага изъ палаццо Альтемпсъ. Онъ украшенъ барельефомъ въ тридцать или сорокъ фигуръ".

Желаніе Уварова побывать лѣтомъ въ Порѣчьѣ исполнилось. 26 іюля 1844 года Погодинъ, прикованный еще къ одру болѣзни, получилъ слѣдующую записочку отъ И. И. Давыдова: „Сегодня въ 10 утра, облеченный въ броню и во всѣ доспѣхи, отправляюсь къ дорогому нашему гостю, С. С. Уварову. Сергій Семеновичъ вчера спрашивалъ о васъ, жаль что я не зналъ, какъ вы уже начали становиться на ногу". Любя окружать себя обществомъ ученыхъ, Уваровъ, по обычаю, пригласилъ къ себѣ въ Порѣчье: И. И. Давыдова, С. П. Шевырева, Д. М. Перевощикова, И. Т. Спасскаго.

Передъ отъѣздомъ въ Порѣчье, И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Не зная, удосужусь ли я передъ отъѣздомъ въ Порѣчье побывать у васъ, посылаю къ вамъ слѣдующую грамотку. Изъ Порѣчья напишу статью для *Москвитянина*. Планъ уже составленъ. Будетъ къ вамъ письмо, какъ къ отсутствующему члену. Въ этомъ письмѣ изложу всѣ дополненія въ отношеніи къ Порѣчью, провожденіе времени и чтенія, которыя вѣрно будутъ. Я думаю прочесть переводъ одной статьи знаменитаго и вмѣстѣ любезнѣйшаго хозяина, писанной имъ къ Баранту... О васъ вспомянемъ" [308]).

И дѣйствительно И. И. Давыдовъ явился опять краснорѣчивымъ описателемъ Порѣчья. „Время проходило", повѣствуетъ онъ,—„въ живыхъ разговорахъ объ наукѣ, словесности, искусствѣ. Современныя явленія ума, воспоминанія ученыя и литературныя, свѣжія впечатлѣнія Италіи предлагали богатое содержаніе для бесѣды, удаленной отъ всѣхъ ежедневныхъ мелочей и личностей. Присутствіе многихъ ученыхъ дало поводъ къ бесѣдамъ о разныхъ предметахъ по части тѣхъ наукъ, коими они занимаются". Самому И. И. Давыдову досталось говорить о Психологіи и о связи ея съ Физіологіею; И. Т. Спасскому о Физіологіи, Д. М. Перевощи-

кову о собственномъ движеніи солнечной системы и С. П. Шевыреву о Петрѣ Великомъ и Ломоносовѣ. Между слушателями было трое студентовъ Петербургскаго Университета, которые записывали импровизованныя ученыя бесѣды.

Познакомимся поближе съ чтеніемъ Шевырева. Приступая къ изображенію Петра Великаго, Шевыревъ коснулся вопроса объ *отношеніи между Россіей Древней и Новой* и при этомъ оправдалъ исключительно религіозное направленіе Древней Русской жизни и задачей новаго періода призналъ сохранить Божественное начало Древней Россіи и провести его цѣлымъ и невредимымъ черезъ жизнь, науку и искусство. Въ Петрѣ Великомъ Шевыревъ видитъ двойной ликъ: Петръ изображаемый иностранцами и Петръ, существующій въ устныхъ преданіяхъ Русскихъ, возсозданный мнѣніемъ народнымъ, воспѣтый Ломоносовымъ, идеалъ царя-просвѣтителя Новой Россіи, котораго идея водворилась въ его династіи. Этотъ двойственный ликъ Шевыревъ разсматриваетъ въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ народнаго образованія, въ дѣлѣ языка и словесности.

Въ дѣлѣ религіи Петръ уничтожаетъ Патріаршество, запрещаетъ постригать въ монашескій санъ ранѣе пятидесятилѣтняго возраста, отбираетъ въ кельяхъ перья, бумагу и чернила, намѣренъ отнять у нихъ имѣнья, переливаетъ колокола въ пушки, приказываетъ перевести по Русски Аугсбургское исповѣданіе и прочее. Но тотъ же самый Петръ, по преданіямъ народнымъ, десяти лѣтъ защищаетъ вѣру противъ раскольниковъ; плотничаетъ въ Амстердамѣ и пишетъ оттуда къ Патріарху, что онъ подобно Адаму трудится для пріобрѣтенія морского пути, чтобы напасть на враговъ Христовыхъ и освободить Гробъ Христовъ; съ этою же цѣлью заводитъ войско и начинаетъ войну съ Турціею; переноситъ мощи Александра Невскаго изъ Владиміра на Неву, чтобы освятить свой новый городъ и связать его бытіе съ религіозными преданіями Древней Руси; самъ набожно исполняетъ всѣ обряды православной Церкви; любитъ особенно участвовать во всѣхъ церковныхъ торжественныхъ ходахъ; самъ всегда читаетъ Апостолъ и поетъ

на клиросѣ съ причтомъ церковнымъ; передъ выѣздомъ изъ Парижа остается вѣренъ этому обычаю; знаетъ наизусть все Евангеліе и изъ Апостола особенно Павловы Посланія; не сочувствуетъ католицизму; ненавидитъ Іезуитовъ; издѣвается надъ обрядами Папскими и смѣется надъ преданіями о Лютерѣ въ Виттенбергѣ; покровительствуетъ Стефану Яворскому, строгому противнику Лютеранскаго ученія, и въ мѣстахъ правительственныхъ даетъ ему первенство надъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; преслѣдуетъ суевѣрія, но почитаетъ истинную религію первою наставницею народа; воспитываетъ дѣтей своихъ въ духѣ набожности древней и передаетъ ее любимой дочери своей Елисаветѣ.

Въ дѣлѣ народности Петръ уничтожаетъ формы древней Русской жизни, преслѣдуетъ Русское платье и бороду, пародируетъ обычаи древніе въ свадьбахъ, въ боярской роскоши, переноситъ свою резиденцію изъ древняго средоточія Русской жизни въ страну, намъ тогда чуждую, любитъ иностранцевъ и покровительствуетъ имъ. Но тотъ же Петръ питаетъ благоговѣніе къ Древней Русской Исторіи; двѣнадцати лѣтъ выражаетъ Патріарху негодованіе свое за то, что Библіотека Патріаршая въ безпорядкѣ; радуется Кенигсбергскому списку Несторовой Лѣтописи; первая мысль о собраніи и изданіи древнихъ актовъ, исполняемая только теперь, принадлежитъ ему; резиденція его въ Петербургѣ, но Москва продолжаетъ быть при немъ столицею истинно народною: всѣ побѣды свои торжествуетъ онъ въ ней; велитъ немедленно провести самую прямую дорогу между ею и Петербургомъ: другая великая мысль Петра, приводимая въ исполненіе теперь; любитъ иностранцевъ, но всѣ первыя государственныя мѣста отдаетъ Русскимъ; первыми Андреевскими украшаетъ русскаго Головина и малоросса Мазепу; изъ перваго Русскаго сукна шьетъ себѣ кафтанъ къ празднику; учреждая Академію, приглашаетъ мужей ученыхъ изъ чужихъ краевъ, но велитъ быть при каждомъ иностранцѣ двоимъ Русскимъ, для водворенія наукъ между своими соотчичами.

Въ дѣлѣ Русскаго языка и словесности Петръ, изъ Русскихъ первый, понесъ вину въ томъ, что отрекался отъ своего родного языка въ пользу языковъ иностранныхъ. Извѣстна его страсть къ Голландскому. Онъ далъ и себѣ, и новому своему городу имена иностранныя. Хотѣлъ насильственно наложить изученіе Голландскаго языка на свой народъ посредствомъ изданія Евангелія на языкахъ Словенскомъ и Голландскомъ. Никогда не пестрился такъ языкъ Русскій словами иностранными, какъ при Петрѣ, который самъ первый подавалъ къ тому примѣръ.—Не смотря на все это Петръ является первымъ писателемъ Русскимъ. Хотя языкъ его и обиленъ словами иноземными, но синтаксисъ его совершенно Русскій, безъ примѣси Словенскаго, и вы встрѣчаете у него такіе коренные Русскіе обороты и выраженія, какихъ не встрѣтите ни въ одномъ писателѣ до него, кромѣ одного Іоанна Грознаго. Живая устная рѣчь Петрова такъ и слышна подъ перомъ его. Его личность, его характеръ сказываются въ ней открыто. Всякое письмо его, всякій указъ отмѣченъ особенными чертами слога, только ему принадлежащаго: какъ по страстному почерку, такъ и по слогу вы вездѣ узнаете Петра. Да, это первый Русскій писатель съ *своимъ* оригинальнымъ слогомъ, въ которомъ сказывается его собственная личность. На немъ въ первый разъ сбывается въ Исторіи Русской Словесности остроумное, хотя и одностороннее Французское изреченіе: le style c'est l'homme. Замѣчательно вліяніе, какое имѣлъ Петръ Великій на слогъ Ѳеофана Прокоповича. Сличите первыя проповѣди, говоренныя имъ въ Кіевѣ, съ тѣми, которыя говорилъ онъ гораздо послѣ, какъ вызванъ былъ Государемъ изъ Кіева. Въ первыхъ изобилуетъ схоластическая стихія, какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ; въ послѣднихъ вездѣ трепещетъ жизнь современная—и въ самомъ выраженіи слышенъ человѣкъ, которому часто диктовалъ Петръ Великій свои указы, письма, учрежденія.

Говоря о Ломоносовѣ, Шевыревъ останавливается на его мысляхъ *объ отношеніяхъ Науки къ Вѣрѣ*. Мысли эти Ло-

моносовъ выражаетъ по случаю астрономическихъ наблюденій своихъ надъ прохожденіемъ Венеры черезъ солнце. „Правду и вѣру Ломоносовъ называетъ родными сестрами, дщерями одного Всевышняго родителя: потому, говоритъ онъ, въ распрю между собою онѣ идти не могутъ, развѣ кто изъ показанія своего ложнаго мудрованія и тщеславія вражду на нихъ всклеплетъ. — Превосходные образцы умѣнья соединять науку съ вѣрою показываетъ Ломоносовъ въ Василіи Великомъ, Шестодневъ котораго онъ изучалъ въ особенности, и въ Іоаннѣ Дамаскинѣ.—Двѣ книги далъ намъ Всевышній, говоритъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ; въ первой показалъ Свою премудрость; во второй обнаружилъ волю Свою; первая книга—природа; вторая—Священное Писаніе; толкователи второй—Святые Отцы и Учители Церкви; толкователи первой—ученые. Нездраво разсудителенъ математикъ, который захотѣлъ бы мѣрять волю Божію циркулемъ; таковъ же и Богословія учитель, который захотѣлъ бы по Псалтырю учиться астрономіи и химіи.—Тѣхъ, которые нарушаютъ миръ науки съ религіей, называетъ Ломоносовъ именемъ ссорщиковъ и клеветниковъ... Тѣ же теплыя чувства вѣры выражалъ онъ и въ лучшихъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ.—Да, первый нашъ ученый, вынесшій всю глубину вѣры изъ древней Русской жизни, не измѣнилъ ей—и самымъ яснымъ образомъ, еще въ то время, понималъ связь, какая можетъ и должна существовать между религіею и наукою“ [309]).

Свое описаніе житья-бытья въ деревнѣ Уварова И. И. Давыдовъ, подъ заглавіемъ *Село Порѣчье въ 1844 году*, доставилъ Погодину для напечатанія въ *Москвитянинѣ*. „Званъ быхъ и пріидохъ“, писалъ онъ Погодину, — „а васъ нѣтъ дома. Хорошо приглашенье! Если вы хотѣли видѣться со мною для статьи: *Село Порѣчье*, то я отдаю ее въ полное ваше распоряженіе“. Но Погодинъ, испытавъ много упрековъ за напечатаніе подобнаго же произведенія Давыдова, не рѣшился напечатать этой статьи подъ тѣмъ заглавіемъ и въ томъ видѣ, въ какомъ доставлена, и напечаталъ ее *въ Москвитянинѣ*

подъ заглавіемъ *Академическія бесѣды въ ста тридцати пяти верстахъ отъ Москвы* и съ слѣдующими, сдѣланными самимъ Погодинымъ, исключеніями:

„Прекрасное въ природѣ и искусствѣ имѣетъ то отличительное свойство предъ всѣми другими предметами, что сколько ни наслаждайся имъ, все желаешь еще болѣе наслаждаться; сколько ни наблюдай его, все находишь въ немъ новыя красоты. Можно ли вдоволь насмотрѣться въ лѣтній день на зеленый лугъ, орошаемый сребристой рѣкой, журчащею въ тѣни развѣсистыхъ вязовъ? Можно ли досыта налюбоваться произведеніями рѣзца Кановы или кисти Рубенса? Справедливо еще и то, что прекрасное не вдругъ открывается очамъ нашимъ; надобно съ любовью изучать его: и тогда станешь постигать завѣтныя его тайны. Оно, какъ и добродѣтель и истина, требуетъ пожертвованій — отверстыхъ объятій чистой любви.

„Эту неистощимость наслажденій прекраснымъ испыталъ я въ прекрасномъ селѣ Порѣчьѣ, гдѣ и природа, и искусство предлагаютъ роскошныя свои сокровища къ наслажденію. Черезъ три года здѣсь все мнѣ показалось новымъ, кромѣ старыхъ воспоминаній на каждомъ шагу о тѣхъ счастливѣйшихъ дняхъ, которые проводятся въ объятіяхъ природы, въ ненарушимомъ спокойствіи духа, въ сладкой гармоніи его со всѣмъ окружающимъ; здѣсь все украсилось новыми прелестями, а остались неизмѣняемыми доброта, привѣтливость, гостепріимство просвѣщеннаго хозяина-вельможи. За три года всѣ гости Порѣчья изъявляли сердечное желаніе когда-либо насладиться мирнымъ провожденіемъ времени въ сельскомъ уединеніи: и нынѣшнимъ лѣтомъ это желаніе осуществилось. Мы еще разъ послѣ трудовъ отдыхали въ Порѣчьѣ, въ полной свободѣ и непринужденности, переходя радостно отъ одного удовольствія къ другому, и утѣшались по прежнему въ особенности тѣмъ, что нашъ хозяинъ среди насъ бывалъ веселъ и самъ всѣхъ насъ одушевлялъ.

„Дѣлиться впечатлѣніями прекраснаго съ другими, значитъ

передавать другимъ часть своихъ наслажденій. Вотъ нѣсколько новыхъ красокъ къ прежнему изображенію села Порѣчья *).

Господскій домъ, простой, но величественной архитектуры, господствующій надъ всѣми окрестностями, селами, деревнями, рощами, слѣва и справа опушенный паркомъ, и, какъ голубою лентою, опоясанный вровень съ берегами струящеюся Иночею, теперь еще болѣе прежняго красуется на этой живописной картинѣ: передъ нимъ стелется обширный, изумрудный лугъ, изгибающійся по скату холма, окаймленный прихотливо разметавшеюся на немъ рѣкою, и за ней далеко, далеко скрывающійся въ кустарникахъ и группахъ ясеней, липъ и тополей. Этотъ зеленый коверъ разостланъ на мѣстѣ прежняго оврага, мрачнаго и дикаго; весело любуется собой Иноча, нѣжась на шелковистомъ ложѣ. Прекрасенъ этотъ коверъ среди бѣлаго дня, когда красное солнышко, смотрясь въ свѣтломъ зеркалѣ рѣчномъ, ярко озаряетъ его, и лишь по окраинамъ мелькаютъ тѣни огромныхъ вязовъ; а въ древесныхъ группахъ солнечные лучи то сквозятъ и золотятъ зеленыя маковки липъ, то играютъ съ серебристыми листьями тополей, то прячутся въ густыхъ соснахъ. Прелестенъ онъ и тогда, какъ на голубомъ небѣ плаваетъ луна, съ краснояркимъ по одну сторону Юпитеромъ и Сатурномъ по другую: длинныя, черныя тѣни деревьевъ лежатъ на немъ; благоговѣйно входишь. Вдали, на краяхъ полей, амфитеатромъ возвышающихся, виднѣются села, окаймленныя рощами и лѣсами и волнующіяся богатою нынѣшнею жатвою.

Но вы утомлены сильными впечатлѣніями природы и искусства: ступайте отдохнуть въ паркъ, освѣжить себя къ новымъ впечатлѣніямъ. Тамъ ничто не развлечетъ васъ, ничто не нарушитъ вашего углубленія въ самихъ себя; тамъ побесѣдуйте мысленно съ близкими вашему сердцу... Мнѣ особенно по душѣ то мѣсто въ паркѣ, гдѣ, въ густой тѣни душистой липы, слышишь лишь шелестъ листьевъ, журчаніе Иночи, послѣ борьбы съ плотиною тихо пробирающейся по камеш-

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, 147—154.

камъ, и какой-то особенный говоръ безлюдной природы. Здѣсь питался я нынче тѣми же сладостными чувствованіями, какія прежде вкушалъ; здѣсь, созерцая благость Божію въ прекрасномъ Божьемъ мірѣ, возвышаешься духомъ, наслаждаешься самодовольствомъ.

Нельзя умолчать еще объ одномъ улучшеніи Порѣчья— о новой больницѣ для крестьянъ всей волости села. Домъ больничный раздѣленъ коридоромъ на двѣ половины—мужскую и женскую. Больница устроена на тридцать кроватей, размѣщенныхъ въ нѣсколькихъ комнатахъ, по роду болѣзней. Вездѣ чистота, опрятность, довольство. Тутъ же находится и *аптека*, снабженная всѣми нужнѣйшими лѣкарствами. При больницѣ врачъ и фельдшеръ... Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ принесенъ былъ въ больницу на рукахъ двумя сыновьями своими больной крестьянинъ, страдавшій невыносимыми спазмами: онъ мучился, въ безпамятствѣ метался по полу. И этому страдальцу немедленно подана помощь; онъ въ моихъ глазахъ успокоился, почувствовавъ облегченіе и съ горячими слезами молился Богу о здоровьѣ своего барина, проливающаго на своихъ крестьянъ благодѣянія. А обрадованные сыновья облегченіемъ страданій отца стояли на колѣняхъ безмолвные, скрестивъ руки и вперивъ глаза въ икону, поставленную въ переднемъ углу.—Какой поучительный примѣръ для тѣхъ, кому Провидѣніе поручаетъ меньшую братію въ назиданіе и покровительство!

Вотъ новыя впечатлѣнія Порѣчья и воспоминанія прежнихъ чувствованій! Въ этой прекрасной обители науки и искусства соединено все, что только можетъ придумать просвѣщенный умъ, изящный вкусъ: это усадьба богатаго литератора. Здѣсь черезъ три года природа по прежнему юная, роскошная; село изукрашено, разбогатѣло учеными и художественными сокровищами: что же стало съ нами въ этотъ мигъ для природы, а для насъ въ это продолжительное время— въ три года? Нынѣшнее общество наше было многолюднѣе прежняго; изъ прежнихъ же гостей не доставало товарища,

повѣдавшаго намъ таинственныя судьбы перваго Самозванца и оставившаго столько пріятныхъ воспоминаній о своемъ юморѣ *). Но сколько измѣненій съ нами въ три года! Юноши созрѣли; изъ пожилыхъ одни стали супругами и отцами, другіе супруги и отцы понесли невозвратимыя утраты; нѣкоторые успѣли побывать за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ; а всѣ въ три года перечувствовали столько, сколько въ старину едва ли доводилось перечувствовать въ три десятка лѣтъ, и насмотрѣлись того, чего прежде отцы наши во всю жизнь не видывали. Англичане въ это время проникли въ Небесную Имперію, а Французы утвердили поселенія въ древнемъ Тунисѣ. Умъ человѣческій отыскиваетъ въ природѣ новаго дѣятеля, сильнѣйшаго паровъ. Электричество отправляетъ должность вѣстовщика въ телеграфахъ. Свѣтопись Дагерра и галванопластика Якоби считаются уже старыми изобрѣтеніями. И мало ли чего не случилось въ это время? Что жъ въ насъ прежняго, неизмѣняемаго? Чувство любви ко всему истинному, благому и изящному; оно торжествуетъ надъ тлѣнностью вещественнаго міра; оно вѣчно юно, отъ времени и опыта крѣпнетъ; оно, какъ духъ, безсмертно. Отъ того при всѣхъ измѣненіяхъ всего насъ окружающаго"...

Само собою разумѣется, что эти исключенія не могли быть пріятны Давыдову. „Статьѣ", писалъ онъ Погодину, „отъ сжиманій и стискиваній стало хуже. Признаюсь, еслибъ вы не стѣснялись сами временемъ, я просилъ бы лучше совсѣмъ не печатать ничего. Едва ли въ этомъ видѣ понравится она С. С. Уварову. Впрочемъ вы взяли на себя отвѣтственность предъ нимъ, а потому *предварительно напишите ему о причинахъ*, побудившихъ къ *измѣненію* статьи. Вотъ каково съ нашей братіей имѣть дѣло! Похвала Астронома позволительна, а мы не можемъ ничего сказать пріятнаго.... Впередъ наука: люди не позволятъ и добрымъ быть. Вы замѣчаете, что и мое желѣзное терпѣніе нѣсколько поколебалось: согласитесь, что всему есть предѣлъ. Желать и дѣ-

*) М. П. Погодина.

лать другимъ добро я не перестану; а статей, о которыхъ идетъ дѣло, писать не буду. Съ величайшимъ принужденіемъ прочту я корректуру статьи, или, лучше сказать, карикатуру на статью, и принужденъ исключить изъ нея еще нѣсколько фразъ. Вы такъ напугали меня, что я боюсь, чтобъ не были перетолкованы и слова, взятыя изъ Священнаго Писанія".

Между тѣмъ самъ Уваровъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія статьи о Порѣчьѣ, и уже изъ Петербурга Спасскій писалъ Погодину: „Скажите, Бога ради, отчего до сихъ не выходитъ *Москвитянинъ* и съ нимъ описаніе нашихъ продѣлокъ въ Порѣчьѣ... Прошу напомнить обо мнѣ И. И. Давыдову и всѣмъ остальнымъ товарищамъ по Порѣчью" [310]).

Вскорѣ по возвращеніи Министра въ Петербургъ къ нему являлся А. В. Никитенко и вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „По утру былъ у нашего Министра. Кажется, на него порядочно подѣйствовалъ пріемъ лести, поднесенный ему Москвичами: онъ недавно изъ Москвы. Слабые нервы этого живого, но не твердаго ума не выносятъ этого рода щекотанія. Онъ ужасно вооруженъ противъ *Отечественныхъ Записокъ*, говоритъ, что у нихъ дурное направленіе—соціализмъ, комунизмъ и т. д. Очевидно, что это *навѣяно Москвичами-патріотами*, которымъ во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не щадить *Отечественныхъ Записокъ*" [311]).

Смѣемъ думать, что проницательный умъ Уварова и безъ пособія *Москвичей-патріотовъ* могъ усмотрѣть въ *Отечественныхъ Запискахъ* то направленіе, которому онъ, какъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, не могъ покровительствовать. При этомъ замѣтимъ, что въ то время Бѣлинскій и его друзья, по свидѣтельству А. Н. Пыпина, увлекались Арнольдомъ Руге. „Когда *Deutsche Jahrbücher* были запрещены Саксонскимъ Правительствомъ, Руге рѣшился продолжать свое дѣло во Франціи; въ новыхъ *Jahrbücher* должны были соединиться лѣвая сторона гегеліанства съ Французскимъ соціализмомъ. Кружокъ Бѣлинскаго еще раньше былъ знакомъ съ тѣмъ и

другимъ, сочувствовалъ обоимъ, и понятно, что ихъ содиненіе произвело на Бѣлинскаго впечатлѣніе, и онъ писалъ одному изъ своихъ Московскихъ друзей: „N писалъ тебѣ о Парижскомъ Ярбюхерѣ, и что будто я отъ него воскресъ и переродился. Вздоръ! Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить. Два дня я былъ отъ нея бодръ и веселъ,—и все тутъ. Истину я взялъ себѣ (рѣзкія выраженія, выраженія противъ *тьмы, мрака, цѣпей* и пр.). — Все это такъ, но вѣдь я, по прежнему, не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародывать?.. Мертвый капиталъ“ [312]).

LXIV.

Во второй половинѣ 1844 года, послѣ публичныхъ лекцій Грановскаго, С. П. Шевыревъ имѣлъ дерзновеніе открыть въ Москвѣ публичный курсъ объ *Исторіи Русской Словесности, преимущественно Древней*. Въ это время непримиримая борьба Западниковъ съ Словенофилами доходила до крайнихъ предѣловъ и вскорѣ завершилась окончательнымъ разрывомъ: Западники, сильные сочувствіемъ къ нимъ молодого университетскаго поколѣнія, явно торжествовали. „Словенофилы“ писалъ Герценъ,—„набрасываютъ на насъ смѣшной и жалкій упрекъ, что мы ненавидимъ Россію; да изъ которой же стороны нашихъ словъ, дѣлъ, мнѣній это видно? Неужели изъ того, что мы страдали, а они нѣтъ, что мы становились въ оппозицію, которая только могла насъ вести въ ссылку, а они нѣтъ... Мы разно поняли вопросъ о современности, мы разнаго ждемъ, желаемъ; развѣ это мѣшаетъ намъ быть столько же патріотическими. Да, въ нашъ патріотизмъ входитъ общечеловѣческое и не токмо входитъ, но занимаетъ первое мѣсто; а у нихъ развѣ Христіанство? Какое-нибудь Суздальское явленіе? Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы

мы протянули другъ другу руки — нѣтъ; но не слѣдуетъ и того, чтобы вся монополь любви къ Отечеству принадлежала имъ, и они имѣли бы право насъ упрекать въ ненависти къ Россіи... Имъ нужно былое, преданіе, прошедшее, намъ хочется оторвать отъ него Россію; словомъ, мы не хотимъ той Руси, которой нѣтъ, то-есть, до-Петровской, а той новой Руси они совершенно не знаютъ, они отрицаютъ ее такъ, какъ мы отрицаемъ древнюю". Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника* Герценъ изображаетъ начало Словенофильства: „Словенофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой Исторіи Западной Литературы. Появленіе національно-романтической тенденціи въ Германіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ, тенденціи, которая находила слишкомъ всеобщею и космополитическою науку и мысль, шедшую отъ Лейбница, Лессинга до Гердера, Гете, Шиллера... Какъ ни естественно было появленіе нео-романтизма, но оно было не болѣе какъ литературное, научное явленіе безъ симпатіи массъ, безъ истинной дѣйствительности; не трудно было угадать, что черезъ десять лѣтъ объ нихъ забудутъ. Точно такое же положеніе занимаютъ Словенофилы. Они никакихъ корней не имѣютъ въ народѣ, они западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій; это болѣзнь литературная и больше никакого значенія не имѣющая. Они вспоминаютъ то, что народъ забываетъ, и даже о настоящемъ имѣютъ вовсе несходное мнѣніе съ народнымъ. Недавно я слышалъ, какъ они говорятъ о нравственной и кротко-семейной жизни сельскаго духовенства, о вліяніи этихъ добрыхъ отцовъ семейства на крестьянъ, or donc, кто когда-нибудь живалъ въ деревняхъ или говорилъ съ крестьянами хоть на большой дорогѣ, тотъ знаетъ истину такой идилліи". Говоря о книгѣ Прудона *De la création de l'ordre dans l'humanité*, Герценъ находитъ, что самая лучшая часть ея „это доказательства невозможности религіи въ грядущемъ; выводъ Прудона силенъ, энергиченъ и смѣлъ, онъ заключаетъ словами прекрасно благородными. Вспомнимъ, какъ религія благословеніемъ своимъ встрѣчала насъ

при рожденіи и какъ молитвами провожала тѣла наши, сдѣлаемъ для нея то же, похоронимъ ее съ честью, вспоминая ея благодѣянія человѣчеству".

„Мы", говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ,—„могли бы не ссориться съ Словенофилами изъ-за ихъ дѣтскаго поклоненія дѣтскому періоду нашей Исторіи; но принимая за серьезное ихъ Православіе, но видя ихъ церковную нетерпимость въ обѣ стороны, въ сторону науки и въ сторону раскола, мы должны были враждебно стать противъ нихъ. Мы видѣли въ ихъ ученіи новый елей, помазывающій царя, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе ея какому-то монастырскому чину Азіатской Церкви, всегда колѣнопреклоненной передъ свѣтской властью. На Словенофилахъ лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа Русскаго, ни его Исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни" [313]).

Послѣ этого намъ становится ясною слѣдующая лаконическая запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Говорилъ съ Шевыревымъ объ Университетѣ. Христіанское направленіе нѣкоторые новые господа называютъ обскурантизмомъ". Противодѣйствіе подобному направленію и Погодинъ, и Шевыревъ считали своею священною обязанностью. „Все думаю", пишетъ Погодинъ,—„о томъ, въ какой мѣрѣ человѣкъ можетъ дѣйствовать самъ по себѣ, осуждать чужія дѣйствія, противодѣйствовать. Напримѣръ, дѣйствія графа Строганова и нѣкоторыхъ изъ молодыхъ профессоровъ явно вредныя. Какъ же не осуждать ихъ, какъ не принимать никакихъ мѣръ?"

Замѣтимъ также, что по литературнымъ понятіямъ Западниковъ того времени не допускалось самаго существованія Древней Русской Литературы, и первый опытъ ея *Исторіи*, вышедшій въ 1839 году и принадлежащій М. А. Максимовичу, рецензенты называли Исторіею небывалой Словесности *). При такомъ вѣяніи времени и при такихъ взглядахъ Шевыревъ имѣлъ мужество съ каѳедры, предъ лицомъ всего Мо-

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. V, 457—460.

сковскаго общества, внушить уваженіе и сочувствіе къ Древней Русской Словесности, которая, по его справедливому убѣжденію, была *искони сосудомъ Вѣры* и, главнымъ образомъ, заключала въ себѣ душеспасительныя книги, и что на этихъ книгахъ основано религіозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петра, ни всѣ за него послѣдовавшія и ожидаемыя, не имѣли бы своего правильнаго и прочнаго развитія. По убѣжденію Шевырева: „сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Россіи будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ въ нашемъ древнемъ благочестіи“.

Съ такими мыслями выступилъ Шевыревъ во второй половинѣ 1844 года на каѳедрѣ, и эти мысли нашли полное развитіе въ его публичныхъ лекціяхъ.

Свои приготовленія къ публичнымъ лекціямъ Шевыревъ началъ еще въ 1843 году, когда, проживая лѣто этого года въ селѣ Вяземахъ Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда*), онъ трудолюбиво изучалъ по источникамъ Исторію Древней Русской Словесности. „Въ деревнѣ работается славно“, писалъ онъ Погодину (25 іюня 1843 года),—„всему время свое. Никто не мѣшаетъ. Рай. Такъ бы прожилъ годъ, а не два мѣсяца, и много бы сдѣлалъ“. Древлехранилище его друга Погодина послужило для него неисчерпаемымъ источникомъ.

Запасшись основательными свѣдѣніями по своему предмету, Шевыревъ открылъ свой публичный курсъ. Передъ началомъ его Шевыревъ съ дозволенія Погодина перенесъ къ себѣ въ домъ частицу мощей св. Первоучителя Словенскаго Кирилла. По свидѣтельству Погодина, „избранное Московское Общество неутомимо собиралось слушать Шевырева. Дворъ Университета былъ заставленъ каретами. Лекціи производили большое впечатлѣніе. Шевыревъ возбудилъ вниманіе и участіе

*) Село это въ настоящее время принадлежитъ Свѣтлѣйшему князю Димитрію Борисовичу Голицыну.

къ трудамъ такихъ древнихъ дѣятелей, которые были почти неизвѣстны публикѣ, къ трудамъ Кирилла и Меѳодія, Нестора, Ѳеодосія, Кирилла Туровскаго. Курсъ Грановскаго, имѣвшій свои достоинства и свою партію, нисколько не помѣшали успѣхамъ Шевырева, не смотря на старанія противниковъ" [314]). Самъ Шевыревъ послѣ одной изъ своихъ лекцій писалъ Погодину:

„Вчерашняя моя лекція превзошла двѣ первыя: она произвела какое-то единодушное впечатлѣніе. Кажется, всѣ партіи соединились—и не было уже голоса противъ. Я говорилъ ее просто — и самъ былъ доволенъ изложеніемъ. Богъ благословилъ меня. Не даромъ я на канунѣ провелъ часъ въ молитвѣ и чтеніи Житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя. Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой. Эта лекція была его внушеніемъ". Въ другомъ письмѣ (отъ 3 декабря 1844 года) Шевыревъ писалъ слѣдующее: „Есть партія мнѣ враждебная, которая распространяетъ слухи: дѣльно-де, но скучно для дамъ. Но благоразумныя дамы говорятъ другое: не все же насъ забавлять цвѣточками. Но вчера Богъ помогъ все соединить. Лекція эта поселила во мнѣ какое-то спокойствіе, твердость и силу".

Успѣхъ Шевырева произвелъ радостное впечатлѣніе на его друзей и Словенофиловъ. „Знай нашихъ", писалъ изъ Кіева Максимовичъ Погодину,—„молодцы ей Богу" [315]). Языковъ вдохновенно привѣтствовалъ его:

Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Ты добросовѣстно и смѣло
И чистой пламенной душой
Созналъ свое святое дѣло —
И, возбужденная тобой,

Краснорѣчиво рукоплещетъ
Тебѣ великая Москва!
Такъ пусть же на тебя клевещетъ
Мірская, глупая молва!

Твои враги... они чужбинѣ
Отцами проданы съ пеленъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ
И совѣсть ихъ прокажена.

Такъ ихъ не слушай—будь спокоенъ
И не смущайся ихъ молвой,
Науки жрецъ и правды воинъ!
Благословится подвигъ твой;
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своенародныхъ,
Возстановилъ и укрѣпилъ [316]).

По поводу этого посланія Шевыревъ писалъ Погодину: „Развѣ ты хочешь его печатать? Враги скажутъ, что это въ пику лекціямъ Грановскаго. У меня есть еще прекрасные стихи Берга ко мнѣ и неизвѣстнаго, которые также могли бы быть напечатаны. Но закричатъ: Хвалится! Богъ съ ними!“

И. В. Кирѣевскій въ письмѣ своемъ къ А. П. Зонтагъ въ Бѣлевъ о лекціяхъ Шевырева между прочимъ писалъ: это „оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой Словесности. Изъ-подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова“. Не менѣе Кирѣевскаго былъ обрадованъ успѣхомъ Шевырева и Хомяковъ. „Шевыревъ, кто бы изъ васъ ожидалъ“, писалъ онъ Ю. Ѳ. Самарину,—„я самъ ожидалъ не вполнѣ, сдѣлалъ подвигъ великій: онъ опредѣлилъ многое и опредѣлилъ съ каѳедры, опредѣлилъ публично, въ услышаніе трехъ сотъ слушателей, съ тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, съ тою смѣлостью и съ тою теплою любовью, которыя ему свойственны.

Его успѣхъ, по моему мнѣнію, превосходитъ успѣхъ Грановскаго. Успѣхъ Грановскаго былъ успѣхомъ личнымъ, успѣхомъ оратора; успѣхъ Шевырева—успѣхъ мысли, достояніе общее; шагъ впередъ въ наукѣ. Даже явное несогласіе большинства—есть торжество. Это поднятые вопросы, это недовѣріе, эта критика, переходящая въ умственную жизнь публики. Другая и не менѣе важная выгода та, что, при уясненіи самихъ вопросовъ, мнѣніе каждое могло счесть своихъ послѣдователей или людей склонныхъ къ нему. Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь Университетъ, или почти весь держится другой стороны... Покуда большинство публики глядитъ къ Западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе станутъ ее пробуждать отъ ея умственной апатіи. Надобно только сохранить вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападенія Давыдова, который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, П. П. Новосильцова, который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и врагомъ Словенъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное“ [317]). Къ Веневитинову же Хомяковъ писалъ: „Вѣроятно ты по старой дружбѣ, которой, какъ извѣстно, ты никогда не измѣняешь, порадовался дѣятельному выступленію Шевырева на поприщѣ публичнаго преподаванія. Послѣ Грановскаго дѣло было трудное и опасное. Нашъ Шевыревъ вышелъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Онъ пробуждаетъ сильный интересъ, и если не равняется съ соперникомъ въ ораторскихъ достоинствахъ, то превосходитъ его въ пробужденіи интересовъ жизненныхъ и духовныхъ. Эти явленія многозначительныя, которыя показываютъ, на какую высоту стала Россія въ Европейскомъ просвѣщеніи и какъ самобытно она уже умѣетъ думать и гово-

рить. Кругъ нашей публики еще безспорно очень тѣсенъ, но вѣдь это только начало, такъ сказать, закваска мысли. Сила не въ числѣ, а въ плодотворности убѣжденія, принятаго хотя и малымъ числомъ. Триста слушателей Шевырева перевѣшиваютъ безспорно нѣсколько тысячъ читателей Французскаго романа, тѣмъ болѣе, что Москва не неподвижный городъ: она то-есть, ея зимніе жители разгуливаютъ лѣтомъ по всей Россіи, разнося и раскидывая мысли и сѣмена мысли, лекціи и *Москвитянинъ* служатъ пополненіемъ другъ другу и едва ли живая рѣчь, по своей теплотѣ и непосредственному дѣйствію на слушателя, не беретъ верха надъ журналомъ, не смотря на его большую полноту и многосторонность. Впрочемъ, такъ какъ ты не можешь никого посылать на лекціи, то, по крайней мѣрѣ, правдою и неправдою принуждай всѣхъ брать *Москвитянина* и *Библіотеку для Воспитанія*. Стыди, укоряй, соблазняй и пр. Держись, наконецъ, іезуитскаго правила: Compelle intrare" [318]).

Лекціи Шевырева печатались въ *Москвитянинѣ*, и Гоголь, прочитавъ отрывокъ изъ вступительной лекціи его, писалъ Языкову: „Шевыревъ вызрѣлъ и установился въ надлежащія границы. Все теперь какъ слѣдуетъ, не растянуто и не кратко, въ строгомъ логическомъ ходѣ и порядкѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ живомъ, непохожемъ вовсе на мертвечину сухопарой логики Нѣмецкой. Словомъ, въ первый разъ преподается наука въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ преподаваться въ Россіи и Русскимъ" [319]).

Недоброжелательствующая Погодину и Шевыреву Московская цензура сумѣла однако омрачить это свѣтлое торжество Православно-Русскаго ученія. Въ это время Шевыревъ печаталъ въ *Москвитянинѣ* свое *Введеніе въ Исторію Древней Русской Словесности*. Одно мѣсто изъ этого *Введенія* о древнемъ состояніи Христіанства и о церковной письменности, сумѣли представить Филарету съ превратными толкованіями, и оно, къ великому огорченію Шевырева, имѣло несчастіе заслужить неодобреніе митрополита. Шевыревъ обратился за

совѣтомъ къ Погодину, который по этому поводу писалъ ему: „Ты спрашивалъ у меня совѣтовъ. Такъ слушай же: къ графу Строганову ѣхать тебѣ не должно: не должно ставить третье лицо свидѣтелемъ своей побѣды, чтобъ не озлобить побѣжденнаго (митрополита)! Суди ты самъ, каково ему сдѣлаться уличеннымъ *Четью-Минеею* и тому под. По той же причинѣ не должно посылать и чрезъ Флерова, который сдѣлался бы также свидѣтелемъ, хотя менѣе, но все-таки непріятнымъ. Надо повести дѣло такъ, чтобы Филарету не стало стыдно, пощадить его монашеское самолюбіе. Какъ же это сдѣлать? Вотъ какъ: напиши письмо къ его секретарю (Александру Петровичу Святославскому): „М. г. Александръ Петровичъ. Господинъ цензоръ сообщилъ мнѣ вчера нѣкоторыя замѣчанія Его Высокопреосвященства на мою статью. Я принялъ ихъ съ глубокою благодарностью и сдѣлалъ исправленія. Въ другихъ усомнился, приписавъ ихъ невѣрной изустной передачѣ и представляю на судъ Его Высокопреосвященства свои основанія и поясненія. Я почелъ бы себя счастливымъ, еслибы Его Высокопреосвященству угодно было приказать сдѣлать исправленія въ моей статьѣ, имѣя въ виду сіи мои документы. Не смѣю прибавлять, что журналъ весь остановленъ изъ-за этой статьи, о которой я и предполагать не могъ, чтобъ наша цензура рѣшилась обезпокоить Его Высокопреосвященство“. Такъ или иначе, но только не черезъ Строганова и Флерова. Къ Строганову ты можешь, впрочемъ, съѣздить и сказать ему: я получилъ замѣчаніе и вотъ какъ отвѣчалъ“. Совѣтъ Погодина имѣлъ самое благое послѣдствіе. Вотъ что писалъ Филаретъ къ ректору Виѳанской Семинаріи, архимандриту Филоѳею *): „Если поступитъ въ цензуру статья профессора Шевырева о древнемъ состояніи Христіанства и церковной письменности въ Россіи, прошу не задержать ее. Вѣроятно, придетъ она къ вамъ исправленною; а если въ томъ видѣ, какъ была она на глазахъ у меня, то надобно хорошо досмотрѣть ея содержаніе. Сочинителю видится больше

*) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

языческаго, нежели есть. Напримѣръ, Русскія имена Добрыня, Истома, даваемыя, кромѣ полученныхъ отъ церкви, суть просто національныя, а ему кажутся языческими. Крестные ходы съ освященіемъ воды также почитаетъ онъ замѣномъ языческихъ обрядовъ, тогда какъ начало хожденія на воду въ Крещеніе, въ Преполовеніе, 1 августа рѣшительно находится внутри Христіанства, и не имѣютъ отношенія ни къ чему языческому" [320]).

Торжество Шевырева, то-есть, торжество Православно-Русскаго ученія причинило досаду и озлобленіе въ Западномъ лагерѣ. „Шевыревъ", писалъ Герценъ,—„никакъ не могъ примириться съ колоссальнымъ успѣхомъ лекцій Грановскаго, вздумалъ побить его на собственномъ поприщѣ и объявилъ свой публичный курсъ. Читалъ онъ о Дантѣ, народности въ искусствѣ, о православіи въ наукѣ и пр.; публики было много, но она осталась холодна. Онъ бывалъ иногда смѣлъ, и это было очень оцѣнено, но общій эфектъ ничего не произвелъ... Трудно было возбудить сочувствіе, говоря о прелестяхъ духовныхъ писателей Восточной Церкви и похваливая Греко-Россійскую Церковь. Только Θеодоръ Глинка и супруга его Евдокія, писавшая *о млекѣ Пречистой Дѣвы*, сидѣли обыкновенно рядышкомъ на первомъ планѣ и скромно опускали глаза, когда Шевыревъ особенно неумѣренно хвалилъ Православную Церковь. Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи—выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно было заступаться, не попавши въ острогъ" [321]). Въ то же время въ *Отечественныхъ Запискахъ* Герценъ напечаталъ юмористическую статью, съ посвященіемъ Бѣлинскому, подъ заглавіемъ: *Умъ хорошо, а два лучше*, въ которой осмѣялъ лекціи Шевырева. „Шевыревъ — первый профессоръ Элоквенціи", писалъ онъ,—„послѣ Тредьяковскаго, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о Русской Словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣсньютой чистымъ soprano, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ... Ше-

вырев возстановляетъ Русь, которой не было и—слава Богу— никогда не будетъ“ [322]).

Западники принимали мѣры, чтобы уронить чтенія Шевырева. Въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Съ Аксаковымъ о лекціяхъ Шевырева. Есть сильная партія противная“. Графъ Строгановъ не пропускалъ къ печати статей, сочувственно отзывавшихся о лекціяхъ Шевырева. „Ну что значитъ его дѣйствія“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „готовитъ ли онъ революцію для Александра Николаевича и не хочетъ, чтобы кто-нибудь дѣлалъ, что могъ, для ея предупрежденія“ [323]).

Съ своей стороны, Герценъ, охраняя судьбу благородныхъ юношей, собиравшихся ошикать Шевырева, даетъ имъ благой совѣтъ. „Шевырева“, писалъ онъ,—„готовятся принять свистками или ошикать... Это было бы хорошо, но за это можно уѣхать бѣднымъ юношамъ на Кавказъ, а потому лучше было бы имъ, то-есть, всѣмъ студентамъ рѣшительно не ходить на его публичныя лекціи“ [324]).

Всѣ эти происки Западниковъ и ихъ направленіе до глубины возмутили православную душу Языкова, и онъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, написалъ стихотворенія, послужившія поводомъ къ окончательному разрыву между Западниками и Словенофилами.

LXV.

Мы уже знаемъ, что Языковъ, удрученный тѣлесными страданіями, съ 1843 года поселился въ Москвѣ. Всей душою, исповѣдуя Православное Русское ученіе, онъ былъ связанъ узами крови и духа съ людьми этого направленія. Горечь своихъ тѣлесныхъ страданій онъ услаждалъ чтеніемъ Священнаго Писанія, Русскихъ Лѣтописей и бесѣдою съ друзьями. „Ради святого неба перетряхни старину“, писалъ ему Гоголь,— „возьми картины изъ Библіи, или изъ коренной Русской ста-

рины, но возьми такимъ образомъ, чтобы онѣ пришлись именно къ нашему вѣку, чтобы въ нихъ или упрекъ, или одобренья ему было. Недавно я нашелъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* выписки изъ книги *Выходы Царей* *), которыя, кажется, были приведены съ тѣмъ, чтобы показать незначительность такихъ описаній. Но въ нихъ такъ свѣжи изображенья наряда и всѣхъ царскихъ облаченій, и такъ каждое слово, кажется, создано на то, чтобы уложиться въ стихъ, что мнѣ такъ и представлялся царь, идущій къ вечернѣ".

Языковъ мечталъ завести въ Москвѣ собственный домъ, и эту мечту его весьма одобрялъ Гоголь, который по этому поводу писалъ: „Мысль завести собственное гнѣздо въ Москвѣ недурна, совершенно прилична литератору, особенно домосѣду... Если черезъ годъ и Жуковскій переѣдетъ на жительство въ Москву, то Москва получитъ бо́льшую значительность и степенность, какой ей не доставало. Тогда можетъ возстановиться въ ней та литературная патріархальность, на которую у ней есть только претензіи, но которой въ самомъ дѣлѣ нѣтъ" [325]).

Житье въ Москвѣ имѣло благотворное вліяніе на духовную жизнь Языкова, и, по замѣчанію Шевырева, „со струнъ его лиры сильнѣе чѣмъ когда-нибудь раздались высокія пѣсни". Таково его стихотвореніе *Землетрясеніе*, которымъ онъ украсилъ *Москвитянинъ* 1844 года. Есть священное преданіе въ нашей Церкви, что на тринадцатомъ году царствованія Ѳеодосія Младшаго, въ Константинополѣ было страшное землетрясеніе. По предложенію св. Прокла рѣшились совершить всенародное молебствіе. Императоръ и Патріархъ шли босые. Это было за двадцать дней до Пасхи. Во время самыхъ молитвъ земля всколебалась сильнѣе и народъ восклицалъ: Κύριε ἐλέησον! *Господи помилуй!* Около 3-го часа дня одинъ отрокъ поднятъ былъ на воздухъ. Не долго спустя онъ опять опустился на землю невредимый и сказалъ, что слышалъ тамъ пѣніе Ангеловъ, которые и по-

---

*) Изданы П. М. Строевымъ.

велѣли ему пѣть на землѣ: Ἅγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος ἐλέησον ἡμᾶς! *Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.* Народъ повторилъ вмѣстѣ съ отрокомъ небесную пѣснь, и землетрясеніе прекратилось. Благочестивая Пульхерія, сестра императора, и Ѳеодосій издали повелѣніе объ употребленіи сей пѣсни при богослуженіи во всѣхъ мѣстахъ.

Это священное преданіе Языковъ передалъ вдохновенными стихами и въ заключеніе, обращаясь къ самому себѣ, сказалъ:

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены [326]).

Стихотвореніе это произвело сильное впечатлѣніе на Гоголя. „Благодарю Бога“, писалъ онъ Языкову,—„за то, что желаніе сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотвореніе твое. Ты, вѣрно, самъ догадаешься, что на *Землетрясеніе*: Да послужитъ оно тебѣ проспектомъ впередъ! Какое величіе, простота и какая прелесть внушенной самимъ Богомъ мысли! Оно, вѣрно, произвело у насъ впечатлѣніе на всѣхъ, не смотря на разность вкусовъ и мнѣній. Скажу тебѣ также, что Жуковскій, подобно мнѣ, былъ пораженъ имъ и призналъ его рѣшительно лучшимъ Русскимъ стихотвореніемъ. Это слишкомъ много, потому что онъ вообще былъ строгъ къ тебѣ...“ [327]).

„Съ такимъ духомъ“, замѣчаетъ Погодинъ,—„Языкову, разумѣется, были противны нѣкоторые новые толки о Русской жизни, о Русской Исторіи, появившіеся въ Петербургскихъ журналахъ и нашедшіе нѣсколько отголосковъ въ Москвѣ“ [328]), и онъ написалъ три стихотворенія, въ одномъ изъ нихъ Чаадаевъ представляется отступникомъ:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!..
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ...
И ты еще не сокрушенъ...
Ты все стоишь, красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!?.
Ты цѣлъ еще!.. Тебѣ понынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ;
Твоей насмѣшливой гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ...
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать!
На все, на все, что намъ священно,
На все, чѣмъ Русь еще жива...
Тебя мы слушаемъ смиренно...
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами;
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И не брезгливымъ языкомъ... [329]).

Погодинъ, прочитавъ это стихотвореніе, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Языковъ написалъ стихи на Чаадаева. Предосадно! За что на бѣднаго нападать? Вотъ на Строганова бы, да на новыхъ шарлатановъ"; а передъ тѣмъ Погодинъ посѣтилъ Чаадаева, но былъ принятъ имъ *сухо*. Отмѣчая это въ своемъ *Дневникѣ*, Погодинъ прибавилъ: *молодые герои* [330]).

Но праведно негодующая муза Языкова не пощадила и *молодыхъ героевъ*. Грановскаго онъ представилъ какъ лжеучителя, губящаго юношество:

...Ты—краснорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей невѣждъ,
Ты—легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ.

На Герцена Языковъ напалъ какъ на лакея, щеголяющаго западной ливреей. Въ посланіи къ К. С. Аксакову,

укоряя его за знакомство и пріязнь съ Западниками, Языковъ задѣваетъ и Герцена:

Ты молодецъ! Въ тебѣ прекрасно
Кипитъ, бурлитъ младая кровь,
Въ тебѣ возвышенно и ясно
Святая къ родинѣ любовь
Пылаетъ. Бойко и почтенно
За Русь и нашихъ ты стоишь;
Объ ней поешь ты вдохновенно,
Объ ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродѣтельныхъ царей,
Могучихъ силою родною,
Ты ей желаешь. Милъ мнѣ ты.
Сіяютъ свѣтлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мнѣ. Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше Истины Святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто Нѣметчинѣ лукавой
Передался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой,
Идетъ блистательный лакей...
А православную царицу,
А матерь Русскихъ городовъ
Смѣнить на пышную блудницу
На Вавилонскую готовъ!..

Всѣхъ же, раздѣляющихъ идеи Западниковъ, Языковъ въ своемъ стихотвореніи *Къ Не Нашимъ* клеймитъ какъ измѣнниковъ Отечества:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не Русскій вы народъ!

Не любо вамъ святое дѣло
И слава нашей старины,

Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство. Вы полны

Не той высокой и прекрасной
Любовью къ родинѣ; не тотъ
Огонь чистѣйшій, пламень ясный
Васъ поднимаетъ. Въ васъ живетъ

Любовь не къ истинѣ и къ благу.
Народный гласъ—онъ Божій гласъ.
Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.
Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ.

Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, безсмысленно звучатъ;
Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ.

Ихъ презираетъ гордость ваша,
Святыня древняго Кремля,
Богатство, сила, крѣпость наша,
Ничто вамъ. Русская земля

Отъ васъ не приметъ просвѣщенья,
Вы странны ей. Вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны.

Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
И не умѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ!
Крѣпка, надежна Русь святая
И Русскій Богъ еще великъ!.. [331]).

„Самъ Богъ внушилъ тебѣ", писалъ Гоголь Языкову,—„прекрасные и чудные стихи *Къ Не Нашимъ*. Душа твоя была органъ, а бряцали по немъ другіе персты. Они лучше самаго *Землетрясенія* и сильнѣе всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси... *Къ Не Нашимъ* произвели такое же впечатлѣніе, какъ на меня самого, на моихъ знакомыхъ, то-есть, на семейство Віельгорскихъ и на графа А. П. Толстаго, которые отъ нихъ безъ ума; но А. И. Тургеневъ, кажется, за-

крутитъ носъ, а можетъ быть, даже и чихнетъ". Но тотъ же Гоголь писалъ Языкову и слѣдующее: „Не увлекайся ничѣмъ гнѣвнымъ... Слово наше должно быть благостно, если оно обращено къ кому-нибудь лично изъ нашихъ братій. Нужно, чтобы въ стихотвореніяхъ слышался сильный гнѣвъ противъ врага людей, а не противъ самихъ людей... Не лучше ли быть снисходительнѣй... Много изъ нихъ въ существѣ своемъ люди добрые... А вѣдь противъ нихъ большею частію въ такомъ смыслѣ было говорено: *Ваши мысли всѣ ложны. Вы не любите Россіи, вы предатели ея.* А между тѣмъ ты самъ знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастію, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды. Преступленія ихъ въ томъ, что они нѣкоторыя *частности* распространяютъ на *общее*, исключенья выставляютъ въ правила, временныя болѣзни принимаютъ за коренныя, во всякомъ предметѣ видятъ *тѣло* его, а не *духъ*..." [332]).

Когда стихи Языкова дошли по адресу, то Герценъ писалъ: „Умирающей рукою, нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и словенофиломъ по родству, хотѣлъ стегнуть насъ; по несчастію онъ для этой цѣли избралъ опять-таки полицейскую нагайку... Онъ не называлъ насъ по имени, ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ залы въ залу доносъ въ стихахъ... Имя поэта, имя чтеца, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, кругъ, который этимъ восхищался, — все это сильно раздражало умы". Не видавши еще стиховъ, Герценъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Языковъ написалъ какіе-то ругательные стихи на Чаадаева, Грановскаго и меня! Грановскаго онъ никогда не видалъ, меня разъ. Я не читалъ это произведеніе словенофильскихъ наущеній Хомякова и оскорбленнаго самолюбія поэта, нѣкогда нравившагося, теперь выжившаго изъ ума, отсталаго. Мы не курили ему фиміамъ, не считали за счастіе раздѣлять его томящую бесѣду. Наконецъ *Отечественныя Записки* недавно въ прекрасной и ловкой статьѣ оцѣнили его по заслугамъ. Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы прочесть для того, чтобъ убѣдиться еще

въ одной чертѣ этой котеріи, я почти увѣренъ, что тутъ есть невольный доносецъ. А Аксаковъ написалъ премилые стихи, отказываясь отъ Дмитрія Коптева и Вигеля. Это свой кругъ стариковъ, выжившихъ все бѣдное умственное достояніе, непризнанныхъ, отсталыхъ, съ ненавистью встрѣчающихъ каждую мысль; піэтисты, доносчики, злыя самолюбія, оскорбленныя притязательности: тутъ Глинка, Лихонинъ, Сушковъ и юный лѣтами.... Коптевъ. Это замкнутая котерія бездарности, догнивающіе остатки чего-то загнившаго прежде зрѣлости. О милая Москва! Мнѣ прежде казался И. В. Кирѣевскій несравненно оконченнѣе его брата Петра. Это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ Словенофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенціею исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность. Онъ — жертва, на которую палъ громъ за его народъ, за ту національность, которая бичуется теперь. Но Иванъ Васильевичъ хочетъ какъ-то и съ Западомъ поладить, вообще онъ и фанатикъ, и эклектикъ. Фанатикъ, чтобъ быть полнымъ, именно не долженъ быть эклектикомъ, иначе то, что придаетъ ему силу, рѣзкость, какъ паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, и выходитъ нѣчто неопредѣленное. Бездушному Хомякову все идетъ, и эта многосторонность... и это лукавство, предательски соглашающееся, и этотъ смѣхъ, которымъ онъ встрѣчаетъ негодованіе. Но Кирѣевскій долженъ бы быть оконченнѣе". Познакомившись же съ стихотвореніями Языкова, Герценъ писалъ: „Словенофилы, наконецъ, болѣе и болѣе являются узенькими людьми раскола. Стихи Языкова съ доносомъ на всѣхъ насъ привели къ объясненіямъ, которыя, съ своей стороны, чуть не привели къ дуэли Грановскаго и Петра Кирѣевскаго. Послѣ всего этого, наконецъ, личное отдаленіе сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ торжественно растался съ Грановскимъ и мною; видно было, что ему жаль, онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали

другъ другу, что служили инымъ богамъ, и что потому должны разойтиться одинъ направо, другой налѣво; уваженіе ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ и, можетъ, оба Кирѣевскіе, уносятъ личное уваженіе, а остальные — чортъ съ ними. Самаринъ не думаю, чтобъ ихъ былъ. Странная Русь, изъ нея высшими плодами являются или люди, опередившіе свое время до того, что задавленные существующимъ они безплодно умираютъ по ссылкамъ, или люди, опертые на прошедшее, никакой симпатіи не имѣющіе въ настоящемъ и также безплодно влачащіе жизнь".

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ, по поводу же стиховъ Языкова, пишетъ: „Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковію и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова и Кирѣевскихъ, не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснилъ на чистую воду Хомякова изъ-за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь, и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями." [338]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, Герценъ, скрывшись подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго, писалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*: „Кажется успокоившаяся отъ суетъ муза Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства; пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати; это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица* — при полномъ изданіи можно приложить адресы! Исправлять нравы! Что можетъ быть выше этой цѣли? Развѣ не ее имѣлъ въ виду и авторъ Выжигиныхъ и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?"

Въ первомъ нумерѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1845 г. Бѣлинскій напечаталъ статью *Русская Литература въ 1844 году*,

въ которой сдѣлалъ весьма рѣзкій и несправедливый разборъ вышедшихъ тогда стихотвореній Языкова и Хомякова. Этотъ разборъ, по замѣчанію А. Н. Пыпина, „вышелъ точно отвѣтомъ“ на стихотворенія Языкова. По поводу этой своей статьи Бѣлинскій писалъ къ одному изъ своихъ Московскихъ друзей: „Ты пишешь, будто моя статья не произвела на ханжей впечатлѣнія, и что они гордятся ею—вздоръ; если ты этому повѣрилъ, значитъ ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца литературнаго—ты никогда не былъ печатно обруганъ. Штуки, сударь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ людей не оставлю въ покоѣ“ [334]).

Какъ бы то ни было, но стихи Языкова послужили къ окончательному разрыву Западниковъ съ Словенофилами. „Въ 1844 году, когда наши споры“, пишетъ Герценъ,—„дошли до того, что ни Словене, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, Константинъ Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ: „Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ, проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься“. Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ“ [335]).

По поводу этого разрыва Самаринъ писалъ Аксакову: „Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ?.. Рано или поздно это должно было случиться. Такъ! Неприступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренно, то-есть, не было прочнымъ, жизненнымъ согласіемъ. Вспомни, какими искусственными средствами оно поддерживалось. Многое, очень многое насъ разлучаетъ и въ особенности то, что для насъ *многое осталось святынею,*

въ чемъ они видятъ безжизненныхъ идоловъ. Но вотъ что мнѣ кажется: не замѣшалось ли много страсти, много личности съ той и другой стороны; разрывъ былъ необходимъ, но, можетъ быть, въ иномъ видѣ".

Прошло нѣсколько лѣтъ, когда бѣднаго Языкова не было уже въ живыхъ и прахъ его покоился въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ между гробами Венелина и Валуева, Герценъ, разорвавши съ Отечествомъ всякія связи, издалъ въ Парижѣ книжку, подъ заглавіемъ: *Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie,* въ которой, отвелъ Чаадаеву почетное мѣсто. На эту книжку указалъ Чаадаеву старинный его пріятель графъ А. Ѳ. Орловъ, тогда шефъ жандармовъ. По поводу этого указанія Чаадаевъ писалъ къ графу А. Ѳ. Орлову: „Слышу, что въ книгѣ Герцена мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ моими мнѣніями. Хотя изъ словъ вашего сіятельства и вижу, что въ этой наглой клеветѣ не видите особенной важности, однако не могу не опасаться, чтобы она не оставила въ умѣ вашемъ нѣкотораго впечатлѣнія. Глубоко благодаренъ бы былъ вашему сіятельству, еслибъ вамъ угодно было доставить мнѣ возмножность ее опровергнуть и представить вамъ письменно это опроверженіе, а можетъ быть и опроверженіе всей книги. Для этого, разумѣется, нужна мнѣ самая книга, которой не могу имѣть иначе, какъ изъ рукъ вашихъ. Каждый русскій, каждый вѣрноподданный Царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда *наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ*".

Долгъ справедливости обязываетъ меня однако замѣтить, что въ то время Чаадаевъ исповѣдывалъ самыя монархическія убѣжденія. Въ сохранившемся письмѣ его (отъ 26 сентября 1849 года) къ Хомякову онъ между прочимъ писалъ: „Вражда

Европы не должна насъ лишать нашего высокаго призванія спасти порядокъ, возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ такъ, какъ мы сами имъ повинуемся, однимъ словомъ, внести въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное *начало*. Я увѣренъ, что въ этомъ случаѣ вы совершенно раздѣляете мое мнѣніе и не захотите, чтобъ Россія отказалась отъ своего назначенія, указаннаго ей Царемъ небеснымъ и царемъ земнымъ... Не знаю, почему, заключая, чувствую непреодолимую потребность выписать слѣдующія строки изъ послѣдняго слова нашего Митрополита: *Возвышеніе путей нашихъ въ нашихъ собственныхъ очахъ есть уклоненіе отъ пути Божія, хотя бы мы на немъ и находились*" [336]).

Эти строки взяты изъ *Слова* митрополита Московскаго Филарета, говореннаго въ Успенскомъ соборѣ *въ день вѣнчанія и помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича* [337]).

LXVI.

6 ноября, *утру глубоку*, 1844 года, Богу угодно было посѣтить Погодина страшнымъ несчастіемъ: въ это утро скончалась супруга его Елизавета Васильевна. „Роковой мѣсяцъ", записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Я лишился моего друга съ 5 на 6 число, въ 3 часу ночи. Другъ мой! Лилочка моя! Благодарю тебя и здѣсь за всѣ... За все счастіе, которое ты доставила мнѣ! Прости меня въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою: словомъ, дѣломъ, помышленіемъ. Я прощаю тебя, цѣлую руки твои. О какъ дорого искупилъ бы я всякое слово грубое, всякое нетерпѣливое замѣчаніе. Прости меня, Господи! пріими душу ея съ миромъ, прости ея согрѣшенія, облегчи ея страданія, если она несетъ какія. Какъ бы я радъ былъ взять ихъ на себя! Другъ мой! ты оставила меня..." [338]).

Погребеніе усопшей совершилось по лютеранскому обряду.

По поводу этого въ *Дневникѣ* Герцена, подъ 9 ноября 1844 года, мы находимъ слѣдующую странную запись: „Жалкія и парадоксальныя мнѣнія отчаянныхъ Словенофиловъ не такъ бы бѣсили, еслибъ онн были только нелѣпы, а то они не человѣчественны и противны. На похоронахъ Погодиной въ Лютеранской церкви они держали себя неблагопристойно, я просилъ Хомякова вспомнить, какъ онъ рекомендовалъ поступить съ иностранцемъ, который бы не снялъ шляпы въ проходѣ сквозь Спасскія ворота“ [339]).

Своимъ горемъ Погодинъ почувствовалъ сердечную потребность подѣлиться съ своимъ старымъ другомъ М. А. Максимовичемъ. „Извѣщаю тебя“, писалъ онъ,—„любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ,—какъ ты думаешь, о чемъ,—о кончинѣ моей жены! Ты любилъ ее искренно—пожалѣй обо мнѣ. Какъ-то легче становится на сердцѣ, излившись предъ людьми, въ участіи которыхъ увѣренъ. Ахъ, братъ, какъ мнѣ тяжело! Обнимаю тебя“ [340]). Максимовичъ не замедлилъ откликнуться. „Грустно, глубоко грустно было мнѣ прочесть“, писалъ онъ,—„послѣднія строки твои, любезный другъ Михаилъ Петровичъ! Какими тяжкими страданіями тѣла и души посѣщаетъ тебя Господь въ этомъ високосномъ роковомъ для тебя году!.. Понимаю вполнѣ и раздѣляю печаль твою о твоей милой, достойной Лизѣ... Я такъ искренно любилъ ее и любовался твоимъ счастьемъ съ нею: и вотъ уже его нѣтъ здѣсь; и ты остался одинъ безъ нея... Я такъ пріучилъ себя, привыкъ къ мысли о смерти своей собственной; но смерть тѣхъ, которымъ жить бы еще да жить, меня въ послѣднее время приводитъ въ невыразимое состояніе... Каково же твоей душѣ при этой потерѣ, при этой разлукѣ до новой, вѣчной жизни... Поставлю долгомъ себѣ отслужить панихиду въ Михайловскомъ монастырѣ о незабвенной покойницѣ и помолиться у гроба св. Варвары за ея душу“ [341]).

Съ великимъ утѣшеніемъ можемъ засвидѣтельствовать, что Погодинъ ниспосланное ему испытаніе перенесъ съ мужествомъ истиннаго христіанина. Заглянемъ теперь въ его рас-

терзанную душу, о состояніи которой намъ свидѣтельствуютъ его собственныя слова.

Подъ *29 ноября 1844*. „Былъ у меня архимандритъ Соловецкій Досиѳей. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ много примѣчательнаго, относящагося къ моему положенію, на что я почему-то старался наводить его. О поминаніяхъ. Они очень дѣйствительны, особенно въ продолженіе первыхъ шести недѣль. Слушалъ разсказы отъ графа Панина и Щепкиной о разныхъ несчастіяхъ въ семействахъ. Какъ будто получишь облегченіе, что и другіе страдаютъ вмѣстѣ съ тобою. Это грѣховное чувство. Сгинь оно. Дѣтей я ласкаю, чувствую нѣкоторое удовольствіе, чувствую что люблю ихъ, но это все не то, что было при ней. Любовь вдвоемъ не то, что теперешняя одинокая. И охота моя къ Древностямъ опостылѣла. Я не купилъ бы теперь ни одной вещи! Какъ будто изъ всего вылетѣла прелесть, привлекавшая... Она умерла! Неужели уничтожилась? Неужели нѣтъ ея? Не можетъ быть, сердце отклоняетъ такую нелѣпую мысль. Прочелъ письма Карамзина къ Муравьеву, въ которомъ, то-есть, Карамзинѣ, продолжаю видѣть много сходства со мною. Одинакія намѣренія при изданіи журнала.

— *30 Ноября*. Нынѣ думалъ меньше о Лизѣ. Другъ мой! Если она есть, а не быть ей нельзя, то ей вѣдь лучше тамъ: безъ здѣшнихъ заботъ, неудовольствія, ослѣпленія. Просматривалъ статью для *Москвитянина* и продолжалъ изслѣдованія. Къ Кирѣевскому... Съ удовольствіемъ замѣчалъ, что многое написалъ прежде, въ путешествіи, въ статьяхъ, но все это пропадаетъ незамѣченное.

— *1 Декабря*. Меня постигло несчастіе. Но сколько несчастій есть больше. А эти одиннадцать лѣтъ я былъ счастливъ. Сколько разъ была она въ опасности: при родахъ, въ Прагѣ, въ Парижѣ, въ дорогѣ. Богъ миловалъ! Теперь угодно было взять ее. Буди Твоя Святая воля! Даруй только мнѣ силу говорить это съ большею вѣрою, а не по привычкѣ. Она умерла, оплаканная всѣми, всѣми единодушно... Много еще счастія въ моемъ несчастіи. Какъ глубока теперь во мнѣ

мысль о тлѣнности, ничтожности человѣческой.—Смотрю въ окно, и домы кажутся мнѣ стоящими на лучинкахъ, дунетъ вѣтеръ и снесетъ ихъ долой. Какими пустыми кажутся замыслы, предпріятія. Мнѣ не надо ничего: ни почестей, ни богатства, ни славы. Я отказываюсь... Но какъ будто это великая жертва! О много, много и безъ нихъ остается у человѣка. Онѣ ничего не значатъ. И съ нею не уважалъ ихъ много, а развѣ такъ, подчиняясь общему порядку. А теперь, теперь стыдно мнѣ и говорить объ нихъ. Еслибъ Богъ далъ пожить жизнь тихо, видѣть дѣтей честными, порядочными людьми. И это желаніе не сильно. Я радовался на мысль написать *Исторію*, согласно съ своими идеалами. Желаю еще и теперь, но безъ этой радости холодно, сухо. Грустить мнѣ, что она порадовалась мало на дѣтей. Но развѣ оттуда она не будетъ радоваться. Не дожила до порядка, въ который приводятся наши дѣла. Но наши порядки что же въ сравненіи. съ ея гармоніей. Лучше ей тамъ. О пошли ей, Господи! Хочется только, чтобъ она слышала мою любовь къ ней, мою грусть. Цѣлую тебя, дружечекъ мой! А все-таки жалко, что она не со мною. Бѣдныя земныя радости все-таки очень милы, особенно въ воспоминаніи, по разлукѣ. Читалъ псалтырь. Ѣздилъ къ Шевыреву. Плакалъ, увидѣвъ жену его за столомъ, а мой другъ улетѣлъ. Замѣчаніе на письмо Шевырева къ Министру, который думаетъ оказать ему благодѣяніе приглашеніемъ дать уроки Великимъ Князьямъ!! Онъ былъ у меня и прочелъ двѣ свои лекціи. Много лишняго и ученаго.

— *4 Декабря.* Днемъ часто находятъ сладкія минуты. Слезы и молитвы по моей Лизѣ. Написалъ письмо къ Макарію и Свѣчину за назиданіемъ и утѣшеніемъ. Соловьевъ принесъ Стрингольма, которому я очень обрадовался.

— *10 декабря.* Былъ Строевъ благодарить за участіе въ сынѣ.

— *11 декабря.* Разговоръ любопытный съ Липранди о старообрядцахъ и скопцахъ.

— *15 декабря.* Обѣдня, панихида на кладбищѣ. Горько плакалъ и молился о моемъ миломъ другѣ.

— *21 декабря.* Съ Лешковымъ, который не задолго передъ смертію Лизы какъ-то пріятно похвалилъ ее, заставая ее всегда за трудами, что доставило ей большое удовольствіе. Она меня даже попрекнула тогда, а я на другой день замѣтилъ, гладя по головѣ, что для исполненія своихъ обязанностей не надо ожидать постороннихъ похвалъ. Съ удовольствіемъ поплакалъ и полюбилъ еще болѣе Лешкова. Получилъ проповѣдь отъ Филарета. Писалъ *Параллель.*

— *23 декабря.* По утру много времени отнялъ Снегиревъ. Отчего бѣлое духовенство у насъ ничего не пишетъ. Филаретъ не допускаетъ. А онъ, вѣроятно, оправдываетъ себя боязнію Петербургскихъ обвиненій. Но вѣдь было время, когда онъ властвовалъ въ Петербургѣ.

— *24 декабря.* Я не смѣю назвать себя вѣрующимъ, но могу сказать, что не есмь невѣрующій. Господи! просвѣти! Читалъ Иннокентія. Цѣловалъ локонъ волосъ Лизиныхъ, какъ будто ее самою.

— *25 декабря.* Поплакалъ съ О. С. Аксаковой.

— *28 декабря.* Ногѣ лучше. Очень грустилъ по Лизѣ. Одинъ я! Какъ буду я маячить жизнь. Читалъ съ удовольствіемъ Іова.

— *29 декабря.* Вечеромъ былъ у меня Валуевъ, и говоритъ какъ путный. Въ статьѣ своей о Мѣстничествѣ онъ рѣжетъ Иванова по моимъ изслѣдованіямъ и указаніямъ, и однакоже ни слова обо мнѣ.

— *30 декабря.* Вечеромъ былъ у меня старикъ Самаринъ, и толковали о нынѣшнихъ дѣлахъ, о Строгановѣ.

— *31 декабря.* Грустно провожалъ годъ. Господи, буди воля твоя. Ожидалъ 12-ти часовъ, читая книгу *Небо,* которую и прочелъ... Вотъ и 12, 1844 годъ прошелъ: Другъ ты мой! Одинъ я провожаю его. Нѣтъ тебя со мною! Не цѣлую я тебя, не обнимаю я тебя, не прижимаю къ моему сердцу... Господи, прости ея согрѣшенія, со святыми упокой!

Подкрѣпи меня, не введи во искушеніе.... 16 мая переломилъ себѣ ногу. 27 сентября занемогла она. 6 ноября скончалась. Господи! Господи!“

Въ 1844 году и Царское Семейство потерпѣло тяжкую утрату. 11 августа этого года скончалась великая княгиня Александра Николаевна. Жуковскій изъ Франкфурта на Майнѣ писалъ въ Москву къ своему пріятелю А. Я. Булгакову: „Прошу тебя, мой милый Булгаковъ, описать мнѣ всѣ подробности, какія ты знаешь, кончины нашей несравненной Великой Княгини. Хотя ты и не въ Петербургѣ, но вѣрно все знаешь; да и въ Москвѣ многое можно собрать. Я желалъ бы имѣть все, что объ ней говорятъ, желалъ бы знать всѣ малѣйшія обстоятельства. Я знаю, что ты не полѣнишься мнѣ написать, ибо тебѣ будетъ усладительно говорить объ ней, и можешь быть увѣренъ, что сдѣлаешь мнѣ сердечное добро“ [342]). Намъ неизвѣстно, исполнилъ ли Булгаковъ желаніе своего друга, но извѣстно, что Жуковскій написалъ письмо Императору Николаю I, которое начинается такъ: „Итакъ, Богу угодно было изъ двухъ чашъ испытанія выбрать ту, которую должны испить Отецъ и Мать; а чаша Дочери *прошла* мимо; итакъ, нашъ ангелъ земной сталъ ангеломъ небеснымъ“. Кончается же письмо такими словами: „Мы всѣ молимъ Бога, чтобъ Онъ, пославъ Вамъ благодать страданія, послалъ Вашему сердцу и благодать своего утѣшенія. Да сохранитъ Онъ намъ долго, долго Вашу жизнь, залогъ нашего общаго счастія“. Письмо это было напечатано въ *Современникѣ* Плетнева. Разстерзанному въ то время страданіями Погодину письмо это было *примирительнымъ елеемъ* и онъ, перепечатавъ его въ своемъ *Москвитянинѣ*, сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Мы осмѣлились перепечатать это письмо изъ *Современника*: по содержанію своему оно принадлежитъ всему Отечеству — всему Христіанскому міру! Кто не обольется слезами, читая эти вдохновенныя строки, кто не найдетъ услажденія *въ самой жестокой горести*... Благодарность, горячая благодарность, любящему

сердцу, которое умѣетъ такими небесными звуками услаждать земное страданіе“ [343]). *Въ Дневникѣ* же своемъ (подъ 16 декабря 1844 года) Погодинъ записалъ: „Прочелъ письмо Жуковскаго въ *Современникѣ* и сладко плакалъ“.

LXVII.

Несчастіе, постигшее Погодина, возбудило къ страдальцу всеобщее участіе. Изъ массы полученныхъ имъ по этому поводу писемъ мы остановимся только на трехъ. „Всѣмъ сердцемъ болѣзную о постигшихъ васъ испытаніяхъ“, писалъ ему Преосвященный Анатолій,—„и тѣмъ искреннѣйше пріемлю участіе въ вашихъ горестяхъ, чѣмъ достовѣрнѣе, по собственному опыту, извѣстна мнѣ безплодность человѣческихъ утѣшеній въ скорбяхъ, подобныхъ вашей. Но опыты протекшей моей жизни также удостовѣрили меня, что злоключенія, поражающія христіанина, суть доказательства особеннаго о немъ попеченія Божія; что Промыслъ переплавляетъ человѣка въ горнилѣ бѣдствій, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него орудіе своихъ Божественныхъ плановъ. Посему я вполнѣ увѣренъ и смѣю утверждать, что вы, милостивый государь, вышедши теперь изъ школы самаго Провидѣнія, изъ сокровищницы вашихъ способностей, вашихъ свѣдѣній, вашего ума и сердца изнесете для Россіи, при содѣйствіи благодати Божіей, такія безцѣнныя драгоцѣнности, о бытіи коихъ въ вашемъ субъектѣ, быть можетъ, вы сами не помышляете и не догадываетесь. Однакожъ горюя подумайте напримѣръ: не пора ли, хотя общими силами, положить преграду господствующей въ Русской Литературѣ анархіи? Не пора ли обуздать, хотя бы силою власти, наглыхъ пришельцовъ съ братіею, осмѣливающихся учитъ Русскихъ Русскому языку, и этотъ языкъ, не уступающій ни одному ни изъ древнихъ, ни изъ новѣйшихъ языковъ, безнаказанно искажать, коверкать, уродовать? Полагаю, что всѣ благомыслящіе смѣло могутъ ожи-

дать сего отъ васъ на первый случай... Умоляя благость Божію: да усладитъ ваши горести небеснымъ своимъ утѣшеніемъ и укрѣпитъ силы ваши, съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію пребываю". По поводу этого письма Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 4 декабря 1844 г.): „Получилъ письмо отъ Анатолія, который пишетъ: *вы найдете въ себѣ теперь силу неожиданную для великихъ предпріятій*—и я заплакалъ: такъ ты, мой другъ, своею смертію дашь мнѣ силу. О, дорого она покупается. Смотрѣлъ и цѣловалъ ея портретъ".

Старый другъ и товарищъ Погодина Н. А. Загряжскій писалъ ему: „Потеря твоя, другъ мой Михаилъ Петровичъ, такъ велика, что у меня не доставало духу къ тебѣ писать; вотъ какъ слаба натура человѣческая! И теперь пишу къ тебѣ не слово утѣшенія, у меня его нѣтъ, но хочу дѣлить съ тобою скорбь твою и вмѣстѣ плакать съ тобою предъ Господомъ вездѣсущимъ, Онъ приметъ ихъ какъ лучшую дань нашей немощи. Онъ и Онъ Единъ только можетъ дать утѣшеніе. Молись Ему безконечно Милосердому Отцу, молись, не умствуя, просто, съ младенческою простотою, безъ разсужденія изливай предъ нимъ всю печаль свою, не удерживай ничего, но только старайся возбуждать въ себѣ духъ смиренія, глубокой покорности и любви: Онъ Отецъ любви пошлетъ любвеобильное утѣшеніе. Не оставитъ Онъ бѣдныхъ блуждающихъ чадъ своихъ, когда взываютъ они изъ глубины души своей. Совѣтуютъ, другъ мой, въ сильныхъ скорбяхъ прибѣгать къ врачеству сколько тѣлесному, столько и душевному, это врачевство есть постъ, и постепенно усиленный, имъ ослабляется наша плоть и дѣлается покорнѣй духу, а она, какъ извѣстно, непрестанно воюетъ противу духа; но съ симъ вмѣстѣ возбуждать непремѣнно должно и духъ непрестанною молитвою, и для того совѣтуютъ избирать самую удобную, безъискуственную, краткую, а именно: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй меня!* Повторять ее должно въ слухъ, если нельзя, въ мысляхъ, въ сердцѣ; при непрестан-

номъ упражненіи себя въ этомъ, все скорбное, гнетущее насъ, ослабѣваетъ, удаляется, и мы нечувствительно входимъ въ покойное, мирное состояніе, въ которомъ только и можетъ совершаться духовное общеніе съ Духомъ Святымъ.—Не изъ собственнаго опыта я пишу къ тебѣ сіе, нѣтъ, но люди, испытавшіе это, мнѣ передали. Но, другъ мой, остерегись оставаться только при наружномъ постѣ—онъ можетъ быть не только вреденъ, но и опасенъ. О какъ бы я желалъ теперь быть съ тобою!

Вѣроятно ты знаешь о кончинѣ князя А. Н. Голицына, я не буду говорить тебѣ, сколько мнѣ его жаль, разскажу тебѣ замѣчательный случай: Я думаю, ты помнишь его старика камердинера, онъ былъ при Князѣ съ младенчества и былъ десятью годами старше его, почему и не могъ ѣхать съ Княземъ въ Крымъ; въ ноябрѣ мѣсяцѣ занемогаетъ или, лучше сказать, начинаетъ гаснуть и все твердилъ, что Князь его зоветъ къ себѣ; передъ кончиною своею приказывалъ, чтобы укладывали скорѣе ему въ дорогу въ Крымъ, такъ и скончался 12-го, не зная, что Князь отчаянно боленъ, который тоже скончался 22 ноября. Вотъ примѣръ связи душъ человѣческихъ на землѣ; а я думаю, она у насъ не прерывается и съ умершими, только желать должно, чтобы укрѣпляла ее любовь Божественная.

Напиши мнѣ о твоемъ здоровьѣ, если самъ не въ состояніи, вели написать Большакову, котораго я обнимаю; нечего мнѣ тебѣ еще сказать, мое здоровье какъ-то расклеивается; на дняхъ опять было въ родѣ воспаленія въ кишкахъ, теперь прошло, только осталась слабость, видно — пошло подъ гору, да будетъ воля Божья!—Прощай, мой другъ, всею душею тебя обнимаю, перекрести за меня всѣхъ твоихъ малютокъ, поручаю ихъ и тебя, и себя въ безконечное милосердіе Божіе“ [344]).

16 ноября 1844 года С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю: „Я думаю, вы уже знаете о несчастіи бѣднаго Погодина... Словъ не достаетъ, чтобы выразить мое сожалѣніе о немъ, и

нѣтъ ихъ, чтобъ сказать ему что-нибудь утѣшительное; но онъ, къ счастію, истинный христіанинъ и покуда переноситъ великодушно тяжкое испытаніе. Жена вчера была у него". Въ отвѣтѣ своемъ Аксакову Гоголь писалъ: „Извѣстіемъ о смерти Е. В. Погодиной я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ, что Погодинъ перенесъ великодушно и твердо, какъ христіанинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку. Обратимся же отъ Погодина, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Напишите мнѣ все о Погодинѣ: какъ идетъ теперь его жизнь, каково его состояніе души и вообще каковы его перемѣны во всемъ?" [345]) О томъ же Гоголь просилъ и Шевырева: „Увѣдоми меня о состояніи Погодина: каковъ онъ самъ, чѣмъ занимается, и какъ идетъ у него все въ домѣ?" [346]) Отправляя письмо къ Погодину, Гоголь писалъ С. Т. Аксакову: „Вамъ слѣдуетъ съ нимъ видѣться почаще; вы можете быть ему полезны во многомъ вашею бесѣдою". [347]).

Самому же Погодину Гоголь писалъ: „Я уже слышалъ что Богъ посѣтилъ тебя несчастіемъ и что ты, какъ христіанинъ, его встрѣтилъ и принялъ. Другъ, несчастія суть великіе знаки Божіей любви. Они ниспосылаются для перелома жизни въ человѣкѣ, который безъ нихъ былъ бы невозможенъ; ибо природа наша жестка, и ей трудно безъ великаго душевнаго умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому послѣ всякаго несчастія мы должны строже, чѣмъ когда-либо прежде, взглянуть на самихъ себя. Что было прежде свято душѣ твоей, то должно быть отнынѣ еще святѣе. Слово: Россія, для которой ты никогда не жалѣлъ трудовъ своихъ, должно быть отнынѣ еще ближе твоему сердцу, и самые труды твои слиться съ самой душой твоей. Теперь уже не должна сопровождать тебя твоя доселѣ обычная торопливость: она имѣла свои полезныя стороны, но ею уже ты сдѣлалъ все,

что могъ. Возьмись за свое истинное дѣло, но возьмись за него какъ за святое, требующее сосредоточеннаго занятія, несуетнаго и не торопящагося. Не совершай его безъ внутренней молитвы и освяти прежде самого себя; безъ того не будетъ свято твое дѣло. Блюди въ то же время за своимъ душевнымъ спокойствіемъ, истребляя въ себѣ все, что можетъ поколебать его; не оставляй и мелочнаго недостатка въ себѣ, не говори: это пустякъ, его можно допустить,—истребляй его. Этого вѣрно желаетъ и проситъ отъ тебя душа, теперь ликующая на небесахъ, но не разставшаяся и тамъ съ земнымъ другомъ своимъ. Я знаю, что покойницу при жизни печалили два находящіеся въ тебѣ недостатки. Одинъ, который произошелъ отъ обстоятельствъ твоей первоначальной жизни и воспитанія, состоитъ въ *отсутствіи такта* во всѣхъ возможныхъ родахъ приличій, какъ на литературномъ, такъ и на свѣтскомъ вообще поприщѣ. Слово твое не имѣло въ себѣ примиряющей средины и потому никогда не производило того, чего ты хотѣлъ. Это отсутствіе такта было также причиной того, что ты огорчалъ людей, не думая ихъ огорчить, раздражалъ, думая примирить. Отсюда произошли всѣ непріятности, въ которыхъ обвинили тебя, и въ которыхъ душой ты не былъ виноватъ. Другъ, пріобрѣсти этого такта нельзя, какъ бы ты ни караулилъ самъ за собой и какъ бы ты ни остерегался. Онъ получается раннимъ воспитаніемъ, сливаясь уже съ самаго младенчества съ нашей природой. Но къ счастью, всѣмъ намъ есть средство достигнуть до него тѣмъ же путемъ, которымъ можно достигнуть до всего. Путь этотъ Самъ Христосъ. Кто живетъ уже по однимъ Его законамъ и внесъ Его во всякое дѣло своей жизни большое и малое — у того само собою выходитъ прилично. Такой человѣкъ, хотя бы не зналъ вовсе никакихъ условій свѣтскихъ, хотя бы жилъ до того съ звѣрями, а не съ людьми, пустынническк и удаленно отъ всѣхъ, но не оскорбитъ никого, попавшись въ соприкосновеніе съ людьми. И даже еслибы онъ попался въ самое этикетное общество, на немъ все

будетъ такъ само собою прилично, что никто не осудитъ въ немъ и малѣйшаго движенія. Другъ мой! Дай мнѣ слово исполнить мою просьбу, молю тебя объ этомъ во имя покойницы, зная, что ей будетъ и на небесахъ пріятно твое исполненіе такой просьбы: держи всегда у себя на столѣ книгу, которая бы тебѣ служила духовнымъ зеркаломъ. Для этого можно употребить съ пользою тоже *Подражаніе Христу*. Дай мнѣ слово при всякомъ поступкѣ, который будетъ предстоять тебѣ, какъ бы повидимому незначителенъ онъ ни былъ: случится ли тебѣ писать къ кому-нибудь письмо, или идти къ кому-нибудь съ тѣмъ, чтобы объясниться съ нимъ о дѣлѣ, случится о чемъ-либо просить кого-нибудь, или же поучать, пожурить и укорить кого, дай мнѣ слово прежде всего подойти къ столу, взять въ руки свое духовное зеркало и прочесть первую главу, какая попадется (почти всякая глава будетъ кстати), и не прежде, какъ подумавши хорошенько о прочитанномъ, приниматься за дѣло. Другой недостатокъ твой, который также не рѣдко смущалъ покойницу, искренно желавшую, чтобы его въ тебѣ не было—это гнѣвъ. Другъ, его также можно изгнать вовсе и почти такимъ же образомъ. Передъ тѣмъ временемъ, когда тебѣ захочется на кого бы то ни было излить гнѣвъ твой, прочти также первую попавшую страницу изъ своего духовнаго зеркала и подумай хорошенько о прочитанномъ. Изгони эти недостатки на вѣки. Теперь это возможно тебѣ: душа твоя умягчена, и чрезъ это вся природа твоя въ твоей власти; она теперь какъ воскъ и ждетъ того напечатлѣнія, которое ты дашь ей, совѣщаясь духомъ съ самимъ Творцемъ ея. Теперь тебѣ возможно то, что никогда не было бы возможно доселѣ, и что никогда не будетъ возможно потомъ. Повѣрь, что во всякомъ твоемъ дѣйствіи въ этомъ дѣлѣ будетъ тебѣ помогать та, которая, можетъ быть, молится о тебѣ всякую минуту. Да и можетъ ли быть иначе, можетъ ли быть, чтобы та, которая дѣлила съ тобой на землѣ труды и утѣшала тебя въ минуту скорби,

позабыла на небесахъ о своемъ другѣ. Почему знать, можетъ быть, и это письмо, которое пишу тебѣ, внушилось мнѣ вслѣдствіе ея же небесныхъ моленій о тебѣ: мы всѣ не болѣе, какъ орудія Божіи. Во всемъ и повсюду намъ могутъ предстать Божьи повелѣнья такъ же, какъ нѣкогда уста ослицы издали слово, когда Онъ повелѣлъ. Но прощай! посылаю, тебѣ страницу изъ Златоуста объ утратахъ, которая будетъ тебѣ по душѣ“ [348]).

Въ отвѣтъ на это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Горячими слезами облилъ я письмо твое, любезный другъ! благодарю, благодарю тебя за твое благодѣяніе. И всякій разъ плачу, какъ его перечитываю. Хотѣлъ отвѣчать тебѣ въ тотъ же день, хотѣлъ передать тебѣ свои ощущенія, и до сихъ поръ ничего не могу. Да, другъ мой, несчастіе поучительно. Успокоясь, сообщу тебѣ, что̀ со мной дѣлается. Теперь прощай. Благодарю, благодарю тебя еще разъ и обнимаю крѣпко. Дѣти здоровы. Моя нога нѣсколько покрѣпче ступаетъ, но безъ костылей не могу. Что Василій Андреевичъ? *) Мы слышали, что онъ боленъ. Сохрани его Богъ. Сколько доставило мнѣ сладкаго удовольствія письмо его къ Государю“ [349]). Въ *Дневникѣ* же своемъ (подъ 23 декабря 1844 года) Погодинъ записалъ: „Умилительное письмо отъ Гоголя. Читалъ его съ горячими слезами. Онъ указываетъ во мнѣ *гнѣвъ*. Я думалъ, что это горячность, вспыльчивость, но гнѣва въ смыслѣ злобы я не питаю ни на Каченовскаго, ни на Полеваго, ни на Строганова. Второй порокъ мой онъ называетъ *незнаніемъ приличій*. Я признаю его слѣдствія, но не находилъ ему имени, и Гоголево кажется невѣрное. Мнѣ чего-то недостаетъ. Я слишкомъ прямъ, что влечетъ для меня непріятности, кои Гоголь считаетъ происходящими отъ незнанія приличій. Я размышлялъ когда-то на дняхъ о своихъ дѣйствіяхъ, кои не приносятъ той пользы какую бъ должны приносить—не отъ

---

*) Жуковскій.

того ли, что я хотѣлъ какъ будто самъ дѣлать... Смирись и не думай дѣлать самъ. Самъ ты ничего не можешь, а пусть дѣлаетъ тобою Богъ. Думай, что ты ничего не дѣлаешь, и тогда ты сдѣлаешь много".

Къ своему письму Погодину Гоголь приложилъ страничку изъ Іоанна Златоуста, собственноручно имъ переписанную, которая начинается такъ:

„Кто видитъ распростертаго и лежащаго во гробѣ единороднаго сына, тотъ долженъ имѣть адамантовое сердце, чтобы кротко перенести постигшее его несчастіе. И если таковый, укротивъ волненіе естества, возможетъ безъ слезъ сказать съ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъятъ,* то за одно сіе слово съ самимъ Авраамомъ станетъ и вмѣстѣ съ Іовомъ прославленъ будетъ повсюду. И если, остановивъ вопли женъ и воспретивъ крики плачущихъ, обратитъ всѣхъ къ славословію Бога, то безчисленныя пріиметъ почести отъ Бога и отъ людей. Люди будутъ ему удивляться, ангелы рукоплескать ..... [350]).

„Семейная потеря ваша", писалъ Погодину Василій Васильевичъ Григорьевъ, — „расположила васъ къ благочестію, и вы смотрите теперь на ученыя занятія съ высшей христіанской точки зрѣнія, пишете объ этомъ ко мнѣ и думаете, не удивитъ ли меня такая перемѣна. Нисколько не удивляетъ, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, и если что странно для меня, такъ это—какъ не пришли вы ранѣе къ этому воззрѣнію. Жизнь и все, изъ чего она слагается, давнымъ-давно кажется мнѣ величайшимъ вздоромъ. Я не понимаю, какъ можно прилѣпляться душею къ этимъ мелочамъ, каковы наука, искусство, слава, почести и тому подобное. Духъ, который можетъ найти въ этомъ удовлетвореніе, есть духъ еще весьма неразвитый. Сознавъ разъ потребность чего-то высшаго, будешь презирать уже всѣмъ земнымъ. Земное будетъ имѣть только цѣну, какъ средина, черезъ которую надо перейти, чтобы достигнуть лучшаго. Конечно, по грязи, которою запачкана наша душа на землѣ, нельзя безъ того, чтобы не

ронять себя тамъ или тутъ, но упавши не находишь удовольствія лежать, а стремишься встать. О человѣчествѣ и отношеніи къ нему отдѣльнаго человѣка можно бы поговорить поболѣе, да лѣнь: къ чему?" [351]).

КОНЕЦЪ КНИГИ СЕДЬМОЙ.

20 Октября 1892 года.

Село Гіёвка

Харьковской губерніи и уѣзда.

1) *Дневникъ* 1842, подъ 6 марта.

2) *Письма*, XII.

3) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 151—166.

4) *Письма*, XI.

5) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 166—167.

6) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 31—32.

7) *Письма*, XII.

8) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 167—173.

9) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 97.

10) *Корректура.*

11) *Письма*, XII.

12) Корректура; *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 96—99; *Біографич. Слов. Импер. М. Университета*, II, стр. 259.

13) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 32.

14) *Письма*, XII—XIII.

15) *Историко-политическія письма и записки.* М. 1874, стр. 46—69.

16) *Москвитянинъ* 1842, № 12, стр. 142; 1843, № 1, стр. II—III; № 9, *Прил.*, стр. I.

17) *Письма*, XIII.

18) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, стр. 395.

19) *Отечеств. Записки* 1843, XXVI. Критика, стр. 21; XXXI. Смѣсь, стр. 58—60.

20) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1879, VII, стр. 309.

21) *Письма*, XIII.

22) *Бѣлинскій*, II, стр. 221.

23) *Москвитянинъ* 1843, № 9, стр. 108—125; *Отечеств. Записки* 1843, XXXI. Смѣсь, стр. 56—58; *Москвитянинъ* 1843, № 10, на послѣдней страницѣ.

24) *Письма*, XIII.

25) *Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ*, М. 1874. Изд. 2-е, стр. 21—22.

26) *Историческій Вѣстникъ* 1891, іюнь, стр. 561—565.

27) *Москвитянинъ* 1843, № 5, стр. 218—248; № 6, стр. 501—533.

28) *Отечественныя Записки* 1843, XXIX. Смѣсь, стр. 28—53; XXX. Смѣсь, стр. 32—70.

29) *Историческій Вѣстникъ* 1891. іюнь, стр. 565.

30) *Отечеств. Записки* 1843, XXIX. Смѣсь, стр. 98—104.

31) *Древняя и Новая Россія* 1878, № 4, стр. 333; № 5, стр. 34.

32) *Москвитянинъ* 1843, № 6, стр. 525—526.

33) *Отечественныя Записки* 1843, XXIX, стр. 103—104.

34) *Историческій Вѣстникъ* 1891, іюнь, стр. 565—566.

35) *Т. Н. Грановскій.* М. 1869, стр. 127—128.

36) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева, 1875. I, стр. 70, 94—95.

37) *Бѣлинскій*, II, стр. 193, 194.

38) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 114.

39) *Сочиненія Лермонтова.* С.-Пб. 1873, I, стр. 128.

40) *Бѣлинскій*, II, стр. 141, 167; *Москвитянинъ* 1844, № 3, стр. 171—186.
41) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 114—115.
42) *Бѣлинскій*, II, 191, 194.
43) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 115.
44) *Бѣлинскій*, II, стр. 194; *Историч. Вѣстникъ* 1892, январь, стр. 136.
45) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 152, 140, 146.
46) *Бѣлинскій*, II, стр. 160—161.
47) *Біографич. Словарь М. Университета*, I, стр. 382.
48) *Отечеств. Записки* 1843, XXVI. Иностр. Литература, стр. 1—15.
49) *Бѣлинскій*, II, стр. 105, 151—152, 153, 162.
50) *Русская Мысль* 1890, январь, стр. 3.
51) *Біограф. Словарь М. Университета*, I, стр. 382.
52) *Русскій Архивъ* 1888, № 8, стр. 480.
53) *Письма*, XIII.
54) *Стихотворенія Н. М. Языкова*. С.-Пб. 1858, I, стр. IX.
55) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 34.
56) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857, VI, стр. 20—21, 24—25.
57) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V, стр. LXVI—LXVII, LV—LVI, LXVII—LXXIII.
58) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 314—315; 1879, III, стр. 305—307.
59) *Стихотворенія А. С. Хомякова*, М. 1868, стр. 96.
60) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 319—320.
61) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V, стр. LXXII.
62) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 322—324.
63) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
64) *Русская Мысль* 1890, апрѣль, стр. 3.
65) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
66) *Сочиненія А. И. Герцена*, стр. 72—74.
67) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857, VI, стр. 21.
68) *Сочиненія А. И. Герцена*, стр. 91, 140—142, 146—147, 102, 113—115.
69) *Бѣлинскій*, II, стр. 177—180, 189.
70) *Дневникъ* 1843, подъ 4 ноября.
71) *И. С. Аксаковъ въ его письмахъ*. М. 1888, I, стр. 40.
72) *Дневникъ* 1843, подъ 20, 4 ноября.
73) *Т. Н. Грановскій*, стр. 131—132.
74) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 149—151, 154—155; *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*; *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*. М. 1861, I, стр. 190.
75) *Русскій Архивъ*, 1880, II, стр. 322—324.
76) *Московскія Вѣдомости* 1843, № 142.
77) *Письма*, XII; *Дневникъ* 1843, подъ 17 декабря.
78) *Т. Н. Грановскій*, стр. 138; *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 521—530.
79) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 153.
80) *Москвитянинъ* 1844, № 7.
81) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
82) *Письма*, XIII.
83) *Библіотека для чтенія* 1842, LII; Литер. Лѣтоп., стр. 33.
84) *Письма*, XII, XIII.
85) *Москвитянинъ* 1843, № 8, стр. 501—504; № 7, стр. 126—133.
86) *Письма*, XIII.
87) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892, V, стр. 225.
88) *Письма*, XIII.
89) *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 347—366.
90) *Письма*, XIII.

91) *Русская Старина* 1890, мартъ, стр. 855; февраль, стр. 411—416; *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ,* стр. 116—131.

92) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, VI, стр. 98; *Сѣверная Пчела* 1844, № 120.

93) *Русская Старина* 1889, январь, стр. 155.

94) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, VI, стр. 119—120.

95) *Письма,* XIII.

96) *Біограф. Словарь М. Университета,* I, стр. 135.

97) *Письма,* XIII.

98) *Дневникъ* 1843, подъ 26 декабря.

99) *Письма,* XIII.

100) *Граматика языка Словенскаго.* Перевелъ съ Латинскаго М. Погодинъ. С.-Пб. 1833, I, стр. LXIX.

101) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 403—410.

102) *Письма,* XIII; *Москвитянинъ* 1843, № 6, стр. 405—434, 550.

103) *Рѣчь,* читанная въ С.-Пб. Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 23 октября 1875, стр. 8.

104) *Письма,* XIII.

105) *Москвитянинъ* 1843, № 6, стр. 550—552; № 7, стр. 229—230; *Письма,* XIV.

106) Макарій. *Исторія Русской Церкви.* С.-Пб. 1868, II, стр. 279, 380—383.

107) *Дневникъ* 1843, подъ 11 мая.

108) *Прибавленія къ твореніямъ Свв. Отцовъ.* Москва. 1843, ч. I, стр. 92—95. Юрій Толстой. *Списки Архіереевъ.* С.-Пб. 1872, стр. 39.

109) *Письма,* XII, XI, XIII.

110) *Прибавленія къ твореніямъ Свв. Отцовъ.* Ч. I, стр. 92—111, 193—205.

111) *Письма,* XIII; *Русскіе Палеологи,* стр. 25.

112) *Письма М. П. Погодина къ О. М. Бодянскому,* стр. 4.

113) *Москвитянинъ* 1843, № 10.

114) *Письма,* XIII; *Москвитянинъ* 1843, № 10.

115) *Русскіе Палеологи.* С.-Пб. 1880, стр. 38—39.

116) *Дневникъ* 1843, подъ 14 ноября.

117) *Переписка А. Х. Востокова,* стр. 356.

118) *Письма,* XIII.

119) *Москвитянинъ* 1843, № 4, стр. 500—516; № 5, стр. 195—217; № 11, стр. 161.

120) *Переписка А. Х. Востокова,* стр. 369.

121) *Остромирово Евангеліе.* С.-Пб. 1843, стр. 1—11.

122) *Москвитянинъ* 1844, № 1, Критика, стр. 276—277.

123) *Письма,* XIII.

124) *Дневникъ* 1843, подъ 14 декабря.

125) *Письма,* XIII.

126) *Русскій Архивъ* 1888, № 8, стр. 482.

127) *Письма,* XIII.

128) *Москвитянинъ* 1843, № 10.

129) *Письма,* XIII.

130) *Москвитянинъ* 1844, № 1.

131) *Письма,* XIII.

132) *Москвитянинъ* 1843, № 1, стр. 233, 237.

133) *Письма,* XIII.

134) *Именитые люди Строгановы.* С.-Пб. 1842, Предисловіе.

135) *Москвитянинъ* 1843, № 8, стр. 383—412.

136) *Письма,* XIV.

137) *Москвитянинъ* 1844, № 5, стр. 80—82.

138) *Письма,* XIII.

139) *Москвитянинъ* 1844, № 1, стр. 246—249; № 2, стр. 609—611.

140) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 1101—1102.

141) *Письма,* XIV.

142) *Москвитянинъ* 1844, № 11, стр. 196—213.

143) *Письма,* XIV.

144) *Москвитянинъ* 1844, № 3, стр. 140—170.

145) *Отечеств. Записки* 1844, XXXIII. Библіогр. Хрон., стр. 11.

146) Смирновъ. *Исторія Москов-*

ской Духовной Академіи. М. 1879, стр. 489—490; *Письма,* XIII, XIV, XV.

147) *Москвитянинъ* 1844, № 1.

148) *Письма,* XIII.

149) *Русскіе Палеологи.* С.-Пб. 1880, стр. 36.

150) *Письма,* XIII.

151) *Отечеств. Записки* 1843, XXIX. Библ. Хрон., стр. 54; *Москвитянинъ* 1844, № 1.

152) *Автобіографія* (Древлехранилище), л. 2 об.—3.

153) *Письма,* XIII.

154) *Дневникъ* 1853, подъ 12 декабря.

155) *Письма,* XIII.

156) *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 412—413; *Письма,* XIII.

157) *Письма,* XIII.

158) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 434.

159) *Русскіе Палеологи,* стр. 37—38.

160) *Москвитянинъ* 1843, № 6, стр. 549—552; № 7, стр. 224—226, 230—231.

161) *Письма,* XIII.

162) *Біограф. Словарь Моск. Университета,* I, стр. 289.

163) *Письма,* XIII.

164) *Москвитянинъ* 1843, № 3, стр. 299—300.

165) *Письма,* XIII.

166) *Дневникъ* 1843, подъ 19—16 декабря.

167) *Письма,* XIII, XIV; *Русскіе Палеологи,* стр. 71; *Дневникъ* 1843, подъ 2 ноября, 9, 13 декабря.

168) *На память о Бодянскомъ, Григоровичъ и Прейсъ.* С.-Пб. 1878, стр. 17.

169) *Москвитянинъ* 1843, № 2, стр. 630.

170) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева 1875, I, стр. 74.

171) *На память о Бодянскомъ, Григоровичъ и Прейсъ,* стр. 18.

172) *Письма,* XIII.

173) *Біограф. Слов. Моск. Универс.* I, стр. 272.

174) *Письма,* XIII.

175) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* С.-Пб. 1885, III, 213—216.

176) *Письма,* XIII.

177) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева,* стр. 216.

178) *Письма,* XIII.

179) *Сочиненія Филарета м. Московскаго.* М. 1882, IV, стр. 270, 269.

180) *Письма,* XIII.

181) *Московскія Вѣдомости,* 1843, № 116.

182) *Москвитянинъ* 1843, № 10, стр. 496—497; № 7, стр. 211—222.

183) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

184) *Москвитянинъ* 1843, № 6, стр. 591—592.

185) *Семейный Архивъ М. А. Веневетинова.*

186) *Дневникъ* 1843, подъ 13 и 16 мая.

187) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 9.

188) *Москвитянинъ* 1843, № 5, стр. 322—326.

189) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1883, VIII, стр. 378—386.

190) *Дневникъ* 1843, подъ 25 октября.

191) *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 538—543.

192) *Дневникъ* 1843, подъ 28 октября.

193) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго,* VIII, стр. 383.

194) *Письма,* XIII.

195) Баронъ Гакстгаузенъ. *Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи.* М. 1870, I, стр. XIV—XV.

196) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 1994—1995.

197) *Русская Старина* 1886, іюль стр. 21—22.

198) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, I, 242—244.

199) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 1995.

200) *Дневникъ* 1843, подъ 28 мая, 4, 30, 13 ноября, 20 декабря.

201) *Письма*, XIII.

202) *Автобіограф. Записки* (гр. Строгановъ) л. 9.

203) *Біограф. Словарь Моск. Университета*, II, стр. 249.

204) *Автобіограф. Записки* (гр. Строгановъ), л. 9 об.

205) *Дневникъ* 1844, 30 января—27 февраля.

206) *Дѣло 1844 Сов. Моск. Унив.*, № 36.

207) *Письма*, XIV.

208) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 36.

209) *Письма*, XIV.

210) *Автобіогр. Записки* (гр. Строгановъ), л. 9 об.

211) *Чтенія*, 1846, протоколы. *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 411, 413, 369—370; *Русскіе Палеологи*, стр. 36—37, 36; *Дневникъ* 1845, подъ 30 сентября; *Москвитянинъ* 1844; № 5, стр. 169—176; № 2, стр. 651; *Автобіогр. Зап.* (Древлехранилище); *Письма*, XIII, XIV.

212) *Письма*, XIV.

213) *В. В. Григорьевъ*, стр. 89.

214) *Письма*, XV.

215) *В. В. Григорьевъ*, стр. 89.

216) *Письма*, XV.

217) *В. В. Григорьевъ*, стр. 91.

218) *Письма*, XV; *В. В. Григорьевъ*, стр. 92.

219) *Письма*, XV, *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 474, 370—371.

220) *Письма*, XIV.

221) *Архивъ А. Ө. Бычкова*.

222) *Письма*, XIV.

223) Бантышъ-Каменскій. *Словарь Достопамятныхъ Людей*, VI, стр. 91; Терещенко. *Опытъ Обозрѣнія жизни Сановниковъ*. С.-Пб. 1837, II, стр. 160, 162; *Москвитянинъ* 1844, № 11, стр. 257.

224) Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ Вс. С. Соловьевымъ. *Сочиненіе Всев. Серг. Соловьева*. С.-Пб. 1887, V, Старыя были, стр. 7—8.

225) *Біограф. Слов. Моск. Унив.*, II, стр. 433—434.

226) *Письма*, XIII.

227) *Москвитянинъ* 1843, № 8, стр. 474—494.

228) *Письма*, XIV.

229) *Біограф. Слов. Моск. Унив.* II, стр. 434.

230) *В. В. Григорьевъ*, стр. 89.

231) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 1447—1448.

232) *Автобіограф. Записки* (гр. Строгановъ), л. 10 об.

233) *Московскія Вѣдомости* 1844, № 47.

234) *Письма*, XIV.

235) *Письма м. Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію*. М. 1878, II, 129.

236) *Москвитянинъ*, 1844 № 5, стр. 158—165.

237) *Сочиненія Е. А. Баратынскаго*. М. 1869, стр. 458; *Москвитянинъ* 1845, № 1. Библіогр., стр. 2—3.

238) *Письма*, XV.

239) *Москвитянинъ* 1845, № 1. Библіографія, стр. 3—4.

240) *Русскій Архивъ* 1885, № 6, стр. 310.

241) *Москвитянинъ* 1845, № 1. Смѣсь, стр. 16—20.

242) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1849. LXIV. Отд. V, стр. 8—78; 1844, XLIII. Отд. VI, стр. 43—69. *Письма*, XIV, *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 486.

243) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 325.

244) *Москвитянинъ* 1844, № 3, стр. 229—235.

245) *Письма*, XIV.

246) *Автобіограф. Записки* (гр. Строгановъ), л. 10 об.—11.

247) *Русская Старина* 1889, августъ, стр. 381—384.

248) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 104.

249) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. С.-Пб. 1882, стр. 36.

250) *Письма*, XIV.

251 *Автобіограф. Записки* (гр. Строгановъ), л. 11.

252) *Письма*, XIV.

253) *Русская Жизнь* 1892, № 64.

254) *Русская Старина* 1889, августъ, стр. 381—384.

255) *Письма*, XIII; *Историческій Вѣстникъ* 1892, февраль, стр. 398; *Письма*, XIV; *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857, VI, стр. 159.

256) *Письма*, XIV; *Москвитянинъ* 1844, № 2, стр. 608—609.

257) *Письма*, XIV.

258) *Сочиненія А. И. Герцена*, VII, стр. 307—309.

259) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

260) *Письма*, XIV.

261) *В. В. Григорьевъ*, стр. 89.

262) *Письма*, *XIV*; *Полное Собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго*. М. 1861. I, стр. 92—95.

263) *Русскій Архивъ* 1879, III, стр. 311—312.

264) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

265) *Сочиненія А. И. Герцена*, стр. VIII, стр. 315; I, стр. 198—199, 244—245.

266) *Дневникъ* 1844, подъ 18 декабря.

267) *Сочиненія и Письма Н. В, Гоголя*, VI, стр. 152, 159, 125.

268) *Письма*, XIV.

269) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 163.

270) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*. М. 1880 V, стр. LXXIII—LXXXI.

271) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 327, 331.

272) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V, стр. LXXXI—LXXXIII.

273) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 202.

274) *Москвитянинъ* 1844, № 6, стр. 394—396.

275) *Письма*, XIV.

276) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 314, 328.

277) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V, стр. LXXXIII.

278) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 328.

279) *Письма*, XIV.

280) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, V, стр. LXXXIV—XC.

281) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 248.

282) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 325; III, стр. 312.

283) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

284) *Русскій Архивъ* 1879, III, стр. 312.

285) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 139—141.

286) *Письма*, XIV.

287) *Біографія Д. А. Валуева*. М. 1846, стр. 1—6.

288) *Письма*, XIV.

289) *Біографія Д. А. Валуева*, стр. 11—14.

290) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

291) *Князь В. А. Черкасскій*. М. 1879, стр. VII—X.

292) *Письма*, XIV.

293) *Русскій Архивъ* 1878, № 1, стр. 129—131.

294) *Императорскій С-Петербургскій Университетъ*. С.-Пб. 1870, стр. 177—178.

295) *Русскій Архивъ* 1878, I, стр. 132.

296) *Записки о жизни Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1856, I, стр. 326.

297) *Русскій Архивъ* 1878, I, стр. 131.

298) *Москвитянинъ* 1844, № 2, стр. 625—628; № 11, стр. 248—250.

299) *Письма*, XIV.

300) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 159—160.

301) *Т. Н. Грановскій*, М. 1869, стр. 142.

302) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 165, 194—196. VII, стр. 310—311.

303) *Литературныя Воспоминанія*. С.-Пб. 1876, стр. 271.

304) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 199—200, 224.

305) *Т. Н. Грановскій*, стр. 142—143.

306) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 105.

307) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 165—166, 246, 256, 224.

308) *Письма*, XIV.

309) *Москвитянинъ* 1844, № 10, стр. 324—361.

310) *Письма*, XIV.

311) *Русская Старина* 1890, январь, стр. 42.

312) *Бѣлинскій*, II, стр. 242—243.

313) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 268, 248—249, 271—272; VII, стр. 267.

314) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. С.-Пб. 1869, стр. 26.

315) *Письма*, XIV.

316) *Стихотворенія Н. М. Языкова*. С.-Пб. 1858. II, стр. 282—283.

317) *Русскій Архивъ* 1879, III, стр. 314—315.

318) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

319) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VII, стр. 184.

320) Савва. *Письма Филарета м. Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ*. Тверь. 1886. I, стр. 145—146.

321) *Сочиненія А. И. Герцена*, VII, стр. 312—313.

322) *Русская Старина* 1871, нояб., стр. 530.

323) *Дневникъ* 1844, подъ 11—30 декабря.

324) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 270.

325) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 117—118, 158.

326) *Стихотворенія Н. М. Языкова* I, стр. Филаретъ. *Историческій обзоръ Пѣснопѣвцевъ Греческой церкви*. Черниговъ. 1864, стр. 187.

327) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 117.

328) *Стихотворенія Н. М. Языкова*. I, стр. I, LXXV.

329) *Вѣстникъ Европы* 1871, стр. 46—47.

330) *Дневникъ* 1844, подъ 27 и 10 декабря.

331) *Вѣстникъ Европы* 1871, стр. 43—45.

332) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, 166, стр. 178—179.

333) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 254—256, 263—264, 258; VII, стр. 311—312.

334) *Бѣлинскій*, II, стр. 237, 242.

335) *Сочиненіе А. И. Герцена*, VII, стр. 306—307.

336) *Вѣстникъ Европы* 1871, сент., стр. 50—51, ноябрь, стр. 342.

337) *Сочиненія Филарета м. Московскаго и Коломенскаго*, М. 1885. V, стр. 27.

338) *Дневникъ* 1844, ноябрь.

339) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, стр. 245.

340) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 37.

341) *Письма*, XIV.

342) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 1449—1450.

343) *Москвитянинъ* 1844, № 11, стр. I—IV.

344) *Письма*, XIV.

345) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 133—134, 136, 141.

346) *Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*, VII, стр. 126.

347) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 141.

348) *Русская Жизнь* 1892, № 64.

349) *Русская Старина* 1889, августъ, стр. 381.

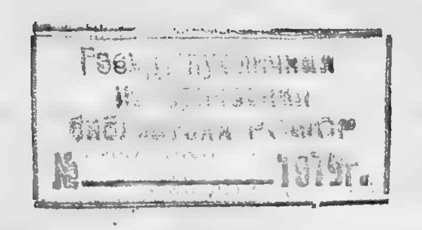
350) *Русская Жизнь* 1892, № 64.

351) *Письма*, XV.

Примѣчаніе къ стр. 230.

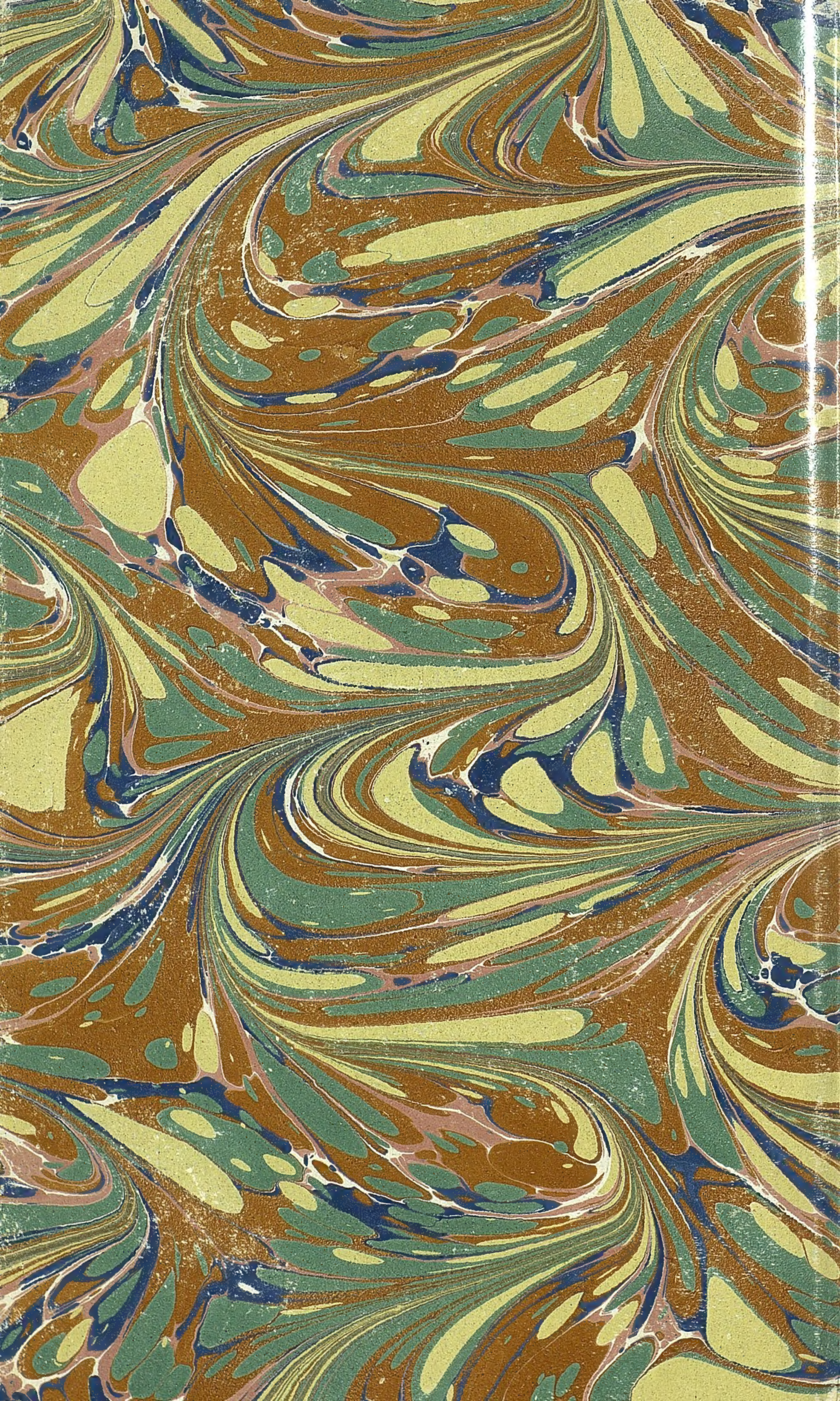
По отпечатаніи сей книги я получилъ отъ Павла Ивановича Савваитова свѣдѣніе, что для статьи своей *Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи,* напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1842, № 8, главнымъ образомъ онъ пользовался свѣдѣніями, заимствованными имъ изъ оффиціальныхъ документовъ, полученныхъ отъ Вологодскаго гражданскаго губернатора Степана Григорьевича Волоховскаго, которые и до сихъ поръ хранятся въ Архивѣ П. И. Савваитова.

Н. Б.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изд. въ книж. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О.5 лин.54.
СКЛАДЪ: ЛИТЕЙН.49.

